

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ТРУДЫ
ПО
РОССИЕВЕДЕНИЮ**

Выпуск 6

Москва 2015–2016

ББК 63.3 (2)

Т 86

Центр россиеведения

Редакционная коллегия:

И.И. Глебова – д-р полит. наук, главный редактор, *А. Берелович* – проф. (Франция), *В.П. Булдаков* – д-р ист. наук, проф., *В.Н. Листовская* – отв. секретарь, *Ю.С. Пивоваров* – акад. РАН, *И.Г. Шаблинский* – д-р юрид. наук, проф.

Ответственный за выпуск – *В.Н. Листовская*

Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН.
Т 86 Центр россиеведения; Гл. ред. Глебова И.И. – Вып. 6. – М., 2016. – 472 с.

ISBN 978-5-248-00835-3

Основное место в этом выпуске занимают вопросы социального развития России XX – начала XXI в. Особое внимание уделяется темам исторической памяти и национальной идентичности. Публикуются материалы, посвященные революциям 1905 и 1917 гг. Продолжается разработка теоретических аспектов россиеведения.

Для специалистов-обществоведов и гуманитариев, аспирантов и студентов.

ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-248-00835-3

© ИНИОН РАН, 2016

Содержание

«Труды...»-6: О текстах и контекстах. (От редактора)	5
Россия в зеркале русской поэзии	17

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

Ю.С. Пивоваров

Зарисовки из русского ада.....	31
--------------------------------	----

М.А. Краснов

Создание Конституции России как особый случай эффекта «path dependence»	85
---	----

В.Б. Пастухов

Вызовы и ответы российского конституционализма в XXI в.	129
--	-----

С.Ю. Барсукова

Новый российский капитализм: Институционализация коррупции	156
--	-----

И.Г. Шаблинский

Два застоя: Политико-правовые аспекты	174
---	-----

Е.А. Лукьянова

Об итогах парламентских выборов в России: Участь победителей	185
--	-----

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

И.Н. Данилевский

Русские земли в правовой системе улуса Джучи	201
--	-----

А.Б. Каменский

«Отторженная возвратих»: Разделы Польши и концепция собирания русских земель	220
--	-----

И.И. Глебова

Первая революция как локомотив русской истории. (Тезисы)	262
--	-----

В.П. Булдаков	
1917 год: Страсти революции	277
А.Г. Донгаров	
Пакт Молотова – Риббентропа: Запланированный экспромт	320
О.В. Большакова	
Концепт «Запад» и историографические образы России	353

РЕЦЕНЗИИ

В.П. Макаренко	
Во что верить: В мысль или в государство?	389
В.Л. Шейнис	
Россия: Исторические пути и перепутья в XX веке	406

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

В. Сорокин	
«Постсоветский человек разочаровал больше, чем советский»	429
Ю. Пивоваров	
Возможность явления Афанасьева: In memoriam	435
А. Ципко	
Голос из «пятой колонны»	439
А. Поликовский	
Сволочь позолоченная	446
М. Эпштейн	
Об исторических путях и беспутье	450
С. Смирнов	
Только спокойствие, или Почему власти не стоит волноваться	458
Б. Грозовский	
Неустойчивый договор	461
М. Красильникова	
Бедных у нас – две трети страны	466
Сведения об авторах	470

«ТРУДЫ...»-6: О ТЕКСТАХ И КОНТЕКСТАХ
(От редактора)

Это второй «объединенный» выпуск «Трудов по россиеведению» (2015–2016). В предыдущих «Трудах...» отмечалось: случайно соединив под одной обложкой 2013 и 2014 гг., мы, что называется, попали в историю (в том смысле, что для страны тогда началось новое время). Принимая решение повторить эту «форму», мы не могли предположить, что 2015–2016 гг. тоже станут рубежом – для малой, правда, части нашего общества: тех, кто работал и еще продолжает работать в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

Пожар в здании на Нахимовском проспекте 51/21 30 января 2015 г. изменил ИНИОН, поставил под вопрос само его существование. Те, кто прошел войну, вспоминают о ней как о том рубеже, что разделил надвое их жизни: до и после. Понимая недопустимость сравнений с той (всеобщей и беспрецедентной) бедой, тем не менее скажу: и мы пережили это состояние. Когда привычный мир («до») со всеми его правилами, проблемами и возможностями рушится в одно мгновение, и, чтобы выжить, нужно бороться. А ситуация такова, что борьба не может завершиться победой. И «новый мир» («после») – это только подсчет потерь, каждодневное ощущение поражения, медленное выползание из своей трагедии.

«Труды...»-6 – из новой, слепожарной жизни ИНИОН. В какой-то степени – ответ на нее.

О текстах

Основные тематические блоки «Трудов по россиеведению» определились, по существу, с первого выпуска: современность, история и историческая память. В структуре издания отражена его идея: оно нацелено на изучение России нынешней в постоянном сопоставлении с прошлым (поиске отличий и взаимозависимостей) и прогнозирование на этой основе перспектив. История является «площадкой» для «рассматривания» сегодняшнего дня, а современность позволяет по-новому взглянуть на про-

шное – не как на минувшее, но как на актуальный опыт. Возможно, в этом выпуске такой подход проявился наиболее отчетливо, даже прямолинейно.

Притом что «Груды...» представляют собой текстуальную целостность (каждый текст «работает» в контексте всего издания), собранные в нем материалы разнообразны – во временном, тематическом и «идейном» (имеются в виду предпочтения/мировоззренческие склонности авторов) отношениях. Разнятся они и по форме: от «классических» научных текстов до эссеистических, от публицистических до поэтических. Но есть в них объединяющие линии, интонации, созвучия.

Материалы раздела «История и историческая память» так или иначе касаются следующих вопросов: следствием какой истории является современная Россия; как происходит поиск/создание традиций, в какой системе образов/представлений о себе и других («паутине смыслов») мы существовали и существуем теперь. История предстает здесь не мертво-музефицированной, а актуальной субстанцией.

К примеру, частный сюжет, который анализирует И.Н. Данилевский, вплетен в одну из главных тем современного публичного дискурса: Россия и Орда (последняя понимается и как историческое явление, и одна из русских «сущностей»). Московское государство «выросло» из двух источников – из сопротивления Орде и как «следствие» Орды. О встроении русских в ордынский порядок и идет речь в статье. «Живость» и современность истории демонстрируют и другие тексты этого раздела. А.Б. Каменский показывает, как в государственной риторике и идеологии Московской Руси – имперской России появилась тема «собрания русских земель», как она использовалась в XVIII в., прежде всего в царствование Екатерины II (заметим: в историческом сознании нашего общества эта монархиня заняла то место, которое сама себе приписывала – равновеликое Петру I).

Статья И.И. Глебовой посвящена «забытой» революции 1905–1907 гг., предпринимается попытка определить ее характер и место в русской истории. В исследовании В.П. Булдакова Революция 1917 г. предстает отражением массовых убеждений, заблуждений и предубеждений, переломного времени сознания, взвинченного до крайности подсознательного. Иначе говоря, истоки того социального переворота автор ищет в культурно-ментальной сфере. А.Г. Донгаров прорабатывает сюжет, являющийся «пусковым крючком» для современных «войн памяти» – советско-германский договор о ненападении. В рассказанной им (ярко и пристрастно) истории пакта-1939 видно, как легко дипломатия, этот инструмент мира, превращается в орудие войны. Наконец, в статье О.В. Большаковой анализируется, как на протяжении столетий конструировался образ «Запада», чем он был для России и как она понималась Западом.

Во времена «воинствования» и нового противостояния эти исторические штудии должны бы служить предостережением – от взвинченности сознания, приступов изоляционизма, применения «стратегий войны». Все это не соответствует интересам человека, подавляет живые общественные силы.

Материалы раздела «Современная Россия» приобретают внутреннюю связность и логику, если взглянуть на них сквозь призму проблемы «посттоталитаризма». Речь идет о том, как общества и государства выходят из тоталитарного состояния, что препятствует такому выходу, каковы механизмы «возвращения»/«ретоталитаризации». Симптоматично, что в данном выпуске все авторы, по существу, рассматривают современную Россию как пример «ретоталитаризации». Еще несколько лет назад такие оценки не были столь единодушны; допускалась вероятность иного варианта развития.

В статьях Ю.С. Пивоварова, М.А. Краснова, С.Ю. Барсуковой, И.Г. Шаблинского, Е.А. Лукьяновой, в «блоке» рецензий, публицистической мозаике дан образ общества, поощряющего себя к разложению. «Эпоха перемен» прошла по нему так, что было «демонтировано» (выброшено на свалку истории) как раз то новое, что выросло в советской системе вследствие ее эволюции. В наибольшей степени пострадали те социальные слои, которые являлись «проводниками» в современность (демократическая интеллигенция со всеми сложными формами ее жизни – творческими союзами, клубами и т.д.; рабочий класс, связанный с «новым производством», и проч.). «Старое» же советское содержание: коррупция, теневая экономика, произвол как способ властвовать, насилие как основной тип взаимодействия, тоталитарное мировоззрение – выжило, легализовалось, захватило общество. Результат – не только технологическое падение, сворачивание гуманистического начала в культуре, но и социальная деградация (как сказал автор одного из материалов «Трудов...», постсоветский человек разочаровал больше, чем советский).

То, от чего позднее (т.е. зрелое) советское общество избавлялось, что стремилось минимизировать, не выставлять напоказ, стало у нас нормой, образом жизни, «основами». При общей заикленности на личном благополучии и безопасности любым путем, все (от зарплат до предпочтений) крайне неустойчиво, зыбко, смутно. В 1990-е, которые едва ли не единодушно признаны теперь «темными» временами (нашим «новым Средневековьем»), было гораздо больше оптимизма, смелости, воздуха. Видимо, «ретоталитаризация», нейтрализуя потенциалы роста/новизны, подавляя формы современной жизни, способы современного самоопределения, ведет к быстрому социальному дряхлению.

Фиксируя это состояние, наши авторы ищут способы выхода из него – в культуре, политике, экономике. Не случайно значительное место и в

этих «Трудах...» отведено конституционно-правовой проблематике. Конституция и есть формула новой России, основа ее «посттоталитарной» идентичности. Обращение к ней, поиск там легитимности власти и общественного самоопределения способны оживить потенциалы развития. Но это пока не «по росту» стране. Симптоматичны совершенное невнимание подавляющей части народонаселения к теме права (и прав), восприятие Основного закона как чего-то формального, необязательного.

Таково же отношение к политике, всей публичной сфере. Там разочаривается свой «театр» (будучи публичным, он не для публики – для «своих»). Наш человек (доминирующие – «модальные» – социальные типы) – вне этой «игры». Он не отчужден, не лоялен, не впал в апатию и не «наблюдает». Он попросту «за пределами»: не хочет знать, что есть политика, права, Конституция и т.п., – занят только собой, замкнулся в своем «мирке». В современной России торжествуют «частности» и «вертикали». Они в принципе связаны («вертикали» хоть как-то организуют «частности»), но только потому, что временами не могут избежать взаимодействия.

О пожаре и его последствиях

Есть элементы социума, где общее неблагополучие проявляется особенно ярко. По своему опыту знаем: быстрее всего разлагают трагедии.

Наш пожар, работа по спасению того, что можно было спасти, и какое-никакое послепожарное обустройство – уже история. Эта трагическая и даже отчасти героическая эпопея завершилась в конце апреля 2015 г. Сейчас мы живем «в последствиях» случившегося. ИНИОН сегодня – послепожарный (во всех смыслах): живет как бы на пожарище.

В Институте не любят вспоминать пожар. Все помнят, конечно. Но не вспоминают. – Плохая примета: будущего не будет. Как будто договорились: ничего не было. Остались смутное ощущение (впечатление от) трагедии, горечь от нее – что-то вроде дыма и гари, если выразаться символически.

После того, что произошло с нами, я стала внимательнее к пожарам. И вот что заметила: в стране часто горит. В разных размерах – в том числе и в особо крупных (имеются в виду и «статус» объекта, и последствия происшествия). Одни пожары забываются быстро (в Новодевичьем монастыре в марте 2015 г. или в здании Министерства обороны весной 2016 г.), другие (как наш) держат, пока это нужно, в фокусе общественного внимания. Но и «публичные» пожары быстро развеиваются – не остается и следа (того самого дыма).

Наше общество малочувствительно к такого рода явлениям: не осуждает, не осмысливает, не извлекает уроков – изгоняет из сознания. Оно

не склонно тратиться на сочувствие к потерпевшим (не в материальном, а прежде всего в душевном отношении). Беда – удел пострадавших; остальным (даже близким – в нашем, к примеру, случае: РАН) она чужда, неинтересна. Зато общество весьма активно в осуждении: не предотвратили! – кто виноват! Кажется, что это и есть мера его гражданственности. Наше «гражданское общество» – по преимуществу карающее: оно судит и приговаривает. Его мнение – сродни российской карающей юстиции, почти не выносящей оправдательных приговоров.

В самые тяжелые времена ИНИОН почти не получал поддержки – ни государственной, ни общественной. Государство реагировало привычным (для всех со-граждан¹) образом: на «вас» денег нет; на проекты государственного значения (строительство на месте старого здания, центры восстановления книг и оцифровки библиотечных фондов) с 2016 г. – строка в бюджете. Из общества были слышны, конечно, человеческие голоса: раз уж так случилось, ничего не поделаешь; держитесь – выбирайтесь. Но и они почти всегда – без жалости (кстати, безжалостность – еще одна важная общественная черта) и под мысленный «аккомпанемент»: сами-сами-сами. Тем удивительнее и ценнее помощь небольших «отрядов» добровольцев.

Больше всего уязвляли и оскорбляли даже не общественные равнодушие и не-солидарность, а какое-то брезгливое избегание нас как пострадавших (и вообще: страданий, неудач, несчастья). Это важнейшие характеристики нашей социальности; у них есть «история». В традиционном обществе действовал механизм, получивший в русском языке наименование: «помочи». Но это – для «ближних»: соседей, «своих»/деревенских. Уже на другую деревню (как частный случай большого мира – «чужих») практика «товарищества по несчастью» не распространялась. В советском обществе даже в поздние, относительно гуманные времена действовало правило: спаси себя сам. Сейчас эту жизненную стратегию «поддерживает» другая, явившаяся едва ли не из языческо-магических времен: не касайся чужого несчастья – а то притянет, беги «потерпевшего» – иначе сам пострадаешь, удачу потеряешь. Это не реакция современного (солидаристского) общества. Видимо, в ответ на социальные кризисы и потрясения культура «сходит» слоями – обнажаются «основы»: примитивные, но эффективные для выживания.

Притом что мы упорно повторяли себе и окружающим: несмотря на случившееся, ИНИОН *есть* и *будет* (своего рода самозаговаривание – психотерапия), общество мгновенно и почти бессознательно пришло к другому выводу – ИНИОН *был*. Нас вычеркнули, списали (кстати, и «ми-

¹ Собственно, ожидание – в случае чего – именно такой реакции и делает нас согражданами: объединяет понимание отчужденности государства, живущего какой-то своей жизнью.

ровая общественность» быстро «забыла помнить»). Не оттого ли все послепожарное время мы слышим о себе или не очень хорошее, или совсем нехорошее. Здесь, кстати, показательно, как обошлись с ИНИОН СМИ: сначала – вой (погубили национальное достояние!), очернительные помои («вина» была персонифицирована; оказалось, даже у пожара есть фамилия, имя и отчество), потом чуть-чуть внимания – у них волонтеры, им меняют начальство (а оно у нас, как теперь почти везде, временное – «врио»; тип управления – из смутных, а не из стабильных времен), они еще чего-то хотят... Весь публичный контекст иниционовской истории – не восстановительный, а ликвидационный.

Что касается общественного отношения, то ИНИОН здесь, к сожалению, – не исключение. У нас каждый погибает в одиночку: журналисты, которых увольняют, учителя и врачи, которых сокращают, НКО, которых объявляют «иностранными агентами», РАН, которую «реформируют», и т.д. Мы – как целое: общество, нация – не замечаем ухода/маргинализации людей (даже целых социальных групп), институтов, традиций. Не ощущаем это как потерю, не проявляем солидарности. Кстати, ИНИОН (инионовцы) тоже не рвался никому на помощь, а потому не может иметь претензий. Но все это вместе – бесконечная цепь ликвидаций и самоликвидаций...

Не стал Институт исключением и в другом. Трагедия не явилась источником «стояния» – отстаивания себя, своих интересов. Сил хватило только на послепожарную «мобилизацию» – ликвидацию непосредственных («первых») последствий пожара: вывоз книг, налаживание работы в новых условиях. И хотя с этим ИНИОН справился, приходится констатировать: сначала мы ликвидировали последствия, потом последствия ликвидировали нас. Следствие трагедии – не восстановление, а какое-то всеобщее неблагополучие, раздражение, разочарование, замыкание в «своем» интересе. Одним словом, разложение.

Послепожарный ИНИОН – подтверждение того, что Россия – властеецентричный мир. В ходу покорное равнодушие, публичное единодушие, всеобщие игры по навязанным сверху правилам, тихое пошептывание «против». Власть меняется – неизменным остается ощущение: мы ей – подданные. Страну держит не вертикаль власти, но вертикаль подчинения. Власть ищут (прямо по Пушкину: «О, боже мой, кто будет нами править? / О, горе нам!») – «Давай поплачем! – Я силюсь, да не могу»), за нее держатся, ей служат. Шансов «попасть в авторитет» больше всего у такой власти, которая нацелена на подданничество, делает из нас подданных.

Чем выше спрос на подчинение, тем шире предложение. Иначе говоря, мы сами творим себе «хозяина» – потворствуем превращению власти в бесконтрольную и неограниченную, создаем условия для такого типа властвования. Сейчас социум (весь, сверху донизу) вновь созрел для под-

данничества и затребовал близкую (в этом смысле) власть. Архаичность и «непрактичность» (неэффективность) такой «скрепы» поражают, ее укорененность (вот она, наша пресловутая «колея») оскорбляет.

После пожара Институт был поставлен перед необходимостью доказывать свое право на существование (логика начальства, в общем, понятна: обратили на себя внимание таким образом – скажите: вы – кто? за-чем?). Его новое руководство сразу отсеклось от предпожарного ИНИОНа как от «плохого» прошлого и сделало ставку на «будущее». Главное послепожарное слово – модернизация. Поначалу, наблюдая брожение этой идеи (в том смысле, что она скорее «бродила» как «призрак», чем «триумфально» шествовала), я вспоминала фразу героя одного популярного фильма 90-х: «И как один умрем в борьбе за *это*...» – Что *это*? Скажет мне кто-нибудь, за что – за *это*?». Вскоре выяснилось: имеется в виду полная ликвидация. Это тоже объяснимо. В русской традиции утверждение (легитимация) новой власти происходит за счет радикального разрыва преемственности: все бывшее объявляется темным, позорным, вредным и «обнуляется».

Преобразовательная инициатива «сверху» нашла массовую поддержку: «новизна» перспективна; остаться «в бывших» – значит получить «поражение в правах»; а жить-то хочется. На первом этапе (конец апреля 2015 – начало мая 2016 г.) «модернизация» было словом-надеждой, своего рода символом веры: будет *это* – будет и ИНИОН. Институт остался без здания, сотрудники лишились всех технических средств, необходимых для работы, оказались отрезаны от доступа к информационной среде. Но главным словом-делом ИНИОН–2015 стала программа модернизации, содержание которой тогда восхищало (что напоминало реакцию какого-то киногероя на митинговое выступление: как говорит! говорит-то как!), а теперь никто не помнит. Модернизацией были заняты все – сверху донизу.

В течение года то в одном, то в другом помещении, где временно разместился Институт, собирались рабочие группы и обсуждали планы *этого*. Стулья, кстати, приносили с собой – их не хватало. Все живо, заинтересованно, с энтузиазмом – вот она, настоящая жизнь. За последние лет пятнадцать в ИНИОН никогда так много не говорили. Работала даже специально созданная Комиссия по модернизации: члены встречались, устраивали дебаты, наверное, отчитывались. Все это напоминает деятельность инициативной «хозчасти»: ничего нет (от канцелярских принадлежностей до мебели), но который уже месяц идет инвентаризация.

Пока сотрудники занимались выживанием и «митингом», Институт не стал заказчиком проекта здания, которое (как «город-сад») должно вырасти на месте прежнего, пострадавшего от пожара. А само здание в проекте стало напоминать бизнес-центр – очень современный, многофункциональный, с научной «составляющей». В общем, наш «особый»

постмодерн: ИНИОН, вроде, и есть – и его как бы и нет. Здание «в проекте» – это единственное реальное дело первой (митинговой) фазы нашей модернизации. Все остальное – пшик, улетучившиеся слова, дымовая завеса, махинация.

Теперь мы – во второй, решающей фазе (это как с советским социализмом: победив «в основном», он должен был, по замыслу вождей, закончиться окончательной победой). Модернизация «как слово» себя дискредитировала – даешь модернизацию «как дело» (для дела). Если раньше наш «старый мир» медленно разваливался сам, а те, кто его проклинал (все проблемы и беды – оттуда; все нынешние ошибки – следствие прежних; дело сегодня не делается потому, что вчера мы были *там*; все силы уходят на преодоление – «инерции», «родимых пятен» и т.п.), жили с наследства, то теперь наступило время решительности и беспощадности. ИНИОН сгорел – да здравствует!.. Но тут и всплывает этот проклятый вопросишко: да здравствует *что*?

Показательно: именно в «деловой» фазе модернизации явился самый неделовой модернизационный проект. Не проект даже, а научная утопия – ИНИОН в современной инфосфере (новая институция – в новом мире). Все красиво, по-настоящему научно – если бы не два «но». «Миражируем» (от слова «мираж») о новом мире, а стульев все не хватает (как и прочих мелочей, вроде принтеров, бумаги, картриджей и т.п.). Второе «но» – по-серьезнее.

Проект, претендующий на «последнее слово», вписывает Институт в «инфосферу» так, чтобы он действовал по простейшему (биологическому) принципу: стимул среды – реакция («услуга»). Речь идет об информационном институте-регистраторе, цель которого – учет и контроль научной информации социально-гуманитарного профиля. Но это – старье, прошлый век. ИНИОН и явился преодолением этого элементарного понимания информации и работы с ней, как выход на качественно новый уровень информационной деятельности, где все решается аналитикой и прогнозированием.

Современный информационный мир – это мир анализа и прогноза; там информация – элемент единой социокультурной среды. Заниматься ею – это культурный проект. ИНИОН был, конечно, и «накопителем» информации, но главное – элементом «наукоферы», общественной жизни. «Модернизировать» такую институцию в справочно-информационную службу означает аннигилировать яркую часть советского наследия (а оно сейчас, вроде бы, в особой чести) и приметное постсоветское явление.

В чем страшная сила социальной революции? Она действует по принципу «слово и дело» (в прямом смысле – смотри русскую практику XVIII в.), т.е. насильственно ликвидирует учреждения, традиции, людей; при этом рядится в модернизаторские тоги, украшается великой идеей.

Когда речь идет об обычной жизни, конкретных ситуациях, весь пафос уходит – остается голый факт. В нашем случае он таков: модернизация, – вроде бы, только слово, оно не всерьез (как говорил еще один киногерой, «это так – помойку разгрести»), и в то же время это форма и инструмент ликвидации. Того нового, что появилось в недрах «старого» (советского) порядка и не умерло, встроилось в порядок новый. ИНИОН-XXI интенсивно жил и был нацелен на развитие. Его «сбили влет».

«Жить стало лучше...»

Теперешнее состояние страны оценивается ею (публичными деятелями и простым обывателем) в основном «равновесно»: за пределами – большие успехи, внутри – «застой». Такая маркировка нынешней системы служит в основном успокоению: это уже было; мы справимся. Аналогия с советским застоём современной России подходит мало (кроме разлагавшегося «старого советского» в 1960–1970-е годы действовали потенциалы развития, придававшие системе динамику, сформировался субъект перемен, который и устроил перестройку; ничего этого сейчас нет). Нашей России вообще трудно найти «историю», притом что она, вроде бы, погружена в прошлое. Ее «традиционализм» проявляется сейчас только в одном. Страна столкнулась с угрозами столетней давности: «1914» и «1917» – внешней войны и гражданского противостояния.

Из нерешенных проблем 1990–2000-х в России выросла тема врага. «Болотная» насытила содержанием образ «внутреннего врага»; Крым «оформил», конкретизировал «врага внешнего». «Враги» – это способ не говорить о себе. Теперь они, а не власть и не народ отвечают за проблемы и неудачи российского «транзита». «Верхи» и «низы» нашего общества снова едины – сплочены одной опасностью. Единым фронтом – против «врагов»: внешнего мира (того, который задает параметры современности, формирует ее «повестку дня») и его «агентов» внутри страны – «пятой колонны».

В этом смысле не случайно возрождение в России рубежа 2000–2010-х годов темы «сталин», какая-то особая общественная взвинченность вокруг нее. Поначалу ползучая, поверхностная «сталинизация» была ответом на экономические проблемы, несправедливое, элементарную бедность. Из социальной неудовлетворенности рождаются только ненависть, психология погрома. Они и «канализировались» по этой линии. Теперь «сталин» – псевдоним того мировоззрения, которое центрируется на образе врага, полагает войну/уничтожение/насилие единственным способом решения всех проблем. Оно захватило «верхи» и «низы», став государственным и всеобщим. За этим – страх перед миром, смутное ощущение своей неполно-

ценности (неспособности в этом мире реализоваться), потребность в реванше. То, что, видимо, вело по жизни и самого И. Джугашвили.

Почувствовав, что не вписывается в цивилизованный мир (на правах одного из его лидеров), страна и выбрала «сталина» – изоляцию, «вертикаль», «царя всех трудящихся», «врагов», т.е. войну и гражданское противостояние. При Сталине внутреннюю и внешнюю агрессию маскировали идеей «великой стройки» («мы рождены, чтоб сказку сделать былью»; «я другой такой страны не знаю») и подвигом Победы в Отечественной войне. Сейчас вместо утопии нового мира используются «традиция», «наследие». Оптимизм и самоуверенность мы черпаем в прошлом – причем не в каком-то, а все больше и больше в сталинском.

Если с этой позиции посмотреть на происходящее, то у нас действительно все как надо. Страна – «осажденная крепость», борется с превосходящими вражескими силами в «новой Отечественной» (именно по этому сценарию разыгрываются для населения все телевойны последних лет). Не сдастся – будет стоять до последнего и победит (Отечественная же). И хотя эти образы «живут» на периферии обычной жизни, составляя ее контекст, о серьезности которого мало кто задумывается, они формируют новую реальность.

А в ней много чего не нужно – прежде всего всей интеллектуально-размыслительной части жизни в ее институциональном и антропологическом измерениях. Это «размягчает», мешает говорить на языке ненависти. Мысль/мнение действуют против главной общественной склонности России 2010-х. Потому что предполагают сомнения, вопросы, дискуссии, за которыми неизбежно последуют права, право, человек, общечеловеческие ценности. То есть новая оттепель, перестройка...

Новое время, новый век, а мы вертимся вокруг старых проблем, ходим не однажды хоженными путями. Попадаем туда, куда лучше бы не заходить. Но зачем тогда было XX столетие? Мы забыли, что страна уже отказалась от «сталина» как от социальной перспективы – едва не закончившись и все-таки победив в Отечественной войне, устроив «оттепель», вернув частность человеческой жизни в основания общества. Все было оплачено страшным опытом, огромными жертвами, большими трудами. Теперь мы отказываемся от этих достижений – причем как-то походя, не всерьез, не отдавая отчета.

Странный выбор сделала Россия в последние несколько лет. Он глуп и позорен: в нем нет ответственности – ни за прошлое, ни за будущее. Он не продиктован ни мыслью, ни чувством. Наконец, он не естествен; открытость, плюральность интересов, конкурентность (а наш выбор – против всего этого) необходимы для жизни человека и общества. В естественности – их сила, потому и неизбежны разного рода оттепели и

перестройки. Так вот, качество последнего по времени «выбора России» таково, что совершенно непонятно, как из него выбирать.

PS: О реализме

Этот текст, который предполагался как дежурный, проходной (обычное предисловие к очередным «Трудам...»), стал прощанием с ИНИОном. Конечно, люди умные, дальновидные, с опытом попрощались бы тогда, 30 января 2015 г. Сказали себе: наша песенка спета. Но я говорю сейчас: мой ИНИОН – сгорел. Теперь рассеивается дым – уходят люди, заканчивается то дело (не в нынешнем, деловом, смысле, а в исходном – рабочем: делать дело), что и было ИНИОном.

Это и прощание с одним из «малых» инионовских дел – трудами по россиеведению (пишу без кавычек, имея в виду и другие начинания нашего Центра). Поэтому хочу сказать о том, как мы мыслили свои «труды» – не о результате, а об идее.

Недавно умерший Борис Дубин, анализируя причины поражения в 1990–2000-е годы советской демократической интеллигенции, писал: «Ситуация эпохи гласности... вывела на поверхность готовые тексты. Готовые смыслы 1920–1930-х годов. В лучшем случае – 1960-х... Но ведь не было новых точек зрения на интеллигенцию, на народ, на прошлое, на будущее, на Восток, на Запад. Все эти понятия радикально изменили свое содержание с 1920-х годов... XX век завершился... Для русской культуры и русского сознания он, конечно, не освоен. Не освоена Вторая мировая война... Память по-прежнему – монументально-героическая. И то же самое с лагерями. И то же с национальной политикой. И то же – с национальным характером. И так далее. Тут работы – на много-много поколений вперед. Я думаю, что она только начинается. Выйдет из этого что-нибудь или нет – не знаю...»¹

Частью этой работы: фиксировать новый опыт, осмыслять его, дать образ новой реальности (состояние страны, ее место в мире, потенциалы и проблемы, доминирующие человеческие типы и проч.) – пытался стать наш Центр. Мы хотели, чтобы россиеведение было срезом не только интеллектуальной, но и общественной жизни. Речь – не о политической актуальности текстов, а о чуткости к общественным проблемам, отклике на них (в доступных научным работникам формах). Думаю, отчасти это удалось. Потому что наши авторы, о чем бы они ни писали и ни говорили, вовлечены в сегодняшний день, остро реагируют на происходящее в стране и мире.

¹ Потеря невосполнима: Памяти Б.В. Дубина // Новая газета. – М., 2014. – 22 авг. – С. 19.

Вообще-то, памятуя о том, что любую общественную дисциплину легко объявить «служанкой политики», да и поставить на «обслуживание», обществоведы (по-разному, но упорно) стараются дистанцироваться от социальной жизни. Историки подчеркивают, что их дело – факты: они говорят с обществом на этом – сухом и точном – языке, а оно вольно слушать и выбирать – версии, позиции и т.п. Политологи повторяют, что занимаются чистой наукой, а не политикой. Философы заявляют, что член «цеха», который начинает высказываться публично, пытается «влиять на умы», перестает быть философом. И т.д.

Это, однако, не спасает от действительности; она все равно догонит и предъявит счета. Историку – за историю, в которой он не помог обществу разобраться, экономисту – за экономику, работающую против человека, и проч. Потому что *это* – их предмет. И ответственность за его состояние, хотя бы они того или нет, лежит на них. А ее мера столь же высока, сколь у физиков, химиков, биологов и др., в руках которых теперь – жизнь и смерть человека и человечества. «Лирики» играют в те же игры: в конечном счете либо удерживают человека от того, чтобы впасть во зло, либо провоцируют его на это.

В своих «трудах» мы были откровенно пристрастны («партийны»). В том смысле, что, собирая новые идеи, мнения, знания, имели в виду определенный образ России: демократической, либеральной, правовой, плюральной, социальной и т.п. Потому что эта ориентация – единственно возможный двигатель развития страны, а значит, и единственно приемлемый контекст для исследований.

Сейчас *это* кажется не перспективой, а образом неосуществленного прошлого. Но памятуя об опыте, который считаем и своим («революционной» Франции 1968 г.), мы скажем на прощание: «Будьте реалистами – требуйте невозможного!»

И.И. Глебова

РОССИЯ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ¹

Как всегда, мы начинаем очередной выпуск «Трудов по руссиеведению» с русской поэзии. Почему? – Она является чем-то сравнимым с иконописью первых веков русской истории. Тогда икона была *всем* для наших предков. Верой, надеждой, любознанием, «умозрением в красках» (как сказал князь Е.Н. Трубецкой), разговором с самим собой и т.п.

И в каждый выпуск мы подбираем стихотворения, которые, по нашему мнению, в наибольшей степени выражают дух времени. На этот раз, – по слову французских экзистенциалистов, пограничная ситуация. Гибельная ситуация, причем до полной гибели... Это последнее слово, другого не будет, не дадут. Поэтому – «на разрыв аорты».

Если бы русское общество хоть отчасти соответствовало русской поэзии, наша жизнь изменилась бы.

¹ Печатается по изд.: Бродский И. Стихотворения и поэмы. – СПб.: Пушкинский Дом, 2011; Иванов Г. Стихотворения. – М.: ДНК: Прогресс-Плеяда, 2010; Коржавин Н. На скосе века. – М.: Время, 2008; Набоков В. Стихотворения и поэмы. – М.: Современник, 1991; Мандельштам О. Сочинения: В 2-х т. – М.: Художественная литература, 1990. – Т. 1: Стихотворения, переводы / Сост. С. Аверинцев и П. Нерлер. – М.: Художественная литература, 1990; Слуцкий Б. «Я историю излагаю...»: Книга стихотворений. – М.: Правда, 1990.

Хорошо, что нет Царя.
Хорошо, что нет России.
Хорошо, что Бога нет.

Только желтая заря,
Только звезды ледяные,
Только миллионы лет.

Хорошо – что никого,
Хорошо – что ничего,
Так черно и так мертво,
Что мертвее быть не может
И чернее не бывать,

Что никто нам не поможет
И не надо помогать.

Г. Иванов

Расстрел

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать,
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.

Проснусь, и в темноте, со стула,
где спички и часы лежат,
в глаза, как пристальное дуло,
глядит горящий циферблат.

Закрыв руками грудь и шею, –
вот-вот сейчас пальнет в меня –
я взгляда отвести не смею
от круга тусклого огня.

Оцепенелого сознания
коснется тиканье часов,
благополучного изгнания
я снова чувствую покров.

Но сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела
и весь в черемухе овраг.

В. Набоков

Если бы жить... Только бы жить...
Хоть на литейном заводе служить.

Хоть углекопом с тяжелой киркой,
Хоть бурлаком над Великой рекой.

«Ухнем, дубинушка...»

Все это сны.

Руки твои ни на что не нужны.

Этим плечам ничего не поднять.
Нечего, значит, на Бога пенять.
Трубочка есть. Водочка есть,
Всем в кабаке одинакова честь!

Г. Иванов

От сырой простыни говорящая –
Знать, нашелся на рыб звукопас –
Надвигалась картина звучащая
На меня, и на всех, и на вас.

Начихав на кривые убыточки,
С папироской смертельной в зубах,
Офицеры последней выточки
На равнины зияющий пах.

Было слышно жужжание низкое
Самолетов, сгоревших дотла,

Лошадиная бритва английская
Адмиральские щеки скребла.

Измеряй меня, край, перекрайвай –
Чуден жар прикрепленной земли! –
Захлебнулась винтовка Чапаева –
Помоги, развяжи, раздели!

О. Мандельштам

Квартира тиха, как бумага –
Пустая, без всяких затей –
И слышно, как булькает влага
По трубам внутри батарей.

Имущество в полном порядке,
Лягушкой застыл телефон,
Видавшие виды манатки
На улицу просятся вон.

А стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать –
И я как дурак на гребенке
Обязан кому-то играть...

Наглей комсомольской ячейки
И вузовской песни наглей,
Присевших на школьной скамейке
Учить щебетать палачей.

Пайковые книги читаю,
Пеньковые речи ловлю,
И грозные баюшки-баю
Колхозному баю пою.

Какой-нибудь изобразитель,
Чесатель колхозного льна,
Чернила и крови смеситель,
Достоин такого рожна.

Какой-нибудь честный предатель,
Проваренный в чистках, как соль,
Жены и детей содержатель –
Такую ухлопает моль...

И столько мучительной злости
Таит в себе каждый намек,
Как будто вколачивал гвозди
Некрасова здесь молоток.

Давай же с тобой, как на плахе,
За семьдесят лет начинать –
Тебе, старику и неряхе,
Пора сапогами стучать.

И вместо ключа Ипокрены
Давнишнего страха струя
Ворвётся в халтурные стены
Московского злого жилия.

О. Мандельштам

На смерть Жукова

Вижу колонны замерших внуков,
гроб на лафете, лошади круп.
Ветер сюда не доносит мне звуков
русских военных плачущих труб.
Вижу в регалии убранный труп:
в смерть уезжает пламенный Жуков.

Воин, пред коим многие пали
стены, хоть меч был вражьих тупей,
блеском маневра о Ганнибале
напоминавший среди волжских степей.
Кончивший дни свои глухо, в опале,
как Велизарий или Помпей.

Сколько он пролил крови солдатской
в землю чужую! Что ж, горевал?
Вспомнил ли их, умирающий в штатской
белой кровати? Полный провал.
Что он ответит, встретившись в адской
области с ними? «Я воевал».

К правому делу Жуков десницы
больше уже не приложит в бою.
Спи! У истории русской страницы
хватит для тех, кто в пехотном строю
смело входили в чужие столицы,
но возвращались в страхе в свою.

Маршал! поглотит алчная Лета
эти слова и твои прахоря.
Все же прими их – жалкая лепта
родину спасшему, вслух говоря.
Бей, барабан, и военная флейта
громко свисти на манер снегиря.

И. Бродский

Представление

Михаилу Николаеву

Председатель Совнаркома, Наркомпроса, Мининдела!
Эта местность мне знакома, как окраина Китая!
Эта личность мне знакома! Знак допроса вместо
тела.
Многогочие шинели. Вместо мозга – запятая.
Вместо горла – темный вечер. Вместо буркал – знак деленья.
Вот и вышел человек, представитель населенья.
Вот и вышел гражданин,
достающий из штанин.

«А почем та радиола?»
«Кто такой Савонарола?»
«Вероятно, сокращенье».
«Где сортир, прошу прощенья?»

Входит Пушкин в летном шлеме, в тонких
пальцах – папироса.
В чистом поле мчится скорый с одиноким пассажиром.
И нарезанные косо, как полтавская, колеса
с выковыренным под Гдовом пальцем стрелочника
жиром
оживляют скатерть снега, полустанки и развилки
обдавая содержимым опрокинутой бутылки.
Прячась в логово свое
волки воют «Е-мое».

Размышляя о причале, по волнам плывет «Аврора»,
чтобы выпалить в начале непрерывного террора.
Ой ты, участь корабля:
скажешь «пли!» – ответят «бля!»

«Сочетался с нею браком».
«Все равно поставлю раком».
«Эх, Цусима-Хиросима!
Жить совсем невыносимо».

Входят Герцен с Огаревым, воробьи щебечут в рощах.
Что звучит в момент обхвата как наречие чужбины.
Лучший вид на этот город – если сесть
в бомбардировщик.
Глянь – набрякшие, как вата из нескромных
ложбины,
размножаясь без резона, тучи льнут к архитектуре.
Кремль маячит, точно зона; говорят, в миниатюре.

Ветер свищет. Выпь кричит.
Дятел ворону стучит.

«Говорят, открылся Пленум».
«Врезал ей меж глаз пленом».
«Над арабской мирной хатой
гордо реет жид пархатый».

Входит Сталин с Джугашвили, между ними вышла ссора.
Быстро целятся друг в друга, нажимают на собачку,
и дымящаяся трубка... Так, по мысли режиссера,
и погиб Отец Народов, в день выкуривавший пачку.
И стоят хребты Кавказа как в почетном карауле.
Из коричневого глаза бьет ключом Напареули.

Друг-кунак вонзает клык
в недоеденный шашлык.

«Ты смотрел Дерсу Узала?»
«Я тебе не все сказала».
«Раз чучмек, то верит в Будду».
«Сукой будешь?» «Сукой буду».

«Мне – бифштекс по-режиссерски».
«Бурлаки в Североморске
тянут крейсер бечевой,
исхудав от лучевой».

Входят Мысли о Минувшем, все одеты как попало,
с предпочтением к чернобурым. На классической латыни
и вполголоса по-русски произносят: «Все пропало,
а) фокстрот под абажуром, черно-белые святыни;
б) икра, севрюга, жито; в) красавицыны бели.
Но – не хватит алфавита. И младенец в колыбели,

слыша “баюшки-баю”,
отвечает: “мать твою!”».

«Влез рукой в шахну, знакомься».
«Подмахну – и сразу в Сочи». «Помесь
лейкоцита с антрацитом
называется Коцитом».

Входят строем пионеры, кто – с моделью из фанеры,
кто – с написанным вручную содержательным доносом.
С того света, как химеры, палачи-пенсионеры
одобрительно кивают им, задорным и курносым,
что врубают «Русский бальный» и вбегают в избу к тятю
выгнать тятю из двуспальной, где их сделали, кровати.

Что попишешь? Молодежь.
Не задушишь, не убьешь.

«Харкнул в суп, чтоб скрыть досаду».
«Я с ним рядом срать не сяду».
«А моя, как та мадонна,
не желает без гондона».

Входит Лебедь с Отраженьем в круглом зеркале, в котором
взвод берез идет вприсядку, первой скрипке корча рожи.
Пылкий мэтр с воображеньем, распаленным гренадером,
только робкого десятку, рвет когтями бархат ложи.
Дождь идет. Собака лает. Свесясь с печки, дрянь косая
с голым задом донимает инвалида, гвоздь кусая:

«Инвалид, а инвалид.
У меня внутри болит».

«Ляжем в гроб, хоть час не пробил!»
«Это – сука или кобель?»
«Склока следствия с причиной
прекращается с кончиной».

Входит Мусор с криком: «Хватит!» Прокурор скулу
квадратит.
Дверь в пещеру гражданина не нуждается в «сезаме».
То ли правнук, то ли прадед в рудных недрах тачку
катит,
обливаясь щедрым недрам в масть кристальными
слезами.
И за смертною чертою, лунным светом залитою,
челюсть с фиксой золотою блещет вечной мерзлотою.

Знать, надолго хватит жил
тех, кто головы сложил.

«Хата есть, да лень тащиться».
«Я не блядь, а крановщица».
«Жизнь возникла как привычка
раньше куры и яичка».

Мы заполнили всю сцену! Остается влезть на стену!
Взвиться соколом под купол! Сократиться в аскарида!
Либо всем, включая кукол, языком взбивая пену,
хором вдруг совокупиться, чтобы вывести гибрида.
Бо, пространство экономя, как отлиться в форму Masse,
к кроме кладбища и кроме черной очереди к кассе?

Эх, даешь простор степной
без реакции цепной!

«Дайте срок без приговора!»
«Кто кричит: «Держите вора!»?» «
«Рисовала член в тетради».
«Отпустите, Христа ради».

Входит Вечер в Настоящем, дом у чорта на куличках.
Скатерть спорит с занавеской в смысле внешнего
убранства.

Исключив сердцебиенье – этот лепет я в кавычках –
ощущенье, будто вычтен Лобачевский из пространства.
Ропот листьев цвета денег, комариный ровный зуммер.
Глаз не в силах увеличить шесть-на-девять тех, кто умер,

кто пророс густой травой.
Впрочем, это не впервой.

«От любви бывают дети.
Ты теперь один на свете.
Помнишь песню, что, бывало,
я в потемках напевала?»

Это – кошка, это – мышка.
Это – лагерь, это – вышка.
Это – время тихой сапой
убивает маму с папой».

И. Бродский

От Правд, затмивших правду дней,
От лжи, что станет им итогом,
Одно спасенье – стать умней,
Сознаться в слабости своей
И больше зря не спорить с Богом.

Н. Коржавин

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

Ю.С. ПИВОВАРОВ

ЗАРИСОВКИ ИЗ РУССКОГО АДА

Хуже всего была безнадежность
как норма жизни, как обыденность.

А. Михник

Стилистически эта работа состоит из ряда отрывков – маленьких эссе, заметок, воспоминаний. Все они навеяны тревогой и предощущением грозных событий. Надеюсь, что повышенная эмоциональность и местами – увывы! – пафосность не заслонят главную тему: «Что с нами будет?». Также не теряю надежды, что мозаичность текста не перечеркивает стремления автора к целостному видению.

I. «Из-под каких развалин говорю...»

Поставив в название первого раздела эту знаменитую ахматовскую строчку, подумал: а ведь для меня «развалины» не только политическая метафора, но и совершенно трагическая практика. Это и есть тот контекст, в который я помещаю свои беглые размышления о нашей действительности. Она стремительно меняется, и я не могу даже приблизительно ответить на вопрос: «Куда движется Россия?». Во всяком случае, как говорил Арнольд Тойнби: «History is again on the move». Я всегда ощущал себя поздним потомком русских «лишних людей». Временами мне казалось это внутренним пижонством. Но происходящее все-таки убеждает, что эта идентификация не столь уж не точна. И мне очень близко самоощущение Раймона Арона начала 30-х годов: «Я приехал в Германию, я был еврей, и знал это, но, если можно так сказать, осознал это не вполне»¹...

Почему не получилось (Памяти Юрия Нагибина)

Этот умный наблюдатель и пониматель (если так можно сказать, но о Юрии Марковиче хочется) советской жизни записал в ноябре 1969 г.

¹ Арон Р. Мемуары: 50 лет размышлений о политике. – М.: Ладомир, 2002. – С. 36.

(хорошо помню это время и ощущение – одновременно – давящей тоски и поэтического, не в смысле стихосложения, порыва...): «Нет ничего страшнее передышек. Стоит хоть на день выйти из суеги работы и задуматься, как охватывает ужас и отчаяние. Странно, но в глубине души я всегда был уверен, что мы обязательно вернемся к своей блевотине. Даже в самые обнадеживающие времена я знал, что это мираж, обман, заблуждение и мы с рыданием припадем к гниющему трупу. Какая тоска, какая скука! И как все охотно стремятся к прежнему отупению, низости, немоте. Лишь очень немногие были душевно готовы к достойной жизни, жизни разума и сердца; у большинства не было на это сил. Даже слова позабылись, не то что чувства. Люди шугались даже призрака свободы, ее слабой тени. Сейчас им возвращена привычная милая ложь, вновь снят запрет с подлости, предательства; опять – никаких нравственных запретов, никакой ответственности – детский цинизм, языческая безвинность, неандертальская мораль»¹.

Точный диагноз. Но от этой точности – тошно. Через сорок шесть лет (почти полвека!) вновь все то же самое. А может, и похуже тех времен. Что-то не видно нынче активного правозащитного движения, сахаровых, солженицыных, буковских. Нет атмосферы Окуджавы – Галича – Высоцкого. Маргинализировалась переживавшая тогда подъем весьма широкая (в смысле и массовости, и палитры убеждений) гуманистическая интеллигентская культура. Церковь, зажата железным обручем официального атеизма и гэбэшного конвоя, хотели того сами церковники или нет, в ту пору ставшая для многих (прежде всего молодых) пристанищем другой (лучшей) действительности, пространством обретения новых смыслов и укреплением в противостоянии злу. Сегодня же...

Тогда, на рубеже 60–70-х и далее, вплоть до перестройки, наличный пессимизм уходящей жизни в значительной степени уравновешивался оптимизмом воображения и надежды. У многих в рамках той самой интеллигентской культуры были свои варианты лучшего будущего для Отечества (и в них верили). Вернуться в семью цивилизованных (читай: западных) народов, вновь пойти по органическому историческому пути (т.е. обратиться к дореволюционным порядкам), построить общество демократического социализма («с человеческим лицом») и т.д. И под каждый вариант будущего подводился солидный идейный и научный фундамент. Ныне же по прошествии почти 25 лет с момента краха СССР дискредитированы, провалились все **релевантные**, когда-то авторитетные концепции социального развития (либерально-правовые, социал-демократические, христианско-демократические, европейски-консервативные и т.п.). Как по другому поводу говорил Б. Пастернак: «Все накопленья и залого / Изже-

¹ Нагибин Ю.М. Дневник. – М.: Независимое издательство ПИК, 1996. – С. 258.

ваны до одного. / Хватить бы соды от изжоги! / Так вот итог твой, мастерство?..».

Действительно, все «приличное», доказавшее свою адекватность и эффективность в других странах (в том числе и бывших «социалистических»), у нас девальвировалось намного сильнее, чем рубль. За них теперь не дадут «и даже ломаной гитары». В общем интеллектуальный и **психологический** климат хуже некуда. Разумеется, сохранились кучки доктринеров, долящих свои «кистины». Но это так, по инерции.

Что же сегодня? Полный вакуум, совсем нет идей, виденья будущего? – Да есть, конечно. Зайдите в любой книжный магазин (но не в маленькую лавку какого-нибудь академического института), включите телевизор, почитайте газеты, я уж не говорю об Интернете с его возможностями. И вы убедитесь: все в порядке. Книжки, статьи, интервью, «круглые столы», заявления. В таком количестве! И все об одном! – Великий Сталин, «Братья и сестры»¹, великий сталинский СССР, предательство перестройки, заговор Запада против России, свой особый путь, православная вера, православная цивилизация, либерасты, «пятая колонна», новая опричнина, жидобандеровцы, третья мировая уже идет... В общем приехали. Мракобесие, ложь, клевета, ненависть, примитивизм...

Но **такой** образ прошлого, но **такое** понимание настоящего, но **такие** планы по обустройству будущей России положительно воспринимаются большей (если не большей) частью нашего населения. То есть опаснейшая по своим близким и дальним последствиям идеология (имеются, естественно, различные ее изводы, но суть, безусловно, одна на всех) находит отклик в сердцах и умах возлюбленных сограждан. Байка, согласно которой народ, большинство не ошибаются, по выражению блатных, не катит. Еще как ошибаются. Недавний XX в. лучшая иллюстрация этому. От этого, правда, не легче. – Как же так? Что произошло с моим народом? Откуда взялось такое количество разжигателей вражды и сторонников зла? Как могли современники забыть или позволить себе не знать обличающего и неотменимого (амнистии не будет и по давности лет) приговора А.И. Солженицына: «На всей планете и во всей истории не было режима более злого, кровавого и вместе с тем лукаво-изворотливого, чем большевистский, самоназванный “советским”... ни по числу замучен-

¹ По поводу этого вспоминается: «В одном селе Рязанской области 3 июля 1941 г. собрались мужики близ кухни и слушали по репродуктору речь Сталина. И как только железный и такой неумолимый к русским крестьянским слезам сблажил растерянный и полуплачущий батька: “Братья и сестры!”.., – один мужик черной бумажной глотке:

– А б...дь, а *вот* не хотел? – и показал репродуктору излюбленный грубый русский жест, когда секут руку по локоть и ею покачивают. И зароготали мужики». – Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛаг // Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. – М.: ИНИКОМ ИВ, 1991. – Т. 7. – С. 20.

ных, ни по вкоренчивости на долготу лет, ни по дальности замысла, ни сквозной унифицированности тоталитарности не может сравниться с ним никакой другой земной режим...»¹. Или его же, горчайшее: «Кто помнит великий исход населения с Северного Кавказа в январе 1943 – и кто ему даст аналог из мировой истории? Чтобы население, особенно сельское, уходило бы массами с разбитым врагом, с чужеземцами – только бы не остаться у победивших *своих*, – обозы, обозы, обозы в лютую январскую стужу с ветрами»².

А вот же не хотят знать **этого**. А хотят вернуться в «мир опекунской кабалы, где бедность... справедливо распределена в обмен на повинование»³. У меня нет ответа: **почему**. Подобно множеству исследователей говорю: у нас не было глубокой десталинизации, десоветизации, декоммунизации. Но дело, видимо, не только в этом. Мы, все те, кто мечтал о свободе – осознанно или не очень, – исходили из убеждения, что, когда «оковы тяжкие падут», наши люди, скажем выспренно, выберут добро, реализуют задавленное режимом. Выбрали...

Правда, схожие процессы шли и в странах Центрально-Восточной Европы. А Михник говорит: «Коммунизм был своего рода морозильной камерой. Многоцветный мир напряженностей и ценностей, эмоций и конфликтов был покрыт толстым слоем льда. Процесс «размораживания» происходил постепенно: сначала мы увидели красивые цветы, а потом грязь и отвратительную пену. Сначала был пафос мирного падения берлинской стены и «бархатной революции» в Чехословакии. Потом – волна ксенофобской ярости, охватившая Восточную Германию в 1992–1993 гг., распад Чехословакии в 1992 г., внезапный рост антирусских настроений в Болгарии, антивенгерских в Румынии и Словакии, антицыганских во многих странах...»⁴. Вот именно, была разморожена морозильная камера.

Выходит, свободой воспользовались во зло. Выходит, свобода может стать для него новым шансом. Эх, открытие! Ведь предупреждали нас об этом и русские, и зарубежные мыслители. Ведь все мы помним революционно-радикальный и черносотенно-погромный подъем 1905–1907 гг., когда самодержавие пошло на уступки. А Февраль и его последствия! Но в обоих случаях нормальная часть общества сопротивлялась и далеко не безуспешно.

Почему же сейчас этого нет? Или почти нет?

¹ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛаг // Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. – М.: ИНИКОМ ИВ, 1991. – Т. 7. – С. 21.

² Там же.

³ Михник А. Антисоветский русофил. – М.; Вроцлав: Летний сад, 2011. – С. 291.

⁴ Там же. – С. 265.

*О Борисе Ельцине и о нас
(О его и нашей неудаче)*

В нашей стране господствует стойкое неприятие двух исторических личностей недавнего прошлого – Михаила Горбачева и Бориса Ельцина. Притом что в реальной политике они были антагонистами, вменяются им одни и те же «преступления»; развал империи – СССР и подрыв того, что ныне их критики полагают некоей основой, сердцевиной, эссенцией русской жизни (и досоветской, и советской). Слава Богу, окончательно подорвать не удалось, а в последние годы мы даже переживаем ренессанс этих первородных стихий, говорят ревнители советского и «исконно» русского.

В таком историко-психологическом контексте у меня возник вопрос: а что я могу сказать о Борисе Николаевиче, уже завершившем свой жизненный путь? Что главное о нем должно знать? Разумеется, не его пьяные выходки, не его какую-то природную дикость, неокультуренность, не демагогические обещания, не его, видимо, полное непонимание экономических материй. Да, это и, наверное, другое было. И все же, кажется мне, не этим и не с этим Борис Ельцин вошел в Историю.

Ельцин – это псевдоним нашей попытки преодолеть коммунизм (наряду с Горбачевым). Его имя уже выбрано для обозначения важнейшего периода русской жизни. Далее. Он дважды спасал Родину. В 1991 и 1993 гг. При этом проявил несравнимое мужество и решительность, а также высшую степень ответственности. И оба раза не казнил путчистов. Простил их, дал им возможность вернуться к общественной деятельности. Это предотвратило «большую» кровь, поскольку стало единственно возможной тогда прививкой от гражданской войны. И не следует забывать: победы путчисты 91-го и 93-го гг., они свернули бы ему (и нам) шею.

Ельцин – это и псевдоним 90-х. Сегодня об этом времени говорят – «лихие». Неправда, не лихолетье было содержанием эпохи. Но – возможности и выбор, столь редкие в русской истории. Тема «возможностей и выбора» связана со «свободой», хотя последняя и шире, и глубже ее. Предполагает определенный уровень благосостояния, господство права и др. В 90-е, кто бы ни пришел к власти, это было недосыгаемо. Однако «возможности и выбор» открывали нам дорогу к свободе. Мы не сумели воспользоваться тем, что имели. И все же опыт тех лет не забыт. Нынешнее стояние за свободу имеет свои корни и там.

Но Ельцин – это и псевдоним неудачи выхода из тоталитаризма. На мой взгляд, сегодня главный русский вопрос – наша неудача. Нам не удалось решить основные проблемы этого (несостоявшегося) «транзита». Навскидку назову некоторые, далеко не все. – Декоммунизация, десоветизация. Запрет на распространение коммунистической идеологии. Глубокая

реформа правоохранительных органов и спецслужб (гражданский контроль над ними и армией). Серьезные изменения в кадровом составе госслужбы. Законодательное ограничение вмешательства государства в деятельность средств массовой информации. Соблюдение Конституции, минимизация ее «монархических потенциалов», акцент на демократические, федералистские, «правозащитные» начала Основного закона с осторожной, постепенной подготовкой пересмотра сверхпрезидентализма, вписывание фигуры президента в систему разделения властей. Недопущение симбиоза Государства и Церкви. Преодоление (борьба) милитантности сознания российских граждан. Создание просветильски-образовательной системы (по типу западногерманской «Politische Bildung»), направленной на формирование демократически-правового, антитоталитарного мышления. Отказ, насколько это возможно в специфических российских, постсоветских, условиях, от государственного капитализма (госмонополии, госкорпорации, верхушка власти в роли владельцев основных богатств страны, «скорохваты»-миллиардеры в качестве мальчиков на побегушках у власти; особое отношение к тем, кто имеет доступ к сырьевому комплексу и оборонке, включая торговлю оружием). Обязательная ориентация на создание социально ответственной рыночной экономики. Партнерская, союзническая по отношению к демократическим государствам внешняя политика с дальним прицелом на вхождение в систему евроатлантической безопасности и кооперации. Тем самым (нескорое, конечно) превращение ее в евроазиатско-атлантическую.

Список нерешенных проблем можно продолжить. Я же говорил: «навскидку». – Однако дело не в этом. Каждый раз, когда называлась новая проблема, возникал вопрос: а кто ее будет решать? То есть речь идет о социальном субъекте, который инициирует нечто, а затем и приступает к реализации. Таких субъектов (субъекта) не нашлось. **Ельцинские** годы показали, до **какой** степени русское общество было раздавлено коммунистами. И хотя в хрущевско-брежневский период оно потихоньку начало восстанавливаться, ему еще было очень далеко до состояния «civil society».

Ну, тогда непонятно, кто же осуществлял перестройку? Один лишь Горбачев со товарищи? – Неубедительно. Роль реформистской верхушки КПСС громадна, но без широкой массовой опоры (поддержки) ничего бы не вышло. Тем более в Великую Преображенскую революцию августа 1991 г. и Великую антисоветскую октября 1993 г. (при всей значимости Ельцина и его соратников). Действительно, еще в самые густые советские 70-е стало ясно, что в СССР сформировался массовый слой людей достаточно образованных, информированных, с определенным уровнем потребления и еще большим запросом на него. А. Амальрик (один из тех, кто диагностировал появление этих людей) в своем эссе «Просуществовать ли

Советский Союз до 1984 года»¹ писал о слое специалистов, который со временем захочет для себя более свободных социальных условий.

Действительно, если в 1917 г. доля горожан в структуре населения России составляла 17,9% (на самом деле и того меньше; к горожанам относили тех, кто временно жил в городе, а городами числили фактически полусельские поселения), то в 1989 г. в СССР – 66% (в РСФСР – 74%; для примера, в США – 72%). Доля работников умственного труда в 1987 г. равнялась 28% (в 1940 г. – 15%). Законченное высшее образование в том же году было у почти 21 млн человек (90 на 1000; в 1939 г. – 1,2 млн, 8 на 1000). Напомним, что в 1989 г. в СССР проживали 286,7 млн человек. Следовательно, если исключить из этой цифры детей, то более 10% советских людей имели высшее образование. К этому следует добавить 3,5 млн с незаконченным высшим и почти 31 млн со средним специальным. То есть около 55 млн человек (примерно 1/4 всего населения) можно отнести к типу современного человека. – И еще одно: в 1987 г. 1,5 млн человек имели ученые степени (в 1960 г. – ≈ 340 тыс.).

Этот слой, «средний советский класс», и был «материальной» основой перестройки и исторических событий начала 90-х. Этим людям было тесно в СССР. Кстати, по всем социологическим опросам нулевых и самого начала 10-х примерно такая же (15–20%) доля российских граждан хотела бы жить в европейском (по типу) обществе. Свобода, право, конкуренция, социальная защищенность и т.д. – вот главные параметры такого социума.

Тогда почему эта достаточно многочисленная и общественно «продвинутая» страта оказалась не в состоянии стать историческим субъектом выхода страны из коммунистического тоталитаризма? С опорой на них, выражая их интересы, удалось разбить тюремные оковы, но не получилось всерьез двинуться к нормальной системе политики и экономики. Негативная программа была выполнена (правда, далеко не до конца, но все же...), а на позитивную сил не хватило. Почему?

Когда-то А.И. Солженицын ввел в русский политический лексикон слово «образованцы». Оно имело негативную коннотацию. Так он назвал своих идейных оппонентов либерально-плюралистических воззрений (статья «Наши плюралисты»). Думаю, что в целом в этой полемике Александр Исаевич был неправ (что не отменяет восхищения и благодарности ему). Но все это дела давно минувших дней (хотя, как сказать...). Мы же попробуем использовать этот термин (разумеется, без его обижающего смысла) в наших целях.

¹ Амальрик А. Существует ли Советский Союз до 1984 года // Онтология самиздата. – М.: ИГПИ, 2005. – Т. 2. – С. 381–394.

Так вот, страта продвинутых и современных советских людей состояла (в подавляющем числе) из **образованцев**. – Кто это? Что за люди? Когда-то я писал о рождении в середине XX в. (особенно в 50–70-е; в 80-е уже зрелый и даже отчасти «перезревший продукт») массового современного человека. Это индивид эпохи городской Современности (Modernity). Но – советской. Он не знал религиозного воспитания, был обязан к «исповеданию» низкокачественной и злобно-воинствующей идеологии (грубой смеси наивного натурализма-материализма, элементов поверхностного гуманизма, провинциального социал-дарвинизма и фальшиво-оптимистического, низкопробного исторического телеологизма). Он ничего не слышал об основах предпринимательства: не в смысле вора-«скорохвата», какими некоторые из этих людей явились в последние два с половиной десятилетия, но в духе, скажем, «протестантской этики». Он практически не имел никаких связей с Россией дореволюционной, исторической. С Россией, создавшей гражданское общество и правовое государство (это – не штампы, это – то главное, что мы должны знать об отечестве XIX – начала XX в.). Он был оторван от мейнстрима мировой культуры и социальной эволюции.

...По всему этому **такой** человек оказался не в состоянии решать **положительные политические** задачи. Еще в конце 60-х это предвидел Мераб Мамардашвили: «Отсутствие исторического накопления личного развития как причина... невозможности политики»¹. – Как причина невозможности политики, которая есть поле конкуренции и сотрудничества юридически равных субъектов в рамках права.

Из «вакуума» в «ничто»?
(Почему Россия не Польша)

Ну, хорошо (на самом деле – плохо), нам не удалось (надеюсь, пока) вырваться из тоталитаризма, пройти точку невозврата. А вот у наших бывших солагерников («социалистический лагерь») вроде бы, худо-бедно, получилось. Знаю: на эту тему написано горы профессиональной литературы. И, наверное, не стоило бы ломиться в открытую дверь. Однако для нас сейчас это вопрос высшей важности: почему не сумели? И поэтому хочу напомнить некоторые особенности транзита в Польшу. Для русских это не просто страна, другая, соседская или какая-то еще. Польша – часть нашей судьбы, истории, настоящего.

Адам Михник, «антисоветский русофил» (как он сам себя определяет), один из ключевых участников и свидетелей всех этих «польских дел», говорит: история знает два способа (или пути) выхода из тоталитаризма –

¹ Мамардашвили М.К. Необходимость себя. – М.: Лабиринт, 1996. – С. 161.

немецкий и испанский (по которому и пошло большинство транзитеров). Понятно: немецкий путь Польше был заказан. Тогда – испанский. Эволюция от диктатуры к демократии через компромисс и национальное примирение.

Профессор-правовед Альваро Хиль-Роблес, принявший активное участие в постфранкистском транзите, позднее ставший уполномоченным по правам человека, писал: «Мы выбрали... путь мирного перехода, а не резкого разрыва со старой системой... Мы решили, что, даже если нам это и не нравится, нам придется сесть за стол переговоров с франкистами, с военными, чтобы найти приемлемое для страны решение... избежать разрыва и противостояния. Мы не собирались никого призывать к ответу, хотя не следует забывать, что многие из тех, кто сел за стол переговоров, либо прошли через тюремное заключение, либо побывали в изгнании»¹.

В польском случае это выглядело так. В качестве площадки для диалога коммунистов и анти (не) коммунистов был создан «круглый стол». Основными игроками на этом столе являлись, с одной стороны, Польская объединенная рабочая партия (ПОРП) и ее к тому времени немногочисленные, некоммунистические союзники, с другой – Католическая церковь и профсоюз «Солидарность», в который вошла сеть антикоммунистических комитетов КОС–КОР (в основном представители интеллигенции). Три последние (антипорповские) организации находились в весьма сложных взаимоотношениях (в результате – худо-бедно, но в решающий момент договорились).

Итак, в Польше конца 80-х имелись: а) коммунистическая власть, которая была вынуждена лавировать (может, точнее, – вертеться) между собственным обществом и Москвой; б) церковь, которая, помимо прочего, была хранительницей традиционного польского духа и социально-духовным пространством, независимым от ПОРП. Избрание Кароля Войтыла Римским папой – Иоанн Павел II – усилило и общественные позиции церкви и, так сказать, актуализировало ее влияние. Вместе с тем это событие играло на руку всем некоммунистическим силам; в) «Солидарность» – мощный всепольский профсоюз, альянс рабочего класса и некоммунистической интеллигенции (как католической, так и светской); г) КОС–КОР – комитеты польской антикоммунистической интеллигенции, включавшие в себя немало людей, имевших опыт подпольной борьбы, тюрем, даже эмиграции. В 80-е годы КОС–КОР действовал вместе с «Солидарностью» и, как отмечалось, стал его частью.

Ко всему этому следует добавить, что польское крестьянство (весьма многочисленное, это вообще одна из самых «крестьянских» стран Ев-

¹ Хиль-Роблес А. Испанский опыт перехода к демократии // Вестник Московской школы политических исследований. – М., 1995. – № 1. – С. 149.

ропы), к счастью, не пережило тотальной и кроваво-насильственной коллективизации, как это случилось у нас. В коллективные хозяйства попало 13% от их общего числа, остальным было позволено сохранить свое частничество (частную собственность). То есть хотя по традиционному укладу сельской жизни и был нанесен удар, но далеко не сокрушительный.

Удаче польского транзита способствовало и то, что в послевоенный период, вплоть до конца 80-х годов, на Западе (Франция, Великобритания, США) существовала (и периодически пополнялась) активная польская эмиграция. Да и режим выезда за границу был относительно либеральным. Можно было, как это сделал А. Михник, после окончания школы несколько месяцев провести в Париже или позже между посадками в тюрьму выезжать в Европу. Это как если бы у нас инакомыслящие 60–80-х отправились за советом к П. Струве, Г. Федотову, М. Вишняку и т.д. «Мы» не совпали ни во времени, ни в пространстве.

Наряду с этим в правящих кругах США и некоторых других стран имелись влиятельные пропольские лоббисты (и других восточных европейцев тоже). С давних пор Польша (и не только она) находилась под известной опекой «старших» евро-атлантических держав. Впоследствии «младших» включают в ЕС и НАТО. Тем самым исход транзита был предрешен.

И еще одно важное обстоятельство. Отказ от коммунистической системы был одновременно национальным освобождением от владычества Москвы. Это и само по себе способствовало поднятию градуса борьбы и было, пусть ненадолго, платформой для объединения разнородных сил. В 90-е и позже не столь актуальный уже антикоммунизм был заменен традиционным для поляков антирусским комплексом (я пишу это с тяжелым сердцем, поскольку люблю Польшу, но все-таки закрывать глаза на это было бы нечестно). То есть антироссийские настроения спланивают польское общество и, если можно так сказать, ориентируют его на скорейшее возвращение в Европу.

Называя ряд положительных факторов, способствовавших успешному (в целом) переходу к демократии, необходимо сказать о «центрально-европейской идее». В 1997 г. А. Михник писал: «Несколько десятилетий назад писатели, художники и философы придумали Центральную Европу, как царство духа свободы, неоднородности и толерантности»¹. Они «прочли заново и представили миру духовное богатство этого региона, находящегося на стыке народов, религий и культур, – как воплощение в жизнь идеала многокультурного общества, как миниатюрную модель Европы, созданную по принципу: максимум неоднородности на минимуме про-

¹ Михник А. Указ соч. – С. 264.

странства»¹. Конечно, описывая феномен Центральной Европы, автор берет несколько через край. Но все-таки это идея, идеал, идеализация, а не фотография или научный анализ. Вчитываясь в эти строки А. Михника, начинаешь понимать: действительно у Польши (и в разной степени у других бывших наших спутников Старого континента) имелись гораздо более веские основания для успеха демократического транзита (хочу подчеркнуть: этот термин я использую в несколько ином смысле, чем классические транзитологи).

«Преимуществом малых народов было отсутствие имперских черт, что превращало их в естественного союзника свободы и терпимости. Этот исторический опыт – десятилетия и столетия существования в условиях угнетения и репрессий – создавал специфическую духовность, характеризующуюся достоинством и самоиронией, упорным стремлением сохранить духовные ценности и смелостью веры в романтические идеалы. Здесь национальное и гражданское сознание складывалось в результате межчеловеческих уз и отношений, а не по приказу государственных институтов. Здесь легче было сформулировать идею гражданского общества, поскольку суверенное национальное государство оставалось обычно в сфере мечтаний. Культурная неоднородность этого региона... представляла собой самое лучшее оружие самозащиты против претензий этнических или идеологических держав»².

Далее А. Михник рассказывает о тех трудностях, с которыми столкнулась концепция Центральной Европы в 90-е годы, после падения коммунизма. Но как бы там ни было, наряду с общеевропейской и евро-атлантической идентичностями в конце XX в. Польша обрела еще одну (крайне важную и перспективную) – центральноевропейскую. **Им было куда идти.** В отличие от нас. Когда-то, четверть столетия назад, замечательный мыслитель и ученый А.Б. Зубов назвал одну из своих статей так – «Советский Союз: Из империи в ничто?»³. В известном отношении оказалось «в ничто». Не менее адекватно было осторожное наблюдение тех же примерно лет знаменитого Эрнста Геллнера: «Мы можем теперь изучать Россию, чтобы понять, как гражданское общество может возникнуть из вакуума (если оно может из него возникнуть)»⁴. Так что из «вакуума» в «ничто». Конечно, это слишком суровый и прямолинейный приговор. Наличная жизнь гораздо сложнее и не абсолютно бесперспективна. Но как тенденция это так.

¹ Михник А. Указ соч. – С. 264.

² Там же. – С. 264–265.

³ Зубов А.Б. Советский Союз: Из империи – в ничто? // Полис. – М., 1992. – № 1. – С. 56–74.

⁴ Геллнер Э. Условия свободы // Вестник Московской школы политических исследований. – М., 1995. – № 1. – С. 148.

* * *

Правда, в начале 10-х годов у меня была надежда на то, что в России возможна широкая, структурированная, конструктивная демократическая оппозиция. Ведь сумели же мы в конце 80-х – начале 90-х – худо-бедно – сделать это (да, не очень структурированно, не всегда конструктивно, но...). И разве не свидетельствовали об этой возможности социологические опросы. До 20% населения хотели бы жить в правовом государстве, свободном, конкурентном обществе. И это не менее 30 млн взрослых людей (в основном жители больших и средних городов). С количественной точки зрения все в порядке.

Но не получилось. Не оказалось готового к преобразованиям и борьбе за них исторического субъекта (мы уже говорили об этом). Что же нам остается? – Ну, прежде всего, осознать: **что** происходит. Судя по всему, нас ждет довольно длительное существование в условиях радикальной несвободы и подавления инакомыслия. В большинстве своем граждане России приветствуют (с той или иной степенью вовлеченности и энтузиазма) установление подобного порядка.

Можно, конечно, списать все на губительную советскую систему, на грабительские 90-е, на падение цен на нефть, подкосившее наше историческое здание... Однако посмотрим на наличное (невывмышленное, нечаемое) общество. Газета «Ведомости» (28 мая 2015 г.) публикует данные: живущие на зарплату, пенсии, госпособия – 66,3% населения; бизнесмены, люди свободных профессий, отходники – 15,2; лишенные свободы, судимые, бомжи – 13,4; представители власти – 5,1%. За последние 20 лет каждый восьмой мужчина прошел через заключение, знаком с криминальной субкультурой каждый четвертый мужчина.

Да, структура современного русского общества «впечатляет». И, наоборот, объясняет, почему не получается. Конечно, социологи и историки назовут причины становления подобной «конфигурации». Но мы же не только это хотим и должны знать. Ведь главный наш вопрос: **как** выздороветь? И возможно ли **это**?

Три этюда о праве

Право как инструмент возрождения тоталитаризма

Что обязательно предполагает право в классическом (европейском) его смысле? – Носителя права, субъекта права, правообладателя¹. При отсутствии такого оно становится орудием (дубиной) власти. В России сере-

¹ Немецкий юрист и политический мыслитель Карл Шмитт говорил: «Государственный закон до тех пор остается правом, покуда действительностью является ни от кого не зависящая единичность индивида» (Schmitt C. Glossarium: Aufzeichnungen der Jahre 1947–1951. – Berlin: Duncker a. Humblot, 1991. – S. 213).

дины 10-х годов XXI в. стало очевидным: право (повторю, классическое) невозможно во властечетричной культуре, только – в антропоцентричной.

Когда-то В.О. Ключевский сказал о Петре I: «Узаконил отсутствие закона»¹. Сегодня у нас узаконено отсутствие права (нет его носителей), бесправие. Все знают марксистский постулат: право – воля господствующего класса, введенная в закон. Это полностью применимо к России начала XXI столетия.

Мы уже на своей шкуре убедились: право и диктатура совместимы. Этот вывод не очень впечатляет своей новизной? Что ж, зато он весьма ошутим. О чем говорит опыт России последних 15 лет? – Если процесс детотализации не доведен до определенной черты, до точки невозвращения, когда уже реставрация невозможна, то начинают возрождаться сохранившиеся потенциалы тоталитарного. Конечно, это не повтор прошлого, даже не новодел а ля зовьетик. Эссенция тоталитарного стремится вылиться в какие-то иные формы, обретает новые качества и свой собственный алгоритм роста. И что очень важно: они обладают способностью «тотализировать» новые явления, институты, процедуры. Те, что возникли в ходе постсоветского развития, в целом либеральные по своей природе.

Хорошо известна точка зрения крайне правых и крайне левых идеологов: либерализм является питательной средой фашизма (шире – тоталитаризма), порождает его (не стоит удивляться схожести позиций антагонистов; вспомните Иосифа Виссарионовича: пойдешь налево, придешь направо; или – наоборот, точно не помню). Мне всегда был отвратителен этот вывод; он казался оскорбительным для высокой либеральной мечты и порядка. Сегодня я думаю так же. Но... опыт жизни в постсоветском обществе открыл мне следующее: там, где либеральное есть лишь фрагмент, набросок, «не-мейнстрим», оно может быть переработано в тоталитарное.

В каком-то, очень определенном, смысле либеральное 1990-х – начала 2000-х годов можно сравнить с НЭПом 1920-х. Последний был конвертирован в сталинизм. А его историческая роль свелась к частичному реанимированию страны после революций и войн, т.е. подготовке к тоталитарной переделке. Октябрь 17-го, помимо прочего, уничтожил новое, гражданское, то, что шло на смену традиционалистскому. Как становится очевидным сегодня, революция конца 80-х – начала 90-х смела *новое советское* (интеллигенция, наука, инакомыслие etc.), которое вроде бы победило, но в конечном счете было растерто в жерновах 90-х. Они перемололи не номенклатуру, КГБ, чиновничество, милитаризм и т.д., но это самое новое советское.

¹ Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций: в 3-х т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 3. – С. 61.

Старое советское, воспользовавшись невиданными в СССР возможностями и свободами, уничтожило *новое советское*. В Союзе этого быть не могло. «Застой» был формулой равновесия старого и нового. Так сказать, исторический компромисс. Следует подчеркнуть: новое по преимуществу было «гуманитарией», не имело организационных навыков и умения открытого противостояния. Поэтому оно и стало жертвой опытного хищника. Постсоветский либерализм был той пищей, пожрав которую начал возрождение русский тоталитаризм. Причем использовал главный либеральный инструментальный – право.

Об опасности права. Право как произвол

Правозащитники внесли в русское сознание и культуру идею права как фундаментальной, а не инструментальной ценности и тему прав человека (впервые я услышал это от Сергея Лёзова где-то в 1985 г.). Реализация этого была одной из целей перестройки и первых лет существования Российской Федерации. Но через четверть века оказалось, что законы и юридические механизмы используются не для обеспечения прав человека, но – напротив, для лишения его таковых. Казалось, общество устремилось к свободе, правовому порядку, безопасности на основе права, а въехало в «безурядицу» (В.О. Ключевский о Смуте) полицейско-юридического насилия и бессилия человека перед этой машиной.

Однажды в русской истории мы уже наступали на похожие грабли. Свободное развитие каждого – условие для свободного развития всех. Хорошо, точно, радостно. Даже трудно поверить, что это сказал вечно раздраженный, неудовлетворенный, заносчивый человек. И скучный. А эти слова действительно веселые. – Но оказалось, что его европейские, азиатские, латиноамериканские и т.д. ученики, отталкиваясь от этой максимы, соорудили в своих (и чужих) странах такие пыточные камеры, что...

В чем же дело? Марксизм начинался как гуманистическая утопия идеального будущего. Когда отцы-основатели закончили свой земной путь, их учение уже не было никакой такой утопией. А было: сложным сочетанием инструкции по безжалостному уничтожению наличного мира (разумеется, несправедливого, но разве бывает иной?), глубокого анализа социально-экономического устройства Европы второй половины XIX в. и атеистически-религиозного проекта «конца истории», которое навязывалось средне- и малокультурному большинству в качестве нового и единственного варианта спасения (в квазисотерологическом смысле). Почему марксизм победил? В России, Китае, Вьетнаме, Камбодже, Никарагуа, на Кубе и т.д. потому, что был удобным, эффективным, адаптивным (к совершенно разным национальным традициям) и беспощадным орудием и оружием для реализации *безответственных* планов по устройению лучше-

го мира. Марксизм является самым убийственным примером интеллектуально-психологического *безответствия*.

Правда, существует и другой марксизм – Каутского, Бернштейна, Жореса, социал-демократов и социалистов. Но они марксисты лишь в том смысле, что озабочены «судьбой человека» в его социально-справедливом измерении. Они использовали марксизм, присваивая себе некоторую его тематику, социальную критику и интенцию справедливости. Это – «европейский марксизм». Он так же отличается от евразийско-азиатско-латиноамериканского, как умеренно-влажный морской климат от резко континентального. Замечу: в том, что я говорю, нет ни грана климатического расизма (ведь и сам выходец из «резко континентальных»). К тому же климат в моем контексте – категория не природного мира, но – нравственного, т.е. выбор, решение, ответственность. (И хотя это уводит в сторону, не могу удержаться: формационные и цивилизационные концепции при всем их величии и блеске растаяли или замерзли (кому что ближе) как раз в марксистскую эпоху. Время безответственности.)

* * *

С марксизмом мы ушли в сторону от правовых материй. Но, повторю, мне кажется в чем-то сущностно схожим наше обращение с правом и этим научно-идеологическим феноменом. Однако Генеральная прокуратура России вернула меня к разговору о юридическом. Относительно недавно ее официальный документ зафиксировал: решение о передаче Крыма в состав УССР было принято президиумами Верховных советов РСФСР и СССР с нарушением Конституции РСФСР и СССР. Получается, что Генпрокуратура РФ хочет переписать историю. Это еще один пример того, как в неправовом по своему характеру обществе право можно использовать в качестве дубины.

Если еще вчера правящие круги России боролись с фальсификацией истории, т.е. с неверным или лживым, с их точки зрения, ее пониманием, то теперь они начали ее исправлять. Это примерно так же, как человек в свои зрелые годы, осознав какое-то свое действие в прошлом неправильным, объявляет его небывшим.

Ведь что сделала Генпрокуратура? Она объявила ошибочным действие кремлевской верхушки в 1954 г. Тем самым юридически вернула Крым в состояние до 1954 г., а все то, что было с Крымом после 1954 г., назначила считать небывшим. В том числе и Конституцию УССР 1978 г., согласно которой Крымская область являлась составной частью Украины.

То, что решение Генпрокуратуры с правовой точки зрения – нерелевантно, можно не обсуждать. Современная Украина – и это признано международным правом – полагает себя правопреемницей УССР. И на этом

основании, а не вследствие решения Хрущева, рассматривает Крым своей составной частью.

В целом же решение Генпрокуратуры создает не просто опасный, но убийственно опасный прецедент. Пофантазируем. Генпрокуратура объявляет юридически несостоятельным и фактически недействующим решение Верховного Совета СССР о включении в состав РСФСР Карело-Финской ССР на правах автономной Карельской Советской Социалистической Республики (напомним: в 1940–1956 гг. Карело-Финская Республика имела уровень союзной). В этом случае Карельской автономии возвращают права союзной республики. А поскольку из состава СССР вышли все союзные республики, то Карело-Финская обретает независимость и госсuverенитет. То же самое можно сказать о Республике Тыва, которая в 1944 г. вступила в состав СССР, и т.д.

Генпрокуратура (читай: Кремль) хочет контролировать и переделывать не только российское общество, но и отечественную и мировую историю. В современной практике есть два типа сил: жесткая и мягкая, *hard* и *soft powers*. Россия, видимо, изобрела третью – юридическую, которой подвластно все – даже история.

Естественное право и идеология

Великий правовед (и по совместительству один из основателей французской политической науки) Леон Дюги говорил, что история знает два мифа, легитимирующих социальные порядки и власть, – сакральный и демократический (он же – либеральный, правовой). Второй приходит на смену первому. При этом речь идет не только о легитимации, но и о регулировании функционирования общества. Принципиально отличаясь друг от друга, оба мифа содержат важнейшее общее: признание равенства людей в главном. В рамках религиозного – перед Богом, в рамках правового (либерального, демократического) – перед правом. Это равенство (ключевое для культуры) обеспечивается естественным правом, которое, заметим, имеет сегодня два главных извода – религиозное и «посюстороннее».

Повторим: признание равенства людей в главном. В «неглавном» равенство в обоих случаях не предполагается. Поскольку иерархичность, плюральность, социальные различия суть имманентные для каждого общества состояния. Но не они являются предельными характеристиками человека¹.

XX век принес иной миф, появился иной регулятор. Это не значит, что окончательно ушло сакральное; что же касается правового, то оно, напротив, резко усилилось. Просто появилось нечто третье. **Идеология.** Речь

¹ О «предельном» и «непредельном» в человеке Монтескье: «Я являюсь человеком благодаря природе; я являюсь французом благодаря случаю».

здесь идет не о консервативной, либеральной, социально-демократической; они вполне вписываются в правовую парадигму. Имеются в виду – коммунистическая, фашистская, национал-социалистическая (расставлены согласно временному ранжиру). Разумеется, эти идеологии во многом различны и даже антагонистичны. Но в двух пунктах идентичны. Оправдание насилия, борьбы и утверждение неравенства в главном (да, да, это относится и к коммунистическому мифу).

Все три идеологии (фашистская в меньшей степени) построены на классовой борьбе, борьбе рас, наций и т.д. И здесь большой роли не играет то, что коммунизм ставил своей конечной целью полное равенство во всем, а фашизм – построение солидаристского общества на базе корпоративного мира и сотрудничества. По дороге к этим целям и предполагалась, и осуществлялась политика насилия, направленная против абсолютного большинства граждан. Это-то и есть главное. Религиозное (сакральное) говорило: помиримся через любовь к Богу и друг к другу и во имя этой любви. Правовое (либеральное, демократическое): помиримся через договор и во имя мира (чтобы не было свары). Идеологическое: кто не с нами, тот против нас, кто не «мы», тот не имеет права на существование.

Суть идеологического точно выразил Карл Шмитт, крупнейший правовед и политический мыслитель XX столетия. Одновременно – «коронный юрист» Третьего рейха, теоретик тоталитарного нацистского режима, апологет антисемитизма. Ему принадлежит такая максима: «Скажи мне, кто твой враг, и я скажу тебе, кто – ты». И «поправляя» Декарта: «*Distingio ergo sum*» («Разделяю, следовательно, существую»). Человек и коллектив существуют только в том случае, если у них есть враги. «Иметь врагов» равняется «существовать», «иметь врагов» – онтологическое качество. Бытие, бытийственность вне и без врагов и борьбы с ними невозможно по определению. Идентифицировать врага – важнейший шаг и единственный способ самоидентификации. Обо всем этом смотри постыдные и по-своему гениальные послевоенные дневники Карла Шмитта¹.

Вместе с тем идеология заимствует (может быть, точнее: эксплуатирует) важные компоненты у своих предшественников (во временном смысле). У сакрально-религиозного: наличная (физическая) жизнь человека лишь подготовка к будущей – в тысячелетнем рейхе, нескончаемом коммунизме. Остается только «верить» в это. Знать не дано. У либерального: особым образом интерпретируемый лозунг «свобода, равенство, братство». У одних для арийцев, у других для всех, кто будет жить при коммунизме. И это тоже идеал (цель). Если сейчас не получается, давайте

¹Schmitt C. Glossarium: Aufzeichnungen der Jahre 1947–1951. – Berlin: Duncker a. Humblot, 1991.

работать (бороться) дальше. Может выйдет. Надо верить. То есть типологически схоже с заимствованием у религиозного.

Однако естественного права в составе идеологии нет. Наличие его сделало бы невозможным дискредитацию по социальным и национальным признакам. Тогда – в конечном счете – все были бы равны. Естественное право, напомним, это то, что объединяет (или соединяет) сакральное и профанное, трансцендентное и посюстороннее.

И еще одно обстоятельство. Религия и право говорят о человеке – личности и индивиде. Идеология о группе (массе) – классе, этносе, расе. У Б. Пастернака в романе утверждается, что с приходом Христа (христианства) закончилась история царств, империй и т.п. и началась история человека. Идеология, сметая религию и право, возрождает «массовости».

Сегодняшнее алкание идеологии крайне опасно.

Суд идет?

25 июня 2015 г. состоялась пятая сессия Конгресса интеллигенции. На ней было принято обращение провести «Общественный трибунал над сталинизмом, Сталиным и его ближайшим окружением» (настоящий суд – с судебной коллегией, обвинением, защитой). Его подписали многие (в том числе и я). Но некоторые положения этого обращения вызвали у меня вопросы. К примеру: судить Сталина и его приспешников «в соответствии с нормами советского права»? Для меня это сомнительно. При этом в проекте «Устава общественного трибунала...», представленного на сессии, с одной стороны, говорится о применении уголовного законодательства «периода правления Сталина» (1929–1953), с другой – о последующей передаче «материалов в уполномоченный орган государственной власти для принятия процессуальных решений в соответствии с действующим процессуальным законодательством РФ». Мне трудно представить, как можно судить Сталина (и любого другого деятеля прошлого) с позиций законодательства сегодняшнего дня.

Поначалу несколько соображений по поводу предмета разбирательства. С моей точки зрения, Сталин не может быть поставлен в один ряд с Молотовым, Кагановичем и др. И дело здесь не в масштабе преступлений и ответственности за них. Зададимся вопросом: не покончи Гитлер самоубийством, попади он в руки союзников, Нюрнбергский трибунал прошел бы в том же формате или нет? Думаю, было бы иначе. Кейтель, Шахт, Риббентроп и др. и даже Геринг – это одно, а Гитлер иное. Их судили за конкретные преступления. Для Гитлера это не просто «мелковато», это – ни о чем, не по адресу.

Объясню, что имею в виду. Дуче и фюрер переводятся на русский как «вождь». Не государственные деятели, не политики, но – вожди. Что-

то из очень прошлого: вожди племен. Эти последние, как правило, совмещали в себе сакральную, властную, хозяйственную и иные функции. В силу определенных исторических обстоятельств вожди оказались возможными и даже востребованными в России, Италии, Германии, некоторых других странах. Глубокое разочарование в наступающей Современности (Modernity) с ее демократией, рынком, нестабильностью и неуверенностью в завтрашнем дне, плюс куча нерешенных проблем дня вчерашнего, плюс разрушительные последствия Первой мировой позволили этим «вождям» захватить власть.

Общим для Муссолини, Гитлера и Сталина была апелляция к славному прошлому. Итальянец облачался в тогу римского императора, немец обращался к реминисценциям из истории древних германцев, русский позже других, но все же устремил свой взор к «нашим великим предкам» (более всего, видимо, был солидарен с Иваном Грозным). Подчеркнем: дуче и фюрер опирались на дохристианское, языческое бытие своих народов, генеральный секретарь – просто на прошлое, словно не замечая в нем христианства и церкви (кстати, к языческим временам он и не мог обратиться по причине сравнительной краткости нашей дохристианской истории).

Однако все три вождя жили в обществах христианского типа. И хотели они этого или нет, были «вписаны» в структуру именно такого мира. В тот момент он переживал кризис – самопонимания, самоидентификации, веры, наконец (в Италии в меньшей степени). Народы, разуверившись во всем, ждали «спасителей». И они явились. На них в значительной мере были перенесены упования страждущих. Эти выродки были в глазах людей христами. Их образы заняли в душах итальянцев и немцев место Христа¹. Муссолини было сложнее. Через «дорогу» находился Ватикан с Папой, а через другую – король.

У нас иная история. Наместником Бога, Христа традиционно был царь: царь – священник, царь – живая икона. Но царизм рухнул, а «неудачника, недотепу, подкаблучника Николашку» пристрелили (вместе с наследником). Душа же народа по-прежнему жаждала царя – спасителя, избавителя, грозного и справедливого. Сталин прекрасно справился с этой ролью. Не знаю, догадывался ли бывший семинарист², что в сознании народа, в опустошенной его психологии он занял место Божественного Царя. Но и одновременно реализовал многолетний народный запрос на царя мужичьего, – и это включил в свой образ (человек из народа, в заношен-

¹ Движение «немецких христиан», в которое вошло до четверти протестантских священников, утверждало, что Гитлер есть явление миру и в мир «арийского Христа».

² В России хорошо известно, что мать Сталина мечтала видеть его священником. И мать Гитлера своего сына – тоже.

ных полувоенных кителях и в сапогах с заплатами). Кстати, народ простил ему и гонения на церковь, и уничтожение крестьянства, и пр.

Такого рода персонажи не подлежат суду. Даже Нюрнбергскому. Проблема в том, что хотят «разобраться» с историческим Сталиным, а он уже давно устойчивый миф. Из тех, на которых строится общественное самопонимание. Борясь со Сталиным-преступником, мы мало затрагиваем миф – опасный, разрушительный.

Скажу больше. В значительной степени я согласен с тем, что говорят о Сталине его поклонники – только у них все это вызывает восторг, а у меня ужас и отвращение. Для них Сталин и есть русская идея. В нем воплотилось все – и «Третий Рим», и «Православие. Самодержавие. Народность» (выяснилось, что именно он воскресил церковь из мертвых, а гнали ее исключительно кагановичи и губельманы), и вековая коммунистическая мечта русского народа. Иными словами, пока власть и интеллигалы пытались сформулировать национальную идею, люди нашли ее сердцем. Разумеется, какого-то официального одобрения верхов пока ожидать не приходится (что будет дальше, мы не знаем). Да в общем и не надо. Ведь Сталин – это «наша» сокровенная любовь, а не показуха или нечто навязанное. Когда-то Ленин утверждал, что Россия выстрадала марксизм. Оказалось: ошибся. «Мы» выстрадали Сталина.

Сегодня (может, «завтра» будет иначе) никакой, даже самый убедительный и доказательный рассказ о преступлениях Сталина не поколеблет его культа у большей части населения России. Ведь настоящей, действенной, рассчитанной на поколения (да-да!) десталинизации, декоммунизации, десоветизации не было (и не предвидится). Через десять лет после окончания войны (1955) в Западной Германии был проведен опрос об отношении к Гитлеру. Так вот, более 50% людей положительно оценили личность и деятельность тевтонского людоеда. После стольких усилий союзников, немецких демократов, после уничтоженной и униженной страны, после ее небывалого поражения, после экономического возрождения, после тотальной и жесткой денацификации¹ немцы (в своем большинстве) сохранили любовь к Гитлеру². Кстати, и Муссолини у немалого числа итальянцев вполне себе герой и «отец народа». Что про нас-то говорить!

¹ К примеру, программа «Re-Education» предполагала принудительные экскурсии в места массовых убийств, демонстрацию в кинотеатрах зарубежных фильмов о концлагерях. Через общенациональную антинацистскую систему «Politische Bildung» прошло практически все население ФРГ.

² Да и не только к этому «взбесившемуся неотесанному плебею» (Т. Манн). В 1959–1960 гг. в Западной Германии прошли многочисленные антисемитские погромы. Около 20% опрошенных граждан заявили тогда, что евреи отчасти сами виноваты в том, что их убивали.

А каково отношение власти к Сталину-мифу? С одной стороны, он вроде бы должен мешать ныне начальствующим. Можно проиграть при сравнении, да и в тени этого гиганта остаться. Но с другой – выдвинув Войну на место центрального события русской истории, они, безусловно, возвели его на самый высокий пьедестал. Если важнейшее в нашем прошлом (и настоящем!) Война, а Сталин, чтобы там ни говорили его противники, главный в ней, то и получается... Я несколько раз писал (и не буду здесь повторяться) о том, что современный русский режим имеет своим происхождением Великую Отечественную – там его корни. И там он черпает историческую легитимность. Следовательно, Сталин – источник нынешней власти, «столп и утверждение». Поэтому сталинский миф, чтобы негативного о сталинизме ни говорили в разное время российские лидеры, – «живая вода» властной системы середины 10-х годов XXI в.

Каковы мои возражения против того, чтобы Сталина (да и всех его приспешников) судить по советским законам? Если мы пойдем на это, то придадим советскому «праву» (законам) статус права. То есть мы легитимируем и легализуем советскую систему. Логика здесь такова. Мы покажем, что Сталин нарушал советские законы, что он – преступник. Следовательно, автоматически признаем советские законы и утверждаем наличие в СССР правопорядка. Тогда все сводится к старому, прозвучавшему в докладе Н.С. Хрущева на XX съезде тезису: нарушение социалистической законности.

Вообще-то, конечно, имеется некая высшая эlegantность в «советском» суде над Сталиным. Он убивал «нас» статьями своего законодательства, теперь мы найдем статьи для него. Его же удавкой – его же. Да, но таким образом Сталин отделяется от тогдашних законов. *А он и есть эти законы.* Иосиф Виссарионович не нарушал социалистическую законность, но – воплощал. Другое дело, что она и была абсолютным нарушением законности. Причем не какой-то «абстрактной», а выработанной в ходе эволюции европейско-христианского исторического субъекта («элементом» которого, вне сомнения, являются и русские).

Попутно замечу: советское законодательство принципиально отличалось от национал-социалистического. Гитлер не отменил Веймарской конституции 1919 г. и «буржуазного» правопорядка. Были внесены очень важные «тоталитарные» изменения, калечившие правовую систему. С годами «правоприменение» становилось все более насильственно-террористическим. Специалисты говорили о двух государствах в рамках Третьего рейха: традиционном Веймарском и новом национал-социалистическом. Причем пространство первого постоянно сужалось. И тем не менее сохранялись остатки правовой государственности.

Большевики же, что хорошо известно, начали с принципиального отказа от ценностей цивилизованного мира. Отрицались религия, государ-

ство, право, семья, частная собственность, деньги etc. Жизнь оказалась сильнее. Что-то пришлось вернуть, – правда, в изуродованном виде. Это касается и юридической материи.

Внешне имелись конституции (1918, 1924, 1936, 1977), законы, суды, прокуроры, адвокаты. Но право не возвратилось в советское общество. (Речь даже не о чисто террористических законах, подзаконных актах, постановлениях и т.д.) Приведем пример – КПСС. В Конституции 1936 г. о КПСС (тогда – ВКП (б)) говорится в глубине текста и как-то мимоходом (Глава X. «Основные права и обязанности граждан», ст. 126): «Наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции добровольно объединяются в Коммунистическую партию Советского Союза, являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за построение коммунистического общества и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных»¹. – Заметим: все это как-то рыхло, общо, не по-юридически. Декларативно.

Ситуация несколько изменилась в Основном законе 1977 г. В главе I «Политическая система» имеется знаменитая ст. 6. «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия»². Это уже весомее, определеннее, так сказать, политичнее.

Действительно, коммунисты верховодили во всем. Только вот одна неувязочка. С 1917 по 1991 г. в СССР не был принят закон о коммунистической партии. Поэтому даже в рамках советского права это была нелегальная, подпольная организация. Конституционные тексты 1936 и 1977 гг. провозглашали господство не существовавшей в правовом пространстве организации. Парадоксальным образом, некую легитимность КПСС придал Указ Б.Н. Ельцина о запрете деятельности этой «партии» на территории (тогда еще) РСФСР. Ведь нельзя же юридически запретить то, чего юридически не существует. Эдакая посмертная легитимация и легализация.

В отличие от сталинского Союза, в гитлеровском рейхе 1 декабря 1933 г. был принят Закон об НСДАП («корпорация публичного права»)³. То же касается правового статуса первого лица в Союзе и в рейхе. Никакого генерального секретаря в конституционных текстах и законодательстве нет и в помине⁴. А вот Гитлер озаботился своим правовым положением. 1 августа 1934 г. внес изменение в Веймарскую конституцию: «Законом о

¹ Конституция общенародного государства. – М.: Политиздат, 1978. – С. 242.

² Там же. – С. 113.

³ Точное название: «Закон об обеспечении единства партии и государства».

⁴ В проекте «Устава трибунала над Сталиным» говорится о «превышении должностных полномочий». Но какие должностные полномочия были у главы нелегальной по этому самому праву партии?

главе Германского рейха» он объявлялся одновременно и рейхспрезидентом, и рейхсканцлером. 2 августа 1934 г., в день когда умер Гинденбург, Гитлер упразднил пост президента, теперь он был «фюрер и рейхсканцлер».

Да, вдогонку. Закона о КГБ у нас тоже никогда не было. И нигде в «правовых» документах эта организация не упоминалась. Нелегалы...

Мне возразят: принципиальный отказ судить Сталина есть заблуждение. Вы утверждаете, что Сталин – миф, Сталин – псевдохристос, Сталин – псевдосакральный царь, Сталин – русская идея не может быть «измерен» статьями законодательства (советского, но это в *данном* контексте не важно; главное вообще правом). Напротив, скажут мои оппоненты, через суд мы демифологизируем *такого* Сталина. С «небес» да на грешную землю. И смотришь: это уже не псевдобог и сказочное «наше все», а человек, нарушавший законы, виновный в таких-то конкретных преступлениях.

В противном случае – если не судить – Сталин останется во всех этих своих образах. То есть Вы сами того не ведая, льете воду на мельницу сталинопочклонников. Все Ваше рассуждение есть по сути апология Сталина, пусть цели были прямо противоположные.

Что ж, частично я готов принять эти гипотетические возражения. Вообще заманчиво (в хорошем смысле) отбросить высокопарность, мифологию и перейти к нормальному юридическому «разговору» с гражданином Сталиным (Джугашвили). Наверное, кому-то (даже, допускаю, многим) это откроет глаза на «полководца полководцев» (маршал Д. Язов о своем Верховном). Разве не этого хотим мы?!

Но... представим себе немцев в нашей ситуации. Рейх устоял во Второй мировой. Гитлер умирает (скажем) в 60-е. Режим смягчается, на XXIV съезде НСДАП в Нюрнберге канцлер Шахт обвиняет почившего фюрера в нарушениях национал-социалистической законности. Реабилитируют Рема, Канариса и др. Затем все происходит примерно по нашему сценарию... И в 2015 г. демократическая общественность Германии, обеспокоенная ростом симпатий к Гитлеру и расширением гитлеровских практик в немецкой повседневности, приходит к идее трибунала над этим преступником и его бандой. Трибунала, разумеется, общественного. Что эти прогрессивные люди с основательностью, присущей «германскому гению», и делают. Затем материалы передаются в Прокуратуру Федеративной Республики.

Чиновники немеют от неожиданности. Им предлагают начать уголовное преследование бывшего «фюрера и рейхсканцлера» и его окружения за нарушение законов 30–60-х годов XX в., давным-давно не действующих. К тому же и созданных этими «фигурантами». Тем самым прогрессивная германская общественность не только «признает» эти законы, но и поднимает вопрос об актуальности их использования, т.е. своеоб-

разной реанимации. Следовательно, «юридические практики» гитлеровских времен переживают второе рождение...

Мы рискуем оказаться в схожей ситуации. Убежденные антисталинисты потребуют от государства применения сталинского правосудия.

Тем не менее, принимая во внимание всю проблематичность идеи трибунала, полагаю любое противодействие Сталину, сталинизму оправданным. Более того, необходимым. Это протест против сталинизации нашей жизни и власти. Необходимо использовать каждый шанс, каждую инициативу (даже если не всегда согласны с конкретной формой противостояния).

Убежден, к этому нас подталкивает ситуация. Сегодня мы переживаем возрождение и новый расцвет «культы» Сталина. Он действительно не остался в прошлом, а растворился в будущем (нашем настоящем). Общество снизу доверху пронизано его мифом. И современный режим в своей эволюции, не исключено, «встретится» со Сталиным. Не случайно современники отмечают расширение сталинских практик в российской повседневности. В чем же дело?

Поскольку десталинизация всерьез не состоялась, то активизировался противоположный процесс. В этом – раньше мы просто не могли этого знать – закономерность эволюции посттоталитарных обществ. Они либо становятся нетоталитарными, либо имеют тенденцию двинуться вспять, к новому изданию тоталитаризма. В явном виде это происходит только в России. Историческая судьба ее, видимо, такова: сами первые сотворили тоталитарное устройство, сами должны избавиться от него. Нашим бывшим солагерниками из Центрально-Восточной Европы повезло – их включили в европейские и евро-атлантические структуры, тем самым купировав возможность реставрации. Впрочем, все справедливо – без СССР тоталитарные режимы там малопредставимы; да и были они в целом помягче, покороче, в той или иной мере сохранив некоторые элементы гражданского общества. Но – внимание! – в тех сегментах и социальных группах этих бывших «наших», в которых по той или иной причине детотализация оказалась поверхностной, можно обнаружить процессы, схожие с российскими; к примеру – Восток Германии, Венгрия, отчасти Польша.

При подготовке трибунала над Сталиным, вне зависимости от нашего желания, возникают аллюзии на Нюрнбергский трибунал. Все понимают гигантскую разницу ситуаций, но тем не менее... иных значимых прецедентов нет. – Оставив в стороне целый ряд наблюдений и рассуждений по поводу Нюрнберга, обращаю внимание на его схожесть с XX съездом КПСС (сразу же посыпятся возражения, подождите...). Скажу резко: это и есть *русский* Нюрнберг, другого не будет, другой невозможен. Но в чем схожесть?

И там, и там речь шла не об обвинениях, основанных на определенном законодательстве, но об апелляции к естественному праву. Про тот Нюрнберг это хорошо известно, однако разве и «наш» прошел не по этому пути? Конечно, в устах Н.С. Хрущева обвинение Сталина в «нарушении социалистической законности» и ленинских норм жизни и было по существу доступным для него и его соратников обращением к «естественному праву». Их естественному праву, к неким туманно-гуманным (надуманным) высшим ценностям. Это можно оспорить и брезгливо отбросить. Но я бы не стал. Типологическая схожесть, с моей точки зрения, безусловна. И многое объясняет в нашей истории и месте в ней XX съезда.

Далее. В чем сегодняшняя особенность сталинизма и Сталина-мифа? До смерти тирана сталинизм был всем и был, так сказать, естественным состоянием общества. В 1956 г. его объявили неким нарушением абсолютно правильного порядка. То есть сузили, сократили до «нарушения соцзаконности». Тем самым маргинализировали некоторые его черты и отделили от хорошего, правильного. Так или иначе произошло – до определенной степени, конечно, – противопоставление сталинских ошибок/преступлений и «успешного строительства социализма». И во временном отношении ограничили сталинизм: рубеж 20–30-х до начала 50-х. Причем война 1941–1945 гг. по сути вычиталась. В этот период «плохое сталинское» хоть и было, но играло значительно меньшую роль.

Во времена Леонида Ильича сталинизм и Сталина почти реабилитировали, но все-таки отделяли от прекрасного настоящего. Во всяком случае полностью не впускали сталинское в современность. В 90-е оно пережило худшее: дискредитировалось, разоблачалось, отвергалось.

Но с началом века, отчасти мы уже говорили об этом, дело пошло на поправку. Более того, сложилась качественно новая ситуация (это – важнейшее). Власть и значительная часть общества, признав преступления, включили Сталина и сталинизм в великую русскую историю и современность. Вернули их. Причем сделано это было весьма искусно. – Вот очередной телесериал, в нем обязательно Сталин и его подручные, никто не скрывает их жестокости и, может, даже злодейства, но и не «замалчивает» их незаменимую историческую роль. «Шекспировская» картинка. Исторические хроники. Да, лилась кровь (а где и когда не лилась?!), да, были незаконно репрессированные (а где и когда их не было?!), да... и т.д. Но – мы построили, мы победили, мы первыми в мире...

Думаю, таких прочных позиций у Сталина и сталинизма не было **никогда**. Даже в период их, казалось бы, абсолютного владычества. Тогда, пусть и скрывая (даже от себя), очень многие страдали от боли, страха, неопределенности. Тогда сияющий мир, запечатленный советским кинематографом, в одночасье мог смениться каким-нибудь Дубровлагом. Ну а повседневный ужас коммуналки, барака, голодной деревни, изнурительно-

го труда, безденежья, совершенной социальной и правовой незащищенности (это не по книжкам – автобиографическое) был сутью человеческой жизни.

Теперь же ничего этого нет. Нет даже саднящей памяти об этом. Носители боли в основном вымерли. Остался кинематограф. В разных смыслах этого слова...

Как судить Сталина за конкретные преступления? Да, «мы» их признали, осуждаем, сочувствуем. Но ведь Сталин этим не исчерпывается. Это наша победа, наша мощь, наша гордость. В конечном счете жизнь и судьба. Как же от этого отказываться?!

Россия сотворила свой исторический компромисс: она согласилась с тем, что в Сталине и сталинизме имелись позорно-преступные черты, и включила это зло в свое понимание добра, нормы, истории. Она сегодня не отдаст Сталина, поскольку без него народ неполный (так сегодня понимает себя народ). Произошла, как говорила по другому поводу Ханна Арендт, банализация зла. В смысле: ну, с кем не бывает, а в целом замечательная жизнь и люди.

Предполагаю: как социальная затея трибунал провалится. Никаких правовых последствий не будет. Но, убежден, будет приобретен новый и бесценный опыт разоблачения зла. Будет сделан – какой-никакой – шаг в десталинизации сознания граждан России. Будет заявлено громкое «нет» фактической сталинизации власти и социума. Преподаватели социально-гуманитарных дисциплин средней и высшей школы (из тех, кто действительно любит свою родину) получат дополнительную аргументацию и информацию, необходимые для антисталинских прививок молодежи.

И главное, что мы должны осознать: борьба со Сталиным и сталинизмом это противостояние свертыванию свободы в нашей стране. Это противостояние тому, чтобы вновь не стала актуальной горькая истина середины XX в.: вологодский конвой шуток не понимает.

Что тревожит. Конспирология

Давно замечено: в неустойчивые времена в обществе (любом) активизируются всякого рода «окультурные» настроения. Парарелигиозные, квазирелигиозные, «магические» и т.д. Научная картина мира подвергается интенсивным атакам со стороны пересмотрщиков исторической хронологии, открывателей «биополю», теоретиков какой-то иной физики. Разумеется, – это отчасти отражение и выражение той самой неустойчивости, фрустрации, кризиса идентичности, отчасти – реакция, нередко агрессивная и разрушающая, на некоторую неподвижность, «застойность», пре-

ность господствующих убеждений, концепций, классической (традиционной) науки в целом.

Еще, безусловно, здесь присутствует характерное для человека вообще «искушение» заглянуть за горизонт, прикоснуться к «последней» тайне, самолично воскресить умерших etc. То есть при всей фальши и неадекватности этого исторического мусора (увы, загрязняющего атмосферу, а ведь и так дышать нечем) его наличие, всплеск энергии, агрессивность – вполне объяснимы. Это не значит, что социально-психологически и даже политически они не опасны. Что им можно и не противостоять. Мол, само по себе уляжется, успокоится. Нет, конечно, это не так. И задача вменяемого ученого бороться с ними.

Но в такие неустойчивые эпохи общества сталкиваются и с гораздо более опасными и коварными вызовами. С попытками взорвать культурный фундамент социального развития человечества. К ним не в последнюю очередь относятся различные конспирологические «теории» (скорее, «практики»; ничего по-настоящему теоретического там нет; но оставим, как принято, «теории»). В последние годы они переживают в нашей стране подъем. И представляют несомненную опасность для нормального функционирования российского социума.

Итак, в чем ложь конспирологии? – В недоверии к человеку и его истории (существованию, бытию, тому, что происходит). В отказе ему в статусе субъекта исторического **развития** (чуть ниже мы объясним, почему эти слова выделены). Полагается – не **он** определяет содержание социальной жизни, но – **нечто** иное. А именно – «клубы, ложи, комиссии, орденские и неорденские структуры». Они контролируют современный мир, являются, так сказать, его директорами. Тайными и тeneвыми, а потому зловещими и коварными. Мы лишь игрушки в их руках; в лучшем случае – незаметная обслуга...

Всё: здесь заканчивается **любая** историософия и начинается следственное дело. «Виновный (е)» известен изначально; более того, «виновность» является его онтологическим статусом. Однако это не отменяет дознавательных действий. Они приходят на смену былым идеологиям и способам понимания истории. Конспирологи в своем лице (лицах) соединяют роли работников культа, партсекретарей (первых и по идеологии), судей, прокуроров. В интенции и исполнителей приговоров. Таким образом, конспирология есть не только отказ от попыток исторического понимания, но и **закрытие** самой истории. Ее больше нет, поскольку найден Ответ и выписаны ордера на арест.

Но конспирология не только анти- и внеисторична, она и надисторична. Это апелляция к дьяволу, имплементация врага рода человеческого в наличное бытие. Говоря научно: игра крапленными картами. Вообще мне представляется, что дьявол (черт) – изобретение ума **незрелого**. Ведь

«черт попутал» – уже отчуждение зла, тебе имманентного, отказ от ответственности. Да, да, я имею в виду идею первородного греха, на которой построена христианская цивилизация (Россия – ее часть). Преодоление греха, избывание греха, следование за Христом – вот цель жизни. Значит, человек есть не наличность (во всех смыслах), но – *задача*. Бог хочет от нас развития, Он не конец истории, а ее *раскрытие* (в духе Баха и др.). Конспирология же – яд, которым хотят уничтожить наше упование на все это.

К тому же эта «веселая наука» (как назвал ее один современный российский исследователь мировой закулисы) есть реализация принципа недоверия к человеку, презумпция его виновности (отчасти мы уже касались этого, но усилил в ином контексте). Не тебе должны доказать твою виновность, а ты – что невиновен. Докажи, что не «отвечаешь» за произошедшее. Ну! – Не можешь? Вот «ты» и есть в «ответе». Не смог же «оправдаться». Выражаясь не очень изысканно: конспирология – это такой своеобразный историсофско-социологический Вышинский. Это – сталинские процессы, развернутые против истории, развития, открытости etc. И одновременно «дорожная карта» для сегодняшних идеологов и мастеров заплечных дел.

Кто-то же должен ответить в условиях безответственности?!
Мне кажется, я объяснил использование выделенных слов.

*Мы не пойдем другим путем
(или Гимн декадансу и закатам Европы)*

Марксисты с подачи их отцов-основателей любят рассуждать о бонапартизме. Что это личная диктатура, опирающаяся на некий баланс различных социальных сил. Для меня эта формула всегда была загадочной. И я представлял себе его так. Некто, под названием «главный», постоянно прыгает с одной вершины на другую. И как-то так образуется политический баланс. Безусловно, это инфантильно и примитивно (то, как мне это представлялось).

А если всерьез, то бонапартизм для меня – это слова самого Бонапарта, сказанные им, кажется, генералу Ожеро (вполне могу ошибиться): Вы выше меня на голову, но я могу ликвидировать эту разницу. В этом суть бонапартизма. Гражданский кодекс (когда-то я писал, что это вторая по своему значению после Библии книга для европейского человечества) и есть юридическое (которое пришло на смену сакральному) закрепление господства «середины», равенства, сведение всех к одному росту. Как ни странно, всегда к росту властителя. Это тенденция к усреднению и понижению.

Каждый раз, когда западная часть человечества (поздние Афины, поздний Рим, Ренессанс, Просвещение, предвоенная (до 1914 г.) Европа)

подходит к чему-то принципиально новому, более сложному, а значит, и опасному, начинается охранительная реакция. В Афинах – в виде варваров и римлян, в Риме – варваров, в эпоху Ренессанса – протестантизма и контрреформации, в начале XX в. – самоубийственной мировой войны и деспотии неокультурного человека. Да, мы забыли Просвещение. Его могильщиком стал генерал Боунопарте. Но каждый раз социально и витально разгромленный авангард успевал передать эстафету следующим за ним (во временном смысле) потенциальным декадентам.

Здесь важное для нас уточнение. Стронники модного ныне цивилизационного подхода к истории вслед за Данилевским, Леонтьевым, Шпенглером, Тойнби полагают, что все культурно-исторические типы проходят три этапа, последний из которых – разложение. Или, как говорил Тойнби, *desintegration*, а наш Леонтьев – «вторичное смесительное упрощение». При всем уважении к этим замечательным умам возражу. Именно эта стадия и есть самое интересное, что случается с народами. Правда, будучи несведущ в неевропейских культурах, ограничу свое полагание Западом и Россией.

Каждый раз перед своим «закатом» Европа (и Россия) создавали непревзойденные произведения культуры, мысли, быта, эстетики и пр. Слава Богу, это не исчезало вместе с их материальными носителями. Каким прольвом в будущее виделась современникам и потомкам Французская революция! Какие возможности, казалось всем (или почти всем), открывала она перед человеком. А на самом деле несла новое рабство – рабство юридически эгалитарного мира: всех – под один рост. Но не прошло. И не могло пройти. «Марсельеза» не отменила Моцарта. Великие европейские музыка, литература, живопись XIX в. смели тенденцию к упрощению и вновь поставили на повестку дня сложность.

Так бывает. Гёте и Стендаль написали нового сложного европейца. И, как всегда, в последние столетия «предательскую» роль по отношению к тенденции снижения сыграла наука. Эти нередко малокультурные люди, сами того не ведая, постоянно работали на поддержание сложности восприятия мира. Они все время что-то открывали в природе. Говоря языком постмодернизма, постоянно ей что-то приписывали. Более того, навязывали. Электромагнитные волны, радио, телеграф, телефон. А до этого – паровой двигатель. Как когда-то часы. В интенции это означало: мы не дадим вам забыть в спокойствии, мы вам навяжем иной тип бытия. То есть каждый раз новое поколение европейцев как будто бы говорило себе: мы пойдем иным – своим путем...

А что же у нас, в России? Если для европейцев каждый раз свой путь иной – а потому и свой, то у нас нет. Так что же у нас? Когда-то я писал о двух постоянных составляющих русского исторического развития – общине (земстве) и орде. Началось все с противостояния монгольской Ор-

ды и земско-княжеской Руси. Это противостояние никогда не было изжито. Но, во-первых, дополнилось их симфонией. (При этом, подчеркнем, противостояние никуда не ушло.) А во-вторых, менялись формы их существования и борьбы. Что, кстати, крайне важно.

И вот когда я несколько лет назад говорил это, мне самому не был ясен механизм воспроизводства этой конфигурации. Но 14-й и 15-й годы нового столетия подсказали мне, в чем феномен живучести этих антагонистов/близнецов. В каждую эпоху в какой-то момент происходит их взаимопоглощение: орда поглощает общину, а община – орду. Мы, утверждаю историки, в конце XV в. освобождаемся от ордынского ига. Но, как указывают свободные философы, ставка хана переносится в Москву. Опричина (новая орда) в XVI в. как будто бы расправляется с земством (или: берет верх над земством). Лет через 40 земство в ходе Смуты продуцирует свою опричину, которая не дает состояться новой польско-боярско-казацкой орде. Ну и так далее. Имеются в виду Петр I, Сталин. Там такие же сценарии.

И сегодня. Казалось бы, к началу 90-х годов XX в. земство/община скинули с себя номенклатурную орду. Да и сами ее тут же породили. И, так сказать, взаимопоглотились. Мы не хотим и не можем идти иным путем. А какой бы он мог быть – иной? Орда становится национальной, т.е. гражданской, т.е. ответственной и патриотической элитой, а земство/община – обществом. Или, как говорил Карл Поппер, не полубиологическим единством, но союзом совершеннолетних личностей.

У нас по-прежнему «партия и народ едины». Не знаю, навсегда ли, но, видимо, в ближайшее время иной путь нам заказан.

Об опасности войны

В современной политической науке господствует элитистская концепция: элиты определяют политику. Можно как угодно относиться к этому выводу, но, безусловно, некое зерно рациональности в нем есть. О чем говорит опыт последних 150 лет? Кто затеял войны, разрушившие мировой порядок, установленный Венским конгрессом 1814–1815 гг.? Речь идет о войнах, приведших к образованию современных Германии, Италии и... даже Франции.

Франции – в том смысле, что была разрушена (и, видимо, навсегда) ее континентальная гегемония, которая существовала со времен Людовика XIV. В России значение крушения европейского господства Франции недооценивается. Когда-то Франция «развелась» с Англией... (Несколько столетий это было одно государство, та же династия правила в Париже и в Лондоне, лондонская знать говорила по-английски и по-французски. Все изменилось во времена Генриха VIII в начале XVI в. Будущие Франция и

Англия расстались. Англия, победив испанскую Армаду, стала владычицей морей: «правь Британия морями». Франция занялась континентом.) Так вот, франко-прусская война 1870 г. подвела черту под всей этой историей. Британия создала свой мир за пределами Европы – будущие США, Австралия, Новая Зеландия. Лишь в Канаде две части одного бывшего государства спорили за гегемонию. В целом, как известно, победила Англия.

Итак, франко-прусская война стала рубежом в истории человечества. В мировой политике появился новый игрок – Германия. Европа и, следовательно, весь мир потеряли относительную устойчивость венских договоренностей. Бурный рост мировых техники и технологий конца XIX – начала XX в. привел к созданию оружия массового уничтожения (ОМУ). И многим казалось, что это как раз противовес родившейся тогда опасной «многополярности» мира. Не может быть войны при наличии газа, пулемета, разрывных пуль. То есть парадоксальным образом ОМУ и были тем барьером, который стоял на пути тех, кто хотел переделать мир. Почему же началась война?

Выскажу странное предположение. К 1914 г. миром правили люди, которые не знали, что такое война. У них не было страха перед мщением, кровью, смертью. И столетний венский порядок был окончательно взорван. Вторая мировая война стала «лишь» заключительным актом Первой. Ее главные действовавшие лица – недоевавшие или проигравшие в 1918 г. Затем последовал период примерно 70-летнего мира, который не был разрушен даже развалом СССР и подъемом Китая. Но к 2014–2015 гг. лидерами ключевых стран мира оказались люди, родившиеся через десять–двадцать лет после окончания Второй мировой. У них тоже нет опыта военного времени. Единственным ограничителем (барьером) нового глобального столкновения является наличие ядерного оружия. Сегодня кажется, что его применение абсолютно невозможно. Это приведет к концу жизни на Земле. Но ведь сто лет назад, как мы знаем, тогдашнее ОМУ тоже считалось чем-то вроде красного света на дороге к войне.

Какой вывод из всего этого? История последних 150 лет показывает, что поколения лидеров, не переживших лично ужас войны, могут развязать ее даже при наличии ОМУ и ядерного оружия. Это делает современную ситуацию предельно опасной. В российских СМИ стали появляться материалы, невозможные даже при господстве коммунистов – о допустимости нанесения ядерных ударов по Западу. Во вроде бы в солидных политических журналах можно встретить такие «мэссиджи»: «Конфликт между Россией и Западом имеет глубинный, сущностный характер. США и его сателлитам важно не перейти “красную черту”, чтобы не началась Третья мировая война. Вызывающее поведение, бряцание оружием около наших границ в конечном итоге может привести к тому, что начнется ядерная война. Мы бьем Европу в среднем где-то раз в столетие. Видимо,

наступает момент напомнить ей о приличном поведении в международных отношениях. Европейцы после распада СССР немного подзабыли о том, что их когда-то били. Не исключено, сейчас приближается время, когда они рискуют нарваться на хорошую порку»¹.

Или вот, к примеру, Вячеслав Алексеевич Никонов констатирует: «У России появились неприятности. Слабый рубль, падение цен на нефть, санкции. Что России в этой ситуации делать? Конечно, ответ на этот вопрос у нас всегда был один. Главные союзники России – это ее армия и флот. И в последнее время Россия предприняла резкий рывок в усилении своей обороноспособности... У России по совокупной мощи – вторая военная машина на планете после США. А по многим параметрам – первая. У нас появились новые системы вооружений, которые принципиально меняют баланс военной силы... У нас есть новейшие межконтинентальные баллистические ракеты, способные достичь территории США не только через Северный полюс, но и через Южный... Наша ракета может прилететь совсем не оттуда, откуда ее ждут»².

Вроде бы и ничего особенно воинственного, но как-то страшновато. Особенно из уст председателя думского комитета по *образованию*.

II. «В терновом венце революции»³

*«И те же выписки из книг,
И тех же эр сопоставлень»⁴.*

Зимой тринадцатого–четырнадцатого я принялся писать дневник. Но Крым как-то выбыл из колеи. А затем – Донбасс и общее одичание, ожесточение, ужесточение. В начале пятнадцатого государство подарило нам десять дней отдыха (впрочем, это уже обычное дело), и все это время я читал книги по русской истории⁵. Хотелось остановиться, оглянуться, задуматься... Не на бегу, как почти всегда. При этом понимал: после того, что произошло в стране и мире в Четырнадцатом, следует еще раз обратиться к нашему прошлому – с вопросами и за советом.

¹ Британский план укрощения России // Стратегия Россия. – М., 2015. – № 7. – С. 28. – Автор этих строк ведущий эксперт Центра военно-политических исследований МГИМО Михаил Александров.

² Никонов В. Россия в современном мире // Стратегия Россия. – М., 2015. – № 7. – С. 11–12.

³ Слова Владимира Маяковского.

⁴ Слова Бориса Пастернака

⁵ Разумеется, тогда я не мог знать, как круто повернется моя жизнь. Как пожар в ИНИОНе разрушит устоявшейся ее уклад, отнимет то, чему я служил десятилетиями... Впрочем, это другая история.

Получилось ли? Не знаю, не уверен. Правда, по мере углубления в тексты сегодняшняя боль, боль о современном как-то притуплялась. Шестого января, в сочельник (и 25 лет со дня смерти моего учителя профессора Николая Никаноровича Разумовича) я записал: «Как сладко утонуть в русской истории (особенно, по Ключевскому, – острой, умной, элегантной, пессимистичной... в общем “своей”), чтобы не видеть, забыть, не сопротивляться». Действительно, если всегда так было, что уж...

Вот, к примеру, Василий Осипович о 30-х годах XVIII в., о бироновщине, об ограблении властью народа: «Под стать невзгодам, какими тогда посетила Россию природа, неурожаям, голоду, повальным болезням, пожарам устроена была доимочная облава на народ (выделено мною. – Ю.П.): снаряжались **вымогательные экспедиции** (выделено мною. – Ю.П.); неисправных областных правителей ковали в цепи, помещиков и старост в тюрьмах морили голодом до смерти, крестьян били на правее и продавали у них все, что попадалось под руку. Повторялись **татарские нашествия, только из отечественной столицы**¹ (выделено мною. – Ю.П.). Стон и вопль пошел по стране»².

Так это просто коллективизация и «большой террор»! В те же 30-е, но двести лет назад. – И еще о бироновщине: «Сколько-нибудь размышлявшие люди сделали важное открытие: они почувствовали при чересчур обильном законодательстве полное отсутствие закона»³. – Разве это не о наших днях?!

Кстати, по поводу «татарских нашествий... из отечественной столицы». Это не просто литературный оборот, но – точная констатация. Все мы, конечно, помним зацитированные (что не отменяет верности) слова Г.В. Федотова относительно прекращения в конце XV в. татаро-монгольского ига: «Ставка хана была перенесена в Москву». Отныне «белый царь» (так именовали на Руси кочевнических ханов в XIII–XV вв.), покинув дворец Алтын Ордон в Сарае, поселяется в московском Кремле. Его как будто специально к этому моменту строят итальянские мастера. Понятно, «перенос ставки», «переселение» носят символический характер. Первым русским «белым царем» (ханом) становится Рюрикovich (данилович) Иван Васильевич, Иван III, Иван Грозный (впоследствии младший внук отберет у него это именование; мол, погрознее бывают). Надо сказать: московские князья долго шли к этому положению. Старт был дан еще в середине XIII столетия их пращуром – Александром Невским. Случались, правда, и среди даниловичей уклонисты и отщепенцы (Дмитрий Донской, скажем), но в целом линия была последовательной и увенчалась

¹ А через многие десятки лет А. Галич скажет: «И это уже не татары. / Похуже Мама – свои».

² Ключевский В.О. Указ. соч. – С. 139.

³ Там же. – С. 144.

успехом. Говоря научно, Орда была русскими интериоризирована. Внешнее рабство сменилось внутренним. Монополия на ограбление русского народа перешла от Сарая к Москве. Вскорости появятся и собственные ордынцы (не только хан) – опричники, гвардейцы Петра, военно-служилое дворянство.

Здесь – невозможно удержаться – хочется сказать несколько слов о роли Орды в нашей истории. И одновременно поспособствовать прекращению спора приверженцев и противников «норманнской» теории.

Кто создал не абстрактную русскую государственность (этот глупый спор «норманны–славяне»), а Русское государство? **Орда**. Всех пересчитали, устроили коммуникации, обложили данью («выход»). То есть обрисовали и определили «Рус Улус» (РУ). Покончили – в целом – с «феодальной раздробленностью». Хотели-не-хотели подвязали земщину (общину) к военщине (в Орде **так** и было). Научили, что прав нет ни у кого, только – обязанности. У Одного – **все** права (**так** не было до монгольской власти и ордынзации всей страны). «Помогали» Церкви любить Власть, служить ей, обслуживать.

Кстати, можно даже назвать эпоху, когда родилась Русь–Московия. В 1368 г. Золотая орда становится независимой от Монгольской империи. В 1380 г. Дмитрий сражается и побеждает нелегитимного, узурпатора, выскочку – Мамай (в **этом** контексте слова В.О. Ключевского, что Русское государство начинается на Куликовом поле, звучат иначе). Заметим: в этой великой битве не было ратей Новгорода, Пскова, Твери, Суздаля, Рязани. В 1385 г. Ольгерд принимает католичество. Вот в эти 20 лет Московская Русь в рамках Орды претендует на лидерство в ней. Через 200 лет на царский престол сядет чингизид Симеон, а вскорости потомок выходцев из Орды – Годунов.

Со временем москвиты русифицировали Рус Улус. И это стало опасно для последнего. Пойди РУ по пути В. Голицына–Федора–Софьи, по пути мягкой колонизации, литвинизации, (страшно сказать) мадьяризации, быть бы великороссам чем-то типа западных мало- и белоруссов. Свою роль в разложении РУ играла левобережная Украина с Киевом на правом берегу (все эти могилянцы), пришельцы из Белой Руси (все эти полоцкие), да и Немецкая слобода.

Было два варианта: этот, разложенческий, и другой – подморозить РУ с помощью продвинутых европейских технологий. Со временем самим научиться их производить и применять. Так сказать, импортозамещение.

Явился Металлический Всадник и, спасая эссенцию Рус Улус, превратил его в Rußland (РЛ). Тридцать лет назад я написал: скрестил ордынца с пруссаком.

Вернемся к опричникам. Они ведь далеко не «случайны». Без них новое государство – во многом по монгольскому образцу – не состоялось

бы. «Дворцовое государство» – говорит Ключевский (сегодня эта метафора великого историка развернута в убедительную концепцию, помогающую многое понять в современной русской политике; см. работы И.И. Глебовой¹). Итак, «государство замкнулось во дворце. Правительства, охранявшие власть даже не как династическое достояние, а просто как захват, которого не умели оправдать перед народом, нуждались не в народной, а в военно-полицейской опоре»². – И хотя это о наследниках Петра Великого, несомненно, такой тип государственности складывается со времен (как минимум) Ивана III и в ходе того самого «переноса» и усвоения, о котором мы уже писали.

Ну, а «военно-полицейская опора» рождается в славной опричнине Грозного-царя («славной», и потому что ее возрождения взыскуют славные изборцы, идеологи и подстрекатели нового погрома на Руси³). В ней «этот класс получил яркую политическую окраску как полицейский охраняющий корпус...»⁴. А в елизаветинские времена «помещичьи усадьбы... стали центрами крепостных судебно-полицейских участков»⁵.

И еще к теме переноса «ханских ставок» (или «дворцового государства»). Каждая из них знаменовала переход страны в новое состояние (об этом достаточно ясно сказано в работе «Русская Система»). Среди прочих «переносчиков» особо выделяется Петр Алексеевич. Поначалу он убегает из Москвы (не из города, а от малоподвижной старозаветной жизни; так казалось поверхностному, вздорному, самонадеянному юноше; он почему-то соизволил не заметить тех глубоких перемен, которые происходили при деде, отце, старшем брате и старшей сестре) в Немецкую слободу. Здесь он располагает свою ставку. «Это был уголок Западной Европы, приютившейся на восточной окраине Москвы»⁶. Следующий ход – ставка отправляется в Петербург, который становится уголком Западной Европы, приютившейся на западной окраине Московии. Его тоже строят итальянцы (в основном). И в нем, как в Слободе, прямые широкие улицы.

Символично, что и в Слободе, и в новой столице у него были социально схожие любимые женщины – Анна Монс и Марта Скавронская. Тянуло герра Питера к простонародно-блядской Европе. Апофеозом этого

¹ См., например: Глебова И.И. Особенности эволюции государства в России: «Дворец» // Россия и современный мир. – М., 2011. – № 1 (70). – С. 84–112.

² Ключевский В.О. Указ. соч. – С. 195.

³ Знаете, все более реалистичным представляется сорокинское предчувствие «День опричника». И, кажется, вот-вот оживет стихотворная картинка Б. Слуцкого: «Снова опричник на сытом коне / по мостовой пролетает с метлою. / Вижу лицо его подлое, злое, / нагло подмигивающее мне. / Рядом! Не на чужой стороне – / в милой Москве на дебелом коне / рыжий опричник, а небо в огне: / молча горят небеса надо мною».

⁴ Ключевский В.О. Указ. соч. – С. 176.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

влечения стало утверждение на российском троне «походной жены-солдатки» (Ключевский о будущей Екатерине I). Это воцарение, помимо прочего, означало отмену черты оседлости для европейцев (Немецкая слобода). И тут же они «захватили» Россию (не всю, конечно, но значительную ее часть). Типологически это схоже с тем, что произошло через 200 лет с чертой оседлости для евреев. Надеюсь меня не заподозрят в антисемитизме... Бывают странные сближения.

«Грядет шестнадцатый год»

Эти строчки Маяковского помнятся со школьных лет. Он ошибся всего лишь немного. Оказалось: Семнадцатый. Однако по сути был прав, предчувствие не обмануло его.

Прошло сто лет. И вполне естественно спросить: «А похожа ли нынешняя Россия на ту, вековой давности?». Нет, конечно, нет. Ничего общего. Даже климат изменился. Хотя есть что-то неувлимо схожее с одной эпохой. Не событийно, в смысле – esprit. Начало 30-х годов XX в. Покончено с НЭПом, с каким-никаким разномыслием в правящей верхушке, взят курс на «построение» в одной отдельной стране, т.е. на самоизоляции, не отменяющую, правда, практики вмешательства в мировые дела. Режим, сбросив с себя интернационалистский прикид, стремительно национализировался. К власти, оттесняя не вполне этнически русскую ленинскую гвардию, приходили коренные русаки. У них был свой вождь, они явились его прямыми назначенцами. Вдруг вспомнили про отечественную историю, нашли себе корни и основу, написали правильный учебник. Энтузиазм масс, высокий накал квазирелигиозного чувства, своеобразный посяторонний «монотеизм». Успехи в строительстве военно-мобилизационной экономики, катастрофическое падение уровня жизни, убийство деревни и крестьянства. Творческая интеллигенция (в значительной своей части) присягает хозяину Кремля. Усиливается террор, постепенно становящийся стилем эпохи. Вождю слегка за 50 и он находится в прекрасной умственной и физической силе...

То есть начало 30-х – это и логическое продолжение и не менее логическое отрицание 20-х. Это рождение и становление «теории» и практики сталинизма. Того, что будет властвовать здесь до самой смерти Хозяина. Или до той самой поры, когда увидят свет нынешние начальники.

Юрий Тынянов говорил, что Пушкин погиб не от пули Дантеса, ему перестало хватать воздуха и он задохнулся. Бывают такие времена, когда действительно воздух куда-то уходит. В начале 30-х задохнулся Пастернак. Помню памятью ребенка начало 50-х. Тоже безвоздушье. Бродский говорил об опыте борьбы с душущем.

А еще схожесть с эпохами, когда Россия самоопределялась. После Флорентийской унии и падения Константинополя на Москве решили, что они теперь единственные хранители истины аутентичного христианства (уже не «греческого», но своего – русского), единственные, кто противостоит «латине». И сегодня мы защищаем традиционные христианские ценности, от которых отказался Запад. Именно поэтому оппозируем ему. Или, как царь Николай I, видевший свою миссию в поддержании в России и Европе монархических, легалистских и легитимных основ, в противоборстве с безбожной революцией. Мы ведь сегодня тоже готовы помочь европейским борцам с однополыми браками и сторонниками бездуховных релятивистов. И потому протягиваем руку (в том числе и руку помощи) Марин Лё Пен и другим.

Конечно, нынешняя Россия не похожа на Московское царство середины XVII в. Но некоторые ситуации чуть ли не совпадают. Послушаем С.Ф. Платонова: «Из-за Малороссии Россия... втянулась в войну с Польшей. ...Недостаток средств у правительства и плохое экономическое положение народа скоро дали себя знать. Правительству приходилось прибегать к экстренным сборам..., но и их не хватало, и правительство пробовало сокращать свои расходы. Однако видя, что все такие попытки далеко не удовлетворяют желаемой цели, оно попробовало извернуться из затруднительного положения, произвольно увеличивая ценность ходившей монеты. В то время своих золотых у нас еще не было, а в обращении были голландские и немецкие червонцы, причем голландский червонец имел ценность одного рубля, а серебряный ефимок (талер) ходил от 42 до 50 коп., и, перечеканивая его в русскую серебряную монету, правительство из ефимка чеканило 21 алтын и 2 деньги, т.е. около 64 коп., и таким образом на каждом ефимке выгадывало 15–20 коп.»¹.

Ну что ж, и «мы» из-за Малороссии (Украины) начали войну с Западом. Ведь в середине XVII в. Польша была единственным доступным Западом. Это не важно, что нынешняя война носит информационный, экономический, политический характер. Всё война. И сокращение правительственных расходов и взваливание бремени трудностей на население. Да, и в монетарных делах власть действует де-факто тем же методом. Кстати, и сегодня в нашем обращении тон задает не русская валюта. На смену голландским и немецким деньгам пришли евро и доллар. И также начальники пытаются выиграть на установлении искусственных курсов. Тогда в сторону завышения стоимости рубля, сегодня – на понижении. Но суть одна – заработать на монетарных манипуляциях. А не на увеличении производства и проведении адекватной социальной политики.

¹ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. – Петрозаводск: Фолиум, 1996. – С. 407.

* * *

Если и дальше пытаться самоопределяться в русской исторической темпоральности, то, несомненно, мы вступаем во «время Карамзина».

Так 25 лет назад я назвал статью – предисловие к публиковавшейся мною в издательстве «Наука» «Записке о древней и новой России». Пытался объяснить, почему для нас так важен и актуален Николай Михайлович. – Но теперь я понимаю: время Карамзина пришло сегодня. Тогда его начали много печатать, в том числе и то, что советскому человеку было совершенно недоступно. Ныне же – 250 лет со дня рождения великого человека и 200 с момента выхода в свет первого тома «Истории государства Российского». Серьезные даты, значительные! Но не это самое важное. На дворе эпоха, созвучная его идеям.

Акме консерватизма: «Требуем более мудрости охранительной, нежели творческой»¹; «всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надо прибегать только в необходимости»²; «для твердости бытия государственного безопаснее поработать людей, нежели дать им не вовремя свободу»³. Торжество трезвого реализма в международных отношениях – в 1815 г. он писал Александру I: «Вы думаете восстановить Польшу в ее целостности, действуя, как христианин, благодаря врагам. Государь! Вера христианская есть тайный союз человеческого сердца с Богом... Она выше земли и мира... Солнце течет и ныне по тем же законам, по коим текло до явления Христа-Спасителя; так и гражданские общества не переменили своих коренных уставов: все осталось как было на земле и как иначе быть не может»⁴. Смысл этого обращения заключался в следующем. Политика, и международная прежде всего, не подпадают под действие высшего нравственного закона. Здесь нет места для христианской морали и господствуют принципы Realpolitik.

И самое главное – мы являемся свидетелями уверенного возвращения в нашу жизнь самодержавной власти, т.е. ничем не ограниченной власти одного. Карамзин полагал это важнейшим (из необходимых) условием успешного бытования России в истории. Самодержавие есть «палладиум России», утверждал он. Сейчас его время.

* * *

...Мы же скажем: сводить русскую историю к некоему вечному, аутентичному самодержавию – и методологическая, и нравственная ошибка.

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. – М.: Наука, 1991. – С. 69.

² Там же. – С. 74.

³ Там же.

⁴ Цит. по: Миллер О.Ф. Славянство и Европа. – СПб.: Тип. Благосветлова, 1887. – С. 274.

Карамзинская концепция выросла из летописных текстов, в которых прежде всего фиксировались деяния власти. Все же остальное во многом оставалось за их пределами – и, следовательно, за пределами его внимания. Несомненно, на него повлияли и работы немецких специалистов, призванных Екатериной составить русскую историю в самодержавно-романовском духе. Не забудем и то, что Карамзин был поздним современником передряг XVIII в.: дворцовые перевороты, пугачевщина, во всем неустойчивость и непредсказуемость. Ясно, что он хватался за самодержавие как за спасательный круг – никогда не подведет. Хотя этим, разумеется, не исчерпывается вся палитра политических воззрений Николая Михайловича. Она была шире, современнее и, если можно так сказать, качественнее.

Однако и сегодня, в период интенсивного «цезаризма», немногим удается избежать искушения самодержавством. Это, кстати, проявляется не только в неподдельной любви россиян к президенту, но и в искреннем сталинобесии нашего общества, и во вновь вспыхнувшем интересе к Ивану Грозному (ему уже и памятник ставят) и Петру Великому, в исторической реабилитации Николая I и Александра III. При одновременном, идущем от сердца презрении и ненависти к «оттепельным» фигурам и эпохам.

Свою задачу я вижу не в том, чтобы полемизировать с народной любовью или нелюбовью. Дело это бессмысленное. Сердцу ведь не прикажешь. Нет, мне хотелось бы показать, что в русской истории было и есть много чего несамодержавного, да и само самодержавие (в разных его временных вариантах) – штука сложная, противоречивая, не сводимая к какому-нибудь его идеальному типу.

Мне, конечно, напомнят, что все это хорошо известно. Так-то оно так. Но, думаю, время от времени необходимо говорить об этом. Особенно в эпохи массовой любви к тому историческому явлению, которое Карамзин назвал «палладиумом России».

А еще я напомню «моим» напоминателям, что представители следующего за Николаем Михайловичем поколения подвергли ревизии его властечетричные воззрения. Никита Муравьев посмел утверждать, что история принадлежит не царям, а народам. Петр Чаадаев в письме своему парижскому корреспонденту графу де Сиркуру сообщил, что у нас в России все – плохое и хорошее – из православия. На десятилетие старше их Сергей Уваров свел карамзинское, муравьевское, чаадаевское в своей известной триаде – «Православие. Самодержавие. Народность». Ну, а потом пришли другие объяснители главного в русской истории – западники (юридическая школа), славянофилы (эдакое православное, соборное «гражданское общество») и т.д.

* * *

В связи с актуальностью карамзинско-самодержавной темы на ум приходит вот что.

У русской исторической науки, в целом великой и убедительной, есть одно, как мне кажется, «слабое» качество. Вся она настроена антибоярски, т.е. антиаристократично. Прошлое прочитывается с разных научных и идейных позиций, создана вполне стереоскопическая «картинка». Но через боярскую «призму» на нее не смотрели. Напротив, роль боярства в отечественной истории всегда трактуется с обвинительным уклоном. Даже такими учеными, как С.Ф. Платонов. А он был очень осторожен, точен, судил взвешенно и спокойно.

«Царь – хороший, бояре – плохие». Это народный приговор на все и во все времена. И любимые наши властители – те, кто рубит этим плохим головы. Ставит на их место опричников, т.е. людей случайных. «Перебрать людишек» – это ведь прежде всего о боярах. Нет ни одной попытки боярства ограничить самодержавие и получить свою долю в управлении, которая в науке и исторической памяти была бы одобрена. Что самибоярщина при маленьком Иване (будущем) Грозном, что боярская активность в период Смуты, что действия верховников в 1730-е, что... Сегодня можно узнать, что сталинский «большой террор» стал защитной реакцией Хозяина на агрессивную атаку на него партийных бояр. Которые-де пытались воспрепятствовать ему ввести демократию в СССР.

А как испугалось окружение Александра I, узнав, что в конституционном проекте М.М. Сперанского предполагалось создание Госсовета, формируемого из представителей крупнейших аристократических родов. Иными словами, Михаил Михайлович хотел завести у нас палату лордов. Мне ни разу не удалось услышать хоть один сочувственный отклик на эту инициативу великого человека.

Пишу это не для того, чтобы вызвать симпатию к русской аристократии. Она, как и все на свете, была разной. Но сегодня, в условиях очередного подъема самодержавства, хочется вспомнить о нашей небольшой слабости. Может все-таки преодолеем ее? И тогда по-другому будем понимать наше прошлое и настоящее. А это уже какая-никакая основа для изменения действительности.

По существу

В наши дни – думаю, не случайно, это соответствует духу времени – все чаще слышны оправдания крепостного порядка на Руси. Крупные ученые и политические деятели «убедительно» доказывают нам «raison d'être» этого института.

Действительно, крепостнически-самодержавное устройство было в известном смысле неизбежно. Это была попытка установления хоть какого-то порядка. Р. Пайпс пишет: до середины XVII в. «на Руси были осед-

лые правители и бродячее население»¹. Народ, утверждал В.О. Ключевский, жидкий элемент русской истории. Растекается по всей громадной равнине. Но это-то хорошо известно и осмыслено. На самом деле важное другое.

Итак, всех заковали в цепи. Создали тягловые сословия. Сверху наложили вотчинную царскую власть. Это, так сказать, базис. Надстройкой выступили сотериологическо-литургическое государство и иосифлянская церковь. «Коммунизм» в одной отдельно взятой стране (ведь отгородились, казалось, капитально; «железный занавес») вроде бы был построен. И все-таки не получилось. Подвел «человеческий материал». XVII столетие и особенно его середина – это и акме, и закат Московского царства (как конец XIX – начало XX – Петербургского). «Бунташный век» – не мы придумали, но разделяем. Причем в бунташность вписываются и раскол, и городские восстания, и Стенька, и т.д. Это живая жизнь сопротивлялась упорядочиванию сверху. Ну и, разумеется, западные (киевские, белорусские, польские, «немецкие») влияния разлагали верхушку, вербовали ее в европейцев. В общем не вышло – «в одной отдельно взятой стране».

То есть поначалу русский человек сопротивлялся, пытаясь разными путями разбить оковы. По-разински, по-пугачевски, бегом в казаки и т.д. Но прискакал металлический Всадник (Андрей Белый о Петре в «Петербург»²) и цепь крепостного права, наброшенную его папой Алексеем Михайловичем на народ (не только крестьян; всех) замкнул замком немецкого производства (этот образ принадлежит Герцену). После жуткого восстания начала 70-х XVIII в. верхи всерьез испугались. В качестве панацеи соорудили передельную общину, куда и ушел практически весь протестный пыл. Или, говоря по-простому, было найдено соответствие развития производительных сил производственным отношениям. И все бы хорошо.

Но вновь подвел «человеческий материал». Верхушка начиталась французских книг, наездила в Европу, гуманизировалась и решила разрушить мир эксплуатации. Еще и Промышленная революция повлияла. В том смысле, что уж слишком опасными оказались последствия ее отсутствия. Как бы там ни было, общине скомандовали: «Вольно». Не совсем, но все же вольнее, чем было раньше.

И что же дальше? Крепостнически-самодержавный порядок вступил в Untergang, по Шпенглеру. Точнее сказал Ленин: «...реформа породила революцию». Это означает, что было нарушено соответствие развития производительных сил производственным отношениям.

В этом одно из коренных противоречий, парадоксов, они же – особенности нашего исторического бытования. Как только находится соответствие между означенными феноменами, так начинается передельный

¹ Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М.: Независимая газета, 1993. – С. 67.

застой (см. хрущевско-брежневскую эпоху). Прекрасное время! Но оно чревато, поскольку исподволь разрушает самодержавно-крепостническую или коммунистическую гармонию (а ведь он был настоящий коммунизм: от каждого по труду, каждому – по потребностям; поскольку трудились не очень (как могли), так и по потребностям тоже не очень (или кто как обещает их сам); но принцип соблюдался). Дело в том, что если долго заниматься увлекательнейшим процессом передела, то остановиться уже трудно. Поделить хочется все – по справедливости. Включая сам самодержавно-крепостнический порядок с его особыми необщинными активами.

Так что и сегодняшнее похолодание неизбежно сменится оттепелью. Только вот во что выльется эта самая оттепель? – Хотелось бы понемножку сокращать объем передела. И переходить к социальному творчеству. На основе права и социальной безопасности для всех.

Что же нас ждет впереди

Но чем разительно отличается нынешний 16-й год от предыдущих эпох, включая столетней давности, так это тем, что впервые Россия не имеет проекта будущего. Как это понять? – Да просто. Еще недавно мы хотели преодолеть наследие «лихих 90-х» и достичь к 2020 г. уровня благосостояния Португалии (один из самых низких в Европе). До этого – в 90-е – покончить с проклятым эсесеризмом и построить правовую либеральную демократию, рыночную экономику. А еще – до того – социализм с человеческим лицом, правовое социалистическое государство и к 2000 г. всем советским семьям отдельную квартиру. Развитой социализм, коммунизм... До Февраля – правовое, либеральное, конституционное социальное общество и государство. В общем все это известно.

Но сегодня никакого проекта, даже заведомо утопического, нет. Мы ищем будущее в нашем прошлом (увы, во многом вымышленном). «Верность традиционным ценностям». Пожалуй, даже соглашусь. Они – хороши. Но как быть с лидерством в Европе по абортам, сокращению населения, самоубийством etc. Конечно, хорошо стоять против ЛГБТ-Европы. И надо обязательно стоять. Но если они все куда-нибудь уйдут, перед кем будем стоять?

Опора только на прошлое, причем, еще раз скажу, нередко вымышленное, в чем-то сродни ресурсно-сырьевой экономике. Не хватает добавленной стоимости, да и рента с нее распределяется в пользу узкого слоя начальников. Инновации необходимы только в добывающе-перекачивающем хозяйстве. Да и в военных делах, поскольку «верность традиционным ценностям» это не только, к примеру, нормативно-христианская семья, но и ратные подвиги предков. Меня спросят: хорошо, у нас нет проекта или он, с твоей точки зрения, неадекватен, а у европейских стран, США тако-

вые имеются? – Развитие, поиск нового, сохранение необходимого старого. Климат, экология, медицина, благосостояние, борьба с бедностью, культура, образование и т.д. – А разве у нас не то же самое? И мы ведь говорим об этом. – Но ничего не делаем. У них же эти проекты, худобно, осуществляются. Ведь проект – это то, что пытаются реализовать.

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Как убийственно точны эти слова. Вот вам новая «сказка». 12 февраля 2016 г. состоялась историческая встреча Папы Римского Франциска и Патриарха Московского Кирилла. Действительно, историческая, «ждали» ее тысячу лет, важная, нужная, в острый момент социальных передрыг на планете. Но во всей этой радости есть одно почти незаметное обстоятельство: некоторое, совсем небольшое несоответствие. Какое же? – Говорится, что папа и патриарх не виделись тысячу лет. Это так. Только патриарх был не Московский, а Константинопольский. Это он порвал отношения с тогдашним папой. Маленькая-маленькая неточность. Однако с большим смыслом. Получается, что Московский патриарх отвечает за всех православных, живущих сегодня и живших на протяжении десяти столетий. Но мы знаем, что в мире существуют четырнадцать автокефальных (независимых) православных церквей. И по каноническому праву Московский патриарх стоит на пятом месте. Константинопольский – на первом. Понятно, что русская церковь сегодня и по количеству ее членов, и по мощи воздействия превосходит остальные, вместе взятые. Фактически «мы» заняли место Константинополя.

Однако не упомянув это незначительное несоответствие, руководство РПЦ исторически и политически (канонически не получится, но кого это волнует сегодня) присвоило себе право первенства в православном мире и право говорить от лица всех православных. В некотором смысле Кирилл становится папой ортодоксальной ойкумены. – Понимаю: эти мои соображения могут вызвать раздражение (извиняюсь за «рифму»). Ему бы вместе со всеми радоваться и гордиться, а он брюзжит. Я радуюсь... А небольшая историческая неточность остается.

В том числе и так верстается наш ретроспективный проект. Чуть подправленное прошлое укрепляет русские позиции в мире.

Что же касается новоявленных идеологов Святой Руси и современной России как единственной хранительницы традиционных христианских ценностей («Третий Рим?»), по совместительству – похоронщиков Запада, трубадуров очередного заката Европы, то они вызывают у меня сомнение. Из их уст льется брань, очевидная неправда, злобная агрессия. Возникает вопрос: а сами-то они привержены тем ценностям, о которых вешают, верят в них? – На ум приходит характеристика, данная великим русским историком С.М. Соловьевым знаменитой триаде «Православие. Самодержавие. Народность» и ее автору – С.С. Уварову. О православии говорит

атеист, о самодержавии – республиканец, о народности – человек, не прочитавший ни одной книжки по-русски. Немного ядовито, с иронией, но в точку.

...Однако видения будущего все-таки нет. Почему? – Население единственной защитницы традиционных ценностей ни во что не верит, ни в какие обещания. Оно, конечно, поддерживает все, что идет с самого верха. Но примерно в том же смысле, как поддерживают приход зимы или лета. В независимости от того, что они несут. Лютый холод и свирепую жару или умеренные погоды. А с чем спорить – принимаем. Помните: иного не дано. Это название самого известного сборника статей времен перестройки, самого официально-публичного «антисоветчика» (сегодня многие его авторы – видные спикеры поднявшейся с колен страны). – Действительно, оказалось: «иного» не дано. Жаль, хотелось!

Уроки Февраля

Теперь же главное, что я хотел сказать о 16-м годе прошлого и нынешнего столетия. Это о Феврале 17-го.

Пора уже начать писать книгу с таким названием. Помните: «Уроки Октября» Льва Троцкого? – Вдруг Февральская революция оказалась в центре внимания. Да, скоро столетие, но уже лет десять идет спор об этом событии (а ведь довольно долго эта революция была в тени Октября). Нет, наверное, не спор – ведь большинство согласно в главном, так что, скорее, обсуждение.

Современники практически солидарны в том, что это – ошибка, преступление, самоубийство, предательство и т.п. Война худо-бедно шла к концу, при всех опасениях и усталости победа была не за горами. А здесь нож в спину стране. Развязываются страшные стихии, верх берут разлад и распад, деструкция и безответственность. Как на дрожжах растут сепаратистские настроения.

Увы, все это правда. Хотя очень горько это признавать. – Но что же произошло? – Для серьезного ответа необходимо...

...Поговорить об истоках и смыслах революции. Именно это я сделал в первом выпуске «Трудов по оссиеведению»¹, что освобождает нас от подробного анализа сейчас. Воспроизведем лишь некоторые основные идеи.

Русская Революция – это не 1917 г. с его двумя революциями: Февральской и Октябрьской. Это и не 1905–1907 гг. плюс 1917 г. То есть это не совокупность даже трех революций, хотя все они – важнейшие ее события. Русская Революция – это историческая эпоха примерно между 1860-ми

¹ Пивоваров Ю.С. О русских революциях: Послесловие // Труды по оссиеведению: Сб. науч. тр./ РАН. ИНИОН. – М., 2009. – Вып. 1. – С. 21–67.

и 1930-ми годами. Это – 70 лет, жизнь человека, жизнь поколения. Она началась реформами Александра II и закончилась победой Сталина и сталинцев во внутривластной борьбе, сворачиванием НЭПа и коллективизацией. Русская Революция – это период русской истории между отменой Крепостного Порядка и установлением Второго Крепостного Порядка большевиков (ВКП (б)).

Содержанием и целью Русской Революции была эмансипация общества и индивида. К весне 1917 г. эта цель была достигнута (какой ценой – и этот вопрос принципиальный – скажем позже). После победы движение повернулось вспять, в сторону восстановления рабства. Говоря красиво, 17-й был пиком – русская история взлетела к свободе и, не удержавшись, рухнула вниз.

Одно из больших исторических заблуждений (как современников, так и нас, потомков) заключается в том, что революция 1905–1907 гг. квалифицируется как «неудачная», «незаконченная»; рассматривается как «репетиция», «прелюдия» к 1917 г., т.е. настоящей революции. – С моей же точки зрения, эта революция, во-первых, была успешной (насколько вообще революция может быть успешной; ведь это всегда трагедия). Во-вторых, нормальной, вполне сопоставимой с некоторыми европейскими революциями, скажем – 1848–1849 гг. Причем сопоставимой и по характеру, и по интенсивности протекания, и по результатам.

Главная удача революции 1905–1907 гг. заключалась в том, что она завершилась компромиссом между властью и обществом, а не победой одной из этих двух сил. Результатом компромисса стали Конституция 23 апреля 1906 г., широкая политическая реформа и столыпинское преобразование страны.

* * *

Что касается Февральской революции, то она могла быть и могла не быть. В отличие от революции 1905–1907 гг., эта не была исторически «запрограммирована». Более того, даже состоявшись, имела возможность развиваться иначе. В этом ее отличие от Октябрьской революции.

Почему же произошла Февральская революция? – Ставя этот вопрос, мы имеем в виду не влияние войны (а оно было; и было одной из причин революции), неэффективные, а порой безответственные действия властей (включая Николая II), не «заговор» военных, не недальновидность и (тоже) безответственность «общественников», не стечение обстоятельств (снежная зима, затруднения в подвозе к Петрограду хлеба, очень холодная погода с внезапным к концу февраля – началу марта потеплением, когда жители города, «засидевшись» дома, высыпали на улицу и т.д.) и т.д. Это все причины важные, но, так сказать, важностью второй очереди.

По большому счету, Февральская революция произошла потому, что, к сожалению, ни общество, ни власть не поняли: революция **уже** (в 1905–1907 гг.) **была**. И максимум того, что общество могло тогда «переварить», оно получило. И максимум того самоограничения, на которое тогда могла пойти власть, она установила. Таким образом, всем следовало оставаться в этих рамках, рамках исторического компромисса власти и общества и в рамках Конституции, не выходить за них, искать там соглашения и решения вопросов. Может быть, после войны эти рамки и расширились бы. Виновны обе стороны: царь и бюрократия (не вся, конечно) стремились к сужению этих рамок, общество старалось их раздвинуть. И те и другие хотели выйти из этого исторического «договора».

Зимой 1917 г. общественникам померещилось: час настал. Власть **можно** взять в свои руки. За годы войны их влияние, практическая сноровка и самооценка резко выросли. Власть же напротив, казалось, не знала, **что** делать. Суетилась, куда-то пропали адекватные люди. – Все получилось очень легко. Дунул теплый мартовский ветер, и императорскую Россию снесло. Сто лет отчаянной, смертной борьбы с царским режимом, а финал схватки – почти оперетта.

* * *

Но вот уже почти 90 лет историки задаются вопросом: куда «слиняло» общество летом-осенью (особенно осенью) 1917 г.? – А ведь оно имело за плечами весьма приличный политический опыт, умение самоорганизоваться, разветвленную по всей России сеть различных союзов, партий и т.д., деньги, наконец. Почему же их противостояние тенденциям, которые вели к Октябрю, оказалось крайне неэффективным?

Ответ на этот вопрос связан с ответом на главный вопрос русской революции: что такое Октябрь 1917 г.? – Его мы не поймем, если не скажем еще об одной Революции, которая развивалась параллельно и синхронно Русской Революции, и тоже в России. Это была Революция крестьянства, т.е. Революция более 100 млн человек, подавляющего большинства населения страны.

Следовательно, для того чтобы уяснить, что происходило в России между примерно 1860-ми и 1930-ми годами, надо исходить из факта двух одновременных, «пересекающихся», «диффузирующих» друг в друга, однако самостоятельных революций. Каждая из них имела свое собственное содержание и смысл, характер и цели (если позволительно говорить о целях исторического процесса).

Но почему две революции? – Это следствие фундаментального раскола России на две субкультуры в результате преобразований Петра I. Возникли две России – не понимающие друг друга, разнящиеся по всем базовым цивилизационным и культурным характеристикам. Обе они за-

жили собственными жизнями. Правда, одна находилась у другой в работе. – Здесь необходимо подчеркнуть: будущие фигуранты Русской Революции – власть и общество – принадлежали к одной субкультуре – верхней, европеизированной, созданной Петром Великим.

Этот раскол России во многих отношениях определял ее историческое развитие в XVIII–XIX столетиях.

Таким образом, каждая из двух субкультур переживала свою собственную революцию. Но этого тогда никто не знал и не понимал...

* * *

Теперь о крестьянской революции. У нее было несколько измерений. Одно из них – знаменитый «аграрный кризис». Его диспозиция такова: демографический взрыв второй половины XIX – начала XX в. привел к перенаселению в деревне¹; к этому времени были распаханы все доступные тогда целинные земли, экстенсивный же характер земледелия сохранялся; в общине началось имущественное расслоение на богатых, средних и бедных. Ситуация потенциально становилась взрывоопасной.

Сначала ведомое С.Ю. Витте «Особое совещание по сельскохозяйственным нуждам» (1902–1905) пыталось теоретически разобраться с этой проблемой, затем П.А. Столыпин и его последователи (1907–1914) решить ее – известным способом – практически. Однако спровоцированная Февралем *общинная революция* покончила со столыпинской реформой, почти полностью пожрав ее результаты. – А 28 июня 1917 г. Временное правительство (инициатива министра-эсера Виктора Чернова) принимает решение, запрещавшее столыпинское разверстование земли и фактически частную собственность на землю.

Иными словами, общественники сдаются перед разворачивающейся крестьянской революцией. И дело здесь не в том, что в их рядах возоблудала эсеровская линия, а линия Витте – Столыпина – кадетов оборвалась. Эсеровщина и стала последним словом общественников – говоря выпендренно – на суде истории, потому что столыпинщина обломала зубы о хребет передельной общины.

Так где же корни крестьянской русской революции? – К концу XVIII столетия – ходом событий, властью, помещиками (во многом как реакция на пугачевщину) – была создана передельная община. Ввели «тягло» – справедливую, равную систему распределения платежей и рабочей (трудовой) повинности. Цель была одна: поддержание равенства – нет бедных, нет богатых, нет пугачевых, нет бунта. А в основе всего – перманентное

¹ Попутно заметим: между 1880 и 1910 гг. демографический взрыв пережили большинство крупных стран Европы (за исключением Франции) – Австро-Венгрия – 30% (прибавка населения), Великобритания – 26, Германия – 43, Россия – 50%. Это одна из причин Первой мировой войны и всех последующих европейских революций.

перераспределение, передел земли и уравнивание всех. Таким образом, социальная энергия миллионов русских мужиков канализируется вовнутрь. Купируется возможность социального взрыва, выброса излишка энергии. Но перманентно-передельный тип социальности (уточним: передельная община рождается не только и, может быть, не столько в результате определенных действий определенных людей) – во многом следствие многовековой адаптации населения к природной русской бедности, к «запрограммированной» в этих северных широтах скудости вещественной субстанции. Что, кстати, «предполагает» низкий уровень потребления.

Самодержавно-помещичья социальная гармония закончилась, когда разразился «аграрный кризис». Экстенсивно-передельный инстинкт Всероссийской общины выразился во все возрастающем стремлении к захвату помещичьих, государственных и прочих земель. Столыпинская земельная реформа вроде бы указала нормальный (в смысле: не кровавый) путь выхода из этой крайне опасной для всех ситуации. Действительно, ее успех, особенно если принять во внимание, что на все про все история «выделила» лишь семь лет, недооценивать нельзя. – Однако пришел 1917 год, и в результате известных причин вновь поднялся уравнительно-передельно-захватный общинный вал.

Вот здесь-то большевики и оказались у кассы истории.

* * *

В 1917 г. «столкнулись» две Революции. Столкнулись, как поезда. И, подобно железнодорожной катастрофе, произошла историческая катастрофа. Оба поезда сошли со своих путей.

К весне-лету 1917 г. Революция европеизированной субкультуры достигла всех своих целей. Здесь бы ей остановиться, передохнуть, «подумать» и начать строить. Но именно в этот момент в нее врзалась Революция традиционалистской, крестьянской субкультуры. Ее мощь лишь начинала разворачиваться. Большевики сумели сыграть на этом столкновении: на «временном» угасании одной Революции и подъеме другой. Развал государства и армии дал еще одну волну мощного разрушительного свойства.

Ода Февралю

Ну, хорошо, все это так. Февраль – трагическое событие нашей истории. Стыдное. Посыпим голову пеплом. – Почему же тогда огромное количество выдающихся и самых простых людей Империи были рады, да что там рады – счастливы. Их охватило какое-то пасхальное настроение (с Пасхой сравнивали первые дни после отречения Николая II многие современники и мемуаристы). Что-то подобное Питер пережил ровно за

116 лет до этого. После убийства Павла I (11 марта 1801 г.), как свидетельствует тот же Карамзин, «все» погрузились в лихорадку счастья, восторга, парящей легкости. В чем же здесь дело? В обоих случаях массовый психоз? И что за взрыв безответственного веселья?

Как всегда, нам поможет объяснить это великая русская литература – в лице Бориса Пастернака и Осипа Мандельштама. Борис Леонидович в своем несравненном «Весеннем дожде» (обратите внимание на название) пишет (не поленимся прочитать это): «Усмехнулся черемухе, всхлипнул, смочил / Лак экипажей, деревьев трепет. / Под луною навывкате гуськом скрипачи / Пробираются к театру. Граждане, в цепи! / – Лужи на камне. Как полное слез / Горло – глубокие розы, в жгучих, / Влажных алмазах. Мокрый нахлест / Счастья – на них, на ресницах, на тучах. / – Впервые луна эти цепи и трепет / Платьев и власть восхищенных уст / Гипсовую эпопею лепит, / Лепит никем не лепленный бюст. / – В чем это сердце вся кровь его быстро / Хлынула к славе, схлынув со щек? / Вон она бьется: руки министра / Рты и аорты сжали в пучок. / – Это не ночь, не дождь и не хором / Рвущееся: «Керенский, ура!», / Это слепящий выход на форум / Из катакомб, безысходных вчера. / – Это не розы, не рты, не ропот / Толп, это здесь, пред театром – прибой / Заколебавшейся ночи Европы, / Гордой на наших асфальтах собой».

В характерной для молодого Пастернака поэтике история, современность, политика объясняются через природные явления – весна, дождь, черемуха, деревья, лужи, розы, тучи и т.д. Весна – пробуждение, начало жизни, счастье, свежесть, восторг («полное слез горло»). И всему этому соответствует Керенский, более того, является подобием и олицетворением. Он аккумулирует энергию этого весеннего восторга и изливает ее на послушные ему толпы. Это он выводит к свету и радости, творчеству и свободному созиданию миллионы томившихся в «катакомбах, безысходных вчера». Более того, Пастернак включает русскую революцию в европейский (значит, мировой) контекст. Да еще как! Она и ее персонификатор выступают чуть ли ни спасителями Европы (читай: мировой культуры и благоустройства), которая как-то заколебалась (война, бойня, смерть), но вновь обрела гордость «на наших асфальтах».

Суммирую: Февраль и первые за ним месяцы – это великий финал (увы, не начало, как думалось многими тогда) многодесятилетней (от декабристов) эмансипационной деятельности («жизни и судьбы») нашей интеллигенции, общественников, тех, кто мечтал и боролся за свободную, современную, справедливую Россию. Поэтому есть два возможных подхода к Февралю. Это дебют, приведший к кровавому Октябрю и Гражданской. Или эндишпилл длительного периода постепенного обретения свободы. В реальной жизни было и то и то. Но нельзя игнорировать и эту «весеннюю» сторону событий весны Семнадцатого.

В скобках заметим: соотношение Февраль–Октябрь еще до захвата власти большевиками провидчески, точно понял безыллюзорный И.Э. Бабель. Рассказ «Линия и цвет», июнь 1917 г., митинг. «Александр Федорович произнес речь о России – матери и жене. Толпа удушила его овчинами своих страстей... Но вслед за ним на трибуну взошел Троцкий, скривил губы и сказал голосом, не оставляющим никакой надежды:

– Товарищи и братья...»

И еще одно соображение. В последнее время все мы (ну, почти все) печалимся о той прекрасной и много обещавшей дореволюционной России. Правильно делаем: это была (по моей терминологии) приемлемая страна, шедшая в нужном направлении. Параллельно мы отвергаем всякие (все) революции. К тому же, как это недавно выяснилось, – они «цветные», да еще и криминальные (кстати, на языке уголовников «цветной» означает «полицейский»); и это интересный поворот в определении любой революции, которые, повторю, все цветные; для точности: речь идет о своей полиции, а не о чужеземной). От революции же у современных идеологов рукой подать до оппозиции, которая не просто имеет свою точку зрения и стремится поправить дела в обществе, нет, она на 99% – «пятая колонна», «враг народа», «иностранный резидент».

Но вот в предреволюционные годы большинство интеллигенции и общественников самоопределялось иначе. Себя и свою родословную они идентифицировали именно с протестным, антирежимным движением. Подчеркиваю: речь идет не только о «бомбистах», но о широком круге просвещенных и обеспеченных людей. – Вновь обратимся к Б. Пастернаку, к его поэтическому свидетельству. Надо сказать, что, несмотря на то, что он родился в еврейской семье, его родители, братья, сестры были в полной мере вписаны в социальный порядок и культурный истеблишмент. Они не относились к разряду изгоев, париев, аутсайдеров. Это типичное самопонимание умеренного и далекого от политики человека.

Поэма «Девятьсот пятый год», глава «Отцы»: «Это народовольцы, / Перовская, / Первое марта¹, / Нигилисты в поддевках, / Застенки, / Студенты в пенсне. / Повесть наших отцов, / Точно повесть / Из века Стюартов, / Отдаленней, чем Пушкин, / И видится, / Точно во сне / – Да и ближе нельзя: / Двадцатипятилетье – в подпольи. / Клад в земле, / На земле – / Обездушанный калейдоскоп. / Чтобы клад откопать, / Мы глаза / Напрягаем до боли. / Покоряясь его воле, / Спускаемся сами в подкоп. / – Тут бывал Достоевский, / Затворницы ж эти, / Не чаяв, / Что у них, / Что ни обыск, / То вывоз реликвий в музей, / Шли на казнь / И на то, / Чтоб красу их подпольщик Нечаев, / Скрыл в земле, / Утаил / От времен и врагов и друзей. / – Это было вчера. / И, родись мы лет на тридцать раньше, / Подойди со дво-

¹ Первое марта 1881 г. – убийство Александра II.

ра, / В керосиновой мгле фонарей, / Средь мерцанья реторт / Мы нашли бы, / Что те лаборантши – / Наши матери / Или / Приятельницы матерей».

Для людей этого типа (культурный, политический, экономический авангард России) Февраль показался и был в первые недели (даже месяцы) моментом долгожданного освобождения и реализации почти вековой мечты. Да ведь и бомбисты хватались за бомбу не только потому, что были прирожденными злодеями и ничего другого делать не умели. Вспомним выступление на суде Александра Ильича Ульянова. Он сказал, что власть не дает интеллигенции обратиться к народу и участвовать в формировании общественной жизни. И поэтому они вынуждены привлечь к себе внимание *таким* образом. – Не соглашаюсь с этим, но свои резоны, своя правда у старшего Ульянова была.

Теперь – Мандельштам. Если Борис Леонидович приветствовал Февраль и Керенского весной 17-го, так сказать, «на входе», то Осип Эмильевич – оплакивал в ноябре, «на выходе». Этим двум прямо противоположным ситуациям полностью соответствуют их разнящиеся поэтики. У Пастернака – экзотически-восторженная, задыхающаяся, совершенно неожиданная в сближениях, определениях, переходах, не всегда сразу доступная, как будто путающаяся, не замечающая обыденности, рвущаяся к каким-то новым смыслам и пространствам (аналог ей новая физика начала XX в. и особенно квантовая физика). У Мандельштама – неоклассическая, акмеистская, выверенная, точная до дрожи, формально безупречная, но решающий шаг за пределы видимого, осязаемого, наличного мира сделал. Обретен совершенно новый голос в русско-мировой поэзии: печально-погребавший, спиритуально-торжественный. Не вызывающий сомнения, что он имеет на *это* высшее право (при всех глубочайших различиях это же можно сказать об Анне Ахматовой).

Ноябрь 1917 г., Февраль сметен, Керенский выброшен из актуальной русской истории. Раздается реквием, Мандельштам прощается от имени России («и неподкупный голос мой был эхом русского народа»): «Когда октябрьский нам готовил временщик / Ярмо насилия и злобы, / И ошети- нился убийца-броневик / И пулеметчик низколобый, – / – Керенского распя- ты! – потребовал солдат, / И злая чернь рукоплескала: / Нам сердце на штыки позволил взять Пилат, / И сердце биться перестало! – И укоризнен- но мелькает эта тень, / Где зданий красная подкова; / Как будто слышу я в октябрьский тусклый день: / Вязать его, щенка Петрова! – Среди граждан- ских бурь и яростных личин; / Тончайшим гневом пламеня, / Ты шел бес- трепетно, свободный гражданин, / Куда вела тебя Психея. / – И если для других восторженный народ / Венки свивает золотые – / Благословить те- бя в далекий ад сойдет / Стопами легкими Россия».

Казалось бы, – голос Ахматовой: «...все расхищено, предано, прода- но, / Черной смерти мелькало крыло, / Все голодной тоскою изглодано», –

но Мандельштам даже в сравнении с Пастернаком поднимает наше понимание Керенского, следовательно, и Февраля на новый уровень. Это лучший во всех смыслах памятник Событию и центральному человеку. Это по природе своей неревизуемое понимание Эмансипационной революции и ее вождей. Это на вперед, на вырост, на столетие единственное определение соотношения Февраль – Октябрь. Даже А.И. Солженицыну, потомку и продолжателю Аввакума, Достоевского и Толстого, не удалось его «снять».

Распять, Пилат, злая чернь, октябрьский временщик, шенок Петров, свободный гражданин, благословляющая его в аду Россия. Да, в аду – это ответственность за поражение (но ведь и Христос в известном смысле тоже потерпел поражение...). Михаилу Булгакову потребовалось около десяти лет, чтобы написать по большому счету об этом же многостраничный гениальный роман, Осипу Мандельштаму – двадцать строк.

Помните реакцию М.И. Кутузова на непреодолимые трудности французов в захваченной ими Москве – «Россия спасена». Имея два этих (Бориса Леонидовича и Осипа Эмильевича) свидетельства, можно с уверенностью утверждать: Февраль, Керенский, князь Львов, другие спасены, оправданы, защищены, направлены в вечное хранение золотого фонда русской истории.

Пишу через 99 лет после События, знаю, что было потом, вместе с другими поучительно говорю об ошибках, безответственности, непонимании и т.п. всех этих царей, генералов, министров, общественников и т.д., но почему-то в голову лезет не имеющее отношение к этому (просто по другому поводу): «Февраль. Достать чернил, и плакать / Писать о феврале навзрыд...».

Навзрыд...

Февраль и его деятели проиграли все на свете (и себя тоже, про нас и говорить нечего). Спустя 99 лет его (и их) идеалы и ценности являются для русского общества путеводной звездой.

Как закончится нынешний 16-й? Станет ли он началом чего-то? Или продолжением? Заключением?

«Главное – не теряйте отчаяния»¹

В начале этой работы я написал, что не знаю, куда движется Россия. Действительно, не знаю. И тут же поймал себя на мысли: а что раньше понимал, куда? Наверное, тоже нет. Однако сейчас это в какой-то очень острой форме и сопровождается болезненной тревогой.

¹ Слова Анны Ахматовой.

Тогда вспоминается: обсуждаются не обстоятельства, но мы в этих обстоятельствах. Как мы должны вести себя. Вновь на помощь приходит Адам Михник: «Когда я смотрю на сегодняшнюю Польшу, я чувствую себя немножко крестьянином после грозы, крестьянином, у которого волей судьбы уничтожило и урожай, и скот. Но что делает крестьянин, когда видит все это? Адам Мицкевич говорил, что в такой ситуации крестьянин сеет заново»¹. Это очень сильная метафора. В России не только суровые природно-климатические условия, требующие огромного постоянного напряжения для выживания и развития. У нас и политико-культурная, социальная почва и «погода» предполагают интенсивную и последовательную работу. В противном случае рассчитывать на урожай не стоит.

Еще одной важной причиной не опускать руки является то, что, если остатки общества (не перемолотые властью, не покинувшие отечества, не ушедшие во внутреннюю эмиграцию) не будут – даже в, казалось бы, безнадежных ситуациях – открыто и громко говорить о происходящем, защищать гонимых и предлагать иные пути движения, может произойти нечто, о чем полстолетия назад предупреждал Александр Исаевич Солженицын. «Пока не будет в стране независимого общественного мнения – нет никакой гарантии, что все многомиллионное беспричинное уничтожение не повторится вновь, что оно не начнется любой ночью, каждой ночью – вот этой самой ночью, первой за сегодняшним днем»². – Этот человек знал, о чем идет речь. Он сам в 60-е стал общественным мнением. Нам бы сейчас не растеряться, а то – «вот этой самой ночью».

Мы потерпели историческое поражение. Результатом двадцатипятилетнего транзита стала непредсказуемо опасная ситуация, потенциально чреватая новым изданием режима 30–50-х годов прошлого века (разумеется, в совершенно отличных одеждах, с сохранением сути – неограниченное насилие). Но с горечью утверждая это, одновременно помню слова М.Я. Гефтера об А.Д. Сахарове: «Он не был из породы победителей. Все его человеческое существо тяготело не к победе, а к истине. А истина чаще всего – в стане побежденных. Поражения преследовали Андрея Дмитриевича до последних дней жизни. Но чем были бы мы, мы все, если бы не эти поражения?»³. Действительно, крестный путь Андрея Дмитриевича, особенно на фоне современной РПЦ, это – самоотверженное взывание истины. Сахаров своєю жизнью дал нам пример: **как должно** быть человеком. Как «поражения» преображают мир и утверждают достоинство личности. И вообще, прав Юлий Маркович Даниэль: «Когда вверх тор-

¹ Михник А. Указ. соч. – С. 298.

² Солженицын А.И. Указ. соч. – С. 67.

³ Цит. по: Кожокин Е.М. Последний утопист? (Памяти М.Я. Гефтера) // Полис. – М., 1989. – № 4. – С. 155.

машками катится и бьется в паучей судьба, не надо бояться и каяться, страшиться тюрьмы и суда».

Примем всерьез и напутствие человека, прошедшего и тюрьмы, и преследования, и поражения. «Принимая участие в антитоталитарном содружестве, береги свою бездомность; сохраняя верность национальным корням, следи за тем, чтобы “не пустить корни”; вноси в мир расшатанных моральных норм ясную простоту евангельских наказов (“да–да; нет–нет”), а зеркально гладкий мир официально кодифицированных ценностей насыщай смехом шута и сомнением вольнодумца. Потому что назначением твоим является не празднование политических побед, не заискивание перед собственным народом. Ты должен сохранить верность проигрышным делам, говорить неприятные вещи, будить протест. Ты должен собирать оплеухи и от своих, и от чужих, потому что только так ты получишь добро, которого не получишь»¹.

Эти слова не абсурдны и не кокетливы, как кому-то может показаться с первого взгляда. Они, повторим, оплачены жизнью и судьбой. Они проверены на практике. И мне бы хотелось иметь право цитировать строки одного из любимых его поэтов²:

«Ты выжил не затем чтоб жить
но чтобы свидетельствовать пока есть время

будь храбр когда подводит разум будь отважен
в конце-концов лишь это что-то значит

а гнев бессильный твой пусть будет словно море
всегда когда ты слышишь униженных и битых».

Если мы согласимся на меньшее, то у нас не будет шансов. И тогда оправдаются слова эпитафии к этой работе.

Кстати, и своим названием она обязана Адаму Михнику. У него есть эссе «Зарисовки из польского ада».

¹ Михник А. Указ. соч. – С. 60.

² Збигнев Херберт (1924–1998). «Послание Господина Когито».

М.А. КРАСНОВ

**СОЗДАНИЕ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ КАК ОСОБЫЙ
СЛУЧАЙ ЭФФЕКТА «PATH DEPENDENCE»**

«Path dependence» глазами конституционалиста

Люди давно думают над тем, чем именно и в какой степени детерминировано настоящее. Лет тридцать назад в институциональной экономике даже появилась концепция (теория) *«path dependence»*. Толчком послужила статья П. Дэвида, посвященная, казалось бы, совершенно частному вопросу – «формированию стандарта клавиатур печатающих устройств (QWERTY¹-клавиатура)» (15). Если буквально, то речь идет о зависимости от предшествующего развития.

В чем же смысл этой концепции, если давно известно, что «кроме настоящего как в жизни отдельного лица, так и в жизни народа огромное влияние имеет их прошлое»? (5, с. 73)². В том, пишет П. Дэвид, что «зависимость от предшествующего развития – это такая последовательность экономических изменений, при которой важное влияние на возможный результат могут оказать отдаленные события прошлого, причем *скорее случайные события, чем систематические закономерности*» (цит. по: 15). Другими словами, случайный выбор при «открытом окне возможностей», т.е. в точках бифуркации (полифуркации), может по своему влиянию оказаться даже более сильным, чем нечто прогнозируемое, ожидаемое.

Акцент, как разъясняет Р.М. Нуреев, в данном случае делается на выборе «какой-либо одной возможности *из веера различных альтернатив*. Выбор в таких ситуациях практически всегда происходит в условиях неопределенности и неустойчивости баланса социальных сил. Поэтому при

¹ Этот набор букв соответствует первым шести латинским буквам в верхнем буквенном ряду пишущей машинки и клавиатуры компьютера.

² А одна из глав книги А. Токвиля, например, названа «Происхождение англоамериканцев и как оно сказалось на их будущем» и начинается она со слов: «О том, почему необходимо знать *происхождение народов для понимания их общественного строя и законов*» (см.: Токвиль А. де. Демократия в Америке / Пер. с франц.; Предисловие Гарольда Дж. Ласки. – М.: Весь Мир, 2000. – С. 43).

бифуркации судьбоносными могут оказаться даже совсем *мелкие субъективные обстоятельства* – по принципу “бабочки Брэдли”» (15). Проще говоря, когда для данного общества (или даже человечества) открывается «окно возможностей», совершенно неизвестно, *какое «мелкое обстоятельство»* повлияет на выбор (предположить это обстоятельство невозможно: «Враг вступает в город, / Пленных не щадя, / Оттого, что в кузнице / Не было гвоздя» (С.Я. Маршак). Изменить ход событий может даже то, подписан ли главный документ перед обедом или после¹).

Попробуем применить эту теорию к анализу процесса разработки Конституции России 1993 г. В какой-то мере это уже попытался сделать Ю.М. Батурин (4). Он рассмотрел историю разработки и принятия Конституции формально, следуя структуре трагедий Еврипида, а в методологическом смысле – исходя из положений синергетики (идеи одного из ее «основателей», Ильи Пригожина, лежат и в основе теории «path dependence» – см. 15).

Ю.М. Батурин различает понятия «событие» и «случай» (флуктуация на микроструктурном уровне): «Согласно И. Пригожину, – пишет он, – *событие* представляет собой возникновение новой структуры после прохождения бифуркации (полибифуркации), а *флуктуации* являются следствием индивидуальных действий. Для простоты терминологии вместо понятия “полибифуркация” будем говорить просто о точке ветвления траекторий, или коротко – “точке ветвления”» (4, с. 24). Другими словами, событие и случай (случайность, флуктуация) – здесь одно и то же, просто случай Батурин понимает как более мелкое и притом индивидуальное действие. В соответствии с синергетической методологией он резюмирует: «Новая Конституция России могла быть принята *по-разному и в различные сроки*... Она могла основываться на других концепциях, иметь иное нормативное содержание. Страна проходила точку ветвления, и “ветвь”, по которой пошел политический процесс, была результатом действия множества факторов, таких как *неэффективная экономика, отсутствие плюрализма, личные амбиции и стремление к власти ряда политических фигур, готовность к насилию других и т.д. и т.п.* Именно эта микроструктура и определила последовательность событий» (там же).

Однако Батурин сосредоточивается, скорее, на анализе конкретных событий и флуктуаций. Между тем многие события имели свои причины, а флуктуации соответствовали логике, заданной этими причинами. Вот на это я и хотел бы обратить внимание.

¹ Например, у Ж.О. Ламетри можно найти такую ремарку: «В Швейцарии я знал одного судью, по имени Штейгер де Виттихгофен; *натоцак* это был самый снисходительный судья; но горе несчастному, оказавшемуся на скамье подсудимых *после сытного обеда судьи*: последний способен бывал тогда повесить самого невинного человека» (11, с. 184).

Предваряя разговор, стоит сказать о концепции А.А. Аузана. Переведа эффект «path dependence» в *проблемную* плоскость («*path dependence problem*»), он предложил называть это явление «колеей» (3, с. 54). Вот как Аузан объясняет, почему термин «колея» кажется ему более адекватным: «Пусть он неточен, но в то же время имеет свои преимущества и высвечивает свои проблемы. Он позволяет сконцентрировать внимание на том обстоятельстве, что страна в силу определенных причин *удерживается на некой траектории* своего движения и при *попытках покинуть* ее в случае, если не преодолены данные причины, она раз за разом совершает *скачок, за которым следует спад*. “Проблема колеи”, на мой взгляд, более точно отражает существо затруднений» (там же). Собственно говоря, *вся эта проблема сводится к тому, что есть дивергенция ВВП на душу населения*. По этому показателю выделяются три группы стран с тремя разными и расходящимися траекториями развития. И *если страна «демонстрирует регулярные попытки покинуть сложившуюся траекторию»* (а Россия, считает Аузан, относится к таким странам), то, *как правило, она возвращается на прежнюю*: «за 200 лет сведенных в таблицы статистических наблюдений есть лишь несколько примеров перемещения из второй группы стран в первую и только один перемещения из третьей группы в первую. Это удалось Японии» (3, с. 56).

А.А. Аузан предложил пять не исключających друг друга версий, объясняющих причины зависимости от предшествующего развития – иначе говоря, удерживающие страну на определенной траектории, которую она хотела бы покинуть (все они, правда, в той или иной степени «экономизированы»). Нам более всего интересна «вторая» версия.

Согласно Д. Норту, «в какой-то точке бифуркации делается *случайный выбор между институтами, и он оказывается неудачным*. Но впоследствии он закрепляется издержками изменения неудачного института, адаптированностью и комплементарностью других институтов, группами интересов – возникает так называемый эффект блокировки. Правила имеют не только координационную, но и распределительную функцию. При их изменении *кто-то неизбежно теряет в доходах*, и этими “кем-то” могут оказаться доминирующие в обществе группы, блокирующие возможность изменений. В результате происходит *закрепление неудачной институциональной системы*» (цит. по: 3, с. 56).

Мне представляется, что здесь нужно сделать два добавления.

Во-первых, блокировать изменения могут отнюдь не только заинтересованные в статус-кво доминирующие группы, но *и общество в целом*. Это тоже одно из проявлений эффекта «path dependence». Предшествующая институциональная система в России была персоналистской и существовала так долго (несколько веков), что сформировалось явление, иногда именуемое «царецентризм» (см., например: 13, с. 125; 23, с. 146–

147) (подчеркну: я не считаю его национальным архетипом). Поэтому пока общество не увидит причинно-следственной связи между характером политического режима и качеством жизни, оно не только не потребует изменения соответствующих институтов, но и, скорее, будет отвергать саму эту идею.

Вот иллюстрация. С одной стороны, согласно, например, ежегодным опросам «Левада-центра», среди вариантов ответа на вопрос: «*Государством какого типа Вы бы хотели видеть Россию в будущем?*» – больше всего голосов (33%, примерно эта доля держится с 2001 г.) набрал такой: «*Государством с рыночной экономикой, демократическим устройством, соблюдением прав человека, подобным странам Запада, но со своим собственным укладом*» (16, с. 37), а на прямой вопрос: «*Нужна ли России демократия?*» – утвердительно ответили 56% опрошенных (16, с. 38). С другой стороны, немало тех, кто считает, что сейчас (2013) страна развивается *в сторону демократии*, – 31% (в 2008 г. таких было вообще большинство – 54%) (там же). Таким образом, хотя наше общество не отвергает демократических институтов, они не входят в приоритетные ценности, ибо большинству представляется, что демократия очень опосредованно связана с повседневной жизнью. Косвенным подтверждением этого служит большое число ответов, в которых *имитация* демократических процедур воспринимается как реальная демократия. Большинство равнодушно или даже благожелательно относятся к *отсутствию ротации* политической элиты, что есть основной индикатор демократического режима. Другими словами, наши граждане не усвоили главный принцип демократии, афористично сформулированный К. Поппером и гласящий, что «*даже плохая политика, проводимая в условиях демократии* (поскольку мы можем содействовать ее мирному изменению к лучшему), *предпочтительнее политики тирана* – пусть даже самого мудрого и великодушного» (18, с. 165). А не усвоило наше общество ценность смены власти именно благодаря соответствующему институциональному ландшафту.

Во-вторых, действительно, если говорить об институциональной (закрепленной в Конституции РФ) системе, обуславливающей персоналистский режим, можно утверждать: ее появление обязано «случайному выбору» – в том смысле, что выбор вполне мог быть и другим. Однако все зависит от того, *начиная с какой точки ветвления* мы характеризуем выбор как случайный. То-то и оно, что после определенной точки бифуркации логика событий, которая привела к созданию именно данной институциональной конструкции, была *закономерной, предсказуемой*. Это я и собираюсь доказать.

Об опасности ответов на «конституционные страхи»

В конституционно-правовой литературе подмечена важная закономерность, действующая при разработке конституций и как раз очень похожая на эффект «path dependence». А. Шайо назвал ее *«ответами на конституционные страхи»* (26, с. 15). О том же пишут С. Холмс и К. Лаки, иронизируя: «Подобно генералам прежних времен, создатели конституции всегда дают свое последнее сражение. Обычно конституции являются в большей степени ретроспективными, нежели перспективными документами. Они создаются для того, чтобы разрешить наиболее насущные *проблемы прошлого, а не будущего»* (25, с. 21).

Ирония, однако, тут напрасна. Только конституции, которые содержат дух конституционализма, могут быть «перспективными документами». Конституция же в подлинном смысле этого слова как раз направлена на устранение главным образом конструктивных ошибок (разумеется, в глазах тех, кто собирается менять конституцию). Яркий пример здесь дает история французских конституций, где то и дело менялась конструкция власти при формальном сохранении свода прав и свобод личности. И уж тем более понятны ломки старых институтов и всей публично-властной конструкции при строительстве принципиально нового для данного государства порядка.

Равным образом естествен и отказ от тех институтов, которые скомпрометировали себя в предшествующий период. Так, немецкий исследователь А. Кудашев пишет: «Возможность легко соблазнить массы, которые позволяли себя использовать в политических целях, способствовала тому, что создатели немецкого Основного закона не только проголосовали за представительную демократию, но и отклонили все элементы плебисцита в Конституции. Так, немецкий Основной закон не знает ни всенародного опроса, ни референдума, ни всеобщих выборов президента. Не обсуждался и вопрос о сильной позиции президента, которая может быть легко использована в авторитарных целях» (10, с. 8).

«Ответ» советскому тоталитаризму в действующей Конституции России выражен еще более определенно. Возможно, выявлению нормативных следов «диалога (спора)» с советскими принципами в конституционном тексте следовало бы посвятить отдельное исследование. Но даже сходу можно назвать несколько особенностей, кажущихся лишними или даже вредными, если не понимать, что они суть порождение этого «спора».

Например, Россия характеризуется, будто в учебнике, как «демократическое», «правовое», «социальное» и проч. государство (ст. 1, 7 и 14 Конституции РФ). Впрочем, среди конституционных государств такую «моду» ввел еще Основной закон ФРГ 1949 г. И это – явный ответ на идеологические понятия, дававшиеся в советских конституциях. Или:

употребляя термин «разделение властей» (ст. 10), Конституция тем самым демонстративно противопоставляет его принципу полновластия Советов. А провозглашение в ст. 2 высшей ценностью человека, его прав и свобод есть не что иное, как открытая антитеза большевистскому пониманию личности лишь как средства для осуществления «исторической миссии». Наконец, не могу не сказать о ст. 12, неточность и нечеткость которой долгое время вызывали критику и даже влияли на практику. Говорю прежде всего о формулировке: «Органы местного самоуправления *не входят в систему органов государственной власти*», которую многие в 1990-е годы воспринимали как отсутствие у органов местного самоуправления публично-властной природы. Я был среди критиков этой формулировки еще на стадии проекта, принимая участие в Конституционном совещании в секции местного самоуправления (заведовал тогда сектором местного самоуправления в Институте государства и права РАН). Понятно, что эта норма являла собой опять-таки демонстрацию разрыва с принципом «демократического централизма», по которому местные Советы были не органами населения, а подножием иерархической пирамиды монолита государственной власти. Но ответ получился не очень удачным.

Итак, конституционный ответ на предшествующее положение вещей естествен. Однако существует *опасность*, что при этой исторически оправданной реакции негативной оценке подвергнутся и мировоззренчески нейтральные («технические») институты. И на это справедливо обращает внимание А. Шайо: «Конституции рождаются в страхе перед былым деспотизмом, но после этого живут самостоятельной жизнью; конституционным становится *не только то, что диктуется ответами на конституционные страхи... Любое средство запятнано, если оно служило тирании*. Конституционализм как воплощение подозрительности в штыхы встречал все то, что усиливало власть при прежнем режиме, упуская из вида то, что в действительности *техническую основу деспотизма составляли не сами средства, а их весьма своеобразный комплекс и расстановка*» (26, с. 15).

Фактически о той же опасности говорили С. Холмс и К. Лаки вскоре после принятия Конституции РФ 1993 г.: «Наиболее важной проблемой политической системы России за последние два года был *тупик*, возникший во взаимоотношениях законодательной и исполнительной ветвей власти. Поэтому неудивительно, что *важнейшей конституционной целью* Ельцина было *предотвратить противостояние Президента и парламента*. Он достиг этого в основном путем конституционного закрепления президентского права осуществлять законотворческую деятельность посредством издания указов, а кабинет был поставлен в зависимость от доброй воли Президента, а не парламента. *Противостояния более не будет, ибо парламент был поставлен на колени*. Однако, если озлобление Ельци-

на против прежнего Верховного Совета помешает ему создать основы для деятельности демократически подотчетного и политически ответственного представительного учреждения, *это будет пиррова победа*» (25, с. 21).

О «пирровой победе» сказано совершенно верно. Только слово «озлобление» тут неточно. Так же как совершенно неправильно говорить о «государственном перевороте», якобы совершенном Б.Н. Ельциным осенью 1993 г., хотя, кажется, именно это понятие закрепилось в новейшей историографии. Те события были лишь *продолжением Августовской революции 1991 г.* Другое дело, что в первые дни, недели и месяцы после 21 августа были допущены фундаментальные ошибки, которые не только привели к противостоянию законодательного органа и президента, но и исказили все последующее развитие страны.

Ю.С. Пивоваров пишет, что на Западе «витальные основы социума, как правило, политикой не затрагиваются», а вот «в России политический раскол (борьба) – всегда раскол *сущностный*», поскольку «господствует принцип “кто кого”. Победа одних означает уничтожение других и полное изменение человеческого существования» (17, с. 65). На мой взгляд, такое сравнение не вполне корректно. Одно дело – политическая борьба в конкурентной политической системе, в системе «качающегося маятника» и другое – борьба за власть в условиях революции. Мы как-то не придаем значения тому, что в России уже больше века речь идет вовсе не о смене курса, а как раз о попытках «выпрыгивания из колен». Этот вопрос стоял и в 1905, и в 1917, и в 1991–1993 гг. Конечно, большевики совершенно «по-особенному» представляли себе модернизацию, но в данном случае важно, что это тоже была попытка принципиальной смены траектории.

Так что вполне естественно, что в XX в. политические перипетии затрагивали «витальные основы социума». Равно естественен был в тех условиях и принцип «игры с нулевой суммой». Разница лишь в том, что те же большевики считали своих политических противников экзистенциальными врагами, которых *физически* не должно существовать. М. Горький выразил этот большевистский принцип в чеканной фразе: «Если враг не сдается, его уничтожают» (8). А в 1990-е годы речь шла только об *отстранении от власти* противников модернизации, хотя как раз этого и не удалось сделать (почему – отдельный вопрос).

Как бы то ни было, в тех исторических условиях принцип «кто кого» был закономерен, и потому нельзя было вести речь о компромиссе. Перед страной стоял *выбор*: или продолжать восстанавливать советский проект, или встать на общемировые цивилизационные рельсы. Пропавшая, разделяющая эти два пути, настолько велика, что ее невозможно описать словами. Советская доктрина есть не что иное, как «проект» *соперничества с Богом* (а ведь хорошо известно, *кто* именно, соперничая с Богом, за от-

существом творческого начала, лишь передразнивает Его¹). Непрерывно возраставший еще в царской России религиозный индифферентизм (см.: 2; 22) привел в конечном счете к массовой поддержке богоборческого режима. Большинство поддавалось соблазну обещаний «всеобщей справедливости» и «рая на земле», не сумев разглядеть в них дьявольскую идею покушения на человеческие ценности и базовые потребности. Этим советский тоталитаризм отличался от нацистского. Нацизм меньше притягивал к себе: выдвигая на первое место «принцип крови», а не «всемирности», он выглядел более отвратительным, притом не столько покушался на человеческую природу, сколько активизировал человеческие фобии и спекулировал на них.

Любая революция сопровождается *фундаментальным расколом общества и элит*. В России этот раскол *поразил еще и систему публичной власти*. Если отбросить частности, можно утверждать: депутатский корпус – точнее, его большинство вместе с руководством Съезда народных депутатов (СНД) и Верховного совета (ВС) – *объективно* оказалось на стороне реставрации; президент и правительство – модернизации. Внешне, однако, такое размежевание произошло не сразу, поскольку открыто вопроса о двух цивилизационных путях никто не ставил. Сказался к тому же и фактор конформизма. Как писал А.М. Салмин, «после августа 1991 г., уже в правовых рамках и территориальных границах Российской Федерации, *старый общественный организм не столько преобразался, сколько продолжал разлагаться*, только значительно быстрее, чем прежде. Из бесчисленных противников или невольных *проводников этого разложения* органы власти всех уровней превращались в его активных, хотя и не всегда восторженных, *участников*» (21).

В контексте «path dependence» этот раскол оказался роковым. После разрешения конфликта возникла такая институциональная система, которая, в свою очередь, «провоцировала» не модернизацию, а архаику. Попробую кратко рассказать, как это повлияло на последующее развитие.

Конструкция российской власти в 1991–1993 гг.: соединение несоединимого

Казалось, с введением должности президента Россия покончила с советской моделью власти и в ней воцарился парламентаризм – правда, не в британском варианте (как верховенство парламента), а в более широком понимании – как властная система, построенная на принципе разделения

¹ «Сатана мучается завистью к Христу и подражает Ему, как только может. И потому наряду с воплощением Бога появляется и воплощение сатаны» (Сантуччи Л. «Не хотите ли и вы отойти?». Размышление о земном пути Иисуса Христа / Пер. с итал. Хаустовой Л.Я. – М.: Лада М, 1994. – С. 84).

властей с институционально сильным, воплощающим принцип плюрализма парламентом. Однако это было совершенно не так.

Нежелание политических лидеров того времени менять советскую государственность в революционной логике (что вовсе не обязательно требует насилия, но всегда – *радикальных преобразований системы власти*) привело к появлению совершенно немыслимой конструкции, которую нельзя отнести ни к одной из существующих форм правления (моделей власти). Она представляла собой *смесь из остатков советских акторов с элементами одновременно и президентской, и полупрезидентской форм правления*. И это было важным фактором созреваания будущего конфликта.

От *президентской* формы – процедура избрания президента на всеобщих выборах и его характеристика как главы исполнительной власти; пост вице-президента; отсутствие права роспуска парламента или одной из палат ВС. К *полупрезидентской* системе можно отнести, к примеру, «правило двух ключей» (формирование правительства Президентом совместно с парламентом), а также институт недоверия правительству (другое дело, что сам этот институт «взят» из парламентской модели). Тем самым президент оказывался *вдвойне ограниченным* парламентом. И все это накладывалось на многочисленные элементы *советской* системы.

1. До 21 апреля 1992 г. сохранялся советский оксюморон – принцип «*демократического централизма*», закрепленный в ст. 3 Конституции 1978 г. как «сочетание единого *руководства с инициативой* и творческой активностью на местах». К «демократизму» тут относились «выборность всех органов государственной власти снизу доверху» и «подотчетность их народу», а к «централизму» – «обязательность решений вышестоящих органов для нижестоящих» и «ответственность каждого государственного органа и должностного лица за порученное дело». Даже будучи через восемь месяцев после Августа 1991 г. отмененным, этот принцип фактически не переставал действовать. Его проявлением служила, в частности, сохранявшаяся до осени 1993 г. *иерархия представительных органов* (советская «вертикаль»). Замечу, что это была довольно мощная поддержка руководству СНГ, поскольку верховные советы автономных республик и местные советы в большинстве своем были настроены антиреформаторски.

Иллюстрацией того, что система «вертикали» была отнюдь не безобидной, может служить такой факт: «18.09.93... Всероссийское совещание народных *депутатов всех уровней* под управлением Р. Хасбулатова приняло резко антипрезидентское обращение к гражданам России (“с особым чувством к личному составу армии, милиции и органам государственной безопасности”))» (20, с. 247). Закреплялась советская «вертикаль» в следующих положениях Конституции, остававшихся в неприкосновенности до 21 сентября 1993 г.:

– «Съезд народных депутатов Российской Федерации, Верховный Совет Российской Федерации, Съезды народных депутатов, Верховные Советы республик в составе Российской Федерации, краевые, областные Советы народных депутатов, Советы народных депутатов автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга образуют систему представительных органов государственной власти в Российской Федерации» (ст. 85);

– ВС РФ может досрочно прекратить полномочия любого местного Совета в случае неоднократного нарушения им законодательства Российской Федерации на основании заключения Конституционного суда РФ (ст. 86.1);

– ВС РФ «направляет деятельность Советов народных депутатов Российской Федерации» (ч. 11 ст. 109).

– Съезд и ВС «осуществляют контроль за деятельностью всех подотчетных им государственных органов» (ст. 120).

2. В Конституции РСФСР до ее последних дней сохранялись многие идеологические положения, которые прямо противоречили уже провозглашенным основам конституционного строя. В частности:

– «основным направлением развития политической системы советского общества является дальнейшее развертывание социалистической демократии» (ст. 9);

– «нерушимый союз рабочих, крестьян и интеллигенции» и обязанность государства способствовать «стиранию классовых различий, существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом» (ст. 19);

– «защита социалистического отечества» (в названии гл. 4);

– «текущие и перспективные государственные планы экономического и социального развития» и меры «по охране социалистической собственности» (ст. 125).

Однако наиболее действенным легальным основанием для вмешательства СНД и ВС¹ в сферу компетенции президента и исполнительной власти являлся принцип «полновластия Советов». Статья 2 Конституции РСФСР гласила: «Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу Российской Федерации, и непосредственно». Эта «формула» оставалась нетронутой до последнего дня существования той Конституции. Из нее была исключена норма, гласившая, что «все другие государственные органы подконтрольны и подотчетны Советам народных депутатов», что, однако,

¹ Скорее, руководителей этих органов. Впрочем, группа руководителей была одна, ибо председатель ВС был одновременно председателем его президиума и в этом качестве председательствовал и на съездах. Соответственно, в руководство всеми этими органами и организационными формами входили и его заместители.

не отменяло сам принцип полновластия Советов. Он отнюдь не оставался «памятником советской эпохи», а *практически* вошел в прямое противоречие с задачей формирования конституционного строя с имманентным ему принципом разделения властей. Поскольку Конституция 1978 г. не отказалась от доктрины «полновластия Советов» и в то же время признала принцип разделения властей, образовался совершенно немислимый «идеологический» симбиоз.

Весьма показательно, что даже председатель Конституционного суда В.Д. Зорькин, симпатии которого были на стороне депутатского корпуса, видимо, пытаясь продемонстрировать свой нейтралитет, весной 1993 г. направил предложения по выходу из кризиса. В этом тексте как раз отмечалось, что «положения статей 104 и 109¹ Конституции следует привести в соответствие с принципом разделения властей, закрепленным в статьях 1 и 3 Конституции Российской Федерации» (цит. по: 27, с. 302).

Было бы ошибкой считать такой симбиоз конституционно-правовым казусом, интересным лишь для транзитологии или – в практическом смысле – представлявшим трудность для Конституционного суда, если бы последнему пришлось в конкретном деле сопоставлять друг с другом принципы, соответствующие разным типам власти. То-то и оно, что данная институциональная смесь была именно «гремучей», поскольку давала СНД возможность подчинить себе президента, заставить его изменить политику и даже дезавуировать его решения, что вынуждало президента к сопротивлению.

Ситуация «квазидвоевластия»: Несправедливое «распределение ролей»

Провокативность созданной властной конструкции становится очевидной при знакомстве с компетенцией законодательного органа и президента, их возможностей сдерживать друг друга или противостоять. Соединение этого фактора с «внешними» – социальными и экономическими обстоятельствами – вызвало ситуацию, которую я характеризую как квазидвоевластие (т.е. не вполне двоевластие, поскольку отсутствовали некоторые основные его признаки). Итак...

Съезд народных депутатов. Статья 104 Конституции РСФСР (включая ее последнюю редакцию) гласила: «*Высшим органом государственной власти Российской Федерации является Съезд народных депутатов Российской Федерации. Съезд народных депутатов Российской Федерации правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Российской Федерации.*» Хотя эта формулировка не

¹ В ст. 104 перечислялись полномочия Съезда народных депутатов, а в ст. 109 – Верховного совета.

предполагала разъяснения конкретных полномочий (СНД ведь мог рассмотреть и решить «любой вопрос»), в той же статье они все-таки перечислялись. Это было сделано для того, чтобы выделить *исключительные* полномочия СНД. И некоторые из них Съезд активно использовал в борьбе против президента и исполнительной власти.

Прежде всего, *только СНД мог принимать новую Конституцию, вносить изменения и дополнения в действующую*, т.е. был ее полным «хозяином». Помимо этого СНД определял внутреннюю и внешнюю политику, утверждал «перспективные государственные планы и важнейшие программы экономического и социального развития Российской Федерации, ее военного строительства», мог отменять указы и распоряжения президента РФ, а также принятые ВС и подписанные президентом законы.

У Съезда было немало *кадровых* полномочий, которые позволяли контролировать практически все основные органы государственной власти. Он утверждал председателя правительства, назначавшегося президентом, а также назначавшихся ВС генерального прокурора, председателей Верховного и Высшего арбитражного судов, сам избирал состав Конституционного суда.

Однако – и это главное – ни одно из полномочий Съезда *не имело противовеса* с чьей бы то ни было стороны (примерно, как сейчас нет противовеса президентской власти). Разве что Конституционный суд мог рассмотреть конституционность «федеральных законов и иных актов Съезда» (ст. 165.1), но таких дел было очень мало.

Съезд был настолько многочислен и потому малоэффективен, что сам по себе не смог бы противостоять исполнительной власти. Он выполнял *роль «тарана»* в руках в общем-то небольшой группы депутатов, прежде всего возглавлявших Верховный совет и его Президиум. Конечно, для парламентов естественно наличие органов и лиц, задачей которых является организация и координация деятельности парламентских структур. Но именно в советской системе наиболее ярко проявила себя *редукция власти (влияния)* коллегиального органа к его руководителю. Проследим «ступени» этой редукции.

Верховный совет. «Верховный Совет Российской Федерации, – глаголю ст. 107 Конституции РСФСР, – орган Съезда народных депутатов Российской Федерации, постоянно действующий *законодательный, распорядительный и контрольный* орган государственной власти Российской Федерации». Его конституционное толкование как распорядительного органа вызывало вопросы. Правда, Конституция почти не предусматривала собственно распорядительных полномочий ВС (разве что полномочие решать «вопросы, связанные с обеспечением конституционных прав, свобод, обязанностей и равноправия граждан Российской Федерации»), но она содержала формулу, предоставляющую ВС, так сказать, карт-бланш:

«...решает другие вопросы...». И ВС (точнее, его руководство) действительно «решал вопросы», нередко вторгаясь в компетенцию исполнительной власти. Впрочем, распоряжения издавал и председатель ВС.

Справочная правовая система «КонсультантПлюс»¹ на запрос о распоряжениях Верховного совета РФ выдает 10 распоряжений этого органа и 164 распоряжения председателя ВС (или одного из его заместителей): в редких случаях встречаются такие распоряжения совместно с президентом и председателем Совмина, что, кстати, иллюстрирует сохранение советских атрибутов. Эти распоряжения касались отнюдь не только организационных вопросов. В частности, едва ли не большую часть составляли распоряжения о предоставлении *финансовой помощи* отдельным районам, регионам, Советам народных депутатов и даже школам.

У ВС, как и у Съезда, было немало *кадровых* полномочий, которые делали его весьма влиятельным органом. В частности, ВС: давал согласие президенту на назначение председателя Совета министров, а с декабря 1992 г. еще и министров иностранных дел, обороны, безопасности, внутренних дел; утверждал состав Центральной избирательной комиссии по выборам народных депутатов РФ; избирал Верховный и Высший арбитражные суды РФ, судей судов субъектов РФ и арбитражных судов; назначал генерального прокурора РФ; назначал председателя Центрального банка РФ; разрабатывал основные мероприятия в области обороны и обеспечения государственной безопасности РФ (до декабря 1992 г. – лишь участвовал в разработке); учреждал государственные награды и устанавливал почетные звания РФ; отменял указы и распоряжения президента РФ на основании заключения Конституционного суда (до декабря 1992 г. – только указы), а с декабря 1992 г. приостанавливал действие актов президента до разрешения Конституционным судом дел об их конституционности в случае обращения ВС в этот Суд; вносил представления президенту РФ об отмене решений Совета министров РФ; отменял постановления и распоряжения советов министров республик в составе РФ.

Подчеркнем: если ВС представлял собой *орган со своей компетенцией*, то у его палат – Совета Республики и Совета национальностей – самостоятельных публично-властных полномочий не было (в Конституции только в рекомендательном плане назывались сферы, приоритетные для каждой из палат).

Президиум ВС (ПВС). С советского времени президиумы верховных советов Союза и союзных республик занимали третье место в неофициальной иерархии (после союзных и республиканских органов КПСС, а также соответствующих совминов). Именно в президиумах протекала вся

¹ Все правовые акты в настоящей статье проанализированы с помощью СПС «КонсультантПлюс».

«советская» работа: организация деятельности «советской вертикали», принятие нормативных и индивидуальных указов (яркий пример последних: о лишении конкретных лиц советского гражданства).

В советский период президиумы фактически олицетворяли собой верховные советы, реализовывали их компетенцию. Ведь в этих советах заседали депутаты, не порывавшие со своей основной работой, и только члены президиумов были «профессиональными» депутатами. Но даже когда весь ВС стал «профессиональным», его Президиум сохранил важную роль штаба, который имел немало рычагов воздействия на депутатский корпус. При этом ПВС по-прежнему обладал не только внутриорганизационными и обеспечительными, но и публично-властными полномочиями: в частности, по контролю за соблюдением Конституции, обеспечению соответствия конституций и законов республик в составе РФ Конституции и законам РФ; объявлению, организации подготовки и проведению референдумов; опубликованию законов РФ; осуществлению *других* полномочий, предусмотренных законами РФ.

Председатель Верховного совета (он же – руководитель его Президиума). О степени влияния говорили такие полномочия, как: осуществление *общего руководства подготовкой вопросов*, подлежащих рассмотрению СНД и ВС; представление Съезду и Верховному совету *сообщения о положении республики и о важных вопросах ее внутренней и внешней политической деятельности*, а также *об участии в обеспечении обороноспособности и безопасности РФ*; *представление Съезду кандидатур* для избрания на должности первого заместителя и заместителей председателя ВС РФ, конституционных судей, председателей Верховного и Высшего арбитражного судов.

Председатель ВС (вместе со своими заместителями) фактически управлял «вечевой демократией», исключая из повестки дня съездов¹ одни вопросы и включая другие, определяя их приоритетность, настраивая депутатов на определенный лад, выступая с политическими заявлениями и т.д. Проще говоря, влияние председателя ВС обеспечивалось необъятными полномочиями Съезда, и потому его политический вес становился почти равным президенту РФ (собственно, это было едва ли не самым явным проявлением квазидвоевластия).

Президент: общий конституционный статус. На первый взгляд, президент России обладал весьма значительными конституционными полномочиями. Однако то, что этот институт *выглядел* политически мощным, объяснялось не столько положениями Конституции, сколько личными ка-

¹ Напомню: наименование «Съезд» имел как сам орган законодательной власти, так и его сессии, которые проводились два раза в год и длились по несколько недель. Всего прошло девять съездов. Последний, IX Съезд – в апреле 1993 г.

чествами Б.Н. Ельцина и его пусть не огромной, но еще весомой народной поддержкой.

Начну с того, что в ст. 121.1 Конституции 1978 г. Президент РФ определялся как *высшее должностное лицо и глава исполнительной власти*. Последнее свойственно *президентской форме правления* и предполагает либо непосредственное руководство президента системой исполнительной власти, либо его полный контроль над правительством, если оно создается как отдельный орган¹. Однако все другие конституционные нормы противоречили этой конституционной характеристике президента: он *не обладал самостоятельностью* ни при формировании, ни при отставке Совета министров, в отличие от президентов в президентской модели, и в то же время не имел их преимуществ. Собственно, такой вывод следовал уже из ст. 120, где говорилось: Съезд и Верховный совет «осуществляют *контроль* за деятельностью всех *подотчетных* им государственных органов». Это была, скорее, норма-принцип, а более ясно это следовало из ст. 122, которая определяла Совмин как «орган исполнительной власти, *подотчетный* Съезду народных депутатов, Верховному совету и Президенту РФ».

Президент описывался в Конституции фактически как *институт, подотчетный Съезду*. Прямо об этом не говорилось, но как иначе расценить, например, обязанность президента представлять не реже одного раза в год доклад Съезду о выполнении принятых им и Верховным советом «социально-экономических и иных программ, о положении в Российской Федерации». Съезд мог потребовать от президента внеочередного доклада (ст. 121.5). Правда, в той же статье речь шла и о посланиях президента «к народу Российской Федерации, Съезду народных депутатов Российской Федерации и Верховному Совету Российской Федерации». Однако ни о регулярности посланий, ни об их содержательной стороне не упоминалось.

Формирование Совета министров – Правительства² проходило в две стадии (ст. 123): 1) назначение председателя и 2) по его представлению – назначение заместителей председателя, министров, председателей государственных комитетов. Президент также *мог* согласиться с представлением председателя правительства и включить в его состав «руководителей других центральных органов государственного управления, подведомственных правительству Российской Федерации». Кроме того, в Совмин входили по должности председатели советов министров республик в составе РФ. Замечу, что институт представлений (предложений) премьер-министра президенту не свойствен президентской модели. Еще больше от

¹ Такая конструкция в рамках президентской формы правления свойственна многим латиноамериканским государствам.

² В последней редакции Конституции 1978 г. встречаются разные термины: Совет министров, Совет министров – Правительство, Правительство РФ.

этой модели отдаляло включение в правительство руководителей исполнительной власти субъектов Федерации, что соответствовало, скорее, советской системе.

Назначение председателя Совета министров могло состояться только с *согласия* Верховного совета. А это – процедура, характерная для полупрезидентской формы правления, и потому она входила в противоречие со статусом президента как главы исполнительной власти. Теоретически председатель Совмина вполне мог ориентироваться на съездовское большинство, а не на президента, что бывает в полупрезидентских республиках, но невозможно в президентских.

То, что этого не произошло, по большому счету – *случайность*, отражающая *личные качества В.С. Черномырдина*, которого Б.Н. Ельцин вынужден был назначить главой Кабинета в декабре 1992 г. Дело в том, напомним, что еще весной того же года резко усилилось давление Съезда на президента: «Оппозиция хотела полностью смести команду реформаторов. Чтобы сохранить ее костяк, и прежде всего Е. Гайдара, альтернативы которому президент пока не видел, ему приходилось идти на уступки. Хотя Ельцин предпочитал говорить о компромиссах, о поиске гражданского согласия с оппозицией, на самом деле это были уступки» (27, с. 234). Сначала президент ввел в состав правительства так называемых «крепких хозяйственников», т.е. представителей «директорского корпуса» – от собственно директоров до министров советского времени. А к концу 1992 г. ему пришлось отстранить от руководства Кабинетом символа реформ – Е.Т. Гайдара (тот был «исполняющим обязанности председателя Совета министров»), вызывавшего бешеную ненависть съездовского большинства, и заменить его одним из тех самых «крепких хозяйственников».

Однако дело не только и даже не столько в этом, сколько в том, что согласие для назначения председателя правительства требовалось от органа (органов), который был организован не «по канонам» парламентаризма, а по-советски. При отказе ВС президент должен был искать новую кандидатуру на должность премьера. Безусловно, этот порядок – гораздо более взвешенный, нежели тот, что появился в Конституции 1993 г. Но оценивать институт нужно, учитывая *ту систему отношений*, в которую он встроен. И тогда придется вспомнить, что палаты Верховного совета (в каждой – по 126 депутатов) *не были структурированы по партийному принципу*.

При этом для назначения премьера требовалось согласие *всего* Верховного совета, поскольку, как было отмечено, палаты не имели собственной компетенции. Но даже в той палате, которая могла бы подойти на

роль «нижней», – Совете республики¹ – не было партийных фракций. Поэтому политический смысл согласия/несогласия в его классическом понимании терялся. Зато резко возрастала значимость мнения руководства Верховного совета и вообще мнений, основанных на ситуативных и личных мотивах.

Правда, фракции и депутатские группы существовали в составе *Съезда, который должен был утверждать назначение премьера*. Однако их состав и численность все время менялись (каждый съезд имел в среднем 15–17 фракций и групп, объединенных в 4–5 блоков), в том числе и потому, что многие депутаты неоднократно переходили из одних фракций, групп и даже блоков (а были еще внеблоковые депутаты и их объединения) в другие. Причем эти структурные единицы не являлись партийным представительством в строгом смысле этого слова. Соответственно, их позиции и позиции их лидеров, как правило, были слабо предсказуемы. Да и исход голосования во многом зависел от того, как настроит депутатов председательствующий на заседании Съезда (такое «дирижерство» особенно удавалось председателю ВС Р.И. Хасбулатову).

К этому надо добавить, что с декабря 1992 г. президент перестал быть самостоятельным и при назначении ряда ключевых министров: иностранных дел, обороны, безопасности и внутренних дел – требовалось согласие ВС.

Отставка Совета министров, согласно Конституции РСФСР, могла быть произведена: 1) Съездом или ВС путем выражения *недоверия*; 2) президентом по любой причине, но *с согласия ВС*; 3) президентом *по заявлению* председателя Совета министров («по инициативе самого правительства»). Таким образом, президент так или иначе был связан мнением депутатского корпуса. Это – совершенно правильно и, в отличие от действующей Конституции РФ, отвечает идее баланса в системе сдержек и противовесов... Но опять же, *если бы имелся нормально организованный и структурированный парламент*. При отсутствии такого условия отставка правительства превращалась в предмет спекуляций.

Право президента отклонять законы закреплялось. Но! Во-первых, оно *не распространялось на законы, принятые СНД*. А Съезд при желании мог принять закон по любому вопросу, и президент обязан был его подписать. Во-вторых, даже возвращение (отклонение) президентом закона, принятого ВС, фактически имело лишь «информационное» значе-

¹ Совет республики формировался из депутатов, избранных по территориальным избирательным округам с учетом численности избирателей в регионе; другая палата – Совет национальностей – из депутатов от национально-территориальных избирательных округов по нормам: три депутата от каждой республики в составе РФ, один депутат от каждой автономной области и каждого автономного округа, 63 депутата от краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга (ст. 107).

ние, так как этот орган был вправе оставить закон в прежней редакции, проголосовав так же – простым большинством депутатов в обеих палатах. Таким образом, право президентского вето, по сути, было фикцией.

И все же главное, что характеризовало президента как заложника Съезда, и стало, собственно, спусковым крючком драматической развязки конфликта, – легальная возможность этого органа **досрочно прекратить президентские полномочия практически по любому поводу**. Прочитирую первые два абзаца¹ ст. 121.10:

«Президент Российской Федерации может быть отрешен от должности в случае нарушения Конституции Российской Федерации, законов Российской Федерации, а также данной им присяги.

Такое решение принимается Съездом народных депутатов Российской Федерации на основании заключения Конституционного суда Российской Федерации большинством в две трети голосов от общего числа народных депутатов Российской Федерации по инициативе Съезда народных депутатов Российской Федерации, Верховного Совета Российской Федерации или одной из его палат».

Основания для импичмента и его процедура довольно странные. Во-первых, Конституцию и законы может нарушить (и нарушает) любой орган власти. Но для того и существует (в наших условиях) Конституционный суд, чтобы вовремя восстанавливать нарушенную конституционную законность. Во-вторых, как можно определить, нарушена ли присяга? Ведь она, как, впрочем, всякая присяга, состояла из весьма общих обязательств: «Клянусь при осуществлении полномочий Президента Российской Федерации соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы Российской Федерации, защищать ее суверенитет, уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, права народов Российской Федерации и добросовестно исполнять возложенные на меня народом обязанности» (ст. 121.4). Ясно, что по таким основаниям президенту могло быть предъявлено *любое* обвинение, что в общем и происходило. Собственно, препятствием для принятия решения об импичменте Ельцину до определенного времени был только *повышенный кворум*.

А теперь – третье и главное. Получалось, что, с одной стороны, Съезд превращался в экзекутора, получив возможность отвести от себя ответственность за принимаемое решение. Ведь будучи политическим, оно маскировалось под юридическое: конституционно-правовой вердикт (заключение) о наличии нарушения в словах, действиях или актах президента выносила правовая инстанция – Конституционный суд. С другой стороны, Суд вынужден был втягиваться (и втянулся) в чисто политические отношения. Конечно, любой орган конституционной юстиции в ре-

¹ Последний (третий) абзац посвящен отрешению от должности вице-президента.

альности не в состоянии принимать решения вне политического контекста – такова специфика конституционно-правовых отношений. Но тут, фиксируя наличие нарушений со стороны Президента и их трактуя, он исходил из чрезвычайно широких оснований.

Мне могут возразить, указав, что и по действующей Конституции РФ выдвигаемое Государственной думой обвинение президента РФ в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления должно быть подтверждено заключением Верховного суда РФ о наличии в действиях президента признаков преступления и заключением Конституционного суда о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения (ст. 93). Конечно, и такая конструкция импичмента вызывает вопросы. Однако, во-первых, Верховный суд должен выявить признаки *уголовного* правонарушения, что резко снижает возможности политических спекуляций, а Конституционный суд проверяет только законность *процедуры* выдвижения обвинения. И, во-вторых, формула ст. 121.10 Конституции 1978 г. – «на основании заключения Конституционного Суда» – предполагала полный анализ этим Судом определенных действий (бездействия) и решений Президента. При этом Верховный суд не обязывался представлять развернутые доказательства, подтверждающие или опровергающие обвинения, выдвинутые Госдумой (если, конечно, не толковать расширительно соответствующие слова ч. 1 ст. 93 действующей Конституции РФ).

Однако импичмент – не единственный способ отстранить от должности президента. Внося поправки в Конституцию РСФСР в связи с созданием этой должности, Съезд сразу же сформулировал запрет: «Полномочия Президента Российской Федерации не могут быть использованы для изменения национально-государственного устройства Российской Федерации, *ропуска либо приостановления деятельности любых законно избранных органов государственной власти*» (ст. 121.6). Это можно назвать мистическим предвидением. Но, скорее всего, у депутатов просто сработал обостренный «инстинкт самосохранения». А в разгар противостояния – 9 декабря 1992 г. – данная статья была дополнена угрозой (санкцией): «В противном случае они (полномочия президента. – М.К.) *прекращаются немедленно*».

Эта норма юридически ущербна – хотя бы потому, что, как пишет Ю.М. Батурин, «*автоматическое прекращение полномочий Президента, избранного гражданами непосредственно, конечно же, противоречило принципу народовластия*» (4, с. 29). Но главное, кто и в рамках какой процедуры должен был удостоверить факт «изменения национально-государственного устройства, роспуска либо приостановления деятельности органа власти»?

Когда дело дошло до применения в кульминационный момент конфликта ст. 121.6, на эти нормативные несуразности указывали и некото-

рые конституционные судьи – в связи с принятым Судом (по его инициативе¹) заключением от 21 сентября 1993 г. № 3-2 «О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, связанных с его Указом от 21 сентября 1993 года “О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации” и обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года» (7).

Четыре конституционных судьи – Э.М. Аметистов, Н.В. Витрук, А.Л. Кононов и Т.Г. Морщакова – выступили с особыми мнениями по этому заключению, где говорилось не только о его содержательной сомнительности, но и о неправомерности КС РФ реализовывать ст. 121.6 Конституции. Конституционный судья Н.В. Витрук потом вспомнил: «Содержание статьи 121.6 *противоречит* содержанию статьи 121.10 Конституции Российской Федерации. В силу этого, а также в силу *отсутствия какого-либо механизма реализации положений статьи 121.6* Конституционный суд не вправе был обращаться к данной статье Конституции Российской Федерации. На это указало большинство судей, однако председательствовавший в заседании В.Д. Зорькин вопреки воле большинства ставил на голосование формулировки, оправдывающие действие статьи 121.6 Конституции Российской Федерации» (7).

То обстоятельство, что в Конституции 1978 г. не была четко урегулирована процедура досрочного прекращения президентских полномочий при отсутствии у президента ответных средств правовой защиты, сыграло отрицательную роль в конфликте, особенно на его последнем этапе. История с решением Конституционного суда РФ, вынесенного в день издания Указа № 1400 – 21 сентября 1993 г., ярко свидетельствует о том, насколько опасны в конституциях юридически непроработанные нормы.

Заключение от 21 сентября 1993 г. было, кажется, самым коротким решением за всю историю КС РФ. Настолько коротким, что его можно процитировать тут полностью: «Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, заместителя Председателя Н.В. Витрука, секретаря Ю.Д. Рудкина, судей Э.М. Аметистова, Н.Т. Ведерникова, Г.А. Гаджиева, А.Л. Кононова, В.О. Лучина, В.И. Олейника, Н.В. Селезнева, О.И. Тиунова, Б.С. Эбзеева, рассмотрев в судебном заседании действия и решения Президента Российской Федерации, связанные с его Указом от 21 сентября 1993 г. № 1400 “О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации” и Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года, руководствуясь статьей 165.1 Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части второй и частью четвертой статьи 1, статьями 74 и 77 Закона о Конституционном Суде Российской Фе-

¹ Ныне такое полномочие исключено из компетенции КС РФ, что тоже является «ответом» на предшествующую практику.

дерации, пришел к *заключению*: Указ Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 21 сентября 1993 г. № 1400 “О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации” и его Обращение к гражданам России 21 сентября 1993 года не соответствуют части второй статьи 1, части второй статьи 2, статье 3, части второй статьи 4, частям первой и третьей статьи 104, абзацу третьему пункта 11 статьи 121.5, статье 121.6, части второй статьи 121.8, статьям 165.1, 177 Конституции Российской Федерации и служат *основанием для отрешения* Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от должности или *приведения в действие иных специальных механизмов его ответственности* в порядке статьи 121.10 и 121.6 Конституции Российской Федерации».

В этом решении отсутствуют не только анализ актов, признанных не соответствующими Конституции 1978 г.¹, но и четкое указание, как именно следует досрочно прекратить полномочия президента. Во всех особых мнениях конституционных судей обращалось внимание на многочисленные грубые процессуальные нарушения, в том числе на то, что совершенно непонятно, *в рамках какой процедуры* Конституционный суд рассмотрел дело и принял по нему заключение, имел ли он вообще право его принимать. Конституционный судья Э.М. Аметистов, например, доказал, что «порядок прекращения полномочий, предусмотренный в статье 121.6, никак не связан с дачей Конституционным судом заключения и не нуждается в нем»(7).

Конец квазидвоевластия

Особенность и сложность конституционно-правовых отношений состоит в том, что их невозможно рассматривать абстрактно, отвлекаясь как от характера регулирующих норм, так и от социальной среды, в которой они должны действовать. В нашем случае *нельзя не учитывать следующие фундаментальной важности обстоятельства*: 1) наличие у президента страны прямого *мандата народа* на проведение реформ – в отличие от народных депутатов, характер мандатов которых был неясен, поскольку эти депутаты были избраны годом ранее, в иных политических и экономических условиях; 2) разное психологическое отношение президента и членов коллегиального органа к своему статусу (предназначению, функциям, полномочиям) – прежде всего к *объему и степени политической ответственности*.

¹ На это обращали внимание судьи в своих особых мнениях к данному заключению. Так, Э.М. Аметистов написал: «Все эти нарушения процедуры, установленной Законом о Конституционном Суде Российской Федерации, не позволили обеспечить полноту и всесторонность разбирательства, как того требует часть вторая статьи 35 Закона о Конституционном Суде Российской Федерации. Сложнейший вопрос государственной важности был решен в течение двух часов, при этом ни Обращение Президента, ни его Указ *не анализировались детально, по частям и статьям, а оценивались в целом*» (7).

ственности (для депутатов характерна как раз ее диффузия – размывание) (см.: 14, с. 31); 3) действие Конституции, которая, несмотря на введение некоторых демократических принципов и институтов, сохраняла основные признаки *советского* понимания государственности; 4) существенный перекос властных прерогатив в системе власти, явно не соответствовавший принципу разделения властей в его *динамическом* смысле – как системы сдержек и противовесов.

Можно сказать, что конфликт Президента Ельцина и Съезда – тот случай, когда свойства личности способны серьезно повлиять на функционирование институтов. Но возможно и иное «прочтение» конфликта: если правовое регулирование, особенно в сфере организации публичной власти, не учитывает реальность, оно будет ускорять перерастание конституционных конфликтов в силовые и тем самым губить самое себя. Ведь право наиболее хрупко и наименее защищено как раз в области властеотношений. Когда правовое регулирование переходит границы, которые властный институт считает для себя *максимально приемлемыми*, этот институт отказывается от понимания власти как *authority* и прибегает к власти как *power*, пренебрегая в том числе формальными ограничениями. Иными словами, «максимальная приемлемость» означает готовность соблюдать ограничения только до того предела, пока юридические нормы сами не переходят границы права – справедливости, разумности и соответствия реальности.

Понимаю, что это очень опасная трактовка. Но предлагаю ее только для объяснения мотивов поведения Президента Ельцина. Ради выполнения своей миссии он был готов терпеть личные оскорбления от представителей законодательного органа. Когда же стало очевидно, что существующий *дисбаланс властных прерогатив*, которым законодательный орган все активнее пользуется, *грозит срывом этой миссии*, что под завесой юридических норм таится не-право, о чем Президент прямо заявлял (19)¹, он использовал свои силовые ресурсы для ликвидации ненормальной ситуации.

К сожалению, тогда, в 1993 г., это было очевидно только глубоким и проницательным юристам. Среди таковых – ныне покойный конституционный судья Э.М. Аметистов, который в своем упомянутом выше особом мнении к заключению КС РФ от 21 сентября 1993 г. писал: «Что же касается оценки содержания Указа Президента Российской Федерации “О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации”, то в нем имеются положения, *формально выходящие за пределы полномочий Президента*, установленных Конституцией Российской Федерации, например прерывание функций Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации, назначение новых выборов. *Однако эти положе-*

¹ Подлинный автор этого текста – Ю.М. Батурин (см.: 4, с. 9–12).

ния необходимо рассматривать в неразрывной связи, во-первых, с причинами издания Указа и его целями, изложенными в преамбуле, во-вторых, с правами и обязанностями Президента, установленными Конституцией, и, в-третьих, с определенными особенностями Конституции Российской Федерации, касающимися исполнения Президентом его прав и обязанностей» (7).

Ситуация осени 1993 г. была яркой иллюстрацией революционной максимы Ф. Лассалля: *сила предшествует праву* до тех пор, пока само право не сломит силу бесправия (12, с. 54). Но злая ирония истории состоит в том, что эта закономерность проявила себя в то время, когда и элиты, и общество в целом считали, что революция уже свершилась (впрочем, *вообще не было понимания, что происходит революция*). Поэтому и Указ № 1400, и действия по его реализации, включая подавление вооруженного сопротивления, закончившиеся стрельбой из танков в центре Москвы, были восприняты большинством (и это восприятие затем культивировалось совершенно разными силами, в том числе либерально мыслящими политиками и исследователями) как знак *не завершения революции, а вульгарной борьбы за власть*.

Конституция 1993: Кто правит и почему?

Конечно, силовой выход из квазидвоевластия – не самая лучшая отправная точка для формирования конституционного сознания. Но роковым для последующего развития оказалось не это. Длительное противостояние двух институтов власти *предопределило и соответствующий характер «конституционных страхов»*.

Понятно, что в проекте Конституционного совещания, выработанном в июле 1993 г. (а именно он стал основой действующей Конституции), было покончено с рудиментами советской идеологии и советской властной конструкции. Однако сила конфликта, в разгар которого рождался этот проект, взаимное неприятие акторов, представлявших институты президента и законодательной власти, оказались столь велики, что «победившая сторона» перенесла свое отрицательное отношение к советским представительным органам *и на будущий парламент*. Нормативно определив его как *политического тигмеля*, «победители» заложили институциональные основы для персоналистского образа правления. Другими словами, сработал тот самый эффект «path dependence», но уже *с обратным знаком*.

Только работая в рамках некоей идеальной («идеалистической») модели, можно вообразить, что рабочая группа по доработке конституционного проекта станет руководствоваться исключительно стремлением обеспечить эффективную систему сдержек и противовесов. В реальной жизни ожидать такого поведения от людей, многие из которых заинтересованы в

создании определенной конструкции власти (а именно от них и зависело окончательное решение), бессмысленно. Так что нынешняя структура публичной власти обязана своим появлением не действию какой-то «матрицы», национального архетипа, политической традиции, а тому, что экономисты называют *рациональным поведением*. Те, кто отвечал за окончательную подготовку конституционного проекта, видели свою задачу в существенном ослаблении прерогатив представительного органа, мешавшего президенту и *его* правительству («ответ на конституционные страхи»). Будучи избавлены от видимого сопротивления, они действовали в полном соответствии с условиями, в которых оказались.

Что же это за условия? Собственно, решающим было только одно: *отсутствие политического компромисса при создании Конституции*. Речь, повторю, идет не о компромиссе с теми, кто отстаивал советский тип власти. Имеется в виду компромисс *между разными «фракциями» конституционных сил*, т.е. между мировоззренческими единомышленниками – наподобие того, как на Филадельфийском конвенте рождался проект Конституции США. Однако у нас не было своего «конвента». Им не стала ни Конституционная комиссия СНД, ибо в нее входили не только сторонники, но и противники конституционного строя вообще, ни Конституционное совещание 1993 г. Во-первых, его созыв был своего рода удачным политическим ходом в ситуации противостояния. Во-вторых, вся организация совещания явно указывала на то, что оно находится под контролем президента, т.е. одной из сторон конфликта. Наконец, в-третьих, это был лишь совещательный, а не учредительный орган, что выразилось, в частности, в кратковременности его работы и потому довольно поверхностном обсуждении, не позволившем внести существенные коррективы в проект.

Стоит, однако, отметить, что даже после издания Указа № 1400 события могли развиваться по иному сценарию, в рамках которого была возможна более взвешенная конструкция будущей власти. Ведь в Указе предлагалось: «Конституционной комиссии и Конституционному совещанию представить к 12 декабря 1993 года единый согласованный проект Конституции Российской Федерации в соответствии с рекомендациями рабочей группы Конституционной комиссии». Другими словами, президент был готов к объединению двух проектов. Но вооруженный мятеж в Москве и его подавление (3–4 октября 1993 г.) не позволили этому сценарию реализоваться. 15 октября Б.Н. Ельцин издает Указ № 1633 «О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации»¹, где отсутствует поручение представить к 12 декабря согла-

¹ Собрание актов Президента и Правительства РФ. – М., 1993. – № 42. – Ст. 3995.

сованный проект и предусматривается, что в этот день пройдет референдум, на который будет вынесен окончательный текст Конституции.

Правда, процессу *доработки* конституционного проекта была придана видимость демократизма: «Для доработки проекта Конституции, одобренного еще 12 июля, была образована *Государственная палата Конституционного совещания*, состоявшая из представителей президента, правительства, субъектов Российской Федерации, Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего арбитражного Суда, Генеральной прокуратуры. Вместе с созданной еще 24 сентября *Общественной палатой Конституционного совещания* Государственная палата должна была в сжатые сроки (Президент поставил задачу опубликовать проект Конституции 10 ноября) завершить подготовку документа» (27, с. 370). Но ни состав участников, ни царившая атмосфера, ни даже само место, где шла доработка (здание Администрации президента), не позволяли говорить о том, что Конституция готовится в режиме компромисса. Возражения экспертов, конечно, звучали, но довольно глухо. Главное: их мнения отметались, если не вписывались в общую идею президента, доминировавшего над всеми другими институтами власти. Приведу две иллюстрации.

1. В проекте появилась такая президентская функция, как *«определение основных направлений внутренней и внешней политики»* (сейчас она закреплена в ч. 3 ст. 80 Конституции РФ). Это было явным заимствованием полномочий *Съезда*. Такая формула естественна для Конституции, не порвавшей с доктриной полновластия Советов. Однако ее передача президенту противоречила принципу разделения властей. Любопытно, что ни один из основных проектов Конституции, существовавших летом 1993 г.¹, в том числе и собственно президентский, не предусматривал такой функции, а в проекте Конституционной комиссии РФ она (хотя в туманной формулировке) была закреплена за законодательным органом.

При доработке проекта Конституционного совещания в октябре-ноябре 1993 г. эксперты поставили под вопрос целесообразность закрепления права президента *определять основные направления внутренней и внешней политики*. Однако их мнение было проигнорировано. Вот *фрагмент из стенограммы* одного из заседаний Рабочей группы, об этом свидетельствующий:

«А.А. Котенков²:

Коллеги, у меня *есть сомнение по поводу исключения части второй, где речь идет о праве Президента определять основные направления внутренней и внешней политики государства*. Дело в том, что касается

¹ Эти проекты можно найти в книге С.А. Авакьяна «Конституция России: Природа, эволюция, современность» (1).

² На тот момент – начальник Государственно-правового управления Президента РФ.

внешней политики, то здесь можно сослаться на статью 86, где он осуществляет руководство внешней политикой. Что касается внутренней политики, то функции Президента достаточно исчерпывающе изложены в Конституции. Помните, когда мы решали вопрос о включении этого положения, мы говорили, что Президент своими указами может давать основные направления Правительству. Сейчас мы фактически это исключили. И под большое сомнение ставится право Президента теперь своими указами регулировать деятельность Правительства во внутренней сфере...

Т.Г. Морщакова¹:

Президент обращается к парламенту, высказывает все позиции, в соответствии с которыми он будет все делать, в том числе и издавать указы. А если он определяет, тогда в какой форме мы должны с вами сказать, что он должен сделать по этому поводу: доклад перед Госдумой или что..?

А.А. Котенков:

То же самое он может изложить в послании, но при этом, по Конституции, он имеет право определять основные направления политики. Если мы это право убираем, то тогда ставится под сомнение его право вмешиваться в эту сферу деятельности.

Т.Г. Морщакова:

Это не ставится под сомнение, ведь президент будет определять состав правительства.

А.А. Котенков:

Состав – да, но он не сможет давать ему указания, не будет иметь на это право. Президент издает указы в соответствии с полномочиями, возложенными на него Конституцией. А таких полномочий у него нет...

С.А. Филатов²:

Давайте напишем: "...в своих посланиях определяет основные направления внутренней и внешней политики".

А.А. Котенков:

Ее на год можно определить в послании. Но вы поймите, ведь вопрос в другом. Вот президент издал указ, скажем, по каким-то направлениям развития экономики. А правительство говорит: "Извини, дорогой президент, ты не вправе вмешиваться в мою деятельность, поскольку в Конституции у тебя нет такого полномочия".

Т.Г. Морщакова:

В статье 115.

А.А. Котенков:

В статье 115, уважаемая Тамара Георгиевна, написано: "на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных

¹ Судья Конституционного суда РФ.

² Тогда руководитель Администрации президента РФ.

законов и указов президента Российской Федерации”. А я возвращаю Вас к статье 90, на основании которой президент издает указы и распоряжения в соответствии с полномочиями, возложенными на него Конституцией. А теперь посмотрите все полномочия президента и докажите, что он может издавать указ по хозяйственным вопросам? Нет такого полномочия. А вот если у меня есть полномочие определять основные направления внешней и внутренней политики, независимо от того, в какой форме я это делаю, то я говорю, что в соответствии с определенным мною направлением внутренней политики я могу издать определенный указ, например, об основах жилищной политики. Я имею на это право. Сейчас этого права здесь нет...

Б.Н. Топорнин¹:

Я бы хотел, чтобы мы взглянули несколько шире на это предложение. Управление страной у нас строится более сложным образом, чем здесь предусматривается. Если сказать, что президент определяет всю внутреннюю и внешнюю политику, то на этом кончается вся система принятия решений. Однако имеется сложный и взаимосвязанный комплекс органов, в том числе и Федеральное собрание, которые включаются в разработку и внешней, и внутренней политики. Поэтому я бы здесь пошел несколько иначе – через конкретное определение полномочий президента в ряде статей, где говорится о том, какие меры он принимает, какие акты он издает, в каких отношениях он состоит с другими государственными органами.

С.А. Филатов:

Нет, логика у Александра Алексеевича (Котенкова. – М.К.) железная. Здесь вопросов нет...

В.К. Варов²:

Конечно, логику можно в значительной мере усмотреть в рассуждениях Александра Алексеевича, но возникает вопрос: определять основные направления внутренней и внешней политики – будет ли это эксклюзивным правом президента? Следовательно, возьмем законодательный орган – мы как бы лишаем его этого права?..

С.А. Филатов:

Я думаю, что нам надо принять то, о чем сейчас сказал Александр Алексеевич...» (9, с. 28–31).

2. В период доработки проекта Конституционного совещания был радикально изменен *порядок назначения председателя правительства*. Для наглядности я составил таблицу (табл. 1), по которой можно сравнить вариант, одобренный Конституционным совещанием, и окончательную

¹ Академик РАН, на тот момент – директор Института государства и права РАН.

² На тот момент – народный депутат РФ, заместитель министра труда РФ.

редакцию ст. 111 действующей Конституции РФ (**шрифтом** выделены положения, подвергшиеся изменениям).

Таблица 1

*Сравнение проекта и окончательного текста ст. 111
Конституции РФ*

Части ст. 111	Текст проекта Конституционного собрания (июль 1993 г.)	Текст действующей Конституции РФ	Комментарий
1	2	3	4
Часть 1	Председатель Правительства Российской Федерации назначается Государственной Думой по представлению Президента Российской Федерации . Предложение по кандидатуре Председателя Правительства Российской Федерации вносится не позднее двухнедельного срока после первого заседания Государственной Думы нового созыва .	Председатель Правительства Российской Федерации назначается Президентом Российской Федерации с согласия Государственной Думы .	1. Поменялся формальный «патрон» Правительства. Причем согласие Дума дает фактически «под угрозой гильотины» (см. ниже). 2. Исключение второго предложения этой части означает, что процесс формирования нового Правительства стал <i>зависим не от думских, а от президентских выборов</i> . Это подтверждается прямым указанием в ст. 116: «Перед вновь избранным Президентом Российской Федерации Правительство Российской Федерации слагает свои полномочия». Этого положения не было в проекте!
Часть 2	В случае отклонения Государственной Думой кандидатуры, представленной Президентом, он вносит вопрос о назначении Председателя Правительства на новое рассмотрение Государственной Думы .	Предложение о кандидатуре Председателя Правительства Российской Федерации вносится не позднее двухнедельного срока после вступления в должность вновь избранного Президента Российской Федерации или после отставки Правительства Российской Федерации либо в течение недели со дня отклонения кандидатуры Государственной Думой.	В новом тексте ч. 2 мы видим совершенно иную норму, подтверждающую, что формирование Правительства не связано с выборами в Госдуму.

1	2	3	4
Часть 3	При повторном отклонении кандидатуры Государственной Думой Президент не позднее месяца со дня внесения первого предложения третий раз вносит на рассмотрение Государственной Думы кандидатуру Председателя Правительства. Одну и ту же кандидатуру Президент вправе предложить дважды.	Государственная Дума рассматривает представленную Президентом Российской Федерации кандидатуру Председателя Правительства Российской Федерации в течение недели со дня внесения предложения о кандидатуре.	Это одна из самых существенных поправок: по проекту Дума имела хоть какую-то возможность компромисса, поскольку Президент обязывался хотя бы на третий раз внести новую кандидатуру.
Часть 4	Если и в этом случае Председатель Правительства не будет назначен Государственной Думой, Президент может принять решение о роспуске Государственной Думы и назначить исполняющего обязанности Председателя Правительства.	После трехкратного отклонения представленных кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации Государственной Думой Президент Российской Федерации назначает Председателя Правительства Российской Федерации, распускает Государственную Думу и назначает новые выборы.	Данная поправка окончательно превращает процедуру назначения Председателя Правительства в абсурд. Во-первых, ранее Президент мог учесть настроение депутатского корпуса и пойти ему навстречу, т.е. не распускать Думу. Теперь он обязан это сделать. Правда, по проекту непонятно, как быть, если Президент не станет распускать Думу. Во-вторых, вся процедура «дачи согласия» становится насмешкой, так как без согласия Думы назначается не исполняющий обязанности, а полномочный Председатель. Конституция как бы показывает депутатам: «Ваше согласие абсолютно формально. От вас не только не зависит состав Правительства, но вы еще и будете наказаны за сопротивление».

Если же говорить о более полной картине, то она представлена в табл. 2, где сравниваются функции и полномочия законодательного органа и президента по Конституциям 1978 г. (в ее последней редакции) и 1993 г. В табл. 2 показано, какие полномочия СНД, ВС и ПВС «перетекали» к президенту, а какие были просто ликвидированы: одни – вполне обоснованно,

другие – ради ослабления возможностей парламента сдерживать президентскую власть. Для большего контраста здесь не названы общепризнанные полномочия ни парламента (принятие федерального бюджета и контроль за его исполнением, ратификация и денонсация международных договоров и т.д.), ни Президента (верховное главнокомандование, руководство Советом безопасности, помилование и т.д.).

Таблица 2

Сравнение компетенции законодательного органа и Президента РФ по Конституциям 1978 и 1993 гг.

КОНСТИТУЦИЯ РСФСР/РФ 1978 г.	КОНСТИТУЦИЯ РФ 1993 г.
1	2
Общие положения	
1. Верховный совет (ВС) – орган Съезда, постоянно действующий законодательный, распорядительный и контрольный орган государственной власти (ст. 107)	Федеральное собрание – парламент Российской Федерации – представительный и законодательный орган (ст. 94).
2. Президент – высшее должностное лицо и глава исполнительной власти в РФ (ст. 121.1).	Президент РФ – глава государства (ст. 80).
3. Совет министров-Правительство – орган исполнительной власти, подотчетный Съезду, ВС и Президенту РФ (ст. 122).	Исполнительную власть Российской Федерации осуществляет Правительство РФ (ст. 110).
4. Съезд – высший орган государственной власти РФ, правомочный принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Российской Федерации (ст. 104).	Орган отсутствует.
5. Президиум Верховного совета – подотчетный ВС РФ орган, обеспечивающий организацию работы Съезда и ВС и осуществляющий другие полномочия (ст. 113).	Орган отсутствует.
Формирование и отставка Правительства, система и структура органов исполнительной власти	
6. ВС дает <i>согласие</i> Президенту на назначение на должность председателя Совмина (ст. 109, 121.5, 123).	Государственная Дума дает <i>согласие</i> Президенту на назначение на должность председателя Правительства (ст. 83, 103, 111). <i>Комментарий.</i> Хотя конструкции похожи, но условия назначения председателя Правительства в действующей Конституции таковы, что <i>не дать согласие практически невозможно.</i>
7. ВС дает <i>согласие</i> Президенту на назначение министров: иностранных дел, обороны, безопасности, внутренних дел по представлению председателя Совмина (ст. 109, 121.5, 123). <i>Комментарий.</i> Норма о необходимости согласия ВС на назначение «силовых» министров была введена 9 декабря 1992 г. – в разгар конфликта с Президентом.	Всех федеральных министров назначает и освобождает от должности Президент по предложению Председателя Правительства РФ (ст. 83, 112).

1	2
8. Съезд или ВС могут принять решение об отставке Правительства путем выражения ему <i>недоверия</i> (ст. 109, 123).	Государственная Дума вправе выразить недоверие Правительству, но Правительство уходит в отставку, только если принято об этом решение Президента. В случае повторного решения о недоверии Государственная Дума (ГД) сама может быть распущена (ст. 117). <i>Комментарий.</i> Теперь Правительство само может поставить <i>вопрос о доверии</i> себе. В этом случае – при отказе в доверии – повторного решения ГД не требуется. Президент сразу решает, отправлять Правительство в отставку или распустить Думу. Таким образом, можно сказать, что институт недоверия/отказа в доверии фактически упразднен.
9. Президент может принять решение об отставке Совмина по своей инициативе, но с согласия ВС (ст. 121.5, 123).	Президент в любой момент вправе принять решение об отставке Правительства без чье-либо согласия (ст. 83, 117).
10. Президент лишь представляет ВС предложения об образовании, реорганизации и упразднении министерств, государственных комитетов и ведомств РФ (ст. 121.5).	Президент утверждает (определяет) структуру федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ) по представлению председателя Правительства (ст. 112). <i>Комментарий.</i> Определение структуры ФОИВ и есть принятие решений об их образовании, реорганизации и упразднении.
11. Съезд <i>утверждает</i> в должности председателя Совета министров (ст. 104).	Отсутствует.
Принятие, подписание/отклонение и обнародование законов	
12. Проекты законов, внесенные на рассмотрение ВС, обсуждаются палатами на их отдельных или совместных заседаниях (ст. 111).	Федеральные законы принимаются Государственной Думой (ГД) и одобряются Советом Федерации (ст. 105). Федеральные конституционные законы одобряются ГД и передаются на одобрение Совета Федерации (СФ). Совместных заседаний палат для этих целей не предусмотрено.
13. Президент вправе вернуть закон, принятый ВС, для повторного рассмотрения. После повторного его принятия <i>большинством голосов</i> от общего числа народных депутатов в каждой из палат ВС закон подписывается Президентом в трехдневный срок (ст. 117 и 121.5). <i>Комментарий.</i> До 1993 г. возможность президентского вето не только отсутствовала по	Если при повторном рассмотрении федеральный закон будет одобрен в ранее принятой редакции большинством не менее двух третей голосов от общего числа членов СФ и депутатов ГД, он подлежит подписанию Президентом РФ в течение семи дней и обнародованию (ст. 107).

отношению к СНД, но и была совершенно формальной по отношению к ВС, так как не требовалось квалифицированного большинства для преодоления президентского решения.	В обязательном порядке Президент подписывает только федеральные конституционные законы и законы о конституционных поправках, так как они принимаются (одобряются) сразу квалифицированным большинством (ст. 108).
14. Проекты законов и другие наиболее важные вопросы государственной жизни решением Верховного совета, принятым по его инициативе или по предложению субъектов РФ в лице Советов народных депутатов, могут быть вынесены на всенародное обсуждение (ст. 111).	Отсутствует. <i>Комментарий.</i> Упоминание о такой возможности (после первого чтения) есть в Регламенте ГД.
15. Законы, принятые Съездом, подписываются и обнародуются Президентом РФ в 14-дневный срок (ст. 117 и 121.5), т.е. не могут быть отклонены.	Отсутствует.
Досрочное прекращение полномочий Президента и парламента	
16. Президент не имеет права роспуска либо приостановления деятельности Съезда и Верховного совета (ст. 121.5).	Президент распускает Государственную Думу в случае трехкратного отказа согласиться с кандидатурой председателя Правительства (ст. 84, 111). Президент может распустить ГД в случае ее отказа в доверии Правительству или повторного выражения ему недоверия (ст. 84, 117).
17. Съезд отрешает от должности Президента РФ в случае нарушения Конституции и законов РФ, а также данной им присяги (ст. 104, 121.10).	СФ отрешает от должности Президента РФ на основании выдвинутого ГД обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления (ст. 93). <i>Комментарий.</i> Основания более конкретизированы, а процедура отрешения усложнена. Институт импичмента, строго говоря, потерял политическую подоплеку, хотя неудавшаяся попытка отрешить от должности Б.Н. Ельцина в 1998–1999 гг. носила сугубо политический характер.
18. Полномочия Президента не могут быть использованы для роспуска либо приостановления деятельности любых законно избранных органов государственной власти, в противном случае они прекращаются немедленно (ст. 121.6).	Отсутствует. <i>Комментарий.</i> Законодательство РФ закрепляет возможность в определенных случаях роспуска Президентом представительных органов субъектов РФ.
19. Верховный совет решает вопросы досрочного прекращения депутатских полномочий (ст. 109).	Отсутствует. <i>Комментарий.</i> Основания для лишения депутатских полномочий закреплены в федеральном законе.

Контроль над законностью нормативных правовых актов	
20. Президент вправе приостанавливать действие актов президентов республик и советов министров республик в составе РФ, а также отменять акты администраций других субъектов РФ в случае противоречия этих актов законодательству РФ (ст. 121.8).	<p>Президент вправе приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов РФ в случае противоречия этих актов Конституции и федеральным законам, международным обязательствам России или нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения этого вопроса соответствующим судом (ст. 85).</p> <p><i>Комментарий.</i> Это полномочие Президента, таким образом, несколько расширено.</p>
21. Президиум ВС осуществляет контроль за соблюдением Конституции РФ и обеспечивает соответствие Конституции и законам РФ конституций и законов республик в составе РФ (ст. 114).	<p>Президент РФ – гарант Конституции, прав и свобод человека и гражданина (ст. 80). Из этого вытекают его полномочия по контролю за соблюдением Конституции и обеспечению соответствия ей правовых актов субъектов РФ.</p> <p><i>Комментарий.</i> Конкретные полномочия, вытекающие из такой конституционной роли Президента, установлены в законодательстве.</p>
22. Съезд отменяет указы и распоряжения Президента РФ (ст. 104).	Отсутствует.
23. Верховный совет отменяет указы и распоряжения Президента РФ на основании заключения Конституционного суда (ст. 109).	Отсутствует.
24. Верховный совет вправе приостанавливать действие указов и распоряжений Президента РФ до разрешения Конституционным судом дел об их конституционности в случае обращения ВС в Конституционный суд (ст. 109). <i>Комментарий.</i> Дополнение, разрешающее приостанавливать акты Президента, было внесено в Конституцию 1978 г. 9 декабря 1992 г., т.е. в разгар конфликта.	Отсутствует.
25. Верховный совет вносит представления Президенту об отмене решений Правительства РФ (ст. 109).	Отсутствует.
26. Верховный совет отменяет постановления и распоряжения советов министров республик в составе РФ, решения представительных органов иных субъектов РФ в случае несоответствия их Конституции и законам РФ (ст. 109).	<p>Отсутствует.</p> <p><i>Комментарий.</i> Законодательство РФ предусмотрело право Президента РФ распускать законодательные органы субъектов РФ за неисполнение предупреждения Президента о необходимости изменить или отменить закон, противоречащий Конституции РФ или федеральным законам.</p>

Кадровые полномочия вне исполнительной власти	
27. Верховный совет <i>назначает</i> Генерального прокурора РФ (ст. 109), а Съезд <i>утверждает</i> (ст. 104). <i>Комментарий.</i> Нормы об освобождении Генпрокурора от должности не было. Но была норма о том, что срок его полномочий (как и всех других прокуроров) – 5 лет (ст. 178).	Назначение на должность и освобождение от должности Генерального прокурора РФ производится СФ по представлению Президента РФ (ст. 83, 102). <i>Комментарий.</i> С 2014 г. Президент представляет в СФ также кандидатуру заместителей Генпрокурора и вносит представление об их освобождении от должности.
28. Верховный совет <i>избирает</i> Верховный и Высший арбитражный суды РФ, судей краевых, областных, Московского и Санкт-Петербургского городских судов и арбитражных судов (ст. 109).	Назначение на должности судей Верховного суда РФ (Высший Арбитражный суд упразднен) производится СФ по представлению Президента РФ (ст. 83, 102). Президент РФ назначает на должности других федеральных судей (ст. 83).
29. Председатель ВС представляет Верховному совету кандидатуры для избрания на должности председателей Верховного и Высшего арбитражного судов РФ, а затем представляет этих должностных лиц Съезду на утверждение (ст. 115).	Кандидатуры для назначения на должности судей Верховного суда РФ в СФ представляет Президент РФ (ст. 83).
30. Съезд избирает Конституционный суд РФ (ст. 104)	Назначение на должности конституционных судей производится СФ по представлению Президента РФ (ст. 83, 102). <i>Комментарий.</i> В соответствии с законодательством, но вопреки Конституции Президент вносит в СФ кандидатуры на должности <i>председателя и заместителей председателя</i> Конституционного суда.
31. Председатель ВС представляет Съезду предложения о персональном составе Конституционного суда РФ (ст. 115).	Кандидатуры конституционных судей в СФ представляет Президент РФ (ст. 83).
32. Верховный совет назначает председателя Центрального банка РФ (ст. 109).	Назначение и освобождение от должности председателя Центрального банка РФ производится ГД по представлению Президента РФ (ст. 83, 103).
33. Съезд <i>утверждает</i> председателей Верховного и Высшего арбитражного судов РФ (ст. 104).	Отсутствует. <i>Комментарий.</i> В соответствии с законодательством, но вопреки Конституции Президент вносит в СФ кандидатуры на должности <i>председателя и заместителей председателя</i> Верховного суда.
34. Верховный совет утверждает состав Центральной избирательной комиссии по выборам народных депутатов РФ (ст. 109).	Отсутствует. <i>Комментарий.</i> По закону, ЦИК формируется по равным квотам Госдумой, Советом Федерации и Президентом.

Полномочия по иным вопросам	
35. Съезд определяет внутреннюю и внешнюю политику РФ (ст. 104).	Президент определяет основные направления внутренней и внешней политики (ст. 80).
36. Съезд принимает Конституцию РФ, вносит в нее изменения и дополнения (ст. 104).	<p>Положения глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием (ст. 135).</p> <p>Поправки к главам 3–8 Конституции Российской Федерации принимаются в порядке, предусмотренном для принятия федерального конституционного закона, и вступают в силу после их одобрения органами законодательной власти не менее чем двух третей субъектов РФ (ст. 136).</p>
37. ВС регулярно заслушивает отчеты образуемых или избираемых им органов, а также назначаемых или избираемых им должностных лиц (ст. 109, 120).	<p>Правительство представляет ГД отчет об исполнении федерального бюджета (ст. 114), а также, согласно конституционным поправкам 2008 г., – отчеты о результатах своей деятельности, «в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой» (ст. 103, 114).</p> <p><i>Комментарий.</i> Эти отчеты носят формальный характер, так как у Думы нет реальных возможностей воздействовать на Правительство.</p>
38. Съезд принимает решения о проведении всенародного голосования – референдума (ст. 104).	<p>Президент назначает референдум (ст. 84).</p> <p><i>Комментарий.</i> Правда, ФКЗ «О референдуме» и в 1995 г., и в 2004 г. лишил Президента права назначать референдум, так как термин «назначает» предполагает, что именно Президент выносит на решение народа тот или иной вопрос.</p> <p>Такой вывод вытекает из конституционной роли главы государства – института, предотвращающего политические тупики или выводящего из них. Вряд ли разработчики Конституции стали бы включать пункт о назначении Президентом референдума, если бы подразумевали под этим лишь оформление им чьей-то инициативы. Не случайно и. о. Президента запрещено назначать референдум (ст. 92).</p> <p>Наконец, в Конституции 1978 г. говорилось, что Съезд назначает референдум, а ВС лишь объявляет о нем.</p>

39. ВС назначает выборы народных депутатов РФ и депутатов местных Советов (ст. 109).	Президент назначает выборы Государственной Думы (ст. 84). О назначении выборов представительных органов местного самоуправления в Конституции не говорится.
40. ВС осуществляет в пределах компетенции Российской Федерации законодательное регулирование отношений собственности, организации управления народным хозяйством и социально-культурным строительством, бюджетно-финансовой системы, оплаты труда и ценообразования, налогообложения, охраны окружающей среды и использования природных ресурсов, а также других отношений; устанавливает общие принципы организации системы органов представительной и исполнительной власти на территории Российской Федерации (ст. 109).	Некоторые вопросы никак не регулируются, другие закреплены не как чьи-то полномочия, а как вопросы, относящиеся к предметам ведения РФ или к совместному ведению РФ и ее субъектов (ст. 71, 72). <i>Комментарий.</i> В Конституции отсутствует закрепление законодательных предметов ведения. Закрепляются только предметы исключительного ведения Федерации и совместного ведения. Причем, по этим предметам, согласно правовой позиции Конституционного суда РФ, могут издаваться и указы Президента.
41. Верховный совет решает вопросы, связанные с обеспечением конституционных прав, свобод, обязанностей и равноправия граждан Российской Федерации (ст. 109).	Президент является гарантом прав и свобод человека и гражданина (ст. 80). Соответственно, он и «решает вопросы». Кроме того, Правительство РФ «осуществляет меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью» (ст. 114).
42. Верховный совет разрабатывает основные мероприятия в области обороны и обеспечения государственной безопасности Российской Федерации (ст. 109). <i>Комментарий.</i> «Разработка основных мероприятий» помимо законодательной деятельности парламента было фактически разрешением вторгаться в деятельность исполнительной власти.	Президент принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности (ст. 80), утверждает военную доктрину Российской Федерации (ст. 83), является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами РФ, в случае агрессии против России или непосредственной угрозы агрессии вводит военное положение (ст. 87) и т.д.
43. Председатель ВС представляет Съезду и ВС сообщения о положении страны и о важных вопросах ее внутренней и внешней политической деятельности; об участии в обеспечении обороноспособности и безопасности (ст. 115). <i>Комментарий.</i> Это сформулировано вроде бы в информационном ключе, но на деле было важным средством, резко повышающим политический вес, значимость председателя ВС, чем он пользовался для противопоставления себя Президенту.	Президент РФ обращается к Федеральному Собранию с ежегодными посланиями о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства (ст. 84).

44. Съезд утверждает перспективные государственные планы и важнейшие республиканские программы экономического и социального развития Российской Федерации, ее военного строительства (ст. 104).	Отсутствует. <i>Комментарий.</i> Федеральные программы отнесены к ведению Федерации, а не к какому-то определенному органу (ст. 71).
45. Съезд принимает решения по вопросам национально-государственного устройства, отнесенным к ведению Российской Федерации (ст. 104).	Отсутствует <i>Комментарий.</i> Не существует самого понятия «национально-государственное устройство». Ближайший аналог – принятие федерального конституционного закона, меняющего состав Федерации или статус субъекта РФ (ст. 66).
46. Съезд определяет порядок решения вопросов административно-территориального устройства Российской Федерации (ст. 104).	Отсутствует.
47. Съезд решает вопросы об изменении границ Российской Федерации (ст. 104).	Отсутствует. <i>Комментарий.</i> Вряд ли можно считать, что это заменено нормой о том, что к предметам ведения РФ относится «определение статуса и защита государственной границы, территориального моря, воздушного пространства, исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации» (ст. 71).
48. ВС обеспечивает единство законодательного регулирования на всей территории Российской Федерации (ст. 109).	Отсутствует.
49. ВС дает толкование законов Российской Федерации (ст. 109).	Отсутствует. <i>Комментарий.</i> До сих пор идут споры, кто должен осуществлять толкование законов.
50. ВС устанавливает порядок организации и деятельности федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти (ст. 109). <i>Комментарий.</i> В такой формулировке это полномочие противоречило принципу разделения властей. Ведь здесь не говорится, что порядок устанавливается законом.	Отсутствует.
51. ВС определяет правовой статус общественных организаций, осуществляющих свою деятельность на всей территории Российской Федерации (ст. 109). <i>Комментарий.</i> Не очень понятно, о чем вообще шла речь. Если о статусе конкретных общественных организаций, то это противоречит принципам конституционного права.	Отсутствует.

<p>52. ВС направляет деятельность Советов народных депутатов Российской Федерации (ст. 109).</p> <p><i>Комментарий.</i> Это был рудимент советского типа власти.</p>	<p>Отсутствует.</p>
<p>53. ВС вносит на рассмотрение Съезда предложения об образовании новых субъектов РФ (ст. 109).</p>	<p>Отсутствует. <i>Комментарий.</i> Принятие в Российскую Федерацию и образование в ее составе нового субъекта осуществляются в порядке, установленном федеральным конституционным законом (ст. 65). Изменение субъектного состава Федерации возможно разными способами, но федеральный парламент не играет роль инициатора.</p>
<p>54. ВС представляет на утверждение Съезда проекты перспективных государственных планов и важнейших программ экономического и социального развития Российской Федерации, утверждает государственные планы экономического и социального развития Российской Федерации (ст. 109).</p>	<p>Отсутствует. <i>Комментарий.</i> Выработка стратегических целей и приоритетов социально-экономической политики государства предусмотрена в ФЗ от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации».</p>
<p>55. ВС учреждает государственные награды Российской Федерации, устанавливает почетные звания Российской Федерации (ст. 109).</p>	<p>Отсутствует. <i>Комментарий.</i> На практике это реализует Президент.</p>
<p>56. Президиум ВС организует подготовку и проведение народных голосований (референдумов) (ст. 114).</p>	<p>Отсутствует. <i>Комментарий.</i> В законодательстве эти полномочия закреплены за ЦИК РФ.</p>
<p>57. Президиум ВС устанавливает памятные и знаменательные дни Российской Федерации (ст. 114).</p>	<p>Отсутствует. <i>Комментарий.</i> На практике это осуществляется законодательным путем (см. ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России»).</p>
<p>58. Председатель ВС ведет переговоры и подписывает соглашения между законодательными органами (парламентами) Российской Федерации и суверенных государств с последующим предоставлением соглашений на ратификацию ВС (ст. 115).</p>	<p>Отсутствует.</p>
<p>59. ВС, каждая из его палат создают, когда сочтут необходимым, следственные, ревизионные и иные комиссии по любому вопросу (ст. 116).</p>	<p>Отсутствует. <i>Комментарий.</i> Долгое время администрация Президента противилась любым попыткам законодательно закрепить контрольные полномочия палат (особенно по расследованию), как раз опираясь на тезис, что Конституция умалчивает о контрольной функции парламента.</p>

<p>60. Народный депутат РФ на заседаниях Съезда и сессиях Верховного совета РФ имеет право обратиться с запросом к Председателю Верховного совета, к Президенту РФ, к Совету министров РФ, к руководителям других органов, образуемых или избираемых Съездом и Верховным советом. Орган или должностное лицо, к которому обращен запрос, обязан дать устный или письменный ответ на данном заседании Съезда или на данной сессии Верховного совета не более чем в трехдневный срок (ст. 118).</p>	<p>Отсутствует. <i>Комментарий.</i> Это право парламентария закреплено в ФЗ от 8 мая 1994 г. № 4-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Любопытно, что Б.Н. Ельцин в том числе и из-за этого не хотел подписывать Закон.</p>
<p>61. Президент представляет не реже одного раза в год доклады Съезду о выполнении принятых Съездом и Верховным советом РФ социально-экономических и иных программ, о положении в Российской Федерации. Съезд вправе потребовать от Президента Российской Федерации внеочередного доклада (ст. 121.5).</p>	<p>Отсутствует.</p>
<p>62. Каждая палата ВС вправе рассматривать любые вопросы, отнесенные к ведению ВС (ст. 112).</p>	<p>Отсутствует. <i>Комментарий.</i> У Федерального Собрания нет полномочий. Этот орган, по сути, – юридическая фикция, ибо в физическом смысле его не существует. Есть только палаты, каждая из которых обладает своей компетенцией (ст. 102–106).</p>
<p>63. Постановление, принятое одной из палат, при необходимости передается в другую палату и при одобрении ею приобретает силу постановления Верховного совета РФ. В случае разногласия между Советом Республики и Советом Национальностей вопрос передается на разрешение согласительной комиссии, образуемой палатами на паритетных началах, после чего вопрос вторично рассматривается палатами на совместном заседании. Если и в этом случае согласие не будет достигнуто, вопрос переносится на рассмотрение Съезда (ст. 112).</p>	<p>Отсутствует. <i>Комментарий.</i> У каждой палаты Федерального Собрания есть свои полномочия, и постановления по вопросам, отнесенным к ведению палат, не требуют одобрения другой палаты.</p>

Итак, если выделить главное, можно сказать: только Президент получил безраздельный контроль над Правительством. Это и есть ответ на вопрос: «Кто правит?». Здесь, однако, не было бы большой беды, если бы Конституция предусматривала соответствующие сдержки и противовесы президентским прерогативам со стороны парламента. Но как раз этого и не было!

Вопреки? Безотносительно? Благодаря? (вместо Заключения)

А теперь задам себе вопрос: российский Президент имеет *доминирующее положение*¹ в политической системе вопреки этой конституционной модели, безотносительно к ней или ей благодаря?

Ответы: «вопреки» и «безотносительно» – можно сразу отвергнуть. Они предполагают, что Президент попросту не считается со своим конституционным статусом. Однако, во-первых, политическая практика, начиная с января 1994 г. не подтверждает этого. А во-вторых, это означало бы, что и обе палаты Парламента, и руководители субъектов Федерации, и суды *с самого начала* покорно поддались президентскому диктату. Но все было наоборот: и обе палаты Федерального Собрания, и губернаторы в 90-е годы демонстрировали фронт по отношению к Президенту. Так что я утверждаю: Президент имеет доминирующее положение в политической системе *благодаря* той системе власти, которая сконструирована Конституцией РФ 1993 г. Другое дело, что *в зависимости от личности Президента и от состояния общества* эта конструкция может провоцировать авторитаризм в большей или меньшей степени. Тут важно, что она никак не сдерживает авторитарный тренд.

В законодательстве об *экономической* конкуренции доминирующее положение, с одной стороны, еще не означает, что хозяйствующий субъект *злоупотребляет* им, а с другой – при попытке злоупотребления Закон о защите конкуренции предусматривает включение механизма *ограничения и блокирования* деятельности такого субъекта. В *политической* сфере невозможно применить такую же «методологию» противодействия, ибо здесь сам доминирующий субъект именно потому, что он доминирует, имеет возможность определять «поведение» всех других государственных структур.

Конституция может закрепить конструкцию, не допускающую или хотя бы снижающую риск доминирования единоличного института, а может и содержать нормативную модель, которая позволяет не только доминировать, но и злоупотреблять таким положением.

Именно это и произошло в нашей истории. Я попытался показать, **почему и как эффект «path dependence» проявил себя при создании формальных правил.** Разумеется, даже при таких конституционных условиях авторитаризм вовсе не предопределен. Этому могло бы воспрепятствовать общество, впитавшее дух конституционализма, – будь в нем

¹ Термин «доминирующее положение» заимствован из Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

прочны традиции политической конкуренции, негативного отношения к авторитаризму и его проявлениям¹.

Говоря «воспрепятствовать», я имею в виду не сопротивление в формах, свойственных революционной борьбе вплоть до восстания². Речь идет об использовании легальных демократических институтов (прежде всего выборов) для того, чтобы, например, не продлевать мандат авторитарного президента, избирать в парламент тех политиков (и те партии), которые могли бы смело вступать в конституционные конфликты с президентом, отстаивать соответствующие законы и их применение в конституционном духе. Как верно замечает С.В. Васильева, «принятие отдельного закона о политической конкуренции не является панацеей. Однако политическая конкуренция, как и экономическая, должна развиваться по определенным правилам. Законы о выборах, политических партиях, о гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельности в СМИ, Регламент Государственной Думы и др. воздействуют на правила политической конкуренции в рамках предмета регулирования; избирательного права и процесса, политического строительства, парламентского процесса и т.д.» (6, с. 28).

Наше общество не пыталось предотвратить установление персоналистского режима. Но не от исторической склонности к «царцентризму», а потому, что в России *никогда не было нормальной институциональной основы для политической конкуренции и потому неоткуда было взяться ни соответствующей массовой политической культуры, ни развитой многопартийности, ни качественной политической элиты*. Теоретически могла существовать надежда на то, что после краха советской власти *несколько электоральных циклов* (парламентских, президентских, губернаторских) дадут возможность народу понять смысл, значение и достоинства политической конкуренции – что именно она обеспечивает возможность контроля народа над властью, делает и ее, и оппозицию зависимыми от общества, ответственными перед ним. Однако устремления подавляющего большинства народонаселения, на которое, собственно, и ориентировались наши политические лидеры, были направлены на другое – прежде всего и главным образом на достижение материального благополучия и установление твердого порядка.

¹ Впрочем, при таких условиях не появилась бы и конституционная конструкция с доминирующим политическим субъектом.

² Хотя и эти формы считаются допустимыми при определенных условиях. Всеобщая декларация прав человека в своей преамбуле говорит о *восстании против тирании и угнетения* как крайнем средстве для того, «чтобы права человека охранялись властью закона». Тем самым право на восстание, или на *свержение деспотического правительства*, впервые появившееся в Декларации независимости США (а в ней оно названо одновременно и обязанностью), обрело международно-правовое признание.

Винить за это людей нельзя. Во-первых, для большинства обнищание как следствие банкротства советской системы стало шоком, особенно на фоне чрезмерного материального расслоения. А во-вторых, не менее, а для многих и еще более ужасным было разрушение самого понятия «государство». И дело даже не в том, что исчезли привычные советскому человеку институты социальной и правовой защиты (те же парткомы, исполкомы, профкомы и т.п.), а адекватной замены не возникло. Сохранившиеся институты (прежде всего охраны и защиты права) не только перестали качественно выполнять свои основные функции, как это бывает сразу после революций, но и нередко сами становились угрозой для личной и имущественной безопасности людей. Так что стремление к «порядку» было вызвано не мечтой о «твердой руке» (диктаторе), а потребностью в устойчивом правовом режиме работы государственных институтов, непосредственно контактирующих с гражданами.

В наши дни (с начала 2000-х годов) приоритеты общества изменились. В ситуации сравнительного материального благополучия, которым мы обязаны положительной конъюнктуре на сырьевом рынке, и видимости порядка¹ на первое место вышла другая идея – *имперского величия*, подобного тому, какое, по мнению большинства, имел СССР. Тут не важно, уловил ли этот «народный тренд» Президент или он сам – через контролируемые средства массовой информации – убедил большинство в необходимости восстановить утраченное советское влияние. Скорее, процесс был обоюдным. В результате утверждения этого приоритета в обществе закрепилось персоналистское понимание власти, ибо имперское величие всегда предполагает фигуру всевластного вождя и никогда – правовой тип власти.

Лично я считаю, что классифицировать страны по степени «величия», как это делают политологи², занятие довольно вредное. Но если соглашаться с такой классификацией, то нужно будет согласиться и с тем, что величие определяется не огромной территорией и военной мощью, а рядом объективных параметров (прежде всего продолжительностью жизни и уровнем здоровья населения, качеством образования, сырьевыми ре-

¹ Это именно видимость, поскольку и сегодня многие публично-властные институты (прежде охраны и защиты права) не выполняют или плохо выполняют свои базовые функции, зачастую действуя вопреки принципу правового равенства. А видимость порядка создается демонстрацией лояльности Президенту всеми «клетками государственного организма», т.е. иллюзией беспрекословного подчинения. Понятно, что это не правовой порядок. Но я говорю о том, как воспринимает это обыватель, так и не узнавший, что представляет собой правовой порядок.

² М.Ю. Урнов ссылается на С. Тиса (С. Thies), который предложил такую классификацию: «великая держава / ведущая держава (major power)», «средняя / региональная держава», «малая держава» и «страна с неопределенным статусом / формирующаяся страна (emerging state)» (см.: 24, с. 3).

курсами, уровнем инвестиций и инноваций, качеством государственного управления и др.). М.Ю. Урнов на основе анализа многочисленных источников провел по таким параметрам сравнение России с наиболее развитыми странами мира и пришел к выводу, что при оптимистическом варианте развития Россия в ближайшие 50 лет может стать лишь «средней / региональной державой» (24, с. 35). Не случайно, как он отмечает, «причины, подтолкнувшие российскую власть отказаться от использования применительно к России термина “великая держава”, во многом кроются в многочисленных ресурсных проблемах страны» (24, с. 7).

Таким образом, сегодня от общества еще меньше, чем 25 лет назад, можно ожидать «заказа» на создание конкурентной политической системы. Приходится рассчитывать лишь на ту часть политической элиты, которая при всей своей сервильности *ради самосохранения* способна сформировать институциональные условия для устойчивой системы политической конкуренции.

По моему убеждению, сломать персоналистскую (а потому и патерналистскую) парадигму можно лишь через создание *определенной модели власти* и именно с ее помощью. (За такую позицию автора не раз критиковали его мировоззренческие единомышленники, которые убеждены, что лишь сама логика политического процесса рано или поздно приведет к изменению общественного сознания и иному поведению общества.) Опора этой модели – рациональные мотивы политических акторов. Им должно быть не только безопасно, но и выгодно применять свои полномочия, когда, опять же выражаясь языком экономической науки, издержки и риски акторов минимизируются, а их выигрыш максимизируется.

Список литературы

1. Авакьян С.А. Конституция России: Природа, эволюция, современность. – 2 изд. – М.: РЮИД: «Сашко», 2000. – 528 с.
2. Андреева Л.А. Феномен религиозного индифферентизма в Российской империи // Общественные науки и современность. – М., 2008. – № 4. – С. 114–124.
3. Аузан А.А. «Колея» российской модернизации // Общественные науки и современность. – М., 2007. – № 6. – С. 54–60.
4. Батурин Ю.М. Конституционные этюды. – М.: Институт права и публичной политики, 2008. – 80 с.
5. Булгаков С.Н. Избранное / Сост., автор вступ. ст. О.К. Иванцова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 734 с.
6. Васильева С.В. Конституционно-правовой статус политической оппозиции. – М.: Институт права и публичной политики, 2010. – 234 с.
7. Вестник Конституционного Суда РФ. – М., 1994. – № 6. – 65 с.
8. Горький М. Если враг не сдается – его истребляют // Правда. – М., 1930. – 15 нояб.
9. Конституционное совещание: Информационный бюллетень. – М., 1993. – № 3, Дек. – 167 с.
10. Кудашев А. Конституционное собрание // Основные элементы демократии / Пер. с нем. К.Р. Новожиловой. – СПб.: Изд-во Европейского дома: Хронограф, 1993. – 134 с.

11. Ламетри Ж.О. Человек-машина // Ламетри Ж.О. Избранное. – М., 1983. – С. 169–226.
12. Лассаль Ф. Сила и право (Открытое письмо редактору «Реформы») // Сочинения Фердинанда Лассаля. – СПб.: Издание Н. Глаголева, 1905. – Т. 2. – 289 с.
13. Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания: Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. – СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994. – 288 с.
14. Муздыбаев К. Психология ответственности. – М.: Наука, 1983. – 240 с.
15. Нуреев Р.М. Институциональная среда российского бизнеса – эффект колен [Электронный ресурс] // Сайт Нуреева Р.М. – Режим доступа: <http://rustem-nureev.ru/> (дата обращения: 30.03.2016).
16. Общественное мнение – 2013. – М.: Левада-центр, 2014. – 252 с.
17. Пивоваров Ю.С. «Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?» // Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр россиеведения; Гл. ред. Глебова И.И. – М., 2014. – Вып. 5. – С. 47–100.
18. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги: В 2 т. – М.: Феникс: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т. 1: Чары Платона / Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – 446 с.
19. Послание Президента Российской Федерации Верховному Совету Российской Федерации «О конституционности» // Известия. – М., 1993. – 25 марта.
20. Россия – 2000: Современная политическая история, (1985–1999 гг.). – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: ВОИД «Духовное наследие»: ЗАО НИФ «РАУ-Университет», 2000. – Т. 1: Хроника и аналитика / Под общ. ред. А.И. Подберезкина. – 443 с.
21. Салмин А.М. Метаморфоза российской демократии: От спонтанности к импровизации? // Полития. – М., 2003. – № 3, Осень. – С. 5–59.
22. Соловьев В.С. О духовной власти в России (По поводу последнего пастьерского воззвания Св-ятейшего> Синода // Соловьев В.С. Избранное / Сост., автор вступит. ст. и коммент. С.Б. Роцинский. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 86 – 101.
23. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 367 с.
24. Урнов М.Ю. Россия: Виртуальные и реальные политические перспективы: препринт WP14/2014/03 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 52 с. – (Серия WP14 «Политическая теория и политический анализ».)
25. Холмс С., Лаки К. Страсти по совмещению // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – М., Осень 1993–Зима 1994. – № 4/5. – С. 19–22.
26. Шайо А. Самоограничение власти (Краткий курс конституционализма) / Пер. с венг. – М.: Юристъ, 2001. – 292 с.
27. Эпоха Ельцина: Очерки политической истории. – М.: Вагриус, 2001. – 815 с.

В.Б. ПАСТУХОВ

ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В XXI в.

Как говорила главная героиня фильма «Москва слезам не верит», те, кто настроился на чтение политического триллера, могут спокойно продолжить заниматься своими делами, – эта статья не для них.

Не то, чтобы мне не были известны законы триллера; они восходят к рецептам изготовления актуальных репортажей, раскрытым еще Ильфом и Петровым в «Золотом теленке», и просты, как «три аккорда». Сначала немного о катастрофическом положении дел в России (в зависимости от профиля пишущего – экономическом, политическом или духовном), потом об ответственности «кремлевской хунты» за это безобразие (благо, поводы всегда под рукой), и закончить надо обязательно куплетом из песенки придворного кролика, когда-то бывшего бунтарем, из романа Фазыля Искандера: «Но буря все равно грядет!» Внимание читателей по обе стороны идейных баррикад к такой публикации гарантировано. Проблема лишь в том, что реальные ответы на насущные вопросы экономического, социального и политического развития современной России практически невозможно найти, оставаясь в рамках этого популярного в народе жанра.

Зачем в таком случае снова и снова возвращаться к теме конституционализма, если она обречена не стать хитом? Дело в том, что вопрос о Конституции, казалось бы, давно уже для России неактуальный, выскакивает как чертик из коробки каждый раз, как только кнопка политической активности переводится из положения OFF в положение ON. Причем громче всех, как это зачастую водится, о необходимости изменения Конституции и созыве конституционного совещания заявляют именно те, кто до этого не успевал напоминать о своем фундаментальном вкладе в создание «самой лучшей из существующих конституций». Но шум и суета, сопровождающие несгораемую как птица-феникс конституционную дискуссию, только мешают определиться с предметом спора.

Так случилось, что любой, кто решится сегодня поразмышлять о судьбах российского конституционализма, рискует оказаться на скамеечке в сквере у Патриарших прудов в теплой компании редактора Берлиоза и

поэта Бездомного, рассуждающих о том, существовал ли Иисус на самом деле¹. Действительно, в том ли дело, плох или хорош российский конституционализм? Был ли он – вот в чем вопрос. А если был, то куда делся? Вероятный ответ здесь – неочевиден, а очевидный – невероятен.

На первый взгляд у России нет истории конституционного движения. Есть какие-то отрывочные эпизоды, не связанные между собой, каждый из которых заканчивался крахом: дореволюционный конституционализм, советский конституционализм, посткоммунистический конституционализм. Но если посмотреть, как каждый предшествующий эпизод отражается в каждом последующем, то складывается какая-никакая общая картинка.

Конституционное движение возникает как диссидентское движение русской аристократии, целиком и полностью отвергаемое властью. Вроде бы оно не имело никакого продолжения, сгорев в огне большевистской революции. Однако рожденная этой революцией государственность формально признала Конституцию, хотя и полностью отвергла все конституционные принципы. Советский конституционализм выглядит полной профанацией конституционных идей, но на его закате рождается диссидентское движение советской интеллигенции (русской версии среднего класса), которое начинает борьбу за наполнение пустой конституционной формы либеральным содержанием. Диссидентское движение не стало архитектором перестройки, но в Конституции 1993 г. были наконец признаны все те принципы, которые отвергал советский конституционализм. Посткоммунистический конституционализм очень быстро стал декларативным, между конституционной моделью и конституционной практикой возникла пропасть. Но ответной реакцией на то, что правовая и политическая практика оказалась полностью неконституционной, стало возрождение в России движения за конституционную реформу, которое ставит своей главной целью превращение конституционных принципов в действующие.

Таким образом, от одной конституционной катастрофы к другой Россия странным образом движется в нужном направлении, выдерживая общую линию... Так или иначе, эволюция российского конституционализма выходит сегодня на финишную прямую. Противоречие между либеральной конституционной моделью и нелиберальной конституционной

¹ Дилемма, которая стоит перед российскими конституционалистами, очень близка той, которую пытался разрешить поэт Иван Бездомный: *«Трудно сказать, что именно подвело Ивана Николаевича – изобразительная ли сила его таланта или полное незнакомство с вопросом, по которому он собирался писать, – но Иисус в его изображении получился ну совершенно как живой, хотя и не привлекающий к себе персонаж. Берлиоз же хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисус-са-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем – простые выдумки, самый обыкновенный миф»* (Булгаков М. Мастер и Маргарита. – М.: Художественная литература, 1973. – С. 12).

практикой не может существовать вечно. Теоретически есть два сценария его разрешения. В первом случае конфликт разрешается через конституционную реформу, которая «модернизирует» российскую Конституцию таким образом, чтобы конституционные принципы могли быть реализованы не только в теории, но и на практике. Во втором случае конфликт разрешается через конституционную контрреформу, когда либеральное содержание Конституции будет выхолощено окончательно; посткоммунистическая Конституция – редуцирована до уровня советской Конституции.

Россия стоит на конституционной развилке, где двигаться можно только либо вперед, либо назад. Надо от провозглашения принципов переходить к их реализации либо открыто от них отказываться.

Конституция как революция сознания

Многие думают, что конституция – это текст. В крайнем случае, ее рассматривают как политическое «лего», из которого по инструкции надо собрать государство. Поэтому, если что-то пошло не так, то обычно предлагают один («ветхозаветный») текст заменить на другой («новозаветный»), полагая, что все после этого «станет кока-кола» (Андрей Кончаловский, надеюсь, простит меня за украденную метафору). Но «кока-колу» русская земля никак не родит, а выходит все больше кислый квас. Потому что конституция – это прежде всего уклад жизни, т.е. такой бестелесный социальный эфир, который нельзя формализовать и навязать обществу сверху, если оно само к этому не готово.

Вопрос о создании конституционного государства в России – это не вопрос написания «идеального текста». Это вопрос подготовки и осуществления глубочайшей нравственной, социальной и, как следствие, политической революции прежде всего в умах и делах миллионов людей. Конституция вообще – синоним революции. Революции не в смысле политического переворота – это историческая частность, которая может присутствовать, но может и отсутствовать, – а в смысле переворота всего привычного образа жизни, всего, что составляет основу традиционного мышления и поведения человека, которые в России принято называть «понятиями». Потому что «жить по понятиям» – значит всего лишь жить в соответствии с глубоко укоренившейся патриархально-средневековой традицией. Поэтому так естественно, что Кавказ – это сегодня оплот русской «понятийности».

Конституция – враг понятий, она вытесняет их законом (нигде в мире – до конца). Для того чтобы построить конституционное государство, необходимо отречься от старых понятий. Чехов призывал русского человека по капле выдавливать из себя раба; настоящий конституционалист должен сейчас призывать русских людей по капле выдавливать из себя

«понятийность». Так получилось, что Россия одной ногой вступила в Новое время вместе с Петром, но вторая ее нога так и застряла в старой понятийной Московии. И сейчас, похоже, ногам стало скучно друг без друга – либо Россия должна выскочить из своего Нового времени и целиком вернуться обратно в Средневековье, либо ей придется наконец выдернуть отсюда и вторую ногу, приступив к созданию конституционного государства. Речь идет о духовном, интеллектуальном преобразовании, сопоставимом с Петровскими реформами и большевистской революцией, а может быть, даже и превосходящем их по масштабу.

Конституционализм – это привычка жить в условиях правового самоограничения и, как следствие, требовать самоограничения (воздержания от произвола) от государственной власти. Но откуда взяться этой привычке? Она сродни привычке гасить за собой свет или не мусорить на улице. То есть это в первую очередь вопрос внутренней культуры. Строй наших действий обычно отвечает строю наших мыслей. Профессор Преображенский говорил, что разруха начинается в головах. Значит, и конституционализм должен победить сначала в умах и душах, и лишь после этого можно рассчитывать на его политическую победу.

Социум живет по закону сообщающихся культурных сосудов. Там, где есть повседневная нравственная и даже просто бытовая дисциплина, там рано или поздно, несмотря на всевозможные отклонения от «генеральной линии» исторического развития, появятся ростки конституционализма. Там, где царит всеобщая расхлябанность, нравственная вседозволенность, никакого конституционализма не будет, даже если обклеить текстами конституции все стены домов. Декоративная демократия в таком обществе всегда будет вырождаться в анархию, которая по законам, открытым еще древними греками, неизбежно эволюционирует в деспотию. В этом, по сути, состоит разгадка тайны бурных российских «90-х» и пришедших им на смену тихих «00-х».

Задержка в конституционном развитии России имеет совершенно объективные культурные предпосылки. Конституционализм пришел в Россию не на пустое место. Россия – не Африка, где политические миссионеры могут проращивать на пустом поле ростки цивилизации (хотя и там это мало кому пока удалось). Здесь территория уже была оккупирована культурой, глубоко враждебной конституционализму.

В одном многочисленные «прохановы» и «дугины» правы – конституционная идея глубоко противна «традиционной русскости». Другое дело, хотим ли мы эту традиционную, понятийную «русскость» и дальше холить и лелеять или мы хотим создать другую «русскость», отвечающую потребностям времени и его вызовам. Таким образом, честная и бескомпромиссная постановка вопроса о конституционализме вскрывает проблему эпического масштаба. Конституционализм несовместим с тем, что мы

привычно называем «русской матрицей», т.е. набором русских «исторических» социальных и политических практик, имеющих источником своего происхождения православную (и в конечном счете византийскую) религиозную традицию.

Начиная с 1989 г. российские конституционалисты пытались решать частности, не затрагивая главного вопроса: насколько вообще конституционная идея может быть вписана в интерьер русский традиционной (понятийной) ментальности? Ответ на этот вопрос не вдохновляет – скорее всего, она никак не может быть в него вписана. Таким образом, реальное, а не мнимое конституционное преобразование России предполагает устранение традиционной «русскости» в ее привычном для нас историческом облике. Эта самая «русскость» должна возродиться в новой, пока неведомой нам конституционной форме. Но вопрос стоит именно так: или Конституция, или «Россия, которую мы потеряли», – вместе они существовать не могут. России нужна не просто новая Конституция, а «новый человек», способный жить в обществе, скроенном по конституционным лекалам. Ничего толкового не случится, пока на смену *homo soveticus* не придет *homo constituticus*.

Первый необходимый шаг в решении любой проблемы – это осознание ее масштабов. Российские конституционалисты до сих пор явно недооценивали масштаб исторической задачи, которую им предстоит решить. Конституционные идеи нельзя вписать в русскую понятийную традицию, замаскировать под «старину», примирить то ли с советским, то ли с имперским (что почти одно и то же) прошлым. Для становления конституционного строя в России требуется отправить на свалку истории весь привычный уклад русской жизни со всеми его «понятиями» и «символами». Это звучит угрожающе, но в этом нет ничего принципиально невозможного. Так в Европе человек Нового времени бескомпромиссно отправил в историческое небытие человека Средневековья с его привычками и взглядами, которые мало чем отличались от привычек и взглядов современного русского человека. Думаю, что эта задача вполне по силам и российскому обществу, просто надо четко представлять себе объем той исторической работы, которую предстоит проделать. Пока же глубину противостояния осознают, скорее, противники конституционализма – ревнители русской старины, которые восприняли конституционную угрозу как смертельную опасность и начали против конституционализма крестовый поход.

Конституционная реформа должна начаться с формирования конституционного сознания. Предпосылки конституционализма коренятся в культуре. Если культурная почва для конституционализма не подготовлена, любые политические и тем более юридические усилия будут «обнулены» так называемой «правовременительной практикой». До тех пор пока в сознании русской элиты лозунг «свобода – равенство – братство» будет

интерпретироваться как «анархия – уравниловка – соборность», политическая система будет выстроена по «куваровской» триаде: «православие – самодержавие – народность».

Конституционный проект гораздо шире, чем конституционный текст. Его цель – вывернуть наизнанку русское традиционное политическое сознание, которое, в свою очередь, обусловлено всей системой испокон веков существующих в России религиозно-философских воззрений. Причем, как показал печальный опыт последних десятилетий, простой импорт «готовых» конституционных идей проблемы не решает – на предложение хороших идей необходимо создать такой же хороший покупательский спрос.

Людей меняют испытания, народы преобразуются во время революций. Революция – это трагедия, но и неограниченные возможности для исторического творчества, недаром их называли «локомотивами истории». Великую Французскую революцию начинал один народ, а выходил из революции уже совершенно другой – с иным строем мыслей и чувств. Реальный потенциал изменений всегда скрыт от глаз наблюдателя до тех пор, пока общество не придет в движение. Конституционализм может стать реальностью в России, только когда он будет продуктом массового потребления, а не салонной идеологией. Массовый спрос на конституцию возможен только во время революции.

К счастью, революцию нельзя организовать, ее даже нельзя ускорить или замедлить. Она происходит сама по себе тогда, когда политический раствор становится слишком насыщенным, и это всегда случается неожиданно (а что является «последней каплей», и давно нельзя вычислить). Однако, когда лед тронется, за Россию будут бороться и конституционалисты, и нацисты (я не уверен, что в России возможен фашизм), и каждый будет гнуть ее под себя. Выиграет тот, кто будет лучше к этой борьбе готов.

Конституционные реформы и контрреформы

По сути, чтобы сделать современную российскую государственность конституционной, требуется вывернуть ее наизнанку. Для этого нужен комплекс глубочайших конституционных реформ, охватывающих все основные элементы политической системы. В числе первоочередных должны быть проведены: судебная реформа, реформа правоохранительных органов, избирательная реформа, административная реформа, политическая реформа (имеется в виду треугольник отношений партии–парламент–правительство), реформа местного самоуправления.

В полном соответствии с русскими политическими традициями в посткоммунистической России был воссоздан механизм реализации лич-

ной власти главы государства, существующий параллельно механизму реализации государственной власти. Излишне говорить о том, что существование подобного механизма не может считаться конституционным и основано исключительно на неформальных связях и отношениях, а также на прямом, ничем не ограниченном контроле над армией и полицией в широком смысле слова. Чтобы безболезненно вживить этот «силовой имплантат» в российскую государственную ткань, в ней предварительно был подавлен политический иммунитет.

Нынешняя российская Конституция, несмотря на драматизм событий, сопровождавших ее принятие (расстрел первого постсоветского парламента и государственный переворот), оказалась весьма стабильной. За годы своего существования, наполненные самыми разнообразными и жесткими политическими и экономическими вызовами, Конституция России практически не претерпела изменений. Формально единственное существенное изменение российской Конституции (если не считать переименований субъектов федерации) произошло в конце 2008 г., и оно выглядит ничтожно малозначимым (увеличение сроков, на которые избираются Президент и депутаты Государственной Думы). В качестве компенсации морального ущерба оппозиции в Конституцию была введена также норма о ритуальных ежегодных отчетах правительства в Государственной Думе, не влекущих, впрочем, для правительства никаких последствий.

Однако в действительности стабильность российской Конституции является не более чем иллюзией. Чтобы увидеть это, надо научиться различать конституционный текст и конституционный порядок. В то время как конституционный текст оставался неизменным, конституционная практика была существенным образом скорректирована. Таким образом, если и можно говорить о конституционной стабильности в России, то только в смысле неприкосновенности священных конституционных книг, но никак не в смысле гибкости их интерпретаций и основанной на этих интерпретациях практик.

То, что публично смена конституционного режима до сих пор не признана, скорее всего, объясняется двумя главными причинами. Во-первых, этот вопрос никогда не был особенно актуален. Конституция в России и до этого никогда не была реально работающим инструментом. Это был всегда в большей степени идеологический документ, чем политический и правовой. Во-вторых, конституционная система России менялась незаметно – не путем внесения поправок в конституционный текст, а благодаря замещению одних конституционных практик другими.

Одним из простейших следствий такого положения вещей является то, что российскую конституционную реальность невозможно описать, изучая российскую конституционную модель. Но именно этим на протяжении многих лет занимаются многие российские юристы и политологи,

из года в год фиксируя прогресс в развитии российского конституционализма. Сделав шаг в сторону от модели к реальности, можно легко убедиться в том, что все эти годы динамика в развитии российского конституционализма была исключительно отрицательной:

- реальная власть в России не принадлежит конституционным органам власти, а сосредоточена в руках меньшинства, консолидированного вокруг национального лидера («правлящее меньшинство») и управляющего страной при помощи неконституционных методов;

- «правлящее меньшинство» не может быть отстранено от власти путем демократических выборов, выборы являются лишь инструментом политического воспроизводства управляющей элиты;

- разделение властей не реализовано на практике, парламент и суды находятся в полной зависимости от исполнительной власти;

- федерализм является юридической фикцией, Россия управляется как классическая империя из единого центра, в руках которого сосредоточены огромные финансовые и административные ресурсы;

- суды находятся под полным контролем исполнительной власти, их автономия проявляется только в тех случаях, когда исполнительной власти безразличен результат рассмотрения конкретного дела;

- церковь не отделена от государства, государство использует церковь как политический инструмент, а церковь опирается на помощь государства.

Эта трансформация конституционного режима случилась не за один день, а является следствием проведения нескольких последовательных конституционных контрреформ, следовавших одна за другой после 1999 г.

Три конституционные контрреформы, реализованные в этот период, являются, с моей точки зрения, ключевыми.

Во-первых, это судебная контрреформа 2000–2001 гг., более известная как «реформа Козака» (который незаслуженно носит лавры чуть ли не главного «законника» режима и судебного реформатора). Итогом этой реформы стало выстраивание «вертикали судебной власти», ставшей основой и прообразом будущей «глобальной вертикали». В рамках судебной контрреформы были решены следующие задачи:

- политический контроль над судами был централизован и переведен в Администрацию Президента РФ (раньше значительное влияние на суды имели губернаторы);

- председатели судов были поставлены под жесткий контроль Администрации Президента РФ;

- судьи оказались в полной зависимости от председателей судов, последние были наделены соответствующими материальными и административными инструментами, позволяющими оказывать неформальное давление на судей;

– из уголовно-процессуального, гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального законодательства были изъяты нормы, обеспечивавшие реальную состязательность сторон в рамках судебного процесса, судьи получили возможность манипулировать ходом судебного процесса;

– была сведена на нет роль судебного акта как единственного документа, проверяемость которого обеспечивает объективность и законность судебного разбирательства, надзорные функции высших судов переродились, став не столько юридическими, сколько политическими.

Во-вторых, это «медийная контрреформа» 2001–2003 гг., которая обычно ассоциируется с «войнами» за контроль над НТВ и ОРТ – крупнейшими телевизионными информационными каналами страны. Итогом этой контрреформы стало восстановление государственного контроля над электронными и основными печатными средствами массовой информации. В рамках «медийной» контрреформы были решены следующие задачи:

– воспользовавшись своим доминирующим положением в экономике, правительство через подконтрольные ему государственные компании осуществило скупку акций телевизионных компаний и различных печатных СМИ (позднее эта скупка продолжилась не только с участием государственных корпораций, но и через частные компании, принадлежащие лицам, входящим в «правлящее меньшинство»);

– используя полномочия собственника, правительство стало непосредственно вмешиваться в редакционную, прежде всего информационную и новостную, политику подконтрольных государственным или дружеским компаниям средств массовой информации;

– специально уполномоченные подразделения Администрации Президента РФ фактически получили возможность не только вновь осуществлять цензуру на телевидении и основных печатных СМИ, но и реализовывать с их помощью масштабные пропагандистские проекты, имеющие целью манипулирование массовым сознанием.

«Медийная» контрреформа пока мало затронула интернетовские издания, однако ее принципы могут быть применены и к этой области, хотя и с определенными ограничениями (финансовое положение большинства популярных интернет-ресурсов оставляет желать лучшего, многие из них уже находятся под контролем близких к правительству предпринимателей).

В-третьих, это собственно политическая контрреформа, осуществленная преимущественно в 2003–2004 гг. и обычно ассоциируемая с «антиоранжистскими» мерами, предпринятыми после известных событий на Украине. В рамках политической контрреформы были решены следующие задачи:

– устранена выборность властей всех уровней, выборы превращены в управляемое политическое шоу, основными инструментами которого

является партийная система, состоящая из одной основной и нескольких якобы независимых партий, поведением которых манипулируют из Администрации Президента РФ, и других властных и околовластных центров (сейчас эта система модернизируется);

– выстроена квазиимперская вертикаль исполнительной власти с назначаемыми губернаторами и надзирающими над ними генерал-губернаторами (представителями президента в регионах), тем самым была устранена автономия губернаторов и полностью вытеснены остаточные элементы самоуправления;

– парламент (Государственная Дума и Совет Федерации) был превращен в юридический отдел исполнительной власти, который через полностью управляемое и лишенное даже декоративных признаков независимости «парламентское большинство» автоматически придает силу закона решениям правительства.

Таким образом, политический кризис 2011–2012 гг. возник не просто так, а «по поводу». Ему предшествовало плавное, незаметное, но тем не менее неуклонное изменение конституционного режима, ставшее результатом нескольких последовательно проведенных правительством конституционных контрреформ. Это наталкивает на мысль, что и выход из этого кризиса невозможен без осуществления конституционных реформ, направленных как минимум на восстановление утраченных позиций.

В том, что конституционные реформы неизбежны, сходятся сегодня и власти, и оппозиция. Но что такое «конституционное счастье», каждый из них понимает по-своему. По сути, речь идет о выборе между косметическим и капитальным «конституционным ремонтом».

Камень преткновения – как раз те самые контрреформы, которые власть успела провести с начала «нулевых». Власть готова возводить бесконечное количество этажей над уже заложенным в ходе конституционных контрреформ фундаментом. Она может предложить изменить любые частности, не меняя главного, – того, что обеспечивает ее принципиальную несменяемость.

В этом вопросе я поддерживаю позицию Тамары Георгиевны Морщакковой, которая считает, что любая конституционная реформа должна начинаться с устранения «плохого наследия», ликвидации последствий проведенных властью контрреформ. Причем сделать это надо практически в том же порядке, в котором эти контрреформы осуществлялись. То есть Россия нуждается в проведении «контрконтрреформ» сначала в отношении судебной системы, потом в управлении электронными и иными СМИ и затем уже в политике. Это, конечно, если процесс пойдет мирным путем...

Однако я считаю, что было бы ошибкой на этом остановиться. Конституция 1993 г. непротиворечива, и простой возврат к состоянию, в котором конституционный процесс находился в конце 90-х годов прошлого столе-

тия, не является выходом из ситуации. Стремление возродить «истинный конституционализм» (в смысле – вернуться в 90-е) напоминает в чем-то наивную попытку времен перестройки возродить «истинный ленинизм». Однако, если случаются систематические отклонения от конституционных норм, то это лишь означает, что с самими нормами что-то обстоит не так.

У российской Конституции образца 1993 г. есть одно серьезное достоинство – сильная вторая глава, в которой перечислены с бухгалтерской точностью чуть ли не все существующие в природе права и свободы человека. Но наряду с этим «плюсом» у Конституции есть еще и три серьезных «минуса»:

- в действующей российской Конституции не обозначены четко ключевые конституционные принципы; некоторые из них вообще прямо не сформулированы, некоторые сформулированы очень нечетко, что является поводом для постоянных дискуссий (например, о «третьем» президентском сроке);

- компетенция Конституционного суда Российской Федерации, который в теории мог бы компенсировать «принципиальную диффузность» российской Конституции, сильно ограничена – нынешний статус Конституционного суда не позволяет ему полноценно противостоять распространению неконституционных практик;

- третья глава российской Конституции, определяющая основные параметры политической системы России, является чересчур общей и абстрактной, что позволяет изменять эти параметры при помощи конституционных законов, не меняя текста Основного закона страны.

С самого начала разработчиками Конституции была допущена существенная ошибка: в то время как права и свободы человека были расписаны в Конституции предельно детально, конституционные принципы оказались в ней сформулированы очень общо и неполно. Часть принципов сформулирована «индикативно» путем их обозначения (как, например, принцип разделения властей). Предполагается, что это такое «общее место», которое не требует детализации – во Франции, наверное, так оно и есть, но только не в России. Часть принципов разбросана по разным статьям Конституции и их нужно извлекать из каких-то других норм (например, принцип верховенства права). Часть принципов вообще не сформулирована (например, принцип политического и идеологического плюрализма), – видимо, полагалось, что для их применения достаточно доктринального толкования Конституции.

Собственно, именно эти недостатки действующей Конституции, создающие лазейки для недемократических, нелиберальных практик, и должны быть устранены в ходе конституционной реформы. Таким образом, по моему мнению, первоочередными задачами русского конституционализма, вытекающими из текущего конституционного status quo, яв-

ляются восстановление функциональности Конституционного суда, конституционное обеспечение сменяемости власти, конституционное оформление запрета на государственную пропаганду, конституционное обеспечение права на суд присяжных, конституционные гарантии равного доступа к избирательным ресурсам (финансовым и медийным).

Формы, в которых эта реформа будет протекать, во многом зависят от того, будет ли этот процесс мирным. Теоретически для осуществления конституционной реформы могут быть задействованы два механизма: механизм «круглого стола» (мирный вариант) и механизм конституционного собрания (немирный вариант).

Механизм «круглого стола» предполагает диалог «правлящего меньшинства» с «бунтующим меньшинством», при котором традиционное, «агрессивно-послушное большинство» сохраняет нейтралитет, выступая, как говорят юристы, в качестве «третьего лица с самостоятельными требованиями». В этом случае может быть достигнут консенсус о механизмах поэтапного демонтажа существующей авторитарной системы (или ее смягчения). Тогда согласованные изменения в текст Конституции и в основные конституционные законы (избирательные, о судебной системе и другие) могут быть внесены «правлящим меньшинством» добровольно-принудительно, через действующие институты (Федеральное Собрание и Президента РФ). Собственно, этот вариант поначалу наиболее всего устраивал оппозицию, но развитие политической ситуации в стране делает его все менее и менее реальным.

Механизм «конституционного собрания» является более жесткой альтернативой варианту с использованием «круглого стола». Он может быть задействован в том случае, если сотрудничество «правлящего меньшинства» и «бунтующего меньшинства» окажется невозможным. В этом случае «бунтующему меньшинству» не останется ничего другого, как активнее бороться за вовлечение большинства в конституционный процесс («раскачивать конституционную лодку»). Для этого нужны соответствующие политические инструменты.

Прообраз этих инструментов заложен в самой действующей Конституции, которая предусматривает, что в случае необходимости существенно изменить Конституцию должно созываться конституционное собрание. Правда, Конституция обуславливает созыв конституционного собрания поддержкой тремя пятыми голосов от общего числа членов Совета Федерации и Государственной Думы (норма, абсурдная по своей сути, так как общее собрание сенаторов и депутатов не является легитимным органом власти). Кроме того, закон о конституционном собрании за 25 лет существования российской Конституции так и не был принят. Тем не менее направление подсказано самой действующей Конституцией. Конституция может быть изменена путем активации механизма конституционного соб-

рания. Более того, подготовка такого собрания сама по себе превращается в политическое самоорганизующееся движение.

Если конституционный компромисс не будет найден, то конституционный кризис разрешится путем формирования альтернативной конституционной системы, которая вырастет из движения за созыв конституционного собрания. К сожалению, в отличие от механизма «круглого стола», это будет означать фронтальное столкновение двух политических меньшинств, борющихся сегодня за просыпающееся «конституционное большинство», и переход гражданской войны, идущей сегодня в России, в свою завершающую открытую фазу.

Так или иначе, «конституционный процесс пошел», и его уже не остановить. Лучшее, что можно сделать в этой ситуации, – вернуться к нему лицом, оставить на время улицу в покое и заняться вдумчивой организационной и политической работой. Пора возвращать Конституцию к жизни. Только самая широкая политическая дискуссия позволит сформулировать какие-то конкретные предложения по изменению конфигурации политической власти. По своему глубинному смыслу эта работа и есть начало строительства настоящего национального государства в России, призванного заменить собой модифицированную изжившую себя империю. Эпоха империи в России прошла, и реанимировать империю, даже либеральную, в ней уже никому не удастся.

Самодержавие или Федерация?

Допускаю, что для очень многих людей как в России, так и за ее пределами гамлетовская дилемма, вынесенная в заголовок этого раздела, покажется либо надуманной, либо неуместной, либо некорректно сформулированной. Тем не менее я полагаю, что вопрос о Федерации – это ключевой вопрос, от ответа на который зависит будущее российского конституционализма. От способности России создать жизнеспособную Федерацию зависит ее способность создать национальное государство. Думаю также, что отказ от федерализма (к которому явно или тайно склоняются в удивительном единодушии и власть, и значительная часть оппозиции) обрекает Россию на бесконечное хождение по замкнутому политическому кругу, когда любая демократизация и либерализация заканчиваются восстановлением самодержавия (разумеется, каждый раз в новой и до поры до времени неузнаваемой форме).

ПЕРЕФРАЗИРУЯ «КЛАССИКОВ» МАРКСИЗМА, можно сказать, что, в то время как все предыдущие российские конституции лишь перелицовывали империю, действительная задача русского конституционализма состоит в том, чтобы навсегда покончить с империей. Сегодня по каким-то трудно объяснимым причинам в центре конституционной дискуссии оказался ма-

лозначимый и несущественный вопрос о предпочтительной для России форме правления – президентская или парламентская республика. Это лжедилемма, чрезмерное внимание к которой только тормозит конструктивную конституционную дискуссию. Полагаю, что в центре этой дискуссии должен находиться совершенно другой вопрос – об унитарном и федеративном государстве. Выбор в пользу унитарного государства будет означать выбор в пользу империи, а выбор в пользу федерации открывает в перспективе возможность создания национального государства.

Подлинный федерализм не имеет ничего общего ни с советским федерализмом, ни с его посткоммунистической сублимацией. Вообще никакого отношения к федерализму как прошлые, так и настоящие политические реалии России не имеют. Русский федерализм еще предстоит создать. Его не только никогда не было на практике, но для него даже не создана теоретическая модель. Это задача не близкого будущего, а своего рода перспективная цель, которая задает вектор политического движения. Я сомневаюсь, что эту цель можно достичь в один «конституционный присест». Поэтому надо свыкнуться с мыслью о том, что предстоящая конституционная реформа в России – это долгосрочный и многоступенчатый проект, в котором есть как неотложные задачи, так и перспективные цели. Они взаимосвязаны, но не взаимозаменяемы, и поэтому очень важно не путать первые со вторыми.

Проблема состоит в том, что *национального* государства в России как никогда не было, так и нет до сих пор, так же, впрочем, как до сих пор не существует и самой *русской нации*. Есть *русский народ*, который исторически объединил вокруг себя в имперском государстве десятки (если не сотни) других народов и народностей, но это вавилонское скопище этносов, собранных под одной государственной крышей, так и не стало *нацией*. Ближе всего к решению национального (в строгом смысле слова) вопроса, как ни странно, подошли большевики, конструируя «единую общность – советский народ», но этот амбициозный, хоть и насквозь фальшивый, проект с треском провалился в 1991 г. И по сей день русская посткоммунистическая государственность остается обломком советской империи, которая, в свою очередь, является отредактированным изданием Российской (царской) империи.

Но и это даже – полбеда. Беда же состоит в том, что нигде, кроме как в розовых псевдолиберальных снах, невозможно в один прыжок преодолеть то гигантское расстояние, которое отделяет империю от национального государства в России. Не существует такой волшебной конституционной палочки, взмахнув которой можно в одночасье создать и русскую нацию, и русское национальное государство. А это значит, что, в отличие от Европы или Америки, где формирование нации в существенной степени произошло в недрах феодализма (пресловутое «третье сосло-

вие») и *предшествовало* конституционному строительству, в России придется сначала создавать конституционные предпосылки формирования нации, довольно долго ждать, пока она наконец сформируется, и лишь потом окончательно конституционно закреплять рождение национального государства.

Понятно, что все это требует времени, причем немало даже по историческим меркам. В отличие от Божественного акта творения, все, что люди делают своими руками, особенно в России, – это процесс. Андрей Кончаловский любит вспоминать слова Чехова о том, что между утверждением, что «Бог есть», и утверждением, что «Бога нет», лежит огромное поле титанической душевной и умственной работы, которое русский человек никак не может перейти. Но точно так же между утверждением «конституции нет» и утверждением «конституция есть» лежит такое же огромное поле неопределенности, преодолеть которое, по всей видимости, придется сразу нескольким слепопутинским поколениям. И на весь этот переходный период России тоже нужна будет какая-то конституция, не идеальная (какой уж может быть идеал, если нет еще ни нации, ни национального государства), но достаточно стабильная, чтобы задать необходимый вектор общественного развития.

Именно это обстоятельство приводит меня к мысли о неизбежной двухступенчатости конституционной реформы в России. Сначала должен быть дан «первичный» толчок, для которого нужна «конституция переходного периода», призванная обеспечивать конституционное развитие в течение всего того времени, пока будут преодолеваются последствия нынешнего «конституционного эксцесса» (или «конституционной контрреформы» – в терминологии Тамары Георгиевны Морщаковой) и пока будет идти становление национального государства. И лишь намного позже потребуются повторная конституционная реформа, в рамках которой и будет решена проблема федерализации, а значит – зафиксированы окончательные параметры русского национального государства. Эта двухступенчатость представляется даже естественной, если вдуматься: при ампутации «правового сознания», как и при ампутации конечности, сначала кладут в реанимацию и лишь потом занимаются реабилитацией и реконструкцией.

Конечно, с высоты (хотя точнее было бы сказать – «из глубины») сегодняшнего дня разговор о федерализме и об окончательных параметрах русского конституционного проекта кажется несколько отвлеченным, словно спор о конституции для какого-нибудь утопического русского «Города Солнца», которого никогда еще не было и неизвестно, будет ли он вообще. Но начинать, как это ни парадоксально, надо все-таки именно с него, а не с «переходной конституции», актуальность которой ни у кого не вызывает сомнений. Дело в том, что в России под «переходными состояниями» обычно понимается движение из ниоткуда в никуда. Может быть,

именно поэтому они здесь делятся вечно. Вся политическая история России есть своего рода сплошное «переходное состояние». Поэтому, прежде, чем обсуждать детали конституционного маршрута, необходимо определиться с его конечной точкой и обозначить те параметры, которые мы в итоге должны получить. В России всегда приходится начинать с утопии...

Все сложное развивается, как правило, из достаточно простых причин. При всем разнообразии постоянно меняющихся парадигм в русской политической истории есть одна безусловная константа – территория. Если Россия в чем-то и является по-настоящему уникальной страной, то именно благодаря своей обширности. На протяжении, как минимум, последних 500 лет она продолжает оставаться бескрайней материковой империей, раскинувшейся на двух континентах, и даже потеря контроля над огромными по меркам других государств пространствами в конце XX в. (после распада СССР) в масштабах России выглядит как нечто совершенно несущественное. Казалось бы, кто только ни писал о влиянии территории, географического положения и климатических условий на историю России, но практические выводы из этого не делаются – Россию зачастую продолжают мерить «чужим аршином», который к ней попросту неприменим.

В то же время обширность территории в течение многих веков оказывала на политическое развитие России двоякое и притом весьма противоречивое воздействие. С одной стороны, размеры страны всегда были мощным стабилизатором политической власти и, как следствие, важнейшим условием сохранения суверенитета и независимости русского государства (в том числе, конечно, и благодаря ресурсам, «зарытым» на этих территориях). С другой стороны, именно грандиозность пространств, которые надо было обживать и контролировать, немислимой длины сухопутные и морские границы, которые надо было обслуживать и защищать, разнообразие географических, экономических и культурных условий, которые надо было сводить к общему знаменателю, тормозили успешную эволюцию социальной и политической систем, препятствовали превращению империи в национальное государство. Любой преобразовательный импульс на русских пространствах очень быстро растрчивал весь свой потенциал и растворялся бесследно.

К сожалению, история пока не знает примеров успешного превращения такой огромной страны из империи в национальное государство (по многим причинам США не могут рассматриваться как образец для подражания, что не исключает заимствования некоторых идей и механизмов). Поэтому России трудно опереться на чужой опыт, по всей видимости, решать задачу построения собственного национального государства ей придется, двигаясь практически по целине. Масштаб задачи выглядит настолько пугающе, что психологически легче признать ее нерешаемой. Это и происходит негласно на практике в двух взаимоисключающих формах.

С одной стороны, есть люди – и их немало, – которые полагают, что Россия есть «вечная империя» и ничем другим быть не может и не должна (т.е. они в принципе отказывают России в возможности конституционного развития). С другой стороны, есть немало людей, которые негласно (потому что громко об этом говорить не принято), готовы признать возможность разделения России на несколько независимых друг от друга государственных образований, каждое из которых будет решать задачу построения национального государства самостоятельно.

Мне представляется, что, несмотря на масштабность вызовов, которые возникают в процессе конституционного строительства в стране, раскинувшейся на одной седьмой части суши, приоритетом остается сохранение России как единого государства в пределах ее нынешних границ. Опуская риторические и патриотические мотивы, я полагаю, что идея «разделения» России является контрпродуктивной по целому ряду причин. При разделении Россия растеряет все те преимущества, которые вытекают из ее нынешнего геополитического положения и благодаря которым она исторически оформилась как относительно самостоятельная цивилизация. Более того, в этом случае русский народ окажется в положении одного из самых больших «разделенных народов» мира, что неизбежно приведет к появлению гуманитарных проблем, в свою очередь, порождающих проблемы политические. Представить себе мирное существование и тем более сосуществование нескольких русских государств на территории бывшей империи практически невозможно.

В такой огромной стране, как Россия, выстраивание *эффективных управленческих цепочек* является трудноосуществимой задачей. Но обширность территории – это только полбеда. Не меньшую сложность представляет разнообразие условий. Россия развита неравномерно – густонаселенные районы перемежаются огромными практически пустынными пространствами, плохо пригодными для проживания человека. При таких размерах и при таком разнообразии условий управленческий механизм обречен на плохую работу вследствие постоянного «торможения сигнала», отклонений от вектора движения и бесконечных разрывов связей. Если добавить к этому традиционную неспособность русской бюрократии работать по четко установленному шаблону, то не может не возникнуть вопрос, как вообще российская государственность смогла состояться и стабильно просуществовать несколько веков?

Ответ на него хорошо известен – это *сверхцентрализация*. Речь идет не просто о централизации власти, а о сосредоточении ее буквально в одной точке, чуть ли не в одном лице, т.е. *самодержавии*. Русское самодержавие – не зигзаг эволюции, не сбой политической программы, а эволюционный ответ России на исторический вызов, брошенный ей природными и культурными условиями. Достаточно обратить внимание

на то, что становление самодержавия шло все время параллельно с формированием колониальной империи и наращиванием территории. Это одна из причин, по которой самодержавность превратилась в сквозной признак российской государственности, кочуя из одной исторической формации в другую: из царской – в имперскую, из имперской – в советскую, из советской – в посткоммунистическую. В этом нет ничего удивительного, ведь базовые предпосылки – размер территорий и их разнообразие – остаются неизменными.

Испокон веков чрезмерная централизация власти рассматривается как один из главных пороков системы государственного управления России. Соответственно, испокон веков же существует оппозиционная (реформаторская) мантра «децентрализации». Каждый уважающий себя русский реформатор начинает с того, что предлагает осуществить немедленную децентрализацию русской власти и развить в ней местное самоуправление. Практика, однако, показывает, что долгосрочным результатом всех проводимых в России реформ оказывалась только большая, чем прежде, централизация власти. Единственное, чего иногда удавалось достичь реформаторам, – сделать централизацию скрытой (латентной), спрятать ее за забором какой-нибудь очередной децентрализованной «потемкинской деревни». Государственная власть в этом случае осуществлялась по «двухканальной» системе: через формальные и неформальные институты. Независимость советских республик (краев, областей и так далее) с лихвой компенсировалась жестким партийным контролем, а свобода посткоммунистических «субъектов Федерации» ограничена жестко централизованным «понятийным» (по сути своей криминально-силовым) контролем над государственной властью.

Несколько лет назад в России был опубликован манифест группы ученых-конституционалистов, которые назвали *самодержавность* главным пороком действующей российской Конституции. Проблема в том, что они обошли стороной вопрос об объективных причинах возникновения этого порока, сведя все к влиянию субъективного фактора (стремлению к узурпации власти первого президента России и его преемника). Можно бесконечно счищать самодержавность с поверхности русской политической жизни, но она будет там появляться снова и снова, как соль на поверхности сапог после прогулки по современной зимней Москве. Устранить самодержавность можно, только ликвидировав объективные, а не субъективные причины ее существования в России. Надо понять и признать, что самодержавность накрепко привязана к унитарному устройству России и непосредственно вытекает из необходимости более или менее эффективно контролировать обширную территорию страны. Пока Российское государство будет оставаться «плоским» (одноуровневым, унитарным), оно будет самодержавным, кто бы ни пришел к власти в стране.

Чтобы вырваться из этого замкнутого круга, государство должно стать «объемным» (многоуровневым, составным). Такая задача решается только с помощью федерализма, истинный смысл и предназначение которого, к сожалению, остаются в России практически не понятыми.

Надо воздать должное «отцам-основателям» посткоммунистической российской Конституции за то, что они, как минимум, отстояли федерализм как конституционный принцип. Это немало, учитывая, что сегодня, например, в обществе сложился латентный антифедералистский консенсус, объединяющий в некое тайное общество как действующую власть, так и «патриотическую», и даже отчасти «либеральную» оппозицию ей. Признавая (в лучшем случае) федерализм на словах, огромное количество людей считают его неким советским рудиментом вроде мавзолея Ленина на Красной площади в Москве – мол, хорошо было бы похоронить, но, пока живы советские ветераны, лучше не трогать. Связано это во многом с полным непониманием того, что же есть федерализм на самом деле: трудно найти конституционный институт, понимание которого в России было бы сопряжено с такими интеллектуальными извращениями и политическими заблуждениями.

Если посмотреть внимательно на палитру русских «федералистских перверсий», то в глаза бросаются «извращения», которые встречаются чаще других – «федеративный формализм» и «федеративный национализм». В первом случае под федерализмом понимается что-то сугубо внешнее, некая механическая организация органов государственной власти в центре и на местах, при которой существует разделение компетенции и двухпалатный парламент, одна из палат которого избирается по принципу равно-го представительства. Наличие или отсутствие федерализма определяется методом «галочки»: есть законодательное разделение компетенции или двухпалатный парламент – значит, есть и федерализм. Во втором случае (и это гораздо более запущенная патология) федерализм рассматривается как политический инструмент решения «национального вопроса». Здесь корни уходят в насквозь фальшивый сталинский метод государственного строительства, когда тот или иной этнос получал «атрибутивную государственность» в качестве психологической компенсации политической травмы, которую ему нанесла коммунистическая диктатура. Дело доходило до того, что государственность могли либо давать в качестве поощрения, либо отбирать в качестве наказания.

Действительный федерализм с этими советскими политическими сублиматами, конечно, не имеет ничего общего. Это философская и политическая концепция, корни которой уходят в глубинные пласты конституционного мышления, самым тесным образом связанная с концепцией «разделения властей». Федерализм, собственно, и есть еще одно разделение властей, еще одно его измерение наряду с уже привычным для русско-

го уха разделением на законодательную, исполнительную и судебную власти. Политические основания федерализма, с моей точки зрения, четче всего выражены в американской конституционной системе, где он является одним из основополагающих конституционных принципов. В рамках этой системы федерализм – не просто метод выстраивания отношений между бюрократическими учреждениями, а важнейший инструмент функционирования политической свободы. Что важно для России, потребность в федерализме, как в некоем дополнительном измерении разделения властей, возникает в первую очередь именно в крупных и сверхкрупных государствах, где первичного «центрального» разделения оказывается недостаточно.

Дальнейшее осмысление сути федерализма оказывается затруднено еще и тем, что в России смысл отправной для него конституционной концепции, из которой он, собственно, и вырастает, – «разделения властей», – остается таким же непроясненным. На бытовом уровне «разделение властей» является, пожалуй, самой популярной из всех конституционных идей в России. Однако от этого его понимание не стало менее варварским. В большинстве случаев люди интерпретируют этот конституционный принцип как способ «ослабления власти» в духе знаменитой римской формулы «разделяй и властвуй». Выглядит это приблизительно так: *«Есть государственное чудовище “Левиафан”, где все цулыца срелись в одну отвратительную лапу. Если это чудовище “разрубить” на три части (законодательную, исполнительную и судебную), то оно ослабнет и станет меньше угрожать обществу. И тогда общество станет более свободным»*. Отсюда и подсознательное отношение к федерализму как чему-то ослабляющему власть, а значит, для России с ее просторами, диким чиновничеством и засильем криминала на местах не подходящему.

Действительность не только не совпадает с этим расхожим мнением, но и прямо противоположна ему. Разделение властей необходимо не для ослабления власти, а для ее усиления. Вопрос – в чем мы видим силу? В произволе или в способности исправно исполнять управленческие функции? Бюрократия, являясь необходимым инструментом осуществления власти, обладает способностью гасить любой управленческий сигнал (который она вроде бы должна реализовывать) и даже сводить его вовсе на нет. «Проводник» сначала становится «полупроводником», а потом и вовсе «изолятором». Поэтому, чем длиннее бюрократическая цепочка с последовательно-иерархическим соединением чиновников друг с дружкой, тем меньше шансов, что она окажется функциональной. На каждом следующем сочленении девиация власти будет удваиваться. Эту проблему и решает «разделение властей», заменяя последовательное подключение параллельным. Бюрократические цепочки ломаются, усложняются, выстраиваются в группы, конкурирующие друг с другом, и таким образом обеспе-

чивается прохождение управленческого сигнала. Власть становится сильнее, она способна преодолевать сопротивление собственного несовершенного материала.

Все это имеет прямое отношение к федерализму, как к иному, горизонтальному (по отношению к классической «триаде») срезу разделения властей. Федерализм (но только настоящий, «живой») является единственной реальной альтернативой сверхцентрализации (т.е. извечной русской «самодержавности»). Он разрывает (укорачивает) непомерно длинную иерархическую цепочку, вводит промежуточные «узловые точки» контроля и создает конкурентное движение, позволяющее поддерживать эффективность управления на гораздо более высоком, нелинейном уровне. Только федералистская идея, воплощенная последовательно во всей своей полноте как идея конкуренции властей, способна избавить Россию от той избыточной концентрации власти в одних руках, которая так раздражает современных конституционалистов. Просто, борясь со следствиями, надо устранять причину.

Школа конституционализма

Говоря о возможном русском федерализме, проще начать с перечисления того, чего для него не хватает, чем с указания того, что есть – просто потому, что пока на деле, кроме записи в Конституции о том, что Россия является федеративным государством, больше ничего и нет. Но из всех этих несуществующих предпосылок две стоят особняком – отсутствие субъекта и отсутствие универсального (единого, равномерно организованного) пространства. Это как раз те два условия, которые при любых обстоятельствах нельзя создать в одночасье и которые поэтому, собственно, обуславливают двухступенчатый характер грядущей конституционной реформы.

Из природных и географических условий существования России следует, что здесь очень долго будет невозможно добиться приемлемого для федерализма уровня однородности территорий. Уравнивать Москву и Якутию-Саха можно только в конституционном воображении. Полагаю в связи с этим, что Россия обречена поначалу на создание «асимметричной федерации», объединяющей территории двух типов: условно говоря, «федеральные штаты» и «федеральные земли». Первые должны стать полноценными субъектами федерации, а вторые должны оставаться территориями с особым статусом, управляемыми федеральным центром. Это, наверное, неправильно с точки зрения чистой теории, но это практично и честно, а главное – позволяет развязать те политические узлы, которые превращают сегодня идею федерализации в сплошную профанацию.

Никакой федерализм не будет действенным, если федерация состоит из почти сотни мелких, несамостоятельных, несамодостаточных псевдосударственных образований. Субъекты федерации должны иметь потенциал, достаточный для того, чтобы реализовать в полном объеме федеративные полномочия, в том числе развивать свое законодательство, иметь реально автономную судебную и административную системы, опираться преимущественно на собственный бюджет. Таких субъектов в России может набраться от 20 до 30 максимум. Со временем их число может увеличиться за счет роста потенциала федеральных земель. Таким образом, для того, чтобы продвинуть идею федерации в России, необходимо провести новую нарезку территорий и отвязаться наконец от схемы, принятой еще во времена Екатерины Второй (если не раньше). Новые субъекты необходимо создавать вокруг нескольких крупнейших мегаполисов, которые станут центрами экономического роста, а заодно и административными центрами федеральных штатов.

Излишне добавлять, что новые федеральные штаты не должны иметь привязки к какой-либо титульной нации, быть полностью избавлены от большевистского наследия решать «национальный вопрос» при помощи «нарезки» внутрисударственных границ. Опыт XX в. показал, что в споре между Троцким, с одной стороны, и Лениным со Сталиным – с другой, по национальному вопросу, Троцкий, выступавший за культурную автономию, был ближе к истине. Защита культурных и вообще особых интересов того или иного народа в составе России должна быть сосредоточена на уровне местного самоуправления. Это болезненное, но совершенно необходимое решение, без которого нормальное развитие конституционализма в России в долгосрочной перспективе трудно себе представить.

Конечно, предлагать начать конституционную реформу с полномасштабного «передела земель» было бы авантюрой. На первый взгляд задача построения действительного федеративного (не на бумаге, а на деле) национального конституционного государства кажется в России вообще нереализуемой. В стране, разделенной на несколько десятков полуфеодалных «княжеств», приводимых к общему знаменателю отчасти при помощи произвола, отчасти при помощи криминала, любые перемены чреваты анархией. Но в том-то все и дело, что федерализация России – это не непосредственная задача, а перспективная, конечная цель конституционных реформ. Это своего рода ориентир, который позволяет определить долгосрочный вектор конституционного развития, обозначить конституционный «коридор возможностей», внутри которого придется двигаться довольно долго.

Россия неизбежно вынуждена будет пройти в своем конституционном развитии через «эклктический» период, в течение которого будут создаваться и оформляться необходимые (недостающие), но отсутствующие

щие сегодня предпосылки национального государства. С одной стороны, попытка найти сегодня конституционное решение «на века» обречена на провал (так же как она была обречена на провал и в 1993 г., чего многие тогда не поняли). С другой стороны, чтобы когда-то дойти до конца, необходимо с самого начала видеть цель и следовать установленным курсом. Есть разные этапы конституционного строительства и для каждого из них существуют свои ориентиры. На первом этапе конституционной реформы России понадобится «временная конституция», у которой будут две функции – сдерживающая и стимулирующая. Она должна предотвращать сползание России обратно в имперскую парадигму и стимулировать движение в сторону национального государства и федерализма (что в случае России почти одно и то же). Возможно, весь XXI в. России предстоит продолжить обучение в «школе конституционализма».

Как и в любой другой школе, в школе русского конституционализма самым главным является поддержание политической дисциплины. Уже очевидно, что при любом историческом вызове Россия имеет тенденцию «сваливаться» в имперский штопор. Она напоминает корабль, который никак не может выйти из гавани, потому что, когда начинается шторм, самым «практичным» и «безопасным» решением оказывается – повернуть обратно. Но если конституционно заблокировать саму возможность постоянно возвращаться в излюбленную гавань империи, то Россия вынуждена будет идти вперед и искать новые политические, на этот раз – конституционные, формы стабилизации политического режима. И тогда она неизбежно сама собою безо всякого понуждения придет к федерализму.

Потому что такая огромная страна, как Россия, может существовать только либо в имперской, либо в федеративной форме – третьего не дано. Но империя исчерпала себя исторически и обрекает Россию на политическое топтание на месте, в то время как федерализация откроет для нее новые исторические горизонты.

Конституционная реанимация и конституционная реабилитация

Когда я говорю о новом конституционном движении, о новой конституции в том числе, о законе, который должен отрегулировать механизмы серьезных стратегических изменений в Конституции, я не помышляю о том, что это будет совершаться в рамках существующего политического и правового режима – он просто для этого не приспособлен. И нынешний состав парламента при нынешнем политическом режиме, при нынешних политических законах не будет способен на какие-то серьезные изменения. Мы изначально говорим о некоем будущем – гипотетической ситуации, когда в стране возобновится политическое движение. Мне кажется, что выход из посткоммунистического неототалитаризма, в отличие от вы-

хода из коммунистического тоталитаризма, будет проходить в большей степени под конституционным знаменем, под знаменем свободы. Потому что все-таки революция 1989–1993 гг. – это революция под знаменем свободы.

Создание основ конституционного строя в России есть длительный и невероятно сложный процесс, который, скорее всего, может растянуться на несколько десятилетий и будет проходить целый ряд последовательных стадий. В связи с этим необходимо различать первоочередные меры, цель которых – придать импульс конституционной реформе, вывести общество из состояния ступора (конституционная реанимация), и меры долгосрочного характера, которые, с одной стороны, требуют серьезной проработки, широкой общественной дискуссии, а с другой – не могут быть сразу реализованы, так как требуют возникновения предпосылок, которые в момент начала конституционной реформы, очевидно, будут отсутствовать (конституционная реабилитация).

Конституционная реанимация. Конституционные реанимационные мероприятия, как и любые реанимационные мероприятия, должны быть осуществлены незамедлительно, как только для это откроется политическое окно возможностей. С моей точки зрения, к таким мерам быстрого конституционного реагирования относятся вышеперечисленные новации по восстановлению функциональности Конституционного суда, конституционному оформлению принципа сменяемости власти, закреплению в Конституции запрета на пропаганду, права на суд присяжных для широкой категории граждан по уголовным и гражданским делам, равного доступа к ресурсам и общественного контроля на выборах. Безусловно, общественная дискуссия по данному вопросу выявит и некоторые другие, упущенные мною новации, принятие которых, будь то в формате новой Конституции, будь то в формате поправок к действующей, должно быть произведено незамедлительно.

Конституционная реабилитация. Для реализации более долгосрочных мероприятий, целью которых является форматирование политической системы России под «национальное государство», должна быть создана постоянно действующая конституционная комиссия (конституционное совещание, конституционное собрание, конституционный совет), которая подготовит предложения по глубокому реформированию государственного строя России в трех основных направлениях: федеративные отношения, форма правления и местное самоуправление.

Новая федерация. В рамках дискуссии о новой федерации, по всей видимости, придется выйти за традиционно узкие, ложно очерченные рамки, сводящие обсуждение к спору о полномочиях центра и существующих региональных образований, и начать наконец болезненный, но необходимый разговор об укрупнении субъектов федерации и формировании ограниченного числа образующих федерацию земель (штатов) с самыми широ-

кими, вплоть до собственного гражданского и уголовного законодательства, полномочиями, а также о создании специальных управляемых территорий там, где формирование полноценных субъектов федерации невозможно и нецелесообразно (обширные, но малонаселенные территории).

Новое правительство. Единство России может быть обеспечено только при неукоснительном соблюдении политической формулы «сильные регионы – сильный центр». Поэтому вопрос о реформатировании и укреплении центральной власти является не менее актуальным, чем вопрос о создании и укреплении новых субъектов Федерации. Россия нуждается в по-настоящему сильном правительстве, для создания которого нужно решить проблему устранения существующего (и при этом неконституционного) дуализма исполнительной власти: в современной России роль собственно правительства номинальна, оно исполняет функции советского ВСНХ (существовавшего в ранние годы советской власти органа по управлению экономикой), а все реальные властные полномочия сосредоточены в так называемой Администрации Президента России и связанном с ней Совете безопасности, конституционный статус которых является совершенно неопределенным.

По сути, в посткоммунистической России сохраняется традиция существования некой «главной» внутренней власти, являющейся авторитарным сублиматом гражданского общества. Нужно заставить власть «выплюнуть» из себя это псевдогражданское общество и сформировать полноценное правительство. Сделать это можно двумя диаметрально противоположными способами, каждый из которых должен быть подвергнут критическому разбору в рамках подготовки конституционной реформы. Первый сценарий состоит в совмещении позиций президента и главы правительства, при котором происходит соединение аппаратов правительства и президента, а политические функции уходят из Администрации Президента туда, где они и должны быть сосредоточены, – к партии. Другой сценарий состоит в превращении России в парламентскую республику, где главой исполнительной власти является глава правительства победившей на выборах партии. Президент в этом случае занимается политическим тиннингом, исполняя роль гаранта Конституции. Но для успешной реализации такого сценария необходимо изначально иметь хорошо развитую партийную систему, что на первых этапах реализации конституционной реформы вряд ли возможно.

Новое самоуправление. Высвобождение местного самоуправления из-под государственного пресса, безусловно, является важнейшим условием оздоровления современного российского общества и существенной частью программы конституционной реформы. Местному самоуправлению должны быть гарантированы выборность, полномочия и бюджет. Основные параметры должны быть определены в Конституции. Как модель, ско-

рее всего, было бы полезно использовать опыт работы земства, как более органичный для России.

Вышеперечисленными направлениями, безусловно, не исчерпывается весь список вопросов, подлежащих обсуждению в рамках проведения конституционной реформы. Это обсуждение можно и нужно начинать прямо сегодня, но вряд ли его можно закончить завтра. Тем более не удастся завтра же воплотить в жизнь новые идеи. Именно поэтому нужна институционализация этой общенациональной дискуссии. Как это ни парадоксально, но для ее организации даже не потребуется дополнительных затрат. Сформировать конституционную комиссию (собрание, совещание, совет) можно на базе совершенно бесполезной сегодня Общественной палаты Российской Федерации, играющей роль пятого колеса в системе политического управления России.

Стратегия конституционной реформы в России – некоторые обобщающие выводы

Конституция – синоним революции. Революции не в смысле политического переворота – это историческая частность, которая может присутствовать, но может и отсутствовать, – а в смысле переворота всего привычного образа жизни, всего, что составляет основу традиционного мышления и поведения человека, которые в России принято называть «понятиями». Вопрос о создании конституционного государства в России – это вопрос подготовки и осуществления глубочайшей нравственной, социальной и, как следствие, политической революции.

Конституция – это уклад жизни, бестелесный социальный эфир, который нельзя формализовать и навязать обществу сверху, если оно само к этому не готово. Конституция вытесняет традиционный (понятийный) уклад жизни, заменяя его (конечно, не абсолютно) правопорядком, т.е. порядком, основанным на правовом законе.

Помимо конституционных принципов существует нечто более важное – *конституирующие принципы*: то, что расположено на один уровень глубже и что формирует в общественном сознании потребность в конституционном порядке. Конституирующие принципы и задают тот конституционный строй мысли, который делает неизбежным появление (рано или поздно) конституционного строя общества. В России главная проблема – это пробел конституционной мысли, и его устранение является *стратегической* задачей русского конституционализма. Конституция работает лишь там, где имеется соответствующий общественный запрос и где сформировалась конституционная потребность.

Революционные принципы, открывшие эпоху Нового времени в Европе, собственно и являются базовыми конституирующими принципами.

Это всем известная триада: *свобода, равенство и братство*. В посткоммунистической России эту либеральную мантру замусолили как старую потертую купюру, но так и не внедрили в общественное сознание. Впрочем, и «корневой» Европе это далось нелегко, не говоря уже о том, что там это заняло немало времени. В России же принципы свободы, равенства и братства так никогда и не были признаны в полном объеме. Что касается их содержания, то практически на протяжении всей истории русского конституционализма, а это без малого 200 лет, оно оставалось непроясненным. Если же говорить о настоящем времени, то их «легитимность» и вообще поставлена в России под сомнение. Это во многом объясняет, почему в России не может пока быть практического конституционализма.

Конституционная реформа должна начинаться с формирования конституционного сознания. Несмотря на то что слова «свобода», «равенство» и «братство» присутствуют в русском политическом словаре, их интерпретация в России не имеет ничего общего с их интерпретацией на Западе, где они собственно впервые и прозвучали. Конституционные категории, попав в чуждую им и в достаточной степени агрессивную культурную среду, быстро подвергались коррозии и теряли свой изначальный смысл. Поэтому первым и, по всей видимости, неизбежным конституционным актом в России является «откапывание смыслов» – возвращение простым вроде бы и всем понятным конституирующим принципам их аутентичного содержания. Потому что свободы не бывает без равенства, а равенство возможно лишь там, где есть братство.

Конституционный проект гораздо шире, чем конституционный текст. Его цель вывернуть наизнанку русское традиционное политическое сознание, которое, в свою очередь, обусловлено всей системой испокон веков существующих в России религиозно-философских воззрений. Причем, как показал печальный опыт последних десятилетий, простой импорт «готовых» конституционных идей проблемы не решает – на предложение хороших идей необходимо создать такой же хороший покупательский спрос. Новый конституционный текст представляется совершенно необходимым не сам по себе, а как триггер возобновления конституционного процесса, который, по сути, был не начат, а прерван в 1993 г. Это тот инструмент, с помощью которого нужно инициировать начало широкого конституционного движения, появление в России сильной конституционной партии.

С *тактической* точки зрения сама по себе работа над текстом новой Конституции могла бы стать тем стержнем, вокруг которого начала бы складываться кристаллическая решетка нового конституционного политического строя. И только поэтому, наверное, есть смысл сегодня заняться новым конституционным проектом, задачей которого является, конечно, не столько модернизация политических институтов (хотя и это важно), сколько модернизация политического сознания.

С.Ю. БАРСУКОВА

***НОВЫЙ РОССИЙСКИЙ КАПИТАЛИЗМ:
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ КОРРУПЦИИ***

В наиболее общем виде коррупцию можно определить как использование служебного положения в личных целях. Экономисты трактуют коррупцию как проявление рационального поведения эгоистичных автономных агентов, реализующих свои интересы в условиях ограниченности ресурсов. Существует консенсус по поводу негативного влияния коррупции на темпы экономического роста.

Определений коррупции довольно много, но все они акцентируют два момента: коррупция есть, во-первых, «переключение» *от* общественного (ресурсов, мотивов, целей) *к* частному и, во-вторых, это «болезнь», девиация. То есть определения коррупции апеллируют к представлению о жестком *разделении* приватной и публичной сфер в ходе перехода, как писал М. Вебер, от матримонциальной структуры власти к рационально-легальной и основаны на *нормативном* подходе.

Однако в России оба этих признака не проявляются: границы между приватной и публичной сферами размыты, нет традиции «главенства закона», а участие в коррупционных практиках стало для населения нормой жизни. Историческим наследием коммунистического периода явилось восприятие власти как самого надежного способа личного обогащения. Поэтому ряд авторов считают, что понятие «коррупция» принципиально неприменимо к посткоммунистическим странам (20; 27).

Тем не менее «коррупционная тема» живо обсуждается в разговорах обывателей. «Коррупция» в российском дискурсе – термин очень расплывчатый (смутный). Подобно зонтику, он покрывает разнообразные практики и схемы, объединенные идеей использования служебного положения в личных целях (включая фаворитизм, казнокрадство, сращивание бизнеса и власти и пр.).

Цель статьи – показать, как меняется характер коррупции в постсоветской России. Основная идея состоит в том, что смена модели коррупционных отношений тесно связана с содержанием перемен в экономическом и политическом устройстве страны. Поведение, трактуемое с

позиции универсального нормативного подхода как коррупционное, реально является приспособлением к условиям трансформации, компромиссом между новыми формальными правилами и ранее сформированными социальными нормами.

В данной статье, написанной на основе полуформализованных интервью с предпринимателями¹, рассматриваются изменения в характере российской коррупции, связанные со сменой модели капитализма: в ходе трансформации произошел переход от олигархического к государственно-корпоративному капитализму, где государство доминирует в диалоге с бизнесом. Это привело к изменению не только масштаба, но и сути коррупционных отношений.

Рост коррупции в современной России кажется парадоксальным на фоне усиления антикоррупционной риторики политической элиты. Между тем это противоречие лишь кажущееся. Формирование государственно-корпоративного капитализма связано с усилением влияния чиновников на бизнес, а значит, и с ростом коррупции. Однако желание хорошо выглядеть в глазах международного сообщества и собственного народа заставляет правящую элиту интенсифицировать антикоррупционный дискурс. Кроме того, усиливается борьба между группами влияния за доступ к властным ресурсам, поскольку в современной России административный капитал является главным фактором экономического успеха. Антикоррупционная кампания стала эффективной и легитимной формой устранения конкурентов.

Культурная укорененность коррупции

Российская коррупция является культурно оправданным и рутинным явлением. Многие граждане считают коррупцию не девиацией, а нормой. В 2005 г. лишь 13% россиян выражали активное неприятие коррупции, а 53,2% были готовы дать взятку представителю органов власти (опрос 2005 г., репрезентативная общероссийская выборка, N = 3100) (6, с. 55). Решение повседневных проблем с помощью взятки стало социальной нормой. Укорененность российской коррупции в культуре связана с рядом обстоятельств.

¹ Интервью проводились в рамках различных проектов в период 2001–2010 гг. при поддержке Научного фонда Высшей школы экономики, Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и по заказу бизнес-ассоциаций. Проекты посвящены специфическим проблемам взаимоотношения власти и бизнеса (таможня, арбитраж, контрафакт, финансирование выборов пр.). Несмотря на тематическое разнообразие, они неизбежно затрагивали проблему коррупции, ее качественной и количественной динамики. Кроме интервью анализировались материалы СМИ, данные статистики.

Во-первых, в России широко распространена практика одаривания. Граница между взяткой и подарком весьма условна. Подарки придают деловым контактам «тепло человеческих отношений» (5). Администрация лечебных и образовательных государственных учреждений относится к этому лояльно, считая подарки формой компенсации низкой заработной платы своих сотрудников. Так же лояльно в советский период относились к воровству работников, считая это формой дополнительного заработка.

Во-вторых, в России крайне важны неформальные обязательства помогать родственникам и друзьям. Чиновник оказывается зажатым между формальными требованиями «беспристрастности» и неформальными нормами покровительства. Общество осуждает коррупционеров, но еще больше оно не одобряет тех, кто не помогает другу или родственнику, называя их «слишком принципиальными». В универсалистских обществах с жестким разделением приватного и публичного и безусловным приоритетом законов говорят: «Человеку нельзя доверять, потому что он всегда окажет предпочтения своим друзьям». В партикуляристских же обществах, где грань между приватным и публичным размыта, а дружеские отношения приоритетнее законов, существует другая логика: «Нельзя верить тому, кто не поможет другу» (26).

В-третьих, россияне не приемлют коррупцию в высших эшелонах власти, но весьма снисходительны к злоупотреблениям чиновников среднего и низшего звена. Коррупция низового уровня воспринимается людьми как «пространство возможностей» для быстрого и относительно недорогого урегулирования бытовых и мелких деловых проблем. Решение этих вопросов по закону кажется слишком хлопотным и затратным. Многие считают, что отмена коррупции на низовом уровне осложнит их жизнь.

В-четвертых, со времен СССР люди знали, что политическая жизнь страны полна лицемерия и неподконтрольна обществу. Постсоветская политическая коррупция, несмотря на возникшую многопартийность, воспринимается как привычное явление.

Об укорененности коррупции в культуре говорит и то, что ее юридическое определение может не совпадать с границей морально осуждаемого поведения. Люди способны осудить действия, в которых по закону нет состава преступления, и, наоборот, оправдать поступки, трактуемые законом как коррупция: *«Ко мне в роддоме прямо в палату пришла медсестра и объяснила, что по их традиции папа должен за девочку дать 300 рублей, а за мальчика 500. Говорит, что это не обязательно, если денег в семье нет, но желательно, все так делают. Я мужу сразу позвонила, чтобы деньги в красивый конверт положил. Ни он, ни я не возмутились. Если по закону судить, это вымогательство денег, но по советски они правы. У них зарплата маленькая, им тоже жить надо»* (юрист, 28 лет).

Взятка в России является не только способом обогащения, но и элементом корпоративной этики. Чиновники берут взятку не только исходя из корыстных побуждений, но и желая продемонстрировать лояльность корпоративным нормам, не прослыть «белой вороной». Отказ от взятки может восприниматься как разрыв с корпоративной культурой. *«Чтобы ни говорили, но в милицию идут идеалисты, которые реально хотят людям помочь. Я когда начинал свою карьеру, думал, что на мне взятки закончатся. Но дальше два варианта – либо система тебя выплюнет, либо перемелет. Начинаешь себя уговаривать, что играть по общим правилам, брать по мелочам, с начальством делиться – это вроде платы за то, чтобы оставаться в системе и иметь возможность людям помогать. Потому что если меня под каким-то предлогом выгонят, я же ни одного бандита больше не остановлю» (сотрудник полиции, 37 лет) (12).*

Коррупция в постсоветский период: виды, масштаб, динамика

Реформа, начавшаяся при М. Горбачеве, была нацелена на модернизацию социализма с помощью ограниченных рыночных новаций. Лозунгом реформы в конце 1980-х годов был «социализм с человеческим лицом». Этот подход оказался неэффективным. В 1990-е годы, когда началась активная рыночная реформа, ее главным механизмом стала приватизация.

При этом ожидалось снижение коррупции, поскольку исчезли основные причины, ее порождающие. Первая причина – дефицит товаров и услуг, преодолеваемый с помощью взятки. «Блат» стал альтернативной системой доступа к дефициту через сеть неформальных контактов. Вторая причина советской коррупции – запрет на предпринимательскую деятельность. Взятками «подпольные предприниматели» откупались от репрессий. Реформа дала возможность открыто заниматься бизнесом, подпольные капиталы были легализованы. Однако коррупция не сократилась, а выросла и стала более разнообразной.

В постсоветский период возобладали следующие виды коррупции: неформальные платежи, сопровождающие отношения власти и бизнеса («деловая» коррупция); подношения населения в сфере образования, здравоохранения, правопорядка, судопроизводства и пр. («бытовая» коррупция); платежи за заключение сделок между компаниями (откаты); лоббирование интересов бизнеса через теневое финансирование партий и политиков («политическая» коррупция) (13; 18; 21).

Что касается количественных оценок, то, по данным «Transparency International», индекс восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index – CPI) в России составлял в 1998–1999 гг. 2,4. В 2010 г. ситуация ухудшилась, индекс составил 2,1. Нашими ближайшими соседями стали Папуа–

Новая Гвинея и Таджикистан. Отметим, что такой индекс отнюдь не противоречит тому, что россияне вполне лояльно воспринимают бытовую, повседневную коррупцию. Отношение к деловой коррупции более негативное. Существует разрыв между «диагностикой» коррупции международными организациями, руководствующимися универсальным нормативным определением этого явления, и восприятием подобных практик непосредственными участниками (20).

Однако необходимо понимать: в опросах фиксируется не только коррупция, но и общее недовольство населения правящей элитой. Коррупция – это «дискурсная рамка» для предъявления претензий к власти. Почему именно коррупция? Потому что об этом говорит вся страна. Массмедиа заполнены репортажами о коррупционных скандалах, а неспособность любого ведомства объясняется коррумпированностью чиновников. Утверждая, что власть коррумпирована, респонденты выражают недовольство ею, разочарование реформами. Говорят на том языке, к которому их научили.

Что касается объема коррупционного рынка, то, по данным Фонда ИНДЕМ, в 2001 г. на взятки в России ежегодно тратили около 37 млрд долл. (примерно 34 млрд долл. – взятки в сфере бизнеса, 3 млрд долл. – бытовая коррупция)¹. Это составляло примерно половину доходной части российского бюджета. Опрос, проведенный в 2005 г., показал, что сумма взяток в сфере бытовой коррупции почти не изменилась, зато в сфере деловой коррупции она выросла в девять раз (с поправкой на инфляцию – примерно в семь раз), достигнув 316 млрд долл., причем взятки регулярно платят примерно 80% всех фирм². Объем взяток превысил доходную часть российского бюджета почти в 2,5 раза.

Исследователи коррупции, расходясь в абсолютных оценках, единодушны в том, что коррупция в России растет. При этом так называемая «бытовая коррупция», связанная с обслуживанием населения, практически стабилизировалась в первой половине 2000-х и даже немного сократилась в 2005–2010 гг. в связи с возросшими рисками в ходе антикоррупционной кампании. Сегменты бытовой коррупции имеют различную динамику: растет коррупция в дошкольных учреждениях и автоинспекции, тогда как коррупция вокруг призыва на военную службу, наоборот, сокращается. В целом на рынке бытовой коррупции доминирует высшее образование и дорожная полиция. Наименее коррумпированы государственные органы, связанные с социальными выплатами и пенсиями.

¹См.: Диагностика российской коррупции. – Режим доступа: <http://www.anti-corr.ru/awbreport/index.htm>

²См.: Барсукова С.Ю. Коррупция: Научные дебаты и российская реальность. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/78/249/85683.php>

Если бытовая коррупция немного сокращается, то деловая коррупция в последнее десятилетие заметно выросла. Не население, а бизнес является главным субъектом коррупционных отношений.

Усиление антикоррупционной борьбы как признак кризиса власти

Усиление антикоррупционной борьбы в России в последние годы – это проявление не оздоровления системы, а кризиса власти, ее неготовности к реформированию для адекватного ответа на новые экономические и социальные вызовы.

С одной стороны, наверху растет понимание декоративности выстроенной «вертикали власти». Коррупция делает невозможным проведение макроэкономической политики государства, поскольку коррумпированные звенья системы управления искажают передаваемую информацию и подчиняют реализацию намеченных целей собственным интересам.

С другой стороны, власть нуждается в чрезвычайных мерах для поддержания доверия населения, в ярких антикоррупционных шоу. Объектами разоблачений становятся самые нелюбимые населением ведомства (например, полиция). Показателен скандал вокруг хищений государственных средств фирмой «Оборонсервис», деятельность которой курировали непосредственно в Министерстве обороны¹. Скандал привел к отставке министра обороны А. Сердюкова. При общей нелюбви россиян к представителям власти (что не распространяется на Путина, который воспринимается не как бюрократ, а, скорее, как «отец нации»²), это был один из самых не-

¹ Акционерное общество «Оборонсервис» – коммерческая организация, созданная в 2008 г. для выполнения хозяйственных функций, связанных с деятельностью Министерства обороны России. 100% в уставном капитале «Оборонсервиса» принадлежит Министерству обороны РФ. Осенью 2012 г. разразился крупный коррупционный скандал. Сотрудники «Оборонсервиса» в tandem с чиновниками из Министерства обороны создали мошенническую схему реализации непрофильных военных активов. Выбирались наиболее ликвидные и престижные объекты, затем в эту недвижимость вкладывались огромные бюджетные средства, после чего имущество продавалось по существенно заниженным ценам аффилированным с «Оборонсервисом» коммерческим структурам. По данным на июль 2013 г., предполагаемый ущерб составляет более 6 млрд руб. О масштабе доходов участников коррупционной схемы говорят детали: например, один из арестованных готовился к юбилею, где для него должна была петь Дженнифер Лопес (см.: «Друг» Сердюкова готовился к побегу: Новости сегодня. – Режим доступа: <http://fb.ru/info/53023.html>).

² В Google на запрос «отец нации Путин» появляется множество ссылок. Это устойчивое сочетание, которым пользуется преимущественно оппозиционная пресса. В использовании этого выражения есть два подтекста: с одной стороны, «отцом нации» в советской истории называли Сталина и, перенося это выражение на Путина, подчеркивают авторитарный характер его власти; с другой – в этом клише присутствует ирония по поводу того, что президент лично вникает во все мелкие вопросы. Например, когда 25 апреля 2013 г. В. Путин в прямом эфире отвечал на вопросы россиян, девочка с Дальнего Востока попро-

любимых министров. Именно ему народ приписывал «развал армии». Коррупционные разоблачения в Министерстве обороны отодвинули на задний план проблемы, не решенные и появившиеся в ходе реформы армии.

Наконец, рост числа коррупционных разоблачений свидетельствует о резком усилении конкуренции за доступ к властным ресурсам, за место во власти. Это связано с тем, что окончательно сформировалась система, при которой властный ресурс является главным фактором экономического успеха. Обвинение в коррупции стало одним из распространенных способов борьбы с конкурентами.

Рост числа коррупционных скандалов в современной России напоминает последние годы советской системы. Тогда были преданы гласности многие коррупционные дела, касающиеся представителей властной элиты. По замыслам команды М. Горбачева, такие разоблачения должны были свидетельствовать о готовности власти к самоочищению, укрепить ее авторитет в глазах народа. Эффект получился обратный. Демонстрация коррупционных схем внесла значительный вклад в разрушение СССР.

Россия в очередной раз погрузилась в «борьбу с коррупцией». Но сейчас она имеет историческое своеобразие. На излете СССР коррупционные скандалы компрометировали советский строй и расчищали путь к рыночной экономике. Теперь же они воспринимаются как свидетельство недостатка контроля со стороны государства и обосновывают необходимость расширения полномочий прокуратуры и силовых ведомств, ужесточения репрессий. Антикоррупционная кампания легитимирует установление жесткой моноцентричной власти для выхода из политического кризиса.

Риск разоблачений повышает значимость личной преданности и лояльности при формировании управленческих команд, что снижает ценность профессионализма. Политические институты и управленческие структуры погружаются в неопатримониальную реальность, свойственную многим развивающимся странам Африки и Латинской Америки (8; 22).

Было бы несправедливо утверждать, что борьбы с коррупцией совсем не ведется. Но ее целями являются: уничтожение политических и экономических конкурентов, ротация чиновничьих команд, улучшение имиджа в глазах международного сообщества, поддержание доверия общества к власти. Антикоррупционные кампании не меняют сущности отношений власти и бизнеса, но способны улучшить положение страны в международных рейтингах.

сила построить детскую площадку. Путин еще не закончил пресс-конференцию, а региональные власти уже начали по его приказу строительство. Участники прямого эфира, услышав это, заплотировали (см.: «Путин преподнес себя как Отца Нации»: Иностранцы в СМИ о прямой линии с Владимиром Путиным. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2179320>). Даже развод В. Путина в СМИ комментировали как подрыв его образа «отца нации».

Смена модели: переход от олигархического к государственно-корпоративному рынку

Несмотря на демонстративную антикоррупционную кампанию, деловая коррупция в стране растет, меняется ее характер. В чем главная причина этого? Принципиальный ответ состоит в следующем: рост коррупции в России связан со сменой модели рынка.

Нет единого стандарта рынка как антитезы плановой экономике. Рынок – это не платиновый метр, который хранится в Париже под стеклянным колпаком. Есть континуум «рынков» в виде многообразных институциональных сочетаний власти и бизнеса (14). Огрубляя, можно назвать три: конкурентный, олигархический и государственно-корпоративный рынки. Во всех этих моделях государство выполняет традиционные обязательства (поддержание правопорядка, защита границ, налоговая монополия), но отношения с бизнесом строит на принципиально разных основаниях.

В начале «перехода к рынку» в России реформаторы в качестве цели декларировали построение *конкурентного капитализма*. В этой модели государство создает и совершенствует институты как универсальные правила, стимулирующие конкуренцию, минимизируя непосредственную включенность чиновников в принятие предпринимательских решений и перераспределение ресурсов, за вычетом социальных трансфертов. Трудно сказать, насколько искренне первые реформаторы (такие как Е. Гайдар) верили в возможность ее реализации на российской почве. Но вышло все иначе: вместо конкурентного рынка был построен рынок олигархический.

Олигархический капитализм в 1990-е годы в России означал: доминирование крупных компаний (в том числе монополистов), которым государство дает карт-бланш на развитие в обмен на политическую поддержку; имитацию руководящей роли правительства в условиях «приватизации государства» крупными экономическими игроками.

Показательны знаменитые залоговые аукционы накануне переизбрания Б. Ельцина в 1996 г. Тогда правительство получило кредиты от крупных банков, предоставив в качестве залога крупнейшие промышленные предприятия страны, находящиеся в государственной собственности. И банкиры, и правительство понимали – никто возвращать кредиты не станет. Была неформальная договоренность: если на президентских выборах победит Б. Ельцин, то банкирам отдадут эти предприятия как залоговое имущество. А если победит представитель партии коммунистов, то и предприятия не отдадут, и кредит не вернут. То есть банкиры потеряют все. Эти залоговые аукционы являлись, по сути, раздачей олигархических мандатов тем, кто готов был вложиться в поддержание власти Б. Ельцина. У бизнеса покупалась политическая поддержка. Предоставив ее, крупнейший бизнес и стал государством.

Государственно-корпоративный капитализм имеет другую схему: растет влияние государства в решениях, принимаемых рыночными агентами. Государство фокусируется не на поддержании универсальных институтов конкуренции, а на создании правил (формальных и неформальных) подчинения бизнеса государству; делается ставка на рост экономики на базе ограниченного круга отраслей («стратегические отрасли»), где патронаж государства («возвращение командных высот») достигается за счет ограничения предпринимательской свободы; крупные корпорации становятся зависимыми от решений власти, которые обосновываются не экономической рациональностью, а «национальными интересами».

Олигархический капитализм 1990-х в 2000-е годы постепенно трансформировался в государственный. Именно этот сдвиг определил рост коррупции и изменение ее качества (9).

В каких формах это происходит? Есть формальные и неформальные способы построения государственно-корпоративного капитализма. Формальные: конвертация задолженности в государственные пакеты акций; реструктуризация задолженности перед государством путем залога пакета акций; акции в обмен на государственные инвестиции; приобретение акций на свободном рынке. Неформальные: занижение тарифов государственных монополий для «патронируемого» бизнеса; избирательное правосудие, когда все большую роль играет не «буква», а «дух закона» (интерпретация закона с позиции «национального интереса» усиливает зависимость бизнеса от власти); передача госзаказов узкому кругу «своих» фирм при формальном соблюдении конкурсных условий.

Идеологическая установка власти федерального и регионального уровней на «сильное государство», понимаемое в национал-консервативной, а отнюдь не в либеральной традиции, формирует систему ожиданий бизнеса и его готовность либо эмигрировать, либо «лечь под государство».

Парадокс в том, что параллельно протекают два, казалось бы, взаимоисключающих процесса. С одной стороны, растет формальное и неформальное влияние государства на крупный бизнес. С другой – часть государственной собственности по заниженной цене и совершенно непрозрачным схемам переходит в частные руки, происходит необъявленная «приватизация» активов государственной собственности в пользу персон, близких к власти.

Как это отразилось на коррупции?

**Изменения характера коррупции в России
в связи со сменой модели капитализма
(Сравнение ситуации в 1990-е и 2000-е годы)**

Сравним причины и механизм коррупции в России в 1990-е и 2000-е годы.

Первое. *Коррупция становится более централизованной.* Вымогательства 1990-х годов были интенсивными, но децентрализованными. *Децентрализованная коррупция* – это типичная для слабых государств форма коррупционных отношений, когда предприниматель вынужден искать каналы подкупа относительно самостоятельных государственных агентов. При режиме В. Путина коррупция приобрела более централизованный характер, когда выход на «ключевые» уровни коррупционных пирамид извлекает от поборов, исходящих от нижестоящих чиновников.

Если коррупция гнездится на низовом уровне, то у предпринимателя есть пространство для маневра – не удалось «решить вопрос» с одним бюрократом, можно попытаться договориться с другим. Такой «рынок» коррупционных услуг снижает размер взятки. При централизованной коррупции решения, от которых зависит бизнес, принимаются на высоком уровне и очень ограниченным кругом лиц. Чем значимей должностное лицо, тем сложнее найти ему альтернативу. Централизация коррупции привела к конкуренции за покровительство высоких начальников. Доступ к ним ограничен, что ведет, с одной стороны, к сокращению числа взяток, но с другой – к увеличению их размера.

Конечно, для разных бизнес-проектов уровень решения проблем различается. В одних случаях это могут быть федеральные чиновники, в других – региональные или городские. Речь идет о коррупционном альянсе с руководителями государственных служб, которые в силу должностных полномочий могут создавать для бизнеса особые преференции, т.е. возможность получать дополнительные доходы и делиться с чиновниками.

Централизация коррупции происходит на фоне политики «наведения порядка», антикоррупционной борьбы. Очевидно, что наиболее вероятными кандидатами на разоблачения станут (и становятся) низовые работники. Чтобы обезопасить себя, они вынуждены «брать в долю» начальство, что повышает уровень принимаемых решений и ведет к росту коррупционных платежей. Впрочем, централизация коррупции больше касается среднего и крупного бизнеса. Малый бизнес, не способный коррумпировать высоких чиновников, по-прежнему откупается от множества мелких представителей государства (23).

Борьба с централизованной коррупцией ведется либо чисто формально и захватывает только нижние этажи коррупционной пирамиды, либо вырывается в противоборство разных групп («молодые коррупцио-

неры» против «старых коррупционеров», таможенники против прокуратуры и т.д.). Переходя от партикуляристской системы власти к универсалистской, Россия достигла лишь стадии «конкурентного партикуляризма», где действуют разные команды бюрократов, связанные с разными бизнес-группами (20, с. 310). Антикоррупционные кампании являются инструментом такой борьбы.

Второе. *Коррупция институционализируется, т.е. превращается в неформальный институт защиты прав собственности.* На смену одноразовым коррупционным контактам бизнеса и власти пришли устойчивые схемы их сотрудничества, сформировались теневые альянсы административного и финансового капитала (3; 24). Чиновники не вымогают взятки, они работают «в доле» с бизнесом, обеспечивая возможности развития. Институциональная коррупция удобнее, чем неупорядоченная и массовая практика поборов, поэтому бизнес, платя все больше, все меньше склонен к протесту: стабильность системы примиряет с ее неэффективностью. Это типичная институциональная ловушка, когда система неэффективна, но устойчива. *«Да, у нас коррупция. Но вы спросите меня, хочу ли я проснуться завтра и чтобы ее не было. Я вам честно скажу – не знаю. С одной стороны, любопытно было бы на это посмотреть. Но, с другой стороны, что я делать буду? Вся схема бизнеса будет порушена» (совладелец фирмы по импорту бытовой техники, 44 года).*

Третье. *Коррупция от «рыночной» смещается к «клановой».* Если с помощью «рыночной» коррупции решают вопросы те, кто может заплатить, то «клановая» оставляет такую возможность только для «своих» (25); коррупционный канал открыт для людей «со связями» по критерию происхождения, родства, привязанности. С остальными ведется показательная антикоррупционная борьба. В России самый надежный способ быстрого обогащения, не считая бизнеса в нефтегазовой отрасли, госзаказы. В круг бизнесменов, получающих самые крупные государственные заказы, входят родственники, партнеры по спорту или просто друзья высокопоставленных чиновников. Власть выдает карт-бланш на быстрое и гарантированное обогащение только «своим» на условиях теневого участия в прибыли. *«Это все пустые слова про принципиальных, которые взятки не дают. Они бы дали, да у них не берут. Все сейчас боятся и берут только у своих, поэтому так ценится адвокат, через которого можно судье дать. Высокий гонорар у адвоката – это почти всегда признак, что у него есть канал для “заноса” денег» (адвокат, 51 год).* *«У нас давно не взятки дают, а доходами делятся. Улавливаете разницу? Делиться можно только со своими, и войти в круг “своих” – это труд и везенье в одном флаконе. Взятки – это так, по мелочи...» (совладелец агрохолдинга, 34 года).*

Четвертое. *Меняется роль чиновника.* В 1990-е годы законы часто были не адекватными хозяйственным условиям, противоречивыми, с огромными «дырами». Часть законов сохранилась с советских времен, часть была переписана с западного законодательства как «законы на вырост». Коррупция обуславливала развитие бизнеса в условиях нормативного плюрализма и множественных правовых «дыр». Любого предпринимателя могли осудить за нарушение какого-то закона. Это было время «плохих законов», и чиновник за взятку проводил бизнес по «минному полю», помогал «поймать рыбку в мутной воде». *Коррупция увязывала неадекватные законы с реальными возможностями и потребностями бизнеса.*

В 2000-е годы ситуация изменилась. Законы стали «хорошими», т.е. в них меньше «дыр», и бизнес вполне может обойтись без помощи чиновника, работая в соответствии с законом¹. В этой ситуации чиновники начали торговать не «буквой», но «духом» закона, взяв на себя роль *интерпретаторов законов с позиций национальных интересов*. Национальные интересы – доминирующая риторика государственно-корпоративного капитализма. Чиновник сменил роль лощмана в пространстве «плохих» законов на роль гуру в условиях «хорошего» законодательства. И теперь, чтобы получить государственный заказ или просто спасти бизнес от поглощения государством, недостаточно быть законопослушным бизнесменом, нужно быть «на хорошем счету» у власти. Бизнес, понимая ненадежность формальной защиты прав собственности, пытается заручиться поддержкой власти, в том числе используя коррупционные схемы.

Изменение неформальных норм диалога с государством при неизменности формальных законов продемонстрировало «дело ЮКОСа». Налоговые претензии государства строились на том, что фирмы, где концентрировалась прибыль и использовались схемы ухода от налогов, были аффилированы с ЮКОСом. Но формальные признаки аффилированности в этой бизнес-схеме отсутствовали, об этом позаботились высокопрофессиональные юристы ЮКОСа. Суд поставил экономическое содержание выше юридической формы, что вызвало одобрение одних и порицание других, продемонстрировав эластичность в интерпретации юридических норм при отчетливом неформальном давлении власти. Это повысило лояльность остальных бизнесменов, поскольку схемы работы были одинаковыми как у самого государственного «Газпрома», так и у самого частного «ЛУКойла».

¹ Очевидно, что хорошие и плохие законы – понятие дискуссионное. Оценки законов различаются с точки зрения участников рынка, населения, государственных ведомств. В данном случае признаками «хороших» законов являются их внутренняя непротиворечивость, согласованность с другими законодательными нормами, а также посильные для бизнеса издержки, связанные с их выполнением.

Неверно трактовать пример с ЮКОСом таким образом, что эта была компания, которая принципиально не использовала коррупцию, что и сделало ее уязвимой. Вероятнее всего, коррупция широко практиковалась этой компанией, как и другими участниками рынка. Истинные причины разрома компании так и остались полем для догадок, но большинство аналитиков склоняется к версии о политических мотивах этого дела. Дело ЮКОСа показало, что соблюдение законов отнюдь не гарантирует спокойную жизнь бизнесменам, что «буква» закона стала слишком слабой защитой от претензий государства и нужно интенсифицировать весь арсенал неформальных способов защиты прав собственности, включая коррупцию.

Пятое. *Изменился субъектный состав коррупционеров.* В 1990-е годы наиболее коррумпированными были представители государственных органов, которые выдают разрешения (патенты, лицензии), устанавливают льготы, распределяют квоты, следят за соблюдением правил пожарной безопасности и санитарных норм, контролируют налоговую дисциплину и т.д. В 2000-е годы самым коррумпированным звеном стали правоохранительные органы – полицейские, представители ФСБ (Федеральная служба безопасности), ГРУ (Главное разведывательное управление), ФСО (Федеральная служба охраны) и пр., т.е. «силовики». Заметим, представители правоохранительных структур не делают ничего противозаконного: они находят украденное, обеспечивают безопасность, возвращают долги, сопровождают грузы, расследуют преступления и пр. Но делают это не для всех налогоплательщиков, а преимущественно для частных клиентов. Создают правопорядок как частное, но не общественное благо (19; 28).

Эпицентр коррупции сместился туда, где действует право применения силы, имеется мощный аппарат принуждения. Коррупционный рынок, созданный вокруг правоохранительных структур, опирается на вольную интерпретацию законов и селективность применения репрессий. Суды, лишь формально имея статус независимых, стоят на стороне правоохранительных органов, потакая слабой доказательной базе обвинения (7). *«В наших судах действует простое правило – прав тот, на ком поганы... Это как-то недавно установилось» (адвокат, 51 год).*

Фактически концентрация коррупционных потоков вокруг «силовиков», пришедшая на смену «размазанности» коррупционных сборов среди органов исполнительной власти, явилась одним из аспектов централизации коррупции в России. *«Вы замечали, что про рэкетиров масса анекдотов была, а про нынешних силовиков – ничего? А я скажу почему: если на вас офицеры наедут, это реально страшно» (фермер, 62 года).*

Шестое. *Изменилось соотношение двух разновидностей деловой коррупции: на смену «захвату бизнесом государства» пришел «захват бизнеса властью».* Конечно, было бы преувеличением утверждать, что

переговоры между бизнесом и властью полностью исчезли и что бизнес в новых условиях абсолютно не влияет на власть, а лишь послушно исполняет ее решения. Очевидно, это не так. Например, бизнес пытается, и не без успеха, влиять на законодательную власть на стадии выработки проектов законов. Ключевая роль в этом процессе принадлежит бизнес-ассоциациям, которых привлекают для консультаций при выработке новых законов. Кроме того, он защищает свои интересы в переговорах с властью. Но в новых условиях мнение бизнеса учитывается, однако не является определяющим. Лоббизм бизнеса тем успешнее, чем более точно он вписывается в политическую конъюнктуру. Например, накануне вступления России в ВТО российские животноводы пытались доказать, что дешевый и неограниченный импорт мяса погубит их бизнес. Но власть игнорировала эти доводы. И только политические события позволили аграриям достичь своих целей: как только сенат США одобрил закон Магницкого, российские чиновники запретили импорт американского мяса из-за использования стимулятора роста. Бизнес уже не диктует власти свою волю, а выжидает удобного случая, чтобы напомнить о своих просьбах. «Захват бизнеса властью» означает, что коррупционные схемы запускаются по сигналу «сверху», и эти схемы имеют ограниченный радиус действия, исключая из пространства коррупционного торга «политически важные» решения. *Прежняя асимметрия в пользу бизнеса сменилась асимметрией в пользу власти.*

Изменились не формальные рамки сотрудничества власти и бизнеса, а неформальные правила диалога. Например, формальные нормы позволили «ЛУКойлу» отстоять в арбитражном суде свою правоту по поводу налоговых недоимок, но неформальные предписали эти недоимки (юридически не доказанные) перечислить государству в качестве дара. *Если в 1990-е годы в обмен за свои услуги крупный бизнес требовал от власти специальных привилегий, то теперь надеется на селективное бездействие.*

Политики и чиновники вынуждают предпринимателей делиться доходами в форме как легальных, так и нелегальных платежей под угрозой репрессивных действий (29). В российском бизнесе существует понятие «двойное налогообложение» – это означает, что обычными налогами отношения с государством не ограничиваются. Хотя формально ничего, кроме налогов, бизнесмен не должен, но на самом деле вполне легально и «добровольно» он обязан: спонсировать различные проекты власти (например, финансировать деятельность «Единой России»); быть меценатом¹; участвовать в коммерчески невыгодных проектах, если они важны для

¹ Например, богатейший россиянин В. Вексельберг купил в США и вернул в Россию яйца Фаберже, восстановил зал Врубеля в Третьяковской галерее, а вскоре государство доверило ему возглавить фонд «Сколково».

власти¹. *«Моя фирма на день города сотни шариков надула. Это мне еще повезло. Сначала меня склоняли фонтан построить...» (директор молочного завода, 48 лет).*

Распространилось рейдерство как захват бизнеса, в ходе которого используется судебная система и формальная процедура банкротства (15). Если в начале 1990-х годов под силовым давлением на бизнес понималось вымогательство со стороны организованной преступности (так называемый рэкет), то в современной России силовое давление исходит от официальных представителей власти, которые используют государственный репрессивный аппарат для захвата бизнеса (11; 16; 17; 30).

В Советской армии было два главных лица – командир и комиссар. Командиры знали военное дело, а комиссары отвечали за идеологию в армии. Позволим себе историческую аналогию: в любом крупном бизнесе в России есть два ключевых лица – бизнесмен и чиновник, патронирующий этот бизнес. Чиновник – «комиссар при бизнесе». Его слово решающее, потому что он говорит от имени государства. Эта ситуация создает беспрецедентные возможности для коррупции. То, что квалифицируется (журналистами, обывателями и в исключительных случаях судьями) как коррупция, воспринимается российскими чиновниками как передача им части дивидендов от совместного владения собственностью (1).

В 1990-е годы чиновник пользовался бесконтрольной властью, будучи представителем «слабого» государства, в котором не работал ни один институт; коррумпированный бюрократ помогал бизнесу использовать несовершенство законов как инструмент получения сверхприбыли. Теперь же чиновник как представитель «сильного» государства может прибыльно сотрудничать или покарать. «Прибыльное сотрудничество» предполагает патронирование чиновниками и силовиками частного бизнеса и получение за это вознаграждения, воспринимаемого как доля прибыли. Население и закон трактуют эти платежи как коррупцию (2). Коррупционный «патронаж» бизнеса со стороны власти держится не на «плохих» законах», а на качестве правоприменения, селективном правосудии и вольности в интерпретации формальных норм (табл.).

¹ В ходе реализации национального проекта «Развитие агропродовольственного комплекса» (2006–2007) предприниматели начали активно строить свинофермы и птицефабрики. Помимо экономических стимулов нацпроект реализовывался при сильном административном давлении на бизнес (10).

Таблица

Изменение характера деловой коррупции в постсоветской России

Характер коррупции	1990-е годы	2000-е годы
Степень централизации	Децентрализованная коррупция	Централизованная коррупция
Размер взятки	Множество мелких взяток	Взятка стало меньше, но их размер вырос
Степень институционализации	Коррупция не институционализована, правила фрагментарны	Коррупция институционализуется, формируется система коррупционных правил
Роль чиновников	«Лоцман» в пространстве «плохих» законов	«Гуру» (интерпретатор) в пространстве «хороших» законов
Доступность коррупционных каналов	«Рыночная» коррупция, доступная для тех, кто может заплатить	«Клановая» коррупция, доступная только для «своих»
Повод для взятки	При «плохих» законах предприниматель априори является нарушителем какого-то закона и может быть наказан за нарушение «буквы» закона	При «хороших» законах практикуется вольная интерпретация законов, и предприниматель может быть наказан за нарушение «духа» закона
Основа коррупции	Качество законов	Качество правоприменения
Наиболее коррумпированный элемент власти	Исполнительная власть	Правоохранительные органы
Структурная рамка коррупции	«Захват государства бизнесом»	«Захват бизнеса государством»

Заключение

Коррупция для России – явление не новое. В СССР основой коррупции был дефицит самых необходимых товаров и услуг, а также запрет предпринимательской деятельности. Ожидалось, что переход к рынку приведет к сокращению коррупции, поскольку в ходе реформы был полностью уничтожен товарный дефицит и сняты все ограничения на занятие бизнесом. Однако вместо сокращения произошел колоссальный рост коррупции. Объяснялось это плохим качеством законов, которые были противоречивы и неадекватны экономической ситуации. Это было вызвано многими обстоятельствами, высокой скоростью преобразований, механическим заимствованием опыта западных стран. Но главная причина состояла в том, что слабое и недееспособное государство находилось в руках олигархов. Олигархический капитализм, достигший своего пика в период правления Б. Ельцина, не был ориентирован на формирование адекватной правовой среды. Олигархи жили «над законами», а весь остальной бизнес был поставлен в ситуацию неизбежных поборов со стороны чиновников, поль-

зующихся тем, что при «плохих» законах каждый предприниматель являлся потенциальным или реальным их нарушителем.

В. Путин, придя к власти, взял курс на «удаления олигархов». Поддержка этой политики населением и окрепший бюджет ввиду роста цен на нефть сделали возможным смену олигархического капитализма государственно-корпоративным. В этой ситуации коррупция резко возросла, причем увеличилась именно деловая коррупция, обслуживающая отношения власти и бизнеса. Бытовая же коррупция немного сократилась. Но более серьезные перемены связаны не с количеством, а с качеством коррупции.

Она стала централизованной и институционализированной с доминированием силовых структур – самых активных претендентов на патронаж бизнеса. Если в 1990-е годы коррупция базировалась на «плохих» законах и невозможности их исполнения, то в 2000-е законы изменились в лучшую сторону, но основой получения взяток стала процедура их применения, воляность в интерпретации формального права, селективное правосудие. Без покровительства со стороны власти бизнес может стать нарушителем не «буквы», но «духа» закона. И бизнес, чтобы избежать неприятностей, готов оплачивать неформальный патронаж власти в виде коррупционного тандема с ней. Это снижает эффективность бизнеса, но повышает его надежность.

Список литературы

1. Барсукова С. Теневая экономика: Специфика фаз в условиях раздатка // Вопросы экономики. – М., 2012. – № 12. – С. 133–145.
2. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. – М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2008. – 216 с.
3. Панях Э. Правила игры для русского предпринимателя / Предисл. Е. Ясина. – М.: Ко-Либри, 2008. – 240 с.
4. Паппэ Я.Ш. «Олигархи»: Экономическая хроника, 1992–2000. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 232 с.
5. Сатаров Г.А. Тепло душевных отношений: Кое-что о коррупции // Общественные науки и современность. – М., 2002. – № 6. – С. 18–27.
6. Сатаров Г.А. Установка респондентов и коррупция // Общественные науки и современность. – М., 2008. – № 5. – С. 48–58.
7. Трансформация российской судебной власти: Опыт комплексного анализа / Горбуз А.К., Краснов М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А. – СПб.: Норма, 2010. – 480 с.
8. Afanas'ev M. The quality of the state – Russia's chief problem // Russian politics and law. – N.Y., 2009. – Vol. 47, N 4. – P. 58–72.
9. Barsukova S. Corruption: Academic debates and Russian reality // Russian politics and law. – N.Y., 2009. – Vol. 47, N 4. – P. 8–27.
10. Barsukova S. Das nationale projekt «Entwicklung der Landwirtschaft» 2006–2007 // Russland-analysen. – Bremen; Berlin, 2009. – N 178. – P. 21–24.
11. Barsukova S. The government and bandits: Similarity and difference in theory and in Russian practice // Law enforcement executive forum. – Chicago, 2012. – Vol. 12, N 2. – P. 129–136.

12. Barsukova S., Radaev V. Informal economy in Russia: A brief overview // *Economic sociology: The European electronic newsletter*. – Harvard, 2012. – Vol. 13, N 2. – P. 4–12. – Mode of access: http://econsoc.mpihg.de/archive/econ_soc_13-2.pdf
13. Barsukova S., Zvyagintsev V. Mechanism of «political investments», or how and why business participates in elections and funds party life // *Social sciences: A quarterly journal of the Russian academy of sciences*. – Minneapolis, 2006. – Vol. 4, N 37. – P. 76–88.
14. Block F. The role of the state in the economy // *The handbook of economic sociology* / N. Smelser, R. Swedberg (eds.). – Princeton: Princeton univ. press, 1994. – P. 691–710.
15. Firestone T. Criminal corporate raiding in Russia // *International law*. – Harvard, 2008. – Vol. 42, N 4. – P. 1207–1230.
16. Firestone T. Armed injustice: Abuse of the law and complex crime in post-soviet Russia // *Denver journal of international law and policy*. – Denver, 2010. – Vol. 38, N 4. – P. 555–580.
17. Gans-Morse J. Threats to property rights in Russia: From private coercion to state aggression // *Post-Soviet affairs*. – Abington, 2012. – Vol. 28, N 3. – P. 263–295.
18. Gelman V. The iceberg of political finance // *The contemporary Russian politics: A reader* / Ed. by Archie Brown. – Oxford: Oxford univ. press, 2002. – P. 187–194.
19. Kosals L. Police in Russia: Reform or business restructuring? // *Russian analytical digest*. – Zurich, 2010. – N 84. – P. 2–5.
20. Ledeneva A. A critique of the global corruption «paradigm» postcommunism from within: Social justice, mobilization and hegemony / Ed. Jan Kubik and Amy Linch. – N.Y.: New York univ. press, 2013. – P. 297–332.
21. Mironov M., Zhuravskaya E. Corruption in procurement and shadow campaign financing: Evidence from Russia, October 2011. [online] Available as SSRN. – Mode of access: <http://ssrn.com/abstract=1946806>
22. Neopatrimonialism in Africa and beyond / Ed. by D. Bach and M. Gazibo. – N.Y.; L.: Routledge, 2012. – 265 p.
23. Olimpieva I. Background corruption in small and medium-size business. A «weapon of the weak»? // *Russian politics and law*. – N.Y., 2009. – Vol. 47, N 4. – P. 28–42.
24. Radaev V. Corruption and administrative barriers for Russian business // *Political corruption in transition: A sceptic's handbook* / Kotkin S., Sajó A. (eds). – Budapest; N.Y.: Central European univ. press, 2002. – P. 287–311.
25. Scott J.C. The analysis of corruption in developing nations // *Comparative studies in societies and history*. – Cambridge, 1969. – Vol. 11, N 3. – P. 315–341.
26. Trompenaars A., Hampden-Turner Ch. Riding the waves of culture: Understanding diversity in global business. – 2 ed. – N.Y.: McGraw-Hill, 1998. – XI, 274 p.
27. Varese F. Pervasive corruption in economic crime in Russia // *Economic crime in Russia* / Ed. by A. Ledeneva and M. Kurkchyan. – L.: Kluwer law international, 2000. – P. 99–111.
28. Volkov V. Violent entrepreneurs: The use of force in the making of Russian capitalism. – Ithaca: Cornell univ. press, 2002. – 224 p.
29. Yakovlev A. State-business relations in Russia in the 2000 s: From the capture to a variety of exchange models? // Working paper WP1/2010/04. – Moscow: Higher school of economics. – Mode of access: https://www.hse.ru/data/2010/06/03/1219803124/WP1_2010_04.pdf
30. Yakovlev A. In search for a new social base or why the Russian authorities are changing their relations with business // *Russian analytical digest*. – Zurich, 2012. – N 121. – P. 10–15.

И.Г. ШАБЛИНСКИЙ

***ДВА ЗАСТОЯ:
ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ***

Современное состояние Российского государства часто характеризуют как «застой», тем самым проводя аналогию с недавним периодом нашей истории, охватывающим примерно два десятилетия – 1965–1985 гг. Обычно это время связывают с правлением Леонида Брежнева, хотя «застой» продолжался немного дольше. В общем, период «застоя» все еще в политическом обороте, и у многих он вызывает ностальгические воспоминания. Лет пять назад пресс-секретарь Президента Дмитрий Песков сказал: «Брежнев – это не знак минус. Для нашей страны – это огромный плюс». При этом подчеркнул, что отрицательно судит о «застое» только «московский социум» и что эти настроения кардинально отличаются от немосковского социума.

Каждая эпоха уникальна и неповторима. И современный этап развития Российского государства – совершенно особенный. Тем не менее исторические аналогии могут быть весьма полезны, если способны показать, как развивались сходные структуры (например, экономические) в похожих условиях. Смысл исторических аналогий – в выявлении логики дальнейшего развития.

Почему в данном случае нам интересна тема «застоя»? Есть ведь и другая распространенная аналогия. Нынешний режим сравнивают с «третьеиюньской монархией», т.е. с последним десятилетием Российской империи, а многие политики и политологи находят в нынешней России черты империи, имперские интересы и имперские претензии. И все же тема «застоя», на наш взгляд, важнее, актуальнее, по крайней мере по трем причинам.

Первая. Режим, существовавший с 1965 по 1985 г., держался за счет полностью государственной (и довольно неэффективной) экономики, а с начала 70-х – еще и за счет высоких цен на нефть на внешних рынках. И лишь потом стагнировал. Экономическое и технологическое развитие замедлилось или совсем остановилось, что и предопределило образ времени.

Нынешний российский режим, как известно, обеспечил определенный подъем уровня жизни также благодаря высоким ценам на нефть. И государственный сектор до сих пор продолжает доминировать в экономике – кто бы что ни говорил. Российская экономика вошла в полосу тяжелой стагнации. Для части населения это означает уже не застой, но медленное погружение в бедность.

Вторая. От эпохи «застоя» почти полностью воспринята идеология противостояния Соединенным Штатам как главному врагу, а заодно и Западу, т.е. миру развитых демократий. Раньше, правда, он именовался миром капитализма. О такой идеологии, как и о нефтяной экономике, мы не можем говорить применительно к Российской империи. До 1917 г. мир был совершенно другим. Российские «верхи» были частью западной элиты. Ну, а нефть тогда вообще не играла большой роли в экспорте страны. Хотя экономика империи в последнее ее десятилетие развивалась стремительно и успешно.

Сегодняшний «застой» унаследовал «достижения» советского режима: ненависть к богатому буржуазному Западу и зависимость экономики от продажи за рубежом природных ресурсов, прежде всего нефти и газа. Это не имперское, а сугубо советское наследие. Точнее, наследие, связанное с 70-летним господством тоталитарного режима.

Наконец, *третья.* «Застой» означал длительное бессменное «сидение» на высших постах государства нескольких десятков чиновников (включая первое лицо и трех-четырех иерархов), вышедших из властных структур предшествующего режима. Они, впрочем, обустроили для себя (точнее, под себя) новый порядок. Он обеспечил им надежный (стабильный) и комфортный контроль над властью на протяжении примерно двух десятилетий. Что такое «застой»? – это когда во властных креслах одни и те же люди, одни и те же лица, фамилии, привычки на протяжении 20 лет. Это избавление от всех, кто мог бы прийти им на смену, более или менее жесткая нейтрализация оппонентов.

Во времена первого «застоя» у власти Брежнев, Суслов, Косыгин, Черненко, Андропов, Устинов. Можно еще кого-то добавить, но они были главными. Первое лицо – Брежнев. Поначалу, в 1964–1965 гг., он – первый среди равных; потом просто первый – генеральный. Во время государственных праздников, прежде всего 7 ноября, галерею портретов членов политбюро ЦК КПСС вывешивали во всех советских городах. Экспозиция не менялась (или почти не менялась) примерно 15 лет.

Второй «застой» – это Путин, Сечин, Сергей Иванов, Патрушев, Шойгу, Медведев. Кого-то забыл? Круг, пожалуй, еще уже. Их портреты на праздники не вывешивают, зато каждодневно и не одиножды показывают по федеральным телеканалам. И есть, конечно, первое лицо.

Да, сегодня в стране другой политический режим. Главное его отличие от «первого застоя» – несколько сохранившихся с 90-х годов независимых СМИ. Игрушечная многопартийность все же не в счет – уж очень она напоминает партийные системы стран «народной демократии» (например, ГДР). То есть режим на первый – и поверхностный – взгляд совсем другой. Но его особенности и, главное, динамика лучше всего могут быть поняты через названную историческую аналогию

Обозначим суть «застойных» эпох: сочетание стагнации и полицейщины по внутренней политике с агрессивностью во внешней. Оно может показаться парадоксальным или попросту нелепым, но на самом деле вполне объяснимо. Отсутствие развития внутри страны пытаются компенсировать силовыми акциями на международной арене. Часто подобное поведение психологически мотивировано властолюбием, косностью, глубинным консерватизмом, подозрительностью, обидчивостью, мстительностью. Эти мотивировки становятся характеристиками режима.

Обратимся к эпохе первого «застоя». Посмотрим, что мы унаследовали оттуда – каковы его особенности и эволюция.

«Брежневский застой» 1960–1980-х годов прошел две стадии: первую – связанную с надеждами на развитие, вторую – эти надежды похоронившую.

Дрейф в никуда

Итак, на первой стадии застоя ничего не предвещало – шли разговоры о реформе. Были отменены совнархозы (хрущевское изобретение) и запущена стратегия, которую называли «косыгинской» реформой. Суть ее состояла в предоставлении госпредприятиям большей самостоятельности, в расширении их права распоряжаться прибылью и формировать за счет нее фонды, сокращении количества директивных плановых показателей (с 30 до 9). Было усилено значение хозяйственного арбитража.

Все эти полумеры ожидаемого эффекта не дали. Добиться технологического рывка не удалось. Несмотря на то что в стране строились сотни новых заводов и фабрик (об этом вспоминают многие сограждане, ностальгирующие по тому времени), они всегда нуждались в дотациях – просто потому что были неэффективны. Их продукция, за очень редким исключением, была неконкурентоспособна на мировых рынках, да и на внутреннем не пользовалась спросом.

В конце 1970-х годов «косыгинскую» реформу вспоминали со вздохом, хотя было ясно, что она не дала нужных стимулов к снижению себестоимости продукции и ее переориентации на реальный спрос. Директора государственных предприятий стремились выполнить план, сверстанный чиновниками более высокого ранга.

В эти годы по валовому производству чугуна, стали, цемента и других полезных материалов СССР вроде бы приблизился к США. (По цементу, кажется, вообще, опередил.) Цены на нефть на мировых рынках в силу ряда решений стран ОПЕК рванули вверх: в течение 1974 г. – в четыре раза. Нефтедоллары, хлынувшие в казну, позволили продлить этот вялый дрейф экономики в никуда. Дрейфовала вся страна.

Хотя подводные рифы были уже близко, заметить их советская экономическая наука никак не могла. Цензура и самоцензура напрочь исключали серьезную критику сложившейся системы управления.

Снижение цен на нефть в середине 1980-х годов застало политическую элиту СССР врасплох. К этому времени рост экономики замедлился или почти прекратился. Фактически к началу 80-х для большинства жителей страны стал очевиден острейший товарный дефицит, особенно в продовольственном секторе. В провинциальных магазинах пустели полки. Такова была цена скрытой инфляции. Конечно, в Москве и Ленинграде ситуация с продовольствием была несколько лучше, но в городах Урала, Зауралья, Сибири ассортимент продовольственных магазинов был скуден до крайности. Главным дефицитом стали мясные и молочные продукты. В некоторых регионах ввели карточки. Именно оттуда, из той эпохи, лозунг-задача: «Накормить страну!». И это были не пустые слова.

Ощущение покоя и относительного достатка, о котором сегодня вспоминают некоторые мои ностальгирующие ровесники, тоже имело место. Оно связано с не очень долгим временем высоких цен на нефть и относительно неплохого снабжения крупных городов и распространялось в основном на жителей этих городов – по крайней мере на тех, на кого снизошла щедрость Госплана. Гигантская масса жителей сел, деревень и небольших городков жила в скудости, по сути дела, в беспросветной бедности. Чаще, правда, не осознаваемой.

При этом стало очевидным технологическое отставание советской экономики – в машиностроении, химической промышленности, приборостроении, биотехнологиях. СССР прозевал компьютерную революцию. Надежность и качество периферийных устройств советских ЭВМ были несравнимы с массовыми западными аналогами.

Это отставание постепенно начало проявляться и в тех областях экономики, где развитие не прекращалось: в военной и гражданской авиации, в области космической техники, в атомной энергетике. На наращивание вооружений, производство танков, дальних бомбардировщиков, ракет различного класса уходили огромные средства. Советские люди не знали и не могли знать, во сколько это реально обходится стране, ее бюджету. Их приучали твердо верить в то, что главный враг – Америка, и от этого врага нужно постоянно ждать нападения.

То, что другие страны, бывшие в последнюю войну даже противниками США, например Япония и Германия, очень мало озабочены противостоянием с ними, быстро развиваются и уже опережают СССР по важнейшим экономическим показателям, говорить было не только не принято, но и немислимо.

Войны времен «застоя»

У «застоя» был и внешнеполитический аспект. Чем менее устойчивой становилась советская экономика, тем активнее и даже агрессивнее действовала советская правящая группа на международной арене. Программе развития Вооруженных сил СССР, связанной с именами Брежнева, Гречко и Горшкова, весь этот период отдавался приоритет. Ее затратный характер никого не смущал и эта тема никогда не обсуждалась. Во всяком случае, эта тема была вне обсуждений.

Начиная с 1968 г. – поскольку мы говорим лишь об эпохе «застоя» – советские Вооруженные силы непрерывно участвовали в операциях различного масштаба за рубежом. Теперь это редко вспоминают, но СССР практически постоянно воевал. Формы этого участия могли быть разными: от крупных акций, в которых были задействованы дивизии, до обслуживания большими группами советников и специалистов советской боевой техники, поставленной дружественным режимам. Вроде бы дружественным...

Что можно сказать об этих операциях в целом? Были ли оправданы затраты? У них были разные цели, но все они идеологически обоснованы и предполагали экспорт советских экономической и политической моделей. С точки зрения реализации именно этих целей все операции следует считать провальными. Так называемая советская модель социализма оказалась не востребована. Гигантские ресурсы были выброшены на ветер.

Эти войны можно рассматривать и в контексте постоянной борьбы с США за доминирование на мировой арене. С этой точки зрения, скажем, война во Вьетнаме была вполне успешной. Прежде всего – для Северного Вьетнама как союзника СССР. Торжествовали и советские лидеры: они не позволили сделать из Южного Вьетнама аналог Южной Кореи. Действительно, экономическое развитие объединенного Вьетнама вплоть до конца 80-х оказалось сковано догмами «социалистической ориентации». А сейчас США – главный торговый партнер Вьетнама. Как и Китая.

Нужна ли была нашей стране конфронтация с США – из-за Вьетнама, из-за Израиля, из-за «пражской весны», наконец?

Этот вопрос должны, вероятно, задать себе нынешние российские руководители...

Надежды, переходящие в «застой-2»

В 2000 г. члены экономической команды, пришедшей вместе с молодым президентом Путиным, были энергичны и амбициозны. Начиналась новая эпоха. Предполагалось дать новые стимулы отечественному бизнесу, привлечь в страну крупных зарубежных инвесторов. В 2001 г. был принят новый Земельный кодекс, который облегчил сделки с землей. Тогда же была установлена так называемая плоская налоговая шкала – крупные инвесторы могли теперь не опасаться, что российские налоговики снимут с них три шкуры. Приняли и новый Уголовно-процессуальный кодекс, реализовав конституционную норму о том, что заключение под стражу возможно только на основании судебного решения. Власть, вроде бы, сделала еще один шаг по направлению к правовому государству.

Да, «застой-2» вызревал медленно и на наших глазах. Мы могли наблюдать, как приостанавливалось, тормозилось движение вперед. Но поначалу оно было! После девальвации рубля в конце 1990-х годов экономика начала довольно быстро разогреваться. В страну потекли капиталы. И общество, войдя во вкус разных свобод, стало приучаться к тому, что власть можно и нужно критиковать, а время от времени – и менять. Но едва разбежалась русская тройка, как поводья стали натягивать – сначала слегка, потом жестче. Кому-то нравится слово «стабилизация»? Именно так (в одном из докладов на съезде КПСС) обозначалась политика первых лет брежневского правления.

Довольно скоро стало понятно, что последовательного движения в выбранном направлении не получится. Силловые структуры государства, а вслед за ними и иные контрольно-административные ведомства постепенно осознали, что в отношении малого и среднего бизнеса они могут вести себя вполне произвольно. Успешные предприниматели все чаще становились объектами давления и вымогательства со стороны тех, кто формально должен был их защищать.

В принципе они могли найти справедливость в судах. Но суды с начала «нулевых» годов стали испытывать давление административной власти. Все федеральные судьи назначались президентом еще с 90-х годов, а с 2001 г. было закреплено право главы государства назначать председателей и даже заместителей председателей судов. Они проходили тщательную проверку на лояльность в президентской администрации. Переназначение председателей судов, ставших полноценными начальниками в своих «епархиях», было возможно через шесть лет в случае «правильного поведения». От неугодных исполнительной власти судей теперь легко избавлялись.

Да, законодательство тех лет создавало правовую базу для развития предпринимательства. Но на практике государственные структуры (глав-

ным образом силовые) оказали на бизнес огромное давление, преследуя свои корыстные интересы. Вымогательство с их стороны постепенно заменило вымогательство преступных группировок, характерное для 1990-х годов.

Эта тенденция сложилась из сотен случаев. И лишь некоторые из них – в которых были задействованы миллиардные активы – стали широко известны. Это вехи нашего вползания в «застой-2». Государство показало, как станет поступать с предпринимателями, проявляющими строптивость, выказывающими нелояльность к власти любого уровня.

Конечно, не все предприниматели ощутили в эти годы тяжкий пресс беззаконного давления и вымогательства. А некоторые, вроде господ Дерипаски, Мамута, Абрамовича и др., напротив, обнаружили в новой экономической ситуации немало выгод, которыми умело воспользовались. Но буквально всем предпринимателям стало понятно, что произвол силовых структур и зависимость судебных органов от административной власти суть нормы новой эпохи.

Эти годы отмечены наиболее благоприятной за последние десятилетия экономической конъюнктурой – быстрым ростом цен на энергоносители. Цены на нефть с 2000 до 2008 г. выросли с 30 до примерно 140 долл. за баррель, что обусловило и рост экономики в целом. Таким образом, создались условия для развития новых отраслей экономики – для ее диверсификации. Теоретически как раз в эти годы можно было попытаться стимулировать производство того, в чем остро нуждался отечественный рынок и что могло бы заменить дешевый импорт: бытовой электротехники, исследовательского медицинского оборудования, продукции других секторов приборостроения, электронных гаджетов различного типа, мобильных телефонов и т.д. Вероятно, следовало развивать ряд секторов органической химии, у которых база в стране была.

Диверсификация, конечно, потребовала бы целого комплекса мер: возможно, налоговых льгот, покупки патентов, создания условий для перелива капиталов, дополнительных стимулов для иностранных специалистов, которых пришлось бы привлекать в куда более серьезных, чем раньше, масштабах.

Однако никаких специальных усилий в этом направлении правительства той поры – Фрадкова, Зубкова и Путина – так и не предприняли. Это была самая подходящая пора для структурных реформ. Но более интересными тогда казались различные операции с энергетическими активами. Лозунгом момента, одобренным правящей группой, стал слоган «Россия – энергетическая сверхдержава». Именно тогда возникло большинство государственных корпораций

Таким образом, за первое десятилетие XXI в., несмотря на благоприятную экономическую конъюнктуру, структура экономики не измени-

лась и осталась примерно такой же, как в 80-е годы XX в. Зависимость бюджета от экспорта углеводородов даже возросла. Структурная диспропорция так и не была устранена и постепенно переросла в вялотекущий кризис – толчком послужил глобальный экономический спад 2008–2009 гг. Потом нефтяные цены на какое-то время вернулись к прежним высоким значениям. Но на развитии экономики это уже особенно не повлияло. К 2013 г. экономический рост прекратился.

В целом это было следствием действия целого ряда факторов. Прежде всего, структурной диспропорции экономики. Мы почти ничего не могли предложить мировому рынку, кроме углеводородов. Спецоперации по отъему крупнейших активов, многочисленные случаи давления на бизнес, в том числе на иностранных инвесторов в регионах, практика вымогательства постепенно отразились на деловой репутации Российского государства, повлияли на инвестиционный климат. Он значительно ухудшился уже к 2013 г., что, в частности, выразилось в массивном оттоке капиталов из страны. Технологическое отставание усугубило ситуацию.

Политическое и правовое оформление «застоя-2» тоже заняло несколько лет. (Для «застоя-1» право, нормативный аспект не играли почти никакой роли: все ограничилось исключением в 1966 г. из устава КПСС нормы-запрета занимать должность первого секретаря ЦК более двух сроков подряд.) С 2000 г. власть действовала не спеша. К 2002 г. под государственным контролем (т.е. контролем президентской администрации) оказались все крупнейшие телеканалы – точнее их политический контент. В то же время по новому закону был сформирован Совет Федерации – уже совершенно подконтрольный той же администрации. В 2004 г. отменили прямые выборы губернаторов (их пообещали вернуть в 2012 г., по сути, придумав «муниципальный фильтр» при выдвижении кандидатов, но так и не вернули). В 2006 г. из законов о выборах исчезли упоминания об избирательных блоках и избирательном залоге.

Все эти меры укрепили монополию партии власти как структуры, созданной для поддержки главы государства, тесно связанной на всех уровнях с административной властью. К середине «нулевых» годов эта «партия» получила от 60 до 99% мест в законодательных собраниях всех регионов. Теперь уже можно было вносить поправки в Конституцию. По большому счету в этом не было необходимости, поскольку конституционные полномочия президента достаточно обширны. Но в 2008 г. правящая группа сочла нужным увеличить продолжительность президентских полномочий с четырех до шести лет, а в 2013 г. – наделить главу государства правом назначать заместителей Генерального прокурора и региональных прокуроров.

К этому времени политический режим, сложившийся в стране, уже более всего походил на авторитарный порядок середины XX в. Правда, он

еще допускал существование немногих (очень немногих) независимых от власти СМИ (созданных в основном в 90-е годы). Но тренд был уже вполне ясен.

Зимние Олимпийские игры 2014 г. в Сочи должны были продемонстрировать возросшие возможности государственного администрирования и экономики, которая именно в эту пору проявляла явные признаки стагнации. Примерно так же летние Олимпийские игры 1980 г. в Москве, казалось, вдохнули в советскую систему новую энергию. Но это была, выражаясь неологизмом, рожденным в то время, показуха. Экономика СССР уже находилась в предкризисном состоянии и вскоре и вправду вползла в кризис.

Так или иначе, Российская Федерация переживала ряд проблем, сходных с проблемами начала 80-х. И руководство страны должно было наконец решиться: или начать назревшую диверсификацию экономики или, махнув рукой на утомительные реформы, изыскать какие-то иные резоны, позволяющие продлить его нахождение у власти на неопределенно долгий срок.

Выбор был сделан. И аналогия с 1979 г. тут действительно просматривается. Энергия государства и государственных СМИ была переключена на внешнеполитическую арену. В 2014–2015 гг. российские вооруженные силы начали боевые действия на территории двух иностранных государств. Это был стратегический выбор; после этого говорить о диверсификации и модернизации стало бессмысленно.

Войны времен «застоя-2»

С 2008 по 2015 г. Российская Федерация трижды участвовала в военных конфликтах – в августе 2008 г. в Грузии, в феврале 2014 г. в Украине, в сентябре 2015 г. в Сирии.

Войнам, которые Российская Федерация вела в Грузии в 2008 г. и в Украине в 2014 г., вроде бы нет смысла искать прямых аналогий в брежневской эпохе. Эти войны – плод уже новых противоречий, амбиций и обид (даже главным образом обид), вызванных распадом СССР.

Важно, однако, назвать те идеологические и психологические мотивации, которые лежали в основе введения российских войск на территорию Украины. Эти операции действительно рассматривались нынешним кремлевским начальством в контексте глобального противостояния с США и так называемым западным миром. То есть «верхи» приводили примерно те же резоны, которыми руководствовались когда-то престарелые советские вожди. Вот тут аналогия прямая и весьма прискорбная.

Восстание в Киеве и выход на улицы украинских городов десятков и сотен тысяч протестующих воспринимались нынешним руководством

России как результат спецоперации ЦРУ. Фактору внешнего воздействия в Кремле придавали очень большое значение.

Хорошо помню, как дикторы центрального телевидения объясняли нам в 1980–1981 гг., что забастовки и демонстрации в соседней Польше – результат подрывных действий западных спецслужб. О социально-экономических причинах волнений говорили как-то вскользь, потом эта тема и вовсе ушла из поля зрения. С учетом ухудшения ситуации в советской экономике она была совершенно ненужной, лишней.

Но прошлые пропагандистские установки уже давно оцениваются как нелепые и ошибочные. Даже сам глава Российского государства успел признать, что недовольство чехов и поляков имело весьма серьезные основания, что непонимание этого советскими вождями неизбежно вело к расколу всего «социалистического лагеря», к тому, что и чехи, и поляки, и венгры начинали видеть в советском режиме своего главного врага. Теперь такого врага видит в Российском государстве большинство жителей Украины.

Признание прошлых просчетов в отношениях с соседями не предотвратило новых ошибок. Причина, вероятно, в том, что нынешнее российское руководство, прошедшее школу советских спецслужб, было воспитано на идее извечного противостояния России заокеанским и европейским недругам – буквально впитало эту идею. Не следует, однако, прямо выводить ее из некоего «имперского» прошлого, списывать на имперское сознание. Российская империя тут ни при чем.

Подчеркнем: эта идея – плод сталинского (или большевистского) восприятия мира, элемент сталинской идеологии, рожденной еще до Второй мировой войны. Несмотря на опыт союзнических отношений в борьбе с самым страшным врагом, в послевоенные годы идея противостояния «капиталистическому лагерю» (во главе с США) получила новое развитие. Она в целом соответствовала государственной идеологии. Поэтому на совершенно бессмысленное противостояние с США в корейской и вьетнамской войнах были потрачены такие огромные ресурсы.

Нет смысла говорить о том, что инициаторы вторжения на территорию Украины оказались в плену собственных пропагандистских установок. Они были воспитаны в эпоху «социализма», и эти установки – часть их мировоззрения. Хуже другое: значительная часть россиян оказалась весьма восприимчивой к пропагандистской риторике, оправдывающей отделение от Украины Крыма и Донбасса необходимостью сопротивляться проiscaм США. Можно, конечно, говорить об эффективности пропаганды, которая была достаточно продуктивна и в 70-е годы (советские телезрители одобряли силовые решения и в Чехословакии в 1968 г., и в Афганистане в 1979 г.). Но ведь сегодня помимо первого канала есть мно-

го иных источников информации. Такое состояние массового сознания – одно из условий «застоя-2», гарантия его продолжительности.

Перспектива

Самообман часто обходится дорого. Для значительной части советских телезрителей он обернулся горьким разочарованием уже в середине 80-х, когда стало ясно, что мы живем в одной из самых бедных стран Европы. Чтобы осознать это, потребовалось около 20 лет.

Если предположить, что нынешнего главу государства в 2018 г. снова изберут на шестилетний срок, это будет означать, что четверть века у власти находится один человек – вместе с более или менее устойчивой группой соратников. А стране «грозит» примерно тот же политический и экономический курс. Останутся та же портретная галерея руководящих лиц, тот же набор управляемых (ручных или подручных) политических сил – как бы разных партий. Нас ждут тот же бодрый тон ведущих федеральных телеканалов, твердо знающих о чьей популярности надо заботиться, а кого разоблачать, то же подчиненное положение судов, то же крайне уязвимое положение любого бизнеса. Та же имитация выборов. И так далее. Впрочем, количество запретительных законов может вырасти. Характер подобных политических режимов с возрастом обычно портится – как у людей.

Трудно ожидать выхода из «застоя» при сохранении его базовых установок. Все вместе взятое гарантирует нам дальнейшее отставание – экономическое и технологическое – от развитых стран. Если цены на углеводороды останутся на нынешнем уровне еще год-два, это будет означать дальнейшее обнищание широких слоев населения. Если указанные цены все же подрастут, нам обеспечена стагнация. Да, российская экономика устойчивее советской, поскольку стала фактически рыночной, а значит, по крайней мере отчасти саморегулируемой. И у нас еще есть немалые золото-валютные резервы. Но они все же тают, а инвестиционный климат ухудшается.

Из этого состояния, неестественного и ненормального, рано или поздно придется выходить. И от того, насколько долго продлится нынешний застой, зависит, как трудно будет из него выйти.

Е.А. ЛУКЬЯНОВА

**ОБ ИТОГАХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В РОССИИ:
УЧАСТЬ ПОБЕДИТЕЛЕЙ**

«Знакомство с цифрами, обозначающими количество голосов, поданных за единосроссов в разных регионах России, создает впечатление, что местные власти откровенно гнались за количеством голосов, а не за легитимностью выборов. Между тем чрезвычайное преобладание в парламенте одной партии, замещение сколько-нибудь значимых государственных должностей представителями одной группировки создают серьезную опасность как для самой этой группировки, так и для государства в целом.

Получив в результате последних выборов более 3/4 мест в Государственной Думе, партия «Единая Россия» создала для своего существования в высшей степени неблагоприятные условия. Настолько неблагоприятные, что поставила под серьезную угрозу собственное политическое будущее. В этом смысле результат выборов для нее столь же плачевен, как и для других думских партий.

Но «самое большое поражение потерпело в итоге этих выборов Российское государство»¹. Так оценил состояние нового политического цикла в России историк права профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Владимир Томсинов. И не случайно мои заметки о результатах выборов в Государственную Думу 2016 г. начинаются с цитирования его статьи «Участь победителей».

Надо сказать, что я далеко не со всеми доводами Владимира Алексеевича согласна. Мне, например, не вполне понятно, как проясняют итоги выборов высказывания духовного наставника и воспитателя Александра III К.П. Победоносцева о значении верховной власти в «преуспевании» русского порядка. Честное слово, не нахожу каких бы то ни было ассоциаций.

Мне также не очень понятно, как сочетаются два не вполне совместимых, на мой взгляд, утверждения: с одной стороны, «политическая система современной России – это перевернутая пирамида, где основанием являются не политические партии и Государственная Дума, а институт

¹ См.: Томсинов В. Участь победителей. – Режим доступа: <http://legal.report/author-16/uchast-pobeditelej> (Дата обращения: 28. 09.2016.)

президентской власти», а с другой – «для поддержания здоровья в государственном организме, для предотвращения личностной деградации среди носителей государственной власти, для принятия правильных, выверенных, учитывающих различные точки зрения государственных решений необходимых мощных партии, оппозиционные правящей группировке», которые «могут возникнуть только при условии соблюдения законности в процессе выборов». Впрочем, не в этом дело. В одном профессор прав безусловно – результаты выборов-2016 *создали для существования партии власти крайне неблагоприятные условия, а Российское государство потерпело на них поражение.*

К сожалению, дойдя до этой совершенно верной мысли, профессор свое рассуждение внезапно остановил. А ведь именно анализ всего спектра рисков и есть главная задача экспертов в области права. Поэтому попробую порассуждать на эту тему. Но выводы свои буду подкреплять словами не Победоносцева, а другого выдающегося русского юриста, философа, историка, публициста и общественного деятеля, свидетеля четырех царствований – от Николая I до Николая II – Бориса Николаевича Чичерина. Павел Бернгардович Струве на заседании русского научного института в Белграде произнес в его честь речь, которая называлась «Чичерин и его место в русской образованности и общественности»¹. Несмотря на более чем вековой разрыв во времени, мои сегодняшние послевыборные мысли совпадают с мыслями Чичерина, а практически все риски, перед которыми стоит сегодня наше государство, давно уже сформулированы им в работе «О народном представительстве»².

Итак, каковы же результаты прошедших выборов и чем они опасны для нашей страны?

Часть I. Результаты

1. Выборы прошли в условиях беспрецедентно низкой явки избирателей. Существует мнение, что низкая явка избирателей свидетельствует о покое и стабильности, а своим неприходом на выборы люди выражают молчаливое одобрение всему происходящему. Но это обманка. На самом деле низкая явка избирателей говорит ровно о противоположном.

¹ Впервые опубликовано: Россия и славянство. – Париж, 1929. – № 5. См. также: Струве П.Б. Социальная и экономическая история России с древнейших времен и до нашего в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. – Париж, 1952. – С. 323–331.

² Чичерин Б. О народном представительстве. – М.: Т-во Сытина, 1899. – 836 с. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem4/07.php. Все цитаты Б.Н. Чичерина приводятся по этому изданию.

За исключением нескольких «специальных» регионов, 18 сентября 2016 г. в России к избирательным урнам НЕ пришли от 65 до 75% избирателей. Причем для половины из них отказ от участия в голосовании явился осознанным выбором – осмысленным отказом от реализации своего права на участие в управлении государством, т.е. формой протеста. В группе тех, кто не пришел на выборы, лишь 31% удовлетворены их результатами. Получается, что партия власти получила три четверти мест в парламенте, но при этом страна оказалась расколота практически пополам: на довольных и недовольных. Респонденты, которые не стали голосовать, чаще всего объясняют свое неучастие двумя причинами: они не доверяют никому из нынешних политиков (25%), а также уверены в том, что результаты выборов predeterminedены заранее и от их голоса ничего не зависит (21%)¹.

Итоговый, кажущийся не столь шокирующим процент явки (52%) был достигнут искусственно², в том числе за счет выведения среднего по стране показателя при абсолютно диспропорциональном распределении голосования по регионам и при наличии так называемых «особых зон» административного воздействия на результаты. В итоге «судьбу выборов решила низкая явка в зонах относительной электоральной свободы, и на ее фоне решающий вклад внесла зона «особого электорального режима», или символическая Чечня. В эту зону устойчиво, от выборов к выборам, входят около 20 регионов России, начиная от Чукотки и далее – Тыва, Кемеровская область, Татарстан и Башкортостан (за вычетом продвинутых Казани и Уфы), Мордовия, Калмыкия, Дагестан, Чечня и др. Их суммарный вес в электорате России не превышает 15%. Но, когда Большая Россия, или Россия Больших Городов, ложится в электоральную спячку, роль зоны «особого режима» непропорционально возрастает. Если там показывают явку в 80–90%, при столь же консолидированной поддержке одной партии, то в итоговом балансе ее вес увеличивается вдвое и даже больше»³.

2. В значительной степени выборы были нечестными и несправедливыми. Даже глава ЦИК Элла Памфилова признала, что выборы не были «максимально честными и максимально справедливыми», хотя и посчитала их «более честными и более справедливыми, чем предыдущие»⁴. Прошедшая избирательная кампания и в особенности день голосования в очередной раз продемонстрировали множественные нарушения, привел-

¹ Волков Д. Астенический синдром // Ведомости. – М., 2016. – 4 окт.

² См.: Аваков А., Семенович А. Панфилова отменила выборы на девяти участках: «Мистические совпадения». – Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/2016/09/22/pamfilova-otmenila-vybory-na-9-uchastkakh-misticheskie-sovpadeniya.html>

³ Орешкин Д. Гибридные выборы // Новая газета. – М., 2016. – 21 сент.

⁴ См.: Памфилова объяснила «вбросы» вводом бюллетеней из урн для голосования на дому. – Режим доступа: <https://meduza.io/news/2016/09/29/pamfilova-ob-yasnila-vbrosy-vvodom-byulleteney-iz-urn-dlya-golosovaniya-na-domu>

шие к фальсификации результатов выборов. Вбросы, карусели, завышение явки, массовое голосование по открепительным талонам, кража бюллетеней, незаконное удаление наблюдателей и членов комиссий, принуждение избирателей к голосованию угрозами или за деньги, переписанные протоколы и неравное освещение агитационной кампании кандидатов в подконтрольных власти СМИ сопутствовали этой кампании на всем ее протяжении¹.

Например, на приднестровских участках № 8214 и № 8205 (приписанных к ТИК Ленинского района г. Воронежа), где за «Справедливую Россию», согласно данным первичных протоколов, проголосовали 21 и 22 избирателя соответственно, по завершении голосования в систему ГАС «Выборы» были внесены другие числа, **превышающие оригинальные ровно на 4 тыс. голосов** – по 2 тыс. на каждый УИК². В столице Башкирии Уфе корреспонденты агентства Рейтер насчитали на избирательном участке № 284 за весь день 799 избирателей, проголосовавших, а в протоколе таких явившихся оказалось 1689 человек (т.е. приписка составила 890 голосов)³. В Саратовской области наблюдатели обратили внимание на «мистическое совпадение»: на 62 участках партия «Единая Россия» получила ровно по 62,2% голосов.

Справедливости ради следует отметить определенные сдвиги в фиксации этих нарушений и в попытке наведения порядка. Впервые за полтора десятилетия ЦИК России отменила итоги голосования по девяти избирательным участкам, расположенным в Дагестане, Адыгее, Мордовии, Белгородской, Ростовской, Нижегородской областях и Санкт-Петербурге. В Ростовской области, где на участке № 1958 был зафиксирован вброс бюллетеней, против секретаря комиссии возбуждено уголовное дело⁴. Всего комиссия намеревается «серьезно» проверить около 160 «существенных» жалоб на нарушения в ходе выборов.

В связи с этим вновь возникает вопрос: какое количество фальшивых голосов нужно для того, чтобы жалобы на нарушения были признаны «существенными» (термин ЦИК), а итоги голосования недостоверными. Говорю об этом потому, что в заключениях прокуратуры по результатам

¹ См.: Единый день голосования 18 сентября: Главные нарушения. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2016/09/18/edinyy-den-golosovaniya-18-sentyabrya-glavnye-narusheniya>

² См.: Под давлением ЦИКа глава воронежского облизбиркома Владимир Селянин покинул пост. – Режим доступа: http://www.abireg.ru/n_56555.html

³ Игра без правил на выборах в России: Избиратели-призраки и выброшенные бюллетени // Reuters. Россия и страны СНГ. – 2016. – 20 сент. – Режим доступа: <http://ru.reuters.com/article/topNews/idRUKCN11Q1UP>

⁴ См.: Памфилова отменила выборы на девяти участках: «Мистические совпадения». – Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/2016/09/22/pamfilova-otmenila-vybory-na-9-uchastkakh-misticheskie-sovpadeniya.html>

проверок о соблюдении избирательного законодательства часто встречается фраза: «Выявленные нарушения не оказали существенного влияния на результаты голосования». Но если на одном отдельно взятом участке нарушения и не «влияют существенно», то утверждение об отсутствии влияния этих нарушений на результаты по стране в целом является явным лукавством. В России 96,7 тыс. избирательных участков (в том числе 372 – на территории 145 иностранных государств). То есть если теоретически допустить, что у одной из партий на каждом участке украдено всего по десять голосов, то общий размер кражи составит почти миллион. В то время как за миллионный порог, по официальным итогам на прошедших выборах, перешагнули всего шесть партий из 14. Но и небольшие расхождения на отдельных участках будут иметь значение для расклада голосов в целом.

Показательна история с выборами в США 2000 г., когда подсчет голосов в штате Флорида при почти 6 млн бюллетеней дал преимущество кандидату в президенты Джорджу Бушу всего в чуть больше 1 тыс. голосов. И это стало основанием для их полного пересчета, поскольку при таком огромном количестве возможны всякие случайности. То есть в стране с большим числом избирателей и избирательных участков по теории больших чисел практически любое нарушение может существенно исказить итоговый результат. Поэтому никакое нарушение не может быть признано несущественным или не «оказавшим существенного влияния на результаты голосования».

3. Недостоверность итогов выборов (сомнительная легитимность и ограниченная представительность парламента). Низкая явка в сочетании с большим количеством нарушений привела к тому, что итоги выборов оказались не вполне достоверными. Во-первых, потому, что результат считался от фактического меньшинства избирателей. То есть с точки зрения явки избирателей уровень реальной поддержки правящей партии (помимо «вбросов» и «подгонки» цифр) не соответствует распределению депутатских мандатов. Здесь уместно еще раз повторить фразу профессора Томсинова, с которой начинается эта статья: «Знакомство с цифрами, обозначающими количество голосов, поданных за единососсов в разных регионах России, создает впечатление, что местные власти откровенно гнались за количеством голосов, а не за легитимностью выборов».

Таким образом, в ходе не вполне легитимных выборов был сформирован не вполне легитимный и недостаточно представительный парламент. Такая ситуация стала возможной вследствие многолетней перманентной и бессистемной трансформации избирательного законодательства, ежегодной точечной его подгонки под сиюминутные обстоятельства (ad hoc) без должной профессиональной экспертной оценки.

Часть 2. Риски

Основные результаты прошедших выборов влекут за собой две группы рисков для Российского государства. Условно их можно разделить на «общие риски» и «парламентские риски». Хотя, конечно, они взаимосвязаны, взаимозависимы и в той или иной степени угрожают и государству, и обществу. Просто вторые хоть и проистекают изначально из выборов, но все же опосредованно – через их итог, т.е. сформированный на них парламент.

Общие риски

1. Деформация политической системы как единственно закономерный и неизбежный результат деятельности власти в условиях отсутствия политической конкуренции и исключения из политического поля реальной оппозиции и вольнодумцев. По итогам выборов-2016 Россия переместилась в группу политических режимов, где правящая партия контролирует сверхбольшинство (более 3/4) мест в парламенте. То есть выборами был окончательно легитимирован возврат к однопартийной системе по образцу стран народной демократии социалистического периода (партия власти в союзническом альянсе с партиями-симуклякрами при наличии Народного фронта).

Здесь, мне кажется, не нужно пояснять, почему это опасно для государства. Все аргументы были достаточно подробно изложены почти 30 лет назад в резолюции XIX партийной конференции «О реформе политической системы советского общества»¹. Тогда речь шла о том, что в центре советской политической системы образовался и длительное время функционировал некий супергигант – государство, частично соединенное с тем, что в Конституции Советского Союза называлось «руководящей и направляющей силой общества» – Коммунистической партией, которая в течение длительного времени частично дублировала функции государства. Подчеркиваю: не подменяла, а именно дублировала. Но, поскольку она была организацией в высшей степени авторитетной и сильной, это дублирование во многом превратилось в руководство (сосредоточение хозяйственно-управленческих функций в руках партийно-политического руководства)².

Круг замкнулся. Вместо диалектической спирали мы вернулись к ситуации 1988 г., только в худшем варианте. Разрушив одного политического гиганта, мы создали нового, но только менее профессионального и с

¹ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. – М., 1988. – С. 35, 117.

² Там же. – С. 38.

более серьезными авторитарными претензиями¹. Сегодняшняя ситуация значительно опасней: поскольку монополизация власти партийно-государственным аппаратом прикрыта фальшивой многопартийностью и некоторыми другими демократическими атрибутами, которые на самом деле либо являются симулякрами, либо жестко ограничены в своей активности. Любые ссылки на формальное наличие значительного числа зарегистрированных партий, оппозиционных СМИ, и свободы выражения мнения опровергаются результатами выборов, тиражами и аудиторией оппозиционных медиаресурсов и фактами уголовного преследования за инакомыслие пользователей соцсетей.

Теорией и практикой (в том числе нашей собственной) неопровержимо доказано, что монополия на власть приводит к деформации и деградации политической системы. Общество и государство в таких условиях перестают развиваться и модернизироваться. А это в первую очередь является риском для государства. Аналогичные доказательства существуют и в отношении политической конкуренции – ее отсутствие не только разрушительно для политической системы общества, но также абсолютно губительно для рыночной экономики, поскольку политическая и экономическая конкуренция взаимосвязанные и взаимозависимые явления.

2. Падение авторитета государства и самоустранение граждан от участия в принятии государственно-властных решений. Выборы обнажили недовольство политической ситуацией половины населения страны и зафиксировали недоверие граждан к государству.

Результаты выборов были запрограммированы присоединением к России Крыма весной 2014 г. Поддерживаемая СМИ всеобщая эйфория от возрождающегося величия Державы подняла тогда престиж всех государственных институтов, в том числе и партии власти. Рейтинг «Единой России», просевший к 2013 г. до 25% в целом (при этом намного ниже 20% в крупных городах и в некоторых других регионах) вырос сначала до 40%, достиг максимума 50% к середине 2015 г. и снова начал снижаться, пробив на части территорий отметку в 30%. Чтобы минимизировать падение рейтинга, которое могло только усилиться в конкурентной борьбе с реальными претендентами на депутатские мандаты, было принято решение «сушить выборы» (это такой политтехнологический термин, означающий минимальное информирование населения об избирательной кампании). Именно поэтому выборы многим показались скучными. Но эта тактика оказалась мнимой.

Сомнительная легитимность всей избирательной кампании и ее результатов сыграла роковую роль: через неделю после выборов доверие к

¹ См. подробнее: Лукьянова Е.А. Круг замкнулся // Вестник Моск. ун-та. – М., 2010. – Сер. 11. Право. – № 1. – С. 130–138.

Госдуме рухнуло до 22%. Рейтинг Совета Федерации просел практически вдвое (с 40 до 24%). Одновременно снизился уровень доверия граждан к прокуратуре (с 37 до 24%), полиции (с 29 до 24%) и к суду (с 29 до 22%). Даже рейтинг президента, которому россияне доверяют больше других, упал с 80 до 74%¹.

А ведь это очень тревожный признак. Любое государство тем устойчивее, чем выше его поддержка населением. Своим высокомерно-презрительным отношением к важнейшему конституционному политическому праву граждан – праву избирать и быть избранными – государство само оттолкнуло от себя избирателей, кратно ослабив свои позиции в обществе. Вот что писал об этом Борис Николаевич Чичерин: *«Сильной может считаться только та власть, которая находит опору в обществе; это верно для всех образов правления. Поддержку власти могут дать только живые общественные силы, а для этого они должны стоять на своих ногах и пользоваться подобающей им самостоятельностью; призвание общественных сил к участию в государственной деятельности служит только к укреплению власти. Польза, приносимая государству народным представительством, не ограничивается свободным проявлением общественной мысли. Гораздо важнее то, что мысль здесь прямо переходит в дело, что общественное мнение становится выражением воли народной, участия граждан в общих делах государства».*

3. Снижение гражданского повиновения, изменение правосознания населения и ослабление правопорядка. Снижение доверия к государству неизбежно влечет за собой изменение уровня гражданского повиновения и ослабление правопорядка. Происходит деформация правосознания населения – акценты смещаются от исполнения обязательных предписаний в сторону защиты от государства. Недоверие к государству автоматически переносится на его решения, в справедливости и обоснованности которых у граждан возникают сомнения, и они начинают любыми способами уклоняться от их выполнения. Такая ситуация влечет за собой порочный круг ответных действий государства – увеличение аппарата принуждения и контроля за исполнением решений, что еще больше подрывает доверие к нему граждан. И, наоборот, государство, обладающее доверием и поддержкой субъектов правоотношений, всегда в гораздо большей степени уверено в том, что его решения будут исполняться добровольно. Больше того, граждане в таких случаях разделяют с государством ответственность за поддержание правопорядка, снимая с него часть этого бремени.

Особую зону риска представляет собой уровень доверия населения к парламенту, поскольку именно парламент наделен правом принятия актов высшей юридической силы – законов. Снижение доверия к парламенту

¹ См.: Мухаметшина Е. А поутру они проснулись // Ведомости. – М., 2016. – 13 окт.

неизбежно снижает авторитет закона. Государству, в котором авторитет закона низок, функционировать всегда труднее, нежели когда этот авторитет высок. Но каких еще общественных последствий можно ждать, если «избран» парламент, который большинство населения не избирало, а избиравшие не вполне уверены в достоверности результатов предъявленного обществу выбора?

Борис Николаевич Чичерин был абсолютно прав: *«Представительные учреждения находятся в самой тесной связи с общественным мнением. От него они заимствуют и силу, и жизнь; оно определяет их состав и направление. Представительное устройство может держаться только там, где общественное мнение дает ему постоянную опору, где общество всегда готово стоять за свои права».*

4. Федеративные риски. При всех попытках и намерениях федеральной власти исправить сложившуюся за три последних избирательных цикла ситуацию с выборами, приведшую к отрешению граждан от государства, сделать этого не удалось. Результаты выборов отчетливо показали: в случаях, когда желания Москвы не во всем совпадают с интересами регионов, они откровенно игнорируют позицию центра, в том числе и в вопросе соблюдения федерального законодательства.

Наверное, разом преодолеть укоренившуюся порочную практику административно-ресурсной избирательной технологии, доведенную в отдельных регионах до совершенства (уже упоминавшиеся зоны особого электорального режима), невозможно. Есть, конечно, и некоторые положительные сдвиги, наметившиеся благодаря активной позиции ЦИК. Но они, увы, мизерны по сравнению с объемом нарушений и с упорным противодействием местных администраций, старающихся любым способом сохранить монопольное право командовать избирательным процессом на своей территории. То есть выборы отчетливо выявили еще одну серьезную проблему современного Российского государства: внешне выглядящая стройной и жесткой вертикаль власти на самом деле таковой вовсе не является. А это, в свою очередь, несет значительные риски для целостности и управляемости страны.

Парламентские риски

1. Эффект карманного парламента. Избранная в 2016 г. Государственная Дума, 3/4 мест в которой занимают депутаты одной политической партии, а ее цели и задачи совпадают с целями и задачами президента и правительства, не может претендовать на роль полноценного парламента. Я бы назвала ее парламентом с ограниченной дееспособностью. И вот почему.

Во-первых, настоящий представительный орган является зеркалом общества. Ненадлежаще сформированный парламент – это кривое зеркало. Парламент, не способный в силу особенностей его формирования учитывать интересы различных социальных слоев, реагировать на многообразные запросы общественного мнения, утрачивает представительный характер, а его деятельность теряет смысл. Если общество не в состоянии влиять на деятельность парламента, он перестает выполнять свою функцию. Поддержка парламента населением обусловлена тем, как он реализует общественный запрос. Не вполне представительный парламент не в состоянии такой запрос полноценно осмыслить и сформулировать.

Во-вторых, в этом парламенте крайне маловероятна какая-либо дискуссия. Заявление нового руководства Думы о намерении ее вести и всячески поддерживать не опирается на реальное соотношение сил, обусловленное особенностью распределения мандатов. Парламентской фракции большинством в 3/4 для принятия решений не нужны никакие другие фракции; она легко может заблокировать любые инициативы и возражения. Однако власть, формулирующая цели и задачи государства в своем узком кругу, сильно рискует. Даже если эти цели и задачи и кажутся ей благими, они могут быть ложными и невостребованными. В условиях функционирования карманного парламента риск расхождения целей власти с интересами общества очень высок. А это, в свою очередь, с большой степенью вероятности предполагает уязвимость и неисполнимость ее решений.

Задача создания «карманных» представительных органов для решения сиюминутных политических задач или удовлетворения властных амбиций является ложной. Власти не только не опасны, а, наоборот, полезны и необходимы настоящие, а не декоративные представительные органы. Борис Чичерин предупредил об опасности карманных парламентав более века назад: *«Тесная духовная связь представителя с избирателями необходима для того, чтобы представительное собрание являлось верным выражением страны. Различные направления общественного мнения, разнообразные интересы народа должны проявляться в нем приблизительно в том же отношении, в каком они существуют в обществе.*

Сильная и твердая власть необходима, но она должна быть направлена на те цели, которые указываются общественным благом, должна руководиться просвещенным пониманием истинных потребностей народа; если она действует им наперекор, то возбуждает всеобщее неудовольствие, которое, накапливаясь, может наконец проявиться в опасных взрывах. В такую колею нередко попадают именно те правители, которые всего более дорожат началом власти; преувеличивая его значение, отвергая все остальное, они тем самым подрывают его основы. Избыток всякого одностороннего начала ведет к его отрицанию и тем са-

мым к его падению. При таком направлении исчезает то, что составляет главную внутреннюю силу власти – нравственный ее авторитет».

2. Какократический отбор как причина снижения эффективности парламентской деятельности. «Какократия», или «власть худших», – диагностируемый еще Аристотелем политический симптом. Это такой режим отправления власти, который основан на негативном отборе членов элитных групп и противодействует попаданию в точки принятия решений людей, способных выбрать из всех решений лучшее¹. Такая власть пропускает кандидатов через особое сито и отсеивает их не по профессиональным качествам, популярности или по уровню доверия граждан, а по другим критериям – например, по степени лояльности ей, власти. Отрицательный кадровый отбор плох в любых областях.

Вряд ли стоит пояснить, почему квалифицированный работник лучше неквалифицированного. Избирательная система должна быть организована таким образом, чтобы граждане имели возможность выбрать наиболее способных и независимых людей, признающих приоритет общественного над личным и несущих ответственность не перед вышестоящим начальником, а перед избирателями. Иное состояние избирательной системы приводит в парламент людей, которые не в состоянии удовлетворить потребности общества в эффективном правовом регулировании.

К сожалению, российские выборы демонстрируют явные признаки многолетнего какократического отбора депутатов. И это ни в коей мере не способствует повышению эффективности парламентской деятельности. Чичерин писал: *«Гражданин, имеющий долю власти, должен действовать не для личных выгод, а во имя общего блага; он должен носить в себе сознание не только своих частных целей, но и общих начал, господствующих в общественной жизни. А для этого требуется высшая способность. Невозможно дать участие в управлении человеку, не понимающему государственных интересов. Поэтому неспособные должны быть устранены от участия в политических правах. Это признается во всех государствах в мире, даже самых демократических, где свобода лежит в основании всего государственного устройства».*

3. Снижение качества законов и других парламентских решений. Как уже говорилось, не вполне представительный парламент не может полноценно осмыслить и сформулировать в своих решениях общественный запрос. Парламент, не сформированный по принципу отбора лучших, в еще меньшей степени способен на это. Парламент, в котором в силу отсутствия политической конкуренции нет дискуссии, склонен принимать непродуманные и непроработанные решения. Наличие в парламен-

¹ См.: Минаков М. Философия свободы: Власть худших на постсоветском пространстве // Ведомости. – М., 2014. – 24 янв.

те всех трех факторов – огромный риск для тотального снижения качества законов.

Понятно, что парламент, одна из фракций которого численно прева-лирует над другими, будет стремиться к сокращению парламентских про-цедур и к упрощению законодательного процесса, хотя именно законода-тельные процедуры суть выработанные человечеством дополнительные фильтры, гарантирующие законодателей от ошибок, дефектов и коллизий. Даже скорость прохождения законопроекта влияет на его качество: чем дольше законодательная процедура, чем активней его общественное об-суждение, чем больше откликов и замечаний он получает от будущих субъектов правоотношений, тем выше качество итогового документа, вы-ходящего из парламентских стен.

Напротив, принятый наспех, не прошедший общественной экспер-тизы и не обсужденный должным образом в парламенте законопроект, как правило, содержит пробелы и дефекты. Его, скорее всего, придется пра-вить и править или восполнять недостатки в подзаконных актах, принимая множество дополнительных разъяснений и инструкций, не говоря уже о том, что придется долго и трудно корректировать ситуацию, исправляя ошибки в ходе правоприменительной практики. В итоге – неразбериха в законодательстве, снижение исполнительской дисциплины, перегружен-ность и разрастание ведомств и органов контроля. Дорого, неудобно, трудноисполнимо и, главное, крайне неэффективно.

4. Последовательное снижение качества управленческих реше-ний и эффективности государственного управления. *«Одной прави-тельственной деятельности недостаточно для удовлетворения государ-ственных нужд. Высшее развитие требует большого напряжения сил, а это возможно только при самостоятельности народа. Правительство, имеющее в руках одни административные средства, не в состоянии тягаться с тем, которое призывает на помощь всю энергию, лежа-щую в недрах общества. Рассеянные и раздробленные суждения соеди-няются здесь в нечто общее и единое, становятся двигателями государ-ственной жизни. Только согласным действием правительственных и общественных сил государство может достигнуть высшего разви-тия»*, – так звучит чичеринское послание из прошлого современным по-литикам. Оно вновь и вновь находит подтверждение в государственно-властных реалиях России.

Действительно, закономерным результатом ухудшения качества за-конов, принятых не вполне представительным парламентом, явится сни-жение качества управленческих решений. «Низкая эффективность систе-мы государственного управления – это один из ключевых факторов, который сдерживает развитие страны. Принимаемые законы не работают в должной мере», – сказал 30 сентября 2016 г. председатель правительства

России Дмитрий Медведев на форуме в Сочи¹. С избранием новой Думы риск дальнейшего ухудшения ситуации возрастает.

Исполнительная власть неспособна в одиночку создать условия для нормального функционирования государства. Кабинетное правотворчество исключает возможность учета деталей и особенностей правоприменения. Поэтому ограниченно дееспособный парламент, принимающий некачественные законы, многократно ослабляет эффективность деятельности правительства и усиливает риски принятия ошибочных решений.

Говорят, что классиков надо не только почитать, но иногда и почитать. Скольких ошибок удалось бы избежать политическим деятелям, если бы они применяли эту истину на деле!

¹ Выступление Дмитрия Медведева на пленарном заседании XV Международного инвестиционного форума «Сочи-2016». 30 сентября 2016 года. – Режим доступа: m.government.ru. > news/24729/

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ

РУССКИЕ ЗЕМЛИ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ УЛУСА ДЖУЧИ¹

Принято считать, что после ордынского нашествия 1237–1240 гг. политическая жизнь русских земель замирает на многие десятилетия. Основанием для этого служит мнение, будто Русь все последующее время сохраняла автономию от Великой Монгольской империи, и в частности от улуса Джучи. Однако обращение к источникам не дает достаточных оснований утверждать, что русские земли не входили в состав западного крыла империи. Поэтому все изменения, которые проводились правителями Каракорума, а затем Сарая и затрагивали улус Джучи, должны были так или иначе отражаться на политическом строе, социальной структуре и экономике Руси.

Русские князья и ханские ярлыки

Еще в 1243 г. Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского, стал первым русским князем, получившим от Батые ярылык на великое княжение² и таким образом признавшим ордынского хана своим сюзереном и источником власти. Лаврентьевская летопись сообщает об этом событии лапидарно: «В лѣто 6751. Великий князь Ярославъ поѣха в Татары к Батыеву, а сына своего Костянтина посла къ Канови. Батыи же почти Ярослава великого чествоу и мужи его, и отпусти, и рекъ ему: “Ярославе, буди ты старѣи сѣм князем в Русскомъ языцѣ”. Ярослав же възвратися в свою землю с великою чествоу» (11, стб. 470). По своему значению для дальнейшей истории Руси это событие имело едва ли не большее значение, чем само монгольское нашествие. Впервые князю было *пожаловано* право представлять интересы Орды в русских землях. Тем самым он был включен в ордынскую систему жесткого вертикального подчинения, а ми-

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

² Ярлыки представляли собой указы, право издания которых принадлежало исключительно законно избранным монархам.

нистериальные тенденции в развитии русской государственности (и до того укоренившиеся в северо-восточных землях) приобрели прекрасную питательную среду. Сам факт получения русскими князьями ярлыков на княжение означал собой изменение системы управления русскими землями: все князья теперь подчинялись великому князю Владимирскому, он — непосредственно правителю улуса Джучи, а тот, в свою очередь, — великому каану.

Вскоре, однако, Ярослав Всеволодович был вызван в столицу Монгольской империи, далекий Каракорум. Визит этот закончился для него трагически. В столице, по словам папского нунция ПIANO Карпини, ему не оказали «никакого должного почета» (впрочем, как и присутствовавшим в ставке другим правителям — подданным каана: сельджукскому султану Килидж-Арслану IV, царю Грузии Давиду V и брату царя Малой Армении Хетуму I Самбату). После одного из обедов, дававшихся матерью Гююка, великой ханшей Туракиной, русский князь заболел и 30 сентября скончался: «В то же время умер Ярослав, бывший великим князем в некоей части Руссии, которая называется Суздаль. Он только что был приглашен к матери императора, которая как бы в знак почета дала ему есть и пить из собственной руки; и он вернулся в свое помещение, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней, и все тело его удивительным образом посинело. Поэтому все верили, что его там опоици, чтобы свободнее и окончательно завладеть его землею. И доказательством этому служит то, что мать императора без ведома бывших там его людей поспешно отправила гонца в Руссию к его сыну Александру, чтобы тот явился к ней, так как она хочет подарить ему землю отца. Тот не пожелал поехать, а остался, и тем временем она посылала грамоты, чтобы он явился для получения земли своего отца. Однако все верили, что, если он явится, она умертвит его или даже подвергнет вечному плену» (8, с. 79).

Как бы то ни было, в 1247 г. старшие сыновья Ярослава — Александр и Андрей — отправились в сердце монгольских степей. К моменту их прибытия в ставку монгольских каанов произошли перемены. Гююк умер, и власть перешла к его вдове Огуль-Гамиш (1248–1252). По ее решению, ярлык на великое княжение получил Андрей, а Александр, у которого — как и у отца — были налажены отношения с Батьем и Сартаком, принял в управление Киев, где, по свидетельству того же ПIANO Карпини, после нашествия осталось не более двухсот домов¹. В 1249 г. братья вернулись на Русь. Александр миновал разоренный Киев и сразу поехал в Новгород: «В лѣто 6757... Приѣха Олександръ и Андрѣи от Кановичъ. И приказаша Олександрови Кыевъ и всю Русьскую землю, а Андрѣи съде в Володимери

¹ «Этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они [монголы] в самом тяжелом рабстве» (8, с. 51).

на столь» (11, стб. 472). Это сообщение Лаврентьевской летописи как бы продолжает Новгородская первая: «В лѣто 6758. Приѣха князь Олександръ изъ Орды, и бысть радость велика в Новѣгородѣ» (14, с. 80).

Однако в 1252 г. Огуль-Гамиш свергли, и великим кааном стал Мунке, посаженный на престол Батыем, бывшим его фактическим соправителем: «Поскольку Бату отказался от трона, Мункэ был провозглашен великим ханом 1 июля 1251 г. Видимо, существовало секретное соглашение между Мункэ и Бату, в котором Бату была обещана полная автономия его улуса. На этой базе два двоюродных брата пришли к полному взаимопониманию» (2, с. 74). Сразу вслед за этим ярлык на великое княжение был передан Александру Ярославичу: «В лѣто 6760. Иде Олександръ князь Новгородскыи Ярославич в Татары. И отпустиша и с честью великою, давшѣ ему старѣишинство во всеи братьи его» (11, стб. 473).

Понять логику этих событий невозможно, если не учитывать правовые нормы Великой Монгольской империи. Улус, выделенный Чингисом своему старшему сыну в 1222/1224 г., был не самостоятельным государством, а лишь уделом Джучи в составе империи. Правители этого улуса – как и всех прочих – назначались непосредственно великим кааном. «Соответственно, – констатирует Р.Ю. Почекаев, – они не имели права издавать ярлыки и ограничивались изданием подзаконных актов, которые выдавались ордынским чиновниками и правителям вассальных государств. Эти акты носили наименование “ѣгэ” (грамота), а не “зарлиг” (ярлык)... Ярлык являлся необъемлемым атрибутом ханской власти – власти суверенного государя и не издавался подчиненными ему улусными правителями» (16, с. 63; ср.: 19, с. 122). Только после того, как на императорский престол возшел Мунке, а Батый стал его официальным соправителем, он, будучи правителем улуса Джучи, «получил право выдавать ярлыки (а не просто “грамоты”) вассальным государям, духовенству и торговцам» (16, с. 63).

Не исключено, что выдача ярлыка (если это действительно был ярлык, а не «грамота») Ярославу Всеволодовичу – первая попытка Батыею нарушить сложившийся порядок управления империей. Попытка оказалась неудачной и закончилась трагически – правда, не для Батыею, а для его ставленника. Ярлыки, которые начинает издавать правитель улуса Джучи, были вполне «полновесными» – это административные акты и пожалования, которые, как и указы каанов, соответствовали основным законам Монгольской империи: Великой Ясе Чингиса и ясам его преемников. Правда, этот порядок был временным: статус Батыею как соправителя великого каана был уникален, и после его смерти в 1256 г. «золотоордынские правители, не обладавшие ханским титулом, перестали издавать ярлыки». «Это, – заключает Р.Ю. Почекаев, – служит еще одним подтверждением того, что ярлыки издавались только верховным и независимым правителем государства» (16, с. 63).

Знали ли об этих юридических тонкостях правовой системы монголов русские князья, неизвестно. Зато сохранились сведения, что на Руси решение Батыева вызвало протест. Братья Александра – бывший великий князь Андрей Владимиро-Суздальский и князь Ярослав Тверской и Переяславский – заключили союз с галицким князем Даниилом Романовичем. Они договорились о совместных действиях против золотоордынского хана и отказались признать власть Александра: «В то же лѣто. Здума Андрѣи князь Ярославич с своими бояры бѣгати, нежели цесаремъ служити, и побѣже на невѣдому землю со княгынею своею и с бояры своими» (11, стб. 473). В ответ на это Батый отправил с новым великим князем монгольский отряд под командованием воеводы Неврюя. По количеству пролитой крови и жестокости Неврюева рать едва ли уступала Батыеву нашествию: «И погнаша Татарове в слѣд его [Андрея Ярославича], и постигоша и у города Переяславля. Богъ же сохрани и молитва его отца. Татарове же россунушася по земли и княгыню Ярославлю яша, и дѣти изымаша, и воеводу Жидослава ту убиша, и княгыню убиша, и дѣти Ярославли в полонь послаша, и людии бе-щисла поведоша до конь и скота, и, много зла створивше, отидоша» (11, стб. 473)¹.

Как бы то ни было, есть все основания считать, что с получением ярлыков на княжение русские князья становились частью административного аппарата Орды, наместниками хана (или великого каана) на местах. При этом существовавшая до монголов иерархия княжений была сохранена и использовалась новыми верховными правителями для наведения порядка на завоеванных территориях.

Ордынский выход и новгородское восстание 1257 г.

Вскоре последовала реформа, упорядочившая сбор дани («ордынского выхода») в русских землях. В Суздаль, Рязань и Муром направились «численники», которые должны были провести поголовную перепись населения: «В лѣто 6765 [1257]... Тое же зимы приехаша численици исщетоша всю землю Сужальскую и Рязаньскую, и Мюромьскую и ставиша десятники и сотники, и тысящники, и темники, и идоша в Ворду. Толико не чтоша игуменовъ, черньцовъ, поповъ, крилошанъ, кто зреть на святую Богородицю и на владыку» (11, стб. 474–475).

Отряд «численников» был направлен и в Новгород Великий, который во время Батыева нашествия захвачен не был. Весть об этом вызвала в Новгороде взрыв возмущения. Целый год в городе продолжались волне-

¹ О том, какое впечатление произвел этот набег на современников, может свидетельствовать запись на пасхальных таблицах XIV в.: сообщение о Неврюевой рати – единственное между записями о «отатарском» нашествии (под 6745 г.) и о кончине Александра (под 6771 г.) (14, с. 578).

ния: «В лѣто 6765 [1257]. Приде вѣсть изъ Руси зла, яко хотять Татарове тамгы и десятины на Новѣгородѣ; и смятошася люди чересь все лѣто». К восставшим примкнул даже нелюбимый новгородцами князь Василий Александрович (сын Александра Невского). В самый разгар волнений в город прибыли «татарские послы», а с ними и сам князь Александр Ярославич: «Тои же зимы приѣхаша послы татарьскыи съ Олександромъ, а Василии побѣже въ Пльсковъ; и почаша просити послы десятины, тамгы, и не яшася новгородьци по то, даша дары цесареви, и отпустиша я с миром». Правда, ордынские спутники великого князя вскоре срочно покинули Новгород. Князю же пришлось «подготовить» подчинение города Орде, расправившись с непокорными: «князь Олександръ выгна сына своего изъ Пльскова и посла в Низъ, а Александра¹ и дружину его казни: овому носа урѣзаша, а иному очи выимаша, кто Василья на зло повель; всякъ бо злыи злѣ да погыбнуть» (14, с. 82)².

Вскоре «порядок» был наведен: «В лѣто 6767 [1259]... Тои же зимы приѣха Михаило Пинещиничъ из Низу со лживымъ посольствомъ, река тако: “аже не иметеса по число, то уже полкы на Низовьской земли”; и яшася новгородци по число. Тои же зимы приѣхаша оканьнии Татарове сыроядци Беркаи и Касачикъ с женами своими и инѣхъ много; и бысть мятежъ великъ в Новѣгородѣ, и по волости много зла учиниша, беруче туску³ оканьнымъ Татаромъ. И нача оканьнии бояться смерти, рече Олександрю: “даи намъ сторожи, ать не избыють нас”. И повелѣ князь стеречи их сыну посадничю и всѣмъ дѣтемъ боярьскимъ по ночемъ. И рѣша Татарове: “даите намъ число, или бѣжимъ проче”; и чернь не хотѣша дати числа, но рѣша: “умремъ, честно за святую Софью и за дома ангельская”. Тогда издвоишася люди: кто добрыхъ, тотъ по святой Софьи и по правои вѣрѣ; и створиша супорь, вятшии велятся яти меншимъ по числу. И хотѣ оканьнии побѣжати, гонимъ Святымъ Духомъ; и умыслиша свѣтъ золь, како ударити на городъ на ону сторону, а друзии озеромъ на сю сторону; и възбрани имъ видимо сила Христова, и не смѣша. И убоявшеся, почаша ся возити на одну сторону къ святой Софьи, рекуще: “положимъ главы своя у святой Софьи”. И бысть завтра, съѣха князь с Городища, и оканьнии Татарове с нимъ; и злыхъ свѣтомъ яшася по число: творяху бо бояре собѣ легко, а меншимъ зло. И почаша ѣздити оканьнии по улицамъ, пишуче дома християньская: зане навель Богъ за грѣхы наша ис пустыня звѣри дивияя ясти силныхъ плѣти и пити кровь боярьскую; и отѣхаша оканьнии, взявше число, а князь Олександръ поѣха послѣ, посадивъ сына своего Дмитрия на столѣ. Того же лѣта, на канунъ Бориша дни, бысть

¹ Предводитель восставших новгородцев.

² Ср.: «Если же вы будете делать зло, то и вы и царь ваш погибнете» (1 Цар 12 25).

³ Особый вид дани (24, стб. 1039). Возможно, от *тюркск.* «тузгу» – провиант и подарки для прибывающих владетелей или послов.

мразь великъ по волости; но Господь не хотя мѣста сего святой Софьи оставити пуста, отврати ярость Свою от нас и призрѣ окомя милосердия Своего, кажа нас на покаяние; но мы грѣшнии акы пси обращаемся на своя бльвотины¹, не помышляюще казни Божия, яже на ны приходить за грѣхы наша» (14, с. 82–83).

Судя по тому, что «численники» («не чтоша игуменовъ, черньцовъ, поповъ, крилошанъ»), перепись проводилась в точном соответствии с установлениями великого каана Мунке (Менгу-каана). Суть реформы налогообложения, которую тот начал проводить, как пишет Рашид ад-Дин, состояла в следующем: «Поскольку насилие и вымогательство все увеличивались, и земледельцы, особенно [страдавшие] от множества причитавшихся сборов, повинностей и поборов, дошли до того, что урожая хлебов у них не хватало на удовлетворение половины причитавшихся сборов, – [Менгу-каан] приказал, чтобы простые люди из [числа] купцов, владельцев промыслов и ремесленников своим подручным оказывали снисхождение и уделяли [им] из своих благ и чтобы всякий безотлагательно уплачивал причитающийся с него с суммы сделки [денежный сбор] пропорционально количеству и достатку и исключая лиц, освобожденных от стеснительных обязанностей и повинностей согласно ярлыку Чингиз-хана и каана [Угедея]: из мусульман – великих шейхов, знаменитых сейидов и благочестивых имамов, из христиан – епископов, священников, монахов и причт, из идолопоклонников – известных [туинов²], а из всех сословий – людей очень преклонного возраста и неспособных к труду и занятиям. Так как каждый работающий не может уделять ежедневно долю [своего заработка], [Менгу-каан] установил ежегодный налог: в китайских областях богатый должен давать [в казну] десять динаров, а бедный пропорционально – один динар; в Мавераннахре – такое же [количество], в Хорасане богатый – семь динаров, бедный – один динар. [Он приказал], чтобы сборщики податей и писцы не были пристрастны и лицеприятны, не брали бы взятку; налог с пастбища, который называют копчур, с каждого рода скота всякий, у кого будет сто голов, должен дать одну голову, а с [количества] меньше ста голов ничего не должен давать. А недоимки, где бы и за кем бы они ни оставались, с населения не брать» (19, с. 141–142).

Другими словами, система налогообложения, введенная кааном, представляется довольно мягкой – во всяком случае, несравненно более мягкой, чем принято думать. Мало того, она предусматривала снижение налогового бремени на покоренных территориях (хотя, конечно, нельзя исключать злоупотреблений на местах самих сборщиков дани, к чему,

¹ Ср.: «Лучше бы им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться назад от преданной им святой заповеди. Но с ними случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину, и: вымытая свинья идет валяться в грязи» (2 Петр 2 21–22).

² Буддийских монахов.

впрочем, жителям древнерусских городов было не привыкать). Тем не менее реформа вызвала народные волнения. Возможно, дело заключалось не только (а может быть, и не столько) в обременительности нового налога (напротив, он, согласно постановлению великого каана, должен был стать меньше для неимущих и убогих), сколько в каких-то иных его сторонах, которые мы можем не заметить с первого взгляда.

Если «событийная» сторона приведенных фрагментов летописного текста (их, так сказать, сюжетная линия) достаточно ясна, то характеристики описываемых событий явно нуждаются в дополнительном комментарии, позволяющем понять, что именно могло вызвать взрыв народного возмущения.

Прежде всего, возникает вопрос: из-за чего, собственно, началось восстание? Что заставляло «меньших» новгородских столь яростно сопротивляться переписи, которая должна была облегчить их положение (хотя и такой – уменьшенный – налог был новым для новгородцев, не попавших во время нашествия под власть ордынцев)? С «прагматической» точки зрения все как будто ясно: они не хотели платить ордынский «выход», предпочитая откупаться разовыми «дарами». Но, с другой стороны, сопротивление тому, чтобы «дати число», каким-то образом неразрывно связано с «правой верой», с защитой «святой Софьи и дома ангельския». Судя по всему, сам факт *исчисления* жителей представляется древнерусскому книжнику большим грехом. И дело здесь, видимо, вот в чем.

Исследователи уже не раз обращали внимание на то, что в Житии Александр трижды отождествляется с библейским пророком. Не вполне ясным остается, однако, что давала читателю идентификация князя и библейского пророка? Между тем именно с именем Давида связан библейский рассказ о переписи (*исчислении*) Израиля и Иудеи: «Гнев Господень опять возгорелся на Израильтян, и возбудил он в них Давида сказать: поиди, исчисли Израиля и Иуду. И сказал царь Иоаву военачальнику, который был при нем: пройди по всем коленам Израилевым [и Иудиным] от Дана до Вирсавии, и исчислите народ, чтобы мне знать число народа. И сказал Иоав царю: Господь Бог твой да умножит столько народа, сколько есть, и еще во сто раз столько, а очи господина моего царя да увидят это; но для чего господин мой царь желает этого дела? Но слово царя Иоаву и военачальникам превозмогло; и пошел Иоав с военачальниками от царя считать народ Израильский. И... обошли всю землю и пришли чрез девять месяцев и двадцать дней в Иерусалим. И подал Иоав список народной переписи царю...» (2 Цар 24 1–9).

Здесь дается оценка этого деяния: составление переписи, *исчисление* людей в своей стране (отсюда, кстати, и «численники», упоминаемые в летописи) – дело богопротивное, а последствия его ужасны. Сам Давид, получив «список народной переписи», осознает, что «неугодно было в

очах Божиих дело сие»: «И вздрогнуло сердце Давидово после того, как он сосчитал народ. И сказал Давид Господу: тяжко согрешил я, поступив так; и ныне молно Тебя, Господи, прости грех раба Твоего, ибо крайне неразумно поступил я» (2 Цар 24 10). Ответ Господа был чрезвычайно суров: «Было слово Господа к Гаду пророку, прозорливцу Давида: пойд и скажи Давиду: так говорит Господь: три наказания предлагаю Я тебе; выбери себе одно из них, которое совершилось бы над тобою. И пришел Гад к Давиду, и возвестил ему, и сказал ему: избирай себе, быть ли голоду в стране твоей семь лет, или чтобы ты три месяца бегал от неприятелей твоих, и они преследовали тебя, или чтобы в продолжение трех дней была моровая язва в стране твоей? Теперь рассуди и реши, что мне отвечать Пославшему меня» (2 Цар 24 11–13; ср.: 1 Пар 21 1–12).

Вот теперь самое время задаться вопросом: которую из двух бед – гнев ордынского хана или гнев Бога – Александр счел меньшей? Ответ известен. Так, может быть, именно страх перед последствиями «исчисления» – основная причина восстания в Новгороде и Пскове (по крайней мере в глазах летописца)? Ничего невероятного в таком предположении нет. На это указывает и фразеология рассказа о восстании, а также упоминание о «мразе великом», последовавшем за «числом», которое «вземше оканьнии», что чуть было не привело к катастрофическим последствиям. В частности, обращает на себя внимание связь начала переписи с новым воспоминанием о «казни Божии».

Кроме того, слова, выделенные нами ниже в тексте курсивом, находят достаточно надежную библейскую параллель. Речь идет об упоминаемом в пророчестве Иезекииля (Иез 39 11–16) городе Гамоне (буквально: «полчище» или «падение многопогребательное»). Там происходит борьба язычества и «царств земных» с Царством Божиим, завершающаяся, как указывается в Откровении Иоанна Богослова¹, уничтожением народов Гог и Магог: «И так очистят они землю. Ты же, сын человеческий, так говорит Господь Бог, скажи всякого рода птицам и всем зверям полевым: собируйтесь и идите, со всех сторон сходитесь к жертве Моей, которую Я заколю для вас, к великой жертве на горах Израилевых; и будете есть мясо и пить кровь. *Мясо мужей сильных будете есть, и будете пить кровь князей земли, баранов, ягнят, козлов и тельцов, всех откормленных на Васане; и будете есть жир до сытости и пить кровь до опьянения от жертвы Моей, которую Я заколю для вас. И насытитесь за столом Моим конями и всадниками, мужами сильными и всякими людьми военными, говорит Господь Бог. И явлю славу Мою между народами, и все народы увидят суд*

¹ «Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их как песок морской. И вышли на широту земли, и окружили стан святых и город возлюбленный. И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их» (Ио 20 7–9).

Мой, который Я произведу, и руку Мою, которую Я наложу на них. И будет знать дом Израилев, что Я Господь Бог их, от сего дня и далее» (Иез 39 16–22).

Ордынская перепись, очевидно, воспринимается новгородским летописцем как наказание Божие. Последствия же ее должны были быть еще страшнее. Однако перепись прошла, «мразь великъ», грозивший в соответствии с Писанием, погубить Новгородскую волость, отступил. Теперь предстояло жить по новым правилам.

Порядок сбора «выхода»: от ханских баскаков до русских князей

Традиционно считается, что сбором ордынского «выхода» занимались баскаки. Однако сам этот институт просуществовал, видимо, недолго – до начала XIV в., да и действовали баскаки, судя по всему, не везде: только в Муромской, Суздальской, Рязанской, Владимирской, Курской и Смоленской землях. Во всяком случае, других данных у нас нет (10, с. 226–227, 276). Мало того, скудость сведений об этой организации не позволяет выяснить, что она, собственно, представляла собой¹. А.Н. Насонов писал, что смысл этого института ордынского управления на северо-востоке Руси «остается до сих пор неразгаданным»; скорее всего, баскаки должны были поддерживать порядок на завоеванных территориях, а «основной обязанностью баскаков была служба внутренней охраны» (10, с. 225, 230). Причем значительную часть баскакческих отрядов составляло местное население. Так, в распоряжении курского баскака Ахмата было более 30 человек, из которых всего двое – «бесермены», а остальные – «Русь»².

Однако и этих скудных данных достаточно, чтобы с уверенностью говорить о том, что сбор дани в непосредственные обязанности баскаков не входил. К такому выводу пришел В.Н. Рудаков: «В лѣто 6791 [1283]... Того же лѣта сътворися зло въ княжении Курския области, бяше нѣкто бесерменинъ злохитръ и велми золь, имя ему Ахматъ, деражше баскачество Курьскаго княжения, откупиша у Татарь дани всякия и тѣми даньми велику досаду творяше княземъ и чернымъ людемъ въ Курскомъ княжении» (13, с. 79)³. Из этого исследователь сделал вполне убедительный вывод, что «сбор дани не входил в... прямые обязанности [баскака]: скорее

¹ Ср.: «238 лет монголо-татарского господства над Русью, казалось бы, должны были оставить многочисленные свидетельства о системе чужеземной власти в покоренных княжествах, но этого нет: сведения об организации, структуре, функциях, круге прав и обязанностей иноземных властителей приходится собирать буквально по крупицам» (9, с. 5).

² «Два бесурменина ис свободы в другую свободу, а Руси с нима боле 30 человек» (11, стб. 481).

³ В Лаврентьевской летописи данный фрагмент утрачен, однако последующий текст полностью совпадает.

всего, Ахмат просто совмещал службу с личным обогащением. Возможно, пользуясь своим положением, он получил сбор дани в откуп» (20). Аналогичные сведения о том, что ордынский «выход» собирали откупщики, мы находим в целом ряде летописей.

При этом следует отметить, что, скажем, «великий баскак владимирский» фактически действовал на стороне великокняжеской власти: «ничего не говорит о попытках с его стороны руководить великим княжением, умалить действие великокняжеской власти». Иногда княжеская власть даже получала прямую поддержку со стороны ордынских ставленников: так, в 1269 г. «великий баскак владимирский» идет вместе с полками, собранными великим князем, «на Немци», а в 1270 г., «после личных столкновений великого князя с новгородцами», не препятствует вызову из Орды войск для похода на Новгород (10, с. 231).

Из-за недостатка дошедших до нас сведений трудно судить об отношении населения к институту баскачества. Едва ли не единственный случай, когда летописец высказал оценочные суждения на эту тему – естественно, негативные, – рассказ об уже упомянутом курском баскаке Ахмате. Следует, однако, учитывать, что на оценку Ахмата влияла не только его деятельность в качестве баскака, но и его конфессиональная принадлежность. Он – «бесерменин», т.е. мусульманин, который к тому же еще и взял на себя функции сбора дани.

Отмена баскачества, судя по всему, была тесно связана с автономизацией улуса Джучи начиная с правления хана Менгу-Тимура (1266–1282). Завершится этот процесс в годы правления ханов Узбека (1313–1341) и Джанибека (1342–1357). Именно в это время власть джучидских ханов становится фактически независимой от Каракорума. Вместе с этим, по словам Г.А. Федорова-Давыдова, «аппарат имперских чиновников, созданный для сбора дани для Руси, теряет свое значение. “Выход” поступает теперь к джучидскому хану. Русские князья... получают от них вместе с ярлыком финансовый реестр для сбора золотоордынской дани» (27, с. 96).

При этом «Джанибек позволил князьям обращаться со своими просьбами и жалобами непосредственно к себе, минуя великого князя. Так, в 1340–1350-е годы хан сам разбирал тяжбы тверских и муромских князей, как и его отец, нередко игнорируя принятый на Руси порядок наследования и руководствуясь ордынскими политическими традициями. Например, в 1348 г. на суд к Джанибеку явились претенденты на титул великого князя Тверского: Василий Михайлович Кашинский (сын Михаила Ярославича) и его племянник Всеволод Александрович Холмский (сын Александра Михайловича). По русской традиции старший князь имел преимущественное право наследования. Однако во время обсуждения мать хана вдруг заявила: «О безумные судьи, как неправо судите, лишая сына отцова достояния. Ибо кто ближайший есть, как не сын после отца?»

А брат Александров имеет свой удел от отца, и после него наследуют сыновья его. Когда в Орде было, чтобы вместо сына ханского после него брат был? Разве насилие и крамола». Поскольку это вполне соответствовало новому ордынскому закону о переходе ханской власти от отца к сыну, тверской стол вслед за своим отцом Александром Михайловичем получил Всеволод Холмский.

Впрочем, традицию сохранения великого княжения в роду московских князей Джанибек продолжил. После скорострительной смерти Семена Ивановича Гордого от чумы в 1353 г. он выдал ярлык на владимирский великий стол его брату Ивану Красному. Правда, при этом дал понять, что Иван не является единственным кандидатом, и потому представил передачу ему великокняжеского достоинства как милость хана по отношению к своему верному вассалу» (17, с. 112).

Династия Калитичей: о власти и собственности

Еще один процесс был тесно связан с передачей русским князьям права сбора дани. Речь идет о том, что с начала XIV в. в улусе Джучи начинают формироваться династии областных правителей (27, с. 89–90). Происходит сближение местной аристократии с той прослойкой, которая стояла во главе управления государством и составила администрацию хана. Это, как считал Г.А. Федоров-Давыдов, явилось «одним из существенных сдвигов в социальном строе и государственном устройстве Золотой Орды» (27, с. 92). Вместе с новым статусом представители таких династий получали право земельного наследования.

Скорее всего, эти изменения были вызваны административной реформой, которую, судя по всему, провел хан Узбек (1313–1341). Единственное упоминание о ней встречается в «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи¹: «Когда воссел хазрат [Узбек-]хан на троне и народ обрел покой, призвал он огланов Йочи-хана от [других его] семнадцати сыновей, родившихся от других матерей, и сказал: “Разве не сыновья вы нашего отца? Чем становиться рабами [и] нукерами черного человека и покоряться ему, оспорил бы кто-то из вас [у него] ханство. Коль согласились вы на рабство [и] нукерство у черного человека, то и я отдам вас в кошун простолюдину!”, – и в гневе пожаловал [их и] нукеров и всех людей их Кыйат Исатаю... Когда [Узбек-] хан в гневе на этих огланов отдал [их] в кошун Исатаю, то и Иса-

¹ Утемиш-хаджи – сын маулана Мухаммада Дости. Происходил из влиятельной семьи, служившей Ильбарс-хану (1512–1525). Считается, что сам Утемиш-хаджи был писарем у Ильбарса. По поручению Шайбанида Иш-султана (убит в 1558 г.), опираясь в основном на устные предания, написал «Чингиз-наме» – историю улуса Джучи, доведенную по крайней мере до времени правления Тохтамыша (1380–1395). Известна в единственном дефектном списке XVIII – начала XIX в.

тай воздал огланам Шайбан-хана уважение за отца их, передал [им] буйрак и карлык, кои суть двусоставный эль¹, и предоставил их самим себе. Рассказывают, что пребывали они в юртах, назначенных им Саин-ханом. И Алатаю он также выделил эль, состоявший из племени минг, которое знаменито. Говорят среди узбеков: “Выделил он Исатаю [кошун], а Алатаю отдал [племя] минг”. Суть [этого] – такова, [как изложено]» (25).

Основываясь на этом упоминании, можно в общем виде понять, что представляли собой административные преобразования Узбека. Стараясь укрепить собственную власть, хан отстранил своих родственников от управления 22 улусами, на которые делился улус Джучи (23-й улус Узбек). Часть Джучидов была физически уничтожена (источники упоминают от 20 до 120 убитых царевичей, казненных Узбеком). Вместо них поставили местную родовую аристократию. Ее представители были назначены эмирами-темниками, возглавившими 70 туменов, которые заменили улусное деление Орды. Те подчинялись четырем улус-бекам (или *карачи-бекам*), т.е. ближайшему окружению хана. Тем самым был завершён процесс централизации управления улусом Джучи, начало которого относят ко времени правления хана Тохты (1291–1312).

По мнению Ж.М. Сабитова, «в рамках политической системы улуса Джучи существовали 23 улуса, из которых улус Бату был по материальным ресурсам одним из 23 улусов, но при этом наследники Бату обладали нематериальным ресурсом, таким как легитимность. В период правления Тохты большая часть улусов была интегрирована в улус Бату путем назначения на посты глав улуса близких родственников Тохты. Но сама политическая система не менялась, новые институты не были созданы. Таким образом, власть Тохты структурно была похожа на власть Бату: Бату и Тохта правили не на основе политических институтов, которые зависели от центральной власти институционально, а на основе личной харизмы, когда силой авторитета и войсками близких родственников он мог влиять на всех владельцев улусов» (21, с. 233). Теперь же была создана политическая структура, ставившая правителей территорий, входивших в состав улуса Джучи, в непосредственное подчинение хану. Не принадлежа к клану Чингизидов, они не могли претендовать на высшую власть в Орде. Тем самым Узбек избавил себя от вечно интригующей родни, предпочитая опираться на назначенных правителей, не имевших с ним кровных династических уз.

Эта реформа не могла не затронуть русские земли, входившие в состав улуса Бату, хотя источники их и не упоминают. Косвенно это подтверждается рядом моментов, которые обычно не связываются с реформой

¹ Термин *эль*, так же как и *улус*, применялся в тюркоязычных источниках Средневековья. В широком значении для обозначения государства, страны, населения всего государства, но чаще для названия племени как главного подразделения кочевых народов.

Узбека. Как известно, передаче ярлыка на великое княжение Юрию Даниловичу Московскому предшествовал его брак с сестрой Узбека Кончакой. Уже само это ставило московского князя на одну из самых высоких ступеней ордынской иерархии: он теперь являлся *гурганом* (зятем Чингизидов)¹. Судя по всему, только представители верхушки новой элиты улуса Джучи – эмиры хана, карачи-беки – состояли в свойстве с Узбеком: беклярибек (старший эмир) Исабек был женат на дочери Узбека Иткучук, его дочь Урдуджа была замужем за Узбеком; дочь карачи-бека Нагатая Кабак была замужем за Узбеком; сын начальника Хорезма Кутлук-Тимура (сына тетки Узбека) Харунбек был женат на дочери Узбека от Тайдуллы (7, с. 221, 222, 235). О том, насколько серьезно относились в Орде к замужеству женщин из рода Чингиса, свидетельствует описание принятия решения о выдаче царевны-Чингизидки за египетского султана: «Разработка брачного соглашения длилась около четырех лет. Причем обсуждался договор высшим советом государства, состоявшим из семидесяти эмиров. Таким образом, принятие решения носило не семейный или родовой, а общегосударственный характер» (22, с. 10).

Равенство социальных статусов великих эмиров (эке нойонов), занимавших самую высокую позицию в среде ордынской аристократии после царевичей-Чингизидов и великих князей, подчеркивает и Ю.В. Селезнев: «Русские великие князья и эке нойоны имеют равный социально-политический статус. Нижнюю ступень занимают нойоны и русские удельные князья. По своему статусу они равны между собой» (22, с. 8. Схема № 1).

Первым свидетельством о новой системе управления является, видимо, духовная грамота Ивана Калиты. Считается, что это древнейшее *из дошедших до нашего времени* великокняжеских завещаний. Поразительное по своей «мелочности» (в нем, видимо, упомянуто все, чем владел князь, – вплоть до 12 золотых цепей, 9 поясов, полутора десятков предметов посуды, 14 обручей, ожерелья, мониста, 4 кожаных и т.п. (5, с. 7–10)), оно давно привлекает внимание историков. Однако лишь А.Л. Юрганову удалось заметить то, что ускользало от внимания его предшественников и вместе с тем придавало этому документу особое значение.

¹ Достаточно вспомнить, что гурганом были Мамай, Тамерлан, Едигей и Улугбек. Ср.: «Немаловажное значение для социально-политического и экономического статуса имело и родство с родом Чингиз-хана по женской линии. В XIV – первой трети XV в., когда должность “командующего войсками” – беклярибека – все чаще стала оказываться в руках служилой аристократии, ее неизменно занимали родственники великого хана, как правило, зятья – гургены. К таковым относятся Кутлук-Тимур и Иса-бем при Узбеке, Мамай в период “великой замятни”, Идигей при Тимур-Кутлуке и Шадибеке. Владетели улусов также приобретали большой социальный вес при женитьбе на родственнице хана» (22, с. 9).

Говоря о сути удельно-вотчинной системы, сложившейся на Руси, исследователь отмечает: «Если говорить об истоках этой системы, то следует обратиться к завещанию Ивана Калиты... Здесь система еще не сформирована окончательно, но уже обозначено само направление ее развития. Свое доменальное владение князь делит между членами своей семьи (нет еще слова “благословил”; просто – “дал”)... Уже функционирует, но пока в зародыше, и сама система будущего пожалования... Каковы же были предпосылки возникновения великокняжеской удельной удельно-вотчинной системы? ...Эта система отчасти произросла на родной почве. Какие бы ни велись споры относительно теории о “лествичном восхождении” князей в Киевской Руси, кажется, остается бесспорным то, что Русская земля со времен Святослава находилась в **коллективном владении целого рода**... Перспектива перехода от общеродовой собственности к семейной (“отчинной”) вела к распаду молодой государственности, и “ряд” Ярослава Мудрого, полагал А.Е.Пресняков, – не что иное, как стремление избежать естественного последствия раздела... Именно в этой попытке противостоять распаду уже видны *ростки* будущей удельно-вотчинной системы... Старейшинство “в отца место”, о котором говорится в “ряде” Ярослава, могло иметь силу, но лишь при одном условии: в сознании людей присутствует представление о том, что старший брат – глава рода, имеющий права на власть и собственность... В целом же можно сказать, что княжеская власть *не нашла формулу распоряжения в отношении всей Русской земли*».

Теперь же, когда в Орде на местах создаются династии областных правителей, их формирование идет в соответствии с монгольскими представлениями о власти и собственности. «По всей видимости, – продолжает А.Л. Юрганов, – это был момент едва ли не прямой рецепции монгольской системы, ибо местные династии получали право наследования. Подобный же поворот к утверждению наследственного права местных правителей произошел также и в Северо-Восточной Руси XIV в. Можно даже достаточно точно определить один из хронологических моментов: в 1339 г... Иван Данилович Калита ездил в Орду со своей духовной грамотой, получившей одобрение хана» (29, с. 150–162)¹.

Итак, духовная Ивана Калиты, как вполне основательно считает А.Л. Юрганов, – первый акт, фиксирующий новую для Руси систему удельно-вотчинных отношений: «Торжество великокняжеской власти заключалось в укреплении семейно-родовой собственности. В русском средневековом обществе с его традиционализмом в социальных отношениях не возникало (да и не могло возникнуть) идеи об отказе от этой фор-

¹ Ср.: 30, с. 93–114.

мы собственности... Уделы существуют, пока существует великокняжеская... семья – верховный распорядитель собственности» (29, с. 170–171).

Так была заложена «экономическая» и «политическая» основа власти династии Калитичей. Именно поэтому от Ивана Калиты (а вовсе не от мифического Рюрика) будут вести свою родословную великие князья Московские. «А СЕ КНЯЗИ РУСЬСТИИ... И по смерти сего Александра поиде въ Ворду князь великий Иван Даниловичъ, и царь его пожаловалъ, и далъ ему княжение великое надо всею Русьскою землею, якоже и праотець его великий Всеволод Дмитрии Юрьевичъ; а правилъ княжение ему Албуга. И оттолѣ пошли русскыи князи», – читаем мы в одной из статей, предшествующих Новгородской первой летописи младшего извода (14, с. 469).

Об исламизации Орды и статусе русской церкви

При Джанибеке изменились и отношения ордынских ханов с русской церковью. Не исключено, что основанием для этого стало принятие ханом Узбеком ислама в качестве государственной религии, что сразу же перевело все русско-ордынские конфликты в конфессиональное русло. Если хан Узбек еще соблюдал установление Чингис-хана не облагать налогами служителей церкви, то Джанибек попытался отнять привилегии, которые имела церковь и даже, судя по летописным сведениям, притеснял самого митрополита: «Того же лета [6850/1342] прииде изо Орды отъ царя Чанибека Феогнасть, митрополить Киевский и всеа Руси, ходилью о причте церковнемъ, имаше бо и митрополить и епископы ерлыкы на своя причты церковныя отъ царей Ордынскихъ... Царь же проси у митрополита полетныхъ даней; митрополить же не вдадеся ему въ таковая. Царь же про то дръжа его въ тесноте, митрополить же царю, и царице и княземъ роздаде 600 рублевъ; и тако отпусти его царь со всеми его сущими на Русь, и прииде здравъ со всеми своими» (12, с. 215).

Считается, что Джанибек попытался закрепить новые отношения с православными церковными иерархами, что нашло отражение в ярлыке, выданном в 1342 г. русскому митрополиту Феогносту¹. Вряд ли прав М.Д. Приселков, полагавший, что Джанибек просто «забыл» завет Чинги-

¹ «Его ярлык говорил лишь о свободе от пошлин, не упоминая даней, и, как следствие, не содержал ссылок на узаконения Чингисхана. Были и другие ограничения: суд митрополита перестал быть независимым, не упоминалась свобода от постоа» (23, с. 185). Сам ярлык, однако, не сохранился, и его содержание пытаются восстановить по ярлыку, выданному в 1351 г. ханшей Тайдулой митрополиту Феогносту. Ср.: «Поскольку текст ярлыка Джанибека, полученного Феогностом в 1342 г., не сохранился, русский перевод жалованной грамоты Тайдулы от 1351 г. является для нас единственным документом, на основании анализа которого можно получить представление о содержании ярлыка Джанибека», – отмечает А.П. Григорьев (4, с. 57).

са и поэтому лишил церковь ряда прежних льгот – в частности, свободы от пошлин, от постоя в церковных домах и независимости от ханского суда (18, с. 72–78)¹. Очевидно, речь шла о вполне осознанных и целенаправленных мерах, призванных изменить систему отношений между ордынскими ханами, с одной стороны, и светскими и духовными правителями русских земель – с другой. А.Л. Хорошкевич полагает, что причиной обложения церкви налогами стало то, что Джанибек для поддержания власти на Руси в большей мере опирался на светских князей, а не на церковь (28, с. 290, 292).

Однако чтобы не лишать ханскую власть на Руси поддержки церкви, мать Джанибека, «христианская заступница» Тайдула² в 1351 г. выдала уже тяжело болевшему Феогносту жалованную грамоту, которая восстанавливала большинство старых привилегий и подтверждала обязанности иерархов русской церкви по отношению к ордынским правителям: «Джанибека повелением, мой, Тайдулы, указ Монгольского государства тем, под началом с Исой-гургеном, тысяч, сотен и десятков князьям, городов и селений даругам-князьям, писцам, таможникам, проезжим послам, многим людям, идущим по какому-нибудь делу, всем. Сказавши, что со времени покойного хана Узбека и по сей день православные священники и монахи, о каких бы то ни было налогах и повинностях не ведая, богу за нас молились, благопожелания нам возносили, хан Джанибек митрополита Феогноста пожаловал и выдал ему для постоянного хранения пайцзу и алотамговый³ ярлык. С тех пор как он утвердился во Владимире митрополитом, православным священникам и монахам надлежит молиться за нас и наш род богу, благопожелания нам возносить, кроме торгового налога, не ведая о каких бы то ни было налогах и повинностях. Ни подводы, ни корма у них пусть не берут. Никаких чрезвычайных сборов они пусть не платят. Их церковных строений, земель и вод, садов и виноградников, мельниц кто бы то ни было пусть не трогает, никаких насилий и притеснений им пусть не творит, ничего у них не отнимает. После такого нашего повеления власть имущие, налагающие на них налога и повинности и причиняющие им какое бы то ни было насилие, – непременно убоятся! Так же и ты, митрополит Феогност, говоря: “Так пожалован я!” – если совершишь нечто противозаконное в отношении подведомственных тебе церковных и

¹ Ср.: 1, с. 68; 26, с. 96–97.

² А.П. Григорьев полагает, что «между женами Узбека были распределены обязанности по части покровительства той или иной религии, т.е., конечно, покровительство оказывалось не религии как таковой, а ее адептам» (4, с. 45–46).

³ «Формула *al tamgalig* очень удачно, на наш взгляд, передана И.Н. Березиным словом “краснопечатный”. Перевести ее сочетанием “с красной печатью” было бы неточно, ибо ярлык содержит не одну, а две печати. Наш перевод “алотамговый” базируется на том, что слова “алый” и “тамга” уже давно и прочно вошли в состав русского литературного языка» (3, с. 82).

монастырских угодий и людей, то и тебе самому также хорошо не будет! Выдана для постоянного хранения с именной печатью грамота. Написано было в год зайца арама месяца в восьмой день прибывающей Луны [4 февраля 1351 г.], когда ставка находилась в Сарае. Прошение митрополита Феогноста представили трое ходатаев, а именно: Даудбуга, Акходжа, Мухтар. Написал я, Харабчи-бахши»¹.

Положения этой жалованной грамоты были подтверждены в 1357 г. ярлыком хана Бердибека митрополиту Алексию: «Наше, Бердибека, слово, подкрепляемое силою предвечного бога и покровительством великого гения-хранителя. Ярлык к совершенному постижению всех подданных Монгольского государства: войсковых князей тюменов, под началом с Могулбугой, тысяч, сотен и десятков, даруг-князей тюменов и юродов, служащих государственной канцелярии, таможников и весовщиков, проезжающих посланцев – сокольников, звериных ловцов, караульчиков, заставщиков и лодейщиков. В ярлыках Чингис-хана и последующих ханов – наших предшественников было сказано, что христианские митрополиты, священники и монахи, не видя каких бы то ни было налогов и сборов, молились за них богу и возносили им благопожелания. И ныне мы, согласно с прежними ярлыками, сказав: “Пусть не взимают у них какие бы то ни было налоги и сборы!” – пожаловали христианское духовенство, под началом с митрополитом Алексием, который, воссев во Владимире, мшится за нас богу и возносит нам благопожелания. В их храмах и жилищах проезжающие посланцы пусть не останавливаются. Подвод и кормов у них пусть не берут. В принадлежащих храмам и монастырям землях и водах, садах и мельницах никто и ничего насильно пусть не забирает. Поступающие наперекор этому повелению да будут обвинены и умрут! Так же и этот митрополит Алексий, говоря, что так пожалован, противозаконные действия в отношении подведомственных храмам и монастырям людей пусть не совершает! Если будет совершать, разве не убится? Милостиво выданы пайцза и алотамговый ярлык. Наш ярлык написан в 10-й день прибывающей Луны первого месяца зимы года курицы [21 ноября 1357 г.], когда мы находились на Канге. Представили князя Могулбуга, Хусейн-Суфи, Сарай-Тимур, Ягалтай, Куглугбуга. Написал Севинч-Тимур-бахши»².

Так ордынские правители укрепляли свою власть на русских землях, опираясь на представителей не только светской, но и духовной администрации. Тем самым получали важную составляющую властной легитимации – сакральность.

¹ Реконструкция А.П. Григорьева (4, с. 65–66).

² Там же (4, с. 114–115).

В заключение еще раз подчеркнем: многие процессы, происходившие в русских землях в середине XIII – середине XIV в., могут быть правильно поняты лишь при учете того, что Русь в это время находится в правовой системе Монгольской империи, и в частности ее западного крыла: улуса Джучи.

Список литературы

1. Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 205 с.
2. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. – Тверь: ЛЕГРАН; М.: АГРАФ, 1997. – 480 с.
3. Григорьев А.П. Золотоордынские ярлыки: Поиск и интерпретация // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой Степи / Под ред. С.Г. Кляшторного, Т.И. Султанова, В.В. Трепавлова и др. – М.: Восточная литература, 2006. – С. 74–143.
4. Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. – СПб.: СПбГУ, 2004. – 276 с.
5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 593 с.
6. Задонщина. – М.: Художественная литература, 1981. – 606 с. – (Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века).
7. История Казахстана в арабских источниках: В 3 т. / Ред. Б.Е. Кумеков, А.К. Мунинов. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – Т. 1: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – 711 с. – (Культурное наследие).
8. Карпини Дж. Дель Плано. История монгалов. Рубрук Г. де. Путешествие в Восточные страны. Книга Марко Поло. – М.: Мысль, 1997. – 460 с.
9. Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь / Горский А.А. (ред.). – М.: Университетское изд-во, 1996. – Вып. 1. – С. 5–57.
10. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. – СПб.: Наука, 2006. – 416 с.
11. Полное собрание русских летописей. – М.: Языки русской культуры, 1997. – Т. 1: Лаврентьевская летопись. – 496 с.
12. Полное собрание русских летописей. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – 248 с.
13. Полное собрание русских летописей. – М.: Языки русской культуры, 2007. – Т. 18: Симеоновская летопись. – 328 с.
14. Полное собрание русских летописей. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – 720 с.
15. Полное собрание русских летописей. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. – 432 с.
16. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. – Казань: Фэн, 2009. – 260 с.
17. Почекаев Р.Ю. Цари ордынские: Биографии ханов и правителей Золотой Орды. – СПб.: Евразия, 2010. – 408 с.
18. Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. – Пг.: Научное дело, 1916. – 116 с.
19. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с перс. Ю.П. Верховского; примеч. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова; ред. И.П. Петрушевского. – М.; Л.: АН СССР, 1960. – Т. 2. – 248 с.
20. Рудаков В.Н. Ордынское иго: Термин, восприятие, реальность // От текста к реальности: (не) возможности исторической реконструкции: Сб. ст. / Под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 121–144.

21. Сабитов Ж.М. Административная реформа хана Узбека // Ислам и власть в Золотой Орде: Сб. ст. / Под ред. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. – Вып. 16. – С. 232–239.
22. Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды: Научно-справочное издание. – Казань: Фэн, 2009. – 232 с.
23. Соколов Р.А. Русская церковь во второй половине XIII – первой половине XIV в. – СПб.: СПбГУ, 2010. – 239 с.
24. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – СПб.: Типография Имп. Акад. наук, 1903. – Т. 3. – 1683 с.
25. Утемыш-хаджи. Чингиз-наме. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 296 с.
26. Фахретдин Р. Ханы Золотой Орды / Пер. с тат. С. Шамси. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1996. – 126 с.
27. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 181 с.
28. Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. – М.: Наука, 1980. – 295 с.
29. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. – М.: МИРОС, 1998. – 468 с.
30. Юрганов А.Л. Удельно-вотчинная система и традиция наследования власти и собственности в средневековой России // Отечественная история. – М., 1996. – № 3. – С. 93–114.

А.Б. КАМЕНСКИЙ

**«ОТТОРЖЕННАЯ ВОЗВРАТИХ»:
РАЗДЕЛЫ ПОЛЬШИ И КОНЦЕПЦИЯ СОБИРАНИЯ
РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ¹**

*«Как странна наша участь,
Русский силится сделать из нас немцев;
немка хотела переделать нас в русских».*
Князь П.А. Вяземский

В 1793 г. после второго раздела Польши в России была отлита медаль в память об этом событии. На ее лицевой стороне изображена императрица Екатерина II, а на реверсе – двуглавый орел, держащий в каждой лапе по карте присоединенных территорий. На одной из них – дата первого раздела (1772), на другой – второго (1793). Орла венчает надпись: «Отторженная возвратих». Эта медаль является материальным воплощением политического дискурса, в рамках которого было дано идеологическое обоснование разделов Польши: Россия вернула себе некогда отторгнутые («исконные») земли. Однако как и когда сложился этот дискурс? На какого рода исторических представлениях и знаниях он основывался? Был ли он частью традиции или имел «рукотворное» происхождение? Наконец, какую роль он сыграл в судьбе Польши и российской внешней политике XVIII в.?

Понятие «исконные русские земли» вызывает ассоциацию с другим устойчивым понятием – «собрание земель», являющимся одним из ключевых в традиционной схеме русской истории. В исторической литературе оно соседствует со словосочетанием «объединение русских земель вокруг Москвы» и используется преимущественно для обозначения политических процессов XIV–XVI вв., от Ивана Калиты до Ивана Грозного. Уже присоединение при Грозном Поволжья и Сибири выходит за рамки этого понятия и нередко интерпретируется как собрание земель Золотой Орды и

¹ Благодарю Е.В. Анисимова, Л.Е. Горизонтова, И.Н. Данилевского, А.Л. Зорина, К.А. Кочегарова, Е.Б. Смилянскую и Б.Н. Флорю за ценные советы и помощь в написании этой статьи.

начало создания империи. Существует точка зрения, что «собрание земель» в действительности представляло собой присоединение территорий Орды, преемником которой и стало Московское княжество. То есть в рамках традиционной историографической схемы понятие «собрание русских земель» имеет вполне определенные хронологические ограничения.

Встречается, однако, и более широкое его использование – в связи с разделами Польши. Так, Н.М. Карамзин в «Историческом похвальном слове Екатерине Второй» писал, что «монархиня взяла в Польше только древнее наше достояние» (28, с. 290). В записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» он выразился еще более резко, явно метая в одного из «молодых друзей» императора Александра I кн. Адама Чарторыйского: «Пусть иноземцы осуждают раздел Польши: мы взяли свое» (29, с. 394). Правда, эти сочинения Карамзина носили не научный, а, скорее, публицистический характер. Первым по-настоящему серьезным исследованием истории разделов Польши явилась книга С.М. Соловьева «История падения Польши», опубликованная в год польского восстания (1863).

Во введении к ней историк отмечал: «Заветная цель собирателей русской земли, Московских государей, государей всея Руси, казалось, была достигнута. После небывалых успехов русского оружия, после взятия Вильны (1655 г. – *А.К.*) царь Алексей Михайлович имел право думать, что Малороссия и Белоруссия, Волынь, Подолия и Литва останутся навсегда за ним. Но великое дело только что начиналось, и для его окончания нужно было еще без малого полтора года лет» (58, с. 406–407). После же заключения договора о вечном мире с Польшей 1686 г., по его мнению, «почти на сто лет приостановлено было собирание русской земли». Характеризуя разделы Польши, Соловьев поначалу забывает о «собрании», делая акцент на защите православного населения как основной цели российской политики и возвращается к нему лишь в связи со вторым разделом. Говоря об оказавшемся под угрозой единстве России, историк, по существу, имел в виду единство духовное, а не географическое. Тем самым воспроизводил (возможно, неосознанно) представление древнерусских книжников о русской земле как этноконфессиональной общности. При этом фиксировал казавшиеся ему очевидными изменения в мотивации российской политики. «Первый раздел Польши, предложенный Пруссии, представлялся в Петербурге преимущественно разделом Польши и потому на него неохотно согласились, но когда в Варшаве вздумали восстановить дело Витовта, то вопрос получил для России уже настоящее значение: дело пошло уже не о разделе Польши, а о соединении русских земель. Польша стала гро-

зять разделением России, и Россия должна была поспешить политическим соединением предупредить разделение церковное» (58, с. 561)¹.

В своем мнении Соловьев был не одинок. Ему вторили сперва Н.И. Костомаров (33), затем М.О. Коялович (34). В столетнюю годовщину второго раздела появилась небольшая работа А.П. Липранди, общественного деятеля правомонархического толка, с характерным названием: «Отторженная возвратих». Падение Польши и воссоединение Западно-Русского края» (37). Однако уже в дореволюционной историографии высказывались и иные точки зрения – например, о том, что участие России в разделах Польши было вызвано сугубо прагматическими соображениями, а защита православных была лишь предлогом. Отмечалось, что радикального улучшения положения польских православных в России опасались, поскольку это могло привести к усилению бегства в Польшу русских крестьян (см.: 30). Еще Карамзин связывал разделы Польши с присущим всем государям стремлением к расширению своих владений, утверждая при этом, что внешнеполитическая экспансия Петра I и Екатерины II имела целью исключительно обеспечение безопасности России. Действительно, вряд ли кто-либо из монархов не подписался бы под словами Фридриха II Прусского: «Если вам нравится чужая провинция и вы имеете достаточно сил, занимайте ее немедленно. Как только вы это совершите, всегда найдется достаточно юристов, которые докажут, что вы имеете все права на занятую территорию» (цит. по: 5, с. 330)².

Особенно примечательна трактовка разделов Польши В.О. Ключевским. Он полагал, что сосредоточенность российской власти на диссидентском вопросе была ошибкой, поскольку национальная задача внешней политики состояла как раз в воссоединении Западной Руси с Россией. «В продолжение шести-семи лет сумятицы после смерти короля Августа III, – писал историк, – в русской политике незаметно мысли о воссоединении Западной Руси: она затерта вопросами о гарантии, диссидентах, конфедерациях... Предстояло воссоединить Западную Русь; вместо того разделили Польшу. Очевидно, это различные по существу акты – первого требовал

¹ Комментируя эти строки Соловьева, некто Е. Былов в 1874 г. на страницах «Русского архива» восклицал: «Смотреть равнодушно на такую попытку значило навсегда отказать от возвращения Русских земель – могла ли это сделать Русская императрица? Не заслужила ли бы она осуждение потомства, не довершив, упустив благоприятные обстоятельства объединения Русских земель? .. западные историки не обращают никакого внимания на дело важнейшее, на права России на западно-русские области, на естественное стремление воссоединить веками разделенный единоверный и единокровный народ» (Рескрипты Императрицы Екатерины Второй князю Потемкину. С предисловием Е.А. Былова // Русский архив. – М., 1874. – № 8. – С. 239).

² В приведенной цитате характерна декларируемая откровенная прагматичность мотивов внешней политики, но с признанием необходимости ее юридического обоснования на официальном уровне.

жизненный интерес русского народа; второй был делом международного насилия». Очевидно, что, в отличие от Соловьева, Ключевский не связывал защиту православных с идеей собирания русских земель, а оба раздела считал одинаково ошибочными, поскольку сохранение государственности Польши, «освобожденной от ослаблявшей ее Западной Руси», полагал более выгодным России, чем ее уничтожение (31, т. 5, с. 52, 54–55).

Заметим: Соловьев, Ключевский и другие их коллеги по историческому цеху, жившие и работавшие во второй половине XIX – начале XX в., когда основные принципы международного права уже составляли обязательную часть знаний всякого образованного человека, не рассматривали Польшу в качестве субъекта международного права. Они полагали присоединение к Российской империи земель, за много веков до этого находившихся под властью Рюриковичей, совершенно законным и естественным.

Книга Соловьева имела исключительное значение для последующей историографии разделов Польши. По замечанию П.В. Стегния, «в 60-е годы XIX века под влиянием авторитета С.М. Соловьева... сформировалась ставшая базовой и перешедшая затем в советские учебники истории “национальная” концепция, согласно которой Россия, участвуя в разделах Польши, только возвращала в свой состав украинские и белорусские земли, не присоединив ни пяди территории коренной Польши (вопрос о Литве и Курляндии трактовался как имевший для них положительные последствия в связи с тем, что “Россия была более экономически развита, чем Речь Посполитая”» (59, с. 5). В постсоветское время под эту концепцию неоднократно пытались подвести теоретическую основу. О.И. Елисеева, к примеру, в своей «общей характеристике проектов Потемкина» декларирует: «Русская экспансия проводилась по земле, а не по морю... колонисты не видели ясной границы... и воспринимали вновь присоединенные земли как продолжение единой родины... культурно-религиозная особенность русской экспансии состояла в том, что все православные единоверцы воспринимались как некая единая духовная общность, породненная свыше... Огромная православная империя и ее подданные ощущали право на помощь единоверцам и постепенное включение их в состав единого государства» (15, с. 10)¹.

Предположим, что Соловьев все же верно уловил изменения в идеологическом обосновании российской политики, произошедшие в период между первым и вторым разделами Польши (а в пользу этого говорит хотя бы приведенная выше надпись на медали 1793 г.). Тогда возникает вопрос: почему оно случилось и как отразилось в публичном пространстве? Если восточные земли Речи Посполитой русская политическая элита этого вре-

¹ Эти рассуждения были дословно повторены автором и в более поздней работе (см.: 16, с. 750–751).

мени воспринимала как свои территории, то как менялось ее историческое сознание, формировались знания по отечественной истории?¹ В поисках ответов на эти вопросы необходимо в первую очередь обратиться к самому дискурсу «собрания земель» и вкратце проследить его историю.

О Московском царстве и «возвращенных землях»

А.Л. Хорошкевич, автор капитальной монографии о русской внешней политике эпохи Ивана Грозного, выделяет два основных направления в историографии Ливонской войны. Первое она называет «панегирическим», а второе – «разоблачительным». Историков, принадлежащих к первому направлению, «объединяет идея не только целесообразности, но и прогрессивности всех внешнеполитических акций (а это по преимуществу войны) времени Ивана Грозного. Сторонники второго направления («во всех тех войнах, которые вела Россия при Иване Грозном, видят лишь агрессию и проявление тирании Грозного, стремившегося стать покорителем “вселенной”») (69, с. 35–37). Данная характеристика может быть применена к историографии внешней политики дореволюционной России в целом. Это сфера остро идеино противостояния тех, кто рассматривает процесс расширения Московского княжества, а затем и Российской империи в контексте естественной колонизации, обусловленной в первую очередь экономическими факторами, стремлением утвердиться на международной арене и обеспечить безопасность страны, и тех, кто характеризует этот процесс исключительно как проявление агрессии и экспансии.

За небольшими исключениями первое направление представлено преимущественно российскими историками, а второе – зарубежными. Историческая наука, как известно, участвует в формировании массовых представлений о прошлом и одновременно является их отражением. В массовом же сознании россиян своя политика всегда виделась в основном оборонительной и безусловно «справедливой»². Не случайно в нашей общественной мысли, воспринимавшей территориальное расширение России и ее военные победы как нечто «по умолчанию» позитивное, дискуссии по этой теме практически отсутствуют (исключения составляют откровенные оппозиционеры А.И. Герцен и М.А. Бакунин). По тем же причинам оказались мало изучены идеологические основания внешней

¹ П.В. Стегний во вводной части своей книги отмечает: «Национальная мотивация участия России в разделах появляется, что мы и намерены показать, только в период второго и третьего разделов Польши» (59, с. 20). Однако это обещание остается невыполненным.

² Едва ли не единственное исключение – это обусловленные вполне понятными причинами оценки советской историографией Первой мировой войны.

политики России, идеи и представления, которыми руководствовались ее творцы.

В полной мере это относится и к истории зарождения и формирования концепции «собираания русских земель». Она не стала предметом специального исследования и воспринимается как исторический факт, не вызывающий сомнения. В трудах по политической истории России XIV–XVI вв. о ней упоминается лишь вскользь, как о чем-то само собой разумеющемся. Так, к примеру, А.А. Зимин писал об Иване III: «В 1485 г. он стал государем “всая Руси”, провозгласив тем самым задачу объединения всех русских земель под своей эгидой» (20, с. 95). Ю.Г. Алексеев, автор монографии об Иване III, отмечает, что его герой «видел себя законным, наследственным государем всей Русской земли, и именно этим в первую очередь объясняется его политика в побежденном Новгороде» (1, с. 109). Комментируя переданные летом 1490 г. послу польского короля Станиславу Петрашковичу слова великого князя («А нам от короля великие кривды делаются: наши города и волости и земли наши король за собою держит»), Алексеев пишет, что это было «первое официальное заявление Русского государства о непризнании захвата русских земель Литвой и Польшей, первый шаг в выработке перспективной политической программы борьбы за эти земли» (1, с. 179)¹.

По его мнению, «Иван Васильевич продолжал настойчиво и последовательно проводить в жизнь свою концепцию русской государственности – официальную политическую доктрину объединенной Русской земли. Эта концепция имела реальный исторический характер и не была связана ни с какими мифическими теориями, распространявшимися в последующее столетие, – вроде родства русских князей с императором Августом и т.п. Не имела ничего общего его доктрина Русского государства и с теорией “Москвы – Третьего Рима”, зарождавшейся именно в это время в церковных кругах... Официальная доктрина носила чисто светский характер и имела историческое, а не баснословное обоснование» (1, с. 189). «Развивающееся сознание исторического единства и суверенности Русской земли, все более ясное и четкое, – заключает Ю.Г. Алексеев, – проходит красной нитью через всю самостоятельную политическую жизнь Ивана Васильевича и принципиально отличает его от всех предшественников» (1, с. 227).

Пожалуй, наиболее развернутую характеристику концепции «собираания русских земель» предлагают авторы новейшего «Исторического курса “Новая имперская история Северной Евразии”». «В политическом воображении Московского княжества, возникшего уже в условиях вас-

¹ Данное высказывание отражает характерное для советской историографии исключение Великого княжества Литовского и русского из истории России.

сальной зависимости от Золотой Орды, бывшие роусские земли не воспринимались как актуальная часть общего политического и культурного пространства. Смоленск или Киев не были настолько же “своими”, как Вологда... По мере того как на протяжении XV в. происходила окончательная эрозия ордынской легитимности, в Москве получало все большее распространение переоткрытие и даже “переизобретение” доордынского прошлого как времени легендарного единства русских земель... Это был естественный процесс конструирования собственной легитимности, не от хана Узбека... и даже не от Бату, а от “домашней” традиции государственности... Идея исторического и культурного (языкового и религиозного) единства государства была революционной в Европе середины XV в. Она подрывала фундамент политической легитимности, стоящей на вассальных отношениях князей и королей... Если внутри Великого княжества Московского предпочитали разделять риторику (формализованные в словах идеи) и реальную политическую практику..., то возникающая в результате эмансипации от сюзеренитета Орды внешняя политика оказалась пропитана новыми идеями, и этот идеологический подход был чреват далеко идущими последствиями» (23, с. 371–373).

Под «далеко идущими последствиями» авторы подразумевают прежде всего борьбу Москвы с Великим княжеством Литовским, продолжавшуюся последнюю четверть XV и практически весь XVI в. Вместе с тем они отмечают, что «одновременно Иван III развернул экспансию в отношении территорий, никогда не входивших в состав Роусьской земли» (23, с. 377). Так, «Волжская Булгария никогда не была частью Роусьской земли, и потому фактическое подчинение созданного на ее территории Казанского ханства не могло оправдываться восстановлением наследия Владимира Мономаха... В результате идеал “царской” власти московского великого князя испытывал зачастую противоречивое влияние трех сценариев: наследия доордынской “Киевской Руси”, Византийской империи и Золотой Орды. Кроме того, важную роль играли прагматические соображения политической практики (будь то вопрос о престолонаследии и взаимоотношения с удельными княжествами или соседними государствами), которые также помогали сглаживать конфликты между различными идеологическими сценариями... Иван III сосредоточился на “собирании земель”... ему удалось нащупать политическую программу, которая вызывала поддержку подданных и подкупала колеблющихся в соседних княжествах» (23, с. 378–379).

Далее авторы нового «исторического курса» развивают свою мысль о революционности для XV в. зародившейся в Московском княжестве новой идеологической концепции, отмечая, что лишь «неразвитость литературно-публицистической сферы... ритуализированность языкового аппарата и отсутствие навыков размышлений на социально-политические темы

помешало Москве в полной мере воспользоваться» этим открытием. По мнению авторов, сравниться с этим явлением могла лишь Реконкиста на Пиренейском полуострове, завершившаяся также к концу XV в. Страны же Западной Европы этого времени «не знали концепции единства религии, культуры и государственности в неких исторических границах», и лишь в XIX в. «политические границы, совпадающие с культурной (религиозно-языковой) общностью и исторической территорией, создают особый тип общества», определяемый как «народ» (23, с. 380–381)¹.

Авторы, таким образом, солидарны с Ю.Г. Алексеевым в том, что формирование концепции «собираания земель» происходит в последней четверти XV в. и связано с деятельностью Ивана III. В подтверждение они приводят ряд цитат из исторических источников, интерпретируя их, однако, слишком прямолинейно. Очевидно, что речь идет о чрезвычайно сложной и нестабильной комбинации различных идеологем, нашедших отражение как в письменных текстах, так и в разного рода символических изображениях. Здесь важно подчеркнуть, что концепция собирания земель возникла в связи с необходимостью обоснования политического суверенитета и самостоятельной внешней политики, а творцы понимали ее прежде всего в династическом смысле: великий князь московский объявлял о своих претензиях на земли, некогда находившиеся во владении Рюриковичей. При этом политические и прагматические претензии на земли предков соединялись с восприятием Русской земли как духовной общности, объединенной православием, и подкреплялись сознанием миссии единственного защитника «правильной» веры.

Уже в XV в. временные рамки концепции собирания русских земель распространились на предшествующее время. Так, в «Слове о житии великого князя Дмитрия Ивановича» говорится: «Внук же бысть православнаго князя Ивана Даниловича, *сбрателя Руской земли* (курсив мой. – А.К.), корене святого и богом насаженнаго саду, отрасль благоплодна и цвѣт пркрасный царя Володимера, новаго Костянтина, крестившаго землю Рускую, сродник же бысть новою чудотворцю Бориса и Глѣба»² (53, с. 208). Позднее от Ивана Калиты, через Ивана III миссия собирателя русских земель протягивается к Василию III, названному в Первом послании

¹ Примечательно, что авторы двух вышедших недавно под эгидой Института российской истории РАН коллективных монографий, в которых много внимания уделено опровержению разного рода утверждений об особенно агрессивном и экспансионистском характере российской внешней политики XVI–XVIII вв., обходят молчанием вопрос о ее идеологическом обосновании и концепции «собираания земель». Не упоминается о ней и в разделах, посвященных идеологии, где подробно рассматриваются концепция «Москва – Третий Рим», полемика Ивана Грозного с А. Курбским и т.д. (см.: 48; 49).

² Новейшие датировки этого памятника варьируются от середины XV до XVI в. (см.: 52).

Ивана Грозного Андрею Курбскому «приобретателем исконных прародительских земель» (43, с. 122)¹.

Показательно, что Грозный, называя в качестве своих предков Владимира Святого и Владимира Мономаха, в генеалогическом экскурсе добавляет к ним Александра Невского, Дмитрия Донского, Ивана III и Василия III, тем самым обосновывает свое право на самодержавие. Замена «Русской земли» на «исконную прародительскую» здесь, по-видимому, не случайна. Комментаторы Первого послания Грозного отмечают, что перечисление предков царя дается вместо обычного для дипломатических грамот того времени перечисления земельных владений (43, с. 380). Если понятие «Русская земля» подразумевало исключительно единство православных, то отсылка к прародительским землям (реальным или мифическим) позволяла включить в дискурс «собирания земель» и завоевания на Востоке. Так, после взятия в 1552 г. Казани Иван Грозный произнес: «Отечество наше взыскашесь прародителей наших, царство к нам возвращашесь; един есми государь великий царь над Русью и над Казанью учинишась»². Еще раньше, в созданном в начале XVI в. «Сказании о князьях владимирских» к исконным отчинам московских князей причислялись земли Ливонии, а позднее к отчинам Владимира Святого (Тьмутаракань, отторженная от Руси Ордой) была присоединена Астрахань – следующая цель Москвы в ее экспансии на Восток.

Если концепция собирания русских земель как внешнеполитическая доктрина действительно сложилась в противостоянии Московского княжества с Литвой, то произошло это не сразу. Так, в «Задонщине» – главным памятнике Куликовского цикла, самый ранний список которого относится к концу XV в. (52, с. 345–346), союзниками Дмитрия Донского выступают два литовских князя, два Гедиминовича, идущие вместе с ним сражаться за «землю за Рускую и за вѣру крестьянскую» (17, с. 100). Сын Донского Василий Дмитриевич, как известно, был женат на дочери великого князя литовского Витовта, а дочь Ивана III Елена была женой великого князя литовского Александра Казимировича, ставшего позднее польским королем. Очевидно, что в то время Литва еще рассматривалась как политический партнер, соперник, но не заклятый враг.

«После неудач Стародубской войны 30-х гг., – отмечает А.Л. Хорошкевич, – боярские правительства не осмеливались проводить активную внешнюю политику “собирания земли”. Эта традиция возобновилась лишь в конце 40-х гг.» (69, с. 69). С этого времени радикально изменилась и

¹ Эта формулировка повторялась и в дипломатических документах (см.: 69, с. 185).

² Разрядная книга 1475–1605. – М.: Наука, 1978. – Т. 1, Ч. 3. – С. 439. Правда, в ответственных речах, которыми обменялись царь и митрополит Макарий по возвращении Грозного в Москву, эта тема полностью отсутствовала и была заменена историей о победе христианства над магометанством (см.: 45, с. 224–227).

пропагандистская риторика. В 1564 г. митрополит Афанасий писал митрополиту Матфею: «Ныне безбожная Литва, богомерзкие латыни, злейшие иконоборцы, многие люди пришли на государеву *новобогородарованную исконивечную вотчину* (курсив мой. – А.К.) к граду Полоцку» (69, с. 61). Слово «вотчины» использовал в 1549 г. сам Грозный, когда он отказывался заключить вечный мир с Литвой: «Если теперь заключить мир вечный, то вперед уже через крестное целование своих вотчин искать нельзя» (69, с. 72).

В 1558 г. началась Ливонская война. Ее идеологическое обоснование А.Л. Хорошкевич связывает со «Сказанием о князьях владимирских», в котором русский царь выступает потомком императора Августа, претендующего на всю «вселенную», и легендарного Пруса – владельца Пруссии. Это позволяло причислить к царским «отчинам» и Прибалтику. Исследовательница соглашается с принятым в историографии мнением о том, что объективной причиной войны могли быть торговые интересы, но считает, что «для государя России середины XVI в. мог быть более весомым “субъективный” фактор – стремление обладать “всею вселенною”, гипертрофированное желание утвердить себя в качестве истинного и законного преемника и наследника Пруса» (69, с. 202–204)¹. Здесь же появляется и мотив защиты истинной веры, но очевидно, что для Ивана Грозного, который в 1555 г. не откликнулся на просьбу о защите литовских православных, он был далеко не главным.

Для обоснования легитимности власти московских князей и их территориальных притязаний идеологи XV–XVI вв. использовали технологии, обычные для средневековой Европы. В России при этом попытались реанимировать прерванную на несколько веков историческую память о доордынском единстве Русской земли, основанном на православии. Заметим, что именно в то время понятие «Русская земля» постепенно обретало конкретные территориальные очертания, превращаясь из духовного образа в материальный объект. Для нас не столь важно, в какой степени идея основанного на православии духовного и политического единства «Древней Руси» соответствовала историческим реалиям IX–XIII вв. (очевидно, что в значительной мере оно было мифологизировано), а также сохранялась ли память об этом кем-то еще, кроме немногочисленных книжников и озабоченных своей легитимностью великих князей. Важно, что она стала основой мотивации реальной политики.

Впрочем, магического воздействия на всех без исключения эта идея еще не оказывала: А.Л. Хорошкевич постоянно упоминает о стремлении

¹ Вряд ли справедливо утверждение А.Л. Хорошкевич о том, что в условиях Ливонской войны произошел «крутой поворот во внешней политике Грозного» и он отказался от «традиционной с конца XV в. политики “собирания русских земель”» (69, с. 214). Скорее, понятие «русские земли» получило географическое расширение.

боярского окружения царя во главе с А.Ф. Адашевым сохранять мир с Великим княжеством Литовским. Но «одержимый манией величия, полностью поверив в свое происхождение от Августа кесаря, Иван IV стремился как можно скорее заполучить его наследие – “всю вселенную”» (69, с. 258). На состоявшихся после отставки Адашева русско-литовских переговорах московские послы вновь требовали возвращения «старинных вотчин» – Киева, Волыни, Подолья, Витебска, Смоленска, а о Ливонии было сказано, что «Ливонская земля прародителем нашим подлежит данью, как и Русская земля почала быть» (69, с. 260). Подобное идеологическое оформление территориальной экспансии Московской Руси в XV–XVI вв. А.И. Филошкин называет «вотчинным дискурсом», связанным с восприятием страны как владения великого князя. И добавляет: «Поскольку господствовало представление, что Москва не присоединяет новые земли, а возвращает свои исконные, требовалось объяснение, почему же она их в свое время лишилась. Аргументация была избрана крайне простая, зато эффективная: эти земли – “изменники”» (67, с. 389).

Неудачи в Ливонской войне, смерть Ивана Грозного и Смута на несколько десятилетий отодвинули задачу «собираания русских земель» на второй план. Она вновь оказалась в политической повестке дня лишь в середине XVII в., когда события внутри самой Речи Посполитой создали благоприятные возможности для реализации мечты русских государей. По словам И.Л. Андреева, новейшего биографа Тишайшего царя, «для Алексея Михайловича мысль о православных землях в составе Речи Посполитой как о землях, принадлежащих ему по праву и по достоянию “предков наших”, великих князей Владимирских, была усвоена с детства: то было наследие и завет прежних правителей» (2, с. 233)¹. Когда в апреле 1655 г. русское войско выступило в поход, его провожали нарочито торжественно: «Вся церемония была обставлена чрезвычайно пышно, подчеркивая смысл происходящего – войска отправлялись защищать православную веру и оскорбленную “государеву честь”, возвращать похищенные злым временем и иноверческой силой “дедины и отчины” московских царей. Война, таким образом, в устах ее инициаторов трижды обосновывалась как справедливая – конфессионально, политически и исторически. В свое время именно так поступали византийские императоры, объявлявшие войну “варварам”: ведь и они вели борьбу за восстановление своих пограничных прав – границ Византии в рамках старых границ Римской империи!»

¹ Стоит, правда, заметить, что в посвященном образованию и воспитанию царя Алексея Михайловича разделе книги Андреева (2, с. 34–44) об их «патриотической» составляющей не упоминается. Не ясно, получил ли царевич какие-либо сведения по истории страны, которой ему предстояло править. Подобное умолчание весьма характерно: современному историку это представляется само собой разумеющимся.

(2, с. 264)¹. В это время дискурс собирания земель, подкрепленный исторической аргументацией, оформляется в текстах Посольского приказа, а также появляется в среде украинского духовенства.

Однако сперва Андрусовское перемирие 1667 г., а затем и вечный мир с Речью Посполитой 1686 г. временно сняли идею «собирания земель» с повестки дня. Как и в XVI в., в русской политической элите того времени были влиятельные сторонники союза с Польшей, – в частности, крупнейший дипломат А.Л. Ордин-Нащокин. В сущности, тогда шла борьба двух концепций русской внешней политики. Сторонники первой (назовем ее прагматической, так как она основана на общегосударственном интересе) главную угрозу безопасности страны видели в Крымском ханстве и Османской империи, а естественным союзником в противостоянии с ними считали Речь Посполитую. Сторонники другой – романтической, базировавшейся на династических интересах, были в большей степени увлечены идеями защиты православных и возвращения старинных вотчин. Правда, союз с Речью Посполитой был делом нелегким, поскольку в отношениях двух стран накопилось немало противоречий и взаимных обид. Да и имелся опыт союзнических отношений с Крымом.

Так или иначе, к концу XVII в. чаша весов склонилась в пользу первой концепции. С присоединением левобережной Украины изменилось геополитическое положение Московской Руси, что обрекало ее на военное столкновение с Турцией. К тому же и процесс «воссоединения», как показал опыт Ливонии в XVI (68, с. 94–111) и Украины в XVII вв., был далеко не таким простым, как казалось из Московского Кремля. По тонкому замечанию И.Л. Андреева, «было бы опрометчиво упрощать и сводить все дело к некоему неодолимому взаимному притяжению народов. Воспоминание об общем историческом прошлом и этническая близость вовсе не были самодостаточными, чтобы обеспечить объединение. В основе таких решений лежит своеобразный “консенсус” интересов как всей нации в целом, так и ее ведущих социальных групп и властных элит. Достигался же он долго и мучительно» (2, с. 220).

Отметим, что завоевания XVI–XVII вв. (даже те, с которыми потом пришлось расставаться) сразу же находили отражение в царском титуле. Так, Иван IV стал именоваться «Государем Ливонския земли», «Царем

¹ Использованное И.Л. Андреевым сравнение весьма точно. Действительно, борьба Византии и Священной Римской империи за политическое наследие Рима сходно с борьбой Великого княжества Московского и Великого княжества Литовского за наследие Древней Руси. С той лишь разницей, что в первом случае речь шла о реально существовавшем в прошлом целостном политическом образовании, во втором – о конгломерате политических образований, претендовать на которые можно было лишь опираясь на аргументы династического характера.

Сибирским» и «Великим князем Смоленским и Полоцким»¹. В июле 1654 г. в царский титул добавили города Полоцк и Мстиславль. С сентября 1655 г. государя стали именовать «Великим князем Литовским, Белья России, Волынским и Подольским», а затем – «Всея Великия и Малыя и Белья России самодержцем»². Со времен Ивана Грозного в царский титул включалась формулировка «повелитель Северные страны», что означало претензию на самую северную оконечность Скандинавского полуострова – Норботтен. И тогда, и позже это приводило к затруднениям во взаимоотношениях со Швецией (69, с. 185–186). То есть статус царской вотчины территории придавал сам факт ее оккупации – пусть даже на очень короткое время.

В XVI, XVII, да и в XVIII вв. титул русского царя служил одним из средств легитимации его власти. В последующее время он играл важную идеологическую роль. А.Д. Нечволодов, автор известных «Сказаний о русской земле», писал в 1912 г.: «Царский титул русского Государя включает в себе сокращенно всю историю Русской земли и задачи ее верховных властителей, смысл деятельности которых может быть кратко выражен словами: “умиротворение или собирание земель и народов”, продолжающееся и не оконченное и поныне, так как нет еще до сих пор ни полного собирания, ни полного умиротворения» (40, с. 205).

От Руси – к России: Империя в XVIII в. и «отторгнутые» территории

На рубеже XVII–XVIII вв. Россия вступает в новую эпоху, претендуя на полноправное участие в мировой политике. Но членство в международном клубе предполагало необходимость следовать определенным правилам.

«В научной литературе по истории дипломатии XVIII столетие нередко именуется “веком договоров” или “веком альянсов”. Действительно, именно тогда впервые утвердилась единая для всей Европы система международных отношений, построенная на более или менее развитой правовой основе. И если на западе Европы основы такой системы были заложены еще Вестфальским миром 1648 г., то в течение XVIII в. ее действие постепенно распространилось и на восточную часть» (71, с. 514). «После 1648 года формализованные отношения между нововременными суверенными государствами пришли на смену перекрестным отношениям между разнородными феодальными акторами, иерархические претензии которых

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – СПб.: Типограф. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – Т. 1, № 134.

² ПСЗРИ. – Т. 1, № 164, 167.

венчались Империей и Церковью... Международные отношения были институционализированы благодаря постоянно действующим посольствам, координирующим международные дела посредством периодических дипломатических контактов, управляемых кодифицированными и обязательными для исполнения дипломатическими протоколами... Универсальные концепции Империи и папские стремления к нравственному верховенству в контексте *res publica christiana* уступили место балансу сил как естественному регулятору конкурентных международных отношений в многополярной анархической среде» (63, с. 24–25).

Первая из приведенных цитат принадлежит современному отечественному историку, а вторая – немецкому историку-неомарксисту, чье исследование посвящено разоблачению «мифа о 1648 г.», как важнейшем рубеже, с которого начинается становление современной системы международных отношений. Основной его тезис таков: применительно к абсолютистским государствам XVIII в. следует говорить не о государственном, а о династическом суверенитете (это, в частности, доказывается историей войн за испанское, польское, австрийское, баварское и другие «наследства»). Вестфальские соглашения должно относить скорее к Средневековью, чем к Новому времени. Конечно, провозглашенные в них принципы не могли быть мгновенно внедрены в политическую практику. Требовалось продолжительное время, чтобы европейские державы осознали их значение и смысл, научились ими пользоваться и их соблюдать. Да и вряд ли кто-либо знакомый с европейской историей XVIII в. станет утверждать, что принципы Вестфальского мира безусловно соблюдались (хотя Франция, к примеру, вплоть до революции 1789 г. использовала свой статус его гаранта в качестве важного аргумента внешней политики). Однако даже если принципы Вестфальского мира и были лишь декларацией о намерениях, они задавали для «политичных» государств того времени вполне определенные нормы поведения.

Трудно сказать, в какой мере сознавал это Петр I, начиная Северную войну. В советской историографии она традиционно объяснялась социально-экономическими причинами; лишь мельком упоминалось, что развитие внешней торговли России «сдерживалось тем, что на западе выход к берегам Балтийского моря, искони принадлежавший русским, был в руках Швеции» (25, с. 15). При этом, «отлично сознавая, что Россия желает вернуть исторически принадлежавшие ей земли в Прибалтике, саксонский курфюрст и ливонско-немецкое дворянство всячески противились этому законному требованию» (там же).

Что касается собственно петровских мотивов, то в именном указе от 19 августа 1700 г. «О войне, предпринятой противу Швеции» она объяснялась «неправдами» со стороны шведского короля, а также «многия противностями и неприятствами», которые Великий Государь претерпел со

стороны жителей Риги в начале Великого посольства¹. Спустя месяц, 18 сентября, появился Манифест на немецком языке, предназначенный для обнародования за границей. В нем указывалось на многочисленные интриги, затеянные шведами против России и нападении Швеции на союзную Данию, и выражалась надежда, что решение царя начать войну «будет расценено как правильное и справедливое и найдет понимание у честного и непредубежденного мира». Провозглашалась манифестом и еще одна причина войны: «Известно, что провинции Ингерманландия и Карелия испокон веков и бесспорно принадлежали Великому княжеству Московскому. Шведский трон умело применял принцип *Vivitur ex rapta* (жить грабежом (лат.)) ко всем своим соседям, отторг от царя эти провинции, воспользовавшись возникшими в начале века в Московии внутренними волнениями, и таким образом получил все условия, чтобы победить прекрасную провинцию Лифляндию и перенести войну в Пруссию, наконец, в Германию и Польшу и достичь вершины славы» (51, с. 57–58).

Захват исконно русской земли, таким образом, трактовался как несправедливость, которую необходимо исправить, поскольку для соседних стран возникает опасность использования этих территорий в качестве плацдарма для нападения. Однако уже с первыми победами в Прибалтике идея возвращения исконных земель становится едва ли не главным объяснением войны – по крайней мере для внутреннего потребителя. Так, летом 1702 г., провозжая войска из Архангельска на осаду Нотебурга, Петр, по сообщению Феофана Прокоповича, напугствовал их речью, в которой сказал: «Мало мы еще отместили укоризну нашу шведам, больше требует и слава народу нашему славенскому достойная, и обида отечеству, в отъятых землях нанесенная: виждите Лифляндию; сие есть член России отсеченный, аще сего не возвратим, нам всеу и початки сии» (65, с. 457). Известно, была ли эта речь произнесена, да и Прокопович наверняка подверг ее литературной обработке. Но в декабре того же 1702 г. в комментариях к чертежу осады Нотебурга Петр писал: «Чрез помощь Божию отечественная крепость возвращена, которая была в неправедных неприятельских руках» (44, с. 48).

Год спустя при праздновании взятия Ниеншанца на триумфальных воротах была помещена ветхозаветная надпись: «Ниже чуждую землю прияхом, ниже чуждая одержахом, но наследие отец наших, от враг же наших в некое время неправедно удержася. Мы же время имуще возприяхом наследие отец наших» (44, с. 48–58). Примечательно, что в переписке с царем его приближенные подчеркнуто называли отвоеванные у шведов города старыми русскими именами: Нарву – Ругодев, Тарту – Юрьев

¹ ПСЗРИ. – Т. 4, № 1811.

и т.д.¹ О возвращении земель упоминалось в проповедях Стефана Яворского, составленном в 1704 г. префектом Славяно-греко-латинской академии описании триумфальных ворот и т.д.² Вероятно, после поражения под Нарвой, бывшего, по выражению современного военного историка С.Э. Зверева, прежде всего «моральным» (19, с. 103), Петр осознал, что для подъема боевого духа армии уже недостаточно ссылок на рижский инцидент и необходимы более сильные пропагандистские инструменты.

Спустя почти 15 лет после начала войны, когда в победе над Швецией уже не было сомнения, Петр велел подготовить специальное сочинение с объяснением ее причин. «Разсуждение, какие законные причины Его Царское Величество Петр Первый к начатию войны против короля Карола 12 Шведского в 1700 году имел», впервые опубликованное в 1717 г., составил П.П. Шафиров, а отредактировал сам царь. В нем объяснялось, кто виновен в развязывании войны и какой из государей – Петр I или Карл XII – менее других склонен к ее мирному окончанию и способствует дальнейшему «разлитию христианской крови». Основная часть «Разсуждения» имела подзаголовок: «О древних и новых причинах, которых ради должно было его царскому Величеству, яко отцу отечества своего... войну начать и несправедливо от российской короны, не токмо во время вечного мира, но и за учиненным союзом оборонительным, отторгнутые свои наследные провинции от короны шведской отобрать».

Сочинение Шафирова было подчеркнуто «документировано»: уже на первой странице сообщалось, что все «фундаментально из древних и новых актов и трактатов, також и из записок о воинских операциях описано» (73, с. 1). Используя дипломатические и делопроизводственные документы Посольского приказа, а возможно, и летописные источники, автор методично перечислял все многочисленные нарушения шведами соглашений, их обманы и «измены». Инцидент в Риге 1697 г. трактовался не только как обида, нанесенная лично царю, но и как оскорбление русской дипломатической миссии.

Показательно, что составление «Разсуждения» было поручено одному из руководителей внешнеполитического ведомства. Обоснование, соответствовавшее тогдашним нормам международного права, очевидно предназначалось не столько для внутреннего, сколько для внешнего употребления. Как вполне убедительно показала М.А. Сморжевских-Смирнова, аргументация Шафирова была выстроена в точном соответствии с трактатом Гуго Гроция «О праве войны и мира», в 1710 г. переведенном на русский язык (57, с. 899–911). Это свидетельствовало о «цивилизован-

¹ Вряд ли они помнили эти названия, скорее, специально наводили справки в Посольском или Разрядном приказах.

² См. подробнее: 56.

ности» и «политичности» русской дипломатии. Сравним труд Шафирова с сочинениями Феофана Прокоповича – «Словом похвальным о преславной над войсками Свейскими победе» 1709 г. и «Словом похвальным о баталии Полтавской» 1717 г., исследовательница показала, как главный петровский идеолог подстраивался под официальную версию шафировского «Рассуждения». В отличие от первого «Слова...», где акцент делался на Божий Промысел, во втором мотив отторженных русских земель звучал уже отчетливо: «Буде тебе, о Россие, древние и правильные вины, еже бы иногда оружием отмстити обиды, тебе нанесенныя от сего супостата, и отторженныя наследственныя твои сия области возвратит в паки державу твою». Сходным образом трактовал Прокопович и присоединение Украины: «Малая Россия, исторгнувшись от ига польскаго, под крепкую десницу монархов своих наследных возвратися» (64, с. 109, 110–111).

В петровское время еще активно эксплуатировалось старинное словосочетание «отчины и дедины». Оно осталось и в царском титуле: «многих государств и земель Восточных и Западных и Северных Отчичь и Дедичь и наследник и государь и обладатель»¹. Однако происходившие тогда сложные процессы переосмысления понятия «государство» в контексте теории общего блага не могли не привести к преобразованию «вотчинного дискурса» в дискурс государственный. Государь предъявляет свои претензии на те или иные земли не просто по праву наследования, но как Отец Отечества, действующий от имени страны и народа. Свои наследственные области возвращал уже не царь, но сама Россия².

В ряду вопросов, постоянно находившихся в поле зрения русского правительства, был и польский. «Одним из главных аспектов этой традиционной проблемы, завещанной XVII в., – писал Г.А. Некрасов, – были территориальные вопросы – о воссоединении с Россией украинских и белорусских земель, оккупированных в прошлом панской Польшей и от которых Россия никогда не отказывалась. Но в изучаемое время (1725–1739 гг. – А.К.) этот основной нерешенный аспект польской проблемы не ставился русской дипломатией в качестве очередной внешнеполитической задачи» (39, с. 20). Действительно, в подготовленной в 1726 г. А.И. Остерманом записке о российской внешней политике отношения с Речью Посполитой не были выделены, как в случае с другими державами, в отдельный раздел; упоминалась она лишь в связи с Курляндией и Пруссией (42).

В 1733–1735 гг. Россия приняла активное участие в войне за польское наследство, в которой скрестились интересы Австрии, Пруссии,

¹ Слово «дедич», по-видимому, впервые появляется в титуле Лжедмитрия I. См.: Лакнер А.Б. История титула государей России // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1847. – Т. 56, № 11. – С. 124.

² Об осмыслении в петровское время Ливонии как исконно русской земли см.: 66, с. 235–247.

Франции, Швеции и Турции. Совместными усилиями с Австрией и в противовес Франции польский престол удалось сохранить за саксонским курфюрстом, что должно было гарантировать Польше роль буфера между Россией и Западной Европой. Эта линия в отношении Польши выдерживалась и в последующие десятилетия. «В иерархии ее (России. – *А.К.*) внешнеполитических приоритетов польское и шведское направления со второй половины 30-х годов XVIII века, – констатирует П.В. Стегний, – начинают играть второстепенную, а затем и подчиненную роль» (59, с. 77).

Посвятивший изучению русской внешней политики середины XVIII в. две монографии М.Ю. Анисимов констатирует: «Следует остановиться на том, что считается исторической миссией России, одной из ее основных внешнеполитических целей – “воссоединение украинских и белорусских земель с Россией”. У Бестужева-Рюмина этой цели не было, как не было ее и у его противника, покровителя заграничных православных вице-канцлера Воронцова, и как не было ее у Елизаветы. Православных, конечно, защищали, как защищали их в Австрии, Турции и даже на острове английском Минорка в Средиземном море, но никогда не думали об их вхождении в Россию. Планы Конференции 1756 г. (Конференции при Высочайшем Дворе. – *А.К.*) ничего не говорят о религиозных мотивах “округления границ”, только территориальных... В целом политика России в отношении Польши в 1749–1756 гг. не была глубоко продуманной, но она ни в коей мере не была агрессивной. Петербург практически не уделял внимания собственно польским делам, сосредоточив свое внимание на Европе» (4, с. 277). Кроме того, речь шла о «силовом одностороннем изменении границы без каких-либо компенсаций слабому соседу; тогда ни Елизавете, ни кому-либо из ее сановников эта идея даже не приходила в голову. Россия считалась с международным правом и интересами других европейских держав и не желала встать вровень с европейским изгоем – Пруссией Фридриха II, практиковавшего такие методы» (5, с. 409).

Иначе говоря, идеологически мотивированная задача собирания русских земель уступила в это время место откровенной прагматике. Более конкретные планы в отношении Польши появились у Петербурга только в связи со вступлением в Семилетнюю войну. Но они сводились преимущественно к захвату Восточной Пруссии с последующим обменом ее у Польши на Курляндию (территорию с отнюдь не православным населением). Предполагалась и возможность приобрести часть украинских и белорусских земель, но не исключалась вероятность ограничиться денежной компенсацией (4, с. 13).

Что касается Восточной Пруссии, то хотя в единственном Высочайшем манифесте там разрешалась свободная торговля, о «благополучном ныне покорении оружием Нашему целого Королевства Прусского» говори-

лось лишь вскользь¹. Формально в состав империи эта территория так и не вошла. А.П. Сумароков в оде 1758 г. усаживал Елизавету Петровну на прусский престол и призывал пруссаков радоваться своему новому счастью: «Довольна частию своею // Ликуй ты, Пруссия, под НЕЮ, // В веселье преняя свой страх». В то же время, по его утверждению, «Ни новых стран ни новой дани // ЕЛИСАВЕТА не ждала, // Гнушаяся кровавой брани // Европе тишину дала» (61, с. 45–47).

Заметим, что Сумароков, как позднее поэты, прославлявшие военные успехи века Екатерины, противопоставлял войну и мир, отдавая явное предпочтение последнему. Это отражало общую смену приоритетов в культуре Нового времени по сравнению со Средневековьем. В «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера постулировалось: войны бывают законные и незаконные, справедливые и несправедливые. «Поскольку государи чувствуют силу этой истины, они очень заботятся об издании манифестов с объяснением предпринятой войны и заботливо скрывают от народа и даже от самих себя истинные причины, побудившие их воевать». В несправедливых войнах «выдвигают благовидные предлоги, которые при внимательном изучении оказываются незаконными» (24, с. 202). Почему же Екатерина, эта примерная ученица просветителей, пошла против правил?

Присоединение польских земель: от идеи – до первого раздела

Идея присоединения к России восточных земель Речи Посполитой и защиты польских православных прозвучала уже в ноябре 1762 г. в записке, поданной на высочайшее имя игуменом виленского монастыря Святого Духа Феофаном Леонтовичем. Перечисляя выгоды, которые сулит России защита православных, игумен писал: «Российскому нашему государству можно будет на 600 верст самой лучшей и плодороднейшей земли с бесчисленным православным народом пред всем светом праведно и правильно у поляков отобрать» (цит. по: 41, с. 28).

Еще до Леонтовича внимание нового правительства к диссидентскому вопросу привлек человек более авторитетный – епископ белорусский Георгий Конисский. На коронации Екатерины II в сентябре 1762 г. он выступил с речью, в которой говорил о белорусском народе как о подданных императрицы. Выступление Конисского произвело сильное впечатление на Екатерину II, хотя в дипломатической переписке сама тема и появилась не ранее октября 1763 г.² «С самого начала там (в правящих кругах. – А.К.) смотрели на дело диссидентов не с религиозной, а с политической

¹ ПСЗРИ. – Т. 15, № 10 807.

² Стегний П.В. Указ. соч. – С. 89.

точки зрения. Речь шла не о защите православных или иноверцев в Польше, а о мерах, направленных на усиление позиций России в Речи Посполитой¹. Иначе говоря, в польских православных видели в первую очередь агентов российского влияния².

Защита православных в разных странах постоянно находилась в повестке дня российской дипломатии. Религиозный фактор весьма активно использовался в международных отношениях XVIII в.; правда, различить, был ли он вдохновлен религиозным чувством или служил предлогом для достижения вполне утилитарных целей, практически невозможно³. Как замечает М.Ю. Анисимов, «российские жалобы на обиды православных... были постоянным явлением, но кроме них никаких средств воздействия на притеснителей Петербург не использовал» (5, с. 388). С приходом к власти Екатерины проблема польских православных стала приобретать все более политическую окраску.

Секретный план борьбы за избрание на польский трон Станислава Понятовского был составлен вице-президентом Военной коллегии графом З.Г. Чернышевым в 1763 г., в преддверии кончины Августа III. Предлагалось воспользоваться ситуацией для присоединения некоторых польских земель: «...к стороне Европы нашим границам окружение сделать по реке Двине и, соединяя оную от Полоцка на Оршу с Днепром к Киеву, захватить по сю сторону Двины Крейцбург, Динабург и всю польскую Лифляндию, Полоцк и полоцкое воеводство, Витебск и витебское воеводство, по сю сторону от местечка Ула к Орше и оное местечко, включая от Орши Могилев, Рогачев, Мисциславского воеводства – все, лежащее по сю сторону Днепра и по Днепру до нынешних наших границ» (50, с. 9).

Обосновывалось это «деяние» сугубо прагматическими соображениями: Чернышев утверждал, что империя в принципе не нуждается в новых землях, но «округление» ее границ и проведение их по рекам способствует и безопасности, и торговле. Ни упоминаний о польских православных, ни тем более ссылок на необходимость «воссоединения» русских земель в плане Чернышева не было. 6 октября 1763 г. записку рассмотрели на конференции при высочайшем дворе и решили: «И, хотя великую сего проекта для здешняго государства пользу по многим обстоятельствам более желать, нежели действительнаго оной исполнения легко чаять можно, однакоже положено, чтобы, не выпуская оный проект из ви-

¹ Стегний П.В. Указ. соч. – С. 29.

² В сущности, также смотрели и на православных греков в период первой русско-турецкой войны.

³ В 1740 г. А.И. Остерман, комментируя смену власти в герцогстве Юлих-Берг, заметил: «О религии больше говорят, чем в действительности имеют ее в виду при переменах такого рода» (Black J. Eighteenth Century Europe. 1700–1789. – L., 1990. – P. 277).

ду, первым здешним войск движением быть с стороны тех мест, о которых в оном показано» (4, с. 8).

Отзвук этого решения обнаруживается в пространном «Общем наставлении» послу в Варшаве гр. Г.К. фон Кейзерлингу и министру кн. Н.В. Репнину от 6 ноября 1763 г., где после подробного перечисления всех претензий к Польше, включая непризнание российского императорского титула, неразграничение границ, строительство поляками поселений на спорных территориях, невыдачу ими беглых, притеснение православных, непризнание Э. Бирона герцогом Курляндским¹ и т.д. (заметим, что обвинение в притеснении православных стояло здесь далеко не на первом месте), говорилось: «Когда все наши столь сильные и изобильные меры сверх всякаго чаяния не предупеют, чтобы все дело решить без вступления наших войск в Польшу..., в таком случае мы уже не можем удовольствоваться собственным интересом нашей империи... и прежде ружья не положим, покамест не присоединим оным к нашей империи всю польскую Лифляндию» (4, с. 100). Здесь нет никаких намеков на исконно русскую принадлежность земель, на которые Россия претендовала еще в XVII столетии. В совместной Торжественной декларации России и Пруссии о правах диссидентов в Польше, принятой в июле 1764 г., они именовались подданными республики, а в мемориале, поданном Репниным в сентябре того же года королю, — жителями Речи Посполитой. Никаких намеков на подвластность Российской империи.

Интересен еще один сюжет, возникший в дипломатической переписке 1763–1764 гг. Он связан с признанием поляками российского императорского титула, некоторые «элементы» которого в Польше усматривали как территориальные претензии. Эта проблема имела многовековую историю: когда Иван III стал называться «государем всея Руси», тогдашнее Великое княжество Литовское не пожелало этот титул признавать (70, с. 69). Россия пыталась развеивать сомнения поляков. Так, в рескрипте от 20 ноября 1763 г. утверждалось: «Никакой простой титул, следовательно, и императорский всероссийский, не имеет никакого произвестъ права к какому-либо претензиям, клонящимся к приобретению таковых владений, кои утверждаются на взаимном праве, происходящем и основывающемся на постановленных между государствами трактатах» (50, с. 114). Два дня спустя в личном письме своему послу Кайзерлингу императрица добавляла: «Мне кажется, что поляки знают, что английский король носит титул короля Франции, не имея никаких притязаний и ни пяди земли во Фран-

¹ Интересно, что в предшествующие годы именно поляки настаивали на возвращении Бирона на курляндский трон, но регулярно получали отказ от императрицы Елизаветы Петровны (см.: 4, с. 244–247).

ции»¹ (50, с. 120). Подозрения поляков, конечно, были небеспочвенны, однако нет никаких секретных документов, никаких высказываний, указывающих на «национально-пространственную» мотивацию русской политики в Польше того времени. Как известно, в Польшу были введены русские войска, но от плана присоединения польской Лифляндии Екатерина на том этапе отказалась.

Следующие несколько лет после избрания послушного ей («своего») короля Россия без особого успеха добивалась решения диссидентского вопроса. Отчасти он решился в 1768 г., когда накануне войны с Османской империей 1768–1774 гг. Россия объявила себя гарантом сохранения политического строя Речи Посполитой, блокируя тем самым всякие попытки политических реформ. Ознаменовавшаяся громкими победами на суше и на море, русско-турецкая война привела, однако, к первому разделу Польши. На него Россия, по мнению многих (согласных с Соловьевым) историков, пошла неохотно – не столько из-за нежелания поживиться за счет чужих земель, сколько из-за того, что это вело к усилению Пруссии и Австрии². Возможно, поэтому первый раздел весьма своеобразно представлен в официальных документах.

28 мая 1772 г. последовали именной указ гр. З.Г. Чернышеву, назначенному белорусским генерал-губернатором, и наказ псковскому и моголевскому губернаторам М.В. Каховскому и М.Н. Кречетникову. В первом упоминалось «соглашение с Венским и Берлинским двором», во втором же объявлялось: «Причины, кои нас принудили присоединить некоторые провинции Польской республики к империи нашей, вы усмотрите из печатного о том Манифеста, и для того за излишне почитаем здесь о том упомянуть»³. Однако манифеста, который разъяснил бы причины расширения империи за счет Польши (и начинался бы, как и иные подобные акты того времени, словами: «Объявляется во всенародное известие»), так и не появилось.

Вместо этого почти через три месяца, 16 августа, вновь последовал указ Чернышеву со ссылкой на соглашение России с Веной и Берлином.

¹ До тех пор пока на польском троне был саксонский курфюрст, проблема признания польским сеймом российского императорского титула для российского правительства не имела принципиального значения, поскольку Саксония российский титул признавала. (О попытках России добиться признания Польшей российского императорского титула в 1752 г. см.: 4, с. 253.)

² Интересно, что в предшествующей первому разделу переписке Екатерины II с Фридрихом II слово «раздел» не упоминалось: корреспонденты писали об общем и справедливом деле (см.: Н.С. Раздел Польши по официальным документам // Вестник Европы. – СПб., 1883. – Т. 6, № 12. – С. 726).

³ ПСЗРИ – Т. 19. – № 13 807, 13 808. Собственноручные черновики наказа Каховскому и Кречетникову см.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 10. Кабинет Екатерины II. Оп. 1. Д. 183.

К нему был приложен предназначенный для публикации на вновь присоединенных землях плакат, в котором от имени генерал-губернатора довольно невнятно говорилось: «Ее Императорское Величество, всемилоостивейшая моя Государыня, в удовлетворение и замену многих империй своей на Речь Посполитую Польскую издревле законно принадлежащих неоспоримых прав и требований изволит ныне брать под Державу Свою и присоединить на вечные времена к империи своей все нижеименованные земли и жителей их»¹. Лишь 25 октября 1772 г. специальным указом «во всенародное известие» объявлялось: «Неутомленными Ея Императорскаго Величества трудами и неусыпным матерним о благополучии Российской империи попечением присоединены к державе Ея от Речи Посполитой Польской некоторые земли»². Никакие торжества по случаю этого события не проводились, и для пропаганды достижений империи оно не использовалось.

Период между первым и вторым разделами Польши почти целиком связан с именем Г.А. Потемкина, главного советника императрицы, игравшего важнейшую роль и в выработке польской политики России. Поэтому особую ценность в качестве источника по истории этой политики приобретает введенная в научный оборот в 1997 г. переписка Екатерины с Потемкиным³, тем более что характер отношений между ними предполагал предельную откровенность.

Потемкин поначалу уговаривал императрицу заключить с Польшей союз и сформировать из поляков несколько воинских соединений, которые приняли бы участие в новой войне с Турцией. Когда из-за противодействия Пруссии от этого плана пришлось отказаться и в 1789 г. возникла угроза военного польско-прусского союза, направленного против России, Потемкин предложил поднять в восточных областях Речи Посполитой восстание православных. По его мнению, они при первой же возможности должны были превратиться в «казаков»⁴. Еще несколькими годами ранее расхваливавший поляков, причислявший себя к их числу («я столько же поляк, как и они») и предлагавший поделиться с ними турецкими трофеями, Потемкин теперь настаивал: «О Польше. Хорошо, естли б ее не делили, но, когда уже разделена, то лутче, чтоб вовсе была она уничтожена... Польши нельзя так оставить. Было столько грубостей и по ныне

¹ ПСЗРИ. – Т. 19, № 13 850.

² Там же. № 13 888.

³ Это стимулировало появление новых исследований, наиболее значимыми из которых являются работы О.И. Елисеевой и А.Л. Зорина (15; 21).

⁴ Современный исследователь В.С. Лопатин трактует это предложение Потемкина следующим образом: «Таким образом, не русская армия должна была освободить своих единокровных и единоверных братьев, а казачье войско, заставляющее вспомнить время Богдана Хмельницкого» (13, с. 893).

продолжаемых, что нет мочи терпеть. Ежели войска их получат твердость, опасны будут нам при всяком обстоятельстве, Россию занимающем, ибо злоба их к нам не исчезнет никогда за все нестерпимые досады, что мы причинили» (13, с. 265, 893).

Подчеркнем: польская тема в переписке Потемкина и Екатерины занимает все более заметное место по мере сближения Польши с Пруссией, которую поддерживала Англия. Это, естественно, воспринималось как угроза России, усилившаяся с началом второй русско-турецкой, а затем и русско-шведской войн. Появляются первые намеки на возможность нового раздела. В письме от 25 ноября 1789 г. Екатерина замечает, что «после мира (с Турцией. – А.К.) и белоруссов прибрать можно» (13, с. 386). В марте 1790 г. ее адресат предлагает, заключив мир, начать войну с Пруссией, «а убытки наградить от Польши» (13, с. 403). В ноябре того же года императрица высказывается уже более определенно: «Ежели он (король Пруссии. – А.К.) решится противу нас действовать, в то время должно будет приступить к твоему плану и стараться, с одной стороны, доставить себе удовлетворение и удобства противу нового неприятеля на шет той земли, которая служила часто главным поводом ко всем замешательствам» (13, с. 439). Примечательно письмо Потемкина от 3 декабря 1790 г., в котором он намекает Екатерине: поскольку первый раздел произошел вопреки ее желанию, а союз с Россией полякам уже «довольно беды наделал», надо придерживаться иной политики – свалить вину за первый раздел на Пруссию и обещать Польше компенсацию в отвоеванной у турок Молдавии (13, с. 443).

В обсуждении плана Потемкина, по-видимому, участвовал А.А. Безбородко, который в связи с этим писал: «Проект о Польше колико полезен для Российской империи в том нет нужды распространяться. Посредством исполнения сего проекта приобретены будут обширные и плодоносные земли, населенные многочисленным отважным, с нами единоверным и от России единственно чающим спасения своего народом. Он умножит страшную военную силу и послужит в нужном случае к замене внутри государства многих чрезвычайных рекрутских наборов. Польша перестанет быть для нас пугалищем, по видам соседей границы наши найдутся в полной безопасности. Приобретения венского и берлинского дворов ни мало с нашими не сравнятся»¹.

На записке Безбородко имеется резолюция Екатерины: «Не Подолию отдать туркам, а Пруссию полякам, естли Бог велит». Иначе говоря, императрица тогда также полагала, что Польша должна получить компенсацию взамен отбираемых у нее территорий. При этом Екатерина в целом согласилась с планом Потемкина и удовлетворила его просьбу дать ему

¹ Текст записки А.А. Безбородко см.: 59, с. 652.

звание гетмана екатеринославских и черноморских казаков. В мае-июле 1791 г. она подписала два секретных рескрипта на имя Потемкина. В первом (от 16 мая), в частности, говорилось: «Усердие к вере единоверных и единоплеменных нам тамошних обитателей, привязанность их к России и надежда, что единою ея помощью могут они избавиться от угнетений, им причиняемых, удостоверяют нас, что при первом появлении войск наших в том крае они с нами соединятся и, возобновив в памяти храбрость предков своих, общею силою предусеюют выгнать из края тамошняго неприятелей. Данное от нас вам именованное великаго гетмана войск наших казачих Екатеринославских и Черноморских послужит побуждением и самым надежным средством для всех веры и происхождения российских обитающих в Польше собраться под главным руководством вашим на действия там подлежащая»¹.

Новый рескрипт Потемкину последовал 18 июля, когда в Петербурге уже в полной мере осознали последствия принятия 3 мая 1791 г. новой польской Конституции. В нем среди прочего упоминалось: «В случае оказательства непреодолимой в короле прусском жадности, должны будем, в отвращение дальнейших хлопот и беспокойств, согласиться на новый раздел польских земель в пользу трех соседних держав. Тут уже та будет выгода, что, расширяя границы государства нашего, по мере онаго распространяем и безопасность его, приобретаем новых подданных единого закона и рода с нашими»².

Как видим, никаких упоминаний о восточных землях Речи Посполитой как «исконно русских», «взывающих» к воссоединению с Россией, дабы завершить миссию московских князей, в рассмотренных документах нет. Отсутствуют и опасения потерять влияние на польских православных, что, как считал Соловьев, должно было особенно печалить, волновать и возмущать российские власти. Более того, в документах этого времени, как официальных, так и секретных, постоянно подчеркивается, что Россия предпочитает сохранить целостность Польши, что ее основная цель – восстановление там прежнего политического строя, уничтоженного Конституцией 3 мая, а раздел возможен лишь в крайнем случае. Примечательно, что никаких прямых высказываний Екатерины в пользу раздела не содержит и дневник А.В. Храповицкого.

Это подтверждает мнение П.В. Стегния: «До начала Русско-турецкой войны 1787–1791 годов планы Екатерины в отношении Польши сводились к поддержанию там статус-кво, отвечавшего ближайшим интересам России. Присоединение Правобережной Украины, оставшейся во

¹ Русский архив. – СПб., 1874. – № 8. – Стб. 255.

² Там же. Стб. 283–284. О дискуссиях в историографии вокруг рескриптов Потемкину 1791 г. см.: 32, с. 163–164.

владении Польши после первого раздела... не являлось для императрицы делом первоочередной важности»¹. Историк приводит записку императрицы Безбородко от мая 1792 г.: «Я думаю же ныне, что по польским делам не было еще следовано от 1717 года иному проэктору, кроме одинакому, т.е. чтоб сохранить республику и вольность ея, колико возможно в целости»².

Все изменился в ближайшие несколько месяцев, когда второй раздел Польши стал неотвратимым и его потребовалось идеологически обосновать.

Как формировалась идеология польских разделов

Еще 8 декабря 1792 г., т.е. до подписания конвенции с Пруссией о разделе Польши, М.Н. Кречетникову был направлен секретный рескрипт, в котором о разделе говорилось, как об уже свершившемся факте. Именно там впервые была предложена принципиально новая трактовка событий, основанная на идее собирания земель: «Нет нужды упоминать здесь о причинах, понудивших нас присоединить к империи нашей от Республики Польской земли, издревле России принадлежавшия, грады, Русскими князьями созданные, и народы, общая с Россиянами происхождения и нам единоверные, и о наших на то правах» (цит. по: 59, с. 601)³.

23 января 1793 г. была подписана конвенция между Россией и Пруссией, а 27 марта М.Н. Кречетников обнародовал Манифест, содержавший развернутое обоснование раздела. Российская императрица, говорилось в нем, на протяжении тридцати лет безуспешно старалась о сохранении в Польше «покоя, тишины и вольности»: «С особливим соболезнованием Ея Императорское Величество всегда взирала на те притеснения, которым земли и грады, к Российской империи прилеглые, некогда суццм ея достоянием бывшие и единоплеменниками (курсив мой. – А.К.) ея населенные, созданные и православною христианскою верою просвещенные, и по сие время оную исповедующие, подвержены были»⁴. Теперь же угрозы для этих людей усилились, поскольку «некоторые недостойные поляки»

¹ Стегний П.В. Указ. соч. – С. 179.

² Там же. С. 269.

³ В том же рескрипте Кречетникову говорилось: «Мы желаем, чтобы сии области не токмо силою оружия были нам покорены, но чтобы вы людей, в оных живущих, добрым, порядочным, правосудным, снисходительным, кротким и человеколюбивым управлением Российской империи присвоили, дабы они сами имели причину почитать отторжение свое от анархии Республики Польской за первый шаг к их благоденствию».

⁴ Манифест почти дословно повторял рескрипт русскому послу в Польше Я.Е. Сиверсу от 22 декабря 1792 г.: «Сии и многие другие уважения решили нас на дело, которому началом и концом предполагаем избавить земли и грады, некогда России принадлежавшие, единоплеменниками ея населенные и созданные и единую веру с нами исповедующие от соблазна и угнетения им угрожающих» (цит. по: 58, с. 595).

пытаются распространить на Польшу французское влияние и «тем ввещающая от наглости их предостит опасность как спасительной христианской вере, так и самому благоденствию обитателей помянутых земель от введения нового пагубного учения, стремящегося к разторжению всех связей гражданских и политических, совесть, безопасность и собственность каждого обеспечивающих»¹.

Хотя идея об «исконной» русскости присоединенных польских земель присутствовала в этом официальном документе, основной акцент для новых подданных делался на их защите и спасении. Правда, не как единоплеменников, – и не от угнетения католиками-поляками, а от пагубного французского влияния. *Воссоединение* русских земель, как акт исторической справедливости, Манифест не восславил². Вероятно, в Петербурге сознавали, что это объяснение у населения присоединяемых территорий, далеко не однородного в конфессиональном отношении, вряд ли найдет нужный отклик.

Еще через несколько месяцев, 2 сентября 1793 г., во время празднования при дворе мира с Османской империей генерал-прокурор А.Н. Самойлов произнес пространную речь, обращенную к императрице и предназначенную для широкой публики. Перечисляя многочисленные достижения Екатерины, он сказал: «От сих пространных завоеваний обрати душевные очи на десную страну: се Двина и Днепр текут в наших обон-пол пределах: от Самогитии на долготу Днестра простерта наша граница. Страны нам единоплеменные, отторгнутыя сарматами, обрели свое избавление в веке Екатерины Вторыя: рукою и разумом Ея присоединены яко оторванные члены к телу России и составляют ныне пять наших провинций многолюдных и преизобильных»³.

В этой публичной акции обращают на себя внимание несколько моментов. Во-первых, здесь вовсе не упоминается об угрозе губительного влияния Французской революции. Во-вторых, хотя присоединение поль-

¹ ПСЗРИ. – Т. 23, № 17 108. На гравюре Шюблера по рисунку Р. Штейна «Объявление генералом Кречетниковым Манифеста о присоединении Вольни и Подолии 1793 г.» он изображен молодцеватым усачом; в действительности ему было в это время уже 64 года, и он умер 9 мая того же 1793 г.

² Показательно, что А.М. Грибовский, сын украинского казачьего есаула, в своих воспоминаниях, написанных уже после смерти Екатерины, описывая кратко «дела польские» 1792–1795 гг., также ни словом не упоминает воссоединение русских земель, но пересказывает заявление Я.Е. Сиверса польскому сейму о том, что «императрица... для предохранения владений своих от распространения противниками Тарговицкой конфедерации мятежнических правил и потушения возникающих от того смятений, повелела отделить от Польши некоторые области к империи своей» (Грибовский А.М. Воспоминания и дневники // Екатерина II: Искусство управлять. – М.: Фонд Сергея Дубова, 2008. – С. 280).

³ Приложения к Камер-фурьерскому церемониальному журналу 1793 года. – СПб., 1892. – С. 100.

ских земель трактуется не как завоевание и победа русского оружия, оно тем не менее помещается среди достижений Екатерины в один ряд с военными победами над турками. Конечно, и первый, и два последующих раздела Польши неразрывно связаны с русско-турецкими войнами, были частью одной истории. Однако во время пышных торжеств 1775 г. по случаю Кучук-Кайнарджийского мира польскую тему, по-видимому, сочли неуместной, притом что «обращение к собственной российской истории в праздничной символической начинает соперничать с классицистическими аллегориями Древнего Рима» (55, с. 439). То есть принципиальным образом менялось идеологическое обоснование события. В-третьих, молчаливым в речи Самойлова обойдена конфессиональная тема: речь идет исключительно о единоплеменниках, а не о единоверцах. В-четвертых, «историческая вина» за отторжение отеческих земель возлагается на «сарматов», т.е. на польскую шляхту (причем, конечно же, не случайно используется слово «сарматы», а не «поляки»)¹. Наконец, здесь появляется выражение «отторгнутая», воспроизведенное на медали, с описанием которой начинается эта статья.

2 сентября 1793 г. датирован и высочайший Манифест, на сей раз обращенный ко всем подданным империи и получивший в Полном собрании законов название «О разных дарованных народу милостях». В первой его части среди прочего говорится: «Когда же при напряжении сил Государства Нашего к достижению мира сего (с Турцией. – *А.К.*) завистники славы и могущества России произвели насильственно в соседственном государстве вредныя перемены, расторгнувши древния и торжественныя с Нами обязательства Польши в том намерении, дабы возбудить противу Нас сей единоплеменный Российскому народ, ведомо всем, коим образом предупели Мы не токмо оружием отразить злоумышление, противу Нас направленное, и отвратить опасности, тут предстоящая, но паче при благодати Бога, России всегда помощника, возвратить ей древнее ея достояние, большею частью единоверных с Нами населенное, от предков наших во времена внутренних мятежей и внешних нашествий несправедно отторгнутое, ныне же в трех обширных, многолюдных и изобильных Губерниях: Изяславской, Брацлавской и Минской с сильною крепостью Каменцем-Подольским и со всеми бывшими там войсками, до 20 000 простирающимися, без выстрела, к истинному его телу паки присоединенное». Здесь официализируется дискурс возвращения отторгнутых земель, хотя причины отторжения и трактуются несколько иначе, чем в речи Самойлова.

В Российском государственном архиве древних актов сохранился черновик этого Манифеста, написанный писарским почерком и правленный

¹ Возложение вины за отторжение русских земель на сарматов связано с возникшей в Польше еще в XVI в. теорией происхождения от сарматов польской шляхты.

рукой Екатерины II¹. Правка эта носит стилистический характер, причем очевидно, что перед нами уже не первоначальный текст (между листов черновика Манифеста имеется обрывок бумаги, на котором рукой императрицы написана одна из фраз, уже вошедших в переписанный вариант). Однако этот документ содержит только первую часть Манифеста. Можно было бы предположить, что черновик второй части не сохранился, но в конце дошедшей до нас рукописи проставлена дата, т.е. она имеет законченный вид². Вероятно, две части Манифеста готовились по отдельности и лишь позднее их соединили в одном законодательном акте. В пользу такой версии говорит и помета на архивном деле: «Из бумаг А.А. Безбородко». По-видимому, первая часть Манифеста, в которой много говорилось о внешнеполитических событиях, готовилась в Коллегии иностранных дел (вероятно, самим Безбородко), а вторая – в другом ведомстве, возможно, в Сенате. Соединение же их в единый документ произошло уже после 2 сентября. Не случайна и определенная корректировка этого текста по сравнению с речью Самойлова.

Дело в том, что в Камер-фурьерском журнале 25 сентября 1793 г. имеется следующая запись: «В аудиенц-каморе Ея Величеству представлены были присланные от Минской и Брацлавской губернии депутаты для принесения всеподданнейшей благодарности за возвращение сих областей в недро древняго их отечества»³. 2 октября были приняты «польские депутаты, присланные от Изяславской губернии», но за что они благодарили императрицу, в журнале не уточняется⁴. Заметим, что делегация Минской и Брацлавской губерний состояла из представителей польско-литовско-белорусской шляхты (имена депутатов от Изяславской губернии в Камер-фурьерском журнале не названы) (14, с. 293). Без сомнения, среди них были и католики, и униаты, и православные. Поэтому и обозначили их в Манифесте как единоплеменников, желая облегчить им процесс возвращения в «недро древнего отечества».

Как отмечает А.Л. Зорин, «Екатерина не хотела широкомасштабных торжеств по случаю второго раздела» (21, с. 150). Если принять во внимание эти обстоятельства, становится понятна история с известным поэтом екатерининского времени В.П. Петровым, который, как известно, был близок к Потемкину. Ода Петрова «На присоединение польских областей к России» – одно из немногих публичных откликов на это событие. При-

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 10. Кабинет Екатерины II. Оп. 1. Д. 120.

² Примечательно, что после даты 2 сентября 1793 г. в рукописи идет следующий текст: «... царствований же наших всероссийскаго в три десять на второе и таврическаго в первое на десять» (Там же. Л. 8).

³ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1793 года. – СПб., 1892. – С. 14.

⁴ Там же. С. 4–5.

мечательно уже название этого произведения: *присоединение*, а не *воссоединение*, польских, а не исконно русских.

Поэт писал, что «хотя о сем происшествии молебен пет, но из пушек не палили и мной овладело сомнение, пристойит ли мне заряжать стихотворным громом идеи в описании дела, кое кончилось бесшумно» (цит. по: 74, с. 401). Вдохновение все же заставило его взяться за перо – поэтический текст написан от имени реки Днепр. В оде Петрова – это символ славянского единства великороссов, малороссов и поляков (!). России, согласно Петрову, предстоит объединить всех славян: полякам поэт отдает первенство в славянском братстве:

Но вам, наперсники России,
Поляки, первородства честь;
Вы дни предупредили сии,
Вам должно прежде всех расцвествь.

Выходит, что Петров либо ничего не знал об идее объединения/возвращения отторженных русских земель, либо просто ошибся с идеологической трактовкой этого события (что называется «попал не в струю»). При этом умудрился назвать поляков единоплеменниками. Но, по сообщению биографа поэта И.А. Шляпникова, свое произведение тот отослал императрице, и она «исправила некоторые места в оде Петрова на присоединение польских областей, вновь напечатала ее вместе с посланием его же и отослала Василию Петровичу в Москву при милостивом письме» (там же). Действительно, среди распоряжений Екатерины по придворному ведомству имеется и такое, датированное 30 августа 1793 г.: «Высочайше повелено заплатить из Кабинета за напечатание... Оды на присоединение Польских областей к России 82 руб. 95 коп.» (см.: 36, с. 188)¹. И это всего лишь за два дня до того, как была произнесена речь Самойлова, которого вряд ли можно заподозрить в самодеятельности.

Казалось бы, Петров предлагал новую и весьма перспективную трактовку разделов, но, по-видимому, время для нее еще не пришло. Екатерина мыслила иными, глобальными категориями: ее Греческому проекту надлежало избавить Европу от владычества мусульман и, по утверждению Ф. Энгельса, стать «решительным шагом к господству над Европой». Идея панславизма у российской императрицы либо не нашла отклика, либо она вообще ее не поняла. Вероятно, она представлялась Екатерине слишком узкой, локальной и к тому же предполагала противопоставление славянского мира остальной Европе, в то время как императрица, напротив, хотела видеть Россию ее частью. С другой стороны, к 1793 г. надежд на реализацию Греческого проекта уже не оставалось. Не случайно именно тогда и появляется спасительная «находка»: воссоединение русских земель, о

¹ Приложения к Камер-фурьерскому церемониальному журналу 1793 года. – С. 36.

существовании которой Петров, судя по всему, не знал. В сущности, это был радикальный поворот Екатерины, долго лелеявшей и пропагандировавшей идею общеевропейской «христианской республики» (55, с. 415–427), к национальному, патриотическому дискурсу. При этом ода Петрова не была воспринята Екатериной как крамола. Наверное, не будучи уверена в действительности официальной трактовки разделов, она разрешала своего рода плюрализм мнений.

И новый идеологический дискурс, и речь Самойлова, и, наконец, надпись и изображения на реверсе медали 1793 г. имели один и тот же источник. Более того, новый идеологический дискурс получил развитие – ведь в него был вписан и первый раздел Польши, получивший, таким образом, новое обоснование¹. Сюжет и надписи на медали были санкционированы высшей властью. С сентября 1793 г. выбитая на медали трактовка разделов Польши становится основной и приобретает официальный характер, служа и для внутреннего, и для внешнего потребления. Два года спустя, в сентябре 1795 г., еще до оформления третьего, окончательного раздела Речи Посполитой, когда поляки в отчаянии предложили Екатерине польскую корону, в письме к барону Гримму она писала: «При разделе я не получила ни пяди польской земли, а Червоная Русь, Киевское воеводство, Подолия, Вольнь с главным городом Владимиром и у поляков носили те же названия. Владимир был основан князем Владимиром I в 992 г., а Литва и Самогития никогда не составляли частей Польши. Если же мне не принадлежит ни одной пяди польской земли, то я не могу принять и титула польской королевы... Они (поляки. – А.К.) даже не знают, что я не владею ни единой пядью польской земли, а сами предлагают мне быть их королевой» (цит. по: 9, с. 81–82)².

Заметим, что Литву и Жемайтию («Самогитию»), вошедших в состав Российской империи в результате третьего раздела Польши, Екатерина не пыталась выдать за исконно русские земли. В Манифесте, обнародованном Н.В. Репниным в октябре 1794 г., говорилось о необходимости освобождения Литвы от внутренних врагов – соратников Т. Костюшко. Потомки, однако, судили иначе. В 1904 г. в Вильно был торжественно открыт памятник Екатерине II работы М.М. Антокольского. На задней части пьедестала памятника воспроизведена медаль 1793 г. с надписью: «Отторженная возвратих».

¹ Надо заметить, что ошибается П.В. Стегний, полагающий, что «национальный стереотип применительно ко всем трем разделам сформировался только в славянофильской публицистике 40-х годов XIX века как реакция на антироссийскую направленность преимущественно французских и польских историков и публицистов» (59, с. 20).

² Примечательно, что еще в 1793 г. Я.Е. Сиверс предлагал Екатерине проект унии Польши и России, с тем чтобы польская корона была отдана либо великому князю Павлу Петровичу, либо старшему внуку императрицы Александру (см.: 59, с. 313–314).

Однако в конце 1794 г., после взятия А.В. Суворовым Варшавы, в «Московских ведомостях» был опубликован «Меморандум о покорении Польши», составленный А.А. Безбородко¹. В нем говорилось: «Отсюда проистек раздел польских областей, посредством коего Ее Императорское Величество возвратила к империи своей земли, издревле к ней принадлежавшие, *отторженные* от нее во времена смутные с таковым же коварством, с каковым зломышленные из поляков готовились и ныне на ущерб России, и населенные народом с нами единоплеменным и единоверным, благочестия же ради угнетенным» (курсив мой. – А.К.) (цит. по: 47, с. 157).

Екатерина, очевидно, прониклась сознанием своей миссии собирательницы русских земель и единственно, о чем сожалела, так это о том, что по первому разделу Галиция досталась Австрии². Эта мысль не давала покоя и ее потомкам. В 1846 г. император Николай I писал наместнику Царства Польского генералу И.Ф. Паскевичу: «Ежели хотят австрийцы поменяться и отдать мне Галицию взамен всей Польши по Бзуру и Вислу, отдам и возьму Галицию сейчас, ибо наш старый край». Ф.А. Кудринский, автор статьи «Разделы Польши» в сборнике «Императрица Екатерина II», вышедшем в Вильно в 1904 г. и приуроченном к открытию там памятника императрице, писал: «После второго раздела Польши Екатерина велела отчеканить медаль с изображением карты отнятых областей и с надписью кругом ее “Отторженное возвратих”... Эта надпись грешила в том смысле, что по второму разделу далеко еще не все русские области возвращались к России – Галицкая, Червоная и Угорская Русь навсегда остались за рубежом России» (35, с. 292).

Заветная мечта русских государей осуществилась осенью 1914 г., когда русские войска заняли Галицию и Буковину. Тогда говорили, что Николай II завершил наконец дело своих предков.

¹ Не исключено, что именно А.А. Безбородко, в ведении которого находилась подготовка всех внешнеполитических документов, был непосредственным автором формулировок, вошедших в 1793 г. в официальные интерпретации разделов Польши.

² См.: 14, с. 238 (запись от 4 мая 1793 г.) Стоит упомянуть, что присоединение Галиции к Австрии по первому разделу в 1772 г. также получило обоснование на основе исторической аргументации в сочинении королевского библиотекаря при венском дворе Адама Франтишека Коллара «Jurium Hungariae in Russiam minorem et Podoliam, Bohemiaeque in Osvicensensem et Zatoriensem ducatus explicatio». Когда же после этого австрийский посол в Пруссии заметил, что у Австрии больше нет к Польше территориальных претензий, Фридрих II ответил: «Поройтесь в своих архивах, и вы найдете там предлог приобрести в Польше еще что-нибудь помимо того, что вы уже оккупировали» (цит. по: 59, с. 140).

Идеология просвещенного абсолютизма и практика захвата чужих земель

Приведенные документальные свидетельства, как представляется, говорят о том, что Екатерина II была отчасти обескуражена результатами собственной политики в отношении Польши. В период между смертью Петра Великого и ее воцарением Речь Посполитая не была приоритетом российской внешней политики, но стала таковой в 1763 г. Удивляет энергия, с какой новая императрица взялась за польские дела, и то внимание, которое она им уделяла¹. Придя к власти, Екатерина первое время пыталась выработать собственную внешнеполитическую доктрину и искала случай, который позволил бы ей проявить себя активным игроком на международной арене и способствовал бы укреплению ее авторитета внутри страны. Смерть Августа III оказалась тут как нельзя кстати. Традиция «делать» польского короля с помощью русского оружия к тому времени уже вполне сложилась, но поддержать претензии на трон очередного саксонского курфюрста, как было обещано Августу III императрицей Елизаветой Петровной, было бы слишком просто². Немаловажным было и то, что к моменту воцарения Екатерины возросло значение Польши как своего рода подушки безопасности между Россией и Западной Европой, прежде всего Пруссией, которая с начала 1740-х годов играла все большую роль в европейской политике. Поэтому на польский трон следовало посадить не просто лояльного, но и полностью зависимого от России человека.

Речь Георгия Конисского на коронации, по-видимому, навела Екатерину на мысль, что польские дела можно использовать еще и для укрепления своего образа защитницы православия. Это также должно было усилить ее авторитет в глазах подданных, что было совсем не лишним в условиях подготовки реформы по секуляризации церковных имений. Однако если при российском дворе и возникали какие-то планы по отторжению части польских земель, то императрица в силу своих убеждений поначалу вряд ли им симпатизировала. И Екатерина, и ее ближайшие советники исходили из необходимости сохранения польской государственности. Вероятно, именно поэтому план Чернышева 1763 г. не был воплощен в жизнь.

¹ По мнению М.Ю. Анисимова, «проблема установления российского господства в Речи Посполитой стала основной проблемой екатерининской дипломатии. При этом причины такой роли польских дел в российской внешней политике к началу правления Екатерины II до сих пор остаются в тени» (5, с. 433).

² В отличие от Екатерины, при Елизавете Петровне «кандидатура “Пяста”, т.е. природного поляка, Россией отвергалась, ибо, по мнению Петербурга, поляки склонны к собственной корысти и существует риск потери влияния на Варшаву в случае, если король-поляк решит изменить внешнеполитическую ориентацию страны» (5, с. 380).

События стали развиваться не вполне так, как задумывалось. Во-первых, Екатерина глубоко увязла в проблеме польских диссидентов; она оказалась фактически нерешаемой, а отступить от нее означало потерять лицо. Во-вторых, она фактически приняла чужие правила игры. Если с 1726 по 1762 г. Россия придерживалась союза с Австрией, то потом она заметалась между Австрией и Пруссией, загнав себя в еще одну ловушку и дав возможность более опытным партнерам вмешаться в исход русско-турецких войн и увязать их с польскими делами¹. В конечном счете это и привело к разделу Польши.

Хотя сам факт присоединения к империи новых земель Екатерина, конечно же, считала благом (в письме к И.Г. Чернышеву от 13 августа 1793 г. она удивлялась, что, поздравив ее с обручением великого князя Александра Павловича, он не поздравил ее с новыми губерниями)², в целом таким результатом она вряд ли была довольна. И не только потому, что не удалось сохранить польскую государственность, а соответственно, и отведенную Польше роль в обеспечении безопасности России. Впитавшая принципы Просвещения и искренне верившая в них российская императрица понимала, какова «нравственная сторона» случившегося. Осознавая несоответствие содеянного образу просвещенной монархини, над созданием которого она так долго трудилась, императрица, вероятно, испытывала душевный дискомфорт и укоры совести. Особенностью XVIII столетия было то, что тогда появилось общественное мнение, с которым монархам приходилось считаться. Формирующаяся под влиянием Просвещения общественная мораль противилась захватам чужих земель, общественное мнение больше не воспринимало их как нечто естественное и скорее осуждало, о чем свидетельствуют многочисленные карикатуры на разделы Польши (преимущественно английские). Там Екатерина предстала в особенно

¹ Представляется возможным предположить, что отказ на рубеже 1770–1780-х годов от внешнеполитического курса, разработанного в начале царствования Екатерины Н.И. Паниным и основанного на союзе с Пруссией, в пользу союза с Австрией ради реализации Греческого проекта был серьезной ошибкой Екатерины. Если бы Россия придерживалась союза с Пруссией, второго и третьего разделов Польши, возможно, не произошло бы. В свою очередь, участие в разделах не только испортило репутацию России в общественном мнении, но и ослабило ее позиции на международной арене – в частности, в качестве гаранта Тешенского мира и арбитра в отношениях германских государств (см.: 72, с. 410). Это обстоятельство важно с точки зрения общей оценки итогов внешней политики Екатерины. Однако эта проблема выходит за рамки темы данной статьи.

² Письма и бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в императорской Публичной библиотеке (СПб., 1873. – С. 95). В недавно опубликованной статье И. Лосиевского приведена неверная датировка этого письма (Лосиевский И. С пером и скипетром // Екатерина II. Российская история: Записки великой императрицы. – М., 2008. – С. 28). Сам факт, что Чернышев не поздравил Екатерину с очередным разделом, весьма примечателен: очевидно, что в отсутствие официальной трактовки этого события опытный придворный просто не знал, стоит ли это делать.

неприглядном виде¹. «В отличие от времен первого раздела Польши, – отмечает К. Шарф, – теперь, в революционное десятилетие, когда общественное мнение стало более бесстрашным и одновременно более дифференцированным, лишь немногие публицисты были готовы превозносить императрицу России как усмирительницу анархического народного движения в Польше... многочисленными были голоса тех, кто осуждал новую безудержную экспансию России за счет Османской империи, приветствовал польскую Конституцию 1791 года, соответствовавшую традициям Просвещения и нацеленную на конституционные реформы, и, наконец, тех, кто обвинял в упразднении дворянской республики в первую очередь ничем не сдерживавшуюся наступательную политику России. В качестве побудительных причин к ней называли деспотизм, жажду славы и завоеваний, свойственные Екатерине...» (72, с. 410). В этих обстоятельствах и для российской, и для иностранной публики необходимо было придумать убедительное оправдание. Тут-то на помощь императрице и пришла история.

Эпоха Екатерины Великой – это не только социальные и административные реформы, укрепление авторитета России на международной арене, славные победы армии и флота, успехи в науке, литературе и искусствах, создание Эрмитажа, основание первой публичной библиотеки и первой общественной организации, начало русской благотворительности и коллекционирования предметов искусства, т.е. все то, что нередко обозначают как «золотой век» русской истории. Это еще и важнейший этап формирования русского национального самосознания, русского патриотизма и даже, как считают некоторые исследователи, русского национализма². Причем все эти явления были теснейшим образом взаимосвязаны.

В 60-е годы XVIII столетия на авансцену русской политической, социальной и культурной жизни вышло уже третье послепетровское поколение, возвращенное на европейской культуре. Если представители первого ощущали себя учениками и впитывали новые понятия с большими усилиями, а второе пылало восторгом неофитов и жадно вбирало в себя все без разбора, то третье поколение было вполне самодостаточным – ощущало себя равным другим европейским народам³. Этому в немалой степени способствовали и международный статус России, и успешные войны екатерининского времени, да и сама императрица. Придя к власти, Екатерина

¹ Об английских карикатурах на Екатерину см.: Cross A. Catherine in British caricature // Catherine the Great and the British. – Nottingham: Astra press, 2001. – P. 29–44.

² Примечательную (и основанную на толковании высказываний В.И. Ленина) трактовку возникновения в России второй половины XVIII в. «буржуазного национализма» и появления в связи с этим интереса дворянства к историческому прошлому см.: 8, с. 366–367.

³ Это, конечно, обобщенная характеристика; и первое, и второе, и третье поколения были далеко не однородны.

поставила перед собой цель сделать Россию передовой европейской страной в том смысле, как это понимали просветители. К концу царствования она была убеждена, что эта цель достигнута.

Однако в образе России как передовой европейской державы был небольшой изъян. Согласно представлениям XVIII столетия, Россия обрела *Историю*, а русские стали *историческим* (или, в понятиях того времени, *политическим*), цивилизованным народом лишь благодаря Петру Великому, покончившему со старомосковской архаикой и невежеством и сделавшему страну частью мирового сообщества. В такой интерпретации Россия выглядела новой, «молодой» страной¹, что ставило ее в неравное положение со странами «старой» Европы. Такое положение никак не могло устроить Екатерину.

Для того чтобы быть равной другим европейским державам и стать частью «цивилизации», которую просвещенческая мысль противопоставляла нецивилизованному Востоку, где числилась и Россия, страна нуждалась в истории древней и не менее почтенной, чем у партнеров по «европейскому дому». Однако русская история была почти неизвестна и самим русским. В допетровском обществе отсутствовало целостное представление о ней. Кроме того, во второй половине XVIII в. были в значительной мере утрачены механизмы воспроизводства исторической памяти, существовавшие в Московской Руси. «Новая» Россия нуждалась в «воссоздании» истории уже в иных формах, соответствующих ее «политичному» статусу и его подтверждающих.

В ответ на эту потребность и «явились» русская историческая наука – первые печатные труды, посвященные отдельным событиям и периодам истории России и даже отдельным ее местностям, а также первые публикации исторических источников. Русская история служит источником вдохновения для А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова, Я.Б. Княжнина и др. Первая систематическая «История Российская» В.Н. Татищева напечатана в 1768 г., в 1770 г. опубликовано «Ядро российской истории» А.И. Манкиева. В те же годы появляется практически забытая «История» Ф.А. Эмина, а в 1780-е годы – «История» М.М. Щербатова, а затем И.Г. Стриттера². Вполне естественно, что в стороне от этих «увлечений» не могла остаться и императрица.

¹ Оппозиция старой и «новой» России – основная тема публицистики и литературы петровского времени. В обновлении России («превращении», выведении из исторического «небытия») видели основную заслугу Петра I (см.: 60, с. 13–60).

² Интересная деталь: Ф.Ц. Лагарп, покидая в 1795 г. Россию, рекомендовал великому князю Александру Павловичу читать по русской истории только иностранных авторов. И вовсе не оттого, что не знал русского языка. Впоследствии на копии этого письма Лагарп сделал помету, свидетельствующую, что он был знаком с «Историей государства Российского» Н.М. Карамзина (см.: 22, с. 150).

Известно, что Екатерина интересовалась русской историей еще до восшествия на престол. Вероятно, она читала публикации в издававшемся Г.Ф. Миллером «Sammlung Russischer Geschichte», а в 1762 г. историк преподнес ей полный комплект этого издания. К истории России императрица обращалась при работе над напечатанным в 1770 г. «Антидотом». В 1776 г. интерес императрицы к истории русского дворянства привел к появлению сочинения Миллера «Известие о дворянах российских» и тематической подборки исторических источников, составленной А.Т. Князевым¹. Как отмечает Л.М. Гаврилова, «в бумагах Кабинета Екатерины II, сохранились многочисленные распоряжения и указания императрицы по сбору исторических письменных памятников» (10, с. 175). Систематически занялась историей Екатерина в конце 1770-х – начале 1780-х годов, приступив к работе над «Записками касательно российской истории». В 1783–1784 гг. в «Собеседнике любителей российского слова» была напечатана первая их часть, доведенная до 1224 г. В 1784 г. работа над «Записками» была на некоторое время прервана в связи со смертью А.Д. Ланского, а затем возобновлена и продолжалась по крайней мере до 1793 г. (т.е. до второго раздела Польши). В 1787–1794 гг. «Записки» вышли отдельным изданием. Известно, что Екатерина знакомилась с рукописями из многочисленных частных собраний, в частности Г.Н. Теплова, И.П. Елагина, А.И. Мусина-Пушкина, П.Н. Крекшина и др.

Екатерининские «Записки касательно российской истории» – это, без сомнения, официальная ее версия, своего рода канон для новых исторических сочинений. Доказывая в них древность российской истории, императрица одновременно стремилась представить ее неотъемлемой частью общеевропейской. «Год за годом продолжая, – писала она в черновом плане “Записок”, – представляя себе все европейския земли как составляющия единобратства человеческого» (цит. по: 10, с. 184). Иначе говоря, противопоставление России Европе или каким-то ее частям Екатерине было полностью чуждо. Напротив, она доказывала, что среди европейских держав России принадлежит законное место. По словам К. Шарфа, «работа над “специальной историей” России не была направлена против просвещенческой “всеобщей истории”, а имела целью утверждение места империи в этой секуляризованной “всеобщей истории”» (72, с. 206).

Увлеченная древней русской историей, императрица, как известно, сочиняла пьесы на исторические сюжеты и проектировала серии памятных медалей, которые должны были послужить своего рода иллюстрациями к ее «Запискам». По мнению Л.М. Гавриловой, работа над проектами медалей началась в 1786–1787 гг. и продолжалась вплоть до смерти императ-

¹ См.: 26, с. 164–172.

рицы в 1796 г. (10, с. 212)¹. Тематически проекты медалей прерываются 1132 г. – смертью князя Мстислава Владимировича, когда (как вслед за В.Н. Татищевым утверждала Екатерина) начались междоусобицы, за которыми последовали монгольское завоевание и захват части русских земель литовскими князьями.

«Источниковедческий анализ проектов медалей Екатерины II свидетельствует о влиянии политических расчетов и взглядов императрицы на подбор фактов из истории России для составления на них инвенций медалей, – указывает Гаврилова. – Проекты медалей № 101, 102, 103, 104 выглядят собранием исторических материалов для аргументации современной политики России по разделам Польши. На основании одного исторического события... Екатерина II конструирует целых четыре проекта медалей». Речь идет о походе Владимира Святославича и захвате ряда городов, включая Перемышль. «Создается впечатление, что Екатерина II через медали настойчиво внушает мысль о том, что многие вновь присоединенные польские земли с древних времен принадлежали России».

К сожалению, мы не можем точно датировать названные проекты медалей, что не позволяет напрямую связать их с формированием идеологического обоснования разделов Польши через апелляцию к прошлому. Есть, однако, другие указания на эту связь. В 1780 г. Санкт-Петербургской академией наук были изданы «Топографические примечания на знатнейшие места путешествия Ее Императорского Величества в Белорусские наместничества» (составители – известные ученые того времени, в том числе И.И. Лепехин, П.С. Паллас и др.), где при описании различных белорусских городов подчеркивалась их принадлежность России². Польский историк В. Кригзайген ввел в научный оборот еще один документ – хранящуюся в РГАДА в фонде «Кабинет Екатерины II» записку на французском языке. В ней со ссылками на труды польских историков о границах между древнерусскими и польскими землями обосновываются претензии России на восточные земли Речи Посполитой³. Из помет архивистов XIX в. следует, что эта записка была приложена к протоколу заседания Совета при высочайшем дворе 5 февраля 1792 г., а ее автором была сама императрица. Хотя авторство и представляется нам весьма сомнительным, появление этой записки было не случайным. Очевидно: обоснование второго раздела

¹ Л.М. Гаврилова утверждает, что проектирование «было доведено до 94 номера», однако далее приводит более «крупные» номера (см.: 10, с. 212).

² Топографические примечания на знатнейшие места путешествия Ее Императорского Величества в Белорусские наместничества. – СПб., 1780.

³ Записка опубликована в приложении к статье: Kriegseisen W. Katarzyna II jako mediewistka. Przyczynki do genezy drugiego rozbioru // Kwartalnik historyczny rocznik. – W-wa, 2004. – Т. 111, № 3. – С. 138–140. Русский перевод статьи, но без записки см.: Кригзайген В. Рассуждения Екатерины II об истории Древней Руси. К вопросу о замысле второго раздела Речи Посполитой // Россия, Польша, Германия: История и современность европейского единства в идеологии, политике, культуре. – М., 2009. – С. 195–210.

Польша с помощью исторических аргументов стало возможным благодаря занятиям Екатерины русской историей.

Представляется, что по крайней мере с 20-х годов XVIII в. и вплоть до 1792 г. идея собирания/возвращения русских земель как политическая доктрина была исключена из арсенала пропагандистских средств Российской империи и фактически предана забвению. Основанная на исторической мифологии и династических притязаниях, национально и религиозно мотивированная, она, вероятно, ощущалась как нечто архаичное, не соответствующее новому, «политичному» статусу России, правилам и нормам поведения на международной арене. Однако ее реанимировали к концу 1792 г. – сперва для внутреннего («домашнего») употребления: в качестве объяснения имперской политики. Осенью 1793 г. эта идея вошла в публичный дискурс.

Было бы ошибкой полагать, что Екатерина II попросту решила эксплуатировать историческую память подданных. Озабоченная поисками адекватного объяснения своих действий в Польше и увлеченная русской историей, древность которой усиливала в ее глазах значение ее собственной миссии, императрица сама уверовала (или убедила себя) в праве России на «исконные» земли. Но увлечения и идейные поиски Екатерины были созвучны настроениям и потребностям тогдашнего русского общества. В самом разгаре была Французская революция, с которой обычно связывают новую эпоху в истории наций, национального и национализма. В 1793 г., начавшемся казнью Людовика XVI и завершившемся «эпохой террора», Екатерина в полной мере осознала нависшую над «старым порядком» угрозу, перед лицом которой требовались новые средства для сплочения подданных. Возрождение дискурса собирания русских земель в качестве национальной идеи оказалось тогда как нельзя кстати. Это сыграло свою роль в формировании «новой» исторической памяти русского народа, русского патриотизма и самого понятия русской нации.

Список литературы

1. Алексеев Ю.Г. Государь вся Русь. – Новосибирск: Наука, 1991. – 457 с.
2. Андреев И.Л. Алексей Михайлович. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 637 с.
3. Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. – М.: Молодая гвардия, 1999. – 127 с.
4. Анисимов М.Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века (от Ахенского мира до начала Семилетней войны). – М.: Т-во науч. изд. КМК, 2012. – 341 с.
5. Анисимов М.Ю. Семилетняя война и российская дипломатия в 1756–1763 гг. – М.: Т-во науч. изд. КМК, 2014. – 571 с.
6. Аржакова Л.М. Диссидентский вопрос и падение Речи Посполитой (дореволюционная отечественная историография проблемы) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. – СПб., 2008. – № 1 (3), Январь-июнь. – С. 31–39.
7. Бантыш-Каменский Н.Н. Историческое известие о возникшей в Польше Унии с показанием начала и важнейших в продолжении оной через два века приключений. – М.: В Синод. тип., 1805. – [2] 254 с.

8. Берков П.Н. Из литературного наследия М.М. Хераскова (Анонимная статья «О письменах Словенороссийских и тиснении книг в России») // XVIII век: Сборник 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – С. 327–376.
9. Виноградов А. Императрица Екатерина II и Западный край: Значение царствования императрицы для края и памятник ей в г. Вильне. – Вильна: Комиссия по сооружению памятника, 1904. – 122 с.
10. Гаврилова Л.М. Русская историческая мысль и медальерное искусство в эпоху Екатерины II. – СПб.: Санкт-Петербургский горный ин-т им. Г.В. Плеханова, 2000. – 262 с.
11. Голденков М. Империя: Собрание русских земель. – М.: Современная школа, 2011. – 258 с. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=34989&p=1
12. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – 383 с.
13. Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка. 1769–1791. – М.: Наука, 1997. – 991 с.
14. Екатерина II. Искусство управлять: Храповицкий А.В., Грибовский А.М. – М.: Фонд Сергея Дубова, 2008. – 656 с.
15. Елисеева О.И. Геополитические проекты Г.А. Потемкина. – М.: Ин-т истории РАН, 2000. – 70 с.
16. Елисеева О.И. Геополитические проекты царствования Екатерины II // Российская империя от истоков до начала XIX века: Очерки социально-политической и экономической истории. – М.: Русская панорама, 2011. – С. 745–759.
17. Задонщина. – М.: Художественная литература, 1981. – 606 с. – (Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века).
18. Законодательство Екатерины II: В 2 т. / Отв. ред. О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая. – М.: Юрид. лит. – Т. 1: 2000. – 1056 с.; Т. 2: 2001. – 984 с.
19. Зверев С.Э. Военная риторика Нового времени. – СПб.: Алетей, 2012. – 400 с.
20. Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). – М.: Мысль, 1982. – 325 с.
21. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX века. – М.: НЛЮ, 2001. – 416 с.
22. Император Александр I и Фредерик-Сезар-Лагарп: Письма. Документы: В 3 т. – М.: РОССПЭН, 2014. – Т. 1: 1782–1802. – 920 с.
23. Исторический курс «Новая имперская история Северной Евразии». Глава 5: Новые времена: Проблема обоснования суверенитета и его границ в Великом княжестве Московском, (XV–XVI вв.) // Ab Imperio. – Казань, 2014. – № 3. – С. 371–383. – Режим доступа: http://new.abimperio.net/?page_id=30
24. История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. – Л.: Наука, 1978. – 318 с.
25. История Северной войны: 1700–1721 гг. – М.: Наука, 1987. – 214 с.
26. Каменский А.Б. История создания и публикации книги Г.-Ф. Миллера «Известие о дворянах российских» // Археографический ежегодник за 1981 год. – М.: Наука, 1982. – С. 104–109.
27. Каменский А.Б. Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: К постановке проблемы // Ab Imperio. – Казань, 2006. – № 4. – С. 59–99.
28. Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине Второй // Карамзин Н.М. О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. – М.: Жизнь и мысль, 2002. – С. 280–332.
29. Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // Карамзин Н.М. О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. – М.: Жизнь и мысль, 2002. – С. 348–435.
30. Кареев Н.И. Падение Польши в исторической литературе. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. – X, 407 с.
31. Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. – М.: Мысль, 1989–1990.

32. Кондзеля Л. Россия и второй раздел Польши: Состояние изучения вопроса и исследовательские задачи // Польша и Европа в XVIII веке: Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой / РАН. Ин-т славяноведения. – М., 1999. – С. 159–168.
33. Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой. – СПб.: Типография Ф.С. Сушинского, 1870. – 874 с.
34. Коялович М.О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен. – СПб.: Типография Второго отделения СЕИВК, 1873. – 574 с.
35. Кудринский Ф.А. Разделы Польши // Императрица Екатерина II: Сб. ист. ст. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1904. – С. 282–295.
36. Лаппо-Данилевский К.Ю. «Стихотворение Анакреона Тийского» (1794) как художественное целое // XVIII век: Сборник 28. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. – С. 177–235.
37. Липранди А.П. «Отгорженная возвратих»: Падение Польши и воссоединение Западно-Русского края»: соч. А.П. Липранди (А. Вольнец). – СПб.: Калашниковск. тип. А.Л. Трунова, 1893. – 80 с.
38. Лопатин В.С. Примечания // Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка. 1769–1791. – М.: Наука, 1997. – С. 893.
39. Некрасов Г.А. Роль России в европейской международной политике: 1725–1739 гг. – М.: Наука, 1976. – 318 с.
40. Нечволодов А.Д. Сказания о русской земле: Т. 1–4. – СПб.: Гос. типография, 1913. – Т. 3. – 352 с.
41. Носов Б.В. Русская политика в диссидентском вопросе в Польше 1762–1766 // Польша и Европа в XVIII веке: Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 1999. – С. 20–101.
42. Остерман А.И. Генеральное состояние дел и интересов всероссийских со всеми соседними и другими иностранными государствами в 1726 году // Северный архив. – СПб., 1828. – № 1/2. – С. 3–61.
43. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – Л.: Наука, 1979. – 448 с.
44. Погосян Е.А. Петр I – архитектор российской истории. – СПб.: Искусство-СПб., 2001. – 424 с.
45. Полное собрание русских летописей. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. – Том. 13: 1-я половина: Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою, летописью / Под ред. С.Ф. Платонова при участии С.А. Адрианова. – 302 с.
46. Пыпин А.Н. Исторические труды императрицы Екатерины II // Вестник Европы. – СПб., 1901. – Т. 36, № 9. – Режим доступа: http://az.lib.ru/p/pypin_a_n/text_1901_ist_trudy_ekateriny_oldorfo.shtml
47. Ратников К.В. Исторические формы отражения правительственной политики в общественном сознании по материалам русских стихотворных откликов на польское восстание 1794 года // Альманах современной науки и образования. – Тамбов, 2008. – № 6. – С. 155–160.
48. Российская империя от истоков до начала XIX века: Очерки социально-политической и экономической истории / ИРИ РАН. – М.: Русская панорама, 2011. – 880 с.
49. Российское государство от истоков до XIX века: Территория и власть / А.И. Аксенов, Н.И. Никитин, Ю.А. Петров, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов; отв. ред. Ю.А. Петров; рук. автор. колл. Н.М. Рогожин. – М.: РОССПЭН, 2012. – 462 с.
50. Сборник Императорского Русского исторического общества (СИРИО). – СПб., 1886. – Т. 51. – XXVII, 534 с.
51. Северная война. 1700–1721 гг.: Сб. документов. – М.: Кучково поле, 2009. – Т. 1: 1700–1709. – 530 с.
52. Словарь книжности и книжности Древней Руси. – Л., 1988. – Вып. 1 (вторая половина XIV–XVI в.), Ч. 1: А-К / АН СССР. ИМЛИ; Отв. ред. Д.С. Лихачев. – 518 с.
53. Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века. – М.: Художественная литература, 1981. – С. 208–239.

54. Смилянская Е.Б. Греческие острова Екатерины II: Опыт имперской политики России в Средиземноморье. – М.: Индрик, 2015. – 423 с.
55. Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье: Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. – М.: Индрик, 2011. – 840 с.
56. Сморгжевских-Смирнова М.А. Ингерманландия, Эстляндия и Лифляндия в церковном панегирике Петровской эпохи: Humanitaarteaduste dissertatsioonid 34. – Tallinn: Tallinn univ. press, 2013. – Mode of access: http://www.smorzhevskihh.com/Public/Thesis/Thesis_main.html
57. Сморгжевских-Смирнова М.А. Концепция войны у Феофана Прокоповича и официальная идеология Петровской эпохи // Лотмановский сборник: Международный конгресс «Семиотика культуры: Культурные механизмы, границы самоидентификации». – Тарту; Таллин, 2004. – С. 899–911.
58. Соловьев С.М. История падения Польши // Соловьев С.М. Сочинения: В 18 т. – М.: Мысль, 1988–2000. – Т. 16. – С. 406–628.
59. Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793–1795. – М.: Международные отношения, 2002. – 696 с.
60. Стенник Ю.В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. – СПб.: Наука, 2004. – 277 с.
61. Сумароков А.П. Оды торжественныя. Елегии любовныя: Репринтное воспроизведение сборников 1774 года. – М.: ОГИ, 2009. – 840 с.
62. Тарле Е.В. Екатерина II и ее дипломатия. – М.: ОГИЗ, 1945. – Ч. 1. – 43 с.
63. Тешке Б. Миф о 1648 годе: Класс, геополитика и создание современных международных отношений / Пер. с англ. – М.: ГУ-ВШЭ, 2011. – 416 с.
64. Феофан Прокопович. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – 623 с.
65. Феофан Прокопович. История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне включительно // Феофан Прокопович. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 435–557.
66. Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. – 881 с.
67. Филюшкин А.И. Проблема генезиса Российской империи // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст. – Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. – С. 375–408.
68. Филюшкин А.И. Проект «Русская Ливония» // Quaestio Rossica. – Екатеринбург, 2014. – № 2. – С. 94–111.
69. Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. – М.: Наука, 1980. – 293 с.
70. Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века / РАН. Ин-т славяноведения. – М.: Древлехранилище, 2003. – 620 с.
71. Чудинов А.В. Рах Еуропа: Союзы и войны между европейскими державами, их результаты на карте мира // Всемирная история: В 6 т. – М.: Наука, 2013. – Т. 4: Мир в XVIII веке. – С. 514–543.
72. Шарф К. Екатерина II, Германия и немцы / Пер. с нем. – М.: НЛЮ, 2015. – 536 с.
73. Шафиров П.П. Рассуждение. Какие законные причины его царское величество Петр Первый, царь и повелитель Всероссийский... к начатию войны против короля Карла XII, Шведского, в 1700 году имел... – М., 1717. – 128 с.
74. Шляпкин И.А. Василий Петрович Петров, «карманный» стихотворец Екатерины II, (1736–1799). (По новым данным) // Исторический вестник. – СПб., 1885. – Т. 23, № 11. – С. 381–405.

И.И. ГЛЕБОВА

***ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
КАК ЛОКОМОТИВ РУССКОЙ ИСТОРИИ
(Тезисы)***

1. «Забывтая» революция. В 2015 г. минуло 110 лет Первой русской революции. Никто – ни общество, ни власть – этого не заметили. Да и профессиональное сообщество отреагировало на это событие очень вяло. В отношении Первой мировой войны, 100-летие которой мир отметил в 2014 г., в России бытовало определение «забытая война». Теперь то же самое мы можем сказать и о Первой революции.

Такая странная забывчивость объясняется не только тем, что в современной России нет «спроса» на революцию. Хотя это важная характеристика нашей страны в XXI в. Проведя почти столетие под «сенью» революции (в СССР каждый знал, что земля начинается с Кремля, а история – с 25 октября 1917 г.), мы больше не ощущаем себя «нацией революционеров». Революция изгнана из властной легитимности и общественной идентичности. В канун столетия «потряшей» ее и мир революции Россия, кажется, окончательно убедила себя в несовместимости с социальным творчеством такого рода. В этом отношении она, безусловно, порвала с советским прошлым.

В то же время мировоззрение и способы социального действия «постсоветского человека» остаются в значительной степени старыми – советскими. Особенно показательны в этом смысле представления о прошлом, отношении к нему.

Мы все (власть, общество, историческая наука) находимся в плену советского взгляда на первую русскую революцию. Разговор о ней если и ведется, то большей частью «старыми» словами: пореформенная Россия находилась в системном кризисе, результатом которого и стал 1905 г.; революция имела характер буржуазно-демократический (по «движущим силам» и результатам); самодержавию, сочетая карательную политику с ограниченными реформами, удалось выправить ситуацию в свою пользу – восстановиться практически в прежнем (дореволюционном) виде; революцию убили репрессией, не дав выполнить её историческую миссию;

вызванные революцией реформы не вывели Россию из кризиса – и война прикончила больной организм империи.

С точки зрения советской и постсоветской историографии (а эта точка зрения зафиксирована в учебниках, массмедийной «продукции») первая русская революция окончилась неудачей (см., к примеру: 10, с. 3–20, 582–584). Ее историческое значение заключается в том, что это предвестник и «генеральная репетиция» Октября 1917-го. То есть самостоятельного значения она, вроде бы, и не имела.

Несмотря на свои длительность и масштабность, Первая революция в такой интерпретации выглядит как проходное событие в бурной истории России начала XX в. Причем событие какое-то невятное, непроясненное («смутное»); и характер революции расплывчатый, и участие различных социальных сил не поддается однозначному определению (непонятно главное: кто же шел в «авангарде»), и победа самодержавия неполная и неокончательная. Во всех отношениях 1905-й проигрывает в сравнении с 1917 г. Не потому ли сегодня мы забыли о первой нашей революции, списали ее на свалку истории?

Парадоксальным образом, именно теперь, когда этот эпизод почти стерся из национальной памяти, становится понятно, как исторически важна и политически актуальна для России ее «забытая» революция.

2. 1905 г. как революция нового типа. Революция 1905 г.¹ открыла революционный цикл в истории России. Точнее говоря, цикл политических революций. И у нее в этом процессе – свое место: это революция нового типа, новой эпохи.

До того все революции в России были «революциями сверху» (их совершала власть) или «дворцовыми переворотами» (верхушечными заговорами элит против персонификатора власти). Русская политика делалась во «дворце». Периодические «дворцовые революции» меняли социальный порядок. «Снизу» время от времени поднимались повстанческо-погромные волны (те или иные варианты «пугачевщины»). «Сцепки» между «верхушечными» революциями и массовыми низовыми движениями не было.

В 1905 г. случилась первая действительно народная революция в нашей истории. Она охватила все классы и слои населения: «дворец», город, крестьянскую Россию, армию, всю многонациональную и многоконфессиональную страну. 1905 год знаменовал выход России в новое: массо-

¹ Я буду придерживаться этой «формулы», хотя революция, по существу, завершилась весной 1906 г. изданием новой редакции Основных государственных законов империи и созывом Государственной Думы. Период до лета 1907 г. кажется мне переходным – от революции к послереволюционному времени.

вое, индустриальное, более свободное, открытое и т.п. – общество¹. Обществу этого типа не соответствовала «дворцовая» революция.

Показательно: в советское время страна вернулась к «дворцовым переворотам». Фактор масс был исключен из политики. Революция вновь стала делом «дворца». Это дает основание утверждать: массовое общество, сформировавшееся в рамках СССР, не так уж и ново. В его фундаменте было воспроизведено² многое из того глубоко традиционного (и реакционного), от чего страна избавлялась в 1905 г. и что уже пережила к 1905 г.

3. Русское общество и революционная идея. Питательной средой для революционной идеи была Россия образованная: интеллигентная, дворянская и разночинная, служащая и буржуазная (деловая), интеллектуальная и художественная, социально активная. Эта Россия полагала революцию способом оживить, осовременить государственно-политическую жизнь, с ней связывала свои перспективы. На рубеже XIX–XX вв. «субкультура» европеизированных «верхов»³ во многом жила предощущением

¹ Здесь следует сделать небольшое отступление. Революционные взрывы начала XX в. происходили на фоне целого ряда крупных преобразовательных процессов (в их контексте). Вслед за другими европейскими странами Россия входила в новый мир – массовой индустрии, больших скоростей, свободы (ее становилось все больше – во всех областях), новых форм экономики, культуры, массовой политики, где на фоне разного рода «массовостей» росли значение индивидуализма, ценность индивидуального творчества. Содержанием и целью преобразований, проводившихся в стране с 60-х годов XIX в., была эмансипация общества и индивида (см. об этом: 11, с. 24–27). Они строились не на изоляции и отлечениях, а на культурной обусловленности, традиционности и естественности европейского выбора. Это характерно для всех сфер жизни, но особое значение приобрела тогда экономическая «европеизация». «Один переход натурального хозяйства в денежное приближает Россию к Европе более, чем образованность отдельных умов» (13, с. 518), – писал в конце XIX в. князь С.Н. Трубецкой. В то же время преобразование общества традиционного в индустриальное предполагало революцию в социальной психологии, массовой ментальности и культуре, что было связано с фундаментальным кризисом ценностей и идентичностей, традиционной морали (подобные процессы на этом историческом переходе переживали и другие страны). Итак, на рубеже XIX–XX вв. Россия представляла собой стремительно обновлявшееся общество, что само по себе создавало высокие (и даже чрезмерно высокие) социальные риски. Специфика же национального общественного устройства была такова, что, во-первых, логика обновления входила в противоречие с доминирующими традициями и опытом (закрепощения/несвободы), во-вторых, обновленческая «нагрузка» в социальном отношении распределялась по-разному. В новый мир Россия входила через свою элиту (просвещенный класс). Будучи в равной степени европейской и национальной, она и явилась субъектом социальных преобразований. Зато для многомиллионного традиционалистско-патриархального большинства населения страны, сосредоточенного прежде всего в деревне, модернизация была тяжелейшим вызовом/испытанием.

² Поначалу я написала «законсервировано». Это так. Но точнее – «воспроизведено». Людей вновь вернули к «крепостничеству», а ведь многие уже собрались уходить из этого состояния.

³ О расколе послепетровской России на две «враждебные» субкультуры, европеизированную и «почвенную», как об одной из «больших», исторических причин революций начала XX в. см.: 11, с. 29–30, 34–35, 39–40.

революции (здесь неважно, испытывали ее представители надежду или страх от того, что она когда-нибудь случится).

Некоторая надломленность русского общества на революционной идее исторически объяснима. Европу революции сотрясали весь XIX в. Россия же казалась от них застрахованной. В стране ничего не происходило – она выглядела¹ спокойно-застывшей. Особенно тяжело это воспринималось обществом после эпохи Великих реформ.

В «подмороженной» России Николая I революцию было трудно предполагать. В России Александра II революцию «упредили» реформы². При Александре III тема революции «забылась», потеряла актуальность. Россия тогда модернизировалась экономически – на политику был наложен мораторий. Этот «зажим» со стороны власти, испугавшейся перемен, радикализировал общество. В 1900-е тема революции вернулась, захватив многие умы. С ней связывался новый век: она, как призрак, бродила по России.

Вот что много лет спустя сказал один наш поэт (видимо, со слов другого) о том времени: на рубеже столетий «воздух был полон пророчеств и ожиданий новой большой перемены, грядущего нового порядка вещей, перестройки мира... Этот период отличался, мягко говоря, легкой истеричностью. Поэтому совсем неудивительно, что, когда пришла революция, многие приняли ее за то самое, что они всю жизнь искали» (1, с. 63). Россия образованная (не царская, не бюрократическая) не просто ждала революции, но и перезрела в этом ожидании. Оттого и восприняла революцию как праздник (ее символом можно считать шампанское, которое во множестве открывали по всей стране в банкетную кампанию осенью 1904 г.). Казалось, через революцию в русскую жизнь врывались новые смыслы (точнее, жизнь наполнялась смыслом). Отчасти так и было.

4. Русское общество как революционный авангард. Первая революция придала ускорение процессам самоопределения, самоорганизации различных социальных сил, усилила социальную дифференциацию в России. Но все же ее двигателем было общество – говоря точнее, антисамодержавная (большей частью либеральная) общественность. Решающим в

¹ Именно «выглядела». На самом деле это был вулкан, готовый «выстрелить».

² В нашей памяти они непосредственно связаны с Первой революцией – причем «по негативу», в полном соответствии с ленинской формулой: «1861 год породил 1905» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 20. – С. 177). Не стану ее опровергать, хотя она абсолютно лжива. Напомню только, что о Великих реформах много лет спустя говорила Анна Ахматова, глядя на одного знакомого: «Типичный русский молодой инженер. Вот такие вдруг появились в стране после александровских реформ: врачи, судьи, инженеры, земские деятели. За несколько лет они преобразили лицо России, в середине шестидесятых они были уже повсюду» (8, с. 165). Это и есть плоды российского либерального реформаторства – «люди устройства», субъект социальных успехов. Именно они больше всего пострадали в ходе революций 1917 г., в большевистской России.

1905 г. был конфликт между властью (самодержавием/бюрократией/системой) и обществом (в том старом, начала XX в., смысле: гражданском, политическом). С некоторой долей условности можно сказать: революция произошла потому, что значительная часть общества почувствовала себя к ней готовой.

Для русского общества 1905 г. – значимая веха в истории. Тогда, по существу, оно и вышло на историческую сцену, «самоучредилось» и легализовалось в политическом смысле. Притом показало себя неожиданно зрелым в гражданском отношении: сразу появилось множество организаций в защиту массовых, групповых, сословных и прочих прав и т.п. Общество создало в России политику: выделило людей, занявшихся ею профессионально, организовало в партии. Оно было адекватно новым условиям: расширения пространства свободы, ограничения власти, многообразия возможностей.

Только в начале XX в. и только в революции русское общество набрало необходимую (для того, чтобы его заметили, признали «договороспособным») мощь. Оно обрело субъектность именно как революционное и антивластное; объединилось и самоорганизовалось вокруг идеи «Долой самодержавие!» Вспоминая о том времени, его деятели говорили: «В этом лозунге, несмотря на его митинговую грубость, ничего революционного не было»; речь шла о том, чтобы «лишить власть самодержца ее надзаконности и разделить ее с представительством» (7, с. 233–234). Однако общественное отрицание самодержавия и было революцией¹. Слом самодержавной модели власти означал изменение традиционного устройства русской социальности, которое современные исследователи определяют как «властечетричное». Иначе говоря, в 1905 г., едва выйдя из «тени» власти, общество замахнулось на «извечный» порядок.

Когда смотришь на Россию начала XX в. из 2015–2016 гг., возникает вопрос: почему тогдашнее общество было так непримиримо по отношению к власти²? Ответ может быть только один: России миллионок-

¹ Мерой субъектности элит (разных «отрядов» общества) и была их «антисамодержавность»/революционность. То же служило главным основанием консолидации; при этом их претензии к власти могли быть совершенно разными (либералы хотели, чтобы власти было «меньше»; консервативно-традиционалистские круги желали ощутить самодержавие во всей его полноте). Шансы же на политическое лидерство имели «общественники», которые были большими оппонентами власти – иначе говоря, в большей степени АнтиВластью. Не случайно в революции политически торжествовали левые либералы и социалисты. Все решалось не в политической борьбе (борьбой партий, политических «проектов»), а в противостоянии с самодержавием/самодержцем. Поэтому перед революцией и сложился «единый антисамодержавный фронт», по существу, спаянный одной политической целью: долой самодержавие!

² Показательно отношение к власти близкого друга четы Мережковских–Гиппиус Д.В. Философова. Оно было стихийно-отрицательным – как, вероятно, и у большинства

маклаковых–мережковских–рябушинских (а отчасти и витте–коковцовых–алексеевых) и проч. не нужно было самодержавие (и Николай II как самодержец «всех Великия и Малые, и Белья...»). Они «выросли» из этой модели власти, вполне могли обходиться без властной опеки/надзора. Самодержавно-монархический тип властвования (и властитель этого типа) раздражали и оскорбляли общество. Оно хотело своей власти – им избранной, ему «по росту»¹.

Однако выступив застрельщиками революционно-освободительного движения, «общественники» не стали «могильщиками» монархии. Потому чувствовали себя проигравшими тот исторический бой. Из чувства поражения родился Февраль 1917 г.

5. Революция как кризис власти. Традиционно одной из причин революции считается «кризис верхов». Конечно, 1905 г. – это «кризис самодержавия», причем именно в ленинской интерпретации: «верхи» уже не могли «управлять по-старому». В 1861 г. Россия перестала быть крепостной. К 1905 г. стало понятно, что она уже не может быть самодержавно-бюрократической. Но кризис власти не привел тогда к разрушению системы. Революцию добила не репрессия, а реформа².

интеллигентной публики: «Он отрицал самодержавие огулом, как режим, подавляющий общественную и политическую жизнь страны, и как виновника и войны, и таких событий и расправ, как 9 января» (4, с. 246). Мережковский понимал самодержавие сложнее – сквозь религиозно-мистическую, этическую и эстетическую даже призму. Весной 1903 г. Д.С. Мережковский был на приеме у К.П. Победоносцева, тогда еще обер-прокурора Святейшего синода, и тот, по воспоминаниям З.Н. Гиппиус, сказал: «Да знаете ли Вы, что такое Россия? Ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек». Кажется, Д.С. возразил ему тогда довольно смело, что не он ли, не они ли сами устраивают эту ледяную пустыню в России...» (там же, с. 230–231). Это осуждение самодержавия с моральных позиций, предъявление ему «высших счетов». Но кто же судьи, эти безоглядные критики русской власти? В записках Гиппиус о Мережковском есть такой эпизод. Как-то на прогулке, под напором аргументов жены и друга, Мережковский вдруг сказал: «Да, самодержавие – от антихриста» (там же, с. 247). И Гиппиус «тотчас, вернувшись, записала это на крышке шоколадной коробки». Вроде бы, не история даже, а так, частность. Однако она точно характеризует русское общество; в своем антисамодержавии оно было странно легкомысленным и безответственным, нарочито-вызывающе «не любило» власть, не участвовало в политике, но как бы играло в нее.

¹ Чувствуя себя вполне современными, полагая, что именно с ними связано будущее России, «общественные элиты» отрицали самодержавие как препятствие на пути (их) истории, которое необходимо сломать. Синонимом политического обновления страны, главным условием ее перехода в современность для них была антисамодержавная революция (в данном случае неважно, какие ее формы считались приемлемыми). Иначе говоря, в полном соответствии с воззрениями своего времени общество радикально противопоставало «плохую» традицию «хорошей» современности, а «общественники» (его политический авангард) делали из этого практические выводы.

² П.А. Столыпин в январе-феврале 1907 г. так характеризовал ее значение: «Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большой мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в

Самодержавие пошло на преобразования/уступки под напором проблем, под сильнейшим давлением «снизу»¹. Русская власть слишком долго понимала исключительно язык насилия. Причины – и в ее исторической силе, и в исторической слабости общества. Мирное давление (оппозиция, общественные движения) не приобрело в России того качества, той силы, которые были бы чувствительны для правительственных «верхов».

Задолго до Первой революции власть встала на путь самоограничения – чтобы не договариваться с обществом. Таким образом удавалось предотвращать революцию. Однако опыт «позднего» («зрелого») самодержавия (от Николая I до Николая II) показал: власть успешна, когда производит либеральные реформы; если же она этого не делает, либерализм «присваивают» радикалы. Тогда грани между эволюцией и революцией, оппозицией и «крамоллой» все больше стираются. В октябре 1905 г. монархия пошла на новое (в тех условиях решающее) самоограничение; благодаря этому выжила, сохранилась. Это, однако, не «сняло» главной для нее проблемы: как устроиться в новом, современном мире, нормой которого являлся конституционный, а не самодержавный порядок.

6. Народ в революции. Первая революция была ответом (массовой реакцией) на все нестроения русской жизни, указывала на ее важные дефициты: социально-экономические, политические, культурно-ментальные и проч. У нее было множество причин – и сложная природа; как и все революции, это «многосоставное» явление.

лучшем случае устраним следствие, а не причину: залечим язву, но пораженная кровь породит новые изъязвления. К тому же этот *путь* реформ торжественно возведен, создана Государственная Дума, и идти назад нельзя. Это было бы и роковой ошибкой – там, где правительство побеждало революцию (Пруссия, Австрия), оно успевало не исключительно физической силой, а тем, что, опираясь на силу, само становилось во главе реформ. Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия – признак бессилия правящей власти» (цит. по: 6, с. 19–20). Это и есть позиция государственного деятеля. Но вот что интересно. Не на излете, а еще в разгар революции, о том же говорил человек, которого называли диктатором 1905 г. и запомнили по одной фразе: «патронов не жалеть». Генерал Д.Ф. Трепов, профессиональный военный и высокий полицейский «чин», в 1905 г. – доверенное лицо Николая II, вскоре после вступления в должность петербургского генерал-губернатора 10 января 1905 г. заявлял: «систематическая строгость», необходимая для восстановления спокойствия в городе, должна совмещаться с «либеральными мероприятиями, направленными к установлению конституционного порядка» (цит. по: 10, с. 193). Первая революция привела к тому, что либерализм в соединении с охранительством стали политикой власти.

¹ Свое ощущение от этого давления выразил Николай II. По свидетельству управляющего делами Комитета министров Э.Ю. Нольде, император в 1905 г. говорил, что «разрывается... между желанием не давать никаких отступлений от самодержавного образа своего правления... и боязнью потерять все» (цит. по: 3, с. 88). Видимо, таково вообще главное политическое настроение власти, застигнутой революцией и «понуждаемой» ею к либерализации, к реформе.

Впервые в русской истории важную роль в событиях сыграли массовые городские протестные движения. Не дворец и не деревня, а город стал в России источником революции. Это свидетельствовало о том, что страна стремительно урбанизовалась, становилась городской цивилизацией.

Массовое общество рождалось в больших городах – прежде всего в столицах. И революция началась со столичного «восстания масс»¹, а завершило ее декабрьское восстание в Москве. Такая «переключка» в революционной истории двух столиц, конечно, не случайна. Более того, она символична. В политическом отношении Россия была «столичным проектом» (в значительной степени остается такой и сейчас). Революция шла особым путем: из столиц – в провинцию, из города – в деревню.

Что же касается России сельской, то 1905 г. по своим политическим последствиям приблизительно равен «пугачевщине»². Как и тогда, в конце XVIII в., «верхи» испугались – и одумались. Результатом стала аграрная реформа, предложившая крестьянам выбор: как им жить и хозяйствовать – традиционным способом (в общине) или по-новому, вне ее. Вследствие массовой распродажи помещичьих земель «общинная революция», центральной идеей которой был «черный передел», к 1917 г. утратила практический (социально-экономический) смысл³.

Конечно, в русском бунте, каким бы он ни был (казацко-крестьянской пугачевщиной, городским уличным протестом, солдатским и матросским восстанием), была своя правда. Та, о которой говорила великая русская литература: правда униженных и оскорбленных. А.В. Головин, министр народного просвещения в царствование Александра II, пророчил в 60-е годы XIX в.: «За последние сорок лет правительство много брало у народа и дало ему очень мало. Это несправедливо. А так как каждая несправедливость всегда наказывается, то я уверен, что наказание это не заставит себя ждать. Оно настанет, когда крестьянские дети, которые теперь грудные младенцы, вырастут и поймут все то, о чем я только что говорил.

¹ Представляется, что разгадка трагедии 9 января 1905 г. – в том, что власти не знали, как вести себя (в охранительном, полицейском смысле) с массовым протестным движением в городе, а массы не имели опыта цивилизованного протеста. Это все явления и навывки массового общества XX в. В России оно еще только складывалось.

² Вот как увидел это Пастернак: «В небеса / Как сивушный отстой, / Ударяет нужда / Перегарями спертого буйства... / И уж вот / У господ / Расшибают пожарные снасти, / И громадами зарев / Командует море бород» (поэма «1905 год»).

³ Ее основания следует искать не столько в экономике, сколько в крестьянской культуре, ментальности. Двигатель «общинной революции» 1917–1918 гг. – стихийный, во многом бессознательный протест против частной собственности на землю (т.е. против базового признака, базовой сложности современного общества), проявление «власти земли» над крестьянином. Вот что говорили об этом сами сельские жители: «Не прирежут нам землицы, / Возьмем вилы в рукавицы. / Отойдет земля крестьянам, / Каждый день я буду пьяный» (частушка начала 1906 г. – цит. по: 5, с. 28).

Это может случиться в царствование внука настоящего государя» (цит. по: 14, с. 155–156). И случилось – при внуке.

В народных движениях 1905–1907 гг. был моральный вызов – угнетателям, несправедливостям, режиму. И это лучшее, что в них было и что их оправдывает. Однако высокие цели («отомстить» – наказать «угнетателей», восстановить поправную ими справедливость, возвести равенство в основание социального порядка) «съедала» погромная практика. «Чем вложился народ в этот кризис? – писал “по итогам” революции П.Б. Струве. – Тем же, чем они влагались в революционное движение XVII и XVIII веков, своими социальными страданиями и стихийно выраставшими из них социальными требованиями, своими инстинктами, аппетитами и ненавистями» (12, с. 147–148). Все это могло потрясти государство, разрушить слававшиеся столетиями устои общественной жизни, но «пугачевщина» и в начале XX в. несли в себе мало созидательного (как и сознательного, цивилизованного).

7. Война – армия – революция. Никогда, кроме как в 1905 и 1917 гг., армия в России не была инструментом революции. Всегда – инструментом власти. Что естественно: армия, по существу, – воплощение и символ окончательного торжества системы. Любой, но русской – в особенности¹. В армии, как писал Иосиф Бродский, завершается процесс капитуляции человека перед государством.

В 1905 г. армия впервые перешагнула те пределы, которые установили «дворец», система. Она не присоединилась к городским протестным движениям, но показала, что при случае может решить исход революции. Это одно из главных предупреждений, которое власть получила в 1905 г.: армия (не гвардия, а именно масса с ружьем) способна стать фактором политики.

Кроме того, 1905 г. «указал» на опасную связь между неудачной войной и революцией². В 1913–1914 гг. Николаю II неоднократно напоминали об этой угрозе (или: об этом уроке 1905 г.), но она не казалась тогда непреодолимой. В 1917-м связь реализовалась: массовая армия (как признак массового общества) – тотальная война – революция как «восстание вооруженных масс».

¹ Уверенность правящих «верхов» в армии выразил В.К. Плеве в беседе с С.Ю. Витте в октябре 1902 г.: «У нас до сих пор, слава Богу, еще крепок в народе престиж царской власти, и есть еще у государя верная армия» (10, с. 136).

² Весной 1905 г. патриархи российской бюрократии обратились к Николаю II с записками, в которых настаивали на необходимости реформ, а внутренние неурядицы объясняли неудачными войнами. «За нашу долговременную жизнь мы в третий раз переживаем время общественного брожения, – говорилось в одной из записок, – каждый раз сопровождающие успех или нашего оружия или нашей дипломатии» (цит. по: 2, с. 31). Речь шла о Крымской, русско-турецкой и русско-японской войнах.

Конечно, любая война связана с ухудшением экономического положения населения, обострением социальных проблем. Это мобилизация, смерти и проч., т.е. совершенно особое психологическое состояние общества. Но все-таки главное, что обеспечивало сцепку «война – революция», – это милитарность русской социальности. Власть у нас имеет милитарный характер и воспринимается сквозь призму «милитарной успешности».

В России властная эффективность меряется военной, а не социальной меркой: ее легитимность в гораздо большей степени обеспечивается военными победами, чем достижениями в обустройстве страны. Неудачная война становится источником массовой неуверенности в себе (что мы тогда можем?), которая проецируется на власть. Ей вменяется ответственность за общую несостоятельность, выявленную неудачной войной. Поэтому неизбежное следствие военного поражения – десакрализация власти и кризис легитимности.

8. Революция как миф и преодоление мифа. 1905 г. стал моментом торжества революционной мифологии – и в то же время ее разоблачения. Революцию в России сначала «придумали», впад в зависимость от этого мифа. Мифология революции шла впереди самой революции. Ее знаменосцами являлись, кстати говоря, террористы. Террор в России десятилетиями был символом и двигателем освободительного движения. Русское общество «увлекалось» террористом (как человеческим и политическим типом), сочувствовало ему. И не случайно в 1905 г. террор захватил Россию, массовизировался, «ожесточился».

Но после 1905 г. в интеллигентских кругах началось переосмысление того нормативного отношения к революции, которое среди прочих выразил Максим Горький: буря! Пусть сильнее грянет буря! Самые социально чуткие представители нашего «умственного» класса поняли опасность романтизации революции. Появились «Вехи», указавшие на «политическое легкомыслие и неделовитость» интеллигенции, проявленные в 1905–1907 гг., на то, что «революционизация» ею «настрадавшихся народных масс», апелляция к «народному возбуждению» суть ее моральные (не политические, не тактические, а именно *моральные*) ошибки¹. По существу, прекратился индивидуальный политический террор.

¹ На этом настаивал, к примеру, П.Б. Струве (см.: 12, с. 148). И отмечал, что «прививка политического радикализма интеллигентских идей к социальному радикализму народных инстинктов совершалась с ошеломляющей быстротой» (там же). И это – Струве, призывавший под влиянием январских, 1905 г., событий «подвергнуть научному обсуждению идею организации вооруженного восстания» как «способа борьбы с самодержавием» (цит. по: 10, с. 205). То есть мы в данном случае имеем дело не с моральным осуждением интеллигенции «посторонним», наблюдателем, а с самокритикой, саморазоблачением участника. Это антиреволюционный вывод из истории революции.

Весь период 1907–1913 гг. можно рассматривать как реакцию на революцию. Не в общепринятом смысле: «мрачное семилетие реакции», а как *послереволюционную* эпоху. Шло мирное обновление страны – под знаменем реформизма. Оно было непростым, конфликтным (сами реформы рождали новые сложности, в чем-то разрешали, а в чем-то и углубляли старые проблемы), до крайности противоречивым. Все больше и больше расширялись пространства свободы – в разных областях, для различных социальных слоев. Выражаясь метафорически, свобода в России массовизировалась, взяв в проработку нашу принципиально несвободную социальность. В то же время действовала тенденция к запретам, ограничениям (власть считала это восстановлением порядка, общество – возвращением к дореволюционной ситуации «всевластия самодержавия»). В целом эти тенденции как-то уравнивали друг друга.

Многим лучшим русским людям (от Александра Блока и Андрея Белого до Максима Горького и др.) послереволюционное время виделось неудачным, тупиковым: серой жизни, «бледных» людей, торжества мещанства во всех отношениях, возвращения «диктата» государства¹. Декадствующие элиты нагнетали «чувство катастрофы» и воспевали революцию (как «дионисийскую стихию», «мистический анархизм», духовное возрождение)². Уже потом стало понятно, насколько удачным было послереволюционное семилетие. Тогда, конечно, не решились все русские проблемы, но общий вектор времени – подъем, развитие.

9. О революции как об исторической удаче. Подводя итоги, можно сказать: 1905 г. – это лучшая из революций, которую Россия могла получить. Потому что завершилась компромиссом между властью и обществом; они не убили друг друга и не взорвали народ³.

В 1905–1907 гг. монархия и общественность договорились между собой о приемлемой политической реформе, о способах совершенствования социального устройства (о том, как им обустроить Россию). Догово-

¹ Это естественное ощущение времени «после революции», если понимать его так, как Гиппиус: «Русская революция, первой (да, пожалуй, и единственной) целью которой было свержение самодержавия, – не удалась» (4, с. 252). Поэтому одна из «властительниц дум» высшего интеллектуально-художественного света России и характеризовала «общее настроение» как «подавленное» («атмосфера угнетения», «атмосферное удушье»).

² Е.Ю. Скобцева (мать Мария), принадлежавшая миру петербургско-петроградской богемы, художественным кругам и кружкам начала XX в., потом писала: «В этот период смешалось все. Апатия, уныние, упадничество и чаение новых катастроф и сдвигов... Это был Рим эпохи упадка» (цит. по: 14, с. 269). Станным образом, последнее было и остается отрицательной характеристикой. Однако нет ничего лучше Рима эпохи упадка: это время не морального распада, но поиска новых путей, жизненных форм, невероятной сложности и свободы.

³ К сожалению, эта мысль – не моя (к сожалению потому, что она принципиально меняет наше понимание той эпохи). См. об этом: 11, с. 25–28.

рились, чтобы победить революционный террор (революцию как насилие/террор, социальную войну), обратить революционные уроки на благо страны. Договор был основан на компромиссе – взаимном самоограничении: власть, по существу, приобрела качество (превратилась в) конституционной монархии, общество согласилось занять то место, вписаться в ту систему, которая была создана в результате революции.

10. Об историческом значении русских революций. Историческое значение 1905 г., как мне представляется, состоит в следующем. 1905-й – конечно, «пролог», но Февраля, а не Октября 1917 г., его «генеральная репетиция». В 1917-м «общественники» завершили дело, начатое двенадцатью годами раньше. Как оказалось, они хорошо усвоили разрушительные, а не созидательные уроки революции. В конечном счете революционер взял в них верх над политиком.

В некотором смысле Первая революция стала «репетицией» еще и гражданской войны. Она была долгой, в нее оказалась вовлечена вся страна – и не только социально, но и территориально (центр, провинция, национальные «окраины»). Потому в ней обозначились контуры будущей Гражданской, модели поведения различных социальных сил. Скажем, первая революция показала, чем будет крестьянская «освободительная» война, как поведут себя «собранные» империей нации и т.д.

И, наконец, Первая революция «дала прогноз», какой окажется судьба образованных, европейски ориентированных слоев населения (в данном случае неважно, каковы были их происхождение, политические взгляды и проч.), если «общественникам» удастся «полностью и окончательно» победить власть. В 1905-м они не поверили в самоубийственный исход, не поняли всей серьезности своего положения и всей меры ответственности за страну. Власть и общество не осознали, что они едины – как хоть и статусное, но меньшинство¹. И поплатились за это, вскоре став «лишенцами» в стране, которой они столетиями управляли и во всех смыслах направляли в истории.

¹ Властно-бюрократическая и общественная Россия, так упорно противостоявшие друг другу в начале XX в., принадлежали при всем своем разнообразии, различиях к одной культуре, одной традиции. Их объединяли сходные опыт, воспитание, образование, стиль и образ жизни; дружеские и семейные связи. Они являлись частью «единой Европы» (элитарной «Европы избранных» – предшественницы нынешней массовой «Европы всех»), где процветала культура, которой для взаимопонимания еще не требовался «культурный обмен». Культура «верхов» («русских европейцев») была вызовом для глубоко традиционалистской массы населения, что угрожало ее существованию. Только постоянная «экспансия» (расширение – в том числе и количественное) в режиме социального мира могло гарантировать ей будущее. Установка на борьбу, явившаяся следствием особенностей русской истории, мешала как позитивной консолидации («за» будущее, общие перспективы, а не «против самодержавия») и эффективному развитию общественных сил, так и властной «модернизации» (не сдаче обществу, а внутреннему обновлению).

1905 год находится в ряду европейских революций Нового времени, которые ломали старое («старый порядок») во имя нового, современного. Не случайно их называют локомотивами истории. В этом смысле не 1917-й (Февраль или Октябрь), а именно 1905-й и есть настоящая русская революция, открывшая России дорогу в будущее. Тогда победило «дело Февраля», т.е. дело русской свободы и обновления/развития.

Февраль 1917-го – это даже не доигрывание, а повторение 1905-го: обидное и трагическое. Результатом победы «февралистов» над властью (для них самих неожиданной и случайной) стал не триумф свободы, а «драконование» хаоса русской Смуты, которая своей бессмысленностью и жестокостью превзошла средневековые бунты. Осенью же 1917-го выиграли те, кто проиграл в 1905-м. Большевики пересмотрели итоги русской революции и послереволюционного развития. Их переворот (политический и социальный) – это не прорыв в новое, а его погром. Октябрь 1917 г. – против модэрной России: современных людей (русских европейцев), образцов мыслей, форм жизни (в том числе против современного государства, власти современного типа), социального творчества.

Русское массовое общество стало строиться на отрицании и борьбе со всеми этими «пережитками прошлого» – как простая система¹, где несвобода и государственный террор являлись ответом (в ответ) на все вызовы времени. Однако и «массовидный» террор (любимое слово Владимира Ленина) большевиков не мог остановить историю. Советской системе пришлось решать те же задачи, которые стояли перед царской: создание передовой промышленности, «оснащение» техникой деревни, ликвидация неграмотности, смягчение социального неравенства и др. Раздавив потенциалы современного общества (русское общество как современное, модэрное), советская власть продвигала и внедряла его идеалы, ценности, проекты, так как не могла без этого обойтись. Но все эти естественные и необходимые задачи слишком долго решались в режиме тотальной несвободы, отказа от культурной преемственности, подозрения/презрения к окружающему миру, что придавало решениям «временный» характер. Советская индустриализация, колхозы, общественное устройство и проч. не были рассчитаны на исторически значительный срок, оказались не способны к внутреннему «росту». Поэтому и развалились под напором новых времен, мало что оставив после себя.

В результате и теперь, спустя 110 лет после Первой революции, мы по-прежнему не знаем, как совместить свободу с порядком, личность/индивидуализм с массой/массовостью, социальную иерархию со справедли-

¹ Подчеркнем: русская социальность в начале XX в. плюрализировалась, усложнялась. А сложность – синоним развития и свободы. После революций 1917 г. вектор изменился на прямо противоположный. Русская история как бы развернулась вспять. При этом декорировалась в формы, отчасти заимствованные у современного мира.

востью, национальное с всеобщим (космополитичным), традиции с современностью и т.д. Эти потребности сильны своей естественностью, связанностью с жизнью человека и общества, потому они неизбежно пробивают себе дорогу. Диктатуры, тоталитаризмы и проч., практикующие запреты во всех сферах, идущие на зажим во всем и массовое всеупрощающее и всех ожесточающее насилие, не способны их «снять». Однако они не дают социуму пройти тот путь, набраться того опыта, который позволяет быть «созвучным» времени, искать такие ответы на его вызовы, которые не ставят людей на грань выживания, не заставляют перенапрягать все силы и т.д.

11. Революции как исторический урок. В позитивно-созидательном смысле уроки 1905 г. гораздо важнее для современной России уроков 17-го. Если быть точным, нас должен интересовать именно этот опыт. 1917-й – предостережение: урок того, как не надо делать. А 1905-й – своего рода пособие, ориентир. *Эта* история показывает, как следует разрешать революционные кризисы, развязывать (а не разрубать) узлы социальных проблем. Не поняв значения Первой революции, Россия (царская, бюрократическая, общественная, а также рабочая и крестьянская) и потерпела поражение, по существу самоликвидировавшись в 1917 г. (точнее, в результате того, на что она пошла в 1917 г.)¹.

Однако и сейчас, в XXI в., мы делаем выбор в пользу тех исторических уроков (адресуемся к ним, о них говорим), которые не способны стать источником позитивных (для общества, людей, человека) изменений. Это и есть ответ на вопрос: озабочены ли мы тем, как и куда развиваться – вообще проблемой развития.

¹ В России вот уже столетие господствует убеждение: в Феврале 1917 г. потерпел поражение либерализм (как идея и практика), доказав свою несовместимость с социальностью этого типа. Это историческое заблуждение. Поражение потерпела страна, отказавшись от своих либеральных достижений (прежде всего, от власти такого типа), традиций, от тех возможностей, которые давал ей либерализм. А то, что в ней есть запрос на либеральное устройство, Россия доказала своей историей – и не только Первой революции. Поразительно, что полвека спустя, почти сразу после смерти Сталина, десятилетиями терроризировавшего народ, казалось, уничтожившего в стране все жизнеспособное (как мешавшее, угрожавшее его диктатуре), пошла либерализация режима, началась «оттепель». И сейчас наш главный шанс на развитие – в прививках либерализма, в либеральном «прочтении» революции начала XX в., в культивировании того отношения к «феврализму» (т.е. к победившему и отринутому страной либерализму), которое выразил (по другому поводу) Б.Л. Пастернак: «Февраль. Достать чернил и плакать! / Писать о Феврале навзрыд». Потому что либерализм – охранительное начало русской жизни. В отсутствие либеральной «подосновы» российские порядки начинают угрожать человеку – его достоинству, свободе, безопасности, существованию.

Список литературы

1. Бродский И. Катастрофы в воздухе // Бродский И. Поклониться тени. – СПб., 2006. – С. 44–81.
2. Ганелин Р.Ш. Политические уроки освободительного движения в записке старейших царских бюрократов // Ганелин Р.Ш. В России двадцатого века: Статьи разных лет. – М.: Новый хронограф, 2014. – С. 9–22.
3. Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г.: Реформы и революция. – СПб.: Наука, 1991. – 223 с.
4. Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Гиппиус З. Живые лица: Воспоминания. – Тбилиси: «Мерани», 1991. – 384 с.
5. Дмитриенко А.А. Отношение предреволюционного крестьянства к Государственной Думе (На примере Вятской губернии // Полис. – М., 2007. – № 5. – С. 25–34.
6. Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. – Л.: Наука, 1978. – 246 с.
7. Маклаков В.А. Из воспоминаний. – М.: Статут, 2016. – 320 с.
8. Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой: Из книги «Конец первой половины XX в.». – М.: Худ. лит-ра, 1989. – 302 с.
9. Пайпс Р. Русская революция. – Ч. 1. – М.: РОССПЭН, 1994. – 398 с.
10. Первая революция в России: Взгляд через столетие / Отв. ред. А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 602 с.
11. Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. Университетская книга, 2015. – 336 с.
12. Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст., 1909–1910 гг. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 136–152.
13. Трубецкой С. Противоречия нашей культуры // Вестник Европы. – СПб., 1894. – № 8. – С. 510–527.
14. Федотов Г. Революция идет // Федотов Г. Судьба и грехи России. – СПб.: «София», 1991. – Т. 1. – С. 127–172.
15. Штейнман М.А. «Пророчества о нашем дне»: 1905 год через призму восприятия русских писателей // Революционаризм в России: Символы и цвета революции. Сб. ст. – М.: РГГУ, 2005. – С. 269–285.

В.П. БУЛДАКОВ

1917 ГОД: СТРАСТИ РЕВОЛЮЦИИ

Большинство политических деятелей, включая революционеров, отказывались понимать, как произошла Февральская революция. «Ни одна партия не готовилась к великому перевороту», – утверждал социал-демократ Н.Н. Суханов. – Все мечтали, раздумывали, “ощущали”...» (82, с. 49). Один из лидеров эсеров В.М. Зензинов писал: «Революция ударила, как гром с ясного неба, и застала врасплох не только правительство, Думу и существовавшие общественные организации... Начавшееся с середины февраля забастовочное движение... рассматривалось как обычное... Никто не предчувствовал в этом движении веяния грядущей революции» (цит. по: 92, № 2, с. 136). «Революция застала нас, тогдашних партийных людей, как неразумных дев, спящими» (49, с. 7), – отмечал другой видный эсер С.Д. Мстиславский.

Всякая революция порождает мифы, парализующие сознание. Следствием русской революции стали и грандиозные заблуждения, пропитывающие ее историографию. Причем ложные представления укоренились столь основательно, что человек, взявшийся опровергать их, серьезно рискует¹. Так, еще в советское время сформировалось мнение: «дурному» сценарию 1917 г. были «спасительные» альтернативы. В постсоветские времена эта тенденция усилилась. Некоторые современные «исследователи» убеждены, что предреволюционное «благополучие» никак не предвещало революции, что ее могло и не быть, не вмешайся в ход событий вездесущие «заговорщики». Эти иллюзии сейчас бездумно насаждаются сверху (54) – возможно, из опасений нового пробуждения «опасных» для власти эмоций.

Трудно непредвзято взглянуть в прошлое, если только возможно вообще. Люди привыкли обманываться. Это проявляло себя и в том, что в России, пребывавшей во власти европейских «понятий», беззаботно подверстывали под них всякий неясный конкретно-исторический материал. Между тем французские военные аналитики, к примеру, отмечая внешнее

¹ Это было подмечено и западными наблюдателями (см.: 94, с. 551).

сходство Февраля 1917 г. с началом Великой французской революции, предупреждали: события в России вряд ли будут развиваться аналогичным образом (22).

Всякая революция перенасыщена страстями. На протяжении десятков лет академического изучения революции в СССР самый ее пафос неуклонно выветривался. Эмоциональное неистовство революции вытеснялось «объективной» статистикой, втиснутой в известную схему: «экономика, социальные условия, классы, партии». С помощью привычных для эпохи застоя «валовых» показателей выхолащивался самый «дух» революции.

О влиянии эмоций на поведение возмущенной толпы со времен Гюстава Лебона писали многие. В 1930-е годы к изучению «страстей истории» призывали и Люсьен Февр, и Норберт Элиас. Л. Февр обращал внимание на тесную связь рациональной и чувственной природы человека, предлагал искать корни «сознательных» межличностных отношений в «эмоциональной жизни» (88, с. 117). Сегодня пишут о том, что в определенные моменты истории массы подвержены «фобическим сверхреакциям» (61, с. 14).

Историкам следовало бы задаться вопросом: как это происходит? Почему внутри таких устойчивых «величин», как культура, хозяйство или ментальность, «вдруг» начинается лавинообразный рост «малых возмущений», оборачивающийся тотальным хаосом? (14). Ответ кажется простым: хаос приходит изнутри, из души «маленького человека», тихое существование которого в силу незаметных для него факторов делается невозможным. Исследователи, однако, предпочитают ориентироваться на *видимое*. Сферу же социологически «невидимого» монополизирует конспирология с ее старыми как мир заговорщическими фобиями.

Кажется, пора нарисовать *психологический* портрет российской «политики», российской революции. Конечно, сразу проделать такую работу невозможно. Эмоции того времени были крайне противоречивы. Но часто именно они задавали тот или иной «политический» угол зрения «случайным» людям. В данной статье автор намерен лишь указать на пути и возможности продвижения в этом направлении.

Здесь возникает вопрос: с помощью каких источников можно уловить полузадавленные эмоции «злого бессилия», которые, вырвавшись наружу, в определенных обстоятельствах превращаются в стихийный двигатель истории? Какие материалы способны пролить свет на «особые» взаимоотношения эмоций и политики в России?

Очевидно, наиболее впечатляющую информацию можно получить из документов личного происхождения: дневников и писем. Но дневники в России писались по большей части образованными людьми. Что касается писем, то люди недостаточно грамотные попросту не способны адекватно передать *свои* эмоции. Потому следует особенно осторожно подхо-

дить к интерпретации таких источников. Оценка массовых революционных психозов требует более сложных методик извлечения информации из документов общего характера. И это тоже возможно. Разумеется, все, что касается истории эмоций, всегда будет носить приблизительный характер. Приходится учитывать и обилие противоположных реакций на одно и то же «судьбоносное» событие, когда эмоциональность приобретает форму эпидемии.

Безумие эпохи Просвещения?

Вероятно, главный «порок» мыслительной парадигмы эпохи Просвещения состоял в том, что исторический процесс представлялся сплошным движением вперед и единообразным восхождением «наверх». Но мир людей не может быть устроен столь примитивно. Позитивистская самоуверенность развратила и извратила человеческий ум. Люди забыли то, в чем был уверен еще Гераклит: мир гибнет и возрождается, он *эмоционально* цикличен, а не *рассудочно* телеологичен.

Впрочем, Ф.М. Достоевский в свое время предупреждал, что миру грозит опустошительная война, когда «миллионы голодных ртов, отверженных пролетариев брошены будут на улицу», а затем «все эти парламентаризмы, все исповедываемые теперь гражданские теории, все накопленное богатство, банки, науки – все это рухнет в один миг и бесследно» (31, с. 411). Конечно, на фоне людского беспамьяства подобные пророческие заявления смотрелись беспроницательно. Однако апокалипсические настроения становились почти навязчивыми. И Владимир Соловьев, и Константин Леонтьев также предупреждали, что современный мир катастрофичен, что его ждет скорая гибель. Конечно, можно согласиться с тем, что мир перманентно безумен. Но каково происхождение этого безумия?

Российские «страсти революции» разыгрались задолго до Первой мировой войны. Возможно, они были своего рода эсхатологической реакцией на назревавший европейский кризис. Отсюда тема возмездия, наиболее отчетливо прозвучавшая у Андрея Белого, Веч. Иванова и А. Блока. Но настоящая буйство страстей в России развязала война. Ее сравнивали с «ярко выраженной психической эпидемией, наподобие эпидемий Крестовых походов, средневековых религиозных безумств... и всех тех массовых заболеваний народной психики, которые через известные периоды охватывают мир» (25, с. 56). Впрочем, грядущую революцию на третьем году войны представляли двояко: как «ужасный крах, катастрофу» и как своего рода «очистительную грозу» – «явление, хотя и страшное, но, в конечном счете, почти положительное»¹.

¹ ГА РФ.Ф. 5881. Оп. 1. Д. 784 (воспоминания Л. Оболенского). Л. 3, 6.

Мнение о том, что российское пространство отличалось особыми психогенными качествами, в частности повышенной эмоциональностью, может вызвать недоверие. Весь европейский XX век ознаменован взрывами неадекватных эмоций, вызвавших серию малых и больших потрясений – войн, переворотов, покушений. Все это было незримо связано с духом внутренней агрессивности, накопившимся за десятилетия «мирной жизни» и не находившим выхода в повседневности. И эта «энергия отрицания» не могла не соединиться с новым, навеванным восторженно воспринимаемым прогрессом технологий футуристическим мифом.

«Генетический материал» русской революции запятан в глубине веков, архетип взаимоотношений власти и народа складывался на протяжении столетий (13). На этой основе формировались и интеллигентские утопии, проникавшие в политическую культуру. В свое время выдающийся философ Ф.А. Степун, писал: «В том-то... и коренится трагедия истории, главная причина ее величественного самоистязания и ее метафизического безобразия, что образ будущего, иногда чаемый пророками и художниками, долгие все остается сокрытым от его фактических творцов. Оптика революционной воли почти всегда мечтательна и одновременно рационалистична, т.е. утопична. Строя планы своих действий, набрасывая и вычерчивая в сознании карты будущего, революционеры утописты невольно принимают картографические фантазии за живую картину будущего...» (81, с. 291–292). Как показывает опыт, «дописывать» бывшие фантазии довольно просто и, главное, *эмоционально* «убедительно».

Для политики требуются твердость и воля. Между тем русская интеллигенция, вздумавшая играть в политику, была больна «хронически неврастенией и безволием» (52, с. 250). Безволие, в свою очередь, породило склонность не только к прожектерству, перерастающему в доктринерство, но и к пылкому идолопоклонству. Такова была естественная реакция на застойный самодержавный патернализм. При этом воображение россиянина удивительным образом сочетается с некритичной абсолютизацией «политического» факта. Однако революционный процесс в России имел архаичную *дополитическую* основу, что было связано с относительной неизменностью психоэмоциональных реакций *homo rossicus'a* на ситуацию *во власти*. Научнообразные утопии, вырабатываемые интеллигенцией, были слишком абстрактны для того, чтобы преодолеть инерционную архаику крестьянской ментальности; они могли лишь стимулировать ее агрессивную составляющую при известных *психоэмоциональных* обстоятельствах. В сущности это и произошло.

Между тем в Европе уже давно действовали малозаметные, но куда более многозначительные факторы *иною* порядка. Со времен Возрождения и Реформации Европа сделалась *внутренне революционной*, ибо нет ничего революционнее раскрепощенного человеческого разума с его им-

манентной воинственностью по отношению ко всему сакральному. В сущности, научная мысль ждала своего часа торжества над привычной верой. Он наступил к началу XX в.

Мир стал слишком тесным, агрессивным и мобильным для того, чтобы внимать голосу церкви или дипломатам старой формации, озабоченным поддержанием привычной стабильности. Сыграл свою роль и фактор социализации науки: ученые впервые попытались применить свои *позитивистские* теории к общественно-политической жизни и объявить о соответствующих «открытиях». Миф становился наукообразным, приобретаемая вместе с тем визуальную «убедительность», что в тогдашней обстановке делало его особенно притягательным. Впервые в истории люди превратились в заложников прогресса. Это провоцировало соблазн еще более стремительного рывка вперед, в том числе и через освобождение от всего «мешающего». Мир словно завис в зыбком пространстве между революцией и войной. Но против кого?

Причины, породившие такую ситуацию, стали различимыми лишь сегодня: демографический бум привел к «омоложению» населения; промышленный прогресс убеждал во «всесилии» человека; информационная революция сталкивала различные взгляды и усиливала иллюзорный компонент сознания; соответственно возрастала эмоциональность, а заодно и агрессивная «безрассудность» обычных людей. В самый ход истории вмешалась агрегированная психика «маленьких людей» (17, с. 10, 15–17). На этом фоне поведение правителей, мыслящих по преимуществу категориями прошлых веков, можно выделить лишь в фактор бездумного *провоцирования* войн и революций. Истинный их «виновник» спрятался за позитивистскими барьерами «прогрессивного» недомыслия.

К началу XX в. произошел своего рода эмоциональный перегрев всей европейской культурной среды – относительно «сытой», старающейся мыслить «рационально», но остающейся социально и психологически неустойчивой. Писали о «нервной напряженности человечества нашего времени» (25, с. 57). «Одной из наиболее опасных черт современной мысли является неврастеническая импульсивность, которая делает ее жертвой меняющихся настроений и предположений», – писал известный историк П.Г. Виноградов (20, с. 438) (оставаясь при этом исследователем позитивистского склада). *Mass media* доводили эту импульсивность до всплеск социальной истерии. Эмоции незримо вторгались в «большую политику».

В известном смысле большевики предложили свой «универсальный» проект устранения обострившихся противоречий. Разумеется, он был утопичным, но, однако, подкупал своей псевдогуманистической составляющей, минимизирующей в глазах людей насильственный способ своего воплощения. Конечно, измерить степень агрессивности общества, находясь внутри его, вряд ли возможно. Однако со стороны заметно, когда

и как массовое сознание начинает рыскать в поисках образа врага. И какой, конечно, находится. И тогда остается лишь придать ему звероподобные черты и глобальную масштабность.

Характерно, что в российской церковной прессе проблему разразающейся войны сразу же попытались поднять на историко-онтологический уровень. «Пожар европейский и мировой провиденциально неизбежен, – уверяли в “Церковном вестнике”. – Лживый европейский мир и не менее лживый европейский мир обречены на этот огонь... Европа уже давно превратилась в огнедышащий вулкан, прикрытый поверхностным и обманным покровом мирной буржуазной жизни»¹. Подобные заявления, в сущности, были вполне изоморфны образу мысли Ленина, уверовавшего в близость мировой революции. Можно сказать, что вождь революции призвал себе на помощь «революционных» всадников Апокалипсиса.

В те годы многие говорили, что «мир сошел с ума». На этом фоне объяснять, что российское культурное пространство всегда отличалось повышенной эмоциональностью, повторим, задача рискованная. Между тем всякая традиционная культура перенасыщена страхами (даже в тех случаях, когда обычаи предписывают скрывать их). Бытование нашего первобытного пращура складывалось из серии непосредственных реакций (а не рефлексии) на внешние обстоятельства. Вдобавок патернализм – особенно в его «крепостническом» воплощении – усиливал «инфантилизацию» сознания. Прочие культурно-исторические факторы консервировали *психоэмоциональную* архаику. Смесь страха перед будущим и вождения его трансформировалась в синкретически возбужденное состояние российской *психоментальности*. И этому были свои объяснения.

В отличие от Европы, в России не существовало разделения власти на светскую и духовную, что препятствовало формированию области собственно *политического* (отчужденного от сакрального). «Расчетливая» и «предусмотрительная» (в европейском смысле слова) политика подменялась эмоциональными реакциями на *задуманное* и *содеянное* властью. Глубинные причины такой подмены в том, что российская история не знала планомерного дисциплинирующего насилия в лице инквизиции – процесс форматирования социальной среды затянулся. Отсутствие в российской средневековой культуре университетов с их неперменной латынью также препятствовало формированию универсальной сферы *логического*, трансформирующего эмоциональные выплески со стороны недовольных низов в «настоящую» политику. «Обделена» была Россия и дисциплинирующей сознание школой средневековой схоластики – отсюда запоздалое следование «непререкаемым» принципам и авторитетам. Можно вспомнить и о том, что в отличие от европейца россиянин, отчужденный от тра-

¹ Церковный вестник. – Пг., 1914. – № 35. 28 авг. – Стб. 1040.

дий римского права, не умел мыслить категориями формального закона, предпочитая максимы справедливости и правды. Попросту говоря, *Ното россичес* не был социально отформатирован для демократии, к которой стремились европеизированные российские политики. Более того, предреволюционная неуверенность во власти придавала его страхам заразительное свойство.

Подданный «абсолютной» власти не понимал условного – в онтологическом смысле – характера политической жизни. Отсюда и постоянная подмена политического «расчета» спонтанными эмоциональными – чаще диаметрально противоположными – реакциями. Обычно они приобретали характер перверсий: между «Да здравствует!» и «Долой!» не оставалось пространства для диалоговых усреднений (разумеется, за исключением случаев «каши в голове»¹). «Отказываюсь понимать два сорта людей: монархистов и анархистов», – писала 24 мая 1917 г. студентка Одесской консерватории в своем дневнике (представлявшем скорее калейдоскоп эмоций, нежели хронику событий)² (38, с. 146). Тогдашние эмоциональные порывы носили «стадный» характер, которому трудно было противостоять «рассудительному» человеку. «Политические» пристрастия были своего рода символическим маркером *неполитических* страстей. И именно эти стихийные эмоции по-своему распоряжались судьбами политиков.

Некоторые российские мыслители догадывались, что за обывательской относительно сытой жизнью может скрываться «древний ужас» (Вяч. Иванов). Кое-кто связывал его выплески с футуризмом. «...Русский футуризм был пророком и предтечей тех страшных карикатур и нелепостей, которые явила нам эпоха войны и революции; он отразил в своем туманном зеркале своеобразный веселый ужас, который сидит в русской душе и о котором многие “прозорливые” и очень умные люди не догадывались», – писал А. Блок (8, с. 181). Сам он, похоже, давно (1911) был уверен: «И темная, земная кровь / Сулит нам, раздувая вены, / Все разрушая рубежи, / Неслыханные перемены, / Невиданные мятежи».

Некоторые о том же самом высказывались по-другому. «В русской политической жизни, в русской государственности скрыто темное иррациональное начало, и оно опрокидывает все теории политического рационализма», – считал Н.А. Бердяев. Происхождение этой «варварской тьмы»

¹ Человек из разряда тихих московских обывателей в конце апреля 1917 г. писал о своих политических представлениях так: «Вот и я, многогрешный, и раньше был собственнo диким – вмеща в себя немного октябриста, кадета и социалиста, а теперь совсем одичал... и сам черт не разберет моей платформы... Прирожденный ненавистник войны, чуть не толстовец... не знаю теперь, куда теперь клонить свои помыслы относительно войны. С одной стороны, страшно не хочется ее, с другой стороны, жутко подумать, а как кончать ее теперь? Принесено столько жертв, и неужто все попусту...» (см.: 55, с. 38).

² Характерно, что после победы большевиков она призналась: «Я все правое и правое и, наверно, доправое до монархистки» (38, с. 146).

он связал с географическим фактором – неспособностью россиянина организовать громадные пространства¹. Переадресовав эту миссию центральной власти, он вслед за тем возвел ее в нечто трансцендентное. Русский человек «привык быть организуемым» (6, с. 54, 61, 66, 68). Впрочем, известно и другое: «Человек... жаждет завершенности и потому отдается в объятия тоталитаризмов, которые являются искажением надежды» (72, с. 285). Эти заключения можно интерпретировать как возможность стихийного бунта против «дурной организации», препятствующей воплощению «идеала».

Вместе с тем Н. Бердяев писал о «чисто женском» отношении россиян к идолу государственности, из которого мог родиться своего рода «бабий бунт» против объекта поклонения (6, с. 39). Разумеется, подобная гипотеза не по вкусу некоторым российским авторам, привыкшим по советской привычке выводить физическое (а следовательно, духовное) самочувствие народа из официальных данных и задним числом предписывать ему смиренное поведение перед властью предрешающими. Однако история раскручивается отнюдь не по тем «законам», которые всякий раз пытается навязать ей ограниченный, но догматично-самонадеянный человеческий ум.

В сентябре 1916 г. во время пребывания в германском плену генерал-лейтенант русской армии А.Н. Розеншильд фон Паулин составил крайне негативное описание поведения русских офицеров в лагерях для военнопленных. Оно заметно отличалось от поведения пленных французов: русские имели «невъязимо грязный и неряшливый наружный вид», пренебрегали элементарной гигиеной, потеряли всякое представление не только о дисциплине, но и об элементарной вежливости, обнаруживали «сплошное наружное и внутреннее хамство». Со своими генералами они вели себя вызывающе, на построениях держали руки в карманах, курили, между собой постоянно конфликтовали. В их среде, особенно в первые дни плена, обнаруживались «не офицерские, мальчишеские и даже хулиганские поступки: площадная ругань, битье по лицу друг друга и пр.». Заметно было также нежелание занимать какую бы то ни было руководящую должность для поддержания внутреннего распорядка. Многие офицеры «пресмыкались перед немцами», своих собственных генералов готовы были оклеветать, а Николая II подчас называли преступником (73, с. 348–349)².

¹ Это положение в свое время разрабатывал С. Королев (36).

² Нечто подобное высказывал генерал Ф. Палицын, характеризуя поведение русских войск во Франции: «Ведут себя как дети. Самовольно приходят и уходят, в одежде не соблюдается опрятность... напиваются». По его мнению, сказывалось отсутствие «надзора» (56, с. 34).

Конечно, воспоминания этого генерала, нетерпимого и желчного, далеки от объективности. На его злые характеристики можно было бы не обращать внимания, если бы не одно обстоятельство. Оказавшись за пределами привычной среды, пленные русские офицеры вели себя точно так же, как *солдаты* в России после падения самодержавия. Получается, что даже образованного россиянина отличали крайне низкий уровень «естественной» (без давления сверху) социализации и неразвитость гражданского чувства.

Возникает резонное предположение: «темное начало» и «инфантильный» социальный негативизм были устойчивыми компонентами психики пресловутого *homo rossicus*¹. Авторитарно-патерналистская система попросту сделала его «скрытым» бунтарем. Развитое гражданское общество реагирует на экстремальные обстоятельства социальной консолидацией. Российская социальная среда обнаруживала нечто противоположное. Судя по всему, в России в августе 1914 г. даже в правительственных кругах учитывалась «неизбежность народного прогрессивного или даже революционного движения вслед за окончанием войны» (84, с. 534).

Впрочем, вопреки прежним антивоенным обещаниям в августе 1914 г. о революции, похоже, забыли даже социалисты. Вялая реакция на убийство во Франции Ж. Жореса вполне это подтверждала. Более того, на пропагандистских открытках Жорес стал изображаться рядом с Клемансо и другими яркими сторонниками войны (59, с. 41). Похоже, теперь это абсурдное соседство казалось «нормой». Российские либералы, напротив, боязливо связывали войну с революцией. 3 марта 1916 г. П.Н. Милюков заявил в Думе: «Я знаю, что революция в России непременно приведет нас к поражению, и недаром этого так жаждет наш враг» (46, с. 76). Но в декабре 1916 г. и ему пришлось признать: «Атмосфера насыщена электричеством, и в воздухе чувствуется приближение грозы. Никто не знает, где и когда грянет удар»¹.

Патриотизм vs революционизм

Некоторые современные российские авторы убеждены в естественности патриотического энтузиазма, с которым все слои российского общества встретили весть о вступлении России в войну. Демонстративные манифестации того времени и по сей день считаются выражением общественных настроений. На деле в экстремальных ситуациях громкие заявления и «тайные думы» могут основательно расходиться. За шумным «патриотизмом» мог таиться испуг непредсказуемости².

¹ Цит. по: Русское слово. – Пг., 1916. – 17 дек.

² Нечто подобное зафиксировали западные авторы, проанализировавшие ситуацию в Германии. Так, М. Залевски отмечает, что «в высокотехнологичный, научно организо-

Имеется такое описание поведения тогдашних «патриотов»: «Вчерашние неврастеники, судебные следователи и агрономы, адвокаты, бухгалтеры и акцизные пристава, лихо бряца палашами, кучками бродят по ресторанам, громко обмениваются приветствиями, пересмеиваются с крашеными женщинами и, нажимая рукой на блестящие эфесы, дерзко и уверенно дают понять глазеющей родине, что им ничего не стоит сложить за нее свои бедовые головы...» (23, с. 3). Но были и другие мнения. «Только люди, любящие борьбу, ищущие победы, любящие чувствовать себя сильнее своей слабости, идут (на войну. – В.Б.) весело, – считал будущий военный министр Временного правительства А.И. Верховский. – Прелесть риска – одна из лучших красот жизни» (19, с. 31). Бывают времена, когда задавленному беспросветной обыденностью обывателю хочется хотя бы на время предстать «человеком войны».

В любом случае дух «патриотизма напоказ» продержался недолго. Страх перед будущим мог породить шаткое состояние «веселого ужаса» лишь в городской среде. Поэтому подъем среди интеллигенции быстро сменился привычным скептицизмом (25, с. 111). Традиционалистские массы воспринимали ситуацию иначе. Страх смерти (всегда ассоциировавшийся в крестьянстве с хозяйственными напастями) не мог не активизировать патерналистский инстинкт. А он не имел ничего общего ни с гражданским патриотизмом, ни с шовинистическим милитаризмом. Эмоции *расходились* с политикой, хотя последняя не без успеха использовала именно их.

Разумеется, в верхах понимали, что патриотизм – лучшая прививка против революции. Так, общество «Отечественный патриотический союз», созданное в целях «религиозно-нравственного и национально-патриотического воспитания народа» и для «предупреждения революционной смуты в России», намеревалось содействовать устройению церковно-приходской жизни на канонических основаниях, изданию пропагандистской литературы, проведению патриотических манифестаций, устройению мелкого кредита, потребительских союзов, социального страхования рабочих¹. Сомнительно, однако, что эта «общественно-бюрократическая» организация, в руководстве которой преобладали высшие церковные чины и светские сановники, могла справиться с такими задачами.

ванный мир модернизма просочились самые древние антропологические прототипы, даже невиданные до тех пор атавизмы: опубликованные суждения о начале войны изобилуют такими метафорами, в которых речь шла лишь о жизни или смерти, о смелости или трусости, о надежде или отчаянии» (32, с. 405). Весьма серьезное отечественное исследование рисует «противоречивую картину милитаристских и антивоенных настроений, доносов и даже поношений императора, идущих от низов и эмоционально взвинченных женщин» в Австро-Венгрии (48, с. 19–20, 65–66).

¹ Устав общества под названием «Отечественный Патриотический Союз». Утвержден 7 сент. 1915 г. – М., 1915.

Известно, что перед войной недовольство петербургских рабочих едва не переросло в революционное выступление. Да и независимо от этого население было убеждено в их особой революционности. Со временем даже западные авторы втянулись в «теоретический» спор застойных времён: чего было больше в поведении пролетариата – стихийности или сознательности? (95). И не следует ли при оценке его поведения руководствоваться понятием «классовый инстинкт» (98). Увы, похоже, русский пролетарий – это человек традиционного общества, «смущенный» городской средой. До революции в стихах пролетарских поэтов присутствовала не только тема духовной обездоленности, но и гордость приобщения к машинному производству, а также стремление к «революционно-коллективистскому» преодолению своего положения (12). Правда, считается, что война вызвала в этой среде подъем все тех же «патриотических» чувств, но, похоже, это касалось далеко не всех рабочих. Даже в толпах митингующих встречались рабочие, настроенные и против войны, и против «буржуев», и против царя. А в Екатеринославе запасные, возмущившись запретом бесплатного проезда в трамвае, «взяли штурмом вагоны, повыкидали городских и навели панику на полицию». Губернатору они угрожали вооруженным насилием¹.

В отличие от «патриотичных» горожан деревенские призывники демонстрировали нечто противоположное: пьяные бунты и погромы, сопровождавшиеся крайним озлоблением, социальными угрозами и поношениями «царя-батюшки», происходили повсеместно (7, с. 19–21, 37–38; 63, с. 32, 96, 106)². (А между тем журналисты и писатели рисовали совсем иную картину³.) И дело было не только в недовольстве запретом продажи спиртного, который воспринимался как покушение на вековой обычай и ритуал. Не стоит думать, что призыв на войну всколыхнул привычное недовольство помещиками и купцами, поддерживаемое социалистической пропагандой. В глубине души архаичных социумов развернулся своего рода поиск «главного врага». Последний был необходим традиционалистскому сознанию для восстановления окончательно порушенной войной картины мира, и без того бывшей «слишком сложной».

В этом контексте следует воспринимать и недолгие шапкозакидательские настроения на фронте. В октябре 1914 г. некий «Жорик» сообщал в Москву о том, что, несмотря на громадные потери, «все воюют с полным

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 23, 48.

² Некоторые отмечали, что во время русско-японской войны мобилизованные буйствовали еще больше (см.: 56, с. 80).

³ «На лицах шагающих мужиков суровая маска – ничего не прочесть... Лица запасных сосредоточено-деловиты. С такими лицами ходят в церковь... Не гудят трактиры, нет поросычьего визга гармоники... Нет радости, но и нет тревоги...», – писал Иван Шмелев, подчеркивая при этом, что таким настроением охвачены все сословия (90, с. 8–10).

сознанием своего боевого долга» и готовы «мстить за наших братьев – славян...». Возможно, это была обычная бравада – кавалер «рисовался» перед дамой. Конечно, сказывалось и влияние показного патриотизма. Сходным образом, в ноябре 1914 г. некий нижний чин писал в Пензу: «Умру около своего 5-го орудия за Царя и Отечество и за Русь, святую Веру» (60, с. 106, 107, 111). Пропаганда подспудно навязывала «стандартную» фразеологию.

Куда более симптоматичны противоположные высказывания. Член Государственной думы большевик Г.И. Петровский в частном письме уверял, что в среде рабочих «отношение к войне самое отрицательное», рабочие, зная свою обездоленность, говорят, «какой патриотизм может быть у нас»¹. Разумеется, здесь не обошлось без попытки выдать желаемое за действительное. Но рассчитывать на устойчивое чувство патриотизма в рабочей среде, из которой власть стала усердно извлекать «пушечное мясо», не приходилось. Позднее некоторые наблюдатели отмечали, что русский патриотизм в среде офицеров подменялся «полковым патриотизмом, наподобие губернского у мужиков» (52, с. 317). Можно сказать, что место государственного «коммуникативного разума» у подданного империи занял своего рода сословно-корпоративистский инстинкт.

В начале ноября 1914 г. некий А.Е. Лихачев из запасного (что характерно!) пехотного батальона сетовал, что солдат «как скотину ведут на бойню». Здесь, возможно, сказалось влияние пацифистской пропаганды, сомкнувшееся с личными страхами. Порой непривычное психическое и физическое утомление порождало настоящее отчаяние. Один офицер после недолгого пребывания на передовой жаловался на расшатанные нервы, просился в тыл, аргументируя это тем, что «есть тысячи офицеров, которые еще не нюхали порох, а после войны будут говорить, что они сражались». Со временем навязчивая пропаганда могла породить эмоции, противоположные ожидаемым. В конце 1914 г. некий Штеп, старший врач одного из пехотных полков, писал в Москву: «Как попадаете нам московская или петроградская газета, мы зеленеем от злости, читая бумажно-патриотические статьи против заключения мира да еще со ссылкой на армию, которая, дескать, горит желанием воевать...» (60, с. 110, 111, 115, 489, 635).

В любом случае следует различать показную (стадную) реакцию на угрожающее событие и естественную (личную). Они характерны для любых сообществ, ибо связаны с социально-биологической первоосновой человеческого существования. Зажиточные австрийские крестьяне в начале войны больше всего волновались за судьбы своего хозяйства (48, с. 19). В Германии шовинистические восторги демонстрировали преимущест-

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 2.

венно бюргеры и лица свободных профессий, а в целом событиями управлял глубинный страх, запрятанный за карнавальной формой манифестаций (97, с. 73–83, 96). В русской деревне страх не таили: сообщали, что там «крики, стоны, рыдания не прекращаются». Звучало и недовольство тем, что «берут ужасно много»¹. Возможно, была подспудная надежда, что кого-то мобилизация обойдет стороной и деревня потеряет только «лишних» людей. «Утверждать... что среди крестьянского населения был патристический подъем и что война была среди него популярна, я не решился бы, – писал В.И. Гурко. – Война вызвала молчаливое, глухое, покорное, но все же недовольство» (28, с. 644).

Однако главное – в другом. До сих пор не оценено должным образом поразительное явление: если в западных странах всерьез восприняли идею «священного единения» всех слоев общества против общего врага, то в России образованные люди заговорили – кто со страхом, кто с надеждой – о неизбежности революции. Расходились только в сроках. В либеральных кругах на Кавказе, если верить Н.Я. Марру (будущему советскому академику), были убеждены, что «после войны должны наступить коренные реформы... и... если таковые не наступят, то быть беде...» (84, с. 545, 567). А между тем в народе о повторении событий 1905 г., казалось бы, не помышляли.

Особенно остро и столь же неоднозначно реагировала на войну российская революционная эмиграция. Из Франции сообщали: «Все русские покидают Францию... Говорят в России готовятся к революции. Двое русских эмигрантов, приговоренных к смертной казни, радостные мечтают вернуться во время беспорядков в Россию...»². Известно, что многие эмигранты-революционеры шли добровольцами во французскую армию. Не оставались в стороне люди творческих профессий. «Я как прапорщик запаса решил тотчас же ехать в Россию, чтобы занять место в армии, – писал художник М.Ф. Ларионов из Франции. – Паника по всей Европе стояла неопишная... Все русские рвутся в Россию...» (цит. по: 37, с. 482).

Трудно сказать, чего было больше в подобных явлениях: патриотизма или революционаризма. Несомненно, однако, что и то и другое было обусловлено эмоциональной импульсивностью, характерной для радикальной среды. Порой эмоции перерастали в психозы. Муслировались «революционные» слухи. «Мне передали..., что все Царство Польское объято революцией, которая может привести к очень печальному результату...», – писал некий «друг Арон» из Одессы в Бричаны, Бессарабской

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 14 (письмо «Вари» из Москвы было адресовано А. Рубакину во Францию).

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976 (письмо от 15 июля 1914 г. из Гренобля, подписанное «Лея» Н.А. Фон-Глен в Казанскую губернию, с. Александровка, имение Фон-Глен). Л. 10.

губ.¹ Обычные люди, оторванные от «судьбоносных» решений власти, принимались безудержно фантазировать. Фантазии усиливались страхом неизвестности.

Подчас образы войны и революции сплавлялись в психологически странноватую амальгаму. «Поеду только на передовые позиции, хочется судьбу попытать...», – писал один студент. – Настает великое время и великое дело, перед которым вся грандиозная война померкнет. Подготавливается государственный переворот, готовый все переменить и наладить по-новому. Зарождается новая жизнь и новое счастье... Последний день войны будет первым днем русской революции... Не надо больше войны, не надо крови» (17, с. 155). Н.С. Гумилев, романтик войны (что редко встречалось в России), в январе 1916 г. говорил о неизбежности государственного переворота (80, с. 302).

В либеральной среде зазвучали привычные опасения «реакции». «[После победы] ... они, Царь и его присные, будут чувствовать еще более твердую почву под ногами и, разумеется, постараются гнуть Россию в бараний рог по-прежнему... – писала М.В. Челнокову в Москву некая “русская женщина”. – Я понимаю, что теперь не такое время, чтобы заниматься распрями – они не помогут, напротив, дадут сумасшедшему Вильгельму лишний козырь...»². Непонимание причин и последствий войны усиливало страхи перед грядущим миром.

Особо впечатляют применительно к революционно / контрреволюционным эмоциям дневники профессора Б.В. Никольского, члена Союза русского народа. Этот человек отличался крайней раздражительностью и уникальной язвительностью. Будучи монархистом, он не любил Николая II, именуя его уничижительно – «полковник». Впрочем, начало войны он встретил довольно легкомысленно: немцев следуют побить, значит их «непременно побьют» – иного быть просто не может. «Не могу принудить себя усомниться в нашем успехе», – писал он. Эмоции попросту забивали разум. Он тут же принялся сочинять «продолжение войны»: после разгрома Германии Россия схлестнется то ли с Англией, то ли со всем остальным миром (нечто подобное воображал и Ленин). Примечательно также, что при этом Никольский называл жертвой химер воображения Вильгельма II – это «мечтатель, фантазер», не желающий считаться с действительностью. Увы, трудно сказать, кто в то время был способен считаться с действительностью! Характерно, что Никольский отнюдь не радовался показному «национальному единению», заявляя, что «в Думе все прилично, кроме хулиганского братанья Маркова и Пуришкевича с Милюковым». Заодно он поносил и «братьев-славян» (53, с. 195–198).

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 17.

² Там же. Л. 41 об.

Война навязывает не только «революционный» (в худшем смысле слова) образ мысли, но и соответствующий образ действий. В сентябре 1914 г. в некоторых письмах отмечалось: русские солдаты в Австрии занимаются грабежом и погромами, «все низкие страсти здесь в открытую», местное население особенно боится казаков. Казаки, привыкшие «ходить за зипунами», действительно развращали солдат-крестьян. «Казаки наши то же, что курды; я думаю даже, что курды кое-что по части зверств заняли именно у наших казаков» (89, с. 60), – такие представления были распространены на Кавказском фронте. Из армии сообщалось, что «нет сил бороться с мародерством и растущим в войсках инстинктом бессмысленных разрушений» (60, с. 334–336). Впрочем, пропаганда уверяла в противоположном.

В критических условиях «твердые» политические императивы переживают характерные перверсии, преумножая численность «врагов». Профессор Б. Никольский теперь во всем усматривал «враждебные происки». «По-видимому, не врут жиды, приписывая заигрывания с Польшей английским интригам, – писал он в дневнике 25 августа 1914 г. – Что за несчастье с этим царем!» Тут вспоминал он и об «интригах негодяя Сухомлинова». А уже 19 октября в политике, по его мнению, стало «печально и смутно»: «Распутин, с одной стороны, Кривошеин – с другой» (53, с. 202–205). Очевидно, что от «непонятных» событий начинало болезненно разыгрываться воображение, деформирующее, в свою очередь, «политические» убеждения. Так или иначе, странноватый феномен «монархист против царя» проявил себя с началом войны весьма заметно. Начиналось это с «мелочей»: некоторые разочарованно отмечали, что нет такта у «обожяемого Монарха!» (25, с. 131).

Разумеется, на углублении эмоциональных стрессов сказывалось несоответствие реального и желаемого. В авторитарно-патерналистских системах общественное негодование легко опрокидывается на власть – последней для этого бывает достаточно одного «неверного» шага. Уже в конце 1914 г. в Петрограде муссировались слухи о том, что императрица с ««немецкой» придворной партией» готовится заключить сепаратный мир с Германией, а «слабому» Николаю II противопоставляли его «решительного» дядю – верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича (60, с. 340; 84, с. 552). На поверхностный взгляд такое может показаться сознательным антимонархизмом.

Стимуляторы русского бунта

«Образ мира» российской интеллигенции в значительной степени выстраивался на представлениях об облике Европы – как реальном, так и воображаемом. Война заставила усомниться и в западном прогрессе, и в

европейской революционности. «Европейские события окончательно репутали все карты... чувствуется какое-то угнетенное состояние...», – писал неустановленный автор 29 июля 1914 г. «Мы стоим перед фактом стихийно развивающихся событий... – сообщили 5 августа из Екатеринослава в Москву. – Внешне проходит пока все стройно, если не считать отдельных столкновений офицеров с солдатами, но эта стройность сколлапсирует очень скоро в процессе военных действий, где страх перед чудовищными законами современной войны сломит боязнь перед военнопольными судами. Милитаризм организовал и вооружил демократию – он сам пожнет плоды своих трудов»¹.

Композитор А.Н. Скрябин уверял, что вслед за огромной мировой войной проснутся Азия и Африка. По его мнению, европейская культура уже сказала свое слово. Из будущих величайших потрясений родится Мистерия, мировой пожар, последует «век социализма» (правда, недолгий). Социалистическим тем не менее может стать и весь земной шар, но может стать и одна лишь страна (74, с. 284–285). В сущности, в войне Скрябин увидел своего рода «Симфонию экстаза». Разумеется, это были крайности гения, живущего в мире воображаемого. Однако бывают времена, когда утопии могут на некоторое время материализоваться.

Русская культура, безусловно, склонна к своего рода «обновленческому» эсхатологизму. С началом войны это тяготение усилилось. «Модный» в те времена писатель Л.Н. Андреев 4 октября 1914 г. в письме еще малоизвестному И.С. Шмелеву так объяснял свою «патриотическую» позицию: «Разгром Германии будет разгромом и всеевропейской реакции и началом целого цикла европейских революций. Отсюда и то необыкновенное и многих смущающее явление, что антимилитаристы и пацифисты Эрве и Кропоткин стоят за войну до самого конца. Отсюда и я, автор “Красного смеха”... также стою за войну. Конечно, ни для кого не тайна, что правительство под шумок уже загибает салазки, арестует и сажает – готовится на всякий случай... Есть у нас, писателей, и особой важности задача: противопоставить русскую культуру германской и доказать, что мы не варвары, хотя у нас нет внешней материальной культуры и богатства. Надобно всеми средствами показать, что русский дух есть вечное устремление к последней свободе, вплоть до анархии, немецкий же – стремление к вечному порабощению, к созданию на земле вечной тюрьмы и военных поселений. И уж, конечно, вовсе не следует искать здесь “национализм”, который также привезен к нам из Германии, как и военные поселения, и враждебен свободному духу нашему. Свобода для всех, а тюремщиков к черту!»².

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 39, 48.

² Там же. Л. 23–23 об.

Так или иначе, и с войной, и с революцией связывались пылкие надежды многих образованных русских людей. Причем, в отличие от Европы, баланс между войной и революцией все более заметно склонялся в пользу последней. В начале апреля 1915 г. М. Горький в частном разговоре высказывал опасение, что сразу после войны «возникнут крупные беспорядки, спровоцированные Министерством внутренних дел», причем, к несчастью, от этого не приходится ожидать ничего хорошего, так как «русское движение имеет анархистический характер, антиобщественный» (84, с. 623). В это же время Д.А. Фурманов, будучи на «благополучном» Кавказском фронте, под влиянием сообщений о том, что в тылу «бьют торговцев», «фабрики бастуют», записывал в дневнике: «Можно со дня на день ожидать крупных взрывов, больших осложнений» (89, с. 50). «Взрыв» последовал через месяц – жуткий своей агрессивной бессмысленностью немецкий погром в Москве (17, с. 287–292; 96, с. 36–39).

С началом войны информационные связи между Россией и Западом отнюдь не прервались, стали активно формироваться новые представления друг о друге. Этому способствовали слухи – обычный спутник экстремальных ситуаций. Из Германии 11 августа 1914 г. сообщали: «Здесь газеты распространяют разные небылицы про Россию – будто Малороссия, Финляндия, Польша и т.д. собираются встать и объявить себя самостоятельными, будто солдаты неохотно идут в бой и охотно сдаются в плен и т.д. ...Здесь предполагают, что война продлится не более 4–5 месяцев. Больше не в состоянии выдержать ни одна страна... Можно ожидать революции после войны. Это будет, пожалуй, солиднее, чем в прошлый раз» (в 1905 г. – *В.Б.*). Люди эмоционально переживали революционный опыт прошлого. «Русскому царю надо было подавить приближающуюся вторую революцию и нашлись интеллигенты, которые объединяются с царем против родного народа, опьяняя себя словами: славянство, родина, – и забывая, что нельзя уничтожить германство – родину Вагнера и Бетховена, Канта и Гете», – писал неизвестный автор социал-демократу В.П. Махновцу в Москву. «Обстоятельства сложились так, что Россия, пожалуй, выйдет победительницей и тогда реакция усилится и озвереет, но думаю, что и революция найдет почву в разбитых жизнях, разрушенных хозяйствах, кризисе, безработице. И не только в России... но и в Германии и Австрии... – писал 2 августа 1914 г. неустановленный автор А.А. Арбатской в Москву. – Жить сейчас в Америке абсурдно. Ведь разыграются события, которых мир не видал...»¹.

Удивительно, но некоторым действительно казалось, что Россия становится эпицентром мировых событий. Эмоции делали людей податливыми на утопии. «Война – это что-то особенное, она все меняет, все ос-

¹ ГА РФ.Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 62 об., 100, 97.

вещает под своим углом, все расценивает и раскладывает по-своему, – писал 28 сентября генерал А.Е. Снесарев в письме домой. – О ней книги написаны, а ничего ясного не сказано» (78, с. 51). Действительно, из «мирного» времени трудно понять, какой набор «погребенных ужасов эпохи» (Ф. Ницше) вытолкнет она из народного подсознания.

В войну проявился такой возвращенный деспотизмом (не столько реальным, сколько воображаемым) феномен российской политической культуры, как пораженчество. Впрочем, до поры до времени он довольно интенсивно вытеснялся эмоциями другого рода. «В самом начале войны, когда еще не определились ее кровавые контуры, признаюсь, я даже сознательно хотела поражения нашему оружию, чтобы этим была поколеблена и дискредитирована власть и положен конец ее вакханалии, от пьяного угара которой задыхаются 170 млн живых человеческих личностей, – писала 26 сентября 1914 г. некая Н.В. Скурдина А.И. Мельникову в Одессу. – Теперь я этого не хочу, но передо мной также стоит этот мучительный вопрос: чем будет заплачено за все колоссальные материальные потери и невозвратимые утраты людьми? Неужели снова и снова вылезут подонки общества и будут делать политику и управлять рулем внутренней жизни? Думается, что широкое общение с Западом должно проложить новые борозды и в сознании людей, стоящих у власти, и что здоровая струя обновит и оживит загнившие части нашего государственного организма»¹.

Поражения вызвали резкий перепад настроений. В сентябре 1915 г. А.В. Тыркова, член ЦК кадетской партии, записывала в дневнике: «Победы и поражения отодвинулись перед... сумятицей внутреннего поражения или, вернее, разложения» (51, с. 156). Естественные трудности военного времени гипертрофировались, а их объяснения приобретали антиправительственное звучание. Разумеется, находились люди, которые это понимали. 22 июля 1915 г. историк М.М. Богословский писал в дневнике: «Не понимаю тех, кто складывает всю вину на управление. Может быть, оно у нас и худо, но только потому, что вообще мы сами худы. Каждый народ достоин своего управления». Представление о том, что «народные избранники» могут подменить бюрократов, вызывали у него насмешку. 8 сентября 1915 г. он комментировал разговоры о Министерстве общественного доверия в таких словах: «Изволите видеть: надо бороться с властью и в то же время не надо колебать престижа власти (имелся в виду А.И. Гучков. – В.Б.). Говорилось о преступлениях и “безнаказанности” власти – словом власть стала у нас подсудимой... У нас говорить против власти есть признак гражданских чувств...». Наивное представление интеллигенции о гражданском долге вызывало у него еще большую иронию. 30 сентября 1915 г. он писал: «У нас гражданином считается лишь тот, кто

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 6.

бурлит, суетится, всячески выступает, критикует и протестует...» (9, с. 60, 75, 86). В сущности, он описал распространенный тип «заметного» российского политика, для которого важно было «возбудить» публику – естественно, против вечно «негодного» начальства.

Беспомощность власти раздражала и возбуждала главным образом правых, а вовсе не левых. Она же усиливала германофобию. Б. Никольский в июне 1915 г. был убежден, что «немецкие деньги питают антинемецкие судороги низов и особенно антидинастическое озлобление», а в феврале 1916 г. считал, что «заговор не немецкий, а тот же масонски-жидовский», как в 1905 г. Впрочем, в своем обличительном пафосе он не забывал и о «безумном сборище глупых, трусливых, бездарных и ничтожных людей» в Совете министров, которые ничего не могут сделать, кроме «сеяния анархии» (53, с. 219, 245, 255). «Всякая революция идет сверху», – был убежден В.И. Гурко (28, с. 655, 700).

Считается, что на нагнетании революционных настроений сказались думские речи Милокова и Пуришкевича. На деле все было не столь просто. «Читал речи Милокова и Шульгина, – писал иркутский журналист. – В этих речах как бы воплотился ужас современной русской жизни». В армии реакция оказалась несколько иной. «Наши монархисты получили изпод полы глупую, мальчишескую речь Милокова и носятся с нею, как кот с салом! – писал генерал А. Снесарев. – Подумаешь, невидаль какая! Я стал читать, да и дочитать не мог: такая дребедень...» (цит. по: 17, с. 359). В «патриотичных» тыловых верхах также возникали критические настроения. В ноябре 1916 г. священник С.И. Остроумов (октябрист) писал, что союзникам «пора бы подумать о прекращении кровопролития». Он не отважился заговаривать об этом публично, так как был уверен, что такие мнения встретят негодование даже со стороны тех, кто в душе с ним согласен (65, с. 509).

Простых людей больше волновало другое. В ноябре 1916 г. в действующую армию порой писали следующее: «Нас здесь грабят и грабят беспощадно, безжалостно купцы, мелкие торговцы, пекаря, мясники и т.п. сволочь, именовавшая и мнившая когда-то себя патриотами, сейчас превратились все в разбойников и грабят нас среди бела дня, да еще приговаривают, что мы-де все это на законном основании». В декабре 1916 г. из одной запасной команды писали в Самару: «2½ года войны, по-видимому, произвели свое действие, озлобив всех. Проснулись дикие инстинкты... Народ ли виноват в этом? Виновата наша горькая действительность. Народ инстинктивно чувствует неладное и дает выход своему озлоблению в бунте. Если такой порядок продлится далее, то перед нами стоит призрак революции...». Некий Горовиц в декабре 1916 г. писал в армию, что «всем надоела война» и «мы стоим на пороге великих событий» (60, с. 627, 721, 722). «Тыл жил нездоровой жизнью, далеко не соответствовавшей услови-

ям грандиозной народной войны» (29, с. 149), — со временем такие признания сделались обычными. Более того, тыловая жизнь представлялась многим настоящим «омутом разврата» (11).

Характерно, однако, что люди, требовавшие кардинальных изменений, не представляли их конкретно, словно надеясь, что избавление от «царя и немцев» приведет к решению всех насущных проблем. Нараставший протест адресовался в «никуда». Переломить ситуацию официальная пропаганда была бессильна. В декабре 1916 г. газеты именовали на фронте «бумажным навозом» (78, с. 519).

Со временем в народе сложился устойчивый образ предреволюционного «безобразия», апофеозом которого, естественно, были взаимоотношения на самой вершине власти. Легенда выглядела так: «А все царица виновата. Она да еще этот подлец Гришка Распутин: стакнулись оба Расею продать. Подкуп, вишь, был им от Вильгельма, чтобы ему Расею себе взять... Царица-то сродствие Вильгельму приходится... Ну и согласилась... А Распутин примазался к ней... И был между них такой уговор: царя прогнать... А как прогонишь?.. А этот жулик Гришка и придумал: раскопал где-то единорогов рог... наскоблил этого рога в стакан с вином... А царь выпил и погнало его после этого на вино... И что ни день, то пьян и пьян... Лежит себе, а дела забросил... Напьет и спит... И стал царь как бы не свой, настоящего, что требуется, не понимает. И никакого внимания, что война идет, нашего войска невесть сколько побили... А он все пьет, распьянствовался, как мужик... Вот что подделал ему каторжная душа Распутин!» (44, с. 176–177).

Этот рассказ отчетливо иллюстрирует, как расхожие слухи взаимодействовали с традиционным сказочным фольклором. Не случайно потом стали говорить, что «вместо убитого Гришки Распутина, появился новый “старец” Митя Коляба, вывезенный из Калужской губернии» (1, с. 102).

Некоторым солдатам приближающийся Новый 1917 год сулил надежды: «В нем должна решиться во цвете его дней и наша судьба и может быть наша судьба совпадет с судьбой всего мира». У других солдат в начале января усиливалось отчаяние: германец за «25 миллиардов» «склоняет» к миру, в Петрограде «не стараются спасти свою родину, а стараются спасти германский народ». Другие уверяли, что Германия готова к миру, чтобы платили ей «контрбукцию 24 года по 20 млн в год... а Россия чтобы говорила на немецком языке». Писали и о том, что царь на мир не соглашается, а потому нам «придется здесь погибнуть». Говорили также, что «Мясоедовы у нас не перевелись... Везде зло, везде измена...». В середине января 1917 г. на Юго-Западном фронте солдаты отказались наступать, два батальона сдались в плен, мотивируя это тем, что офицеры «попрятались». Однако даже в середине февраля среди солдат (похоже, при штабе) встречались и такие, которые были уверены, что, если бы в тылу не «куп-

чки, сахарозаводчики и проч. мародеры», то «давно были бы побиты немцы, и турки, и австрийцы» (60, с. 728–731).

В тылу слухи приобретали поистине апокалипсический характер. Кадет Л.А. Велихов писал: «Здесь, в Петрограде, Бог знает, что делается... Много, много нехорошего, много страшного... Апатия, растерянность и какая-то зловещая тишина в связи с умопомрачительными слухами... Все как-то смешалось, все понятия перепутались, почвы нет, а будущее темно» (65, с. 469). Люди готовились к худшему. «Здесь идет слух, будто будет буря, огненный дождь и землетрясение, – сообщала Д. Фурманову его мать, – У нас очень много приготовляются... исповедуются и причащаются, боятся, что это уже светопреставление...». Будущий большевистский комиссар задумывался: «Откуда эти нелепые, странные слухи?» Ответ напрашивался сам собой: «Настрадались, перемучились... Народная фантазия облекла эти ужасы в свою доступную, рельефную форму и поверила, приняла их как заключительный, венчающий аккорд всенародного мученья... Наши политические и экономические соображения не имеют... никакой цены» (89, с. 272).

Осенью 1916 г. некий американский журналист, поклонник Л. Толстого и ненавистник самодержавия, специально приехал в Россию, чтобы присутствовать при «Великой Русской Революции». Протестующую толпу на Невском он принял за политическую демонстрацию и очень возмутился, узнав, что собравшиеся не имели никакой цели. Он полагал, что демонстрация «есть явление организованное, стройное, врагу страх внушающее». То, что он увидел, было не «актом разума, а утратой разума». По его мнению, собрались не революционеры, а «сволочь, которую надлежало разогнать палками» (24, с. 344–345). Пресловутого «фрусского бунта» американец понять не мог. Русская революция развивалась отнюдь не по американскому (а равно и всякому другому), а по *своему* – «смутному» – сценарию.

Так или иначе, квазирелигиозные эмоции перерабатывались в «политику», причем в политику с осязаемой «классовой» составляющей. В январе 1917 г. солдат больше всего впечатляли вовсе не антиправительственные думские речи, а газетные известия о том, что в то время, как «честный русский народ голодает», в тылу пьют шампанское, разъезжают в автомобилях, «которых не хватает армии, и кричат громко “ура” за победу и наши “бесподобные войска”». Особенно нервировали солдат смутные подозрения о связях жен-крестьянок с военнопленными (60, с. 573, 580, 589, 601–611, 619, 629, 633). Но, разумеется, больше всего сказывалось недовольство тяготами военного быта и армейскими порядками. «Форменный хаос, очковтирательство», начальники ведут “телефонную войну”», – так характеризовал происходящее генерал А. Снесарев (78, с. 478, 510).

В феврале 1917 г. среди относительно бодрых писем с фронта встречались и такие заявления: «Нервы парализовались, омертвели. Из человека ангела здесь делают человека дьявола» (60, с. 329, 726). Известия из «мирной» жизни доводили ситуацию до точки кипения. «Дороговизна и мир, вот что интересует главным образом, судя по корреспонденции, армию и население», – заключал местный цензор (83, с. 339). Писали и о том, что «у человека зародилась злота и искра злобы не угасает...» (60, с. 733).

Политика или эмоции?

Подлинная революция словно прокатилась мимо *всех* ее политических «руководителей». Это кажется невероятным. Историки до сих пор гадают, какие силы опрокинули самодержавие. И, разумеется, претендентов на это судьбоносное деяние оказывается более чем достаточно. В частности, в свое время придворные круги уверенно кивали не только на Государственную думу, но и на Совет министров (18, с. 222–223). Между тем в свое время ненавистникам династии ситуация казалась предельно ясной: «От пустого дуновения ветра самодержавие дрогнуло, покачнулось, рухнуло и рассыпалось в прах. Оно пало не от того, что его сломили; оно развалилось от того, что сгнило и дольше “быть” не могло» (24, с. 343).

К февральским событиям в Петрограде забастовки давно стали обычным явлением. Но, как видно, недовольство ситуацией рано или поздно должно было достичь критической отметки. Самодержавие рухнуло под напором людских эмоций. Бастующие рабочие, прежде всего женщины, смогли увлечь за собой мужчин под лозунгами: «Хлеба!» и «Долой войну!» При этом, похоже, последний лозунг доминировал (82, с. 59). Лишь позднее, вероятно, под влиянием социалистических агитаторов добавился политический лозунг «Долой самодержавие» (57, с. 73–78). А тем временем в партийных верхах, особенно «прогрессистских», царила растерянность. А.В. Тыркова, женщина, имевшая репутацию «единственного мужчины в кадетском ЦК», описала в дневнике почти символическую сцену. 27 февраля 1917 г. М.В. Родзянко с А.И. Гучковым собирались отправить телеграмму царю, а графиня С.В. Панина – тоже влиятельная женщина – уговаривала их идти к солдатам, агитировать их. Лидеры октябристов отговаривались: «Пусть они сначала арестуют министров». Положение спас Милюков, который «привел солдат к Думе» (51, с. 176). Впрочем, согласно другим свидетельствам, Милюков в те дни «находился в состоянии бездействия», «вся его фигура говорила о том, что ему нечего делать, он вообще не знает, что делать» (82, с. 83). И эта характеристика относилась не только к Милюкову, но и к другим, «снующим, как тени, депутатам и их бесконечно совещающимся лидерам». «До создания Сове-

та и Комитета Думы случайные люди пытались наладить какой-то порядок в этом стихийном движении»¹, – отмечал наблюдатель.

Очень немногие мемуаристы признавали, что в это время «настроения Таврического дворца диктовались не теми, кто считался руководителями движения, а в значительной степени улицей». А поскольку ясности не было, то приходилось напоминать и о каких-то «закулисных силах». Казалось, что роль Временного комитета Государственной думы падала, а потому «Родзянко, Керенский и иже с ними вынуждены вертеться как волчки на бурных водах и легализовать все, что приносит народная толпа» (34, с. 122). Увы, поверить в «политиков-волчков» трудно, а потому проще сделать руководителем революции хотя бы Временный комитет Государственной думы.

Бунтующие толпы сами пребывали во власти слухов. Полицейских поначалу высмеивали, затем дразнили, наконец, принялись поносить. Начались столкновения. Кто-то говорил, что «городовых убивают», кто-то, напротив, уверял, что «городовые калечат народ». Утверждали, что «одних убитых восемьсот». Естественно, заговорили об использовании пулеметов (24, с. 346–349) – они стали главным пугалом того времени. Политические лозунги, судя по всему, появились не сразу.

В расправах над офицерами и адмиралами в Кронштадте и Гельсингфорсе политику подменяло ожесточение, вызванное тяготами службы (10, с. 123–125, 226–227). Парадоксально, что те офицеры, которые не поняли, что происходит, пассивно присоединялись к революции². «Грозное начальство обратилось в робкое, растерянное, вчерашние монархисты – в правоверных социалистов, люди, боявшиеся сказать лишнее слово... почувствовали в себе дар красноречия, и началось углубление и расширение революции по всем направлениям», – так характеризовали духовные последствия государственного переворота (62, с. 162). Увы, от подданного рухнувшей империи трудно было ожидать иного.

Принято считать, что победа революции вызвала эйфорию едва ли не во всех слоях общества. Однако подчас это проявлялось своеобразно. П.А. Сорокин вспоминал, что видел на улицах «много пьяных, матерившихся и кричавших: “Да здравствует свобода! Нынче все дозволено!”» Вседозволенность проявлялась по-разному. Возле Бестужеских курсов Сорокин наблюдал толпу, «хохочущую, непристойно жестикулирующую». Оказалось, что «в подворотне на глазах у зевак совокуплялись мужчина и женщина» (79, с. 90).

¹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 784. Л. 3, 6.

² Так, к примеру, было в Свеаборге: офицеры, поддержавшие революцию, скоро стали свидетелями жутких расправ над их товарищами. Из воспоминаний одного из таких «революционеров» видно, что восставшие убивали как в порядке личной ненависти к «шкурам», так и «согласно должности» (см.: 50, с. 215, 216).

Революция, конечно, вызвала совсем не те «чистые» эмоции, на которые надеялись пролетарские поэты. Возвращение политических из Сибири комментировали так: «Ораторы студенты на каждой станции выходили и вычитывали как Николай царствовал, правители его жулики были и как на позиции по морде били начальники...» (60, с. 748). С этого обычно и начиналось «политическое» просвещение народа новой властью. На этом фоне нетрудно было выдавать воображаемое за действительное.

На фронте революцию встретили в целом довольно спокойно, хотя и по-разному. Некоторые военачальники считали, что к этому времени «атмосфера разложения» просачивалась даже в отличившиеся своей твердостью части (29, с. 148). На отдаленных фронтах, в частности на Румынском, ходили противоречивые слухи о положении в столице: беспорядки, якобы, продолжались три дня, но были подавлены с помощью пулеметов; конец хулиганским действиям положили рабочие-путиловцы, обещавшие пресечь беспорядки стрельбой из 30 бронированных автомобилей. Известие об отречении императора произвело ошеломляющее впечатление, но все «вздохнули свободнее, точно со всех свалилась какая-то тяжесть гнетущая» (35, с. 107–108).

Революцию связывали с долгожданным миром. В середине марта из некоторых частей сообщали, что «надвигается голодная кровавая смерть», а потому «войны конец близко». Известие о падении самодержавия порой комментировали так: «Романовское гнездо разорено... Все безумно рады совершившемуся». Писали и такое: «Чувствуешь, что свершилось то великое, что мы ждали... хотим быть по образцу Франции или Америки... совершилось чудо...». Другие считали, что «напрасно Николай II думал со своей сворой, что в стране все тихо, что все революционеры переловлены... Суд народа свершился». Здесь же выражалась готовность «отдать жизнь за свободную Россию». Но уже в конце апреля писали, что офицеры – «это провокаторы и контрреволюционеры... их бить надо сволочей...» (60, с. 735, 737–739, 745). Под видом «политики» осуществлялись бессудные расправы.

Человек склонен верить во власть, но только в *свою* власть. «Чужая» власть ассоциируется не с защитой, а с насилием. Это возбуждает особое недовольство у людей, привыкших вкладывать во власть сакральное содержание. С таких позиций профессору Б. Никольскому события февраля 1917 г. сначала показались «бунтом черни, заставшим всех врасплох», действиями «трусливой, неорганизованной и присматривающейся к безнаказанности» толпы. Но уже 28 февраля он «утешил» себя тем, что «ликвидация династии, видимо, неизбежна» как часть «стихийного восстания против немецкого гнета». Действительно, многие «революционные» расправы того времени происходили под антинемецкими лозунгами. А следовательно, «перевернулась великая страница истории... переворот совер-

шился, династия кончена и начинается столетняя смута, – если не более, чем столетняя» (53, с. 278–280). Эмоции принципиальных контрреволюционеров иной раз наиболее точно указывают на необратимость революционных событий.

Естественно, революционная эйфория не могла продолжаться долго. В марте 1917 г. зазвучали и скептические ноты: «Перед нами сверкает не свобода, а смерть и конец жизни», а потому «домой пойдем с оружием пока все, что полагается, не дадут». К этому времени революционная политика основательно вошла в солдатскую жизнь. Впрочем, в конце марта некоторые уверяли, что «у нас на фронте солдаты и офицеры вошли в полное единение». Между тем в апреле 1917 г. в аналитических записках цензоров говорилось, что «в письмах офицеров видна общая растерянность и неумение пользоваться моментом». Приходилось констатировать, что их письма полны «только жалоб и тех ужасов, которые творятся на фронте солдатами в отношении офицеров» (60, с. 740, 743, 746). «Крестьян замучила чересполосица, интеллигенцию – платформы и позиции», – так в начале апреля 1918 г. подытожил произошедшее М. Пришвин (66, с. 89).

Герой или толпа?

«Народ нуждается в идолах, – писал В. Гурко, – это приподнимает его, создает в нем веру в свою мощь и в свой успех». Он считал, что война не выдвинула в России героев, а создать их искусственно не удалось (28, с. 653). Действительно, гигантский поток «патриотической» лубочной изопродукции призван был скорее забавлять, нежели вдохновлять. Но смогла ли революция выдвинуть своих героев?

Толпа, как известно, рождает вождей. Обычно это диссипативные личности, которые, в свою очередь, и пытались выступать в 1917 г. в качестве «медиумов» общественного настроения. При этом для историка возникает вопрос: то ли они насаждали массам определенную доктрину, то ли просто следовали в фарватере настроений толпы? Не исключено также, что именно от их синергетического взаимодействия рождался некий «порядок» – пусть совсем не тот, о котором мечтали «герои» революционной эпохи.

Среди российских политиков – от либералов до социалистов – было немало выдающихся ораторов, но они быстро сходили со сцены, будучи своего рода заложниками тех или иных политических императивов. Несомненно, А.Ф. Керенский сделал свою политическую карьеру за счет публичной риторики. Но со временем его речи стали, по выражению Л.Д. Троцкого «толчением воды в ступе». «...Керенский был и остался случайной фигурой, временщиком исторической минуты, – утверждал Троцкий. – Каждая новая могучая волна революции, вовлекавшая девст-

венные, еще не разборчивые массы, неизбежно поднимает вверх таких героев на час, которые сейчас же сплунут от собственного блеска...» (85, с. 284). Но этого до поры, до времени не замечали. А. Бенуа уверял, что Керенский казался «чуть ли не сошедшим с неба ангелом – и именно ангелом мира» (5, с. 188). Создается впечатление, что появление тех или иных лидеров было «запрограммировано» всем «излишне эмоциональным» ходом русской революции.

Очевидно, речи ораторов 1917 г. должны были ориентироваться и на настроение, и на утопии масс, взывать не к терпению, а к действию – разумеется, если массы были к этому готовы. Троцкий описывал это так: «Марксизм считает себя сознательным выражением бессознательного процесса... Высшее теоретическое сознание эпохи сливается... с непосредственным действием наиболее... удаленных от теории угнетенных масс. Творческое соединение сознания с бессознательным есть то, что называют обычно вдохновением. Революция есть неистовое вдохновение истории» (85, с. 323). Логика доктринеров никогда не совпадает с умонастроениями масс, но она способна влиять на них с помощью эмоций. Большевистские доктринеры в критические моменты ухитрялись действовать по инстинкту. Как знать, возможно, именно слияние человеческих склонностей и слабостей с энергетикой революционного времени и придавало движению бессознательных толп всеокрушающую силу – важно было лишь дожидаться определенного часа.

В июле 1945 г. А.Ф. Керенский в письме В.А. Маклакову горячо возражал против приписывания ему «ЭМОЦИИ непримиримости». Бывший премьер полагал, что он всегда был и остается политиком, который «человеческие эмоции направляет в русло нужного в данное время политического действия» (64, с. 121). На фоне событий 1917 г. подобное заявление может показаться смехотворным: Керенский, этот заложник своих и народных страстей, пытался доказать, что хвост может вертеть собакой! Однако остается вопрос: можно ли было «управлять хаосом»?

В начале апреля 1917 г. правоэкстремистская газета «Гроза», основываясь на настроениях народа, заявила о необходимости начать переговоры о сепаратном мире¹. В сущности, В.И. Ленин в своих «Апрельских тезисах» воспроизвел не только предложения анархистов, но и правых экстремистов. А те и другие представляли собой наиболее взвинченную часть общества. Однако Ленин специально подчеркивал: «Мы не шарлатаны. Мы должны базироваться только на сознательности масс». Разумеется, «сознательность масс» он понимал своеобразно, заявляя о готовности «остаться в меньшинстве», дожидаясь избавления масс от иллюзий «революционного оборончества» (масштабы которого он, несомненно, преуве-

¹ Гроза. – Пг., 1917. – 2 апр.

личивал¹). В общем, это был скорее расчет на перемену вектора общенародных устремлений, нежели на осознание того, что такое социализм (40).

Некоторые считали, что «ораторское дарование Ленина было удивительно: каждое слово падало как удар молота и проникало в черепа». При этом не было заметно «никакой погони за прикрасами, ни малейшей страстности в голосе» (33, с. 87). Впрочем, это наблюдение было сделано в момент, когда Ленин убеждал в необходимости ратификации Брестского мира. К тому времени требовалась не страстность (ее было в избытке у левых коммунистов), а холодный расчет, способный минимизировать пылкие эмоции.

Интеллигентные люди, знавшие Ленина, не могли понять природы его «величия». Его роль в грандиозной перекройке судеб человечества показалась им «историческим недоразумением, промахом, массовой aberrацией» (2, с. 610). Однако история выбирает своих героев, не считаясь со вкусами современников, словно специально для того, чтобы со временем, поразмыслив, они написали их «исторический», а не человеческий портрет. И редким свидетелям удается избежать соблазна причастности к «великому».

Для утверждения в сознании людей примитивных «истин» следует их постоянно повторять. В тогдашней обстановке наиболее эмоциональные ораторы, вольно или невольно, копировали друг друга. Свои подражатели находились и у Керенского, и у Ленина. Описаны, к примеру, такие случаи: «Высочил на эстраду молодой парень и сразу обрушился на «кровопийц»-помещиков, которые задыхаются от своих богатств, высасывают последние соки у своих крестьян...». И, конечно, он закончил призывом «не теряя времени уничтожить этих тиранов, а земли их делить между собой» (77, с. 76). В общем, это был парафраз знаменитого ленинского: «Грабь награбленное!»².

В отличие от интеллигентных политиков 1917 г., Ленин, лишенный типичных интеллигентских иллюзий, некоторое время ухитрялся «управлять хаосом». Характерно, что на нечто подобное рассчитывал В. Хлебников, объявивший своих поэтических соратников, «вставших на глыбу захватного права», «зачинателями охоты за душами людей». Похоже, «вождя революции» опередили. Еще до того, как он со страстью незадачливого просветителя взялся переводить учение об «экспроприации экспроприаторов» на понятный народу язык, вирус грабительской растащилки уже «овладел массами» в России.

¹ Интеллигентные молодые люди, поспешившие на фронт с настроением: «Один шаг до смерти или до славы», – встречались редко (см.: 55, с. 36).

² Со слов Троцкого, однажды Ленин смущенно признался ему, что именно он призывал с трибуны «грабь награбленное» (см.: 86, с. 102).

Ленин не был фанатиком – те, как правило, обладают неустойчивой психикой. Внешне Ленин не производил ни вдохновляющего, ни устрашающего впечатления. По мнению Ф. Степуна, это был «неладно скроенный, но крепко сшитый... небрежно одетый, приземистый» человек, преподносящий «свою серьезную марксистскую ученость в лубочно упрощенном стиле», но умеющий говорить убедительно «даже при провозглашении явных нелепостей» (81, с. 383). «Это очень невзрачная фигурка, небольшой, хотя и коренастый человек, лысый, с мелкими чертами лица, маленькими глазками – тип умного интеллигентного ремесленника... – таким показался он бывшему эсеру-максималисту. – Трудно назвать его даже фанатиком... Перед нами очень трезвый человек... И в анализе его почти все верно, но до невероятности все упрощено и схематично». Именно последнее требовалось полукрестьянской толпе. По мнению этого очевидца, на поставленные Лениным задачи отвечала сама масса в том «упрощенном виде, который приводил в ужас даже Ленина...» (47, с. 134).

Только вряд ли Ленин действительно ужасался. С. Есенин попытался передать эффект ленинских выступлений такими строками: «Он мощным словом / Повел нас всех к истокам новым... / И мы пошли под визг метели, / Куда глаза его глядели: / Пошли туда, где видел Он / Освобожденные всех племен...». Так могли воспринимать Ленина только люди, ослепленные социалистическими идеями. Сохранились и не менее характерные свидетельства другого рода. «Ленина я слышал во время одной из знаменитых речей с балкона дворца Кшесинской... – вспоминал гимназист из “буржуев”. – Речь спокойная, без жестов и крика, внешность совсем не “страшная”... Содержание этой речи я понял... по поведению окружающих... Слушатели... Ленина готовы были... сорвать у прихвостней буржуазии и ее детенышей головы. Надо признать – такого раствора социальной ненависти мы еще не встречали, и мы “сдали”; не только испугались, но психологически были как-то разбиты»¹. Очень похожую ситуацию описал другой очевидец. Ленин показался ему «сильным оратором», который сопровождал свою речь с балкона дворца Кшесинской «энергичными и резкими жестами, ударяя по балюстраде кулаком». За попытку сорвать его выступление криками «Браво, Кшесинская!» юные гардемарины едва не были избиты (70, с. 79–80). Ф. Степун находил в Ленине нечто «архаически-монументальное» – это был человек, который «жил массовой психологией» и при этом соединял «марксистскую схоластику» с «бакунинской мистикой разрушения» (81, с. 345, 358, 384).

Ленин не произносил особенно длинных речей. Это делал Троцкий. «Это же зверь, подхлестнутый сатанинским честолюбием, настоящий апокалипсический зверь из бездны, сжигаемой своей неутоленной жадной

¹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 370 (воспоминания студента И. Курторги). Л. 22–23.

разрушения...», – писал обозреватель еврейской газеты (91)¹. Возможно, в этих словах сказывались эмоции отторжения от насаждаемой, как казалось, психологии погрома.

Между тем эмоции даже «самой передовой» – пролетарской – части населения к октябрю 1917 г. представляли совсем не то, чего хотелось бы большевикам. К этому времени интерес рабочих к каким бы то ни было политическим баталиям упал (93, с. 6–8). Но апатия эмоционально непредсказуемой части населения, как известно, тоже может сыграть на руку экстремистам. Строго говоря, большевики нуждались теперь не столько в поддержке большинства активного населения, сколько в его нейтралитете.

На фоне Ленина и Троцкого противники большевиков выглядели неуверенно. После падения самодержавия А. Тыркова так оценивала ситуацию в кадетской партии: «Генералы у нас есть, а армии нет. У левых армия огромная, но нет ума в центре». Между тем она же подметила, что кадетские «генералы», оказавшись во власти, ощущали себя неуверенно. В начале апреля Миллюков пригласил товарищей по партии в свои министерские апартаменты. И тут они почувствовали себя так, словно «по ошибке попали в ненадлежащее место» и «невольно спрашивали друг друга – надолго ли это?» (51, с. 178–181). Образованные люди, вышедшие из авторитарной «стабильности», были бесполезны в условиях революции.

Психологические образы смуты

Все это в полной мере проявилось во время апрельского кризиса. Тезисы, предложенные Лениным своим несколько размягчившимся соратникам, были просты: никаких уступок «революционному оборончеству», т.е. тем «дурным» социалистам, которые поддерживают буржуазию и империалистов; соответственно, Временное правительство должно отказаться от завоевательных планов. Ленин был недоволен и лидерами существующих Советов – их следовало заменить «настоящими» революционерами. «Буржуазному» парламентаризму не должно быть места в новой России – его должна сменить «более высокая» форма демократии в лице «Республики Советов, рабочих, батрацких, крестьянских и солдатских депутатов». Ленин предлагал также централизацию банковского дела и постепенный переход к «общественному» контролю над производством и распределением продуктов.

Именно так он понимал «шаги к социализму». Его давний оппонент П.Н. Миллюков смотрел на происходящее иначе. 18 апреля он заверил за-

¹ Однако для солдатских масс Троцкий оставался «своим». Описан случай, когда во время митинга солдаты едва не растерзали оборонцев из числа гвардейцев-гусар, один из которых во время выступления Троцкого осмелился выкрикнуть «Долой еврея» (см.: 43, с. 228).

сомневавшихся послов союзных держав, что Временное правительство в полном согласии с ними продолжит войну до победы. И в тот же день рабочие начали праздновать уже привычный Первомай (по новому стилю). О ноте Милюкова они пока не знали, а потому вели себя мирно. Милюков, со своей стороны, постарался сделать все, чтобы ноту не заметили. В то-гдашней обстановке надеяться на это было по меньшей мере наивно.

Последующие события представляли собой характерное для революции соединение провокации и анархии, утопии и психоза. Социалисты готовы были проглотить «буржуазную» пилюлю, но кадетский ЦК призвал граждан выйти на улицы 20 апреля для поддержки правительства. Между тем в тот же день солдаты заговорили, что милюковская нота «оказывает дружескую услугу не только империалистам стран Согласия, но и правительствам Германии и Австрии, помогая им душить развивающуюся борьбу немецкого пролетариата за мир...» (69, с. 728). Пронесся слух, что идет распродажа «земель, леса и недр иностранным и своим капиталистам». «Милюков заварил такую кашу, которую ни ему, ни всему правительству не расхлебать», – констатировали наблюдатели (55, с. 35). Солдаты требовали отставки Милюкова и Гучкова и обещали прийти на помощь Совету с оружием в руках. Последовало хождение раздраженных толп к Мариинскому дворцу – резиденции правительства. Демонстрации шли вразнобой, агитаторы действовали с переменным успехом. Но страсти накалялись: появились плакаты «Долой Временное правительство!». 21 апреля на улицы столицы с требованиями мира вышло до 100 тыс. рабочих и солдат. Большевики утверждали, что около трех часов дня на углу Невского проспекта и Екатерининского канала по толпе рабочих начали стрельбу гражданские лица, переодетые солдатами. Результат – трое убитых, двое раненых.

Между тем газеты печатали весьма своеобразные репортажи о происходившем. Так, 21 апреля на Невском появился автомобиль, на крыше которого стоял офицер с портретом Керенского и вопрошал, обращаясь к толпе: «Верите ли вы Керенскому или не верите?» Его поддерживали солдаты-инвалиды, призывавшие: «Долой ленинцев!» Говорили также, что в 12 часов ночи на улице появилось знамя с надписью: «Да здравствует Германия!» (21, с. 274, 276). П. Сорокин утверждал, что в ходе кризиса «два полка в полном вооружении покинули казармы, чтобы поддержать бунтовщиков. Началась стрельба! Грабеж магазинов принял всеобщие масштабы» (79, с. 95). Трудно сказать, то ли он гипертрофировал произошедшее, то ли воспроизводил слухи. А 12 мая московский обыватель пересказывал такую сплетню: «По Петрограду развезжает грузовой автомобиль, с которого женщины и дети разбрасывают “манифест к народам всего мира”, подписанный каким-то “прапорщиком графом Головкиным-

Хвоцинским», начинающийся словами: “Ослы! Из-за чего вы воюете?”» (55, с. 41).

Казалось, было о чем задуматься. Однако 27 апреля премьер Г.Е. Львов произнес такую «вдохновляющую» речь: «Великая русская революция поистине чудесна в своем величавом спокойном шествии... Свобода русской революции проникнута элементами мирового, вселенского характера... Душа русского народа оказалась мировой демократической душой... Она готова слиться не только с демократией всего мира, но и встать впереди нее и вести ее по пути развития человечества на великих началах свободы, равенства, братства» (цит по: 46, с. 495). Неудивительно, что эти слова «буржуазного» политика вызвали восторг социалиста-идеалиста Церетели. Новые российские верхи оказались во власти новых (старых по идеократическим параметрам) этатистски-утопических самообольщений. А уже в ходе июньской демонстрации, по мнению наблюдателей, едва ли не все лозунги начинались со стандартного: «Долой...!». Якобы были и такие: «Долой, долой, долой!» (55, с. 49) – неважно кого. Казалось, политический негативизм перерастал в безадресную агрессивность.

Между тем современники в который уже раз писали об «властебоязни» российских политиков, превратившихся с победой революции в «партию ИИ» – «испуганных интеллигентов» (17, с. 566). Очевидно, она происходила от непривычки действовать самостоятельно, воспитанной российским патернализмом. Характерно, что даже левые партии по мере ими же провоцируемого «углубления революции» чувствовали себя все менее уверенно. А.В. Тыркова отмечала, что к началу открытия Учредительного собрания эсеры «раскисли, теряют почву, в своих декларациях повторяют слова большевиков». «Кому из них хотеть победы?» – задавалась она риторическим вопросом (51, с. 212). Эсеры по-прежнему легче чувствовали себя в роли жертвы. Возможно, это было главной психологической особенностью российской политики, неожиданно освободившейся от царской «опеки».

Интересно, как «Гроза» интерпретировала солдатские настроения: «Сами министры под обстрелом не находятся и потому им посылать людей на бойню легко; ответа же за напрасно погибший народ перед Богом, как имел его Царь, они не несут; и потому им решительно все равно, сколько бы русского народа ни было бы перебито...»¹. Газете по-своему поддакивало все большее число обывателей². В общем, газета упорно противопоставляла непосредственные устремления масс планам Временного

¹ Гроза. – Пг., 1917. – 7 мая.

² 27 апреля Н. Окунев писал в дневнике, что «хотел бы немедленного перемирия и международного конгресса об окончании войны с восстановлением наших довоенных границ и без взятия с нас контрибуции» (см.: 55, с. 38).

правительства. В этом она действовала синхронно с ленинской «Правдой», опубликовавшей проект устава Красной гвардии, предусматривавший «временное» вооружение рабочих для борьбы с погромами, контрреволюцией и т. п.¹

Разумеется, «Гроза» подходила к массам с совершенно иных позиций, нежели большевики. Однако она ставила им в заслугу то, что они «объединили вокруг себя все полки, отказавшиеся подчиниться правительству из жидов-банкиров, генералов-изменников, помещиков-предателей и купцов-грабителей»². С точки зрения тогдашнего интернационализма это был более чем сомнительный комплимент. Но он был справедливым: апеллируя к сознательности, большевики пришли к власти, опираясь (вольно или невольно) на насилие толп, возбужденных *иррациональным* чувством ненависти.

Неудивительно, что в массах усиливались антисемитские настроения. Так, после начала июньского наступления в Киеве стали распространяться слухи о предстоящем исчезновении продовольствия, и толпы женщин (как считалось, жен жандармов и городских) стали нападать на еврейские дома и лавки с целью поиска припрятанного продовольствия. На Подоле было избито несколько человек, включая милиционеров-евреев. В дальнейшем нехватку продовольствия и предметов ширпотреба стали постоянно связывать с действиями евреев-торговцев (15, с. 309, 311, 347, 387, 388, 390, 392, 393, 432, 477).

Несомненно, в психике народа был чрезвычайно силен эгалитаристский компонент, точнее, его уравнительная интенция. Подчас она приобретала агрессивно-мстительные формы по отношению к тем, кто раньше находился наверху социальной иерархии. Так, 4 июля 1917 г. на одном из дивизионных митингов на Северном фронте солдаты (вроде бы, независимо от сходных событий в столице) отказались идти в наступление, мотивируя это тем, что их дивизия, в отличие от других, трижды участвовала в тяжелых боях. Недовольство своеобразно обернулось против «своих» генералов: поступили предложения определить их в обозные, в кашевары, послать на конюшню, казнить, «отвинтить головы». Кончилось тем, что им запретили пользоваться своими автомобилями, вынудили идти пешком под крики разнузданной толпы. Автомобиль, естественно, оседлали солдаты, на котором «понеслись вперед» (30, с. 90–91). Невольно вспоминается мечта деревенских мужиков «покататься на барских тройках».

Послефевральский Петроград фактически оказался в руках рабочих и солдат. Часть солдат у Таврического дворца безуспешно уговаривала лидеров Совета взять власть в свои руки. Тогда и произошел трагокомиче-

¹ Правда. – Пг., 1917. – 29 апр.

² Гроза. – Пг., 1917. – 29 окт.

ский случай: В.М. Чернов, пытавшийся урезонить толпу, услышал в ответ слова рабочего: «Принимай власть, сукин сын, коли дадут!» Отказавшийся от такой чести «селянский министр» был тут же арестован возбужденными анархистами, по словам Л.Д. Троцкого, «полууголовного-полупровокаторского типа». И тут именно Троцкий приемом, ставшим вполне привычным, выручил Чернова. Он поставил на голосование толпы вопрос об освобождении Чернова – вроде бы, против никто не возражал. По другой версии, на речь Троцкого анархисты реагировали отрицательно; отпустили Чернова матросы (75, с. 638, 755–756, 771, 791–793, 798; 76, с. 384; 67, с. 203–205) – «краса и гордость революции», согласно тому же Троцкому.

Судя по всему, страсти разыгрались не на шутку. П. Сорокин, пытавшийся урезонить окруживших его «революционеров», вспоминал: «Я говорил не с толпой, а с чудовищем. Глухой ко всем резонам, помешавшейся на ненависти и слепой злобе, этот монстр просто громко выкрикивал idiotские лозунги большевиков. Никогда мне не забыть лиц в этой сумасшедшей толпе. Они потеряли весь человеческий облик, превратившись в настоящие звериные морды. Толпа вопила, визжала и яростно грозила кулаками». Самого Сорокина называли «предателем» и «врагом народа», грозили смертью. На слова о том, что его смерть не наполнит пустые желудки населения, не даст земли крестьянам, последовал «животный взрыв смеха». «Так легко настроение толпы колебалось от одного к другому!» – заключал будущий выдающийся социолог. Согласно воспоминаниям этого автора, названным «Автобиографический роман», разъяренных большевиков «успокоил» офицер, «командир полка велосипедистов», объявивший, что бунтовщики на улицах рассеяны (79, с. 102–104). Трудно сказать, что происходило на самом деле около Таврического дворца. Но на продуманный план захвата власти это похоже не было.

Стоило ли удивляться после этого, что в октябре большевики столь легко перехватили власть у зазевавшихся меньшевиков и эсеров? Но «ученый» ум упорно гонит от себя ту «простоту», которая лежит за пределами его базовой мыслительной парадигмы. Отсюда бесконечно множась рассуждения о «технологии» захвата власти большевиками. Однако какое отношение они имеют к реалиям 1917 г.?

После июльских событий солдаты рассуждали так: «Мы отказались от завоевания, от захвата и аннексии, контрибуции. Зачем же нам наступать...». Другие писали: «У нас происходит какой-то хаос, большевики свое тянут, меньшевики свое тянут, а на фронте нет ни одного такого человека, который рассказал народу, что обозначают эти два элемента». Обилие разных партий вызвало недоумение (60, с. 749). Тогдашняя психосоциальная обстановка требовала «простых» объяснений и соответствующих решений. На почтовых открытках того времени соотношение большевиков и меньшевиков представляли в виде несоразмерных детских

фигур: большой поглядывал на маленького сверху вниз, «малыш» демонстрировал смятение. Пугали «мрачные известия о неурожае в “житницах России”, о пожарах» (55, с. 64).

Когда власть и ее институты теряют свою сакральную ауру, настает время «тупых» силовых решений. «В комитеты мы не верим. И даже в Учредительное собрание не верим», – констатировал 22 июля М. Пришвин. А 1 августа он многозначительно (как может задним числом показаться) добавлял: «Государство есть организация силы» (66, с. 82). Но эта сила питается не только оружием власти, но и духом масс.

Все чаще ситуация казалась безнадёжной. Поражение Корнилова усилило общественную апатию. Казалось, что будь он даже «гениален, как Наполеон», все равно ничего бы не вышло. В связи с этим обыватели осуждали всех «наших временно-вредо-правителей до детей маломысленных», составлявших российские «элиты», и уверяли, что «именно “буржуи” сознают... бессмысленность и бесплодность» продолжения военных действий. «Надо всем сразу сказать “долой войну” и моментально остановить ее перемирием», – такие размышления встречались в дневнике Н. Окунева (55, с. 75). В общем, большевикам делалась конкретная «подсказка».

Общественные страсти создавали ситуацию ограниченного выбора. «Ваше поведение невольно толкает к контрреволюции... – писала неизвестная женщина «соглашателям» Петроградского Совета. – Я готова взорвать вас, пойти с кадетами, с Корниловым, с самим чертом, только бы, наконец, можно было... успокоиться... не будет серый хам издеваться над чувствами и человеческим достоинством интеллигента»¹.

Революция предполагает не только готовность оголтелых инсургентов «взять власть». В патерналистских системах она включает в себя и готовность обывателя отдаться на милость победителя. А.В. Луначарский уверял, что накануне большевистского переворота «в средних и высших слоях общества, кроме озлобления и пассивного ожидания, кроме смятения и уныния, не было заметно ничего» (42, с. 198). Возможно, он «вдохновенно» выдавал желаемое за действительное.

Предсказанная развязка

Предсказания делаются везде и всегда. К ним прислушиваются, ибо их востребованность обусловлена запрятанным в душах людей эсхатологическим мировосприятием. Но реализуются они в качестве своего рода метафизического протеста против ставшей социально бездушной «переус-

¹ ГА РФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 298. Л. 94 об.

ложности» бытия. Эта невидимая составляющая и является настоящей *исторической* причиной революций.

Победа большевиков в известном смысле была победой силы и страсти над привычным интеллигентским теоретизированием. Настал момент, когда все решается «не совещаниями, не съездами», – доказывал В.И. Ленин. «Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало!», – заклинал он своих товарищей вечером 24 октября 1917 г. (41). К тому моменту колебалось не только правительство. Колебались все. «Во всем Петрограде невозможно было найти ни одного сколь-нибудь спокойного и уравновешенного человека» (26, с. 272), – уверяли некоторые наблюдатели.

Перед Октябрем М. Пришвин, походив по столичным «общественным говорильням», по его словам, «забился в смертельной тоске». «Нет, не теми словами говорим мы и пишем, друзья, товарищи и господа мира сего, – записывал он в дневнике. – Наши слова мертвые камни и песок, поднятые вихрем враждебных, столкнувшихся сил» (66, с. 86). Так и было. Революция рождает яркие образы и впечатляющие метафоры – надо было уметь этим воспользоваться.

Несомненно, что большевики обеспечили себе победу с помощью двух лозунгов: «Мир!» и «Земля!» Большевики, в сущности, не понадобилось. «Вопрос о мире, как лампочка Аладдина: кто ее взял, тому служат духи, тому дается власть в руки» (19, с. 181), – так обрисовал внутреннюю механику большевистского переворота бесславно ушедший в отставку военный министр А. Верховский. Однако самое поразительное, но до сих пор недооцененное, состояло в том, что на второй день работы II Всероссийского съезда Советов, когда Временное правительство частично оказалось в Петропавловской крепости, частично «в изгнании», оставшиеся делегаты практически единогласно простым поднятием рук, как на митинге, проголосовали за все подряд. Д. Рид писал, что, когда один из делегатов робко попытался поднять руку против декрета о земле, «вокруг него раздался такой взрыв негодования, что он поспешно опустил руку...» (71, с. 152). Действовала магия коллективного мнения, включалась психология толпы. Голосовали «скопом», причем даже вопреки наказам избирателей. Как ни парадоксально, лишь 75% формальных сторонников Ленина, присутствовавших на съезде, поддержали лозунг «Вся власть Советам!», 13% большевиков устраивал девиз «Вся власть демократии!», а 9% даже считали, что власть должна быть коалиционной (27, с. 107). Парадоксально, но эти странности «общенародной поддержки» большевизма не замечались десятилетиями.

А. Рабинович считает, что феноменальные успехи большевиков в значительной степени проистекали из характера партии: ее «сравнительно демократической, толерантной и децентрализованной структуры» и «от-

крытого и массового характера» (67, с. 331). Вероятно, к этому следовало бы добавить, что большевики «взяли на вооружение» самое сильное средство того времени – разрушительные инстинкты и утопические вождения вооруженных толп.

Победа большевиков еще больше накалила страсти. В ноябре 1917 г. солдаты готовы были «перерезать высший командный состав», возмущались «буржуазией», порой ассоциируя ее с негодными офицерами. Сложилась также убежденность в предательстве командиров, которые «хотели пустить немца, чтобы он подавил нашу революцию». Автор одного из писем с фронта предрекал: «Настроение в армии скверное, одним словом, наверно, погибла свободная страна». При этом он подумывал о том, чтобы «записаться в батальон смерти», – вероятно, проснулась скрытая суицидальность. В другом письме, также написанном не позднее 16 ноября, звучали иные ноты: «Буржуи грызутся там, как волки... Мы их поборем... Пусть не забудут ночь Варфоломея во Франции... Война это не что иное, как истребление народа... Зачем нам Дарданеллы, на что нам английский капитализм...». Этот человек откровенно взывал к помощи, надеясь прекратить войну (60, с. 750–752).

Наблюдатели со стороны воспринимали события проще. Большевицкое правительство «спустило с цепи грубую силу России». Теперь «все проблемы создавал алчущий зверь», который «грабил бесшабашно и основательно, в то время как правительство отчаянно пыталось навести порядок» (87, с. 171). «Красная смута» приближалась к своему логическому завершению: теперь все проблема сводилась к обузданию «зверя».

Разгон Учредительного собрания вызвал настоящий прилив злорадства у противников умеренных социалистов: «Воистину, эти ничтожества (эсеры. – В.Б.) во главе с Витей (В.М. Черновым. – В.Б.) стоили лишь хорошего пинка матросского копыта... Эта позорная трусость с.-р., это из кожи вон старание показать, что мы, мол, тоже революционеры (ведь они, сукины дети, стоя пели “Интернационал”!)... Но подлее всего, конечно, отношение к демонстрации: уже тогда партия “бомбы и револьвера” во внезапном припадке “непротивления злу” решила организовать безоружную демонстрацию... Гг. лидеры и “избранники народа” во главе с Витей обошли опасное место стороной, в демонстрации не участвовали и явились в Таврический дворец другим путем». При этом, подходя к зданию дворца, Чернов «сиял, как солнце» и лишь услышав пулеметные выстрелы, остановился, поднял руку и вскричал: «Что они делают!», чтобы тут же скрыться за дверь (47, с. 303). Правые давно ненавидели слабость во власти, а потому их не могло не обрадовать проявление силы. Кстати сказать, пулеметов не было и на сей раз. Они просто символизировали коварство врага.

Характерно, что питерские рабочие отнеслись к разгону Учредительного собрания довольно равнодушно, хотя на некоторых предприятиях и принимались резолюции протеста против расстрела мирной демонстрации. Отчасти это объясняется физической истощенностью пролетариев, а также усталостью от политических баталий. В свое время Учредительное собрание представлялось им определенной гарантией социальных завоеваний. Теперь, после того как большевики приложили немало сил для того, чтобы объявить «учредилку» противником Советской власти, российская конституанта потеряла свою привлекательность (93, с. 94–95).

Российская история не экзотична, а «архаична»: в ней обнаруживается то, о чем на Западе уже забыли. Цикл «Красной смуты» описывали задолго до того, как стало ясно, что через него неизбежно предстоит пройти. «Дохнет неистово из бездны темных сил / Туманом ужаса, и помутится разум, / И вы воспляшете, все обезумев разом, / На свежих рытвинах могил», – так видел будущее России Вяч. Иванов. Впрочем, на этот счет отметились в свое время и А. Пушкин, и М. Лермонтов. В России игра воображения постоянно тяготеет к теме эсхатологического возмездия. Почему?

Всякая патерналистская система должна ощущаться как нечто «живое», принципиально отличное от «механической» государственности. Но когда бюрократия своими бесконечными регламентациями вызовет закупорку сосудов этого организма, «темная, земная кровь» непременно замутит «цивилизованное» сознание, нарушив и без того шаткое равновесие между реальным, воображаемым и символичным. Впрочем, нечто подобное, похоже, может происходить везде и всегда. Разницу обеспечивает исторически обусловленный уровень эмоциональности того или иного культурного пространства.

Б. Никольский не случайно попытался описать основы «галлюциногенного» восприятия происходящего. «Что такое галлюцинация? – задавался он характерным вопросом. – Безвольная рефлекторная игра воображения... Воображение есть способность вспоминать и комбинировать свои представления... Но вот иногда воля ослабевает... органы внешних чувств испытывают как бы судороги... В таких случаях начинается галлюцинация... Словом, это судороги воображения». Разумеется, сам Никольский ни минуты не допускал, что его восприятие действительности также подвержено «судорогам воображения». Так мог думать только человек, истово верящий в непреложность удобных для него «законов» бытия. Впрочем, и его вера подвергалась испытаниям. «Война идет своим чередом, загадочная для нас, не посвященных в планы и сведения власть имущих... Но что нас ожидает? – вопрошал он 6 января 1915 г. – Перед нами неимоверные дали и полное отсутствие людей. Боже, какие вокруг ничтожества, и всего более в отношении характера, инициативы и творчества! Сознаешь их полное бессилие, близорукость, беспомощность и без-

дарность, осознаешь, что момент и все... совершится стихийно, само собою, как во сне... Одно утешение в том, что все, кто может повредить, еще бездарней, беспомощней и бессильнее» (53, с. 207–210). Именно в таком положении оказались и те, кто «бессильно» ожидал прихода революции, и те, кто в 1917 г. «бездарно» попытался воспользоваться ее плодами.

В сущности Б. Никольский выражал весьма распространённое отношение к власти со стороны людей творческих. Всякая «нормальная» власть должна не только создавать для них нормальные условия для работы, не только быть «справедливой» (по их собственным представлениям), но и соответствовать их нравственным и даже эстетическим запросам. По этим причинам Никольский мог, с одной стороны, презирать Николая II, с другой стороны, «одобряя» большевиков за то, что они раздавили «либеральную слякоть». И такое специфичное отношение к власти – скорее эмоциональное, нежели собственно политическое – для России достаточно типично. Именно оно имплицитно питало и питает конспирологические домыслы.

Нет ничего удивительного в том, что вырвавшееся наружу общественное недовольство буквально смыло слабую патерналистскую власть. Отсюда и странноватое представление о «бескровной революции». Напротив, жертвенная социальная пассивность противников большевиков привела к тому, что последователям Ленина с их лозунгами мира и земли удалось укрепиться во власти. Им на помощь приходили люди «нужного» психоэмоционального склада. Как признавал В.А. Антонов-Овсеенко, «были эти ребята бравые... но малоопытные, не умевшие находить вежливые обороты там, где видели контрреволюционную закорючку или саботажный выверт; а иногда были это и люди недостойные – пьянчуги и тупые насильники» (3, с. 174–175). На каждом этапе революции был востребован соответствующий действенный психотип. В известной мере, русская революция приобрела охлократическое ускорение именно за счет своей «избыточной» эмоциональности.

В конце ноября 1917 г. московская интеллигентская газета опубликовала «открытое письмо» некоего Л. Резцова под названием «Вопль отчаяния». Автор письма сообщал о себе следующее: «Месяца два тому назад я записался в студенческую фракцию партии народной свободы... Во время октябрьско-ноябрьских событий (боев в Москве. – В.Б.) я всей душой стоял на стороне белой гвардии... Теперь... я, будучи принципиальным противником большевизма, выписываюсь из партии народной свободы... Россия в тупике, и единственный выход... – в большевизме». В доказательство правильности своей позиции автор, в который уже раз, обращался к популярному с предреволюционного 1916 г. сравнению России с мчащимся под гору лишенным тормозов автомобилем – следует ли в этих условиях рвать руль из рук водителя? Автор, в сущности, демонстри-

ровал интеллигентское смирение перед голой силой. При этом, как водится на Руси, собственную слабость он подпирал утопически-мессианской гордыней: «Может быть, действительно загорится на Западе великая революция и народ русский исполнит свою провиденциальную миссию»¹.

* * *

Российская историография также избыточно эмоциональна, при этом эмоции навязывались и навязываются ей текущей политикой. Было время, когда революцию писали, «вдохновившись» сталинским «Кратким курсом» с его проклятиями в адрес «врагов народа». Затем стали писать согласно несуществующей «ленинской концепции». Мифы революция имеют обыкновение порождать настолько яркие символы, что историки невольно начинали работать в порожденных ими дискурсах. Такое положение обычно меняется только с истощением самих мифов.

Показательно, что в перестроечный, постсоветский период авторы усердно искали «своих» антигероев революции, двигаясь слева направо. Поначалу предметом обожания были «хорошие» большевики, их сменили меньшевики, эсеры и кадеты, наконец, подошла очередь «мудрых» консерваторов. Стоит напомнить, что подобную эволюцию в 1917 г. проделывал московский обыватель (55, с. 87). Российские смуты повторяются, оставляя вехи историографического бессилия и политической сервильности, замешанной на эмоциях слабых людей. Сегодняшние представления о событиях 1917 г. подкрепляются вымыслами об «управляемом хаосе», согласно которым всякую революцию можно вызвать искусственно и навязать ей какие угодно политические «цвета». Претензии современных пиарщиков на роль теоретиков революции стоят не больше, чем былое стремление А. Керенского управлять массами «сверху» с помощью впечатляющих слов. Революцию нельзя запланировать в кабинете и руководить ею с трибуны или с экрана телевизора.

Список литературы

1. Алексей Васильевич Орешников. Дневник: 1915–1933: В 2 кн. – М.: Наука, 2010. – Кн. 1. – 659 с.
2. Анненков Ю.П. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. – М.: Варгиус, 2005. – 732 с.
3. Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне: В 3-х т. – М.: Высш. воен. ред. совет, 1924–1933. – М., 1924. – Т. 1. – 300 с.
4. Ахиезер А. Октябрьский переворот в свете исторического опыта России // Октябрь 1917 года: Взгляд из XXI века. – М.: РИПО, 2007. – С. 13–24.
5. Бенуа А.Н. Мой дневник. 1916–1917–1918. – М.: Русский путь, 2003. – 704 с.
6. Бердяев Н.А. Судьба России: Сб. статей, (1914–1917). – М.: Философское общество СССР, 1990. – 240 с.

¹ Свобода и жизнь. – М., 1917. – 27 нояб.

7. Беркевич А.Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. – М., 1947. – Т. 23. – С. 3–43.
8. Блок А.А. «Без божества, без вдохновения» // Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. – М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – Т. 6. – С. 174–184.
9. Богословский М.М. Дневники, (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея. – М.: Время, 2011. – 422 с.
10. Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 2010. – 968 с.
11. Булдаков В.П. Пир во время чумы? Деморализация российского общества в предреволюционную эпоху: Причины и следствия, (1914–1916 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. – Новосибирск, 2014. – Т. 13, Вып. 8. – С. 101–111.
12. Булдаков В.П. Поэтические завихрения «Красной смуты», 1917–1920 // Историк и Художник: Сборник воспоминаний и статей памяти профессора Сергея Сергеевича Секиринского. – М.: Институт российской истории, 2013. – С. 367–393.
13. Булдаков В.П. Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. – М., 2009. – № 1. – С. 53–63.
14. Булдаков В.П. Российские смуты и кризисы: Востребованность социальной и правовой антропологии // Россия и современный мир. – М., 2001. – № 2(31). – С. 31–46.
15. Булдаков В.П. Хаос и этнос: Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. – М.: Новый хронограф, 2010. – 1096 с.
16. Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: Пути переосмысления. – М.: РОССПЭН, 2007. – 204 с.
17. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. – М.: Новый хронограф, 2015. – 720 с.
18. «В четыре часа разразился неожиданный ураган...»: Письмо Н.Ф. Бурдукова императрице Александре Федоровне / Публ. И.С. Розенталя // Голоса истории: Материалы по истории Первой мировой войны: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Шаццлло Л.А.; Министерство культуры Российской Федерации. Государственный центральный музей современной истории России. – М.: ГЦМСИР, 1999. – Кн. 3 (Вып. 24). – С. 222–223.
19. Верховский А.И. Россия на Голгофе: (Из походного дневника 1914–1918 гг.) – М.: Гос. публичная историческая библиотека России, 2014. – 208 с.
20. Виноградов П.Г. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – 634 с.
21. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова, (1914–1917). – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2008. – 464 с.
22. Война и Февральская революция: Взгляд из Франции / Публ. А.В. Ревякина // Голоса истории: Материалы по истории Первой мировой войны: Сб. науч. тр. – М.: ГЦМСИР, 1999. – Вып. 24, Кн. 3. – С. 228–230.
23. Войтоловский Л. Выходил Кровавый Марс. По следам войны. – М.: Воениздат, 1998. – 430 с.
24. Врангель Н.Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 512 с.
25. Врангель Н.Н. Дни скорби: Дневник 1914–1915 годов. – СПб.: Журнал «Нева»: Летний сад, 2001. – 320 с.
26. «Все кончено и никакие компромиссы уже невозможны...»: Из воспоминаний Е.Е. Драшусова // Россия 1917 года в эгодокументах: Воспоминания. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – С. 254–273.
27. Второй Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов. – М.; Л.: Госиздат, 1928. – 179 с.

28. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 746 с.
29. Данилов Ю.Н. На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. – М.: Воениздат, 1992. – 293 с.
30. «До чего мы докатились...»: Воспоминания Е.А. Милодановича // Россия 1917 года в эгодокументах: Воспоминания. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – С. 90–91.
31. Достоевский Ф.М. Полное собрание художественных произведений: В 13 т. – М.; Л.: ГИЗ, 1926–1930. – Т. 12.
32. Залевски М. Немецкое общество и начало Первой мировой войны // Война и общество в XX веке: В 3 кн. – М.: Наука, 2008. – Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. – С. 400–415.
33. Зубов В.П. Страдные годы России: Воспоминания о революции, (1917–1925) / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Т.Д. Исамагуловой. – М.: Индрик, 2004. – 320 с.
34. Иванов Н.Н. Около «царя» Михаила // Первая мировая война и конец Российской империи: В 3-х т. – Т. 3: Февральская революция. – СПб.: Лики России, 2014. – С. 122.
35. Из дневников офицера русской армии Бакулина / Публ. Т.К. Кудзаевой и Э.П. Соколовой // Голоса истории: Материалы по истории Первой мировой войны: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Шацилло Л.А.; Министерство культуры Российской Федерации. Государственный центральный музей современной истории России. – М.: ЦДМСИР, 1999. – Кн. 3 (Вып. 24). – С. 41–122.
36. Королев С.А. Бесконечное пространство. Гео- и социографические образы власти в России / РАН. Ин-т философии. – М., 1997. – 235 с.
37. Крусанов А.В. Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор): В 3 т. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – Т. 1: Боевое десятилетие, Кн. 2. – 1104 с.
38. Лакнер Е.И. Отрывки из дневника – 1917–1920 // «Претерпевший до конца спасен будет»: Женские исповедальные тексты о революции и Гражданской войне в России. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2013. – С. 133–180.
39. Ленин В.И. Памяти Герцена // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 21. – С. 255–262.
40. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 105–111.
41. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 34. – С. 436–437.
42. Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. – М.: Советская Россия, 1968. – 376 с.
43. Литтауэр В. Русские гусары: Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911–1920. – М.: Центрполиграф, 2006. – 304 с.
44. Майер А. История в зеркале московских городских легенд // Историк и художник. – М., 2006. – № 2 (8). – С. 176–177.
45. Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. – Париж: LEV: Родник, 1979. – 231 с.
46. Милоков П.Н. Воспоминания. – М.: Политиздат, 1991. – 528 с.
47. Минувшее: Исторический альманах. – М.; СПб.: Atheneum, 1996. – Т. 20. – 320 с.
48. Мионов В.В. Австро-Венгерская армия в Первой мировой войне: Разрушение оплота Габсбургской монархии. – Тамбов: Издательский дом ЕГУ им. Г.Р. Державина, 2011. – 409 с.
49. Мстиславский С. Пять дней: Начало и конец Февральской революции. – М.; Пг.; Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1922. – 161 с.
50. «Мы примкнули к революции, совершенно не понимая, что это за птица»: Воспоминания Д.С. Тахчогло // Россия 1917 года в эгодокументах: Воспоминания. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – С. 211–216.
51. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. – М.: РОССПЭН, 2012. – 1112 с.
52. Ненюков Д.В. От мировой до Гражданской войны: Воспоминания. 1914–1920. – М.: Кучково поле, 2014. – 528 с.

53. Никольский Б.В. Дневник. 1896–1918: В 2 т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. – Т. 2: 1904–1918. – 652 с.
54. Никонов В.А. Крушение России. 1917. – М.: АСТ, 2011. – 704 с.
55. Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917–1924: В 2 кн. – М.: Воениздат, 1997. – Кн. 1. – 654 с.
56. Палицын Ф.Ф. Записки. – М.: Изд-во Сабашниковых, 2014. – Т. 2: Франция, (1916–1921). – 570 с.
57. Первая мировая война и конец Российской империи: В 3-х т. – СПб.: Лики России, 2014. – Т. 3: Февральская революция. – 432 с.
58. Первая мировая война на почтовых открытках / Под ред. В. Крепостнова и А. Медякова. – Киров: Вятка, 2014. – Кн. 1: От Сараева до Компьена. – 412 с.
59. Первая мировая война на почтовых открытках / Под ред. В. Крепостнова и А. Медякова. – Киров: Вятка, 2014. – Кн. 3: За линией фронта. – 405 с.
60. Письма с войны 1914–1917 / Сост., коммент. и вступ. ст. А.Б. Астахова и П.А. Симмонса. – М.: Новый хронограф, 2015. – 796 с.
61. Плампер Я. Эмоции в русской истории // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадад и М. Эли. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 11–37.
62. Попов К. Воспоминания кавказского гренадера: 1914–1920. – М.: Гос. публичная историческая библиотека России, 2007. – 240 с.
63. Посадский А.В. Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года (по материалам Саратовской губернии). – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. – 160 с.
64. «Права человека и империи»: В.А. Маклаков – М.А. Алданов: Переписка 1929–1957 / Сост., вступ. ст. и примеч. О.В. Будницкого. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 1143 с.
65. Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / Сост. К.А. Соловьев. – М.: РОССПЭН, 2014. – 720 с.
66. Пришвин М.М. Дневники. – М.: Правда, 1990. – 480 с.
67. Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. – М.: Прогресс, 1989. – 434 с.
68. Рабинович А. Кровавые дни: Июльское восстание 1917 г. в Петрограде: [Перевод]. – М.: Республика, 1992. – 270,[2] с.
69. Революционное движение в апреле 1917 г.: Апрельский кризис. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – 933 с.
70. Реден Н. Сквозь ад русской революции: Воспоминания гардемарина. 1914–1919. – М.: Центрполиграф, 2006. – 287 с.
71. Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир // Рид Д. Избранное. – М.: Политиздат, 1987. – Кн. 1. – С. 7–334.
72. Рикёр П. Винодность, этика и религия // Рикёр П. Конфликт интерпретаций. – М.: Академический проект, 2002. – С. 284–292.
73. Розеншильд фон Паулин А.Н. Дневник: Воспоминания о кампании 1914–1915 годов. – М.: Кучково поле, 2015. – 432 с.
74. Сабанев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. – М.: Классика-XXI, 2003. – 391 с.
75. Следственное дело большевиков: Материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль – октябрь 1917 г.: Сб. документов: В 2-х кн. – М., 2012. – Кн. 1. – 989 с.
76. Следственное дело большевиков: Материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль – октябрь 1917 г.: Сб. документов: В 2-х кн. – М., 2012. – Кн. 2, Ч. 2. – 687 с.

77. Сливинская М.А. Мои воспоминания // «Претерпевший до конца спасен будет»: Женские исповедальные тексты о революции и Гражданской войне в России. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та., 2013. – С. 74–133.
78. Снесарев А.Е. Письма с фронта: 1914–1917. – М.: Кучково поле, 2012. – 800 с.
79. Сорокин П.А. Долгий путь.: Автобиографический роман. – Сыктывкар: Союз журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991. – 309 с.
80. Степанов Е. Поэт на войне. Николай Гумилев. 1914–1918. – М.: Прогресс-Плеяда, 2014. – 848 с.
81. Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. – СПб.: Алетейя, 1994. – 652 с.
82. Суханов Н.Н. Записки о революции: В 3-х т. – М.: Политиздат, 1991. – Т. 1: Записки о революции, Кн. 1–2. – 384 с.
83. Тверская губерния в годы Первой мировой войны. 1914–1918 гг.: Сборник документов / Науч. ред. В.П. Булдаков. – Тверь: РЭД, 2009. – 494 с.
84. Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. – СПб.: Европейский дом, 1997. – 728 с.
85. Троцкий Л.Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. – М.: Панорама, 1991. – 608 с.
86. Троцкий Л.Д. О Ленине: Материалы для биографа. – М.: Госиздат, 1924. – 168 с.
87. «У меня было ощущение перевернутого шиворот-навыворот мира...»: воспоминания Мадлен Доти // Россия 1917 года в эгодокументах: Воспоминания. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – С. 167–182.
88. Февр Л. Чувствительность и история // Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – С. 109–125.
89. Фурманов Д.А. Дневник: 1914–1916. – М.: Кучково поле, 2015. – 288 с.
90. Шмелев Ив. На войну. – М.: Общ. дело, 1914/1915. – 24 с. – (Мир и война: библиотека общедоступных очерков, посвященных войне 1914 г.; Вып. 2).
91. Шполянский А.М. Ормузд и Ариман // Еврейская трибуна. – Париж, 1920. – № 40, 1 окт.
92. Юрнев И. Межрайонка, (1911–1917 гг.) // Пролетарская революция. –Л., 1924. – № 1; 2.
93. Яров С.В. Пролетарий как политик: Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 224 с.
94. Billington J. The West's stake on Russia's future // Orbis. – N.Y., 1997. – Vol. 41, N 4. – P. 545–553.
95. Krylova A. Beyond the spontaneity-consciousness paradigm: «Class instinct» as a promising category of historical analysis // Slavic review. – Urbana, 2003. – Vol. 62, N 1. – P. 1–23.
96. Lohr E. Nationalizing the Russian Empire: The campaign against enemy aliens during World War I. – Cambridge (MA): Harvard univ. press, 2003. – XI, 237 p.
97. Verhey J. The spirit of 1914: Militarism, myth and mobilization in Germany. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2006. – 270 p.
98. Zelnik R. A paragim lost? Response to Anna Krylova // Slavic review. – Urbana, 2003. – Vol. 62, N 1. – P. 24–33.

А.Г. ДОНГАРОВ

**ПАКТ МОЛОТОВА – РИББЕНТРОПА:
ЗАПЛАНИРОВАННЫЙ ЭКСПРОМТ**

В сборнике мифов и легенд, оставленных по себе советской властью, совершенно особое место занимает история заключения 23 августа 1939 г. Договора о ненападении с фашистской Германией. По версии хранителей советских исторических мифологем оно стало полнейшим экспромтом, результатом дипломатического сальто-мортале, трудным с моральной точки зрения, но не имеющим альтернативы, а потому единственно верным, спасительным для страны решением.

Предшествовавшие подписанию пакта события выстраиваются ими в следующую цепочку. После прихода к власти в Германии Гитлера с его идеями реванша на западе и завоевания «жизненного пространства» на востоке континента правительство СССР, стремясь к сохранению общеевропейского мира, предложило всем заинтересованным государствам, прежде всего Великобритании и Франции, создать систему коллективной безопасности. В рамках этой программы весной 1935 г. был заключен советско-французский договор о взаимопомощи. Он, однако, остался политическим жестом, поскольку взятые сторонами друг перед другом военные обязательства не были никак конкретизированы.

Вскоре в Париже и Лондоне вообще сочли более уместной политику умиротворения Германии за счет согласия на ее притязания к соседям на востоке и в центре Европы. В результате этого курса, апофеозом которого стала дипломатическая капитуляция Франции и Великобритании перед Гитлером на Мюнхенской конференции в сентябре 1938 г., к рейху были присоединены Австрия и Судетская область Чехословакии. Оказалось, однако, что эти уступки не могли удовлетворить германские аппетиты, и весной 1939 г. Гитлер захватил всю Чехию и отторгнул от Литвы город Мемель с областью (г. Клайпеда и Клайпедский край).

Вызывающий характер действий Берлина продемонстрировал крах «политики умиротворения» и необходимость возврата к идее коллективной безопасности. По дипломатическим каналам Лондон и Париж сигнализировали в Москву о готовности начать трехсторонние военно-поли-

тические переговоры. 17 апреля 1939 г. правительство СССР выступило с ответным предложением заключить тройственный договор о военной взаимопомощи и совместном гарантировании безопасности ближайших западных соседей Советского Союза: Румынии, Польши, трех Балтийских стран и Финляндии.

Вскоре после начала англо-франко-советских переговоров выяснилось, однако, что в Париже и особенно в Лондоне видели в них, скорее, средство давления на Германию, надеясь сдержать ее агрессивные намерения на западе континента одними разговорами о возможности коалиции с СССР, не идя на ее фактическое создание. Со своей стороны, уверяют нас, советское правительство искренно стремилось к достижению тройственного соглашения, и только выявившаяся к 20-м числам августа 1939 г. полная бесперспективность дальнейших переговоров с англо-французской дипломатией заставила его принять германское предложение о заключении знаменитого Договора о ненападении.

Утверждается, наконец, что благодаря подписанному с Берлином соглашению удалось отсрочить фашистское нашествие на СССР на полтора года, которые были использованы для подготовки к отражению агрессии. Указывается и на увеличение глубины стратегической обороны на 150–250 км в результате воссоединения с СССР захваченных ранее Польшей западнобелорусских и западноукраинских земель, возврата Бессарабии, отторгнутой Румынией от России в годы гражданской войны, а также присоединения к Советскому Союзу румынской Буковины. И, конечно, «добровольное вхождение» в СССР трех прибалтийских государств, позволившее создать в этом регионе новый рубеж обороны. (50 лет связь этих территориально-политических приобретений с пактом-39 отрицалась и была признана только в 1989 г.) Наконец, утверждается также, что подписанный договор расстроил германо-японское сотрудничество на базе Антикоминтерновского пакта, направленного против СССР, и тем самым уберег нас от открытия второго – дальневосточного фронта в 1941 г.

Существует, однако, и иной взгляд на описываемые события.

А был ли экспромт?

Если заключение пакта и выглядело как экспромт, то исключительно на фоне продолжавшихся с середины июня 1939 г. трехсторонних англо-франко-советских переговоров. Однако в более глубокой ретроспективе экспромтом и кульбитом являлись сами эти переговоры, а соглашение с Берлином было возвращением в центральную, хорошо наезженную за 20 лет колею советской внешней политики, известную под названием «использование межимпериалистических противоречий в интересах советской власти».

Начиналась колея первым же документом этой власти – знаменитым Декретом о мире. Провозглашенный Лениным нейтралитет Советской России в продолжавшейся мировой войне стал фундаментом для его виртуозной политики лавирования между Антантой и германским блоком с целью не быть раздавленным этими жерновами. Ввиду очевидной успешности данной стратегии она была положена советским руководством в основу его международной деятельности на годы вперед.

Вместе с тем у формального советского нейтралитета 1917–1918 гг. был сильный прогерманский привкус: на долю Берлина приходились дивиденды, поскольку Россия вышла из войны с Германией, а на долю Парижа и Лондона, по той же причине, – исключительно издержки от «срединного» курса Москвы. В 1920–1921 гг. в Кремле принимается решение уже о стратегическом партнерстве с Германией – до следующей мировой войны. Курс на советско-германскую солидарность в борьбе с версальскими триумфаторами был оформлен договором, подписанным сторонами в итальянском городке Рапалло 16 апреля 1922 г.

Это соглашение создавало в Европе совершенно новую геополитическую реальность. Союз дореволюционной России с Антантой имел целью сохранение существовавшего миропорядка путем пресечения германских попыток взорвать его ради передела в свою пользу. Теперь же советская Россия предлагала Берлину полную поддержку в достижении этой цели. Конечно, потому что и сама стремилась к переделу мира, – но только под лозунгом мировой пролетарской революции, постепенно трансформировавшимся в суперидею строительства всемирной красной империи.

Для реализации поставленной цели нужна была сильная Германия; поэтому ее восстановление из послевоенных руин становится одной из важнейших задач советской внешней политики 20-х – начала 30-х годов. Самый показательный пример – военное сотрудничество между двумя странами. Начало ему было положено тайным советско-германским соглашением февраля 1921 г. о «восстановлении немецкой военной промышленности» на территории СССР, в развитие которого 11 августа 1922 г. было заключено Временное соглашение о сотрудничестве между Красной армией и рейхсвером. В результате Германия получила возможность – в обход ограничений, наложенных на нее Парижским мирным договором, – производить на принадлежавших ей концессионных предприятиях и приобретать в СССР авиабомбы, самолеты, химическое оружие, подводные лодки, танки и т.д., а также готовить в учебных заведениях РККА и собственных военных училищах в Липецке, Казани и Вольске высшие командные кадры армии, танковые экипажи, летчиков ВВС и специалистов по ведению химической войны. В 1926 г. в рамках этого соглашения освобождалась треть годового бюджета рейхсвера, порядка 150 млн золотых марок

(8, с. 788). По общему мнению специалистов, советская помощь двинула дело возрождения немецкой армии вперед на десять лет. Таким образом, «меч Зигфрида», оказавшийся в конечном счете в руках Гитлера, ковался в сталинской кузнице.

За собственную безопасность в Кремле не опасались, справедливо полагая, что оставшаяся в берлинской повестке дня задача передела мира могла быть решена только за счет прав и владений Великобритании и Франции. Москва считала, кроме того, что обладает таким безотказным инструментом сохранения «дружбы» с Германией, как совместная борьба с польским государством вплоть до его нового раздела.

В национал-социалистическом Берлине также прекрасно сознавали непреходящее значение рапалльской политики, иными словами, координации внешнеполитических усилий с СССР, на весь период борьбы против Версаля. Буквально «на следующий день» после прихода к власти, в апреле 1933 г., Гитлер согласился с советским предложением о бессрочном продлении действия Договора 1926 г. о ненападении и нейтралитете, ведущего свое политическое и юридическое родство от рапалльского соглашения 1922 г. Следует отметить, что ранее правительство Веймарской республики отвергло эту инициативу; так что в некотором смысле Гитлер оставался последним в Берлине сторонником рапалльской стратегии Кремля.

Однако прежде им была полностью отыграна прямо противоположная – антибольшевистская, антикоминтерновская карта. Под обещание двинуться на восток и оставить западную коалицию в покое фюрер выторговал у нее все, что только было политически возможно: отмену ограничений на вооружения для Германии, ремилитаризацию Рейнской области, аншлюс Австрии, захват Чехословакии и Клайпедского края Литвы. Только тогда он достал из рукава свой кремлевский козырь и пустил его в дипломатическую игру.

Впрочем, и период между апрелем 1933 и августом 1939 гг. нельзя назвать «мертвым сезоном» в советско-германских отношениях. Ухаживающей, – но все безрезультатно! – стороной была Москва. Тогда Кремль, раздраженный неуступчивостью фюрера, затеял в целях шантажа Германии большую дипломатическую контригру под названием «создание системы коллективной безопасности в Европе», которая в 1935 г. увенчалась подписанием Договора о взаимопомощи с Францией. Настало время забеспокоиться Берлину. 20 марта 1935 г. Гитлер идет на подписание соглашения «Об общих условиях поставок из Германии в СССР», в развитие которого 9 апреля заключается межправительственное экономическое соглашение, предусматривавшее, в частности, предоставление германского кредита в размере 200 млн марок на финансирование торговли с СССР в

течение пяти ближайших лет¹. Именно с этим было связано согласие, данное Гитлером в 1936 г., на контакты рейхсминистра Г. Геринга и директора Имперского банка Я. Шахта с советским торговым представителем в Германии Д. Канделаки. Другим «кивком» Берлина в сторону Москвы стало приглашение советского посла в Германии Я. Сурица на беседу с Г. Герингом в середине декабря 1936 г. Помимо обсуждения торгово-экономических вопросов в ходе беседы Геринг высказался за возвращение к идеям Бисмарка о непреходящем значении для европейской политики русско-германского партнерства². В январе 1937 г. Сталин предпринял попытку через Канделаки обналечить выданный Герингом политический вексель, но контакты были прерваны по распоряжению фюрера, правда, с намеком на возможное их продолжение в будущем.

Ввиду этой неудачи в Москве решили пойти ва-банк и поставить на кон «польский вопрос». В советской печати на протяжении 1938 г. появился ряд статей руководителей НКВД – сначала заместителя наркома Потемкина, а затем и Литвинова, в которых Польше «предсказывалась», в наказание за ее нехорошее поведение, возможность четвертого раздела. Начиная с осени 1938 г. польская тема постоянно поднималась руководителями НКВД в беседах с европейскими дипломатами.

Ответ пришел далеко не сразу. В Берлине правильно рассчитали, что пожали еще не все плоды англо-французской политики умиротворения – и в сентябре сорвали Мюнхенский приз! После этого триумфа рассчитывать на новые уступки стратегического порядка от Парижа и Лондона уже не приходилось. Как позднее признавал Гитлер, именно тогда он понял, что наступил момент переориентировать свою внешнюю политику на Москву (11, с. 27). Первой ласточкой новой «весны» в советско-германских отношениях стало достигнутое в октябре 1938 г. соглашение о взаимном прекращении нападок по радио и в печати на руководящих деятелей обеих стран. Затем последовало заключение в декабре 1938 г. советско-германского торгового соглашения.

Драматически зримо новая политика Берлина в отношении СССР была продемонстрирована 12 января 1939 г. на новогоднем правительственном приеме для дипломатического корпуса: Гитлер необычайно долго (целых 7 минут!) и любезно беседовал с советским послом А. Меркаловым, которого до того демонстративно игнорировал. Ответной любезностью советского вождя стала его речь на XVIII съезде ВКП (б) в марте 1939 г., в которой он фактически назвал Великобританию и Францию

¹ 22, Ser.C. Vol.111. Doc. N 546. P.1028–1030; Vol.IV. Doc. N 20. P.28–29; Doc. N 21. P.29–38.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп. 162. Д.20. Л.130.

поджигателями войны, а в адрес Берлина не проронил ни одного критического слова.

1939 год вообще можно назвать «годом СССР в Германии». С января полностью прекращается критика в адрес советского режима в немецких средствах массовой информации и выступлениях официальных деятелей Третьего рейха. В начале мая германское правительство удовлетворяет просьбу Москвы о признании действующими заключенных ею ранее, до поглощения Чехии Германией, контрактов с чешскими заводами «Шкода» на поставку в СССР продукции явно оборонного назначения (13, с. 31). В июне, принимая во внимание советскую озабоченность положением в Прибалтике, Германия по собственной инициативе идет на подписание договоров о ненападении с Латвией и Эстонией. Германский посол в Москве Вальтер фон Шуленбург назвал этот шаг «первым политическим взносом» Германии в дело улучшения отношений с СССР (13, с. 35). В апреле на уровне посольств начались, а в июле-августе были максимально ускорены переговоры по всему комплексу отношений между двумя странами. Далее мы приведем их хронологию.

С учетом сказанного повторим: дипломатическим салто-мортале, т.е. драматическим отступлением от генеральной линии внешней политики СССР, выглядит как раз не заключение пакта Молотова-Риббентропа, а, наоборот, недолгое участие Москвы в переговорах о создании системы коллективной безопасности в Европе в 1935 и 1939 гг.

Действительно, Сталин считал стратегический союз СССР с западными партнерами ложным шагом, уводящим в сторону от решения истинных – партийных – задач его режима на международной арене, заключающихся в экспорте революции как по старым каналам Коминтерна, так и все в большей мере методами военно-политического «принуждения к социализму», т.е. с помощью силы. В условиях европейского мира последнее было совершенно невозможно. Поэтому у Сталина не могло быть ни малейшего желания становиться соавтором второго, улучшенного за счет советского участия издания Версаля, на сей раз под названием «система коллективной безопасности в Европе». В беседе с британским послом в Советском Союзе С. Криппсом летом 1940 г. Сталин прямо заявил, что «СССР не является сторонником восстановления прежнего европейского равновесия», потому что оно направлено против советских интересов (13, с. 223).

Кремль терпел деятельность Литвинова по созданию системы коллективной безопасности только постольку, поскольку она могла заставить Гитлера вернуться к политике Рапалло из опасения, что эта система сдерживания Германии действительно будет создана в результате переговоров наркома в Париже и Лондоне. Однако как только обозначилась перспектива нормализации советско-германских отношений, энтузиазм наркома по

поводу коллективной безопасности стал неуместен, как и он сам: Литвина обвинили в англо- и франкофильстве и непроведении партийной линии во внешней политике. Учли в Москве и то обстоятельство, что для берлинского режима нарком-еврей был наихудшим выбором на роль партнера по предстоящим деликатным переговорам. В результате в мае 1939 г. Литвинов был отправлен в отставку.

Четыре месяца изучения всего комплекса советско-германских отношений по дипломатическим каналам завершились 11 августа 1939 г. принятием Политбюро решения «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов». Дорога ко «второму Рапалло», как часто называют договор 1939 г., была открыта.

Следует иметь в виду, что «Рапалло» – это меньше всего лист бумаги с напечатанным на нем в 1922 г. текстом. Куда важнее сущностная сторона вопроса. Суть же заключалась в том, что в силу объективных условий каждая из сторон рапалльского процесса – советская и германская – могла реализовать свою внешнеполитическую программу, рассчитанную на весь версальский период европейской истории, *только и исключительно* в связке с другой стороной, заменить которую было нечем. Германский посол в СССР в 1922–1928 гг. Ульрих фон Брокфорд-Ранцау называл это «общностью судеб». И в Берлине, и в Москве прекрасно осознавали эту взаимную обреченность на сотрудничество друг с другом в решающий момент перехода из версальского миропорядка в какой-то иной в результате новой европейской войны и социальной революции. В августе 1939 г. Европа стояла на пороге этих перемен, и «возвращение в Рапалло» стало неизбежным.

Запрограммированный провал

Как отмечалось выше, идея англо-франко-советских переговоров родилась в середине апреля 1939 г. Это был период наименьшей определенности в отношениях между тремя европейскими центрами силы. Поэтому как западные союзники, так и СССР сочли разумным «подстелить соломки», т.е. заручиться взаимной поддержкой на тот случай, если договориться с Германией им так и не удастся. Условия оказания такой взаимопомощи и предстояло согласовать в ходе трехсторонних встреч.

Парадоксальность ситуации, однако, заключалась в том, что, вступая в эти переговоры, и англо-французская коалиция, и СССР мечтали об их срыве в результате достижения собственной сепаратной договоренности с Германией: столь тяжелым, на грани неприемлемого, был для них успешный с формальной точки зрения исход переговоров. Для Москвы военно-политическое окружение Третьего рейха означало бы одно из двух: либо полный отказ от планов завоевания Европы, если окруженная

Германия откажется от войны; либо ополовинивание этих успехов по отношению к Берлину, если все же Берлин решится на войну и проиграет ее объединенной коалиции союзников с участием СССР. После колоссальных жертв, которые страна понесла в годы коллективизации и индустриализации ради подготовки к большой войне за единоличное господство на континенте, столь невнятный итог неизбежно ставил бы под сомнение правильность всего внутри- и внешнеполитического курса сталинского руководства.

Однако имелся еще один – и куда более весомый! – аргумент против вхождения в союз с англо-французской коалицией. Дело в том, что в силу внутриполитических причин, о которых будет сказано ниже, единственным сценарием предстоявшей войны, который устраивал Кремль, был тот, который исключал вероятность даже кратковременного вступления иностранных войск на советскую территорию. Военный союз с Великобританией и Францией не мог гарантированно решить этой задачи *по определению*, а потому не имел в глазах кремлевского руководства никакого смысла.

В те же дни в западных столицах мучительно решали вопрос о том, что им обойдется дороже: немецкая болезнь или московское лекарство. Было ясно, что за советскую помощь в войне с Германией придется заплатить согласием на установление контроля Кремля над Восточной и большей частью Центральной Европы. Даже если бы войны удалось избежать путем принуждения Германии к миру, то и в таком случае эта часть Европы попадала под сильнейшее влияние Москвы. Дело в том, что в качестве неперемennого условия своего участия в трехстороннем соглашении СССР выдвинул требование о признании за ним права вводить войска на территории соседних восточноевропейских стран всякий раз, когда, по его мнению, для них возникнет угроза прямой и даже так называемой косвенной агрессии со стороны Германии. Последний термин трактовался столь расширительно (включал и чрезмерную экономическую зависимость, и усиление влияния прогерманских элементов внутри этих стран, и пр.), что ставил их в сильнейшую зависимость от суверенной воли Кремля.

Вот почему, вступая в переговоры, каждая из сторон поспешила дать понять Берлину, что именно ее участие в них – это всего лишь подготовка «запасного аэродрома» и что она предпочла бы договориться обо всем с самой Германией. Впрочем, по-настоящему свободным в выборе образа дальнейших действий был только СССР, не имевший никаких обязательств перед остальными участниками комбинации, тогда как гарантии безопасности, данные Великобританией и Францией Польше, заметно сузили для них возможность маневра.

Уже отмечалось, что советская внешнеполитическая пропаганда обвиняла западных партнеров в грехе «закулисных» контактов с Берлином,

предпринимаемых в надежде достичь с ним модус вивенди без участия СССР. Однако о параллельных, и куда более интенсивных, советско-германских переговорах умалчивалось. Приведем хронологию наиболее значимых из них:

– 17 апреля: беседа полпреда Мерекалова со статс-секретарем МИД Германии Вайцеккером о возможности кардинального улучшения отношений между двумя странами; беседа состоялась, вероятно, не случайно, в тот самый день, когда в Москве заявили о согласии вступить в переговоры с Великобританией и Францией (13, с. 28–29);

– 5 мая: беседа заведующего восточноевропейской референтурой политико-экономического отдела МИД Германии Ю. Шнурре с временным поверенным в делах СССР в Германии Г. Астаховым о положительном решении относительно выполнения советских заказов заводами «Шкоды»; Астахов зондирует перспективы советско-германских отношений (13, с. 31);

– 17 мая: беседа Шнурре с Астаховым об удовлетворении советской просьбы о сохранении Торгпредства СССР в Чехословакии и о продолжении действия заключенных ранее с Чехословакией торговых соглашений; обсуждение общих перспектив советско-германских отношений; Астахов ссылается на Рапалльский договор и ставит под сомнение успех трехсторонних переговоров (выступать самостоятельно со столь важными политическими заявлениями Астахову было явно не по чину, т.е. это было сделано по прямому указанию из Москвы в качестве аванса Берлину) (13, с. 31–33);

– 28 мая: беседа Шуленбурга с Молотовым; Шуленбург: «Молотов почти что призывал нас к политическому диалогу. Наше предложение о проведении только экономических переговоров не удовлетворило его» (13, с. 34);

– 22 июля: возобновление переговоров о торговле и кредите;

– ночь с 26 на 27 июля: беседа Шнурре с Астаховым относительно скорейшего достижения стратегического советско-германского соглашения (13, с. 38–43);

– 2 августа: беседа Риббентропа с Астаховым о судьбе Польши и Балтики в контексте советско-германского сближения (13, с. 44–46);

– 13 августа: беседа Астахова со Шнурре; Астахов подтверждает заинтересованность СССР в обсуждении поднятых немцами вопросов (13, с. 46–47);

– 14 августа: послание Риббентропа Молотову с предложением о широкоформатных переговорах в ходе его предполагаемого визита в Москву; Молотов предлагает заключить пакт о ненападении или подтвердить договор о нейтралитете 1926 г. «с одновременным подписанием специаль-

ного протокола», фиксирующим условия советско-германского территориально-политического размежевания в Восточной Европе (13, с. 47–56);

– 16 августа: послание Риббентропа Молотову о согласии имперского правительства на советские предложения, в частности о пакте; Молотов заявляет Шуленбургу о готовности Москвы заключить торгово-экономическое и политическое соглашения с Германией; выражается принципиальное согласие на визит Риббентропа (13, с. 57–61);

– 19 августа: состоялись две беседы Шуленбурга с Молотовым о заключении пакта и сроках визита Риббентропа в Москву (13, с. 64–66);

– 19 августа: подписано торгово-кредитное соглашение между СССР и Германией;

– 21 августа: послание Гитлера Сталину с согласием на советский проект пакта и просьбой ускорить приезд Риббентропа в Москву (13, с. 70–71);

– 21 августа: ответ Сталина Гитлеру с согласием на приезд Риббентропа 23 августа (13, с. 72–74).

Как видим, «закулисная» активность советской дипломатии по интенсивности и содержательности была исключительной.

В упрек западным партнерам ставился также неспешный приезд в СССР на пассажирском пароходе их военных делегаций и недостаточно высокий официальный уровень представительства. Опять-таки эти претензии вполне справедливы. Следует, однако, иметь в виду, что еще прежде того из Москвы в Берлин были посланы два куда более мощных сигнала о ее истинном отношении к предстоящим переговорам с Лондоном и Парижем. Мы говорим, во-первых, об отказе наркома обороны К.Е. Ворошилова от приглашения посетить большие учения французской армии весной 1939 г. Накануне войны в отношении будущего союзника так не поступают.

Однако куда более значимым жестом стала отставка европейски признанного архитектора системы коллективной безопасности М.М. Литвинова с поста наркома буквально накануне начала переговоров о создании этой самой системы. Москва демонстративно давала Берлину понять, что рассматривает как более предпочтительный вариант советско-германского сближения. Там, конечно, это так и расценили. «Отставка Литвинова явилась решающим шагом, – докладывал Гитлер высшим военным чинам рейха на совещании 22 августа 1939 г. – После этого я ментально понял, что в Москве отношение к западным державам изменилось». Для Лондона и Парижа отставка наркома также стала знаковым событием. В этих условиях неоправданно высокий уровень представительства западной коалиции мог создать впечатление о ее слабости и особой зависимости от «милостей Кремля».

Еще одним обстоятельством, в значительной мере предопределившим неуспех московских переговоров, была весьма низкая оценка Лондо-

ном и Парижем военной «союзоспособности» СССР. Иными словами: способен ли был СССР оказать союзникам эффективную и своевременную военную помощь и стоила ли она тех территориально-политических уступок, которыми придется за нее заплатить? Следует признать, что в формате *столкновения армий*, а не *народов и государств*, в 1939 г. РККА действительно оказалась бы незавидным союзником, что вскоре и подтвердила война с Финляндией.

Если исходные позиции обеих сторон на переговорах были почти идентичными, то при рассмотрении их в динамике обнаруживаются прямо противоположные тенденции: заинтересованность Москвы в успехе трехсторонних переговоров, если изначально она вообще имела, постоянно падает, а Великобритании и, особенно, Франции – только растет. Причина ясна: советской дипломатии удалось, а англо-французской – нет, нащупать почву для сепаратной договоренности с Берлином.

К концу июля Лондон и Париж фактически ставят крест на дальнейших попытках прийти к согласию с Германией ввиду непреодолимых противоречий между сторонами. Исчезает опасность сепаратной сделки между ними. Из этого факта в Москве могли сделать только два практических вывода, каждый из которых предопределял избрание одной из двух разнонаправленных стратегий в вопросах войны и мира. Первый вывод: перед лицом все более вероятной войны с Германией успех или провал трехсторонних переговоров становится для западной коалиции вопросом жизни или смерти, что гарантирует ее искреннее стремление к достижению соглашения с СССР; в таком случае советско-германские переговоры можно и нужно прекращать. Вывод второй: перед лицом запланированной Берлином войны против Польши и, следовательно, ее западных союзников он обречен искать соглашения с Кремлем, в связи с чем от страховки в виде переговоров с англо-французской коалицией можно отказаться, а советско-германские переговоры следует максимально интенсифицировать.

Какой из названных вариантов был выбран, хорошо известно. 23 августа в Москве ждали прибытия министра иностранных дел Германии Й. фон Риббентропа. С трехсторонними переговорами следовало быстро заканчивать, объявив их неуспешными, что и было сделано Ворошиловым 22 августа. В качестве предлога был выбран отказ Польши пропустить через свою территорию советские войска для участия в боевых действиях против Германии.

Этот «польский аргумент» бездумно повторяется вот уже более 70 лет, однако что он доказывает, наверное, непонятно и тем, кто на него постоянно ссылается. Действительно, *что* в создаваемом таким образом раскладе могло не устраивать Кремль? Ведь выходило, что СССР практически в одностороннем порядке получал от Великобритании и Франции полноценные союзнические гарантии, сам будучи освобожденным поль-

ским отказом пропустить войска от фактического выполнения встречных обязательств перед Лондоном и Парижем. Мол, мы бы и рады повоевать за союзников, да вот Польша не велит! При этом никто не мешал СССР, будь у него желание воевать, осуществлять авиационные бомбардировки Германии, открыть боевые действия на море, использовать воздушный и морской десанты, послать экспедиционные войска для участия в боях на Западном фронте, перерезать пути снабжения Германии стратегическим сырьем, оказывать военно-политическое давление на страны – от Скандинавских до Ирана – с целью удержать их в орбите антигитлеровской коалиции и т.д. Это в теории. На практике западная коалиция согласалась на такой формально неэквивалентный обмен гарантиями с СССР потому, что всем было ясно, что после германского удара правительство Польши само запросит советскую помощь либо еще из Варшавы, либо уже «из Лондона», т.е. будучи правительством в изгнании. Также упорно обходится вниманием тот факт, что в конце концов французской дипломатии удалось таки вырвать у польского министра иностранных дел Ю. Бека подобие согласия на военно-техническое сотрудничество с СССР в случае германской агрессии (2, с. 316–318).

Слагаемые Победы или издержки?

Знание истории заключения пакта-39 позволяет утверждать, что при его подписании Сталин был меньше всего озабочен обеспечением безопасности СССР традиционными методами в смысле создания практических заделов для отражения будущей германской агрессии. Оптимальное решение данной проблемы виделось ему на путях европейской геополитики.

В августе 1939 г. советскому руководству показалось, что от триумфальной реализации этого замысла его отделяют всего три шага. Шаг первый: подтолкнуть Германию начать войну реванша против западной коалиции. Поскольку такая война была в планах самого Гитлера, от СССР единственно требовалось гарантировать безопасность восточного фланга рейха, при этом еще истребовав у него «отступного» в форме согласия на советское доминирование в Восточной Европе и на Балтике. Этот шаг был сделан 23 августа подписанием договора Молотова–Риббентропа. Второй шаг представлялся самым несложным: выждать два–три года, покуда война не обескровит ее участников и не сделает Европу, прежде всего Третий рейх, легкой добычей. (В Кремле прекрасно помнили, что поражение Германии в прошедшей войне было отнюдь не военным, а политическим – напряжения не выдержал германский тыл.) Тогда пробивал час третьего действия – выступления Красной армии на помощь страдающим и обездоленным трудящимся массам континента.

Этот блестящий замысел споткнулся на втором шаге. Причиной стал ошибочный прогноз относительно характера грядущего европейского конфликта. В Кремле исходили из опыта сугубо позиционной Первой мировой войны, которая велась ее участниками главным образом на истощение сил противника и в конце которой стороны оставались приблизительно на тех же позициях, что занимали в ее начале. Кампания вермахта 1940 г. оказалась принципиально иной благодаря появлению таких новых высокоманевренных средств ведения войны, как боевая авиация и бронетанковые войска. То, чего кайзеровской армии не удалось достичь за четыре года непрерывных боев, положив миллионы солдат и разорив до нитки страну, вермахт добился за полтора месяца ценой самой малой крови.

В результате бывшая стержнем всего кремлевского замысла ставка оказалась битой. Вместо истощения ресурсов Германия значительно нарастила их объем, заполучив в качестве военной добычи людской, промышленный, финансовый и военный потенциалы сразу нескольких развитых европейских стран. Вместо ожидавшегося Москвой социального взрыва на почве трудностей и лишений военного времени триумф германского оружия поднял авторитет Гитлера в народе и армии на небывалую высоту и сцементировал внутреннее единство немецкого государства.

В том то и была «беда» пакта, что положенный в его основу политический расчет оказался в корне неверным, а предпринятые, исходя из него, практические мероприятия 1939–1940 гг. – абсолютно контрпродуктивными. Стремление официальной историографии скрыть неудобную правду о геополитической стороне этого провалившегося проекта и одновременно представить успешными его промежуточные результаты, делают эту миссию в принципе невыполнимой.

Действительно, если взять ту же знаменитую «отсрочку», то совершенно очевидно, что нападать на СССР в 1939 г. у Германии не было ни малейшего намерения, ни малейшей возможности. Для начала достаточно указать на отсутствие общей границы между двумя странами. (Согласно известному историческому анекдоту Наполеону, в подобных случаях никаких дополнительных доказательств уже не требовалось.) Немецкое нападение на СССР через польскую территорию означало бы для Германии войну одновременно на двух фронтах – западном и восточном, сразу против трех великих держав и Польши. Вероятность осознанного выбора Германией этого самоубийственного пути никем в Европе, включая самого Гитлера, даже не рассматривалась. Не предполагало германской агрессии и соотношение сил: 147 дивизий у СССР и только 53 – у Германии; 21 тыс. танков у СССР и только 3,4 тыс. – у Германии; 11 тыс. самолетов у СССР и только 4,3 тыс. – у Германии и т.д. В 1939 г. советско-германской войны не было даже в проекте в виде штабной игры Объединенного верховного командования вермахта. По оценке одного из его руководите-

лей генерала В. Варлимонта, германская армия никогда не была так плохо подготовлена к войне, как в 1939 г., в результате дефицита вооружений и отсутствия необходимых резервов личного состава (11, с. 55).

Другая сторона вопроса об отсрочке: кто лучше сумел воспользоваться ею для наращивания своего военно-экономического потенциала – СССР или Германия? Тема требует тщательного изучения, но для начала достаточно напомнить, что в качестве военной добычи Германии достались трудовые ресурсы, финансово-промышленные активы и вооружение армий 11 развитых европейских государств.

Рассуждения о судьбоносном значении пакта как документа вообще теряют смысл, поскольку на 23 августа 1939 г. между СССР и Германией уже действовал **Договор о ненападении и нейтралитете**. Как указывалось выше, договор был подписан в Берлине в 1926 г. и в апреле 1933 г. по договоренности между советским правительством и правительством А. Гитлера продлен на неопределенный срок с правом денонсации при условии предупреждения за один год. Объем и характер взаимных обязательств сторон по обоим договорам – 1926 и 1939 гг. – были практически идентичны. Кроме того, вплоть до 22 июня 1941 г. сохраняла силу советско-германская Конвенция о согласительной процедуре, обязывавшая стороны прибегать исключительно к ненасильственным способам урегулирования спорных вопросов между ними.

Таким образом, необходимые бумажные гарантии ненападения от Гитлера у Сталина имелись и до визита Риббентропа. Поэтому первоначально новое советско-германское сближение предполагалось оформить путем простого подтверждения (в чем, впрочем, не было никакой юридической необходимости) договора 1926 г. (13, с. 38, 55, 60). На деле для Сталина пакт-39 был не более чем пустым конвертом, в который Гитлер должен был положить взятку в виде согласия на территориально-политические уступки Кремлю в Восточной Европе, чтобы заручиться благожелательным по отношению к Берлину нейтралитетом в войне Германии против Польши и ее западных союзников. Как свидетельствовал на Нюрнбергском процессе Риббентроп, по приезде в Москву ему с порога было заявлено без обиняков, что если размер «взятки» окажется недостаточным, он может сразу вылетать назад в Берлин (7, с. 137).

Вместо «спасения отечества» от мифической германской угрозы подписание злосчастного пакта, точнее, вновь расцветшее на его рапальском фундаменте сотрудничество Берлина и Москвы, в действительности имело для СССР смертельно опасный побочный эффект. Теснейшая координация действий двух стран на международной арене, а также поставки стратегического сырья из СССР вкупе с предоставленной возможностью транзита германских экспортно-импортных грузов через территорию нашей страны в обход установленной союзниками системы экономической

блокады рейха, дали Лондону и Парижу основания рассматривать Советский Союз как **невоюющего союзника** Германии. Дважды на протяжении зимы – весны 1940 г. отношения СССР с упомянутыми державами приближались к критической черте, чреватой возникновением вооруженного конфликта. Первый раз речь шла о планах посылки в январе-феврале 1940 г. 100-тысячного англо-французского экспедиционного корпуса на помощь Финляндии в ее войне против СССР с одновременной оккупацией Мурманска и бомбардировкой мурманской железной дороги; только отказ Швеции и Норвегии пропустить иностранные войска через свои территории сорвал эти планы. Следующий пик обострения отношений пришелся на май 1940 г., когда германские войска стояли на границе с Францией в полной готовности к нападению.

В этих условиях поставки из СССР в Германию стратегического сырья, в особенности нефти, рассматривались западной коалицией как прямое содействие германской агрессии. В ответ была разработана операция по нанесению бомбовых ударов по бакинским и грозненским нефтепромыслам, а также железнодорожной сети в районе советско-германской границы. Начало операции было запланировано на 15 мая, однако пятью днями раньше Германия напала на Францию, и союзникам стало не до бомбардировок. Вместе с тем ясно, что, случись любая из этих двух операций, и вступление СССР в войну на стороне сил Зла было бы неизбежным.

Столь же нелепой, как «теория отсрочки», выглядит попытка объяснить заключение пакта-39 стремлением отодвинуть государственную границу дальше на запад в целях увеличения глубины стратегической обороны на пару сотен километров. Ни военная доктрина СССР, ни уставы Красной армии, ни стратегические директивы Генштаба РККА 1939–1941 гг. вообще не рассматривали стратегическое отступление в качестве возможного вида боевых действий.

На практике выдвигание советских войск на неосвоенные в инженерном отношении и политически негостеприимные присоединенные территории соседних государств повлекло за собой снижение их боеготовности. Обычным делом было отсутствие в новых местах дислокации частей РККА казарм, бань, медпунктов, стрельбищ, танкодромов и т.д., что серьезно затрудняло организацию боевой учебы и отдыха личного состава. Кроме того, красноармейская масса не отождествляла оборону новых рубежей и территорий с защитой Родины и после начала войны под германским ударом быстро покатилаь назад, создавая обстановку всеобщей паники и неразберихи. В результате вермахт прошел присоединенную территорию Белоруссии и вышел на старую границу **на третий из 1418 дней** Великой Отечественной войны. Для оккупации Литвы и Латвии понадобилась **неделя**. О каких «слагаемых Победы» можно говорить?! При этом как-то

забывается, что с согласия Москвы немцы продвинулись в Польше на восток на 400 км.

Теперь обратимся к ситуации на Балтике. Бесплезной в войне с Германией оказалась советская военно-морская база на финском полуострове Ханко, с которой так и не было произведено ни одного залпа по вооруженным силам противника. Фактически превратились в ловушки для базировавшихся там кораблей Балтийского флота порты Эстонии. Не стала особым препятствием для вермахта и территория трех прибалтийских стран.

Чем сомнительнее с точки зрения укрепления обороноспособности выглядят советские приобретения 1939–1940 гг. в Польше, Румынии и на Балтике, тем чудовищней представляется заплаченная за них цена. За Бессарабию и Буковину заплатили полномасштабным участием Румынии в войне против СССР, в которой в 1941–1944 гг. приняло участие порядка миллиона ее солдат. Платой за плацдарм на Ханко, спор вокруг которого в конечном счете привел к срыву переговоров с Хельсинки, были две кровопролитные войны с Финляндией (1939–1940 и 1941–1944 гг.) и замыкание блокадного кольца вокруг Ленинграда с севера. В целом из 2 тыс. км Восточного фронта летом 1941 г. 1200 км удерживались Финляндией и Румынией, последней при незначительном венгерском участии. Это позволило вермахту сконцентрировать свои силы на центральном московском направлении и добиться здесь феноменальных побед. Без содействия румынской армии был бы также невозможен успех крупнейшей в мировой истории операции по окружению войск противника – так называемого Киевского котла, в котором оказались до 700 тыс. красноармейцев. Советизация Прибалтики, ставшая конечной точкой в развитии ситуации в этом регионе на базе принципов пакта-39, означала уничтожение трех союзных СССР государств с сильными антигерманскими настроениями и армиями военного времени суммарной численностью порядка 400 тыс. человек. Вместо этого в ответ на советизацию Кремль получил «лесных братьев» и участие 200 тыс. граждан прибалтийских стран в вооруженных формированиях Германии. Наконец, ликвидация польского государства означала исчезновение буфера, отделявшего агрессора (Германию) от его жертвы (СССР), причем по инициативе самой жертвы, и сделала возможной знаменитую «внезапность» нападения на Советский Союз.

Некоторые историки, прежде всего «от политики», приписывают пакту заслугу срыва одновременного с немецким японского вторжения в СССР. Конечно, примирение Берлина с Москвой нанесло тяжелый удар по военно-политическому сотрудничеству Германии и Японии в рамках «антикоминтерновского пакта». Однако к 22 июня 1941 г. Токио уже мог утешиться заключенным 27 сентября 1940 г. Берлинским пактом о тройственном союзе между Германией, Италией и Японией. И если второй даль-

невосточный фронт так и не был открыт, то это, скорее, стало следствием разгрома японских войск на Халхин-Голе в ходе операции, запланированной задолго и начатой за несколько дней до подписания советско-германского договора.

Итак, никаких следов реального укрепления обороноспособности СССР перед лицом будущей германской агрессии не обнаруживается. Результат оказался прямо противоположным. В таком случае остается предположить одно из двух: либо Кремль был захвачен группой клинических идиотов, либо нам предлагают рассматривать договор Молотова–Риббентропа совершенно не в том международном контексте, на который он был рассчитан, а подгоняя его задним числом под ситуацию 22 июня 1941 г.

Напротив, все начинает выглядеть предельно логичным, достаточно предположить, что пакт-39 был скроен не под оборону СССР от германского нападения, а под устранение этой угрозы методом превентивной войны против Германии под знаменем мировой пролетарской революции. Тогда военно-политические мероприятия СССР 1939–1940 гг., в ином контексте представляющиеся контрпродуктивными, обретают смысл. Так, ликвидация польского буфера из величайшей геополитической ошибки превращается в виртуозно выполненную операцию по устранению главного препятствия на пути Красной армии в Европу, причем чужими – германскими – руками. В 1920 г. это препятствие оказалось непреодолимым для РККА, спешившей на помощь восставшему немецкому пролетариату; теперь же Германия бралась сама разрубить «польский узел», причем ценной официального вступления в войну с западной коалицией!

Становится понятным и значение переноса границ, а вернее, выдвижения советских войск на запад на 150–250 км. Во-первых, в масштабах Восточной и Центральной Европы эти километры являлись значительной частью пути на Бухарест, Будапешт, Краков и далее – на Вену и Берлин. Во-вторых, в тылу советских войск, т.е. уже преодоленными, оказывались приграничные укрепления Польши и Румынии, например, тогда еще польская Брестская крепость. Этим создавались особо благоприятные условия для быстрого развертывания советского стратегического наступления на запад. Наконец, с бессарабских и буковинских позиций было легко контролировать румынские нефтепромыслы, прекращение поставок с которых обездвигивало германскую армию по истечении буквально нескольких недель.

Итак, временная «дружба» с Германией обещала целый ряд заманчивых перспектив как общеевропейского, так и регионального значения. Со своей стороны, Берлин с убедительностью библейского змия соблазнял Москву сделать выбор именно в пользу советско-германского сближения. В роли змия выступил старый знакомец большевистского руководства,

дипломат – специалист по восточноевропейским делам Ю. Шнурре. Вот как он представил баланс *pro* и *contra* в связи с обеими возможными внешнеполитическими ориентациями СССР – прогерманской и просоюзнической, в беседе с советским поверенным в делах в Берлине Г. Астаховым 27 июля 1939 г.: «Что может Англия предложить России? Самое большое – участие в европейской войне, вражду с Германией, но ни одной устраивающей Россию цели. С другой стороны, что можем предложить мы? Нейтралитет и невовлечение в возможный европейский конфликт и, если Москва пожелает, германо-русское понимание относительно взаимных интересов, благодаря которому, как и в былые времена (благодарные времена польских разделов. – *А.Д.*), обе страны получают выгоду» (13, с. 40).

В Москве, конечно, понимали, что шнурровский анализ ситуации верен, но только применительно к первой стадии европейского конфликта – войне на западном фронте. После ее окончания – независимо от того, кто окажется победителем, – для СССР складывалась чрезвычайно опасная ситуация. Если это будет Германия, то тогда Кремль лишится всех потенциальных союзников и будет противостоять не только победоносной державе, поставившей под свой контроль ресурсы всего континента, но и ее сателлитам из числа обиженных Москвой соседей. Если одержит англо-французская коалиция, она припомнит СССР его фактически союзнические отношения с Берлином и авторитетно потребует, как минимум, восстановить в Восточной Европе статус-кво, существовавший там до советско-германского сговора.

Выдвинутое Шнурре предложение являлось дипломатической реинкарнацией разработанного еще в 1895 г. начальником Германского генерального штаба так называемого «плана Шлиффена». Его цель состояла в избавлении Германии от проклятия войны на два фронта после того, как был создан русско-французский военно-политический союз. Такая возможность возникала в связи с тем, что на проведение всеобщей мобилизации России требовалось 105–120 дней, тогда как Германии – всего 15. Полученную фору в 90–105 дней та рассчитывала использовать для скорейшего сокрушения Франции и последующей переброски войск на восточный фронт против еще не до конца отмобилизованной русской армии. *На время войны с Францией германский Генеральный штаб был готов полностью оголить свой восточный фланг ради усиления западной группировки войск и отвести свои армии за Вислу, сдав – временно! – русским всю Восточную Пруссию с Кенигсбергом, а также прочие территории.* Сделанное Шнурре предложение являлось, по существу, дипломатическим близнецом этого плана. Прежней оставалась цель: избежать войны на два фронта и бить своих противников поодиночке. Прежним оставалось средство: лишить Францию русского союзника на время войны с Герма-

нией. Прежней оставалась и цена, которую Берлин был готов заплатить за осуществление этих планов: временный – только временный – уход Германии из Восточной Европы и сдача ее русским.

Почему же было принято германское предложение? Ответ прост: в Москве не собирались ждать окончания войны на западе, а намеревались, как указывалось выше, выступить как самостоятельная третья сила и, имея союзником измученные войной народные массы Европы, превратить ее в войну общеевропейскую, гражданскую. В 1925 г. Сталин заявил, что если начнется межимпериалистическая война, «то нам не придется сидеть сложа руки – нам придется выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирию на чашу весов, гирию, которая могла бы перевесить» (16, с.14). Эту мысль он повторил через 14 лет, на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) 19 августа 1939 г. Вне плана нанесения советского превентивного удара по Европе фактическое согласие Кремля на сделанное немцами предложение пришлось бы квалифицировать как величайшую глупость или величайшее предательство.

Вот во имя чего подписывался августовский договор. На этом фоне рассуждать о пресловутой «отсрочке» или километрах перенесенных границ столь же нелепо, как спорить о том, удобно или нет забивать гвозди микроскопом (что, в принципе, возможно), забывая о его истинном предназначении. Масштаб сталинского замысла на предстоявшую войну был таков, что изучать его надо по глобусу, а не по карте в лейтенантском планшетке.

Пакт и обеспечение внутренней безопасности режима

Советско-германский договор о ненападении обычно ассоциируется у нас с поисками оптимального варианта поведения СССР в контексте международных отношений того времени. **Однако военные перспективы 1939 г. многократно усложнили также задачу обеспечения внутренней безопасности режима.** Средств для ее решения методами внутренней политики, адекватных военному времени, в сталинском арсенале не было. Пришлось искать выход из положения на путях политики внешней, и пакт-39 должен был стать таким выходом. Что мы имеем в виду?

Как нам представляется, за шахматной доской, где разыгрывался эндшпиль межвоенной истории Европы, с точки зрения Сталина, помимо трех всем известных игроков (англо-французская коалиция, Германия и СССР) присутствовал еще один, причем именно он представлял для Кремля наибольшую потенциальную угрозу. Мы говорим об остающейся в тылу режима многомиллионной антибольшевистской России. Неспособная после десятилетий террора на самостоятельное выступление, она была готова открыть второй фронт – фронт гражданской войны против коммуни-

стической деспотии при первых же запахах большой войны на западных рубежах СССР. Эта реальность предельно жестко ставила перед советской внешней политикой как ее сверхзадачу – **исключить безусловно и полностью из всех возможных сценариев развития событий в Европе вариант иностранного вооруженного вторжения на территорию СССР.** По свидетельству внука Молотова В. Никонова, «он (Молотов. – А.Д.) говорил, что шла подготовка к войне, а над страной еще довлел кошмар гражданской войны, когда внешняя интервенция сопровождалась военным расколом в обществе. Руководители страны боялись повторить этот сценарий» (1).

Действительно, политически взрывчатого материала в стране накопилось предостаточно, и Сталин отдавал себе в этом отчет. А за границей сконцентрировалась огромная эмиграция, включавшая нескольких бывших премьер-министров страны и главнокомандующих вооруженными силами России, способная возглавить новую антибольшевистскую войну. «Прорваться к Ленинграду, – делился Сталин своими опасениями на большом совещании с воинскими начальниками в ЦК ВКП (б) 17 апреля 1940 г., – занять его и образовать там, скажем, буржуазное правительство, белогвардейское – это значит дать довольно серьезную базу для гражданской войны внутри страны против Советской власти» (6, с. 272).

Мысль о том, что крестьянство, т.е. 80% населения страны, если и не восстанет против большевистской власти, то, как минимум, не станет защищать ее в случае нападения извне, была для партийной номенклатуры общим местом и нашла свое отражение во многих документах партии. Так, в 1927 г. пленум ЦК ВКП (б) признал: «Нерабочие элементы, которые составляют большинство нашей армии – крестьяне, не будут добровольно драться за социализм» (9, с. 103). Вот так, прямо и понятно: крестьянская Красная армия не будет добровольно драться «за социализм», т.е. за режим сталинской диктатуры. Обитатели Кремля прекрасно помнили, что в 1917 г. отказ армии воевать с внешним врагом за победу правящих классов свалил два режима – царский и временный – и стал прологом к Гражданской войне в России.

Если такими были настроения деревни даже в благословенном для нее по советским меркам 1927 г., то в ответ на кампанию 1928–1932 гг. по насильственному изъятию хлеба и колхозному закреплению крестьян их протест принял форму активных антиправительственных выступлений. По данным ОГПУ, в 1928 г. таковых было 1027, в 1929 г. – 9093, а в 1930 г. – уже 13 754, в которых только в январе–апреле приняли участие порядка 1,8 млн человек. 176 из этих выступлений характеризовались как «ярко выраженные повстанческие». Отряды повстанцев действовали в Воронежской, Орловской, Брянской областях, на Ставрополье, Киевщине, Кубани и Дону, в горном Дагестане и многих областях Казахстана и Сред-

ней Азии, в Сибири, Якутии и на Дальнем Востоке. Только в 1930 г. органы ОГПУ привлекли по делам об участии в антиправительственных выступлениях 179 620 человек, 20 тыс. из которых были расстреляны (8, с. 890).

Напуганный размахом этих выступлений, в начале марта 1930 г. Сталин дает коллективизаторскому шабашу «задний ход» публикацией статьи «Головокружение от успехов», приоткрывавшей возможность выхода крестьян из ненавистных колхозов. Объясняя необходимость этого шага, в секретном циркулярном письме в начале апреля 1930 г. ЦК ВКП (б) сообщал: «Если бы не были незамедлительно приняты меры..., мы бы имели теперь волну повстанческих крестьянских выступлений, добрая половина наших “низовых” работников была бы перебита крестьянами, был бы сорван сев, было бы подорвано колхозное строительство и было бы поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение». Продолжение ошибочной политики, говорилось в письме, ведет к превращению антиколхозных выступлений в антисоветские, а широкое применение армии в борьбе с крестьянским протестом может сказаться на ее лояльности властям (17, с. 365–370).

И действительно, в 1932 г. особыми отделами ОГПУ в частях Красной армии было зафиксировано свыше 300 тыс. антисоветских высказываний, в 1933 г. – почти 350 тыс., из которых 4 тыс. носили характер угроз повстанческой деятельности. В 1932 г. эти угрозы реализуются, например, в ходе очередного восстания на Кубани, к которому присоединяются и красноармейцы. Но роптали отнюдь не только «нижние чины»: в 1933 г. в антисоветских высказываниях были уличены свыше 100 тыс. командиров и воинских начальников (8, с. 896).

Да, войну 1928–1933 гг. крестьянство, оставленное без политического руководства и плохо вооруженное, проиграло, потеряв на ней несколько миллионов человек. Теперь его надежды на избавление от ужасов коммунистической деспотии возлагались – и об этом ОГПУ регулярно информировало Сталина в своих обзорах о настроениях среди населения – на помощь извне, главным образом со стороны Англии, Франции, Польши и даже Папы Римского, а на Дальнем Востоке – Японии и США. Советская пропаганда сама способствовала распространению этих настроений, напирая на классовый характер будущих войн империализма с СССР, т.е. за свержение коммунистической власти, против чего миллионы Макарычей и Федорычей, собственно говоря, ничего не имели.

Немногим лучше было положение рабочих. Еще не достигнув в 1928 г. в целом показателей 1913 г., их жизненный уровень начал вновь резко падать. Это стало результатом массового применения неквалифицированного и подневольного труда, повышения норм выработки, закрепления рабочих за фабриками, внедрения системы штрафов и принудительных

госзаймов, а также возвращения карточной системы распределения из-за хронического товарного голода, вызванного физическим сокращением производства товаров народного потребления в годы первых пятилеток.

Конечно, в результате политической работы и сравнительной доступности социальных лифтов в стране постепенно формировалась собственно советская политическая нация. По подсчетам Л.Д. Троцкого, перед войной она, однако, составляла лишь порядка 8–10% населения страны (18, с. 565) и потому не могла кардинально изменить в целом антагонистический характер отношений общества и власти. При этом постоянное ужесточение курса партии в сфере политики, экономики, социальных и религиозных отношений плодило активных противников режима из числа еще вчера аполитичных слоев населения. В самом деле, ведь основывался на чем-то вывод Сталина об обострении классовой борьбы в период развернутого построения социализма в СССР.

В правительственной Москве предвидели опасность двух типов интервенции. Главную угрозу представляло широкомасштабное германское вторжение, способное потрясти основы советского режима и дать мощный толчок развитию антикоммунистического движения внутри страны. Противостоять этой угрозе методами внешней политики в Кремле рассчитывали, развернув германскую агрессию на запад (данная задача решалась подписанием пакта-39) и оставаясь возможно дольше нужными Берлину в политическом и экономическом отношениях, что стало главным содержанием международной деятельности Кремля в 1939–1941 гг. Как признавал Молотов в одной из бесед лета 1940 г., «сегодня мы поддерживаем Германию, однако ровно настолько, чтобы удержать ее от принятия предложений о мире» на Западном фронте с целью максимально истощить ее силы (цит. по: 5, с.40). Окончательно снять опасность немецкого вторжения в СССР должен был удар Красной армии, время и условия которого определялись бы самим Кремлем.

Нейтрализация германской угрозы указанным выше способом имела, однако, тот недостаток, что на первом этапе его реализации давала Лондону и Парижу основания рассматривать СССР как фактического союзника Германии, т.е. воспроизводилась ситуация весны 1918 г. – кануна антантовской интервенции в Советскую Россию. Поэтому наряду с широкоформатной германской интервенцией в Москве рассматривали возможность осуществления ее точечной модификации силами англо-французской коалиции по примеру 1918–1919 гг., т.е. путем высадки экспедиционных сил все в тех же Мурманске и Архангельске – на севере и Одессе и Новороссийске – на юге. (Что эти опасения советского руководства не были беспочвенными свидетельствуют упомянутые выше планы мурманского десанта и бомбардировок Баку и Грозного 1940 г.) И чем больше СССР

логикой событий втягивался в орбиту германской внешней политики, тем вероятнее было такое вмешательство.

Контрмерами советского правительства в отношении возможной англо-французской интервенции на севере стали попытки установления контроля над акваторией Кольского полуострова. В целях решения этой задачи, а заодно и окончательного снятия «проблемы Ленинграда», СССР был даже готов пойти на новый виток военной конфронтации с Финляндией. Вот почему для Москвы оказалась как нельзя более кстати оккупация вермахтом в апреле 1940 г. Дании и Норвегии, окончательно отрезавшая Финляндию от западных союзников и затруднившая им доступ на русский север. Посол Шуленбург доносил в Берлин, что эти события «должны были принести советскому правительству большое облегчение – снять огромное бремя тревоги» (13, с. 196). О том же свидетельствовал искренне теплый тон статей в советской прессе и сталинских поздравлений Гитлеру по поводу этих побед германского оружия¹.

Что касается южного пути вероятной англо-французской интервенции, то здесь центральное место занимал вопрос о статусе черноморских проливов, которые Сталин и Молотов называли «воротами для нападения Англии на СССР». В ходе берлинских переговоров 1940 г. нарком потребовал пересмотра конвенции в Монтрё (о порядке прохода военных судов через Босфор и Дарданеллы) в пользу Советского Союза и, чтобы закрыть «ворота» навсегда, создания в районе проливов советской военно-морской базы, а также установления протектората над Болгарией (13, с. 287–289).

Надо, однако, иметь в виду, что самостоятельно угроза англо-французской интервенции не существовала и возникала только как реакция на образование оси Москва – Берлин. Следовательно, задабривать Лондон и Париж установлением «особых отношений» до заключения договора с Германией не было никакой необходимости. Выходило, что единственным объектом советской политики умиротворения летом 1939 г. мог быть только Берлин. Таким образом, **взятая во всей полноте действительность решительно сдвигала проблематику советского выбора между двумя европейскими центрами силы в сторону учета в первую очередь его внутривнутриполитических последствий для СССР.**

Здесь следует отметить, что ужас Кремля перед крестьянской Вандеей руководил вообще всеми его решениями и действиями в сфере военной и политической подготовки к будущей войне. Прежде всего, должно упомянуть о советской военной доктрине, квинтэссенцией которой стал лозунг «бить врага на его собственной территории». После похмелья 1941–1945 гг. было принято считать эту доктрину продуктом предвоенных шапкозакидательских настроений «стратегов» уровня Ворошилова и Бу-

¹ См., например: Известия. – М., 1940. – 11 апр.

денного. Теперь же мы видим, что на деле это было честным переложением на язык ротного «Боевого листка» самой сокровенной военно-политической тайны режима.

В наступательном характере доктрины отразился также обретенный в годы Гражданской войны опыт руководства крестьянской по составу армией в условиях по-разному складывавшегося положения на фронтах. Было установлено, что сформированные из насильно мобилизованных крестьян воинские части при отступлении быстро выходили из подчинения командованию, проявляли склонность к массовой сдаче в плен и дезертирству, а то и к избиению комиссарствующих. С другой стороны, те же самые части в условиях наступления были легко управляемыми и вполне стойкими в бою. Как свидетельствовал один английский дипломат, посетивший в 1920 г. лагеря советских военнопленных из наступавшей на Варшаву армии Тухачевского, на 9/10 это были забытые, не понимавшие, куда и зачем их гонят, крестьяне. Однако ж, вот, едва не проложили себе путь в Европу.

Эти особенности внутривойсковой обстановки и вытекающие из них специфические характеристики его вооруженных сил неизбежно приводили советское руководство к заключению, что **отступающая армия была ему не только не нужна, но и представляла самостоятельную угрозу для его существования**. Соответственно, задачей политического руководства, не слишком доверявшего армии, о чем свидетельствовали и репрессии 1937–1938 гг., было поставить ее в положение, исключавшее возможность такого отступления. А имелось ли у Кремля решение этой проблемы? Имелось, и весьма остроумное. Убежать от угрозы интервенции и сопутствующей ей гражданской войны Сталин мог, но не куда-то назад, поскольку, как уже отмечалось, глубокого социального тыла у его режима не было, а исключительно – вперед, в Европу. Надо только было нанести по внешнему врагу упреждающий удар. Этим ударом решались все проблемы сталинского режима. Прежде всего, исключалась главная угроза – угроза смычки иностранной интервенции с внутренней антибольшевистской Россией. Далее, Красная армия из обороняющейся и отступающей, следовательно, разваливающейся на антисоветские куски, становится наступающей со всеми отмеченными выше благотворными последствиями. Находясь в европейском походе, она, кроме того, будет изолирована от политически вредного влияния крестьянской массы, а та останется безоружной. Наконец, полностью выводится из игры так страшившая Сталина антибольшевистская эмиграция. Выходило, что для Кремля **нападение было не только наилучшим, но и единственно возможным способом самозащиты**.

Концепция упреждающего удара позволяет, наконец, понять, почему в ходе трехсторонних переговоров Москва так настаивала на пропуске

советских войск через территорию Польши. Казалось бы, польский отказ ставил СССР в исключительно выгодные условия: располагать англо-французскими союзническими обязательствами на случай нападения Германии на Советский Союз, будучи самому освобожденным польским отказом от выполнения встречных обязательств перед Парижем и Лондоном. На самом деле требовали не пропуска войск, а права на их выдвигание как можно дальше на запад, чтобы встретить врага на чужой территории вдали от собственной границы.

Вот, наконец, мы и стоим в точке совмещения стратегической задачи режима – задачи по его самосохранению с тактическими задачами вовлечения капиталистической Европы в междуособную войну и, следом, социальную революцию. Все три задачи идеально накладывались друг на друга, причем последние две были одновременно и средством решения стратегической первой, и заветной целью всей международной деятельности партии большевиков. Собственно заключение Договора о ненападении, разработка секретных приложений к нему, подготовка планов военного выступления на запад, наконец, проектирование мировой революции – все это были, как в сказке о Кощее, только ларец на дубе, заяц из ларца, утка из зайца, яйцо из утки. Иными словами, мероприятиями, имевшими, в определенной степени, самостоятельное значение, но по существу игравшими подчиненную, служебную роль по отношению к главной задаче по спасению режима.

Как известно, в яйце находилась еще игла, на кончике которой и таилась Кошеева смерть. 22 июня кремлевский кощей решил, что кончик сломан. Отсюда происходили непрерывные истерические приказы Ставки первых месяцев войны о переходе в генеральное наступление. Попытки выполнить их сделали невозможным осмысленно организованное отступление и только способствовали катастрофе лета – осени 1941 г. Здесь же следует искать объяснение сталинской мольбе к Гитлеру о пощаде в конце июня 1941 г. Поскольку последний факт остается для многих неизвестным, остановимся на нем подробнее.

Итак, в августе 1953 г. по требованию высшего партийного руководства знаменитый чекист Павел Судоплатов подготовил пояснительную записку о сталинском поручении, переданном ему через Л. Берия в **конце июня 1941 г.** Ему было приказано выйти на Гитлера через болгарского посланника в Москве Стаменова с неофициальным предложением о немедленном заключении мира в обмен на территориальные уступки со стороны СССР – этакое Бреста-2. Назывались Украина, Прибалтика, Бессарабия, Буковина. Список уступаемых территорий оставался открытым для его пополнения по требованию германского правительства¹. Ответа из

¹ Архив Президента Российской Федерации. Ф.3. Оп.24. Д.465. Л. 204-208.

Берлина не последовало, однако вопрос о мотивах сталинского поведения остается.

Действительно, что такого непоправимого произошло на советско-германском фронте за три-пять дней боев, что оправдывало бы это позорнейшее унижение и такие огромные жертвы территориями и их населением? Погибли 10–15–20 тыс. человек? Так что из того: для западной группировки Красной армии численностью 3 млн 290 тыс. человек это несущественно, тем более что в стратегическом резерве стоит еще 51 дивизия; также имеются боеспособные сибирская и дальневосточная группировки, а в мобилизационной очереди насчитывается порядка 35 млн человек. Враг углубился на пару сотен километров? Так ведь Кутузов и Москву сдавал, а потом русские брали Париж!

Нет, не Гитлера испугался Сталин, а материализации застарелого кошмара о возобновлении Гражданской войны в условиях новой иностранной интервенции. Перед растерявшимися обитателями Кремля маячил самый верный и грозный признак этой войны – отказ вооруженной до зубов Красной армии защищать коммунистическую власть. То, что раньше в материалах пленумов было лишь прогнозом, догадкой, стало кошмарной реальностью. В беседе с посланцем президента Рузвельта А. Гарриманом осенью 1941 г. Сталин сокрушался: «Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за советскую власть» (цит. по: 10, с. 44), а своим ближайшим соратникам менее дипломатично заявил, что вместе они проср...ли страну, полученную в наследство от Ленина.

Пытаясь спасти положение, Сталин решает апеллировать к патриотическим и даже религиозным чувствам народа и по радио лицемерит на тему «братьев и сестер». Однако армия не расслышала этого заискивающего призыва и принялась разбегаться, разваливаясь на ходу невиданными, воистину фантастическими темпами: за пять летне-осенних месяцев 5 млн сдавшихся в плен и дезертировавших (3,8 млн и 1,2 млн человек соответственно). Из этих 3,8 млн пленных 200 тыс. были перебежчиками. Еще около 700 тыс. «отставших от своих частей» были остановлены заградотрядами НКВД и часть из них расстреляна. Порядка 320 тыс. красноармейцев – это эквивалент численности трех армий! – немцы взяли в плен, но затем отпустили по домам. Доля такого рода потерь в общем количестве потерь Красной армии составляла, по советским скорее всего заниженным данным, для Центрального фронта 71,2%, для Брянского – 71,3, для Юго-Западного – 77,2% (4, с. 234–246). При этом речь идет о кадровой РККА – профессиональном военном организме образца лета 1941 г., выпестованном режимом для Великого европейского похода. Равной ему по качеству и уровню подготовки личного состава Красная армия уже не станет вплоть до окончания войны. Известна и такая цифра: из 2,4 млн вы-

живших в немецких лагерях советских военнопленных 950 тыс., т.е. 40%, поступили на службу в вермахт и национальные антисоветские формирования.

Еще одним характерным для 1941 г. явлением стало массовое уклонение от призыва, особенно в прифронтовых областях. В результате всего за два летних месяца мобилизационные потери Красной армии на этой территории составили 5631 тыс. человек. Из числа же призванных в свои части не явились 30–45% новобранцев, а на Западной Украине – абсолютное большинство.

Справедливости ради надо сказать, что в основе отказа армии воевать летом 1941 г. лежал не только крестьянско-большевистский антагонизм. На этот антагонизм наложилась традиционная отчужденность крестьянского сознания от самой идеи государства. «Большинству русских людей была незнакома идея единства культурного наследия и общности судьбы, что составляет основу всякой гражданственности, – обобщал опыт Первой мировой войны ее участник и видный военный теоретик генерал Николай Головин. – Мужичьему сознанию была далека категория “русскости”, и себя они воспринимали не столько как русские, а, скорее, как вятские, тульские и т.д., и пока враг не угрожал их родному углу, они не испытывали истинно враждебного чувства к нему» (3, с. 65).

Именно это, в частности, и произошло в первые недели войны, которая застала крестьянскую Красную армию в экзотических, а потому безразличных для пензенских и самарских мужичков Буковине, Бессарабии, Латгалии и Курляндии. Сталин мог не читать Головина, но как великий знаток законов массового сознания сразу же ухватил суть дела. Уже в первом своем выступлении военного времени 3 июля 1941 г. он потребовал, «чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности... Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными...». Однако должно было пройти целых десять месяцев, прежде чем в приказе по армии от 1 мая 1942 г. он смог констатировать: «Исчезли благодушие и беспечность в отношении врага, которые имели место среди бойцов в первые месяцы отечественной войны. Зверства, грабежи и насилия, чинимые немецко-фашистскими захватчиками над мирным населением и советскими военнопленными, излечили наших бойцов от этой болезни» (15, с. 10–11, 52). Впрочем, даже весной 1942 г. Сталин говорил скорее о наметившейся тенденции, чем об уже свершившемся в народном сознании повороте.

На отсутствие враждебности в широких слоях советского населения в отношении Германии и ее представителей указывают и многочисленные немецкие источники. Личный архитектор Гитлера и рейхсминистр вооружений и военной промышленности А. Шпеер, например, так вспоминал

свой первый приезд в Винницу в район строительства ставки фюрера: «На следующее утро – стоял необычайно жаркий сухой день – я с несколькими спутниками отправился осматривать окрестности. Но когда я вошел в одну из убогих лачуг, мне радушно предложили хлеб с солью... В тот день я мог ездить по деревням без вооруженной охраны» (21, с. 180). А вот свидетельство советника посольства Германии в СССР Густава Хильгера об эвакуации кружным железнодорожным путем через Кострому и Ленинск-Заводской занимавшего целый вагон персонала посольства уже после начала боевых действий: «В течение всего путешествия я не слышал ни одного недружественного слова и не видел ни одного враждебного жеста. Отсутствие малейшей психологической готовности в русском народе к возможности этой войны с Германией было одной из причин отсутствия боевого духа, проявленного Красной армией на первом этапе войны» (19, с. 399).

Первые же разрывы снарядов и авиационных бомб на советской территории были восприняты Сталиным не только как начало германского нападения на СССР, но и как сигнал к восстанию против его режима. Пытаясь подавить его в зародыше, Сталин обрушил на потенциального внутреннего врага лавину жесточайших репрессий. В первый день войны уже готов новый расстрельный список по г. Москве; в последующие несколько дней аналогичные списки составляются по всей стране, включая глубокие тыловые районы. Политическая характеристика репрессируемых, – а это были чудом уцелевшие после Большого террора участники белого и повстанческих движений, партийные оппозиционеры, эсеры и меньшевики, представители прежних привилегированных классов и т.п., – не оставляла места сомнениям относительно цели этой кровавой кампании: обезглавить окончательно, до десятого колена, ожидавшуюся Сталиным антикоммунистическую революцию.

Параллельным курсом шло уничтожение в тюрьмах ранее заключенных неблагонадежных, особенно под предлогом сложности эвакуации. Таковых, по чекистским отчетам, к 4 июля 1941 г. насчитывалось уже 6490 человек. 8–9 июля в Пскове политических сожгли заживо вместе с тюрьмой. Обобщенные данные, приводимые историком О. Будницким, говорят о том, что во второй половине 1941 г., т.е. после начала войны, число смертных приговоров на территории РСФСР – **исключительно в тылу, без учета репрессалий на фронте и в армии** – выросло по сравнению с первой половиной года в 11,5 раза! «С чего начинается война? С массовых репрессий, с колоссальной зачистки страны... Происходят массовые аресты и расстрелы по всей стране... и масштабы сопоставимы с Большим террором», – утверждает Будницкий. Эту политику репрессий Молотов в одной из бесед с писателем Чуевым оправдывал тем, что иначе

«на миллионы было бы больше жертв. Пришлось бы отражать и немецкий удар, и внутри бороться» (20, с. 406).

Если дезертирство, добровольная сдача в плен и уклонение от призыва были относительно пассивными формами борьбы с режимом, то, как опасался Сталин, следующим шагом станет формирование, при германской поддержке и участии белой эмиграции, в лагерях для военнопленных многомиллионной антибольшевистской армии. Эти опасения были порождены, в частности, опытом советско-финляндской войны, а именно формирования из пленных красноармейцев пяти добровольческих отрядов антисталинской Русской народной армии, в чем самое активное участие приняли офицеры Российского общевоинского союза.

Подобная угроза в глазах Сталина выглядела столь реальной, что по его приказу № 270 от 16 августа 1941 г. эту несуществующую армию (т.е. массы оборванных и голодных красноармейцев, которых немцы держали в плену на колхозных полях) надлежало поголовно уничтожить в превентивном порядке «всеми средствами, как наземными, так и воздушными», имевшимися у Красной армии. И, ведь, страшно сказать, сколько могли, бомбили и уничтожали...

Неверие Сталина в лояльность РККА было столь велико, что сразу после начала войны у него вызывает решение о создании альтернативной армии – армии народного ополчения. В выступлении 3 июля он требует собирать такое ополчение «в каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага» (15, с. 14). Фактически речь шла о замене крестьянской армии на армию сконцентрированной в городах «советской политической нации», о которой говорилось выше.

Наряду с этим Сталин в отчаянии планирует, казалось бы, уже вовсе экзотический шаг – привлечь английские войска для спасения своего режима от германской угрозы. В послании к У.Черчиллю от 13 сентября 1941 г. Сталин пишет: «Я не сомневаюсь, что Английское Правительство желает победы Советскому Союзу и ищет путей для достижения этой цели... Мне кажется, что Англия могла бы без риска высадить 25–30 дивизий в Архангельск или перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР по примеру того, как это имело место в прошлую войну во Франции» (12, с. 118).

Ни одна из этих двух затей так и не была реализована в полной мере, каждая по своей причине. Но была и общая причина – успешное зимнее контрнаступление советских войск под Москвой, которое Сталин ошибочно поспешил принять за коренной перелом в ходе войны. Этим успехом Красная армия на время, до стратегического провала лета 1942 г., реабилитировала себя в его глазах и положила конец лихорадочным кремлевским поискам экзотических альтернатив.

Наступление под Москвой развенчало не только миф о непобедимости вермахта, но и придуманную адвокатами режима сказку о военно-технической неподготовленности РККА к борьбе с ним. Придуманную только с одной целью: скрыть истинную причину трагедии и позора 1941 г. В роли главного сказочника выступил сам вождь. Сказка начиналась со смехотворных сетований на внезапность нападения, на отсутствие формального объявления войны. Затем все дело оказалось в танках и самолетах. «Причина временных неудач нашей армии состоит в недостатке у нас танков и, отчасти, самолетов, – заявил Сталин 7 ноября 1941 г. – Наша авиация по качеству превосходит немецкую авиацию... но самолетов у нас пока еще меньше, чем у немцев. Наши танки по качеству превосходят немецкие танки... но танков у нас все же в несколько раз меньше, чем у немцев» (15, с. 23). На самом деле, по состоянию на 22 июня по количеству танков РККА превосходила вермахт и его союзников в 3,8 раза, по самолетам – в 2,2 раза.

Заложенную Хозяином традицию продолжила его идеологическая обслуга. По очереди предлагались вымыслы о германском преимуществе в стрелковом оружии и артиллерии, о тотальном превосходстве в средствах связи и механической тяги и т.д. и т.п. По мере разоблачения этих вымыслов «поиски» причин катастрофы 1941–1942 гг. уходили все дальше в частности, вплоть до сравнения характеристик топливных фильтров на советских и немецких танках. Еще немного, и дело окажется в размере и форме красноармейской портянки.

О значении начатого под Москвой контрнаступления сказано давно, много и правильно. Но не всё. Главное, на наш взгляд, состояло в том, что оно позволило советской государственной власти сохраниться до той поры, покуда в глазах 9/10 народа германское нашествие из кары Божьей сатанинскому режиму не превратилось в то, чем оно являлось прежде всего, – в угрозу национальному существованию большинства народов СССР. Превращение советско-германской войны в войну отечественную не было, конечно, одномоментным актом для жителей разных регионов огромной страны и растянулось где-то с весны 1942 г. по весну 1943 г. Сказались порой значительные различия в режиме оккупации, ее продолжительность, предшествующий опыт отношений с советской властью и т.д.

Хотя история выбрала для себя несколько иные пути, нежели те, которые виделись Сталину до и в самом начале войны, в главном он оказался прав: **во всех внешнеполитических расчетах 1939 г. фактор вероятной гражданской междоусобицы в СССР им учитывался, и не зря, как наиглавнейший.** То, что чаша сия пусть и не миновала его совсем, но оказалась заполненной лишь на доньшке, рассматривалось Сталиным до конца жизни как величайшее из спасительных чудес, тем большее, что сотворено оно было его смертельным врагом. Именно Гитлер решительно и

последовательно пресекал любые попытки военной и политической самоорганизации антибольшевистского движения в стране, не говоря уже об оказании ему поддержки. Ни о каком создании национального «буржуазного белогвардейского правительства» на занятой территории, ни о каком привлечении сил эмиграции к военной и политической работе, чего так опасался Сталин, и речи не было. А безумная оккупационная политика фюрера, ставившая целью уничтожение не просто режима, но самой государственности, культуры и образа жизни обрекаемых на вымирание людей, сковала цепью общей судьбы власть и измордованный ею народ – вместе победить или погибнуть! – и выдала режиму индульгенцию на еще 50 лет существования, до августа 1991 г.

Вспомним, наконец, знаменитый тост «За русский народ!», поднятый Сталиным 24 мая 1945 г. на торжественном приеме в Кремле в честь победы в Великой Отечественной войне. Удивительный по своей кажущейся неуместности, но многое объясняющий тост! Среди грома литавр вождь-победитель вдруг вновь заговорил о чудесном избавлении от кошмара гражданской войны. По существу весь тост был выражением благодарности народу за то, что он не воспользовался удобным случаем поквитаться с режимом. «У нашего правительства было немало ошибок, – признал Сталин. – Какой-нибудь другой народ мог сказать: вы не оправдали наших надежд, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой». И закончим цитату: «Это могло случиться, имейте это в виду» (14). (Последнюю фразу Сталин произнес на приеме, но вычеркнул из переданной в печать стенограммы выступления.)

Не случилось. Не случилось, несмотря даже на то, что число советских граждан только на военной службе у противника составило 1 млн 250 тыс. человек, что в три раза превышало численность всех белых армий в победном для них 1919 г. Не случилось, потому что Гитлер не допустил выделения антибольшевистского движения в самостоятельную национальную силу. Политически оно осталось немым, по крайней мере не услышанным народом, а в военном плане – интегрированным в германские вооруженные силы.

Авантюристический характер рапальской внешнеполитической игры, венцом которой стало заключение пакта Молотова–Риббентропа, предполагал только один вид ставки – ва-банк, т.е. «все или ничего». 22 июня кремлевским макиавелли выпало «ничего». Германия, которую они считали послушным орудием в своих руках, обрушивается всей мощью на своего самонадеянного «кукловода». Все потенциальные союзники СССР уже скормлены ей во имя рапальской химеры; все соседние страны вытолкнуты советской силовой политикой 1939–1940 гг. в лагерь явных врагов или затаившихся недоброжелателей; население страны ограблено и пре-

вращено в рабов ради реализации чуждых ему рапальских замыслов Кремля и потому не горит желанием защищать режим.

Этот тяжелейший урок не пошел советскому руководству на пользу, и как только произошло «чудо на Волге» и война начала откатываться на запад, рапальские мечты вновь прочно обосновались в Кремле. Вновь стало казаться, что для этого есть все основания. Действительно, историк Ю. Фельштинский справедливо указывает, что «операция по разжиганию войны в Европе руками Гитлера была столь крупномасштабна, что переломить ее наступательный победоносный дух не смогли даже величайшие поражения Красной армии летом и осенью 1941 г. Советские войска все равно вошли в Берлин и утвердили коммунистическую систему управления в Восточной Европе. Только произошло это четырьмя годами позже» (13, с.22).

Однако этот грандиозный триумф был лишь промежуточным итогом операции, начатой в итальянском Рапалло в далеком 1922 г. По гамбургскому счету запланированная там стратегическая многоходовка, ставшая на долгие десятилетия содержанием и смыслом советской внешней политики и имевшая целью завоевание мирового господства, оказалась губительной антинациональной авантюрой и в середине 80-х годов закончилась крахом самого СССР, рухнувшего под невыносимым бременем невыполнимых имперских задач.

Список литературы

1. Вячеслав Никонов объяснил выход с портретом Молотова на «Бессмертный полк» // Московский комсомолец. – М., 2016. – 10 мая.
2. Год кризиса. 1938–1939: Документы и материалы. – М.: Изд-во политической литературы, 1990. – Т.2. – 432 с.
3. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. – М.: Кучково поле, 2001. – 440 с.
4. Гриф секретности снят: Статистическое исследование / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. – М.: Воениздат, 1993. – 416 с.
5. Донгаров А.Г. Между Рейном и Волгой // Родина. – М., 1991. – № 5. – С. 40.
6. Зимняя война, 1939–1940. – М.: Наука, 1998. – Кн.2. – 295 с.
7. Зоря Ю.Н., Лебедева Н.С. 1939 год в нюрнбергских досье // Международная жизнь. – М., 1989. – № 9. – С. 137.
8. История России. XX век. 1894–1939. – М.: Астрель: АСТ, 2009. – 1024 с.
9. История России. XX век. 1939–2007. – М.: Астрель: АСТ, 2010. – 847 с.
10. Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995. – 512 с.
11. Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. – М.: Высшая школа, 1992. – 303 с.
12. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы. – М.: Политиздат, 1984. – Т. 1: 1941–1943. – 510 с.
13. СССР–Германия. 1939–1941. Секретные документы. – М.: Эксмо, 2011. – 384 с.
14. Сталин И.В. «За русский народ!» // Известия. – М., 1945. – 25 мая.

15. Сталин И.В. О Великой Отечественной Войне Советского Союза. – 4-е изд. – Хабаровск: Дальгиз, 1946. – 160 с.
16. Сталин И.В. Сочинения. – М.: Госполитиздат, 1947. – Т. 7.
17. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: в 5 т. – М.: Росспэн, 2000. – Т. 2. – 927 с.
18. Троцкий Л.Д. Мировая революция. – М.: Эксмо, 2012. – 608 с.
19. Хильгер Г. Мейер А. Россия и Германия. Союзники или враги? – М.: Центрполиграф, 2008. – 416 с.
20. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. – М.: Терра, 1991. – 267 с.
21. Шпеер А. Шпандау: Тайный дневник. – М.: Захаров, 2010. – 229 с.
22. Documents on German Foreign Policy. 1918–1945. Series C (1933–1937). – Wash.: U.S. Gov. Printing Office, 1954.

О.В. БОЛЬШАКОВА

***КОНЦЕПТ «ЗАПАД» И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ
ОБРАЗЫ РОССИИ***

Противопоставление России Западу занимает центральное, даже системообразующее положение в политическом воображении нашего общества, все более склонного видеть мир в категориях «мы» и «они». Это противопоставление давно уже стало общим местом, оно кажется чем-то «естественным» и почти извечным. Историки, однако же, склонны датировать начало противостояния «замечательным десятилетием» 1838–1848 гг., когда в русском обществе громко звучали споры славянофилов и западников. Именно тогда, в пору становления «романтического национализма», были сформулированы две точки зрения на Россию и ее место в мире, вокруг которых вплоть до сегодняшнего дня вращаются общественные дискуссии о путях развития страны.

Для истории срок небольшой, но с точки зрения современного человека споры, длящиеся без малого два столетия, – почти вечность. Тем удивительнее накал страстей, превративших дискуссии в противостояние, которое пронизывает все сферы современной жизни, от семьи до «высокой» политики. Сегодня «Запад» стал главным действующим лицом в отечественном публичном дискурсе; официально он признан антитезой «российской цивилизации» и все реже выступает в качестве примера для подражания. Более того, поскольку под «Западом» подразумеваются прежде всего страны – члены НАТО во главе с США, речь идет о сопернике и потенциальном противнике. А с противника, как известно, пример не берут, – во всяком случае, не говорят об этом вслух.

Тем не менее критические голоса из «прозападного» лагеря еще не смолкли окончательно. В числе их аргументов чаще других звучат следующие: во-первых, Россия в силу целого ряда причин безусловно является частью Европы, во-вторых, «Запад» – разный, нельзя противопоставлять России чему-то неопределенному. Однако в данном случае как раз можно. Хотя большинство дискуссионщиков и не отдадут себе в этом отчета, речь идет о дискурсивном «Западе», которому противопоставляется дискурсивная «Россия». Иными словами, используются некие культурные

конструкты, которые в современных социальных и гуманитарных науках называют «концептами».

Столь востребованный сегодня в нашей стране социально-политический концепт «Запад» довольно сложен по своему составу и размыт: одновременно он может указывать на группу стран, на цивилизацию, на соответствующий образ жизни. В отличие от географического понятия, обозначающего направление и сторону света, концепт «Запад» имеет не только пространственное, но и временное измерение, поскольку включает в себя категории истории, современности и прогресса. Наполнен он и политическими коннотациями, отсылая к таким понятиям, как рациональность, свобода, демократия, конституционное правление, власть закона, средний класс, частная собственность, индивид и т.д. Обладая, как и любой концепт, ценностной и образно-метафорической составляющими, «Запад» приобрел в XX в. особенно сильную эмоциональную власть над умами. Он превратился в оружие политической борьбы, в инструмент для выковывания национальной идентичности, одновременно придав прежде универсальным идеалам пространственное измерение (наиболее очевидным примером является здесь «западная демократия») (29, с. 7–8). В зарубежных исследованиях истории России европоцентристский концепт «Запад» долгое время занимал центральное место, оказывая влияние на формирование определенных «историографических образов» нашей страны.

Надо сказать, что и сам концепт «Запад» имеет свою историю (и предисторию); на протяжении столетий все новые составляющие наслаивались друг на друга, образуя живое и изменчивое целое. Будучи по природе своей реляционным, т.е. существующим исключительно во взаимоотношениях с другими семантическими полями и категориями, «Запад» обретает свою дискурсивную силу и смысл благодаря «контрконцептам» – антонимам, которые носят асимметричный, подчиненный характер. Это прежде всего статичный, пассивный «Восток»; он выступает носителем негативных черт, не только противоположных, но и «низших» по отношению к активному, динамично развивающемуся рациональному «Западу». Однако немаловажными на разных этапах являлись и другие антонимы, в частности такие идеологически нагруженные, как «восточное варварство», «восточный деспотизм», «азиатский способ производства» (29, с. 8).

Механизм бинарных оппозиций, структурирующий картину мира (где «верх» не существует без «низа», «правое» предполагает наличие «левого»), считается ведущим при конструировании идентичностей стран, народов, континентов, которые вырабатываются посредством концептуальной пары «Я–Другой». Примечательно, что Россия (как территориально-государственное образование и как социально-политический концепт) играла в этом процессе далеко не последнюю роль. Для «Запада» в разные исторические периоды она выступала в качестве конституирующего зна-

чимого «Другого»: путем отталкивания в западном сознании строился позитивный «автообраз» (см., в частности: 5, с. 14–15).

Попробуем заняться изысканиями в духе «археологии знания» и «истории понятий», чтобы реконструировать процесс формирования концепта «Запад», одновременно подчеркнув его неразрывную связь с Россией. Эта сопряженность отражается, в частности, в тех историографических образах, которые возникали и тиражировались в зарубежной науке. Не следует при этом забывать, что не менее значимым (и даже главным) «Другим» для европейцев являлась Турция. На протяжении веков она играла ведущую роль в оппозиции «Запад–Восток» – основополагающей для европейского (а затем и американского) политического воображения.

Таким образом, концепт «Запад» будет рассмотрен в его взаимосвязи с «Востоком», где дискурсивная «Россия» занимала двойственное положение, находясь, как известно, одной ногой в Европе и другой – в Азии. Историко-археологический метод позволяет выявить точки возникновения таких значимых концептуальных пар, как «Европа–Азия», «цивилизация–варварство», «прогресс–отсталость», которые стали интегральными составляющими оппозиции «Запад–Восток». Целый ряд входящих в нее понятий возникли еще во времена Античности, активно использовались в Средние века и в период раннего Нового времени, хотя означали не совсем то, что сегодня. Сама же эта оппозиция начала оформляться лишь в XVIII в. и ассоциируется с эпохой Просвещения. При всей неизбежной упрощенности попытка историзации позволит, с одной стороны, продемонстрировать относительность вроде бы «извечных» категорий, с другой – понять что-то о современной ситуации, которую никак нельзя назвать урядной.

Истоки оппозиции «Запад–Восток»

С эпохи Античности ведут свою историю названия частей света Европы и Азии. Их символические взаимосвязи формировались так же постепенно, как и границы. С накоплением новых, политических смыслов получает распространение противопоставление «Европа–Азия». Исследователи отмечают, что термин «Европа» вошел в употребление и приобрел свое политическое значение только во второй половине XVI в., когда активизируется процесс строительства европейской идентичности (46, с. 44; о формировании Восточной Европы см.: 3). Однако разделение на Запад и Восток в тот момент еще не было актуальным. Известно, что Ренессансу было присуще унаследованное от римлян разделение стран на цивилизованный Юг и варварский Север (включая Францию и Германию), и еще довольно долго Россию относили к странам Северной Европы вместе с Польшей, Швецией и Данией (3, с. 35–36). Отголоски этих воззрений про-

звучали в 1894 г., когда основоположник американской русистики профессор Гарвардского университета А.К. Кулидж призвал коллег к изучению «истории Северной Европы» (23, с. 1137). Во второй половине XX в. разделение на Север и Юг начинает вновь обретать актуальность в процессе глобализации, правда, полюса на этой оси поменялись местами. Теперь развитому Северу – Европе и США – противостоит неразвитый (отсталый либо развивающийся) Юг, однако эта оппозиция пока не стала доминирующей.

Из сказанного можно заключить, что центральное место в европейском структурировании окружающего мира по географическому, казалось бы, признаку занимает идея «развитости». Она оформилась в виде оппозиции «цивилизация–варварство», позволяющей утвердить собственное превосходство над «менее культурными» народами. Однако несмотря на кажущуюся древность происхождения, эта оппозиция принадлежит Новому времени. В Античности варварам противопоставлялись «мы» – жители греческого полиса и Римской империи¹, а неологизм «цивилизация» появился лишь во второй половине XVIII в. почти одновременно во французском и английском языках. Тем не менее образ варваров, живущих на периферии античного мира (для греческих авторов это была прежде всего Скифия, для римлян – северные районы Европы, Барбарикум), вошел в европейскую традицию довольно рано и стал значимым «Другим» для построения идентичности европейцев. В Средние века она выковывалась в противостоянии угрозе, шедшей с востока.

«Восток» как противоположность «Западу» являл себя в Средние века в образе сарацина эпохи Крестовых походов, который затем уступил место турку-осману, теснившему дряхлую Византию. Различия тогда лежали не в сфере политики, а в области веры, и первые военные столкновения европейцев с османами способствовали сплочению христианского мира – воображаемой *Respublica Christiana*. Турецкую угрозу изображали в апокалиптических тонах как последнюю атаку ислама на христианство – что не мешало европейским государям заключать союзы с султаном против своих соперников. Интересно, что обе стороны относились к своему союзнику как к «низшему», т.е. варвару, и не приходится говорить о каком-то равноправии отношений, строившихся на оппозиции «христианство–ислам». В то же время репрезентации других «варваров», явившихся после открытия Нового Света, – американских индейцев – выглядят куда менее враждебными, что объясняют отсутствием серьезного соперничества как в сфере военно-политической, так и религиозной (46, с. 48–49). С точки зрения европейцев, индейцы были не столько варварами, сколько

¹ Отмечается, что почти одновременно понятия «варвары» и «варварство» были сформулированы античной и китайской традициями. См.: 13, с. 5.

дикарями. Довольно скоро для их обозначения появляется формула «благородный дикарь» (*noble savage, bon savage*), получившая воплощение в художественной литературе.

Первые европейские описания Московии также относятся к эпохе Великих географических открытий и инспирированы не только появлением новой страны на европейской сцене, но и общим духом того времени с его интересом к далеким и ранее не известным землям. Довольно обширная *Moscovitica*, сложившаяся в течение XV–XVII вв., пестрит самыми экзотическими рассказами и сообщениями. Однако уже в этих текстах возникает совершенно определенный образ северной страны, которой управляет могущественный князь, а во всем покорное ему население, исповедующее восточную (греческую) веру, пребывает в дикости.

Московия не принадлежала к миру христианской Европы, а после отказа принять Флорентийскую унию и падения Константинополя в 1453 г. она становится фактически единственной независимой православной страной в мире. Исследователи отмечают, что вплоть до конца XVII в. Московия находилась на осадном положении: продолжались попытки папства вернуть ее в лоно христианства, Польско-Литовское государство теснило ее с запада, юг был блокирован турками-мусульманами, с севера выход к Балтийскому морю отрезан шведами (42, с. 19–20). Православие в этот период считалось «второсортным» христианством, объектом для презлелизма, и Московию все чаще начинают описывать в терминах отсталости и дикости, ассоциируя ее с Азией: с одной стороны, с древней Скифией, с другой – с татарами, от которых московиты унаследовали политический деспотизм.

В авторитетных «Записках о Московии» Герберштейна (1549) впервые было засвидетельствовано очевидцем, что государство «управляется деспотом и населено рабами» (48, с. 118). Герберштейн прямо заявил о «московской тирании», что, по мнению одних исследователей, полностью соответствовало действительности, по мнению других – требовало критики, поскольку иностранцы не могли разглядеть реальности за фасадом «русского политического театра» (см.: 34; 40; 50). Тем не менее сочинение Герберштейна получило невиданную для своего века популярность и стало не только главным источником информации о Московии, но и «предоставило интерпретативную оптику, через которую люди позднего Ренессанса видели Россию» (48, с. 119).

Собственно говоря, эта «оптика» была предоставлена еще Аристотелем, который указал на несовместимость деспотизма со свободолюбивым характером греков и, напротив, на соответствие этой формы правления характеру варварских народов – прежде всего враждебных персов, якобы имевших врожденную склонность к подчинению. Аристотель считал деспотизм исключительно восточным феноменом, в отличие от тира-

нии, которая являлась результатом вырождения монархии. К моменту путешествия Герберштейна в Московию политическая мысль Европы уже занималась разработкой концепции «восточного деспотизма», получившей столь широкое распространение гораздо позднее, в XIX – первой половине XX в.

Именно с этой точки зрения Макиавелли рассматривал возвысившуюся Османскую империю и указывал на полную несовместимость турецких форм и практик управления с французскими. Большой вклад в разработку концепции «восточного деспотизма» вносили путешественники в Персию, Индию, Китай и другие страны, расположенные восточнее Европы. Доставленный ими эмпирический материал способствовал выработке понятия «Восток», которое сыграло исключительно важную роль в самоидентификации Европы раннего Нового времени (см.: 44). В политической мысли европейцев, с одной стороны, утверждаются две тесно увязанные между собой концептуальные пары: «абсолютная монархия–республика» и «рабы–свободные граждане». С другой – формируется образ Востока как антитезы всему, что европейцы наблюдали вокруг себя.

Очевидно, что Россию можно было определить только с помощью первой части этих бинарных оппозиций – как абсолютную монархию, управлявшую подданными-рабами. Однако вопрос о ее принадлежности к Востоку, а тем более к Европе, оставался открытым – и прежде всего потому, что «Восточной Европы» как понятия во времена Герберштейна не существовало. Да и Герберштейн вслед за Страбоном проводил границу между Европой и Азией по реке Дон.

Век просвещения и прогресса

Возникновение концепта «Восточная Европа» исследователи датируют эпохой Просвещения, когда образ Европы в представлении современников обрел некую целостную форму и смысл, утратив непосредственную зависимость от христианской религии (3, с. 39). Наряду с «мысленным разделением» европейского континента на Север и Юг (особенно актуального в период Северной войны) возникают первые признаки представлений о западной и восточной его частях, граница между которыми была достаточно подвижной, перемещаясь от Рейна к Эльбе и Висле. При этом Россия оказывалась самой восточной окраиной Европы, простиравшейся до Уральских гор (правда, довольно часто ей отказывали в праве считаться «Европой», подчеркивая типично «восточные» ее черты – в особенности в политическом устройстве). По словам Ларри Вульфа, Россию, как и Восточную Европу в целом, считали «объектом» конструирования, а не «субъектом». Ее «открывали, прописывали, к ней относились со снисхождением, ее помещали на карте и определяли в соответствии с

теми же формулами: между Европой и Азией, между цивилизацией и варварством» (3, с. 51).

Концептуальная пара «цивилизация–варварство» является ключевой для эпохи Просвещения. Следует, однако, учитывать, что «цивилизация» в то время означала всего лишь «продвинутый уровень материального, интеллектуального и морального развития». Она понималась как кульминация движения от «дикости» (пример – американские индейцы) через «варварство» государств Азии и средневековой Европы к высокоразвитому образу правления (42, с. 28–29). В основе такого понимания лежала идея прогресса, зародившаяся в XVI–XVII вв. в период становления науки и светского мировоззрения, в борьбе с религиозной догматикой. Прогресс, означающий движение человечества вперед, от худшего к лучшему, стал основополагающей категорией, определившей систему координат современного европейского сознания.

Принято считать, что идея общественного прогресса обязана своим происхождением, с одной стороны, обрушившейся на европейцев в эпоху Великих географических открытий информации о разнообразных народах и государствах, с другой – ощущению линейности времени, обострившемуся в ходе революционных потрясений (сначала в Нидерландах, а затем в Англии). Стремлением как-то осмыслить единство человечества и обусловлено «изобретение» стадийности истории, получившее глубокую разработку в трудах французских просветителей (в частности, у Кондорсе). По общему мнению, на XVIII в. приходится триумф идеи прогресса, сформулированной в самом оптимистическом ключе: «все человеческие общества движутся естественно и закономерно вверх» – от нищеты, варварства, деспотизма и невежества к процветанию, цивилизации и разуму, «высшим проявлением которого является Наука» (53, с. 67). История обретает смысл и цель, универсальную для всего человечества – достижение счастья и благоденствия путем установления «разумного» общественного устройства (в той форме, которую полагали тогда разумной).

В соответствии с историческими воззрениями того времени считалось, что цивилизация «идет» сверху вниз, от просвещенной элиты к социальным низам. Кроме того, господствовало убеждение, что от варварства к цивилизации можно перейти в кратчайшие сроки, посредством энергичных усилий просвещенного правителя. Именно поэтому Петр I снискал восхищение Вольтера, который в своих «Истории Карла XII» (1731) и «Истории Российской империи в царствование Петра Великого» (1759–1763) представил Европе образ России, семимильными шагами движущейся к царству разума и прогресса (42, с. 27, 45). Вольтер изобразил Россию «пространством возможного», что во многом переключалось с формулировкой Лейбница (Россия – *tabula rasa*) (15, с. 36).

Действительно, в результате военных успехов Петра Россия становится великой державой, а его реформы так трансформируют институты и социум, что новая империя приобретает форму «просвещенной монархии» – типичного для тогдашней Европы «Старого порядка» (*Ancien régime*). Россия на равных входит в семью европейских наций; ее репрезентации как «страны будущего», где на огромных просторах возможно проводить самые смелые эксперименты в области управления, получают распространение в европейском публичном дискурсе (46, с. 78–79). Хотя образ Петра как способного ученика (перенесенный затем и на страну в целом) надолго утвердился в политическом сознании Европы, достаточно часто звучали и сомнения в способности русских усвоить ценности европейской цивилизации. Намеченной Вольтером «оптимистической» линии противостояло мнение, высказанное Монтескье и развитое другими философами. Не отрицая того, что Россия представляла собой некую *tabula rasa*, они подчеркивали отсутствие в ней слишком многого, что обеспечило Европе ее успехи (15, с. 36).

Однако в XVIII в. приговор еще не был окончательным – речь скорее шла о выявлении отличий, которые ярче высвечивали новые (буржуазные) черты европейских обществ. Одно из них выделил Вольтер в своем «вымышленном путешествии» в земли Восточной Европы – отсталость, выражавшаяся тогда в бедности, необразованности и грубости нравов. Понятие отсталости еще не обрело тогда своей пары и служило лишь подтверждением более низкого статуса государств, расположенных к востоку от Эльбы. При этом им не было отказано в праве рано или поздно достичь тех же высот, что и остальная Европа (3, с. 155).

Еще целый ряд тропов (метафорических формул) о России, которые впоследствии получили статус историографических клише, ведет свое происхождение из века Просвещения. Это, конечно, идеи Руссо о том, что цивилизация была привнесена в страну, для этого еще не созревшую, что она носила имитационный характер, что Петр пытался сделать из дворян немцев либо англичан, а не цивилизованных русских. Однако мыслители и политики XVIII в. не только подчеркивали близость России к Азии (а иногда и прямо указывая на ее азиатское происхождение) и высказывали сомнения в возможности цивилизовать огромную империю, населенную «татарами» и «камчадалами». Во второй половине века возникает образ России как «бастиона», защищающего Европу от Азии, – в первую очередь от мусульманской угрозы (46, с. 81–83). Основания для этого имелись: Россия участвовала в двух войнах с Турцией и значительно расширила свои владения на юге главным образом за счет Крымского ханства. Процветавший среди философов-просветителей культ Екатерины II, начало которому положил Вольтер, способствовал восприятию ее побед в первой русско-турецкой войне как триумфа не только России, но и цивилиза-

ции. Самое масштабное расширение российских владений трактовалось как исполнение цивилизаторской миссии. Никогда больше Европа, замечает М. Малиа, не реагировала на имперскую экспансию России с таким безразличием (42, с. 76, 78).

В глазах европейского общественного мнения Россия была в тот период «своей», когда речь шла о политике, дипломатии, об аристократии и образе жизни двора, где царили те же моды, что и в Париже. В то время как путешественники указывали в своих записках на чрезвычайно тонкий слой цивилизации, из-под которого проступает дикость, философы-просветители предпочитали говорить о том, что в России существуют два разных народа – просвещенное дворянство и «варварское» крестьянство. Не достает лишь третьего сословия, которое их соединило бы (46, с. 95). Троп об «отсутствующем среднем классе» и о пропасти между цивилизованным дворянством и народом сначала станет общим местом французской литературы (вспомним мадам де Сталь), а затем ляжет в основу исторических интерпретаций.

На протяжении XVIII в. в Европе все возрастало ощущение своей «европейскости» и своего превосходства. Оно реализовалось в первую очередь в противостоянии с Турцией, неуклонно терявшей военную мощь. Турция не была принята на равных в семье европейских держав, альянсы с ней по-прежнему считались не совсем хорошим тоном. При всем тогдашнем увлечении Востоком турки считались варварами, а политическое устройство их страны – далеким от норм цивилизации. Тот факт, что Турция не только воевала с Европой, но и заключала с ней дипломатические и военные союзы (в частности, против наполеоновской Франции), лишь укреплял представление о ней как о «Другом» в европейском сознании (46, с. 52, 57, 79).

В XVIII в. теоретически оформляется концепция «восточного деспотизма», которая ассоциируется сегодня с именем Шарля Монтескье. Известно, что термин «восточный деспотизм» возник во Франции времен правления Людовика XIV: в «памфлетной войне», когда подверглись критике авторитарные интенции королевской власти, короля-Солнце часто сравнивали с Великим Моголом (8; 44). В «Персидских письмах» (1721) Монтескье противопоставлял Восток Европе, а затем в «Духе законов» (1748) дал определение восточного деспотизма как особой формы правления. Его отличительной чертой является отсутствие законов и «промежуточных властей» – опосредующих институций, имевшихся в Европе и сдерживавших там самовластье монархов: привилегий дворянства, независимости судов, вольностей городов, гильдий и корпораций (12, с. 78). Подчеркивая жестокость и невежество восточных деспотов, чья власть покоилась на религии и требовала безоговорочного подчинения поддан-

ных, Монтескье указал на прямую связь между рабством и деспотизмом, что стало одной из центральных идей Просвещения.

Критикуя государственное устройство Франции, Монтескье дал систематическое исследование деспотизма в его связях с климатом, религией, экономикой и правом. Оно стало самым авторитетным для своего времени, определив круг понятий на многие десятилетия вперед. Однако для нас более значимо восприятие труда Монтескье, которое довольно быстро свелось к противопоставлению европейской приверженности свободе и азиатского деспотизма (см. целый ряд работ, в том числе: 3, с. 39, 137, 139). Позднее, когда радикально изменился общий исторический контекст, это упрощенное представление утвердилось в качестве стереотипа. И если для Вольтера «просвещенный абсолютизм» (как антитеза «восточному деспотизму») являлся одной из величайших ценностей, то в следующем веке эту форму правления оценят иначе, окрестив «просвещенным деспотизмом» (42, с. 45).

Для историографии же особое значение имеет линия, намеченная Дидро, который, в сущности, явился автором «либерально-буржуазной репрезентации» России во Франции, а затем и во всем мире (15, с. 51). Акцентируя отсутствие в России важнейших элементов – «посреднических институтов», третьего сословия, гражданских прав и защиты собственности, Дидро тем самым выявил основные черты буржуазной идентичности Европы. Он создал некий эталон, перекочевавший в следующий век и с малыми дополнениями существующий до сих пор.

Долгий XIX век: «Запад» и «Россия»

Сегодня Великую Французскую революцию считают водоразделом, открывшим эпоху Нового времени. Тогда наряду с индустриализацией, урбанизацией, развитием науки и секуляризацией возник национализм как идеология и государственная практика. В первые несколько десятилетий XIX в. Европа переживала кардинальные изменения, и процесс дальнейшего выстраивания ее идентичности приобретал особую остроту.

В области международных отношений наблюдалась определенная преемственность с предыдущим веком. Турция по-прежнему являлась для Европы значимым «Другим» – Восточный вопрос оставался одним из узловых и в первой половине века. Однако после Крымской войны Османская империя официально принимается в сообщество европейских держав (что, правда, не означало ее равенства с «цивилизованными государствами»). Характерно, что сама Блистательная Порта перестает считать Европу чем-то «низшим», признав ее военное, экономическое и политическое превосходство, и включается в «гонку за лидером» (46, с. 55). К концу ве-

ка Османская империя утрачивает стратегический вес. У России в XIX в. была другая история.

После наполеоновских войн, закончившихся триумфом русских войск и созданием Священного союза, проблема европейской идентичности оказалась тесно увязана с соображениями о балансе сил, где роль России была более чем существенной. Однако положение ее в семье европейских наций оставалось двусмысленным. Казаки, раскинувшие в 1814 г. свои походные шатры в сердце Франции, оживили в стратегическом дискурсе Европы образ «варвара у ворот». Двойственное положение России ощущалось и ее императорами: их поведение на международной арене создавало у союзников впечатление постоянных попыток акцентировать свою европейскую идентичность (там же, с. 91). Самый яркий пример – широко известное высказывание Николая I, назвавшего Турцию «большим», который отягощает Европу и чью смерть «нам» никак нельзя допустить. С той же целью Россией неустанно подчеркивается «восточный» характер Порты. Впрочем, стратегию «ориентализации Другого» использовали и в других странах, но уже по отношению к России: в Германии, прокладывавшей «особый путь» между Западом и Востоком (Восточной Европой), и в Польше, борющейся за место под солнцем.

Процесс построения европейской идентичности в первой половине века протекал на фоне идеологической борьбы, отличавшейся высоким эмоциональным накалом. Развитие либерализма, возникновение классового мышления, рост коммунистической и социалистической идеологии резко меняют общественный климат. По наблюдению М. Малиа, и внешняя политика не была лишена своего рода экзальтации: соперничество на международной арене подавалось в духе манихейской борьбы добра со злом. Волны революций, захлестывавших Европу, привели к тому, что события в какой-то одной стране не могли более считаться ее внутренним делом, угрожая стабильности соседей. В этих условиях российское самодержавие, прежде воспринимавшееся как один из европейских «Старых режимов», начинает выглядеть анахронизмом. Стремление Николая I к реставрации подобных режимов по всей Европе убеждало европейцев в агрессивности «закоснелой русской реакции», превращавшейся в главного врага европейской свободы. В представлениях европейцев Россия обретает черты «чуждой цивилизации», противостоящей Европе и ее утверждающимся демократическим ценностям. Особенно много для внедрения в европейское общественное мнение негативных образов России сделала Польша после восстания 1830 г. Тогда же в Европе формулируется аксиома, что деспотизм и рабство внутри страны неизбежно порождают агрессию и внешнюю экспансию (42, с. 93–94, 98–99).

Отмечая, что в 1830–1840-е годы складывается набор (репертуорий) стереотипов о России, доживших до сегодняшнего дня, исследователи вы-

деляют три линии интерпретаций: консервативную, либеральную и социалистическую (радикальную). При этом часто упускается из виду то обстоятельство, что в контексте набравшего силу национализма метафорические формулы века Просвещения отступают перед агрессивными этническими стереотипами, но все же не сдают своих позиций. В большей степени они сохраняются в либеральном дискурсе, хотя в этот период он и сосредоточен в основном на негативных оценках, фиксируя в России отсутствие конституционного строя и других важных примет «цивилизации».

Однако правит бал в европейском общественном мнении набирающая силу русофобия. Русофильские голоса станут слышны значительно позже, а пока лишь консерваторы-легитимисты в своих рассуждениях о России удовлетворяют ностальгию по Старому режиму, да открытие «русского мира» бароном Гакстгаузеном вносит новую романтическую ноту в европейский дискурс. Природа дискурсивных конструктов такова, что русскую крестьянскую общину одни трактовали как признак умирительной патриархальности, другие – как указание пути в социалистическое будущее, а третьи видели в этом реальную «коммунистическую угрозу» цивилизации. В целом же по «русскому вопросу» возникает единодушие, в первую очередь между консерваторами и левыми радикалами – достаточно вспомнить резкие высказывания Маркса. Российская «азиатчина», «восточные» корни самодержавия и «византийский» мессианизм – все эти преимущественно политические характеристики дополняются рассуждениями о природных свойствах славянства (хотя «националистический», или «расовый», дискурс сложится и проявит себя в полной мере только к концу века).

В то же время не стоит забывать, что негативные репрезентации российской монархии отражали европейскую политическую повестку дня; их нельзя отрывать от общих размышлений о том, что такое Европа, что с ней происходит и куда она идет. В контексте усилившегося пессимизма относительно перспектив «дряхлой» Европы, отравленной индивидуализмом, продолжается дальнейшее осмысление понятия цивилизации. Франсуа Гизо в курсе лекций «История цивилизации в Европе», прочитанных в Сорбонне в 1828 г., фактически сформулировал то, что позднее начали называть «европоцентризмом». Указав, что все государства проходят один и тот же путь и в своем развитии стремятся к одной цели, он выстроил иерархию стран, каждая из которых оценивалась соответственно близости к идеалу – Франции. Таким образом, понятие «европейская цивилизация» приобретало черты политической идеологии (27, с. 56–57).

Кроме того, присущее веку Просвещения представление о Европе как одной универсальной цивилизации было дополнено в наступившую эпоху романтизма понятием о цивилизации как множественности особых национальных культур. Так, в осознававшей свою отсталость Германии

национальная культура – «моральная, духовная и глубокая» – противопоставлялась «бездушной, рассудочной» цивилизации Англии и Франции (42, с. 107).

Категория прогресса дополнилась в XIX в. понятиями «эволюции» и «развития», в равной мере приложимыми к живой природе и к обществу. Однако в представлениях об эволюции общества особую роль играет категория свободы, которая при всем спектре ее значений, от абстрактного до утилитарного, понималась как противоположность рабству (и, следовательно, деспотизму). К середине века был выработан исторический канон, согласно которому тысячелетняя история Европы представляет собой восхождение человечества к свободе. Основные вехи на этом пути – феодализм и рыцарство, Ренессанс и Реформация. Затем в игру вступает средний класс (третье сословие) – главный двигатель общественного прогресса, обеспечивший Европе политическую свободу (конституционное правление). Россия никак не вписывалась в эту схему, выступая антитезой европейскому прогрессу. Ее чаще всего просто не упоминали – как Гегель или фон Ранке, который, собственно, и создал схему европейской «романо-германской» истории.

Параллельно происходит процесс трансформации пространственно-го понятия «запад» в социально-политический концепт «Запад», подразумевавший в XIX в. в основном Западную Европу¹. В ее противостоянии с остальным миром формировались такие концептуальные пары, как «Запад–Восток» (в которой не только Россия, но и Пруссия, и Австрия зачастую занимали промежуточное положение между «истинным Западом» и «истинным Востоком» – прежде всего Турцией) и «Россия–Европа» (особенно актуальная для российских мыслителей). Нашумевшая книга Алексиса де Токвиля обратила внимание общественного мнения на еще одного поднимающегося игрока на международной арене – Соединенные Штаты Америки. Вопрос об их включении в семью цивилизованных стран уже дебатировался политиками и публицистами (10). Противопоставляя Америку и Россию в своей известной формуле («В Америке в основе деятельности лежит свобода, в России – рабство»), Токвиль при этом обнаружил много сходства между двумя великими странами, каждой из которых «провидение втайне уготовило стать хозяйкою половины мира» (10, с. 296). Однако присутствие Америки в европейском дискурсе было пока минимальным, в то время как России не просто отводилось ведущее место антитезы: фактически она находилась в самой гуще дискурсивных «событий».

¹ Характерно, что пространственное измерение постоянно присутствует в политическом дискурсе – взять хотя бы определение цивилизации как сочетания «английской коммерции и французской свободы». В годы Крымской войны входит в общее употребление термин «западные державы», закрепивший особую географическую общность в сфере международных отношений.

Дискурсивное пространство Европы было тогда единым; циркуляция идей, общих мест и ходячих мнений шла с большой интенсивностью, создавая свои смыслы в каждой национальной культуре. Все участники этого взаимообмена были значимы, однако следует отметить особую роль Германии в формировании как русской мысли¹, так и общеевропейских представлений о том, что есть «Запад». Наложила свой отпечаток и англо-французская русофобия, берущая, по мнению Р. Баваджа, начало с 1820-х годов и унаследованная веком двадцатым. Критика России активно способствовала кристаллизации понятия «Запад» в его социально-политической ипостаси (18).

Существует несколько интерпретаций взаимоотношений России и «Запада». Одни исследователи полагали, что «русские с удивительной легкостью заимствовали мнения о себе западных наблюдателей и применяли их к анализу собственной страны» (48, с. 111). Другие писали о том, что «Запад» как точка отсчета настолько прочно вошел в историю и культуру России, что его уже невозможно выбросить вон (19, с. 556). Третья интерпретация указывает на русское происхождение концепта «Запад», возникшего в ходе жесткой критики «загнивающей» Европы, которая была услышана ее адресатами². Однако скорее речь в данном случае должна идти о циркуляции идей – например, имеются свидетельства о русских вдохновителях знаменитой книги маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году», и не только о Чаадаеве (см.: 9).

Датируя возникновение социально-политического концепта «Запад» XIX в., исследователи указывают на такие узловые моменты его выработки, как дискуссии славянофилов и западников в России, Крымская (Восточная) война и 1870-е годы (подъем идеологии панславизма). При этом все сходится во мнении, что споры о Западе и взаимоотношениях с ним являлись важнейшей составляющей в формировании русской идентичности в век национализма. В ходе этих дебатов вырабатывается основополагающее противопоставление русской «веры» и «души» западной «рациональности» и «расчетливости», формируется миф о коллективизме русского народа («соборности») в противовес европейскому «индивидуализму». В то же время следует подчеркнуть, что русская идентичность выковывалась параллельно с европейской, во взаимодействии с ней и во взаимоотталкивании: с одной стороны, по тем же законам бинарных оппо-

¹ См. работы Н. Рязановского, А. Валицкого, А.Л. Зорина и др. Однако идеи о «загнивающем Западе», активно проникавшие в русский дискурс из Западной Европы, были почерпнуты главным образом из консервативной французской прессы «второго эшелона» (4, с. 26–76).

² Считается, что первым термин «Запад» как обозначение некоего культурно-исторического единства, противоположного «России», употребил в своем «Философическом письме» Чаадаев, заменив им географически неоднозначный термин «Европа» (35, с. 33).

зиций, которые современные исследователи берут за основу своего анализа, с другой – в диалоге. Соответственно выстраивалась и схема русской истории, которая основывалась на тех же категориях цивилизации и прогресса, понимаемого как движение вперед.

В 1830–1850-е годы получают дополнительную разработку другие компоненты концепта «Запад». Понятие свободы конкретизируется в токилевской модели либеральной демократии, которая принимает очертания актуальной цели. Для ее достижения виделись два пути: эволюционный (англосаксонский, и прежде всего американский) и революционный (европейский континентальный). Предполагалось, что ассоциации граждан по американскому образцу – зачатки гражданского общества – возьмут на себя функции защиты индивида от государства и станут своего рода школой свободы (12, с. 79). Свобода индивида провозглашалась высшей целью общественного прогресса и ассоциировалась с Америкой (где в это время благополучно существовало рабство в самом своем классическом, «плантаторском» варианте).

Основополагающее место в концепте «Запад» заняла частная собственность – во многом благодаря Марксовой теории об азиатском способе производства. Продолжая линию Монтескье и Гегеля, автор «Британского правления в Индии» пришел к выводу, что отсутствие права частной собственности (поскольку всем владеет суверен) является основой политической системы восточного деспотизма и ведет к стагнации. Теория Маркса придала прогрессу материальное измерение, которое станет особенно актуальным в следующем веке.

Однако наиболее влиятельным в середине XIX в. было учение Огюста Конта об универсальных законах общественного развития, в котором институт частной собственности занимал центральное положение. Конт полагал, что на смену отсталым средневековым крестьянским обществам, погрязшим в невежестве и религиозных предрассудках, придет царство «экспертов», поставивших себе задачей создание процветающего индустриального рая для индивидов-собственников. Образованная элита станет авангардом, самой судьбой предназначенным для того, чтобы поднять мир из средневековой отсталости и повсеместно победить «врагов Разума» (38, с. 94–95). Рациональный экономический строй, организованный на научных началах под лозунгом «Порядок и Прогресс», был признан той нормой, к которой с разной скоростью движутся все участники мирового исторического процесса.

Понимание западной цивилизации как совокупности «европейских ценностей и институтов» включало в себя также идеи о господстве права (власть закона – rule of law) и правовом государстве. Во второй половине XIX в. правопорядок (законоправство) обретает статус некоего «золотого стандарта» цивилизованности, который вырабатывали и закрепляли юри-

сты – специалисты в области активно развивавшегося международного права. Требования к государствам, претендующим на членство в европейском «клубе наций», включали в себя защиту основных прав индивида (жизни, достоинства, свободы передвижения, торговли и религии); наличие организованной и эффективной бюрократии; справедливую судебную систему, развитые кодексы уголовного и публичного права и многое другое (в том числе объявление рабства вне закона) (46, с. 56).

Надо сказать, что после Великих реформ Россия вполне соответствовала этим достаточно размытым критериям. «Рабство» – крепостное право – «пало без единого выстрела» (в отличие от Америки). Были созданы новые суды, система земского и городского самоуправления, вместо рекрутчины введена всесословная воинская повинность, делала большие успехи наука и образование. Перспективы сближения России с европейским миром оцениваются все более благосклонно, особенно в свете достижений русской культуры, которая выходит в пореформенный период на мировую арену. Развитие революционного движения в России, которое стало главной темой для обсуждения европейским общественным мнением в 1870–1880-е годы, также подчеркивало, что империя идет тем же путем, что и другие страны Европы.

Тогда же появляются первые, как считается, профессиональные научные работы, посвященные России. Наиболее известные – «Россия» сэра Уоллеса Маккензи и «Империя царей и русские» Анатоля Леруа-Больё, которые вошли в золотой фонд россиеведения и стали важным источником для зарубежных исследователей императорской России (41; 56)¹. Оба автора начинают историю России с Петра I и рассматривают ее с точки зрения «догоняющего развития», как сказали бы сегодня. Взвешивая шансы России догнать Европу, и Маккензи, и Леруа-Больё расценивают их как весьма благоприятные. По их мнению, Великие реформы значительно приблизили Россию к этой цели, но не позволили окончательно достичь ее, поскольку впереди – трудная задача введения народного представительства и долгие годы обучения парламентаризму.

Удивляющие современных исследователей благожелательность и взвешенность новых исторических сочинений о России были обусловлены несколькими факторами. Во-первых, успехами страны, как экономическими – планы строительства Транссибирской магистрали поражали воображение европейцев, – так и в области культуры. Во-вторых, распространением информации о России, нараставшей в геометрической прогрессии: ее посещают европейцы и американцы, издаются многочисленные описания и записки путешественников, печатаются корреспонденции. В 1870-е годы

¹ Известно, что труд Леруа-Больё, особенно второй и третий тома, запрещенные в России цензурой, использовались и цитировались Джаншиевым, Корниловым, Кояловичем (14, с. 7).

«загадочная русская душа» заговорила на английском, французском, немецком и других языках в романах Толстого и Достоевского. В-третьих, изменяется система международных отношений в Европе, где возникают три зоны: «зрелые либеральные государства» (Англия, Франция и все теснее примыкающие к ним Соединенные Штаты) – «истинный Запад», по словам Мартина Малиа; «смешанный мир», получивший вскоре название Средней Европы; и реформированная, но по-прежнему старорежимная Россия. Фактически, ей теперь должны были бы противостоять два «Запада», ближний и дальний, однако острота противостояния явно снижается (42, с. 164).

В последней трети XIX в. Россия перестает быть конституирующим «Другим» для Европы. Эту роль в век империализма и первой волны глобализации начинают играть колонии (а точнее, информация о них, поступающая от востоковедов, о которых писал в своей знаменитой работе Эдвард Саид) (52)¹. Присоединив огромные пространства Средней Азии, Российская империя осуществляла там «цивилизаторскую миссию» того же рода, что Британия – в Индии, а Франция – в Северной Африке. В изменившемся контексте даже очередное обострение Восточного вопроса – Восточный кризис и русско-турецкая война 1877–1878 гг. – не вызвало по-настоящему серьезных всплесков русофобии. Правда, идеи панславизма предоставили новые козыри тем, кто боялся «русского мессианства». Внеесли они свой вклад и в развитие расового дискурса, главным образом в Германии, где идеи о «дегенеративном славянстве», которое следует обуздать (а в перспективе и поработить), получают все более широкое хождение².

В этот период концепт «Запад» отходит в европейском дискурсе на задний план³, а на рубеже веков обретает и новую конфигурацию. Смещаются акценты, изменяются вес и значение таких основополагающих его компонентов, как цивилизация и прогресс, пополняется он и новыми понятиями, которые также носят нормативный и этически нагруженный характер. Теряет свою актуальность оппозиция «цивилизация/варварство» (правда, ненадолго – до начала Первой мировой войны). Зато в англоязычном мире на пороге XX в. получает все более широкое распространение идея «западной цивилизации», не лишенная мессианского колорита. Она автоматически отодвигала в тень концепт «Европа» и подчеркивала зна-

¹ Первый конгресс востоковедов состоялся в 1873 г. в Париже.

² Характерно, что расовый дискурс наиболее активно развивался в только что объединенных, новых государствах Германии и Италии, а вовсе не в «старых» империях, таких как Британия или Франция.

³ В целом дискурсивная роль «Запада» и не была еще столь сильна, как в XX в. Подсчитано, что в своей трехтомной «Империи царей» Леруа-Больё гораздо чаще называет Россию северной, а не восточной страной (16, с. 606–607).

чимость Британской империи, всегда занимавшей особое положение по отношению к «Континенту» (30, с. 57).

Одновременно тема прогресса выходит на первый план. Она становится своего рода идеей фикс в эпоху «высокой» модерности, когда стремительно развивается наука, транспортная революция делает доступными самые отдаленные уголки земного шара, индустриализация и урбанизация кардинально меняют мир. Категория прогресса приобретает новое измерение – «научно-техническое», неразрывно связанное при этом с улучшением условий жизни людей и с понятием «современность» (modernity). Ход времени невероятно ускоряется, возникает своего рода одержимость современностью, которая противопоставляется «традиции» – этому препятствию на пути к светлому будущему. При всей критике «темных сторон модерности» и «индивидуализма современного человека» повсеместно присутствует общее ощущение неумолимого движения человечества вперед – и страх отставания (см.: 17). Именно в эпоху высокой модерности становится крайне актуальным концепт отсталости как противоположности развитию. Приняв форму категорического императива, он во многом предопределил дальнейший ход истории (особенно в России).

Концептуальные пары «отсталость–развитие», «традиция–современность», «невежество–просвещенность», в идеологической сфере представляющие как «реакция–прогресс», образуют своего рода понятийный каркас, структурирующий публичный дискурс рубежа веков. В этом контексте и рождается идея модернизации, отодвигая в сторону понятие «европеизации». Эстер Кингстон-Манн выдвинула гипотезу о складывании в России начала XX в. специфической «культуры модернизации», не признающей идеологических барьеров и определявшей конфигурацию общественных дискуссий в стране. Подчеркивая параллели между Россией и Западом, их участники усматривали в отсталом «средневековом» русском крестьянстве главное препятствие прогрессу, а в утверждении и защите права частной собственности – основу для успешной модернизации и развития (38, с. 4).

Частная собственность все теснее коррелирует со свободой, ассоциирующейся с «Западом», – свободой предпринимательства и свободой личности одновременно. Экономика повсеместно выдвигается на первый план, даже в сфере международных отношений дискуссии вращаются вокруг экономических вопросов (в повестке дня, говоря словами Ленина, – «империализм как высшая стадия капитализма»). Наряду с частной собственностью еще одним «двигателем прогресса» начинают признавать национальное государство, легитимность которого покоится на принципе гражданства. Его актуальность и «нормативность» вскоре подтвердились фактом распада континентальных империй (Российской, Османской и Габсбургской), т.е. «архаических» форм, не соответствовавших критериям «современности».

Таким образом, в начале XX в. сложился определенный набор понятий, описывающих современность в ее тесной связи с прошлым и будущим: прогресс (научно-технический и материальный), права и свободы личности, частная собственность, свобода предпринимательства, национальное государство, верховенство закона, конституционализм. Все они являлись пространственно-ориентированными и указывали на запад – там находились страны, обладавшие перечисленными признаками современности и признанные маяком для человечества. В совокупности эти понятия определили содержание социально-политического концепта «Запад»¹. Его притягательность заключалась в способности упрощать сложное, сводя разнообразие народов и культур к общему знаменателю абстрактных, но всем понятных «европейских» норм и ценностей, а также в его объединительном потенциале, позволяющем сплотиться как вокруг этих ценностей, так и против того или иного «врага». Однако свою непреодолимую силу концепт «Запад» проявит гораздо позже, под влиянием новых исторических обстоятельств и с выходом на международную арену нового игрока – Соединенных Штатов Америки.

Короткий XX век: Борьба и самоопределение двух систем

Начав после Первой мировой войны преодолевать свою традиционную позицию изоляционистской самодостаточности, США по окончании Второй мировой войны входят на правах «первого среди равных» в Атлантический мир. Отныне он и символизирует «западную цивилизацию».

В межвоенный период продолжалось постепенное сближение Англии и США, и в «воображаемой географии» двух стран формируется то, что стали называть «Англосферой». Этому способствовали многие факторы, в том числе обретение Соединенными Штатами статуса экономической мировой державы, а также бурное развитие технологий в области транспорта и коммуникаций, что резко сократило прежде труднопреодолимую дистанцию между континентами (18, с. 17–18). Однако для того, чтобы Атлантика превратилась из «границы» между Европой и Америкой в «мост», их соединяющий (54, с. 13), потребовалось пережить Вторую мировую войну. Охватив оба полушария, она просто вынуждала мыслить глобально. В военные годы значительно расширяются горизонты прежде достаточно провинциального, сосредоточенного на себе американского общества, меняется его представление о самом себе. На смену американской исключительности (exceptionalism) приходит идеология либерального универсализма, начинается активный поиск общих черт, способных объединить союзников и противников в новом послевоенном мировом по-

¹ Как отмечают исследователи, понятие «западной демократии» кристаллизуется позднее, в окопах Первой мировой (см.: 29, с. 17).

рядке, строительство которого намеревались возглавить США (см., в частности: 26).

В 1940-е годы начинает воплощаться в жизнь идея «Атлантического сообщества» (Atlantic community). На дискурсивном уровне это означало переформатирование концепта «Запад», определявшего к этому времени систему представлений и взаимоотношений в мире. Отныне центром силы должна была стать Америка, а не европейские страны. Она приложила массу усилий для того, чтобы кажущийся сегодня «естественным» термин «Атлантическое сообщество» стал реальностью. Его рождение явилось результатом целенаправленной внутренней и внешней политики США, борющихся за политическую, военную, экономическую и культурную гегемонию в рамках этого воображаемого «Запада» (43, с. 72).

Процесс построения нового сообщества, увенчавшийся созданием Североатлантического союза (НАТО) в апреле 1949 г., был непростым и, как все яснее становится с увеличением временной дистанции, болезненным для Соединенных Штатов. Еще более тяжелым он был для разрушенной войной Европы, где, собственно, и прокладывались новые географические, политические и идеологические границы между «Западом» и «Востоком». Понадобились большая дипломатическая и разведывательная работа, многочисленные консультации, взаимные демарши и уступки, прежде чем стало окончательно ясно, что Советский Союз действительно остается по другую сторону «железного занавеса», о падении которого возвестил Черчилль в своей фултонской речи. Холодная война расколола бывших союзников в борьбе с фашизмом, да и весь мир, на два лагеря: капиталистический Запад и коммунистический Восток.

Конечно, антитеза «капитализм–коммунизм» стала реальностью в международной политике еще в межвоенный период, но тогда она была наиболее значима для СССР, строившего социализм в отдельно взятой стране (см., например: 21), и для Германии. В государствах, которые традиционно означали либеральный «Запад», в 1930-е годы оформляется другая бинарная оппозиция: идеологическое противостояние «свободного мира» и тоталитаризма – тогда, как пишет Питер Новик, в его нацистском воплощении (47, с. 310). «Русская» и «германская» проблемы были тогда внутренним делом Европы, еще представлявшей собой единое культурное и дискурсивное пространство, и вносили раскол в «европейскую цивилизацию». После войны, по общему мнению, решать эти проблемы были в состоянии только Соединенные Штаты (54, с. 14).

Одним из инструментов консолидации с Европой американцы (и прежде всего президент Трумэн) избрали христианство как фактор, способный объединить западный мир путем жесткого размежевания с СССР – этой атеистической «империей зла». Стратегия оказалась успешной, о чем среди прочего свидетельствовала победа христианско-демократических

партий в европейских странах. Использование христианства в риторике холодной войны позволило значительно драматизировать ситуацию в духе манихейского конфликта добра и зла и в конечном итоге привело к политизации христианской доктрины (39, с. 412). Таким образом, место стиринной концептуальной пары «христианство–ислам» заняла асимметричная оппозиция «христианство–атеизм». Ее вторая, «слабая», т.е. негативно заряженная часть, относилась к «Востоку», получившему теперь новую конфигурацию: он включил в себя СССР и государства, входившие в сферу его влияния.

Общее наследие стран, лежащих по разные стороны Атлантики, не исчерпывалось христианством: Америка начинает подавать себя как наследницу «великих принципов западной цивилизации». При этом усилия американских политиков и публицистов в большей степени были направлены вовнутрь, на изменение представлений американцев о себе и месте своей страны в мире. Наряду с пропагандистскими публикациями в прессе в учебную программу университетов в качестве обязательного вводится курс «западная цивилизация», демонстрирующий органическое единство Нового и Старого Света. Если раньше американцы тщательно фиксировали свои отличия от Европы, выстраивая собственную идентичность как антитезу Старому Свету (хотя и считали Америку «кульминацией давней и великой европейской традиции») (45, с. 4), то теперь проводится мысль о единстве истории и судьбы. Более того, ставится знак равенства между антигитлеровской коалицией и западной цивилизацией. Это дало основания для исключения бывшего союзника – СССР, который, как было уже признано, к этой цивилизации не принадлежал (47, с. 317). Советский Союз стали считать новейшим и наиболее опасным проявлением векового русского деспотизма, на основании чего делался вывод о неизбежности российского и, следовательно, советского экспансионизма.

СССР тоже не оставался в долгу: в Европе и Азии, а затем и по всему миру шла огромная работа по созданию «социалистического лагеря» (из стран, которые на Западе стали называть государствами–сателлитами Советского Союза). Драматическая история формирования «Восточного блока» уже хорошо известна, как и та цена, которую заплатило за советизацию население этих стран. Здесь же хотелось бы подчеркнуть симметричность не столько геополитических (НАТО / Варшавский договор), сколько идеологических реалий, не ограничиваясь при этом областью борьбы с инакомыслием (маккартизм / кампания против космополитизма и низкопоклонства перед Западом). И в США, и в Советском Союзе организуется целая индустрия по взаимному обличению. Причем центральное место в идеологическом оформлении соревнования двух систем заняла история – как наука и как память о прошлом.

Начавшееся противостояние двух держав в биполярном мире воспринималось тогда многими как проявление более глубокой, фундаментальной конфронтации Востока и Запада, коренившейся в далеком прошлом. Россия, а точнее, ее преемник – Советский Союз – вновь начинает играть роль значимого «Другого». Восприятие России как олицетворения «Востока» помогало сформировать собственный образ и понимание себя как «Запада». В первые послевоенные годы «ориентализация» России (и Восточной Европы) стала господствующей метафорой, во многом определив процесс самоидентификации Западной Европы и США в условиях конфронтации с восточным соседом и соперником (32, с. 451). Большое значение для формирования публичного дискурса имели работы эмигрантов из Восточной Европы, в том числе и переводные, активно издававшиеся в Великобритании и США (например: 33; 37). По наблюдению Марка фон Хагена, именно эмигранты насаждали убежденность в том, что Азия начинается в России. При этом восточной границей Европы назывались Германия, Польша или Украина – в зависимости от того, откуда прибыл эмигрант-ученый (32, с. 450).

Особую популярность приобрела тогда теория восточного деспотизма. Ее «реинкарнация» наиболее фундаментально представлена в книге Карла Виттфогеля – бывшего члена Коммунистической партии Германии, после эмиграции в США ставшего яростным антикоммунистом (57). Виттфогель делил общества на полицентричные «свободные» западного типа, основанные на праве частной собственности, и на моноцентричные восточные – деспотические, в которых права и свободы личности, в первую очередь право собственности, неуклонно подавляются. В нагруженной политическими штампами и предрассудками эпохи холодной войны книга Виттфогеля явственно проглядывают и опасения Запада по отношению к СССР и его политике в странах Восточного блока («бацилла восточного деспотизма»), и неприятие «тоталитарной» природы царского и советского режимов. Издавна бытовавшие на Западе представления о российской «азиатчине» получили здесь «строго научное» обоснование.

Еще больший вес в первой фазе холодной войны имела теория тоталитаризма. Составляя фундамент «контридеологии свободного мира», она служила своего рода мобилизующим лозунгом и военизировала общественное сознание. В 1940–1960-е годы тоталитарная модель претендовала на господствующее положение и в научных исследованиях России / СССР, но специалистам довольно быстро стала ясна ее ограниченная ценность (47, с. 281).

Антисоветизм второй половины 1940-х – начала 1950-х годов во многом напоминал русофобию 1830–1840-х, однако с одним существенным отличием: в США, а затем и в Европе начинает развиваться серьезное профессиональное знание о России. Глубокое изучение прошлого и на-

стоящего Советского Союза отвечало первостепенным национальным интересам США, и во второй половине 1940-х годов на базе уже существовавших в университетах славистических структур и параллельно с ними стали открываться крупные научные центры. В 1946 г. организуется Русский институт в Колумбийском университете (позднее Гарримановский), а в 1948 г. – Русский исследовательский центр в Гарварде, послужившие образцами для других американских университетов. Большую роль в них играли русские эмигранты, передававшие традиции русской дореволюционной историографии своим американским ученикам. К 1964 г. было уже 33 таких центра, и их количество продолжало расти; докторские и магистерские диссертации исчислялись сотнями (25, с. 82–83).

Изучение Советского Союза и стран Советского блока велось в рамках так называемых региональных исследований (area studies) – междисциплинарных по своему характеру, построенных на цивилизационном подходе. Новая дисциплина Russian studies была нацелена не только на анализ политики СССР, но и на исследование страны в целом: народа и его прошлого, экономики и социальной структуры, языка и литературы, властителей и идей. Начала она укореняться и в Европе, в особенности в ФРГ, где центры по исследованию СССР и Восточной Европы выполняли функцию форпоста в идеологическом противостоянии с ГДР (36, с. 46).

Создавая новое научное знание о почти не знакомой и полностью закрытой для них стране, представители первого послевоенного поколения русистов стремились преодолеть вековые стереотипы о России и русском характере, которые пошли в ход в этот период (в частности, наиболее одиозные «формулы» де Кюстина). Известно, что лекция британского антрополога Джеффри Горера, автора печально знаменитой теории о пеленании русских младенцев, была резко раскритикована в Гарварде (25, с. 47), что не помешало ему, однако же, опубликовать в 1949 г. и множество раз переиздать книгу, получившую самую широкую популярность (31). К сожалению, его самые яркие выводы о причинах пассивности и мазохизма русского народа были с готовностью восприняты публикой, видевшей в России полную противоположность Западу.

Необыкновенную жизнеспособность обыденного стереотипа приобрела и доктрина «Москва – Третий Рим». Она оказалась исключительно востребованной в годы, когда американский мессианизм – убежденность в своем предназначении нести свет свободы во все страны мира – начинал разворачиваться в глобальном масштабе. Крайне популярная в послевоенной советологии (наряду с опричниной Ивана Грозного и нечаевщиной) концепция «Москва – Третий Рим» служила тогда объяснением российского мессианства и имперского экспансионизма. Это «оружие холодной войны» критиковали многие – от русских историков-эмигрантов (М.М. Карпович, Н.И. Ульянов) и советских историков (включая Д.С. Ли-

хачева) до американца Маршалла По (6; 7; 11; 49 и др.). Последний показал, что в конце XVII в. упоминания о «Третьем Риме» исчезают из русской мысли, чтобы появиться уже в 1860-е годы, когда впервые были опубликованы соответствующие источники. Тогда русские историки и подняли риторическую фигуру, использованную монахом Филофеем в послании Василию III, на уровень идеологической доктрины. Идея приобрела политическое звучание в контексте Восточного кризиса и расцвета панславизма, а к концу XIX в. «мессианское» понимание идеи «Москва – Третий Рим» становится уже общим местом.

Не оказав непосредственного влияния на внешнюю политику Российской империи, эта доктрина послужила материалом для строительства философских систем Владимира Соловьева и Николая Бердяева. В них идея «Москва – Третий Рим» трактовалась как свидетельство исконного «русского мессианства», ключ к пониманию национальной психологии. После революции Бердяев выдвинул тезис о том, что истоки большевизма следует искать не только в марксизме, но и в русском мессианстве, что и было подхвачено после Второй мировой войны на Западе наиболее консервативными кругами. Объяснение «советского империализма» давними претензиями России на роль «Третьего Рима» в те годы можно было встретить и в ученых трудах, и в политической публицистике, звучало оно и в Госдепартаменте (49, с. 427). Хотя историки и развенчали эту «теорию», она до сих пор остается востребованной журналистами и политическими комментаторами, оставаясь крайне полезным риторическим инструментом.

Тем не менее определяющей в развитии научных исследований России / СССР за рубежом стала все же либерально-универсалистская линия, которая воплотилась, в частности, в теории модернизации. Уверенность в том, что Россия идет тем же путем, что и Западная Европа, но лишь немного «запаздывает», широко распространенная во второй половине XIX в., была свойственна и русским историкам-эмигрантам. По существу, она и была концептуально оформлена в теории модернизации – в частности, в популярной работе У. Ростоу о стадиях экономического роста (51).

Идеи прогресса и развития, в основе своей европоцентристские, в 1950–1960-е годы стали «идеологией» программ помощи странам, проходившим процесс деколонизации. Эти страны Третьего мира, не присоединившиеся к Первому (капиталистическому) и Второму (социалистическому), получили на Западе название слаборазвитых (позднее – развивающихся). Им следовало помочь в ускоренном порядке пройти этапы экономического развития до конечного пункта – общества массового потребления. Тогда считалось, что достижение определенных экономических показателей при помощи таких инструментов, как свободный рынок, автоматически приведет и к демократии. Затем эти наивные представления уступят место

более глубоким культурно ориентированным подходам; идеи модернизации (или же вестернизации) будут подвергнуты критике теоретиками зависимого развития и окончательно развенчаны постколониальными исследованиями, всерьез взявшимися за прогрессизм и европоцентризм.

Однако до окончания холодной войны «Запад» сохранял свои претензии на роль эталона, олицетворением которого служили США. К давно установившимся политическим нормам (права личности и формы правления) были добавлены экономические: рыночная экономика и массовое потребление как главные приметы американской жизни. В противоположность «Востоку», декларировавшему построение коммунизма (а прозрачность такого будущего была очевидна), Америка фактически уже достигла своей исторической цели. Оставалось только распространить либеральную демократию по всему миру. Исходя из такого понимания исторического процесса, Фрэнсис Фукуяма и возвестил в свое время о «конце истории» (28). Победа экономического и политического либерализма считалась неизбежной, и сторонники теории конвергенции не сомневались, что Второй мир рано или поздно присоединится к Первому. Что касается стран Третьего мира, то они рассматривались обеими сверхдержавами исключительно как потенциальные союзники, которых следовало перетянуть на свою сторону. Так что условное трехчастное разделение мира отнюдь не сглаживало жесткую оппозицию «Запад–Восток».

В разгар холодной войны социально-политический концепт «Запад» оставался размытым и абстрактным. Критики тогда отмечали, что «на языке политинформации Вашингтона» термин «Запад» включает в себя крайне разнообразную в географическом отношении группу стран, в том числе и азиатские (55, с. 20–21). В то же время он стал особенно политизированным и идеологизированным. Конфронтация двух систем была очень глубокой и почти всеобъемлющей: то, что одной из сторон представлялось идеалом и образцом для подражания, другая считала абсолютно неприемлемым и подвергала уничтожительной критике. На языке базовых оппозиций это выглядит как смена полюсов. Поскольку при социализме общественное безусловно было «выше» и «лучше» личного, частная собственность и индивидуализм приобретают исключительно негативные коннотации, а свободному рынку теперь противопоставляется плановое хозяйство («Дорога к рабству», если вспомнить книгу Хайека).

И все же, несмотря на идеологические противоречия, сохраняли свое значение универсальные ценности прогресса, понимаемого как поступательное движение к лучшей жизни. Обе сверхдержавы претендовали на роль «маяка» для всего человечества, и соревнование между ними не сводилось к гонке вооружений – оно разворачивалось в области науки и техники, культуры, социальных благ. В несимметричных, ценностно нагруженных оппозициях «цивилизация–варварство», «свобода–рабство»,

«прогресс–отсталость», где одна часть «лучше», «главнее», «превосходнее» другой, СССР без особых сомнений относил к себе «сильную часть». Свободный Советский Союз представлял тогда оплотом мира и прогресса для всех людей доброй воли.

Понятие прогресса получило во второй половине XX в. глубокую разработку, его критиковали и осмысливали ведущие умы человечества. Советская наука не внесла серьезного вклада в эти размышления, будучи к этому времени отрезанной от магистральных тенденций мировой мысли «железным занавесом». Впервые в своей новой истории Европа перестала быть единым культурным и дискурсивным пространством, разделившись на Западную и Восточную. «Железный занавес» оказался наиболее эффективен в сфере социальных и гуманитарных наук, и этот итог многолетней конфронтации имеет, пожалуй, самые далекоидущие последствия.

Безусловно, ситуация идеологического противостояния наносила большой вред зарубежным исследованиям СССР, хотя одновременно и стимулировала их. Русская история изучалась необыкновенно активно – пусть во многих отношениях и в зеркальной зависимости от советской историографии. Однако в большей степени исторические исследования за рубежом (прежде всего в США, где выпускалась львиная доля научной продукции) зависели от русской дореволюционной историографии и того видения истории как логически последовательного универсального процесса, который сложился в науке XIX в. Немалую роль играли и стереотипы, унаследованные от западноевропейской традиции, а также образы России, сформировавшиеся в США к началу XX в. (см. об этом: 5). С точки зрения сегодняшней антропологии в *Russian studies* присутствовал несомненный элемент «колониального» отношения к предмету изучения, особенно с учетом «инаковости» и несомненной экзотичности социалистического Советского Союза.

Принадлежность России, а уж тем более СССР к «Западу» считалась более чем проблематичной. Поэтому историки-русисты старшего поколения были склонны подчеркивать несовпадение российского и западноевропейского государственных устройств, самобытные черты особого облика страны, в чем-то притягательного, а в чем-то и отталкивающего. Пришедшие в науку в 1960–1970-е годы социальные историки принесли с собой дух критики и ревизионизма. Они оспаривали утвердившиеся в историографии стереотипы, клише и мифы о неуклонно беднеющем крестьянстве, об «отсутствующем» среднем классе, о «репрессивном» самодержавии и др. В результате в период холодной войны в зарубежной русистике сложился довольно обширный спектр интерпретаций истории России, среди них выделяются два историографических образа, определявших облик изучаемой страны. Один принадлежал в большей степени публичному дискурсу и был особенно привлекателен и полезен в периоды

обострения отношений между СССР и США. Другой был актуален для профессиональной сферы.

Первый образ может быть назван консервативным и в конечном счете антисоветским. Это образ самобытной России, «вековечной» Руси, подчёркивавший российскую исключительность и выпячивавший деспотические черты в ее прошлом и настоящем. Он рисует «особый путь» исторического развития страны неевропейской, лежащей между Востоком и Западом, в силу чего в ней присутствует целый ряд «азиатских» черт. Тоталитарный Советский Союз предстал очередным воплощением этой «вечной» России – бедной, отсталой страны, где народ находится под постоянным гнетом верховной власти.

Второй образ следовало бы определить как «европейский». Он основан на либеральном прогрессистском видении истории и сосредоточен главным образом на России императорского периода. В соответствии с логикой теории модернизации «настоящая» история начинается с реформ Петра I, представлявших собой радикальный разрыв с московской «традицией». Особое внимание уделяется второй волне модернизации – Великим реформам, последующей индустриализации и краткому «парламентскому эксперименту». Всё это – вехи на пути, который проходят все страны в ходе исторической эволюции.

А дальше начинаются разночтения. Для одних, как и для русских историков-эмигрантов (наиболее очевидный пример – работы Мартина Малиа, любимого ученика М.М. Карповича), история России на этом заканчивается и начинается трагедия. Для других, в том числе для социальных историков-ревизионистов, начинается лишь новый этап: советское общество с колоссальными издержками двигалось по пути модернизации, догоняя своих более развитых соседей. Предполагалось, что рано или поздно Советский Союз путем реформирования достигнет той стадии социального и экономического развития, когда различия с постиндустриальными обществами Запада перестанут быть значимыми. В 1980-е годы к этому образу добавился дополнительный штрих: специалисты по дореволюционному периоду обратились к концепции гражданского общества, споря о том, было ли оно в России и если было, то каким. Но все сходилось во мнении, что демократическое будущее России немислимо без развития этого института (см.: 1).

Однако несмотря на все различия между историками разных поколений и различных политических взглядов, в противоборствующих трактовках было много общего. Во-первых, в основе всех интерпретаций лежала европоцентристская и прогрессистская схема исторического развития с присущими ей детерминизмом и телеологией. Во-вторых, все эти исследования носили нормативный характер. Ни левые радикалы, при всем их критическом отношении к американскому истеблишменту, ни тем

более либералы и консерваторы не сомневались: у исторического развития есть конечная цель, к которой стремится всякая страна, идущая по пути прогресса – парламентская демократия западного типа, достигающая своего полного развития в национальном государстве. С этой точки зрения оценивались особенности тех или других обществ: помогают ли они достижению заветной цели или, наоборот, уводят от нее? Поэтому западные русисты были склонны выявлять в истории России «препятствия» и «дисбалансы», равно как и «отсутствие» (прямо по Монтескье) важных институтов, ценностей и традиций, которые трактовались либо как признак российской самобытности, либо как атрибуты отсталости, присущие всем модернизирующимся странам.

Кроме того, в зарубежной историографии России наряду с наиболее общими представлениями о системных чертах, определявших историческое развитие страны (суровый климат, обширная территория, деспотизм власти и пассивность населения, коллективизм русского крестьянства), долгое время присутствовал целый набор характеристик Российского государства и общества, которые не ставились под сомнение, но оценивались, однако, по-разному. Единодушно признавалось, например, что в России всегда было очень сильное государство. Но сторонники концепции самобытности подчеркивали его репрессивную роль и говорили о самодержавном деспотизме, а приверженцы теории модернизации видели в государстве главный двигатель прогресса, инициатора реформ, которые должны были привести страну к конституционализму (2, с. 24–25).

Центральную роль в историографии времен холодной войны играла революция 1917 г. Ее считали либо трагедией, завершившей чрезвычайно краткий период демократического развития и ввергнувшей страну в пропасть тоталитаризма, либо неизбежным результатом структурных дисбалансов, накопившихся к началу XX в. в бурно модернизирующейся отсталой стране. Окончание холодной войны и распад Советского Союза, когда, как писали, «исчез результат» революции, подвели черту под этой историографией (20, с. 846). Наступили новые времена критики и интеллектуальных поисков, активной работы в открывшихся для зарубежных исследователей архивах. В этих условиях рождался новый историографический образ России, принадлежащий XXI в. Причем создавался в изменившемся научном контексте, когда социально-политический концепт «Запад» утратил свою аналитическую ценность для профессиональных ученых, сохранившись, однако же, в публичном дискурсе (29, с. 2).

Время поиска и выбора

С окончанием холодной войны социально-политический концепт «Запад» подвергся серьезнейшему реформатированию. Страны бывшего

Восточного блока и Прибалтика провели новые границы, отделившись от «неудобного соседа», и официально перестали принадлежать к Восточной Европе. Теперь это страны Центрально-Восточной Европы (СЕЕ), большинство из них – члены НАТО и Евросоюза, что свидетельствует об их стремлении принадлежать и к Атлантическому миру, и к Европе. России они дружно относят к «Востоку», используя проверенную стратегию ориентализации «Другого» для выстраивания своей европейской идентичности (см.: 22).

Преемница Советского Союза Россия утратила статус сверхдержавы и перестала быть для «Запада», значительно расширившего границы своей воображаемой географии, значимым «Другим». В 1990-е годы считалось, что Россия скоро присоединится к клубу демократических стран, в чем ей следует помочь посредством уже известных механизмов (рыночная экономика и институты гражданского общества). Однако с наступлением нового тысячелетия стало ясно, что перспективы превращения России в национальное государство со всеми его либеральными институтами более чем проблематичны; она явно встала на путь имперского строительства.

В то же время в 1990-е годы происходят глубокие изменения в представлениях о мире, вступившем в новую фазу своего развития. В первую очередь это коснулось профессионального дискурса, где идея прогресса из составной части общей картины мира превратилась в объект научного анализа. Философы, социологи, историки, культурологи и, конечно же, специалисты в области постколониальных исследований анализировали историю возникновения этой идеи, ее роль в формировании представлений об окружающем мире и в утверждении власти европейцев над колониями¹.

Несмотря на резкое усиление консервативной мысли, предупреждающей о «столкновении цивилизаций», идет постепенное избавление от европоцентризма, наблюдается отказ от нормативного подхода, который подмечал лишь нехватку либо отсутствие в той или иной стране важных условий для европеизации. Прежде биполярный мир становится единым, условные границы и барьеры растворяются. Возникает стремление видеть сложность и взаимосвязанность явлений, множественность исторических путей, а не однолинейность «развития», признавать ценность каждой культуры, не прилагая к ней аршин европейского превосходства (24, с. VIII–X).

Вполне закономерно, что в этом интеллектуальном климате победившей политкорректности в зарубежной историографии начинает складываться новый образ России. Он позитивен, поскольку вместо поисков

¹ Судя по базе данных ProQuest, пик диссертационных исследований этой проблемы в англоязычном мире приходится на 1990-е – начало 2000-х годов, составив несколько тысяч наименований. Затем интерес к ней начинает убывать.

причин «провала» страны, не преуспевшей в «гонке за лидером», историки обратились к рассмотрению ее богатой истории и культуры. Можно было бы даже сказать, что Россию вернули в семью европейских наций, если бы не тот факт, что она чаще всего рассматривается теперь в русле имперской парадигмы – как одна из континентальных империй (наряду с Османской и Габсбургской). СССР при этом больше не изображается «империей зла» или оплотом тоталитаризма (эта теория считается как минимум нерелевантной), а все более глубоко изучается на материалах архивов. О «принижении» нашей страны в зарубежной русистике и речи нет, так что стрелы критиков, пытающихся разоблачить очередных «фальсификаторов» отечественной истории, летят мимо цели. Что же касается публичного дискурса, то здесь консервативный образ «извечной Руси» по-прежнему остается востребован.

В сегодняшней России критика «Запада» тоже разворачивается именно в публичном дискурсе. Голоса профессионалов не слышны, да и не будут услышаны. Как и почти 200 лет назад, «Запад» вновь стал для России конституирующим «Другим», в отталкивании от которого предпринимаются попытки активизировать ощущение собственной идентичности. На мой взгляд, суть сегодняшних споров заключается в том, что если условные «западники» видят некую цель, к которой следует стремиться, то «особый путь», предназначенный России славянофильствующими консерваторами, никаким путем не является. Он подразумевает возвращение к мифическим «истокам» и замирание в высокодуховной идиллии. Фактически это борьба между движением и статикой, хотя с точки зрения историософии можно говорить о противостоянии либерального понимания исторического процесса как линейного движения консервативному, т.е. циклическому. Рискну выдвинуть предположение, что нынешнее обострение сражений с условным «Западом» обусловлено не только совершенно определенными геополитическими и макроэкономическими обстоятельствами, но прежде всего тем, что кризис идеи прогресса наконец докатился и до нас и приобрел такую парадоксальную на первый взгляд форму.

Однако критика «загнивающего Запада» звучит в сложный период: само понятие «западной цивилизации» в условиях глобализации значительно релятивизировалось, да и самоощущение европейцев и американцев более не покоится на идеях дискриминации и принижения «Другого». При этом геополитические реалии все упорнее напоминают нам о тех ключевых моментах истории XIX и XX вв., когда понятие «Запад» становилось определяющим в международных отношениях. Не случайно в кардинально новых условиях кризиса Европы, захлестываемой волнами беженцев с «Востока», европейское политическое воображение опять занято Россией и Турцией.

И все же не дело историка анализировать сегодняшнюю ситуацию, которая к тому же меняется буквально ежеминутно – оставим это специалистам. Тем не менее, основываясь на знаниях о прошлом, можно поставить ряд вопросов, способных в чем-то прояснить настоящее. Насколько значимым «Другим» является Россия для Запада, на глазах утрачивающего свою целостность? Выступит ли она тем мобилизующим фактором, который объединит распадающееся политическое и культурное единство Европы и США? И какую роль может сыграть здесь профессиональный дискурс? Возможно, предложенная система координат позволит несколько иначе посмотреть на происходящее сегодня и в нашей стране, и в мире.

Список литературы

1. Большакова О.В. Власть и политика в России XIX – начала XX века: Американская историография. – М.: Наука, 2008. – 263 с.
2. Большакова О.В. Поверх барьеров: Американская русистика после холодной войны / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – 238 с.
3. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. – М.: НЛЮ, 2003. – 548 с.
4. Долинин А.А. Гибель запада: К истории одного стойкого верования // К истории идей на Западе: Русская идея. – СПб.: Петрополис, 2010. – С. 26–76.
5. Журавлева В.И. Понимание России в США: Образы и мифы. 1881–1914. – М.: РГТУ, 2012. – 1140 с.
6. Карпович М. О русском мессианстве // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1956. – Кн. 45. – С. 274–283.
7. Лихачев Д.С. Национальное самосознание Древней Руси. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1945. – 118 с.
8. Минуты Р. Образ России в творчестве Монтескье // Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. Карп С.Я. – М.: Наука, 2004. – С. 31–41.
9. Струве Г. Русский европеец: Материалы для биографии и характеристики князя П.Б. Козловского. – Сан-Франциско: Дело, 1950. – III, 164 с.
10. Токвиль А. де. Демократия в Америке / Пер. с фр. – М.: Прогресс, 1992. – 559 с. Оригинал: Tocqueville A. de. De la démocratie en Amérique. – Vol. 1. – P., 1835; Vol. 2. – P., 1840.
11. Ульянов Н.И. Комплекс Филофея // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1956. – Кн. 45. – С. 249–273.
12. Хархордин О. Основные понятия российской политики. – М.: НЛЮ, 2011. – 321 с.
13. Цивилизация и варварство: Трансформация понятий и региональный опыт / Отв. ред. Буданова В.П., Воробьева О.В. – М.: ИВИ РАН, 2012. – 350 с.
14. Цыкова К.А. Россия второй половины XIX – начала XX в. в трудах Анатолия Леруа-Болье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005. – 25 с.
15. Adamovsky E. Euro-Orientalism: Liberal ideology and the image of Russia in France (c. 1740–1880). – Oxford; N.Y.: Peter Lang, 2006. – 358 p.
16. Adamovsky E. Euro-Orientalism and the making of the concept of Eastern Europe in France, 1810–1880 // The journal of modern history. – Chicago, 2005. – Vol. 77, N 3. – P. 591–628.
17. Banerjee A. We modern people: Science fiction and the making of Russian modernity. – Middletown: Wesleyan univ. press, 2012. – VIII, 206 p.
18. Bavaj R. The West: A conceptual exploration. – Mode of access: http://ieg-ego.eu/en/threads/crossroads/political-spaces/political-ideas-of-regional-order/riccardo-bavaj-the-west-a-conceptual-exploration/?searchterm=oriental%20despotism&set_language=en

19. Burbank J. Revisioning imperial Russia: Conference report // *Slavic rev.* – Chicago, 1993. – Vol. 52, N 3. – P. 555–567.
20. Confino M. Present events and the representation of the past: Some current problems in Russian historical writing // *Cahiers du monde russe.* – P., 1994. – Vol. 35, N 4. – P. 839–868.
21. David-Fox M. Showcasing the great experiment: Cultural diplomacy and Western visitors to Soviet Union, 1921–1941. – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 2012. – XII, 396 p.
22. East and West: History and contemporary state of Eastern studies / Ed. by Malicki J., Zasztowt L. – Warsaw: Studium Europy Wschodniej, 2009. – 335 p.
23. Emmons T. Russia then and now in the pages of «American historical review» and elsewhere: A few centennial notes // *American historical review.* – Wash., 1995. – Vol. 100, N 4. – P. 1136–1149.
24. Enduring Western civilization: The construction of the concept of Western civilization and its «Others» / Ed. by Federici S. – Westport: Praeger publishers, 1995. – XVI, 210 p.
25. Engerman D. Know your enemy: The rise and fall of America's Soviet experts. – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 2009. – X, 459 p.
26. Engerman D. Modernization from the other shore: American intellectuals and the romance of Russian development. – Cambridge: Harvard univ. press, 2003. – 399 p.
27. Evtuhov C. Guizot in Russia // *Cultural gradient: The transmission of ideas in Europe, 1789–1991* / Ed. by Evtuhov C., Kotkin S. – Lanham, 2003. – P. 55–72.
28. Fukuyama F. The end of history and the last man. – N.Y.: Free Press, 1992. – XXIII, 418 p.
29. Germany and «the West»: The history of a modern concept / Ed. by Bavaj R., Steber M. – N.Y.; Oxford: Berghahn books, 2015. – X, 317 p.
30. GoGwilt Chr. True West: The changing idea of the West from the 1880 s to the 1920 s // *Enduring Western civilization: The construction of the concept of Western civilization and its «Others»* / Ed. by Federici S. – Westport, 1995. – P. 37–62.
31. Gorer G., Rickman J. The people of Great Russia: A psychological study. – L.: Cresset press, 1949. – 235 p.
32. Hagen M. von. Empires, borderlands and diasporas. Eurasia as anti-paradigm for the post-Soviet era // *American historical review.* – Wash., 2004. – Vol. 109, N 2. – P. 445–468.
33. Halecki O. Borders of Western civilization: A history of East Central Europe. – N.Y.: Ronald press, 1952. – XVI, 503 p.
34. Halperin Ch. Muscovy as a Hypertrophic state: A critique // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history.* – Bloomington, 2002. – Vol. 3, N 3. – P. 501–507.
35. Heller P. The Russian dawn: How Russia contributed to the emergence of «the West» as a concept // *The struggle for the West: A divided and contested legacy* / Ed. by Browning C.S., Lehti M. – N.Y., 2010. – P. 33–52.
36. Kappeler A. Between science and politics: The German-language historiography of Russia during the 20th century // *East and West: History and contemporary state of Eastern studies* / Ed. by Malicki J., Zasztowt L. – Warsaw, 2009. – P. 41–60.
37. Keller W. East minus West = zero: Russia's debt to the Western world, 862–1962 / *Trans. from German.* – N.Y.: Putnam, 1962. – 384 p.
38. Kingston-Mann E. In search of the true West: Culture, economics, and the problem of Russian development. – Princeton, 1999. – XIII, 301 p.
39. Kirby D. Divinely sanctioned: The Anglo-American Cold War alliance and the defence of Western civilization and Christianity, 1945–48 // *Journal of contemporary history.* – L., 2000. – Vol. 35, N 3. – P. 385–412.
40. Kivelson V. On words, sources, and historical method: Which truth about Muscovy? // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history.* – Bloomington, 2002. – Vol. 3, N 3. – P. 487–499.
41. Leroy-Beaulieu A. L'empire des tsars et les russes. – P.: Hachette. – T. 1: Le pays et les habitants. – 1881; T. 2: Les institutions. – 1882; T. 3: La religion. – 1889.

42. Malia M. *Russia under the Western eyes. From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum.* – Cambridge: Harvard univ. press, 1999. – XII, 514 p.
43. Mariano M. *Remapping America: Continentalism, globalism, and the rise of the Atlantic community, 1939–1949 // Defining the Atlantic community: Culture, intellectuals, and policies in the mid-twentieth century / Ed. by Mariano M.* – N.Y.: Routledge, 2010. – P. 71–87.
44. Minuti R. *Oriental despotism // European history online (EGO), published 2012-05-03.* – Mode of access: http://ieg-ego.eu/en/threads/models-and-stereotypes/the-wild-and-the-civilized/rolando-minuti-oriental-despotism/?searchterm=None&set_language=en.
45. Molho A., Wood G.S. *Introduction // Imagined histories: American historians interpret the past.* – Princeton, 1998. – P. 3–20.
46. Neumann I.B. *Uses of the other: «The East» in European identity formation.* – Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 1999. – XV, 281 p.
47. Novick P. *That noble dream: The «objectivity question» and the American historical profession.* – Cambridge: Cambridge univ. press, 1988. – XII, 648 p.
48. Poe M. *A people born to slavery. Russia in Early Modern ethnography, 1476–1748.* – Ithaca: Cornell univ. press, 2000. – XI, 293 p.
49. Poe M.T. *Moscow, the Third Rome: The origins and transformations of a «Pivotal Moment» // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* – Wiesbaden, 2001. – H. 49, Bd 3. – S. 412–429.
50. Poe M. *The truth about Muscovy // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history.* – Bloomington, 2002. – Vol. 3, N 3. – P. 473–486.
51. Rostow W.W. *The stages of economic growth.* – L.; N.Y.: Cambridge univ. press, 1960. – IX, 178 p.
52. Said E. *Orientalism.* – N.Y.: Pantheon, 1978. – XI, 368 p.
53. Shanin T. *The idea of progress // The post-development reader / Ed. by Rahnama M., Bowtree V.* – L.: Zed books, 1997. – P. 65–71.
54. Steel R. *How Europe became Atlantic: Walter Lippmann and the new geography of the Atlantic Community // Defining the Atlantic Community: Culture, intellectuals, and policies in the mid-twentieth century / Ed. by Mariano M.* – N.Y.: Routledge, 2010. – P. 13–27.
55. Szeftel M. *The historical limits of the question of Russia and the West // Slavic review, 1964.* – Vol. 23, N 1. – P. 20–27.
56. Wallace D.M. *Russia: 2 vols.* – L.: Cassel and Co, 1877–1878.
57. Wittfogel K. *Oriental despotism: A comparative study of total power.* – New Haven: Yale univ. press, 1957. – XIX, 556 p.

РЕЦЕНЗИИ

В.П. МАКАРЕНКО

ВО ЧТО ВЕРИТЬ: В МЫСЛЬ ИЛИ В ГОСУДАРСТВО?

Заметки о книге:

Щедрина Т.Г. Архив эпохи: Тематическое единство русской философии. – М.: РОССПЭН, 2008. – 391 с.

Любить Родину – значит говорить правду.
Т.А. Марченко

Спустя три с небольшим месяца после установления советской власти Александр Бенуа записал в дневнике: все значение России станет позитивно-действенным с того момента, «когда она в значительной степени войдет в состав других политических организмов. Я верю в русскую мысль, а не в русское государство». Жена требовала как можно быстрее «уехать, покинуть эту ужасную страну. Я-то это знал всегда, – резонирует Бенуа, – но она только теперь начинает понимать весь ужас – быть русскими гражданами»¹. Проблема «конфронтации» верований и страха в ответ на реальное бытие русских людей существует и сегодня, сто лет спустя после того, как ее сформулировал выдающийся художник и искусствовед.

Жители нашей страны до сих пор, к удивлению ее хулителей, не разбежались, а наши руководители все еще претендуют на статус «исторических личностей». Поэтому сформулирую проблему на языке Альберта Хиршмана: каковы личные мотивы и внешние причины лояльности, критики и разрыва эмоциональных, политических и духовных связей с Россией всех – мертвых, живых и еще не рожденных – индивидов²? Надгробные камни, кресты и звезды над могилами всех отечественных кладбищ, а также холодные цифры статистики вынужденного бегства и добровольной эмиграции из России за сто лет как нельзя лучше свидетельствуют о важности проблемы. Я думаю, всякое честное слово на эту тему никогда не

¹ Бенуа А. Дневник. 1918–1924. – М.: Захаров, 2010. – С. 34, 71.

² См.: Макаренко В.П. Проблема общего зла: Расплата за непоследовательность. – М.: Вузовская книга, 2000; Хиршман А. Выход, голос и верность. – М.: Новое издательство, 2009.

утратит силы. Мнение на этот счет русских мыслителей и исследователей русской мысли мне кажется особенно важным.

Предварительная эмоция и глубинное чтение

Книгу Татьяны Геннадьевны Щедриной я впервые бегло прочел три года назад. «Беглым» я называю первое чтение и выработку предварительного представления о книге и авторе. Это лишь первый этап в процессе погружения в эстетическое пространство книги, без него невозможно обойтись для ориентации на книжном рынке. Массовый читатель в большинстве случаев воспринимает книгу как некий анонимный объект наряду с другими объектами. Опытный – поставит на первое место автора.

Более 40 лет назад я штудировал книгу Романа Ингардена «О познавательности литературного произведения»¹ – классический текст эстетической мысли XX в. Ингарден ввел термин «предварительная (вступительная) эмоция» для обозначения первой фазы эстетического восприятия. Это – особое состояние волнения (растроганности) перед погружением во все слои произведения². С тех пор термин «предварительная эмоция» я и использую для обозначения процессов беглого чтения книги и выработки первого представления об авторе.

Но сама по себе предварительная эмоция еще ничего не значит. Уинстон Черчилль сказал: «Человеческая жизнь должна быть распята на кресте либо мысли, либо действия»³. Книга способствует тому и другому долженствованиям или их блокирует. В этом смысле чтение есть труд и творчество. Чтобы состоялась биография читателя, предварительная эмоция должна быть достаточно сильной.

Книга Щедриной заинтересовала меня уже при первом беглом чтении. Показалось, что в ней по-новому рассматриваются проблемы интерпретации и оценки русской мысли как определенной интеллектуально-политической целостности. Конечно, для «фона» следовало бы упомянуть

¹ Книга до сих пор не переведена полностью на русский язык, хотя первое издание вышло еще в 1937 г. См.: Ingarden R. O poznawaniu dzieła literackiego. – Lwow: Ossolineum, 1937. Изданный в СССР в 1962 г. трактат «Исследования по эстетике» не передает всего богатства концепции Романа Ингардена. См.: Ингарден Р. Исследования по эстетике. – М.: Изд-во иностран. лит., 1962. – 574 с.

² См.: Ingarden R. Przejście estetyczne. – Mode of access: <http://teoriaarchitektury.blogspot.ru/2012/10/roman-ingarden-przejście-estetyczne.html> (Дата обращения: 27.12.2015).

³ Черчилль У. Мои ранние годы: 1874–1904 / Пер. с англ. Е. Осеновой, В. Харитоновой. – М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2011. – С. 113

все прошлые и современные взгляды на это явление¹. Но такую задачу пришлось отложить на потом.

Для проверки первого впечатления прошедшим летом я проштудировал книгу. Второй и последующие этапы чтения одной и той же вещи я называю глубинным чтением². Глубинное чтение – это умение обнаружить, описать, актуализировать и развить те моменты интеллектуально-политически значимых текстов, которые не учитываются или сознательно обходятся при их формальном восприятии и канонических интерпретациях. (Формальное восприятие и канонические интерпретации встречаются в церковно-религиозном, идеологически-светском, политическом и школьно-педагогическом исполнении.) Канонические интерпретации обычно более-менее обусловлены динамикой экономической, социальной, властно-политической и идеологической конъюнктуры – в отличие от истории структур и истории ментальностей (если использовать концепцию Фернана Броделя). Немного расширив метафору Броделя, их можно назвать «пылью интеллектуально-политической повседневности».

Глубинное чтение невозможно без постановки собственной интеллектуально-политической цели, реализация которой иногда растягивается на десятилетия. Идеалом здесь может служить деятельность Лютера и других реформаторов мировоззренческих систем³. Напомню попутно, что современная микроистория уходит корнями в практику глубинного чтения. Обычно его мотивом служит моральное возмущение читателя той несправедливостью, которая существует здесь и сейчас. В классических текстах он и пытается найти ответ на вопрос о ее причинах и возможных на нее реакциях⁴.

В.А. Подорога в положительной рецензии на мою первую книгу высказал упрек в том, что я метафоры превращаю в понятия⁵. Однако преобразование метафор или образов в понятия стало распространенным методологическим приемом. Книгу Т.Г. Щедриной можно считать веским аргументом в его пользу. Но главное: она полна верой в русскую мысль, освобождающую от культуры русского государства.

¹ См.: Кто сегодня делает философию в России / Авт.-сост. А. Нилюгов. – М.: Поколение, 2007. – Т. 1. – 576 с.; Кто сегодня делает философию в России / Авт.-сост. А.С. Нилюгов. – М.: Аграф, 2011. – Т. 2. – 528 с.

² К слову: привычка глубинного чтения сложилась у меня на основе опыта написания первых книг.

³ См.: Соловьев Э.Ю. Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. – М.: Молодая гвардия, 1984. – 131 с.

⁴ См.: Гинзбург К. Сыр и черви: Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке / Пер. с итал. М.Л. Андреева, М.Н. Архангельской. – М.: РОССПЭН, 2000. – 272 с.

⁵ Речь идет о «формулах» Маркса «бюрократическое отношение – государственный формализм – политический рассудок», на которых базируется моя теория бюрократии. Надо сказать, эти результаты моего «глубинного чтения» еще никто не опроверг.

Недавно я перечитал конспект книги и пришел к твердому убеждению: Татьяна Геннадьевна заслуживает безусловного пиетета читателей философской литературы и специалистов по истории русской мысли. Богатство содержания книги не позволяет говорить о ней поверхностно. Я попытаюсь описать лишь первый результат синтеза предварительной эмоции с глубинным чтением, попробую обнаружить в книге такие моменты, которые соединяют автора и читателя в невидимое целое. Если читатель развивает мысли писателя, они выступают не только как собеседники, но превращаются в невидимую коммюнитарную онтологическую ячейку¹. И скажу здесь лишь о том, что меня более всего растрогало.

Контур исследовательской программы

Цель книги Щедриной – очертить интеллектуальное и экзистенциальное пространство русской философии начала XX в., показать ее тематическое единство. Для реализации цели автор дает исходные определения базовых концептов: архив эпохи, диалог, разговор, интеллектуальная культура.

Архив эпохи – это не отвлеченное понятие и не пустая теория, но концепт (эпистемологическая метафора), который позволяет автору продуктивно работать с архивными материалами. С помощью концепта *архив эпохи* Т.А. Щедрина намечает и реализует собственную исследовательскую программу. Теоретически обосновывая этот концепт, она опирается на комплекс идей, «свернутых» в терминах «хронотоп» (А.А. Ухтомский, М.М. Бахтин), «сфера разговора» и «коллектив типа» (Г.Г. Шпет), «архив» (М. Фуко).

Прежде всего Щедрина (со ссылкой на Г.Г. Шпета) определяет *архив эпохи* как совокупность множества структурных элементов. Это «динамический коллектив» – он не имеет собственной организации, так как лишен сколько-нибудь устойчивых «деталей». Члены этого коллектива находятся как бы в «текущем» состоянии, непрерывно сменяют друг друга, появляются и исчезают» (с. 10).

Т.Г. Щедрина использует также идеи М. Фуко. По Фуко, архив – не хранилище документов. Он соединяет смысловые, глубинные мыслительные слои человеческого существования, а потому является феноменом настоящего времени. Щедрина обращает наше внимание на важнейшие, в понимании Фуко, характеристики архива: фундаментальность и дискурсивная основательность. Благодаря им архив и становится местом поиска условий единства интеллектуального сообщества. Архив эпохи – это идеальная модель, позволяющая исследователю выстраивать определенные

¹ См.: Слотердаjk П. Солнце и смерть. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. – 608 с.

цепочки и взаимозависимости идей, слов, выражений. Он может выступать как коммуникативный контекст, в который необходимо погрузить устоявшийся сегодня комплекс идей и представлений, содержащийся в опубликованных текстах.

Попутно автор упоминает еще одно определение архива, которое дает В.А. Подорога: архив – это территория «ученой» войны и борьбы за власть (с. 11). И тут, следуя за Т.Г. Щедриной, мы оказываемся перед *первой развилкой*: какую концепцию архива эпохи предпочесть – Шпета, Фуко, Подороги? Щедрина выбирает путь Шпета и Фуко. Но в любом случае мы вторгаемся в специфические пространственно-временные отношения науки, философии и власти, поскольку именно в этом контексте возникает сам институт и проблема архива эпохи¹. Я вижу здесь еще один путь: конкретно-историческое исследование отношений науки, власти и общества в разных странах и культурах. Можно говорить по крайней мере о трех моделях этих отношений: колониально-имперской (Англия), реакционно-бюрократической (Франция) и революционно-бюрократической (Россия)². Вероятно, в каждом конкретном случае (в том числе российском) в *архиве эпохи* можно обнаружить черты этих моделей. Тогда возникают вопросы: какая из них преобладала в конкретном хронотопе и как «доминантная» модель повлияла на отношения между русской мыслью и русской властью?

Не буду торопиться с ответом, послушаю автора. «При погружении в архив эпохи, – пишет Т.Г. Щедрина, – многие опубликованные и отработанные идеи, оставленные историей позади, предстают в новом свете и становятся остро современными. Архив эпохи – это сфера общения идей. Вот почему я думаю, что для нас сегодня архив эпохи начала XX века оказывается в определенном отношении современнее, чем многие сегодняшние изыскания» (с. 12–13). Иначе говоря, под *архивом эпохи* понимается определенное отношение между прошлым и настоящим в России и осмысление данного отношения в русской философии как сфере общения идей.

Щедрина ссылается на свой опыт работы в архивах (Э. Клапареда, Ш. Балли, А. Лаланда, К. Леона). Переписываясь и общаясь с авторами журналов, словарей и проч., эти ученые задавали тональность научным и философским дискуссиям своего времени. Тем самым фактически формировали тематическую структуру европейского философского и научно-гуманитарного дискурса. «Именно коммуникативный аспект познания, проступающий сквозь живую ткань “архива эпохи”, я думаю, и следует сегодня поставить в центр современных дискуссий о культурных истоках,

¹ См.: Подвластная наука? Наука и советская власть / Рос. акад. наук. Ин-т философии; сост., науч. ред. С.С. Неретина, А.П. Огурцов. – М.: Голос, 2010. – 815 с.

² См.: Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 1040 с.

способах развертывания и интеллектуальной специфике русской философской традиции», – указывает Щедрина (с. 14).

Здесь мы подходим ко *второй развилке*: какова была и есть степень свободы центров научного общения, формирующих научные и философские дискуссии? Под свободой я понимаю «несвязанность» социальным заказом, политической конъюнктурой, религиозными и идеологическими установками, под воздействием которых всегда находится научное и философское сообщество. Так, например, в ст. 44 Конституции РФ записано, что каждому гражданину гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Однако институты, в том числе система грантов, задают «гражданам» иной поведенческий алгоритм. Поэтому диапазон реальной, а не декларируемой свободы ученых тоже является предметом анализа. Это всегда результат их личного выбора. Это – фронт, на котором идет невидимая война против стремления власти превратить их в зловонных попрошаек.

Примером *архива эпохи* является для Т.Г. Щедриной реальный архив Г.Г. Шпета – философа, ученого, писателя, переводчика и модератора философского и научного знания. С помощью этих материалов автор реконструирует своеобразие русского философского разговора: «...“архив эпохи”, определяющий коммуникативное пространство русской интеллектуальной традиции, становится сегодня не только концептом для обозначения специфического пласта исторической реальности, но и актуальной проблемой... Современная Россия и сегодня находится в том хронотопе начала XX века, от которого мы так быстро хотели “отряхнуться” в 1917 году и к которому пока так и не сумели вернуться даже после событий 1990-х. И поэтому я думаю, что концепт “архив эпохи” – это понятие далеко не только историко-философское или историческое, в смысле отнесения к прошлому, а это понятие современное» (с. 16–17).

Едва мы согласимся с такой трактовкой архива эпохи, как будем принуждены определить свое отношение к советскому периоду нашей истории, к действовавшим тогда поколениям людей. На этот счет есть советские (Г.Л. Смирнова, А.С. Ципко) и постсоветские (Ю.А. Левады, М.О. Чудаковой и др.) классификации. Выделю описание поколения, к которому принадлежу сам. Э.И. Колчинский «собрал» множество норм и идеалов поведения поколения нынешних 70-летних жителей России: оценка друг друга с точки зрения личных достоинств и индивидуальных способностей, а не происхождения, богатства, конкуренции; сопротивление стандартам советского ученика и комсомольца; приоритет дружбы над официальным коллективизмом, завистью и социальной дифференциацией; уважение к способным, предприимчивым, смелым, независимым и сильным; презрение к подхалимам, зубрилам, доносчикам, чекистам и прочим

«бдительным гражданам»; чтение с утра до вечера классической литературы, а не детективов и книг про «войнушку»¹.

Скажу еще об одном общем для этого поколения историческом ощущении. Мой ровесник вспоминал, как в 12-летнем возрасте из любопытства залез под стол, чтобы послушать отца и брата, обсуждавших письмо ЦК КПСС по поводу культа личности Сталина. «Однако там, под столом, видимо, случилась “передозировка”. Конечно, ни о каких мировоззренческих переворотах и речи быть не могло в силу полного отсутствия у меня этого самого мировоззрения. Но ощущение свое я помню отчетливо – было такое чувство, что некий мудрый устроитель всего, в том числе и моей жизни (счастливого детства), как бы исчез. Конечно, присутствие этого устроителя в повседневных своих делах я не замечал, но он как бы был гарантом стабильности этого мира. И вдруг его не стало. Это как бы перед тобой чудо, а потом оказывается ловкость рук или двойное дно. С этим чувством я живу до сих пор»². Я тоже помню, как обсуждали это письмо отец и его приятель, которому во время боев под Москвой оторвало ногу, за что он получил уже не первый к тому времени орден. И мне знакомо чувство тотального надувательства, в котором пришлось жить нашему поколению.

Хочется спросить у Т.Г. Щедриной: как она относится к поведенческим нормам и идеалам поколения 70-летних, в котором, как я понимаю, «прописаны» ее учителя и наставники? Какова мера их универсальности и относительности? Могут ли они служить пропуском в архив общения идей? Есть и другой, более важный вопрос: почему презрение моих ровесников к детективам, книгам про «войнушку» и чекистам не помешало выбрать их представителя президентом России? Процесс преобразования чекистов в политиков начался в советских республиках Кавказа, затем дошел до центра бывшего СССР и нынешней России³. Здесь возникает еще один вопрос: повлияло ли это на нынешний архив эпохи?

Если же перевести проблему с общесоциального уровня на профессиональный, то следовало бы, как мне кажется, описать нормы и идеалы нынешних поколений, участвующих в производстве философского знания, выявить меру их конфликтности или консенсусности, а также проанализировать критерии «отбора» советских и постсоветских модераторов философского общения. Самое главное здесь – объяснить причины и следствия

¹ См.: Колчинский Э.И. Так вспоминается. – СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 111.

² Культурно-историческая эпистемология: Проблемы и перспективы: К 70-летию Бориса Исаевича Пружинина / Отв. ред.-сост. Н.С. Автономова, Т.Г. Щедрина; науч. ред. Т.Г. Щедрина. – М.: РОССПЭН, 2014. – С. 433.

³ См.: Соловьев В., Клепикова Е. Юрий Андропов: Тайный ход в Кремль. – СПб.: Санкт-Петербург, 1995. – 336 с.

навязывания сверху философскому сообществу определенной тематики обсуждения.

Предпосылки для такого рода исследований в книге Т.Г. Щедриной есть. К примеру, вдохновившись идеями Б.И. Пружинина, она проводит различие между диалогом и разговором. Т.Г. Щедрина пишет: «“Разговор” обладает особой продуктивностью в качестве концепта. Сегодня мы должны осознать потребность различения двух концептов “диалог” и “разговор”, чтобы фиксировать эти реальные формы словесного общения в зависимости от контекста. Для меня важно следующее различие: интеллектуально насыщенное непосредственное общение (разговор) и любая форма словесного взаимообмена (от интеллектуального до виртуального) – диалог» (с. 25). Что же характеризует эти выделенные автором формы? Во-первых, диалог – это интеллектуальная форма общения, имеющая дело с отработанными текстами и идеями. Разговор же отправляет нас к архивам, незавершенным текстам и контекстам их создания. Разговор – это более живое, что ли, слово-понятие. Во-вторых, диалог имеет коннотацию с диалектикой, где два голоса постоянно спорят друг с другом (соседействуют по гегелевскому принципу «тезис-антитезис», «данет»), в то время как в разговоре голоса не столько противопоставляют себя друг другу, сколько ищут и находят «живой» консонанс, понимаемый как интеллектуальное и экзистенциальное созвучие.

Мне особенно интересна авторская характеристика «разговора». В нем господствуют случайность и произвольность неожиданных мыслей. Разговор многопредметен, максимально приближен к реальной жизни и существует как конституирующее начало в сфере повседневности. Он не может быть окончательным, но открыт и принципиально не завершен; в нем отсутствует предзаданность. «В разговоре возникает синергичный эффект, понятый как эффект совместного деяния, и на первое место выходят не персонифицированные носители абстрактной идеи (как в диалоге), но субъекты, ведущие разговор, взаимно обогащающий их в процессе создания единого предметного поля через движение к истине» (с. 23–24). Тематическая сфера разговора становится контекстом для опубликованных произведений. А задача исследователя – «реконструировать этот контекст, выявить смысловые пласты реальности, которые составляют русскую интеллектуальную культуру, т.е. реальность, в которой возникает общение идей» (с. 28).

Вот главные здесь слова: общение идей, которое и есть интеллектуальная культура. Я всю жизнь охочусь за таким общением. Это не просто опыт, но если хотите, принципиальный вопрос русского бытия. Г.Г. Шпет определял сферу разговора как множество контекстов, в которых понимается мысль. Разговор – это не только фактическое событие, но и методологическая стратегия. Если существование собеседников исторически разо-

рвано, то разговор приобретает форму общения идей, интеллектуального и экзистенциального созвучия мыслителей.

Щедрина напоминает: в начале XX в. в России возникло множество кружков, участники которых стремились не к литературному запечатлению своих воззрений, а к непосредственности личных связей, постоянному поиску поводов для общения (здесь почти не ощутимо давление зависти и проч.). Иначе говоря, в сфере интеллектуального общения возникало нечто подобное общинам первохристиан. Но эта практика не продолжилась. Т.Г. Щедрина констатирует: идея коммунитарной ассоциации до сих пор не реализована.

Здесь я полностью согласен с автором. – Имею соответствующий опыт. В десятом классе Туапсинской железнодорожной школы-интерната мы – двое ростовчан и двое москвичей – создали кружок и назвали его «ассоциацией». Наша общая идея состояла в том, чтобы поступить на разные гуманитарные факультеты, а затем передавать знания друг другу в процессе общения. Тем самым наше общение могло бы стать способом разрушения перегородок, существующих между историческим, юридическим, журналистским, филологическим и философским образованием и знанием. Я назвал эту идею гуманитарным энциклопедизмом. Однако не удалось – по разным причинам.

В университете тоже не раз намечалось творческое содружество с коллегами. Мы вели разговоры на философские темы, особенно под выпивку и закуску (что я, правда, понимал как вступление в разговор). При этом сделал несколько наблюдений. Когда на коммунальной кухне (имею 20-летний опыт жизни в коммунальной квартире) мы начинали обсуждать философские темы, это крайне злило соседей. Из-за пустяка мог возникнуть конфликт с непредсказуемыми последствиями. Профессиональный же разговор с коллегами длился не более часа, к тому же и жены его не одобряли. Потом начинались анекдоты и песни – то, что (как я понял) подменяет осмысленное общение и создает иллюзию общности.

Наконец, уже в зрелые годы мы с супругой начали устраивать семейные встречи для философского общения. Жена пекла пироги, готовила другие разносолы, мы немного выпивали и вели беседы на философские темы. Так прошло несколько встреч. Но опять не удалось.

Конечно, опыт философских кружков начала XX в. и надо бы обновить. Однако здесь возникают вопросы: как соединить профессиональное с этическим? Почему большинство членов научного сообщества России предпочитают казенный способ общения? И, наконец, отчего до сих пор не удалось реализовать у нас идею коммунитарной ассоциации?

На эти вопросы отчасти отвечает Щедрина – в наше время происходит тотальная банализация диалога. «Сфера его современного употребления значительно расширилась, – пишет Татьяна Геннадьевна, – он стал

достоянием массовой и даже низовой культуры, и все чаще употребляется для обозначения беседы, лишенной интеллектуального или духовного смысла (собраться потрепаться)» (с. 24)¹. Пропаганду такого трепы мы видим ежедневно по телевизору. Даже президент подвизается на этом поприще – интересно, что телекитчи со своим участием он называет «диалогом»².

Что же касается собственно философского разговора, то он несводим к логическому, дискурсивному анализу. Его характеризуют пафосность, т.е. восприятие реальности не только как данности, но и как определенной возможности, идеала, нормы. Ему свойственны сомнения в существующих нормах, нацеленность на истолкование когнитивного и экзистенциального слоев реальности. Щедрина выделяет девять тем философских разговоров: эпистемология общения, соборность и проблема переводимости, истоки русской семиотики, экзистенциальные мотивы исторической памяти, мысли о России, стратегии постижения культуры, гносеология проблемы «я», концептуальный язык педагогики в контексте русской философии, экзистенциальный дневник. По каждой из этих тем Татьяна Геннадьевна высказывает дельные и пронизательные суждения. Отмечу лишь те из них, которые кажутся особенно продуктивными.

Продуктивные идеи

В наше время особенно важно восстановить русскую философию как целостный феномен, имеющий свою интеллектуальную и культурно-историческую специфику. По мнению Т.Г. Щедриной, эта задача сопоставима с возрождением интереса к эпохе Возрождения или к античному наследию, почти полностью стертomu из актуальной памяти. Для ее решения необходим поворот к филологии как стратегии исследования текстов историко-философского характера. Тем самым меняется способ познания прошлого: оно становится проблемой современности, что приводит к становлению нового культурно-исторического сознания.

В 1990-е годы были опубликованы многие работы русских философов начала XX в. «За рамками опубликованного осталось самое сложное – осмысление опубликованного текстуального массива не только как “прошлого”, но и как философской современности, т.е. выявление проблемного комплекса русской философии как целостного феномена» (с. 211). 90-е

¹ В данном случае Т.Г. Щедрина ссылается на статью В.Г. Шукина: Шукин В.Г. О диалоге и его альтернативах // Вопросы философии. – М., 2006. – № 7 – С. 32–44.

² Процесс и яркие примеры банализации политического диалога описал С.П. Поцелуев. См.: Поцелуев С.П. Политические парадиагоги / Отв. ред. В.П. Макаренко. – Ростов н/Д: Изд.-во ЮФУ, 2008. – 392 с. Можно, кстати, задать вопросом: а что считать *философским* парадиалогом?

создали образ русской философии как разрозненной мозаики, где каждый философ представлялся отдельно, а его идеи обсуждались сами по себе, иногда – в сравнении с европейскими философскими течениями или традициями. Щедрина же предлагает «соединить» их (людей и идеи) в единое философское сообщество.

Автор, по существу, создает плацдарм для такого переворота. Прежде всего, Щедрина отвергает популярное нынче стремление представить всю русскую философию религиозной (свести ее к «религиозности») (с. 125–126). При этом он вспоминает разговор с Ульрихом Шмидом, зачислившим в компанию «русских религиозных философов» Г.Г. Шпета: «Когда я спросила Ульриха, почему так произошло, он сослался на “давление” издателей и трудности в получении гранта. Мол, иначе не дали бы финансирование, да и “религиозная” философия из России будет быстрее раскучаться. Стоит задуматься о том, как сегодня “играют” на религиозности и, фактически, снова, уже с позиции прагматизма идеологизируют русскую философскую традицию» (с. 42). Иначе говоря, инструментами идеологизации являются финансирование и пропаганда.

При этом игнорируются принципиальные «социологические» и личностные установки русских философов начала XX в. Говоря о них, автор ссылается на Е. Герцык: «Это не группа идейных союзников, как были в прошлом, например, кружки славянофилов и западников. И все же связывала их не причуда личного вкуса, а что-то более глубокое. Не то ли, что в каждом из них таилась *взрывчатая сила* (курсив мой. – В.М.), направленная против умственных предрассудков и ценностей старого мира, против иллюзий либерализма, но вместе с тем и против декадентской мишуры, многим тогда казавшейся последним словом?» (с. 43).

Напомню, еще в сборнике «Из глубины» Н.А. Бердяев и С.Л. Франк фиксировали связь русского консерватизма с русским революционаризмом¹. Для них одинаково характерны непонимание духовных основ общественной жизни, любовь к механическим мерам внешнего насилия и крутой расправы, сочетание ненависти к живым людям с романтической идеализацией государства. «Русский консерватизм, который официально опирался и отвлеченно мечтал опираться на определенную религиозную веру и национально-патриотическую идеологию, обессилил и обесплодил

¹ Кстати, о революционаризме. Автор фиксирует мнение Шпета и Трубецкого, полагавших, что в ситуации социальных катастроф и политических кризисов страны и народы испытывали культурный и национальный подъем (с. 106). Неплохо бы обратить эту идею против современных попыток квалифицировать революцию только отрицательно, отождествляя ее с разрушением и терроризмом. Сегодня вполне уместен призыв: освободим революцию от консервативно-полицейской оценки.

себя своим фактическим неверием в живую силу духовного творчества и недоверием к ней»¹.

Вряд ли надо доказывать, что в России «нулевых» – «десятых» происходит сознательная реанимация всего этого. И поэтому со всей остротой встает вопрос: где та «взрывчатая сила» российского философского сообщества, которая должна быть направлена против «органической связи» революционаризма с консерватизмом, как ее реконструировать и культивировать?

Внимание автора привлекает такая культурно-историческая метафора, как «соборность», ставшая внезапно популярной в современном российском обществе. Т.Г. Щедрин отвергает шаблонное мнение о «непереводимости» этого понятия на другие философские языки. Это заблуждение распространено «не только в среде специалистов по русской философии, но и в определенных социальных и политических кругах, расширяющих контекстуальную значимость этого понятия в рамках поисков современной “русской идеи”... Этот образ охотно принимается не только определенными политическими кругами Запада, но и оказывает влияние на научные исследования России зарубежными филологами, философами и другими гуманитариями» (с. 54).

В нише современной российской «духовности» нашли приют «дешевые благонамеренные поделки» типа русского космизма, эстетики лада, русского мира, а также русская религиозная философия с идеями всеединства, софийности, православного энергетизма, «синергизма» и других продуктов панического сознания². Особенно выделяются «концепты» российского традиционализма и евразийства, популярные среди политического руководства России, армейского командования, офицеров Службы внешней разведки и Федеральной службы безопасности. «Высших армейских чинов может характеризовать профессиональный интерес к геополитике, но в равной степени и профессиональная тенденция к упрощению. Примерно то же самое можно сказать о СВР, хотя там тенденция может быть обратной: не к упрощению, а к усложнению. ФСБ кое в чем отличается от этих организаций. Когда вознаграждение за работу в органах внутренней безопасности снизилось и в финансовом смысле, и в смысле престижа, упал и профессиональный уровень офицеров ФСБ. Среди них сейчас найдется немного интеллектуалов, зато очень многие лелеют полумистические представления о месте России в мире и своей собственной роли – возможно... в качестве компенсации за низкие заработки»³.

¹ Из глубины: Сборник статей о русской революции. – М.: Новости, 1991. – С. 314.

² См.: Библихин В.В. Собственность: Философия своего. – СПб.: Наука, 2012. – С. 29.

³ Сэдживик М. Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века / Пер. с англ. М. Маршака и А. Лазарева; науч. ред. Б. Фаликова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 412–413.

Как здесь ни вспомнить о превращении в политику массовой ностальгии по СССР, игре с идеологией «особого пути» России, привлечении памяти об Отечественной войне для легитимации нынешней власти, создании концепта «Новороссия» и т.п. Вся эта дешевка свидетельствует о глубоко провинциализме людей, занятых в сфере пропаганды и агитации. Находя сбит в качестве пропагандистского обеспечения внутри- и внешнеполитических акций российского руководства, эти «поделки» могут рассматриваться как современное проявление «русской идеи» (ее форма, ее «метаморфоза»).

Но вернемся к нашей «соборности». Щедрина, ссылаясь на Н.И. Бердяева и Г.Г. Шпета, указывает на ее сходство с европейской коммюнитарностью. «Религиозная коммюнитарность и называется соборностью, которая противоположна всякому авторитарному пониманию церкви» (с. 55). Соборность как тема русской философии затрагивает ряд современных проблем и переводима на языки других культур (с. 60, 69). В этом смысле концепт и практику соборности можно (и нужно) использовать для анализа и критики авторитарных тенденций в современной Русской православной церкви (РПЦ)¹.

Т.Г. Щедрина – противник любой идеологизации интеллектуального наследия русской философии, в том числе (и даже в особенности) исследовательского опыта Шпета и Флоренского. Их идеи нередко теперь воспринимаются так, будто они в свое время существовали в «безвоздушном пространстве». Такое «выворачивание» идей из «сферы разговора» приводит зачастую лишь к увеличению числа формализованных схем в гуманитарной науке и, в определенной мере, прокладывает путь к идеологизации интеллектуального наследия русских мыслителей» (с. 71). До Октября 1917 г. Россия была темой русской философии. Потом «тема» потеряла философичность, но приобрела идеологичность.

Щедрина показывает, как подвижна, зыбка граница между идеологичностью и научностью контекстов на примере разговора Ф. Степуна и Г. Шпета о России и ее интеллектуальной культуре (с. 111–112). Ф. Степун, к примеру, считал, что западный романтизм не создал в России научно объективной философии, но породил политику, публицистику, проповедь и мирозозерцание. После революции в разговоре философов снова зазвучали темы западничества и славянофильства, однако рассматривались они уже не в философской, а в идеологической плоскости. На первый план вышли социально-политические и историософские идеи, а не теоретико-познавательная проблематика.

¹ См. об этом: Митрохин Н.А. Русская православная церковь: Современное состояние и актуальные проблемы. – М.: НЛО, 2004. – 648 с.

Не веря в закат европейской культуры, Ф. Степун в 1922 г. инициировал обсуждение книги О. Шпенглера. Это (среди прочего) привело к политическим последствиям. В.И. Ленин увидел в предполагаемой интеллектуальной импрезе не столько угрозу философским основаниям марксистской идеологии, но нечто гораздо более серьезное. Советская Россия находилась в критической точке выбора дальнейшего пути, и любые сомнения в правильности большевистской линии могли стать для нее смертельными (с. 115). Поэтому он и принял решение о высылке из страны «инакомыслящих» философов. Вслед за В. Кантором Щедрина считает это решение не приступом «иррациональной ярости вождя», а рационально продуманным шагом государственного деятеля. «С высылкой “инакомыслящих” и “инакоговорящих” власть наконец получила реальную возможность установления тотального контроля над общением, приведшего к полной коммуникативной атомизации страны» (с. 192), – резюмирует автор, анализируя дневник Шпета.

Кстати, Щедрина, имея в виду экзистенциальные дневники Густава Шпета и Михаила Пришвина, предлагает анализировать *дневник как феномен письма*, а не жанр литературы: «Экзистенциальный дневник имеет одну отличную от других дневниковых форм особенность – это не жанр литературы, но способ письма, фиксирующий “живую” речь и тем самым позволяющий человеку сохранить свою личность. Это первое и самое главное его отличие от других способов письма. Экзистенциальный тип дневниковых записей возникает только в пограничных ситуациях (перед лицом вины, смерти, тяжелых жизненных испытаний, стрессовых ситуаций, в том числе тотального страха быть уничтоженным, стертым с лица земли), т.е. контекст, заставляющий человека писать такой дневник, экстремален. Эта ситуация подводит человека к границам существования, к “последней черте”, выход за которую меняет, как положительно, так и отрицательно, конфигурацию жизненных пристрастий, личностных оценок, ценностных ориентиров» (с. 181).

Характерно, что в дневниках русских философов и писателей, вынужденных жить при советской власти, фиксируется процесс угасания публичной речи. С приходом к власти большевиков в России исчезают философская и культурная «сферы разговора». Пространство общения сжималось, пока не дошло до точки. Коммуникативная атомизация советского общества достигла апогея в 1930-е годы. Об этом писал М. Пришвин в 1939 г.: «...остаются только твои семейные, да еще два-три старичка, с которыми можно говорить обо всем без опасения, чтоб слова твои не превратились в легенду или чтоб собеседник не подумал о тебе как о провокаторе... Что-то вроде школы самого отъявленного индивидуализма. Так в условиях высшей формы коммунизма люди России воспитываются такими индивидуалистами, каких на Руси никогда не было» (с. 182).

Мне кажется, главный интеллектуально-политический итог книги Т.Г. Щедриной – квалификация исторического движения русской философии как прерванного полета. Русскому философствованию начала XX в., русской мысли не дали раскрыться в полную силу, не позволили выйти из «ученичества» и сказать «свое слово». «Прерванный полет русской интеллектуальной традиции – это ее *недосказанность*, – пишет Щедрина, – требующая внимательного прочтения, актуализации и проблемного исследования. Мы сегодня должны возвращаться к своему интеллектуальному наследию не за готовыми ответами, но за вопросами и проблемами, оставшимися зачастую лишь контурно намеченными, а иногда и просто интонационно схваченными в разговорах о самом главном, о том, что несло в себе личностный смысл» (с. 108). Иначе говоря, суть русской интеллектуальной традиции – в том, чтобы формулировать вопросы, «ставить» проблемы, но не предлагать решения.

Я думаю, с таким выводом согласятся все те, для кого критерий интеллектуальной свободы является главным. Однако уточнение все-таки внесу. Любой полет может быть прерван – как тем, кто летит, так и тем, кто наблюдает за ним со стороны. С этой точки зрения «судьбу» русской философии точно характеризует строчка из А. Вознесенского: ее «сбили как птицу влет». Записки профессиональных охотников за мыслью и простых любителей ее подстрелить для развлечения, фанаберии или других целей пока еще не стали популярным жанром литературы. Между тем русское государство до сих пор тренирует таких стрелков.

Нереализованная идея столетней давности

В заключение хочу поблагодарить Т.Г. Щедрину за то, что она неожиданно помогла мне сделать микрооткрытие. В августе 1917 г. Шпет писал жене: «Чем больше теперешние “любители” России будут стараться на проведение своих идей, связанных с прошлым и своими корнями, тем труднее будет создание новой России. С Россией произошло то, что с домом Романовых: и чем скорее Романовы придут к сознанию нового положения, смирятся и, *отбросив державные планы* (курсив Т.Г. Щедриной), примутся за мелкую и скромную работу, тем им лучше. Россия должна отказаться от мировой политики, перейти на роль второстепенного и даже третьестепенного государства, заняться внутренним устройством и культурой, культурой, культурой, тогда она не погибнет вовсе, даст новых людей и новый “патриотизм”» (Шпет брал это слово в кавычки) (с. 104). Испытывая также ненависть ко всему тому, что называют термином «русская душа», Шпет тем не менее не мог отказаться от размышлений об этом: «Не могу оторвать себя даже мысленно от России», – восклицал он (с. 105).

При чтении этого отрывка меня будто ударило током. Изучением творчества Макса Вебера я занимаюсь с 1974 г. Но только в 2007 г. были опубликованы переводы на русский язык его статей о России и русских революциях. Примерно тогда, когда Шпет писал жене (лето 1917 г.), Макс Вебер опубликовал статью «Русская революция и мир», где дал очерк *взаимосвязи между российским империализмом, интеллектуализмом и национализмом*. Вебер исходил из того, что государственные интересы не могут быть объективными, поскольку они зависят от идеалов и ценностей. Здесь он не привнес ничего нового: от Гегеля идет традиция трактовки международной политики как сферы реализованного произвола. Зато Вебер описал причины русских революций: реализуя свои специфические идеалы и ценности, царизм построил в России самую страшную за всю историю из мыслимых систему порабощения народов¹.

Эта система так влияла на русскую мысль, что русский интеллигент, к какой бы партии он ни принадлежал, становился ориентирован не национально, а националистически и империалистически. Империализм способен выступать в деспотической, либеральной и социалистической формах. По определению Вебера, империалист – это тот, кто за пределами сферы интересов своей нации силой вмешивается в дела других наций. «Русские политики должны забыть о делах чужих наций; только так они могут доказать, что они подлинные демократы» (с. 138), – таков веберовский вердикт.

Как видно, мысли выдающегося германского социолога и русского философа, живших в воевавших тогда между собой странах, совпадают почти «дословно». Оба советовали России отказаться от мировой политики. Оба связывали патриотизм с демократией. Случайно ли это совпадение? Как бы то ни было, два выдающихся ума предложили такую трактовку патриотизма, которая требует отказа России от мировой политики и ее сосредоточения на культуре. В XX в. Россия «забыла» об этом «проекте». В СССР культура была пристегнута к политике. Реанимация геополитики в постсоветские времена привела к появлению геоэкономики и геокультуры. Взаимосвязь между империализмом, интеллектуализмом и национализмом в российском случае не разорвана.

Г.Г. Шпет утверждал: борьба культуры и государства – правило русской истории. «Правительство существенно лишено творчества и существенно утилитарно. Правительственная и бюрократическая интеллигенция присвоила себе в России прерогативы интеллигенции аристократической. Отсюда специфические особенности истории русской культуры. Прави-

¹ См.: Вебер М. О России: Избранное / Пер. А. Кустарева. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 157.

тельство существенно консервативно, оно репрезентирует народный инстинкт самосохранения и потому не может быть творческим»¹.

Примеры борьбы между культурой и государством во множестве дает социальная и политическая история нашей страны на протяжении последних 100 лет. Книга Т.Г. Щедриной является своего рода методологическим и содержательным введением в то дело, о необходимости которого было заявлено столетие назад.

¹ Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии / Отв. ред., сост., коммент., археограф. работа Т.Г. Щедрина. – М.: РОССПЭН, 2008. – Ч. 1. – С. 70.

В.Л. ШЕЙНИС

РОССИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ В XX ВЕКЕ:

Рецензия на книгу:

**Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое. – М.; СПб.:
Центр гуманитарных инициатив: Университетская книга,
2014. – 336 с.**

Своей новой работе академик Ю.С. Пивоваров предпосылает эпиграф – слова Альбера Камю: «Моя книга вторгается непосредственно в текущую историю, чтобы заявить ей протест, и тем самым она становится пусть скромным, но поступком». Перед нами книга-размышление о «вечных» вопросах русской истории, которые «не решены и никогда решены не будут», но снова и снова возникнут в трудном процессе самопознания нашего общества. Книга ученого, осмысливающего историю последних десятилетий XX в. и остро переживающего неясный посыл XXI столетия перед лицом «социальных необходимостей, требующих от нас преодоления советизма». Книга современника, заявившего свой нравственный императив: «автор делает ставку на свободу воли человека» (с. 3, 7, 10, 13). Очень многое привлекает в труде Ю. Пивоварова.

Культурный бэкграунд. Мне кажется, что автор получает интеллектуальное наслаждение, адресуясь к работам предшественников, соприкасясь (и отталкиваясь) от идей Петра и Никиты Струве, Александра Зимины и Льва Тимофеева, Николая Карамзина и Василия Ключевского, и многих, многих других.

Переосмысление событий, многократно описанных, и взглядов, казалось бы, устоявшихся. Автор не обинуется бросить вызов: «Историю нельзя... невозможно понять так, как ее понимают профессиональные историки», – и приглашает к дискуссии.

Манера изложения. О сложных проблемах автор ведет разговор в жанре «некоего подобия дневников», написанных по свежим следам обживавших событий 2008–2014 гг.

Стиль. Текст раскован, параллели неожиданны, многие примеры ошеломляющи¹. Автор постоянно обращается к образам классической литературы, поэзии, кино, к своим повседневным наблюдениям. «Русская литература создала ту Россию, в которой мы живем, – замечает Ю. Пивоваров. – Именно писатели придумали основные русские типы, сформулировали основные русские вопросы, “сконструировали” основополагающие русские мифы» (с. 118).

По широте и разнообразию затронутых тем, по остроте спора, в который вступает автор, по манере и стилю изложения его книга ярко выделяется в потоке историософской и политологической литературы. Она не может и не должна в нем затеряться. Я попытаюсь представить эту замечательную книгу читателю, во многом соглашаясь с автором, но подчас полемизируя с ним.

На пути к Февралю

Согласимся с А. Солженицыным: «Россия напрочь проиграла XX век». Эта оценка для Ю. Пивоварова принципиальна. Истекший век, развивает он мысль писателя, – «результат напрочь проигранной Революции. Поражение потерпели все: народ, интеллигенция, священство, элиты и пр. К сожалению, русское общество не хочет этого понимать». Ни победа в Отечественной войне, ни прорыв в космос, ни обретение статуса «второй великой державы» и т.д. не могут заслонить главного: «...более античеловеческого, немилосердного и губительного для собственного народа социального порядка в новой истории припомнить нельзя. В России в ушедшем столетии произошла антропологическая катастрофа» (с. 48).

Почти ничто, полагает автор, в предшествовавшие десятилетия не предвещало столь трагического оборота событий. Особенно отчетливо контраст бросается в глаза при сопоставлении с прошедшим историческим периодом – от «Великих исторических деяний Александра II» до Февральской революции. Это, настаивает он, «единая историческая эпоха», подлинное время реформ. Именно тогда «Россия пережила свой золотой социальный век»: «...феноменальный подъем экономики... рост и расцвет городов... блеск свободной науки и университетов... общественное самоуправление снизу доверху по всей империи – строилась великая русская демократия...» (с. 69). И даже к контрреформам в царствование Александра III автор склонен отнестись снисходительно: то было время «некоей

¹ Кто бы решился, к примеру, вслед за Б. Парамоновым (Николай II – двойник Юрия Живаго) выстраивать параллель: Ленин – инженер Гарин. Или Ленин – Штольц, взявшийся реализовывать то, что привиделось во сне Обломову? – Прочтите, подумайте. См.: с. 76–80, 88.

естественной приостановки для того, чтобы прийти в себя, осмотреться, успокоиться – и двигаться дальше» (с. 116).

Согласимся: забывать о том, что входило в русскую жизнь в предреволюционные десятилетия, легкомысленно. И все же картина победного шествия прогресса по русской земле в годы царствования ее трех последних монархов преувеличенно мажорна, отвлечена от серьезных противоречий, невосполнимых задержек, преград на этом пути, которые во многом предопределили обвал.

Верно, что при Александре II развитие страны в общем (хотя и не без откатов) шло по восходящей линии и в некоторых областях (суд, право, свобода печати и др.) выходило на уровень, который и ныне недосыгаем. Но мне хотелось бы привлечь внимание к тому, сколь опасны могут быть уступки реакции и трагичны останки на пути реформ. В 1881 г. успешная акция первомайцев, так и не понявших, что они сотворили, поменяла неустойчивое соотношение сил в верхах, сломала пружину поставленного было на взвод механизма политической реформы и отсрочила продвижение России к Конституции на 25 лет – и каких лет! Когда Александр II еще не был похоронен, новый царь – любимый персонаж наших «патриотов» – созвал совещание высших сановников империи, чтобы решить, как быть с уже подписанным убитым царем квазиконституционным проектом Лорис-Меликова. Когда читаешь суждения тогдашних мракобесов о необходимости твердой власти, о народных традициях, об интеллигенции, которой следует поучиться у народа, о крестьянах, отданных под власть кулаков и жидов, и т.д., так и слышится клекот современных стервятников¹.

Проект Лорис-Меликова, довольно осторожный по сравнению с современными ему европейскими конституциями, будь он реализован в России, где уже с 1860-х годов начинали набирать силу и влияние земские учреждения, суды, университеты и др., был бы прорывным шагом: учредил бы институт, вокруг порядка формирования и роли в государственной системе которого шло бы перетягивание каната от самодержавия к «общественности». И происходило бы это при еще живом царе-реформаторе, способном в критические моменты сыграть роль арбитра и пойти наперекор консервативному дворянству и бюрократии.

Вопрос о возможностях и пределах реформирования России в предфевральские десятилетия – центральный, и свою позицию Ю. Пивоваров заявляет предельно ясно и обосновывает обстоятельно. «Настоящая реформа – а мы признаем реформы трех последних царствований настоящими – не крушит наличный мир, а преобразовывает его, совершенствует.

¹ См.: Былое: Журнал, посвященный истории освободительного движения. – СПб., 1906. – № 1. – С. 189–194; Пг., 1918. – № 5. – С. 162, 184–193.

По своей природе она нацелена не на уничтожение каких-то, казалось бы, устарелых форм, а на развязывание возможностей для становления тех сил, что зреют в рамках этого мира» (с. 118). В идеале наименее болезненные для общества реформы именно так, видимо, и должны были бы проводиться. Если покопаться в истории разных стран, можно, наверное, найти примеры подобного проведения реформ. Беда России, однако, заключалась в том, что самые необходимые, даже уже не терпящие дальнейшего отлагательства реформы встречали (и встречают) бешеное сопротивление радетелей «устарелых форм», а их консервация тормозила и коверкала реформы.

Обратимся к тем сюжетам, которые рассматривает для обоснования своей концепции автор. Их можно сгруппировать по трем основным пунктам: «исторический компромисс» между самодержавием и обществом – Николай II – Столыпин.

Основные законы от 23 апреля 1906 г. («Конституция Николая II»), утверждает автор, привлекая авторитетные суждения В. Маклакова и В. Леонтовича, уже зафиксировали компромисс между властью и обществом. «Максимум того, что общество могло тогда «переварить», оно получило. И максимум того самоограничения, на которое тогда могла пойти власть, она установила... всем следовало оставаться в этих рамках...» (с. 25, 28). А почему, собственно, и как измерены эти максимумы? Формулой компромисса – Конституцией (не говоря уж о том, что всегда творила и творит власть в обход и нарушение закона) – не были удовлетворены обе стороны; и «компромиссно-консенсусное начало» в их отношениях не нарастало, а подрывалось. В подтверждение этого можно привести множество фактов ограничения и нарушения дарованных свобод. Сама Конституция с суверенитетом царской власти и невозможностью Думы влиять на исполнительную власть, с известной 87-й статьей, открывавшей для правительства обширное поле для маневров также и в законодательной сфере, и т.д. была, как справедливо замечает автор, «потенциальным источником нового взрыва» (с. 118). Взрыв мог бы и не произойти? Это так, но при одном по крайней мере из двух условий: если бы общество и его представитель – Дума смотрели на себя глазами царицы Александры Федоровны¹ и (или) если бы царь не пребывал в убеждении, что его долг – передать наследнику власть в том виде, в каком он ее получил от своего отца.

В нашем обществе происходит переоценка личности и исторической роли последнего русского царя. Образ, нарисованный Ю. Пивоваровым, вероятно, понравится многим: на протяжении всего своего правления Николай II уходил в ретрау, пожертвовал во имя этого властью и превратил-

¹ «Царь правит, а не Дума», – писала Николаю II императрица. См.: Переписка Николая и Александры Романовых. – М.; Пг.: Госиздат, 1923. – Т. 5. – С. 153.

ся в никому не нужного «лишнего человека». Он – «лучшее в новой русской истории олицетворение» выбора «в пользу достойного, человеческого и справедливого», а под конец жизни «явил себя в блеске достоинства» (с. 69, 70, 72, 73, 79, 88). Признаем за автором право на такую оценку личных качеств человека, с честью встретившего смерть.

Однако получил он колоссальную власть на себе, своей семье и стране в переломный период ее истории. А Солженицын несправедливо обвиняет царя в том, что он не «продрог в безжалостности», чтобы совладать с «Либерально-радикальным Полем»: «...слабый царь, он предал нас»¹. Но он не мог подавить нараставшую оппозицию и по своим личностным качествам, и по объективным обстоятельствам. Он действительно был слаб и вдобавок напичкан предрассудками, а потому не мог стать ни «выдающимся деятелем», ни «реформатором власти» (с. 68, 69). В словах С. Витте: император не терпит «иных, кроме тех, которых он считает глупее себя, и вообще не терпит имеющих свое суждение, отличное от мнений дворцовой камарильи (т.е. домашних холопов)»², явно прочитывается обида отставленного царедворца. Николай II все-таки в критические моменты приближал к себе и Витте, и Столыпина. Но неоспоримы реалии: царская воля не просто органично проявляла себя в ущербном поведении (благоволение к «черной сотне» – Дубровину и ему подобным, позор распутищины), но и препятствовала превращению России в «нормальную страну» (воспользуюсь понятием Ю. Пивоварова), т.е. развитию процесса, исходным пунктом которого могла стать (но не стала!) Конституция 1906 г.

Ярко представляет автор фигуру Петра Столыпина. Его речь при открытии II Думы – действительно впечатляющая программа, реализация которой позволила бы привести правовой порядок в стране в соответствие с Конституцией 1906 г. (с. 26–27)³. Можно пойти дальше и вспомнить вторую большую государственную программу, продиктованную Столыпиным незадолго до его гибели. Будь она осуществлена, утверждает А. Солженицын, она превзошла бы реформы Александра II и явила России «впервые в полном раскрытии своих даров». Но, во-первых, даже полная реализация потенциала, содержавшегося в Основных законах 1906 г., могла стать лишь промежуточным, а никак не конечным пунктом в демонтаже самодержавного строя. А во-вторых, и это главное, Солженицын не зря описывает нараставшую изоляцию выдающегося реформатора в структурах власти – путь к гибели премьера. Он справедливо отмечает, что отношения неординарного реформатора с царем – «уязвимая перемычка всей

¹ Солженицын А. Размышления над Февральской революцией // Российская газета. – М., 2007. – 27 февр.

² Витте С.Ю. Воспоминания. – М.: Госиздат, 1960. – Т. 3. – С. 33.

³ Столыпин П.А. Речи в Государственной Думе и Государственном совете. 1906–1911. – Нью-Йорк: Телекс, 1990. – С. 36–46.

стольпинской работы», что уже в апреле 1911 г. «чуткие придворные носы распознали, что Государь бесповоротно охладел и даже овраждебнел к Столыпину»¹.

Энергия и устремленность выдающегося реформатора не могли компенсировать ни его предельную зависимость от капризного самодержца, ни коренной дефект государственного устройства, конституированного в 1906 г., – полнейшую независимость исполнительной власти (не только собственно правительства, но и теневой камарилы) от народного представительства. Это врожденный и поныне являющий себя в разных обличьях порок «русской власти». Ведь и в условиях обострившегося политического кризиса в годы войны царизм не соглашался удовлетворить архимумеренные требования оппозиционного Прогрессивного блока в Думе – создание правительства даже не парламентского большинства, но «пользующегося доверием общества»². Выправить положение, замечает В. Шульгин, мог бы только «второй Столыпин»³. Но под рукой у монархии в последний год ее существования оказался лишь Б. Штюрмер, проходивший «производственную практику» у В. Плеве, ставший премьером с подачи Распутина и царицы, невежественный не только в дипломатии, но и в географии воюющих стран. «Одного этого назначения, – написал П. Милюков, – было достаточно, чтобы охарактеризовать пропасть, существовавшую между двором и общественными кругами»⁴.

Трагедия 17-го года

«Зачем Февраль?» – ставит вопрос Ю. Пивоваров и отвечает: «По большому счету, Февральская революция произошла потому, что, к сожалению, ни общество, ни власть не поняли: революция уже (в 1905–1907 гг.) была».

Автор отмечает исторические обстоятельства, которые вели к Февральскому перевороту: влияние войны, безответственность властей, заговор военных, стакнувшихся с «общественниками» и т.д. Но все это, по его мнению, причины второго порядка: при более дальновидном поведении

¹ Красное колесо. Узел I. Август четырнадцатого // Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 20 т. – Вермонт; Париж: YMCA-press, 1978–1983. – Т. 11. – С. 219, 239–243.

² См.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны, (1914–1917). – Л.: Наука, 1967. – С. 102–109.

³ «Нельзя же в самом деле требовать от страны бесконечных жертв и в то же время ни на грош с ней не считаться, – писал Василий Шульгин. – За поражения надо платить. Чем?.. Той валютой, которая принимается в уплату: надо расплачиваться уступкой власти... хотя бы кажущейся, хотя бы временной...» (Шульгин В.В. Дни. 1920. – М.: Современник, 1989. – С. 125–126).

⁴ Милюков П.Н. История второй русской революции: Воспоминания. Мемуары. – Минск: Харвест, 2002. – С. 26–27.

главных фигурантов развитие могло продолжаться в рамках, на которые Россию вывела Конституция 1906 г. Мне трудно с этим согласиться. То, что буржуазно-демократическая революция 1905–1907 гг. была незавершенной, то, что «исторический компромисс» между самодержавием и рвущейся в XX в. Россией не мог остановиться на достигнутом, видно хотя бы из программы Временного правительства, объявленной уже 3 марта 1917 г. и содержавшей перечень мер, элементарных с точки зрения европейского прогресса¹. Преобразования, за которые несколько десятилетий бились русские либералы и революционеры и которые были либо начаты, либо осуществлены за несколько недель второй русской революцией, были абсолютно невозможны при сохранении самодержавной власти, а поражения на фронтах и политический кризис делали эти преобразования неотложными.

А все, что стало происходить в стране после Февраля и главное – куда «слиняло общество летом-осенью (особенно осенью) 1917 г.» (с. 29), – не укладывалось в известные каноны европейских революций. И здесь объяснения, которые предлагает Ю. Пивоваров, глубоки и оригинальны. С петровских времен страна была фундаментально расколота на две субкультуры («два враждебных склада и направления нашей жизни», по В. Ключевскому). Соответственно весной 1917 г. развивалась не одна, а две разные революции. Одна – общества, окрепшего и осознавшего свою силу особенно в годы войны, восставшего против традиционной власти. Оба фигуранта принадлежали к верхней, европеизированной (хотя и в разной мере) культуре. Вторая – крестьянская, уравнилельно-передельно-захватная революция, покончившая, в частности, со столыпинской реформой (с. 28–34). Действительно, что можно было ждать от десяти с лишним миллионов вооруженных крестьянских парней, изнуренных тремя годами жизни в окопах и вождевших принять участие в земельном переделе, коль скоро все сдерживавшие их пути были разорваны или ослаблены?

Со второй половины 1917 г. стала набирать силу третья – большевистская революция, которая осуществила передел государственной власти. В 1917 г. столкнулись две революции. Как поезда. Историческая катастрофа подобна железнодорожной: оба поезда сошли со своих путей. «К весне-лету 1917 г. Революция европеизированной субкультуры достигла своих целей. Здесь бы ей остановиться, передохнуть, “подумать” и начать строить. Но именно в этот момент в нее врзалась Революция традиционалистской, крестьянской субкультуры. Ее мощь лишь начинала разворачиваться. Большевики сумели сыграть на этом столкновении: на “временном” угасании одной Революции и подъеме другой. Развал госу-

¹ Хроника России: XX век. – М.: Слово/Slovo, 2002. – С. 212; Керенский А.Ф. Русская революция. 1917. – М.: Центрполиграф, 2005. – С. 118–120.

дарства и армии дал еще одну волну мощного разрушительного свойства» (с. 34). Такова, в общих чертах, концепция Ю. Пивоварова. Связка Февраля с Октябрем, взломавшим Российское государство и общество, подтверждена ходом свершившихся событий. Но немало не оспаривая анализ глубинных процессов в книге Ю. Пивоварова, мне хотелось бы поставить иной вопрос: следовал ли Октябрь за Февралем с неотвратимостью чередования времен года?

Чтобы пояснить мысль, позволю себе сделать небольшое отступление. Досконально рассматривая глубинные процессы (особенно завершившиеся), объективные связи, мы нередко заключаем, что при данных условиях, при данном соотношении и характере действующих сил в развитии событий закономерен только известный результат. На самом деле этот результат в лучшем случае наиболее вероятен. В динамичных, изменчивых, остро конфликтных ситуациях воля нескольких или даже одного человека, исходящего из собственных представлений о должном и сущем и оказавшегося способным решающим образом повлиять на поведение других людей (иногда – больших масс), перенаправляет ход событий в неожиданном направлении и создает новую ситуацию с иными вероятностями и закономерностями. Так в 1917 г. на авансцене появился Ленин, личный выбор которого навязал окружению (а затем и стране) захват власти партией меньшинства – решение, которое многим сначала казалось несуществимым или провальным. Или из Лондона в июне 1940 г. прозвучал голос до того не самого заметного французского генерала, который перевел ситуацию разгрома в ситуацию надежды, мобилизации сил сопротивления и привел Францию в число главных победителей, решавших судьбы Европы и мира.

Вернемся к конкретным обстоятельствам 1917 г., наличие и связь которых не были, как мне представляется, изначально и неотвратимо предопределены. Попробую противопоставить детерминистскому подходу альтернативный.

Во-первых, мощным ускорителем и катализатором разрушительных процессов была мировая война. О том, какие невыносимые тяготы и социальное озверение принесет с собой первая большая война XX в., мало кто мог догадываться и в Европе, убаюканной мирными десятилетиями, и в России. Конечно, напряжения между державами нарастали так быстро и резко, что войну колоссального масштаба едва ли можно было предотвратить. Но каждый год отсрочки (не говоря уж о 10–20 годах «покоя», которые запрашивал у истории Столыпин) был бы важен для России. Парадокс заключался в том, что за войну выступили и провластные, и либеральные круги, сомневался Распутин, колебался царь, а против войны, не имевшей ничего общего с национальными интересами страны, высказывалась лишь интернационалистская партия большевиков. Когда пройдет милитарист-

ская истерия, антивоенная позиция станет одним из главных активов этой партии, который позволит ей подняться из небытия.

Во-вторых, после свержения царизма русская революция прошла несколько развилок. На каждой из них выбор пути не был предопределен. Но люди, к ногам которых неожиданно свалилась власть, воспринимали происходившие события в понятиях и устремлениях уходящего времени. Так, наверное, на крутых исторических поворотах бывает всегда. Беда, однако, в том, что держатели власти не смогли оценить, как скоротечен момент, который дал им свободу выбора, и сколь огромна ставка, какую мог сорвать победитель. Отбросив пошлую максиму: история не знает слагательного наклонения, я рискну утверждать, что историческая судьба России в XX в. сложилась бы иначе, если бы Временное правительство вкупе с большинством, сохранявшимся в Советах до корниловского мятежа, сподобилось принять и провести в жизнь три решения.

Не обольщаясь плодами чаемой победы и не затевая авантюру с наступлением на фронте, выйти из войны. (Летом это можно было сделать на более достойных, чем Брестский мир, условиях, не раскалывающих страну.)

Найти приемлемую (пусть юридически не безупречную) форму признания и легализации земельного передела, который уже полным ходом творила крестьянская вольница. (Это было бы временным отступлением от столыпинского плана, но не обрекло бы, в терминах Пивоварова, эмансипационную революцию быть раздавленной альянсом большевиков и крестьян, с. 39–44.)

Не заморачиваясь разработкой совершенного избирательного закона и не стремясь выгадать на отсрочке народного вотума, провести выборы в Учредительное собрание, которое сообщило бы легитимность новой власти, пока это сделать было не поздно¹. Предложения, содержавшие указанные три пункта, вечером 24 октября привезла Керенскому делегация Совета Республики в составе Н. Авксентьева, А. Гоца и Ф. Дана. Вероятно, в эти часы предотвратить Октябрьский переворот было уже поздно. Но своевременно осуществленные эти меры могли бы повлиять на ход событий².

¹ Сходный вариант альтернативной истории описывал известный историк Виталий Старцев. См.: Старцев В.И. Октябрь 1917-го: Была ли альтернатива? Фантазии и реальность // Свободная мысль. – М., 2007. – № 10. – С. 96–107.

² «Немедленно принять весьма существенные решения по вопросу о войне, земле и Учредительном собрании и немедленно оповестить об этих решениях население рассылкой телеграмм и расклейкой афиш, – предлагали посланцы предпарламента. – Мы настаивали, что это непременно должно быть сделано той же ночью, так, чтобы утром уже каждый солдат и каждый рабочий знали о решениях Временного правительства». См.: Дан Ф.И. Последняя попытка лидеров ЦИКа // Анин Д. Революция 1917 года глазами ее руководителей. – Roma: Edizioni Aurora, 1971. – С. 392.

В-третьих, сам Октябрьский переворот еще не был окончательным выбором. «Гражданская война была состязанием двух меньшинств при политическом безразличии “народа”, т.е. большинства простонародья, “настроения” которого колебались так же, как колеблется погода», – цитирует высказывание Б. Струве Ю. Пивоваров (с. 46). Можно обозначить ряд переломных пунктов, когда стрелка могла склониться в другую сторону. Особенно вероятно это было вначале, когда «еще не смели верить в свою неслыханную, немислимую удачу все эти... кремлевские мечтатели», – замечает автор, и указывает на сохранение Учредительного собрания как «последний, единственный шанс для всех нормальных (не-уголовников)» (с. 17). Я, правда, думаю, что упустили этот шанс не офицеры, которые отправились на Дон вместо Петрограда (где их с высокой вероятностью перебили бы), а выигравшие выборы в Учредительное собрание эсеры, которые раскололись и не вывели в защиту Конституанты поддерживавшие их тогда еще заводы и воинские части в столице.

Я опять о трагедии упущенного времени. Ведь через несколько месяцев Учредительное собрание, первое (и последнее) в России избранное на всеобщих свободных выборах, но отразившее кратковременное, отчасти даже случайное соотношение сил, было сброшено в отвал. И страна втянулась в Гражданскую войну, в которой, думаю, победа ни одной из сторон не могла принести ей исцеления. Война забросала социальное поле «зубами дракона» надолго. Три года империалистической и четыре-пять лет Гражданской войны с их кровью, грязью, разгулом насилия протянули свои щупальца в последующие десятилетия, доформировали ту Россию, в которой мы живем сегодня. Более ощутимо, чем столетия татарщины и крепостного рабства.

Большевистский режим

В отличие от Великой французской революции (в ее время, к слову, тоже было достаточно жестокостей и бесчинств), которая позволила утвердиться новому порядку, вызревавшему в недрах старого, наша революция «раздавила этот новый порядок и ревитализировала многое из того, что, вроде бы, уже уходило» (с. 132). Большевизм, продолжает Ю. Пивоваров, явление того же порядка, что и фашизм, гитлеризм, маоизм. Исторически порожденный общинной и другими революциями в России, которые разнесли в 1917 г. и общество, и прежнюю власть, он был первым в ряду тоталитарных режимов XX века. «Энергия этих революций напитала большевизм сначала как движение, затем как Режим. И он, побив всех остальных, встал на ноги и поволок Россию за собой» (с. 96).

Выявляя исторические корни большевистского режима, Ю. Пивоваров отказывает ему в праве называться временем реформ российского об-

щества. Ибо реформой «следует считать такие действия, которые заключаются в решении вопросов, стоящих перед обществом, на путях расширения свободы прежде всего индивидуальной, – и, соответственно, личной ответственности» (с. 120). В звании реформатора он отказывает и Петру I: «Все те громадные новации, которые внес в русскую жизнь этот человек, имели своим главным результатом дальнейшее закабаление населения России». Да, заслуги Петра в развитии просвещения на Руси несомненны, но они никак не отменяют главного результата его действий. «Более того, трагическое несоответствие просвещения и крепостничества и стало основным взрывным элементом русской революции и гражданской войны».

Насилие как адекватный способ социальных преобразований отвергал еще Герцен¹. «Петроградизмом», часто не ведая о зле, которое он несет, болельны многие наши преобразователи – и болезнь передается по наследству. Досадно, что реформаторское движение Е. Гайдара, приспособляясь, видимо, к исторической традиции, избрало своим символом Медного всадника. Художественно памятник прекрасен, но символизирует он Россию, поднятую на дыбы...

Еще важнее оспорить созидательную роль большевизма, сталинизма, официальная трактовка которых ныне все более сводится к пустой формуле – «с одной стороны... с другой стороны»... «Реформа, – утверждает Ю. Пивоваров, – это политика осознанного принятия социальной конфликтности как фундамента нормального, здорового развития общества. Реформа – это отказ от единственной и тотальной идеологии; отказ от принципа «кто не с нами, тот против нас»; отказ от понимания другого/иного как врага... Смысл этого термина заключается в том, что настоящий реформатор всегда принимает во внимание позиции в обществе различных социально ответственных сил, включая и противостоящие ему...» (с. 121).

Большевистский режим произрастает из войны, извлекает из нее насилье и чрезвычайщины сначала как способ решения внезапно возникавших неотложных вопросов, а затем – как ставший привычным универсальный способ управления. «Власть берет на себя роль Главного Планировщика, Сборщика и Распорядителя жизненно важных ресурсов» (с. 95, 96), а затем, добавим, практически всех имеющихся в стране ресурсов. В итоге уже к началу 1930-х годов происходит «полная историческая аннигиляция приемлемой страны» (с. 65). В «Конституции победившего социализма» названы переформатированные классы, а в идеологии торже-

¹ В письме «К старому товарищу» Герцен решительно отвергал «петроградизм»: «...шагать семимильными шагами... из первого месяца беременности в девятый и ломать без разбора все, что попадется по дороге». «Акушер должен ускорять, облегчать, устранять препятствия, но в известных пределах – их трудно установить и страшно переступить». (Герцен А.И. Сочинения: в 9 т. – М.: Гослитиздат, 1958. – Т. 8. – С. 400, 402.)

стует «классовый подход». На деле, приводит автор суждение американской исследовательницы Ш. Фицпатрик, базис классовой структуры Советской России – не производство, а потребление. Существенны отношения не между номинально обозначенными классами, а с государством: социальный статус в реальной жизни определяется доступом к жизненным благам, а он, в свою очередь, – набором привилегий, даруемых государством (с. 63–64)¹. Что же до «классового подхода», то он в каждый данный момент назначал критерии, следовать которым предписывалось в государственной политике, и идеологии со всеми их кульбитами.

На своем историческом пути коммунистический режим прошел ряд стадий. Одна из самых интересных попыток его периодизации принадлежит французскому исследователю А. Безансону. В его изложении история советского коммунизма может быть представлена как постоянное чередование двух идеальных типов, условно обозначенных как «военный коммунизм» и нэп. Режим «подвержен колебаниям огромной амплитуды, и в конце каждого удара маятника либо общество стоит на грани разрушения, либо власть – на пороге ликвидации или растворения»². Ю. Пивоваров отталкивается от построений французского ученого. Но уже в названии книги он прибегает к инверсии: русское – не прошлое, а настоящее, советское – не настоящее, а прошлое. А в истории коммунистического режима (КР) – всего две последовательные стадии: КР-1 и КР-2.

КР-1, по Пивоварову, зарождается во время Первой мировой войны, около 1915–1916 гг. и угасает в 1941–1942 гг. Это режим тотальной и перманентной революции, его метод – «всеобщее, абсолютное насилие, стремление к переделке всего и вся». Свое высшее и законченное выражение КР-1 получает в сталинизме. Ныне, в дни безумного сталинского поветрия, характеристика, которую дает этому чудовищному извиту русской истории Ю. Пивоваров, приобретает совершенно исключительную актуальность. Сталинизм – это безумное нагнетание ненависти, утопический тип сознания, отказ от всех фундаментальных ценностей человеческой истории, новая мораль, снимающая с человека личную ответственность за содеянное и предполагающая обязательную презумпцию виновности другого, понимание истории и социальных отношений как исключительно борьбы... Сталину «удалось совершенно органично соединить в непротиворечивое целое безумие и безответственность левых радикалов с самоодвально-тупым “мочиловом” погромщиков» (с. 213–216).

¹ См.: Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е годы: Город. – М.: РОСПЭН, 2008. – С. 19–21, 52–83, 110–140.

² Безансон А. Русское прошлое и советское настоящее = Russian past and Soviet present / Пер. и общ. ред. А. Бабича. – Л.: Overseas publ. interchange, 1984. – С. 84. См. также с. 85–94.

КР-2 тоже вырастает из войны, но из войны Отечественной: «Момент истины» настал 22 июня 1941 г. ... Началась Отечественная война и более того – Освободительная для русского народа от сталинского коммунистического режима». Война «за самоэмансипацию народа от людоедской системы стала первым этапом освобождения». «Предвестие свободы, – цитирует Ю. Пивоваров известные слова из “Доктора Живаго”, – носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание» (с. 97–102). А двумя событиями, обозначившими перелом, полагает автор, были упомянутый роман и XX съезд, «русский Нюрнберг». Именно они «в самом прямом смысле слова вдохнули в нас жизнь» (с. 103, 106).

Как и почему началось размягчение коммунизма? Какая роль в этом принадлежала вневластным силам, зашифрованным в понятии «народ»? Когда началось и в чем проявилось самообучение власти? Еще недавно казалось, что эти и другие вопросы представляют лишь исторический интерес. Однако сегодня имеющийся, но далеко не осмысленный опыт разложения тоталитарного режима приобретает исключительную актуальность.

Верно, что в годы войны «Людоед начал что-то понимать» и в соответствии с этим корректировать свою политику. Наиболее заметно это проявилось в обращении к «корням» (что, собственно, началось уже в предвоенные годы) – замене раннебольшевистской риторики патриотической, в чем автор усматривает возвращение народу его истории. Но мне трудно согласиться с тем, что война стала освободительной для народа, а после войны настал конец «универсальной переделке», будь то в отношении власти к собственному народу, будь то в ее мировых амбициях.

Социально-классовая переделка общества была закончена еще в 30-е годы, но «метод всеобщего абсолютного насилия» (с. 97) разворачивался вовсю также и во время войны (что легко объяснить), и в послевоенные годы, которые явили последние пароксизмы разнузданного насилия и небрежение к самым элементарным нуждам народа. Какие уроки Людоед извлек из сюжета «народ на войне», лучше всего показала его «благодарность» тем, кто выиграл войну и спас режим. Памятуя о том, что за походом русской армии в Европу в 1813–1815 гг. последовали декабризм и пушкинская мечта о «свободе просвещенной», он позаботился наглядно продемонстрировать победителям – от солдата и колхозника до маршала и партийного иерарха, а особенно интеллигенции, понадеявшейся, что «в воздухе предвестие свободы», – их место в его государстве. И преподанные уроки как раз стирали чувство освобождения, если кого-то во время войны оно пьянило. Не столь уж принципиальной была замена «мировой революции» с Коминтерном насажденными режимами «народной демократии» в Восточной Европе и беспощадной «борьбой за мир во всем мире».

Точка перелома, на мой взгляд, – не война, а физическая смерть диктатора. Она дала старт переменам. Именно тогда «все начало ломаться» (с. 61). Выше уже шла речь о роли субъективного фактора. Хрущев не зря однажды обмолвился: жаль, что мы не могли приступить к переменам лет на десять раньше. Номенклатура не «победила Сталина», а выползла из-под его тяжелой длани. Первым сработал у нее инстинкт самосохранения: кто может сказать, что еще успел бы сотворить впадавший в параною держатель абсолютной власти?! Но если переход властителей «от людоедства к более естественным формам социального питания» (с. 111) совершился практически сразу, то разложение режима происходило долго, неровно и мучительно. В этом – суть КР-2.

XX съезд (в отличие от появления великого романа Пастернака, который общественно значимым событием стал много позже) был действительно важной вехой на пути десталинизации. Правда, на роль «русского Нюрнберга» он, по-моему, не тянет. «Другого не будет» у нас не потому, что XX съезд заменил немецкий Нюрнберг, а потому, что мы, к сожалению, проскочили эту историческую остановку, обошлись без нее – и получили сейчас ревитализацию Сталина в сознании огромной массы народа. В годы перестройки известный ученый и правозащитник Кронид Любарский писал, что у нас собственная демократическая власть призвана решить задачи, которые в Германии решал оккупационный режим¹. С задачами этими не справилась и демократическая революция рубежа 1980–1990-х годов. Куда уж было партноменклатуре осилить задачу духовного оздоровления народа от диктатуры, длившейся много дольше, чем нацистская? Я хорошо помню, что секретный доклад Н. Хрущева на XX съезде, зачитанный в десятках тысяч аудиторий, стал потрясением для страны. Однако шок был хотя и сильным, но кратковременным и неглубоким.

«Оттепели» в политической жизни периодически сменялись заморозками вплоть до середины 60-х годов, когда был взят сознательный курс на реставрацию существенных элементов сталинизма. Правда, разложение режима, помимо воли и сознательных намерений правившей номенклатуры, ревностно оберегавшей свою власть и идеологию, в социально-экономической сфере происходило. Ю. Пивоваров справедливо заостряет внимание на массовом жилищном и дачном строительстве, развитии туризма, автомобилизации и т.д. «Возник новый личностно-приватный мир,

¹ «Безмерность преступных деяний нацизма была столь очевидной, что не могло быть и речи о том, чтобы хотя бы на один день дозволить его идейному яду разлиться по земле, – писал К. Любарский в 1993 г. – Сейчас этот вопрос стоит и перед нами, только нет у нас союзнической администрации, решать приходится самим». И еще до того, в 1991 г.: «Все общество заражено вирусом коммунизма, и, если не принять действенных мер, выздоровление может затянуться надолго (если пораженное вирусом общество выживет вообще)». (Кронид: Избранные статьи К. Любарского. – М.: РГГУ, 2001. – С. 288, 230.)

включающий в себя элементы выбора, свободы, повышенных стандартов потребления». Было ли появление миллионов людей, воспользовавшихся немислимыми прежде возможностями, «смертельным приговором Русской системе в ее коммунистическом изводе»? (с. 61). Пожалуй, да. Но, во-первых, чтобы приговор был приведен в исполнение, должен появиться могильщик – новые поколения интеллигенции и просвещенных бюрократов, не прошедших школу свирепого коммунизма. Они-то и стали зачинщиками, инициаторами антикоммунистической революции, ее главной движущей силой до того, как к ним присоединились разбуженные массы народа. А во-вторых, как впоследствии выяснилось, «сознательный отказ от движения в сторону свободы и права... и сознательный выбор рабства в обмен на более или менее равный минимум потребления» (с. 58) коренился не только в коммунистической системе.

Вполне обоснованно Ю. Пивоваров сомневается в том, что «советское» – действительно наше прошлое, что вообще правомерно его противопоставление «русскому», ныне популярное среди некоторых наших «прогрессистов». Это принципиально важная, далеко не общепринятая и усвоенная мысль. «Советское – шире, глубже, значительнее, органичнее, устойчивее, опаснее коммунистического. Коммунизм во многом наносен, ситуативен, вымышлен, несерьезен, функционален... Советское же это то, во что вылилось русское в XX столетии. Это – форма русского массового общества, продукт весьма своеобразной урбанизации, “красное черносотенство” (по терминологии П.Б. Струве... борьба против культуры, сведение высокой культуры к примитивным ее образцам и нормам...), результат выбора 1917 года, долговременного террора и продолжительной мировой самоизоляции...» (с. 92).

Неловкий выход из коммунизма

Сопоставляя два перехода из одной исторической эпохи в другую, происходившие в России в XX в., Ю. Пивоваров констатирует: первый из них (в начале века) был разрывом, второй разрывом не стал (с. 49). В начале бурных 90-х он многим показался таковым (мне, как, видимо, и автору), но сейчас очевидно, что «мы так и остались законными преемниками СССР» (с. 21), ибо советизм и даже Сталин растворились в людях, в социально-психологической атмосфере (с. 13) и, добавим, в структурах общества, в характере власти. Если большевистская революция «полностью, “до основания” разрушила дооктябрьскую русскую эссенцию» (все-таки не полностью, но согласимся – основательно), то антикоммунистическая и антисоветская революция конца 80-х – начала 90-х лишь завершила эволюцию советизма и «диссоциировалась» в реставрационном режиме Путина (с. 136–137). «В сфере политики и идеологии устанавливается уни-

кальней строй – самодержавно-наследственное (или преемническое, или сменщицкое) президентство, опирающееся на авторитарно-полицейско-криминальную “систему”...» (с. 111). Организация власти во многом воспроизводит коммунистическую: она пирамидальна и остроконечна (возглавляется единовластным лидером), а расстановка руководящих лиц осуществляется не выборами, а «перебором людишек» (с. 186).

Такова сегодняшняя реальность. Мало кому она могла привидеться в августовские дни 1991 г., когда автор, как и множество наших соотечественников, переживали счастье победы над путчем, были исполнены «восторженной гордости, спокойствия и совершенно оправданных надежд» (с. 320). Но за тем, к чему мы пришли, стоит наша история. Стоит, в частности, то, что противоположно реформе и что, к беде нашей, массовое сознание полагает высшим достижением русской цивилизации.

Трижды в российской истории, утверждает Ю. Пивоваров, несмотря на различия эпох, возникала по существу одинаковая социальная конфигурация: сосуществование и взаимодействие опричнины и земства. Земство – большая часть населения, которая живет в как бы привычных условиях. Рядом конструируется новое сообщество, опричина, которое из этих условий высвобождено и которому «все позволено». Снова и снова воспроизводится по сути ордынский порядок, к которому Русь привыкала два с половиной столетия ига: тогда в роли опричнины – Орда, земщины – Русь.

После Ивана Грозного схожую модель воспроизводит Петр I. Новая земщина живет по старинке, по Уложению Алексея Михайловича. Рядом с нею – европеизированная петровская опричина, преобразованное и лишённое прежней «русскости» правящее сословие, скопом превращенное в новых опричников. После смерти Петра она раскалывается, меняет людей на троне и в конечном счете обретает известную независимость от верховного властителя.

Третий вариант той же модели, в которой роль опричнины играет номенклатура, – сталинский. Он прочнее первых двух, во-первых, потому что Сталин оградил своих опричников от «тлетворного влияния» Запада и, во-вторых, ввел порядок периодической их замены посредством физического истребления одних и рекрутирования из состава «земщины» других. Это придавало сталинской системе укорененность, но лишало ее долговечности. Поскольку опричники не могли смириться с кратковременностью своего бытия, сталинская модель не пережила своего демиурга.

Такое мастерское историческое уподобление в подробностях, возможно, до некоторой степени искусственно. Но земско-опричная система в многовековой истории русской государственности не случайна, а традиционна, настаивает Ю. Пивоваров. Она выражает сходную реакцию на действительные или воображаемые вызовы своего времени. Многовластный правитель возрождает в доступном для него оформлении ядро ордын-

ского порядка – чрезвычайными средствами реформирует правящее сословие, в той или иной мере решает поставленные задачи, углубляет раскол общества и оставляет после себя социальную конфигурацию, которая, как всякое чрезвычайное состояние или институт, не способна пережить своего создателя и рухнет или эрозирует после его ухода. Опрично-земская система вообще недолговечна. А вероятность ее воспроизведения в сталинском (или постсталинском) варианте, полагает автор, мала, ибо ее принципы «полностью несовместимы с вектором мирового социального развития» (с. 121–126). И все же опрично-земские полосы на историческом теле России оставили незажившие рубцы. В нашу современность они протянулись зловещим и вредоносным выбросом – «чекистским авторитаризмом». У власти, пишет Ю. Пивоваров, дети Андропова сменили детей Арбата.

Здесь необходимы уточнения. Дети Арбата – актив интеллигенции, проходивший становление в годы Оттепели, вышедший на баррикады, преградившие дорогу путчистам в 1991 г., у власти никогда не был. В 90-е годы он сник и покинул политическую авансцену. Почему так произошло – разговор отдельный. Но в состязании за ставшую как бы бесхозной власть, которое развернулось между обломками бывшей номенклатуры, ключевые позиции чекистам (которые, по самохарактеристике, не бывают бывшими) достались не случайно. Их выигрыш был подготовлен заблаговременно. Еще Андропов «бросил свои чекистские силы на спасение системы». «Он возродил и возвел на новые высоты чекистское племя. При нем вновь стало почетно и престижно работать или сотрудничать с КГБ». Стараниями Андропова, Алиева и других (а также, добавим, уходом от «расчета с прошлым»), будто бы осуществленным на XX съезде КПСС) со спецслужб был удален палаческий нимб и заменен распространенным представлением о том, что их кадры более всего подходят для чистки самых скомпрометированных звеньев разлагавшейся партийно-государственной номенклатуры (с. 234–236). Коррупцию они не победили. («Нельзя опрочиниться сближаться с земщиной. Дистанция и еще раз дистанция!») Но захватили «плацдарм для скорой победоносной операции... социального блицкрига» (с. 142–143). И «дети Андропова» были вновь востребованы, когда схлынула волна демократической революции и страну накрыла невиданная еще волна коррупции, а иные государственные органы становились нефункциональными¹.

¹ О том, как чекистам видится их роль в недавнем прошлом и как они представляют свое назначение в настоящем, с подкупающей откровенностью рассказал В. Черкесов, соученик В. Путина по юрфаку ЛГУ и коллега по службе в органах. В условиях «полномасштабной катастрофы», которая постигла страну в начале 90-х годов, написал Черкесов, государственную систему начало собирать заново «сообщество людей, выбравших в советскую эпоху в качестве профессии защиту государственной безопасности... Падая в бездну,

И все же сколь ни велика была роль «чекистского реванша» в реставрации советизма, корни восторжествовавшей ныне реставрации глубже. Они уходят в советское и досоветское прошлое. Два момента в связи с этим заслуживают особого внимания: властесобственность на верхнем этаже социальной системы и черносотенство как важнейшая черта массовой культуры.

Главное отличие не одной лишь России, но вообще незападных обществ от западных в том, утверждает Ю. Пивоваров, что «в них разграничительная линия между суверенитетом и собственностью либо вообще не существует, либо столь расплывчата, что теряет всякий смысл» (с. 167). На Западе со времен Древнего Рима (и еще в Греции как тенденция) сложная эволюция права и институтов привела к становлению частной собственности. Государство над нею не властно (или оказывает ограниченное влияние)¹. В России властитель – одновременно суверен государства и верховный собственник.

Исторически, показывает автор, здесь сменились три формы властесобственности: самодержавная, коммунистическая (номинально общенародная, а фактически «идеальная замкнутая властесобственническая система») и современная – «чистая и без всяких ограничителей... высшая форма развития властесобственности». Является ли нынешняя разновидность властесобственности чистой и высшей, можно поспорить. Автор сам указывает на существование ряда ограничителей: гедонистически потребительскую ориентацию нынешних властителей и превращение части из них в крупных (хотя и не вполне частных) собственников. Смогут ли эти или какие-то иные ограничители стать критичными для системы, начать разлагать ее, как это происходило на закате царизма? Ведь от роли, силы и качества запретов для власти зависит бытие общества, степень свободы индивида. Автор, который о слиянии власти и собственности в России говорит давно, справедливо замечает, что существующая форма смертельно опасна (она, в частности, «абсолютно не нуждается в подавляющем большинстве населения»). Каким изменениям может подвергнуться современный вариант властесобственности? Возможно, «вряд ли в сторону исчезновения» (с. 168–172). И все же смогут ли сформироваться внутри системы какие-то ограничители и насколько дееспособным сможет про-

постсоветское общество уцепилось за этот самый «чекистский крюк». См.: Черкесов Виктор Васильевич: Личное дело // Коммерсант. – М., 2007. – 9 окт., № 134.

¹ Развитие госкапитализма на Западе в известной мере стирает это разделение и ограничивает право частной собственности. Но там это ограничение поставлено в жесткие правовые рамки, а на стороне общества развились и стали важнейшим фактором социальной жизни ограничители государственной власти. Автор этот вопрос не рассматривает, и я здесь ограничусь указанием на отклонение от идеальной модели.

явить себя общество в создании внешних ограничителей власти, запретов на распоряжение ею собственностью? Вопрос этот остается открытым.

Другое отличие России от Запада коренится в обстоятельствах и характере перехода от традиционного общества к современному. В Европе – города и бюргерство, Реформация, Лютер и Томас Мор. Как результат всего этого – «динамический компромисс» «различных социальных сил и деуниверсализация власти». Россия миновала Реформацию, а Просвещение в ней насаждалось сверху. Здесь – преодоление церковного раскола при посредстве власти, Филофей как анти-Лютер и анти-Мор, победа иосифлян над нестяжателями и Иван Пересветов (как феномен, сколь ни вызывающе это звучит, «своеобразного московского фашизма»). И в результате власть не предполагает никаких компромиссов соперничающих социальных сил. Она их искореняет. «В Европе рождается Человек, здесь – Власть» (с. 148–150).

Одно из главных порождений всех этих процессов – черносотенная культура. Обращаясь вслед за П. Струве к столь важному в его концепции понятию, Ю. Пивоваров замечает, что возникшие в начале XX в. под таким названием радикально-погромные организации – лишь частное проявление этой субкультуры. «Черносотенство есть социальный мейнстрим русского общества при переходе из традиционно-сельского к современно-городскому. Это культура масс, рвущих со своим прошлым, чуждых идей и ценностей “Hochkultur” и духа модерности... Советизм есть воплощенное черносотенство. Революция в России окончилась победой черносотенства. Причем возобладали красный, а не белый вариант... Черносотенство это социально-культурная реакция на насильственную модернизацию-вестернизацию страны... выражение инстинктов и идеалов “старомосковской” субкультуры» (с. 152–153).

Продолжая мысль автора, следует сказать, что черносотенство не было преодолено демократической революцией 1980–1990-х годов и нашло выражение, в частности, в пронизавшем ее вождистском начале. Черносотенная реакция на модернизацию, на творческий поиск в любой сфере человеческой деятельности, на разрыв с умирающей традицией, ксенофобия и доведенный до абсурда страх перед чужеземным влиянием – надежный резерв власти всякий раз, когда ей требуется развернуть общество к его истокам. И вполне отчетливо все это вырисовывается ныне то в угрозах «белоленточникам», то в погромных выходках «православной» и иной «патриотической» общественности, избирающей объектом своего негодования то книги, то выставки, то театр и даже детские игрушки.

Не много добрых слов находит Ю. Пивоваров в адрес «горбачевско-ельцинского периода» нашей истории. Ельцин «отдал то, что принадлежало всему народу, кучке бандитов», «наиболее витальной и современной части советской номенклатуры». Он, «герой русской свободы и несвободы», освободив «историческую сцену России от массовки, претендовав-

шей на свою долю в переделе, и от непрогнозируемых экстремистов старого и нового образца», передал власть корпорации спецслужбистов, чья заслуга – «создание эффективного механизма по эксплуатации материальных богатств России в пользу небольшой части общества» (с. 111, 135). Так и слышится в подобной оценке ельцинизма лермонтовская «насмешка горькая обманутого сына над промотавшимся отцом»...

С тем, что материальные богатства России когда-либо принадлежали всему народу и что ныне создан эффективный механизм их эксплуатации (хотя бы и в пользу меньшинства), можно поспорить. Конечно, автор, глядящий на события со смотровой площадки XXI в., имеет право на такую оценку нашей демократической революции. Его мнение разделяют многие вдумчивые участники тех событий. И все же думается, что категорически негативное суждение о нашем «периоде бури и натиска» не вполне справедливо. А главное, не дает ответа на вопрос: был ли свершившийся исход революции единственно возможным или существовали альтернативные шансы, пусть нереализовавшиеся? А если они были, то почему не осуществились? Какие ошибки, вольные или невольные, допустили те акторы процесса (в России и за ее пределами), которые стремились вовсе не к переделу богатств и монополизации власти?

Нельзя требовать ответа на эти вопросы от автора, коль скоро он такую задачу перед собой не ставил. Но сказанное в книге, несомненно, подводит к обсуждению этого главного, на мой взгляд, вопроса русской истории рубежа XX–XXI вв. Ибо он встанет во весь рост, когда мы вновь попробуем «стать приемлемым народом» (с. 65).

Неимоверно трудно поставить точку в размышлениях о прошлом и настоящем нашей страны, когда вал стремительно набегающих событий сбивает фокус анализа. К завершающим точкам Ю. Пивоваров подходит дважды. Одна, навеянная, видимо, скоротечным взлетом демократического движения в 2011–2012 гг.: в движении Сопротивления «вся моя надежда, мое упование, мои “столп и утверждение истины”... Мы уже можем сопротивляться» (с. 322). Вторая – «грянул март четырнадцатого». Переход к новому историческому периоду закрыл для русских – бог весть, на какое время – тему «свобода» (с. 323–324). Остается вывод этого страстного исследования-памфлета: «Или Россия станет свободной и ответственной, или ее вообще не будет. Выбор любого антилиберального устройства губителен» (с. 291).

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

В. СОРОКИН

«ПОСТСОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК РАЗОЧАРОВАЛ БОЛЬШЕ, ЧЕМ СОВЕТСКИЙ»¹

Писателю Владимиру Сорокину – 60. «Огонек» встретился с классиком современной русской литературы.

– Я вспомнил недавний перформанс с вашим участием в Венеции, где вы в звериной шкуре, с дубиной, к которой привязана клавиатура... С кем это вы бились и за что?

– Я бился за человеческий размер в искусстве. Против замещения искусства технологией, против «искусства как процесса» и за «искусство как результат». За возвращение к кистям, подрамникам, краскам, мастерству, к озябшей натурщице, к шляпе на мольберте...

– Когда люди слышат о возрасте писателя Владимира Сорокина, они удивляются, они восклицают: «Как это возможно?!» Вы сами не удивляетесь?

– Нет. Скажу откровенно, что я, как это ни неприлично звучит, внутренне застрял в студенческом времени. Безнадежно. Внутренне я эдакий вечный студент. И с этим ничего не поделаешь. То есть я не чувствую, литературно выражаясь, «весь груз этих пережитых лет». Не повзрослел.

– Почему в студенческом времени?

– Может быть, потому, что после ужасной советской школы (а я проучился в трех), после такого советского, хоть и внешне «нормального» детства, это были четыре года свободы, которые совпали с благополучными годами московской жизни, с годами открытий – сердечных, эротических, наркотических, литературных, живописных, музыкальных – хард-рока, например, или сюрреализма. Самиздат к тому времени уже становился нормой. Впрочем, студенчество – это всегда свобода. Золотые годы для многих. И в андерграунд я попал в студенческие годы.

– Я посмотрел в «Википедии», там первый ваш рассказ помечен 1969 годом. Что это?

¹ Печатается по изд.: Огонек. – М., 2015. – 17 авг., № 30/31. – С. 34–35. Владимир Сорокин – писатель.

– Это, безусловно, ошибка. Был один рассказ, написанный еще в школе, но он растворился среди однокашников. Первые серьезные вещи написаны были в 1979–1980 гг. То есть это уже была такая вполне осознанная работа. До того это было развлечение. Что-то эротическое, что-то из научной фантастики, что-то из охотничьей жизни. Это легко давалось, поэтому не возбуждало серьезного отношения. Серьезно я занимался рисованием.

– **Вы до сих пор считаетесь главным литературным событием России за последние 30 лет, скажем. Не то, чтобы я сейчас хотел Вам сделать комплимент, – это скорее проблема. Вы продукт даже не 1990-х, а советского неподцензурного искусства. Получается, с тех пор в русской литературе не появилось ничего принципиально нового. Тут что-то не так.**

– Андрей, без комментариев... Лучше поговорим о других авторах. Я в разных странах Европы задаю своим знакомым вопрос: что вы читаете из современной русской литературы? Этот же вопрос задал старому другу, германскому слависту Игорю Смирнову, а он жесткий профессионал. Ответил лаконично: «Не могу читать постсоветскую прозу. Она неоригинальна». Не могу не согласиться. Потому что постсоветская проза как бы собрана из осколков прошлых достижений. Проблема. Я тоже, открываю новый роман, читаю пять страниц и закрываю. Ничем не удивляет. Получается, что нет авторов? Но люди же пишут, печатаются, их читают. Я задал тот же вопрос Саше Иванову, легендарному издателю, который неизменно держит руку на литпульсе: где новые литературные звезды? Он говорит: «Понимаешь, Володя, тут дело не в звездах, а... в самом небо-склоне». Он абсолютно прав на самом деле. От самой литературы уже не ждут экзистенциальных открытий, потрясений. От нее ждут либо комфорта, либо эйфорического забытия. Что, в общем, одно и то же.

– **Вы хотите сказать, что это конец литературы?.. Что нет объективных обстоятельств для ее возникновения? Это конец литературы в принципе? Или просто не время?..**

– Ну, насчет конца – не знаю, пока останется хоть один читатель, литература не умрет. Хочется думать, что это некая полоса... А вот что будет потом – неизвестно. Потому что мир цифровых и визуальных технологий человека постоянно испытывает на прочность. А человек – такое пластичное животное, он не ломается, а изгибается. И в конце концов может сам себе опротивить в таком изогнутом виде. И вот тогда, когда всем станет очень скучно от визуального, может быть, опять будет востребована словесная фантазия. Высказанная в слове. Когда человек захочет вернуться к себе. Утопически звучит?..

– **То, что было признаком одного литературного направления, концептуализма, лет 50–40 назад, теперь стало общим правилом. По-**

лучается, что все-таки изменилась система работы писателя в целом. А писатель опять садится под яблоню и думает, что сейчас напишет, как Тургенев. Или как Шукшин.

– Вы правы. Но все-таки чего, на мой взгляд, не хватает большинству современных писателей? Собственных миров. Они, условно, пользуются чужой мебелью, не хотят изобретать свою, вытачивать ее, мастерить. Открываешь книгу Прилепина и понимаешь, что эти дубовые стулья ты уже встречал в советской прозе, только у него они покрыты современным таким блестящим лаком и обивка бодренькой расцветки. А мы же все-таки ищем в литературе неповторимости. Платонов, Хармс, Булгаков, Шаламов, Саша Соколов, Мамлеев были неповторимы. Хотя есть люди, которые любят читать похожие романы. Но это уже род литературного фитнеса. И вот писатель каждый год спускает с конвейера ожидаемый и предсказуемый роман. Конвейер поп-литературы работает бесперебойно. Нет, я за штучное производство в литературе. Признаться, меня в последнее время обрадовали только два романа: «Гламорама» Эллиса и «Благовоительницы» Лителля. А Вы вот, кстати, кого сами-то читаете, кто Вас зацепил?

– Дмитрий Данилов. Кстати, по своим убеждениям совершенный консерватор. Но он единственный, вероятно, кроме Вас, русский писатель, у которого язык – герой произведения. Он работает с тем, что называется автоматическое письмо, говорение.

– Непременно почитаю.

– Как это ни абсурдно звучит применительно к вашей прозе, раньше Вас все-таки интересовал человек. Все крутилось вокруг индивидуума, даже если он был чудовищем, ужасен. Вы пытались работать с ним. А потом Вы как бы бросили человека. Начиная с «Ледяной трилогии», он заложник концепции, истории, мистики – чего угодно. Я бы сказал, что вы разочаровались в индивидууме. В «Метели» была попытка вернуться к человеку. И вот Вы с этим доктором, условно, ехали-ехали, а потом Вы его, такое ощущение, на полдороге тоже бросили.

– Он хоть и отморозил ноги, но выжил все-таки. Хотя... мне мало что в себе видно, честно говоря. Я все-таки всю жизнь полагаюсь на интуицию, а если работаю, то, собственно, работаю, как медиум. И поэтому я никогда не анализирую себя во время работы. Я просто решаю некие конструктивные задачи. Но что касается именно литературного процесса, я не рассуждаю в таких категориях – что вот мне надо отдалиться от человека, а вот сейчас, пожалуй, что можно и малек приблизиться... Нет. Это сложный процесс, его объяснить, артикулировать трудно. То есть когда б вы знали, из какого сора... да? Мы не знаем, из какого сора растет литература собственно. Фрейд что-то подсказал, но не думаю, что он во всем прав.

Но если уж Вы задали такой вопрос... (смеется) антропологический! Да, я бы сказал, что я разочаровался в человеке постсоветском больше, чем в советском. Потому что в советском человеке была некая надежда – что он сможет рано или поздно преодолеть в себе вот это «советское, слишком советское», что это кончится вместе со строем. Сейчас понятно, что в XX в. произошли такие мутации, сопровождающиеся массовым террором, что, собственно, генетическая жертва этой страшной селекции – постсоветский человек не только не хочет выдавливать из себя этот советский гной, а, напротив, осознает его как новую кровь. Но с такой кровью он становится зомби. Он не способен создать вокруг себя нормальный социум. Он создает театр абсурда.

– Стало банальностью говорить о том, что мы в течение последних полутора лет живем в пространстве «Теллурии», придуманной Вами. Мы читали о протосоветских, как бы реконструкторских «народных республиках», куда ездят туристы в поисках экстремального отдыха, «на уикенд в СССР». Все это читалось как утопия – ровно до 2014 г. А потом и это, и все остальное, что Вы придумали, – оказалось, что предсказали, – стало общим местом. Вам самому не страшно, что Вы все это придумали?

– Этот последний вопрос, Андрей, тоже уже стал банальностью, извините. Не страшно, не страшно... Жизнь жестче литературы. Да, уже легко различимы теллурийские черты в происходящем. У меня такое чувство, что мы плывем на огромном корабле и его палуба качнулась и начинает крениться. И это касается не только корабля «Россия». На корабле «Европа» тоже мебель начинает сдвигаться со своих мест, хотя по палубе мило флаируют, на танцполе танцуют, а в баре пьют.

– Все Ваши книги 1980–1990-х, если их правильно понимать, они о жестокости, которая в каждом из нас. Правильный итог чтения Ваших произведений – когда ты к самому себе начинаешь относиться с опаской. Внутри каждого из нас – ад, его нужно сдерживать. Сейчас, вот эти полтора последних года, появился такой общественный феномен, он поглотил все – это полезшая наружу жестокость, немотивированная. Она как бы уже даже не физическая, а моральная.

– Онтологическая. У русской жестокости долгая, многовековая история. Нынешняя, постсоветская – вариация на все ту же тему. Мы все ее чувствуем на энергетическом уровне, речь идет даже не о телевизоре, не о политике, не о военных действиях. А о том, как люди себя ведут на улице, в метро, за рулем... И я думаю, что это тоже – один из симптомов того, что, в общем, общество теряет не просто стабильность, а веру в будущее. Это не связано с новой имперской идеей «что мы самые крутые», что мы окружены врагами, это глубже. Это связано именно с креном палубы. Ведь когда начинается землетрясение, все животные испытывают ужас.

Но одни из них жалобно воют, а другие огрызаются. Так что... есть чувство, что что-то приближается. Оно есть не только у меня.

– В «Теллурии» есть много типов будущего, но среди них нет одного – который нам подарила реальность и который я сформулировал бы как «катастрофический тип». Это человек, который желает краха всему миру – в наказание за какие-то грехи. Причем не срабатывает даже чувство самосохранения. Откуда такая реакция после 24 лет новых, невиданных возможностей – когда россиянин впервые мог позволить себе столько, сколько не мог во все предыдущие времена?

– Опять же, люди не чувствуют, что впереди их ждет благополучный мир. Надо быть идиотом, чтобы не ощущать всю серьезность положения, в которое попала Россия после Крыма. Я слышу от молодых людей постоянно: «У меня нет здесь будущего». Разговоры об эмиграции стали общим местом. Общество начинает трясти от плохих предчувствий. За что постсоветский человек может себя ненавидеть? За то, что так и не сумел стать свободным, изменить принцип власти. Власть как была вампиром, так им и осталась.

– Поговорим о том, что должно этому злу противостоять. Обнарилось, что у нас совершенно нет мирной этики, нет традиций мира, нет концепта мирного существования. Казалось бы, у нас этого славословия тоже хватало: «Миру мир, войны не нужно, вот девиз отряда «Дружба». Но после всех этих плакатов с голубями, с перечеркнутой ядерной бомбой выяснилось, что эта мирная повестка оказалась совершенно пустой, лишенной внутреннего наполнения.

– ...Как и не было дружбы, собственно говоря. Я имею в виду вот это советское «чувство локтя»... Это был грандиозный самообман, поощряемый властью. В коммунальной квартире дружба всегда вынужденная. Я думаю, что у нас до сих пор одно из самых атомизированных, разобщенных обществ. Вообще, Андрей, чем больше во времени я отдаляюсь от советского периода, тем уродливей и страшнее он мне кажется. Это действительно была Империя Зла. Какой «Миру мир!», если война власти с народом шла непрерывно, только успевай прятаться. Многое из того, что происходит сейчас, – это неизжитые комплексы советского прошлого, и я тут опять съезду на любимую колею: советское прошлое не было похоронено в должное время, т.е. в 1990-е годы. Его не похоронили, и вот оно восстало в таком мутированном и одновременно полуразложившемся виде. И мы теперь должны с этим чудовищем жить. Его очень умело разбудили те, кто хорошо знал его физиологию, нервные центры. Воткнули в них нужные иголки. Такое вот отечественное вуду. Боюсь, последствия этого эксперимента будут катастрофичны.

– А этот новый язык ненависти – Вы его изучаете? Ведь это Ва-ша стихия.

– Уж чем-чем, а языком ненависти наша страна была всегда богата. Достаточно было проехаться в советском автобусе в час пик. Богатый материал! Здесь, собственно, не нужно особенной пристальности, у меня чуткое ухо. Но эта нынешняя, новоимперская, так сказать, официальная ненависть... в этом языке, при всей его ярости и вульгарности, есть нечто истеричное, некая слабость. То есть чувство такое, что люди понимают, что надо это сейчас проорать, потому что завтра, может быть, уже и орать будет нечем. И некому! Чувствуется некая агония во всем этом. Потому что, если это сравнить с риторикой старых тоталитарных режимов, там это говорилось с большой уверенностью в завтрашнем дне. Массовый террор помогал. Они понимали, что, пока есть железный занавес, будущее принадлежит им. И это чувствовалось в каждой строчке «Правды». А вот сейчас, когда телеведущий говорит, что «мы можем превратить Америку в ядерный пепел», я ему не верю. Да и сам он себе не верит. Просто «исполняет», как шулера говорят. В общем, мы живем в кррррайне интересное время! Уже давно не Гоголь, а – Хармс...

– **Возможно ли какое-то покаяние, признание собственных ошибок, вины – как форма окончательного усыпления этого зомби, этого чудовища?**

– Покаяние может быть лишь после потрясения. Это не микстура, которую можно дать. Я думаю, что добровольно здесь не будет покаяния. Чтобы покаяться, надо сначала сильно шмякнуться, набить шишку и, потирая ее, спросить себя: в чем же была моя ошибка? Для покаяния надо увидеть себя со стороны целиком и без прикрас.

– **Не является ли это фундаментальной проблемой русского типа сознания – неумение абстрагироваться, неспособность посмотреть на себя со стороны? Может быть, это какая-то принципиальная неспособность, вот это существование только в одном измерении, в одной плоскости? Это как всю жизнь без зеркала.**

– Слушайте, речь идет не о человеке, а о большой стране. Она может себя увидеть со стороны, осознать собственные грехи только после большой катастрофы. Когда все благополучно, кто будет каяться?

– **Вся эта история еще подтвердила абсолютную слабость современной культуры. Не есть ли это ее грандиозное поражение?**

– Культура – дама хрупкая, это не баба с веслом. Для нее déjà vu от возвращения совка стало слишком большим потрясением. Нужно время, чтобы ей прийти в себя. Посидит в шезлонге, отдышится.

Беседовал Андрей Архангельский

Ю. ПИВОВАРОВ

ВОЗМОЖНОСТЬ ЯВЛЕНИЯ АФАНАСЬЕВА: IN MEMORIAM

Гражданская панихида по Юрию Николаевичу Афанасьеву¹ состоялась 17 сентября в Центре Сахарова. Зал был набит, на улице еще человек сто слушали радиотрансляцию прощания. Я опаздывал, привычно-немыслимые пробки, неужели придется долго стоять в очереди, дела, дела... Нет, не пришла к нему прощаться Москва (Россия). Интеллигентное старичье (сам такой), забыто-узнаваемые лица, пронзительные речи. Неподобный уже на себя Юрий Николаевич. Мне тоже хотелось **сказать**. Но чередой записавшихся у Владимира Рыжкова (он вел «службу») была непомерной. И вот поскольку тогда не **сказал**, можно сейчас?

И еще одно. Мелькнуло: а почему не в **РГГУ**, его детище? Нет, все правильно – в **сахаровском** Центре.

Мы никогда не дружили. Да это было и невозможно. Разница лет, положений, биографий. Наши жизни протекали в непересекающихся измерениях. Но с некоторого времени он стал важным для меня человеком. Черненкоцкий год был чуть ли не самым удушливым «эоном». Стыдно, безнадежно, тоскливо. А ведь к весне восемьдесят пятого – «земную жизнь пройдя до середины...». И только что ушел год Оруэлла, Амальрика... Год интеллигентской апокалиптики (кстати, ретроспективно и поныне; просто сроки перенесены – сначала Москва 2042 (В. Войнович), затем Москва 2039 (В. Сорокин), т.е. **все** приближается).

Почему в марте-85 попал мне в руки журнал «Коммунист» № 14? Откуда взялся этот свеженький номер «теоретического органа» («террористического», «органа») ЦК КПСС в прокуренной и «пропитой» (если так можно сказать) комнате отдела государства и права ИНИОН АН СССР на улице Георгия Димитрова (в девичестве Большая Якиманка; впрочем пора вернуть ей мужскую фамилию: какая это **Якиманка!** – Иоаким и Анна)? Пишу все это по памяти. Ни одного другого журнала **так** не помню.

¹ Ю.Н. Афанасьев умер 14 сентября 2015 г. в возрасте 81 года.

«Коммуниста» же не читал никогда. Ибо не ходите в собрание нечестивых. Иначе – личная гигиена «über alles».

Галич, Галич, который для меня тогда был тем, чем для многих была водка, Галич, несравненный русский гений, чеканил: «как будто пахнуло озоном». Именно **так** просквозило меня. Статья какого-то Афанасьева про понимание истории. Да что такое? Я же давно **все** знаю! Научившись читать, прочел все **возможное**. Уже писал о Чаадаеве, Самарине, Данилевском, немцах. Бердяев, Булгаков, Струве, Франк были «спутниками жизни». Карамзин, Сперанский, Хомяков, Ив. Киреевский, Катков, Победоносцев... И Герцен, Кавелин, В. Соловьев.

Герцен о первом «Философическом письме» Чаадаева – «как выстрел в ночи». Я не сравниваю. О различии масштабов и говорить нечего (мы с Юрием Николаевичем в одной лиге, а Петр Яковлевич и Александр Иванович – в другой). Но, видимо, дело не только в этом. Для современников важнее попадание в цель. Афанасьев попал.

У меня как будто легкие прочистились, как будто стал меняться состав воздуха. Преувеличиваю? Конечно. Но так хочется сказать ему: спасибо. И сразу же: **так** можно? Что происходит? – Сейчас ответу: началась антикоммунистическая революция, которая через несколько лет победоносно закончится. И вместе с ней шла антисоветская революция, которую мы напрочь проиграли. Понимаю: говорю «загадками». Ничего, дальше объяснимся. «Ничего», потому что этот текст об Афанасьеве, мировая история здесь фон.

Начал узнавать, кто такой. Комсомолец, пионер, партиец. Звучало уныло. Докторская по школе «Анналов». Это ничего. Достоинно. В общем не то чтобы забылось, напротив. Я эту статью из «Коммуниста» процитировал, защищаясь ею как охранной грамотой. Но шок от нее прошел. Да и времена были бурные, неслись галопом.

Фамилия Афанасьев все чаще мелькала, как сказали бы ныне, в важных СМИ. Постепенно превращаясь в имя. Но ведь тогда не только он так рос. И прислушиваться приходилось ко многим. – Весна восемьдесят девятого, Первый съезд народных депутатов СССР. А у меня еще одна «встреча» с Юрием Николаевичем. И не только его бессмертное об агрессивно-послушном. Даже не столько. После многодесятилетнего господства (за редким исключением) на TV свинских рыл я увидел красивое, умное, сдержанно-нахмуренное лицо. Я увидел высокого, статного человека, я увидел русского европейца (ну, в смысле Версилова). Даже через экран, сквозь экран пробило ощущение достоинства, мужества, убежденности. И сразу стало понятно: **все всерьез**. На этот раз наша возьмет. **Такие** не испугаются. Это – выношенное. (Иное, но не менее радостное ощущение – Анатолий Александрович Собчак. С ним знаком не был, несколько раз видел вблизи, слышал. И откуда тогда в русской политике появились **та-**

кие лица? – Знайте: это и есть лицо русской политики. До перестройки и с начала нулевых ее у нас не было и нет. Поэтому до и после – физиономии, а в те времена – лица.)

Прошло еще несколько лет. Афанасьев изредка появлялся на экране ТВ. Недовольный, мрачный, гордый. Уход из политики, но – РГГУ, слава и значение которого в те годы были неоспоримыми. С осени девяносто шестого я стал там преподавать (оставаясь в Академии наук). – В середине января следующего года звонок. Низкий, немного хриплый голос: «Это Афанасьев. Хочу Вам предложить создать в РГГУ Институт русской истории. Приезжайте». Вот так, запросто. Конечно, я помчался. **Афанасьев**. Почему звонил незнакомому человеку? Ему кто-то показал тексты, которые в середине девяностых писались (и печатались) моим тогдашним ближайшим другом и мною. Я приехал, поблагодарил, сказал, что есть другие неотменимые планы, что могу рекомендовать друга-соавтора, буду соучаствовать и т.д.

Так начались **очные** отношения. В его университете, за пределами, на конференциях. Не более того. Мне было лестно, что он заметил меня. Иногда цитировал. Даже выделял. Но ничего похожего на **шоки восьмидесятого и восьмидесятого** и рядом не было. В 2003 я ушел из РГГУ, крайне редко он звонил мне. Прошло девять лет. 8 ноября 2012 г. Юрий Николаевич выступал с докладом «Закат России» на семинаре в Центре россиеведения ИНИОН РАН. И вновь потрясение. Такой горечи, такого разочарования не видел никогда. Всё. Финита. *Untergang des Rußlands*. Но другого и ожидать было нельзя. «Мы», реформаторы, не знали, **как и что** надо делать. «Мы» виновны в нынешней ситуации. И т.д.

Я слушал все это, это покаяние, эту исповедь, это самобичевание со страхом и трепетом. Сначала мне стало стыдно. Зачем он все это? И откуда он, Ельцин, Попов (Юрий Николаевич называл эти имена) могли знать, **что** делать. Никто не знал. – Постепенно, неожиданно для самого себя, так сказать, немотивированно стыд уходил и его место победоносно заняла гордость. Где и когда ты увидишь вживую (не прочитаешь) **такую** интенсивность переживания и **самоотречения**. Мне почему-то подумалось: **так** уходили лучшие русские люди.

Да, надо объяснить: почему антикоммунистическую революцию выиграли, а антисоветскую проиграли. Коммунизм оказался во многом нано-сен, ситуативен, вымышлен, несерьезен, функционален. Советское – шире, глубже, значительнее, органичнее, устойчивее, опаснее. Коммунизм и у нас, и на Западе (возможно, со временем и в Китае) заканчивается одним – «пролетарии всех стран маршируют в ресторан» (И. Бродский). Советское же – это то, во что вылилось русское в XX столетии. Не все русское, но в большинстве своем. Это – форма русского массового общества, продукт весьма своеобразной урбанизации, «красное черносотенство» (П. Струве),

результат выбора 1917 г., долговременного террора и продолжительной самоизоляции и пр., пр., пр.

Советское – это внерелигиозная цивилизация, мир, жизнь только по-сторонняя, полностью исключена идея личного греха, греховность вменяется другому, торжествует презумпция виновности. Ведь если «я» освобождено от первородного греха и все последующие грехи не имеют, к примеру, христианского толкования, то логично все зло, всю несправедливость приписать «другому». Кто-то же должен отвечать. Советское – это насилие по преимуществу, это мир и жизнь как борьба. Борись со «злом», борись с «другим» (врагом народа, вредителем, космополитом, диссидентом...). Советское есть отрицание диалога, чужого мнения, оппозиции, разно- и многообразия...

Юрий Николаевич и все мы пока не сумели преодолеть это. В новых (и старых) формах оно господствует, блокируя иные пути движения. Более того, объявляется русской нормой, нашим «Sonderweg». Советское навсквозь пронизывает социальную и ментальную ткань России, вьелось в нашу психику, определяет инстинкты, отравляет совесть. Но торжество его временное.

Откуда такая уверенность? В возможности явления Афанасьева (и близких ему по типу людей). Выходец из рабочей семьи, комсомольский и партийный функционер сумел стать одним из героев и вождей великого эмансипационного движения конца XX столетия.

До свидания, Юрий Николаевич.

А. ЦИПКО

ГОЛОС ИЗ «ПЯТОЙ КОЛОННЫ»¹

Россия есть Россия – «от сумы и тюрьмы не зарекайся». Правда, для интеллигенции, для той ее части, которая имеет голову на плечах, эта при- сказка имеет «частное определение». Какой бы ты ни был патриот и как бы ты ни любил Россию, может наступить день, когда ты окажешься с теми, кого «безбашенные патриоты» называют «предателями», «пятой ко- лонной». Лично для меня открытие сегодняшнего дня состоит в том, что «безбашенные», радикальные патриоты куда опаснее для страны, чем «безбашенные», радикальные либералы. «Безбашенные» либералы хотя бы не призывали воевать со всем миром и погибнуть во имя того, чтобы еще один раз «дать по морде америкосам».

И этот день превращения сознательного патриота в предателя на- ступает тогда, когда власть отдает идеологическую инициативу в руки певцов войны. Все дело в том, что «безбашенные» державники имеют в России куда больше шансов стать ее голосом, чем «сознательные» или «просвещенные» патриоты, которые задумываются о причинах русских неудач и катастроф, пытаются извлечь уроки из нашего прошлого. К со- жалению, в России мало шансов на лидерство у тех, кто призывает людей думать, нести ответственность за свои решения, считаться с голосом правды.

И в этом наша русская трагедия. Середины у нас нет.

Во власти случая

Еще недавно, в 1990-е, России угрожал хаос, утрата национальной идентичности. Еще недавно стабильности в России угрожали радикаль- ные, воинствующие либералы, зовущие разгневанных избирателей идти на Кремль. Но не прошло и нескольких лет, и вот «вертикаль власти», соз- данная для противостояния хаосу, превращается в традиционное русское самодержавие. И снова, как всегда в России, ее судьба, жизнь и благосос-

¹ Печатается по изд.: Независимая газета. – М., 2016. – 5 февр. – С. 5. Александр Ципко – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН.

тояние многомиллионного народа становятся целиком зависимыми от склада ума и склада души ее нового всевластного хозяина. И неважно, кто этот хозяин – или царь, или генеральный секретарь, или «преемник первого президента России». Важно то, что сейчас, как всегда, каждое слово нового хозяина трактуется как текст Священного Писания. Будет у нас одна судьба, когда при власти будет хозяин, который в детстве любил первым начинать неизбежную драку. Но если бы хозяином страны оказался тот, который в детстве не любил драться, то у нас, наверное, была совсем другая судьба. Самое страшное в нашей русской судьбе, неискоренимой русской судьбе состоит в том, что наша жизнь целиком и без остатка зависит от случая.

И у меня вообще в последнее время возникают страшные вопросы. Я не люблю Смердякова. Но, с другой стороны, не могу не спросить себя: «А имеет ли какой-то смысл вся наша русская история, если вся наша жизнь и наша судьба, жизнь идущих друг за другом поколений целиком зависит от случайности?» Не было бы у Николая II большого наследника, не было бы Распутина, и у нас, наверное, была бы другая судьба. Страшные мысли рождает и нынешняя Россия, хотя на самом деле, если быть честным, то, может быть, нулевые были самым благодатным периодом в русской истории. И сейчас многие блага нулевых все-таки сохраняются, а пессимизм почему-то разлит во всей этой все еще благополучной России. И трудно сказать, что опаснее для будущего России: или радикализм «безбашенных» либералов, зовущих к бунту, к очередной русской смуте, или радикализм победивших «безбашенных» патриотов, готовых умертвить и себя, и свою Родину, и даже все человечество во имя своих, во многом «безбашенных», иллюзорных представлений о «подлинном величии России».

Наши «безбашенные» патриоты забыли, что мы живем в XXI в., в эпоху четвертой научно-технической революции, что сегодня новый железный занавес, новая изоляция от развитого и прогрессирующего Запада обернется элементарной деградацией. Эта деградация может продолжаться 5 лет или 15 лет, но от этого ситуация не меняется. И трагедия состоит в том, что даже умные наши политики, которые всегда отличались разумом, начинают говорить о том, что нужно создать российскую экономику, которая была бы целиком независимой от Запада. Без инвестиций с Запада, без новых технологий, которыми обладает Запад, без рынка, который во многом все еще остается западным, мы не сможем долго существовать. Не надо забывать о том, что реалии нынешнего, действительно неуютного для русского достоинства мира создали наши «безбашенные» предки, которые решили построить то, чего никогда не было, и которые мучили себя и соседние страны этим социалистическим или коммунистическим экспериментом. Невозможно величие и подлинное достоинство во внешней политике, когда у тебя нет «величия» в экономике и когда ты объявляешь

войну Западу, который по меньшей мере в 20 раз сильнее тебя. И тут снова возникает старый русский вопрос, на который мы так и не нашли ответа. Быть Смердяковым зазорно. Проигрывая войну, ты теряешь национальную государственность. А без сохранения национальной государственности невозможно обрести полноценное европейское национальное достоинство.

Достаточно вспомнить драматическую судьбу польской нации, которая на 120 лет лишилась государственности. Но что делать, как поступать, когда твое национальное государство превращается в откровенного монстра, который во имя забавы своего очередного хозяина убивает сотни, тысячи, а при Сталине – миллионы людей? Что делать в этой ситуации? Кричать «приговоренные к смерти приветствуют тебя!», приветствуют убийцу государства? В трудные минуты, когда на твою Родину напал враг, эта русская дилемма уходит, и даже люди, недовольные монстром, идут умирать во имя спасения своего национального достоинства. Но что делать, когда твоя страна сама начинает войны, начинает посягать на суверенитет других стран, соседей? В советские времена я хотя бы мог осуждать уродства царского крепостничества, когда «добрая» русская барская душа торговала своими «братьями по Богу» как рабами, точно так, как она торговала пенькой и овсом. А теперь, для того чтобы тебя признали подлинным русским патриотом, «державником», ты должен восторгаться опричиной Ивана Грозного, должен восторгаться всеми «скрепами» русской истории, не только сталинским «державным крепостным правом», но и дореволюционным рабством. Оказывается, как говорят сегодня некоторые православные священники, Сталин, возрождая дореволюционное крепостное право, своими колхозами возвращал нас на истинно русский путь.

Видит бог, трудно русскому человеку, имеющему душу, чувство совести, способному сострадать другим людям, привыкнуть к тому, что сегодня многие связывают с русским «достоинством» и русским «патриотизмом». Теперь во имя того, чтобы укреплять «достоинство посткрымской России», ты должен верить и говорить, что Сталин, наградив и поляков, и чехов, и венгров колхозами, советской системой, принес им счастье, говорить о том, что миллионы погибших в 1941–1945 гг. по вине Сталина своими жертвами только укрепили величие нашей победы. И так до бесконечности. И, я думаю, демонстративный отказ значительной части постсоветской интеллигенции, особенно сорокалетних, от моральной оценки и руководителей СССР, и советской системы идет от нашей неспособности ответить на эти действительно трудные русские вопросы.

И тем не менее факт остается фактом: проснувшееся у нас с опозданием на четверть века национальное достоинство снова, в который уже раз, привело к полному отрыву государственных, державнических ценностей от ценности человеческой жизни. Более того, в посткрымской России

произошло то, чего никогда не было в русской истории. Никто, кроме России и внука Ким Ир Сена, не прибегает к угрозе ядерной войны во имя защиты своих, во многом болезненных, неадекватных представлений о подлинном национальном суверенитете. Даже режиссер Карен Шахназаров, представитель культуры, предлагает бросить на Стамбул ядерную бомбу. Вот такая новая реальность. И мне кажется, что мы не отдаем себе отчета в опасности подобных всеразрушительных настроений. Мир начинает смотреть на нас после подобного рода заявлений не просто как на непредсказуемых людей, а как на изгоев, лишенных разума. Советскую нацию, которая на протяжении десятилетий говорила «лишь бы не было войны», сменила посткрымская русская нация, которая морально себя готовит под руководством нашего государственного телевидения к полной и окончательной гибели человечества во имя нашего «подлинного русского достоинства».

Готовность к смерти

Эти москвичи под трехцветными флагами вышли на демонстрацию 4 ноября, в День народного единства. Составная часть их самоощущения – угнетенность русского человека.

Посткрымская Россия принесла в русскую культуру новое понимание национального достоинства, достоинства, зачатого на идее «смерти», на идее саморазрушения во имя того, чтобы сделать то, что другие не могут себе позволить, во имя того, чтобы «ударить еще раз по морде зарвавшихся америкосов». Подобные речи я слышу до сих пор, каждый день, от самых разных людей. Неважно, что мы погибнем, говорят сторонники нынешней внешней политики, главное, что мы сможем сделать то, чего не могут сделать другие. Я лично у себя в церкви Воротынского женского монастыря подобных речей не слышал, а вот модный ныне в России священник Охлобыстин даже с экрана телевизора говорит, что если мы не сумеем создать независимую от США цивилизацию, то «тогда у нас не останется другого выхода, как уничтожить весь остальной, прогнивший насквозь пороками и равнодушием мир и покончить с собой в надежде, что из чудом уцелевших человеческих особей появится наконец новое, лучшее человечество». Вперед, к полной гибели человечества – вот лозунг сегодняшней «достойной России».

Сама по себе готовность умереть за свою идею и свои идеалы с поднятой головой достойна уважения. Но когда ты связываешь достижение своих идеалов не только со своей гибелью, но и с гибелью своей страны, с гибелью всего человечества, то тут, на мой взгляд, мы имеем дело не с национальным достоинством, а с приступом откровенного человеконенавистничества. Кстати, подобное человеконенавистничество появилось у Гит-

лера на пороге полного и окончательного поражения во Второй мировой войне.

И вот здесь, в переходе России от безумного либерализма 1990-х к безумной державности посткрымской России, и заключается причина того, что многие люди, любящие свою страну, вынуждены встать в оппозицию к достоинству, которое угрожает не просто разуму, а всему, на чем держится человечество и человеческая цивилизация. В таких условиях многие патриоты оказываются причислены к рядам «пятой колонны». Не может человек, который действительно заинтересован в будущем своей страны, быть с теми, кто зовет к ее гибели. Очевидно, что в нынешнем «достоинстве России» нет главного, нет не только заботы о будущем, но даже мысли о том, что будет с нами завтра. С мыслями вообще плохо. Если мы погибем во имя достоинства, то кто воспользуется плодами наших жертв? И это только один пример того, что в нашем проснувшемся «национальном достоинстве» нет не только ума, но и элементарного инстинкта самосохранения.

Особенность нынешней России, ее настроений состоит в том, что иррациональное полностью вытесняет собою рациональное. Обратите внимание: даже в советское время, как я помню, во время самых бешеных «антиимпериалистических» пропагандистских кампаний не было на поверхности общественной жизни, не присутствовало в СМИ так много откровенно глупых людей с откровенной мутью в глазах. По своему опыту участия в телевизионных шоу знаю, что ведущие по непонятной причине отдают больше времени тем, кто не мыслит, а кричит, тем, кто говорит о неизбежности новой, третьей мировой войны. В советское время никогда бы не допустили на телеэкран тех, кто призывает к ядерной войне, а сейчас это стало признаком нашего нового «национального достоинства». Здравый смысл, чувство возможного, инстинкт самосохранения не просто непопулярны в современной России, а превращены в основную угрозу для нашей страны. Видит бог, «идейный идиотизм» ленинцев был куда больше насыщен мыслью, чем «идейный идиотизм» нынешних борцов с Западом.

Никогда в России не витало в воздухе так много пессимизма, исторического пессимизма, как сейчас. Даже в советское время, я уже не говорю о годах перестройки со всеми ее иллюзиями, было куда больше веры в Россию и в русского человека, чем сейчас. При всем нынешнем относительном благополучии многие говорят о какой-то зыбкости современной России, многих давит неопределенность во всем, что касается будущего нашей страны. «Уже не страшно, – признается литератор либерального направления Дмитрий Быков, – а стыдно как-то, мы все в провале, с детьми и женками, бойцы-коллеги, певцы-калеки, и после черных будут желтые, боюсь, надолго, боюсь, навеки». Но самое поразительное, что все эти идеологи «русской весны», которые ввели Дмитрия Быкова в зеленую тос-

ку, в своих речах излучают все ту же, уже не зеленую, а черную тоску. Прослушайте снова речи и Игоря Стрелкова, и Эдуарда Лимонова во время презентации (это было 25 января) их нового Союза спасения России. Наши идеологи «русской весны» абсолютно не верят в то, что нынешняя путинская Россия устоит. Все их планы связаны с ожидаемым «системным кризисом», с неизбежной новой русской смутой, которая приведет их к власти. И надо видеть правду: каких-либо серьезных оснований для веры в частливое будущее России ни у кого нет.

Меньше всего надежд на будущее у либералов. И либеральный проект, как мы видим, в политике в России неосуществим. Любая революция, как я уже сказал, у нас всегда оканчивается возвращением к традиционному царизму, к всевластию Помазанника Божиего. Гражданского общества как не было, так и нет, разделения властей как не было, так и нет. Впрочем, надо быть честными, либералы, которые критикуют сегодня Путина, сделали все возможное, чтобы подготовить конституционные условия для его нынешнего всевластия. Они написали Конституцию, в которой ничего не говорится о разделении властей. Черда государственных переворотов, через которую прошла Россия с 1991 по 1993 г., не могла не привести к сверхвластию.

Образование и грамотность, пришедшие на смену невежеству царской России, ничего не изменили в российской психологии. Отсутствие навыков самостоятельного мышления, легковерие, плохо развитое чувство личной ответственности за свой выбор, поразительная внушаемость, вера в мифы, переход из одной крайности в другую, традиционный патернализм и т.д. и т.п. Все эти особенности нашего национального сознания мешали и мешают формированию полноценной политической системы. Поэтому не случайно многие сегодня подменяют анализ своих прежних ошибок поиском врагов. Отсюда и то, что мы сегодня наблюдаем: иррациональное полностью вытесняет разум, речи и мысли становятся мутными, отсюда и модные ныне среди мужиков разговоры о готовности взять автомат и идти в бой с америкосами. Подобные речи я слышу даже у себя в Академии наук. Глаза горят злобой, а речи пустые-пустые.

Таким образом, на самом деле нынешний всплеск иррационального и мутного тоже имеет свои причины. Когда нет серьезных аргументов для веры и в свое будущее, и в будущее своей страны, то нет места и для здравого смысла. Отчаяние разума и рождает эти параноидальные настроения, все эти разговоры о третьей мировой войне.

В том-то и дело, что сегодня Россия делится на тех, кто нашел или ищет для себя запасной аэродром на случай окончательного ухудшения экономической ситуации, кто понимает, что пока у инвесторов нет веры в будущее России, нам не на что надеяться, и на тех, кто не имеет сил вы-

рваться из нашей русской жизни. Лучше всего чувствуют себя олигархи, которые уже давно переписали свои состояния на своих детей, получивших гражданство на Западе. Международное право защищает их будущее. А что делать тем, у кого нет никаких сбережений, тем, у кого каждое колебание нашей экономики с болью отзывается в повседневной жизни? Выход только один, старый русский выход.

Основная особенность нашего русского культурного кода и состоит в том, что мы умеем нашим бедам и страданиям, которые чаще всего являются результатом наших ошибок или лени ума, придать религиозный смысл. Нет бед и страданий, а есть только наша «особая русская судьба». И, как убеждает наше телевидение нынешних, потерявших шансы на будущее людей, их достоинство как раз и состоит в том, что они изначально лишены «сытости» и что они «жизнью на минимуме материальных благ» укрепляют свою духовность. И тогда, когда мы особые, мы сакральные, можно не видеть того, что подавляющее большинство наших бед идет от непрофессионализма и ошибок тех, кто принимает у нас судьбоносные решения.

А. ПОЛИКОВСКИЙ

СВОЛОЧЬ ПОЗОЛОЧЕННАЯ¹

Люди, поставившие бюст Сталина на улице Кирова в Пензе, поставили памятник палачу и садисту, убившему и запытавшему миллионы людей. Убивали однообразно, конвейерным способом, на расстрельных полигонах выстрелом в затылок, пытали многообразно, со всем богатством дикой лубянской фантазии. Я не буду описывать здесь пытки – кто хочет, найдет их описание.

Убийства и пытки, расстрелы и рвы, бараки и трупы, доносы и садизм, лагеря и голод, черепа и скелеты задокументированы в тысячах документов, являются неопровержимым фактом. Доказана также – подписями на расстрельных списках, указаниями: «бить, бить», написанными на докладах красным карандашом – личная и руководящая роль Сталина в массовых убийствах и пытках. Все эти документы есть в открытом доступе, кому их мало, может в два клика получить в Интернете длинные, тянущиеся на километры списки жертв с адресами мест жительства и одинаковой пометкой: «расстрелян». Можно даже узнать, кого и когда увели из дома, в котором жил. Кто хочет знать, знает все. Кто умышленно, намеренно не желает знать правды об убитых и замученных и восхваляет Сталина – подонок.

Бюст Сталина в Пензе выкрашен золотой краской. Этот бездарный бюст следовало бы выкрасить красной и бурой краской, цветом крови, стекавшей по затылкам упавших в яму людей, цветом сгустков мяса, вырванных при избиениях в кабинетах следователей НКВД, фиолетовым цветом опухших от побоев и переломов рук и ног.

Он был бездарь. Все в этом человеке с изъеденным рябью лицом и узеньким лбом вопиет о бездарности. Речи его, сохранившиеся в записях, – тусклые, косноязычные речи бюрократа. Его статьи и книги, миллионными тиражами которых упорно отупляли страну, были мертвы уже в тот момент, когда все эти слова с трудом исторгал из себя его плоский, неразвитый мозг. С трубкой в руке и важностью на лице похаживая по кабинету

¹ Печатается по изд.: Новая газета. – М., 2015. – 14 сент. Алексей Поликовский – писатель и журналист, обозреватель «Новой газеты».

и диктует бред о социализме и языкознании, он видел себя большим ученым, в то время как большого ученого академика Вавилова 1700 часов допрашивали и пытали, сменяя друг друга, следователи Хват и Албогачиев. Бездарность этого крашеного золотой краской кумира видна в бездарности и подлости его соратников и соучастников. Задницы вместо лиц, казенные штампы вместо слов и виртуозное умение выживать в грязи интриг, годное для гадов и змей, – вот их портрет.

Он был садист. Он не мог скрыть удовольствия и улыбался в усы, узнавая, как плачущий Зиновьев обнимал сапоги палачей. Ему нравилось, что Бухарин – Бухарчик, которого он обещал не тронуть, – молил его избавить от пули и в виде милости дать яду. Яду Бухарину он, конечно, не дал, потому что он должен был его не просто убить, а убить так, чтобы тот испытал весь ужас казни из своих кошмаров. Его мелкая, подлая душа требовала мести всем, кто осмеливался открыть рот и возразить ему. Он велел арестовать не только главкома ВВС Рычагова, резко возразившего ему на совещании, но и его жену, командира авиаполка и летчицу-рекордсменку Марию Нестеренко, потому что для мужа не может быть большей пытки и большего унижения, чем слышать крики избиваемой жены.

Он был трус. Не только тогда, когда в дни начала войны сбежал на дачу в Кунцеве, но и всегда, во все дни своего длинного правления – трус, боявшийся людей и поэтому сажавший их в амурские, беломор-балтийские, ванинские, джезказганские и так далее по всем буквам алфавита лагеря. В трусе жил параноидальный страх перед военными и учеными, крестьянами и интеллигентами, перед домохозяйками и даже перед детьми, потому что все они, простые и сложные, сильные и слабые, веселые и грустные, русские и украинцы, белорусы и евреи и даже редкие бразильцы, приехавшие из-за океана строить социализм, – казались ему, убогому, опасными в своем человеческом естестве и своей человеческой самобытности. Весь народ был в его глазах врагом народа. На самом деле у народа был единственный враг – он сам.

Я не хочу писать про Сталина. Люди, знающие больше меня – Конквест, Солженицын, Антонов-Овсеенко, – написали про него тома. Читайте их. Я испытываю тошноту при звуке его имени, потому что от него несет трупным запахом, он весь, от своих сальных волос до надраенных Поскребышевым сапог, пропитан трупным запахом тел из расстрельного рва, весь воняет лагерным нужником и кровью. Про Сталина все сказано, сказано с такой исчерпывающей полнотой и ужасной силой, что каждый, в ком есть душа, даже в ее зачаточном состоянии, поймет все. И лучше всего избежать этой темы или предоставить ее историкам-профессионалам, но ее невозможно избежать, потому что сейчас, сегодня гнойными прыщами на карте России появляются его бюсты. Снова он лезет к нам, этот

азиатский диктатор с золотой вставной челюстью, этот палач с ласковой улыбкой, означающей ночной арест, подлость, предательство, пытки, смерть.

Американцы насильно сажали немецких бюргеров в автобусы и везли их в концлагеря, чтобы им неповодно было разводить руками в недоумении: «А мы не знали...» Они заставляли солидных мужчин в фетровых шляпах и длинных плащах хоронить голые трупы узников.

Он надолго, на поколения вперед, запугал людей массовым террором. Мы чувствуем этот страх до сих пор. Он учредил профессию садиста, готового за хорошую зарплату и в надежде на повышенную пенсию пытаться, мучить, издеваться и убивать. Его ученый садист Майрановский – коллега доктора Менгеле – в научных лабораториях испытывал смертельные яды на живых людях. Он посеял и взрастил породу зомби, которые, вот уже какое поколение, талдычат нам о его «величии», «твердой руке», «мудром руководстве» и для которых загубленные им люди не наши деды, бабушки, отцы, матери, братья и сестры, а оправданные жертвы его «великих деяний». Это он, зомби, выставляет на улицах и площадях своего позолоченного болвана и поклоняется ему со всей страстью архаичного сознания.

Рвы рыли бульдозерами. Широкие рвы длиной от ста до девятисот метров. Те, кто сидел за рычагами бульдозеров, знали, зачем они роют. Узников из тюрем привозили в «черном воронке» в час ночи. Тридцать человек в закрытом кузове. Везли в барак, говорили, что на санобработку. По инструкции, о смертном приговоре им сообщали непосредственно перед расстрелом. Обязательно сверяли лицо жертвы с фотографией, сделанной тюремным фотографом. Палачи ждали своего часа в специальном здании, где пили водку. Палач встречал жертву и вел ее. Ставил на край рва и стрелял в затылок. С трупами во рву что-то делали, при раскопках там нашли резиновые перчатки. Потом бульдозер заваливал ров землей.

Миллионы убитых людей – это всего лишь словесный оборот, большие цифры на нас не действуют, большими цифрами нас, живущих в век обильной и непрерывной информации, втекающей в глаза, уши и души, не удивишь. Но, читая расстрельные списки – если можно назвать это inferнальное занятие чтением, – вдруг сам, не зная почему, спотыкаешься о чью-нибудь фамилию в невыносимо длинном ряду фамилий и уже не можешь забыть. Почему именно эта? Неизвестно. Просто чья-то жизнь из рва вдруг схватила тебя и не отпускает. И видишь в воздухе глаза. У меня тоже есть несколько таких жизней, с которыми я не знаю, что делать. Они невидимыми тенями прицепились ко мне. Я ищу хоть какие-то сведения об этих людях, не для того, чтобы написать о них – никакой практической цели вроде сочинения книг или статей у меня нет, – а из смутного чувства, подсказывающего, что они просят смиренно и тихо, чтобы я их не забыл.

Миша Шамонин, беспризорник тринадцати лет. Он украл две буханки хлеба. Кто-то его на этом поймал и вызвал милицию. Приехал уголовный розыск, забрал Мишу. Расстреливать в СССР можно было с пятнадцати лет, и мальчик, я думаю, это знал и не очень боялся. Ну посадят в камеру, потом отправят в детдом, он опять сбежит... Но следователь очень хотел расстрелять и поэтому исправил дату рождения в документах так, чтобы мальчику было пятнадцать. Из «воронка», едущего по ночной Москве в темное, пустынное, окраинное Бутово, не выпрыгнешь... Так погиб Миша Шамонин. На фотографии, сделанной тюремным фотографом, он в старом пальто с чужого плеча, пальто велико ему на пару размеров. Фамилию следователя не знаю, тем более не знаю фамилию палача, громко рыгнувшего водкой и выстрелившего мальчику в затылок.

Раиса Бочлен, двадцати лет. Девушка с круглым лицом, с круглыми, детскими еще щеками, смотрит в камеру тюремного фотографа со странным, неммыслимым для меня внутренним спокойствием. Сильная, не боится. Родилась в Харбине, куда ее семья бежала из Одессы. Вернулись в СССР, видимо, в 1935 г., тогда была волна возвращения. Арестована в один день с отцом. Может быть, потому с такой мучительной настойчивостью возвращается ко мне лицо этой девушки с распущенными по плечам волосами, что я часто хожу по местам в Москве, где она жила. Малый Спасо-Болвановский переулок – это сейчас 2-й Новокузнецкий. Там, в доме 5, в квартире 3, жили ее отец и брат, отец работал на заводе «Геодезия», брат на строительстве Дворца Советов. А она жила неподалеку, на Пятницкой, в доме, который и сейчас там стоит. Может быть, здесь, в коммуналке на Пятницкой, у нее жил друг или муж, как узнать? Наверняка она бегала в близкий Спасо-Болвановский к папе и брату, по тогдашней советской привычке носила им продукты, которые удалось купить: яйца, курицу... Работала машинисткой в управлении Главморсевпути. Обвинена в шпионаже на Японию. Виновной себя не признала. Ночью вместе с другими ее привезли на Бутовский полигон. Отца расстреляли той же ночью. Брата на полтора месяца позже.

Эти дома, эти улицы помнят ее.

А площадь трех вокзалов помнит Мишу Шамонина.

Кости их смешались во рву с костями других людей. Недожитые жизни, прерванные палачом в коричневом кожаном фартуке и коричневых крагах, жизни, у которых впереди должна была быть любовь, дружба, миллион хлопот, утренний кофе, вечерние застолья с друзьями, институт, работа, очереди в магазинах, поездки в отпуск в Сочи, свидания у Пушкина, игра в волейбол, маленькая дачка в подмосковном лесу, где так хорошо пить чай на веранде.

М. ЭПШТЕЙН

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ПУТЯХ И БЕСПУТЬЕ'

XX век Россия провела под знаком революционной утопии и в значительной мере сумела навязать ее миру. Речь шла о прыжке в царство свободы, о грядущих веках коммунистического изобилия. А в XXI в. произошёл разворот к утопии прошлого, причем тоже – на века, горизонта пока не видно. Окно в Европу, прорубленное Петром, уже закрывается. И если пятилетние планы было принято выполнять за три года, то по скорости движения в прошлое постсоветская Россия уже опередила Советский Союз, за один год одолев три века.

Историческая неприкаянность

Собственно, и та Утопия, на которую страна затратила минувшее столетие, тоже быстро, уже в 1920–1930-е, обратилась в свою противоположность, в крепостническое государство. Теперь этот вектор движения к архаике стал уже сознательной политикой – назад, в Средневековье, в столетия одиночества на отшибе от Европы и Азии. А отсюда уже недалеко и до возвращения к периоду феодальной раздробленности Руси...

Вспоминается «Заблудившийся трамвай» Н. Гумилева (1920 г.) – как метафора страны, заблудившейся в смене эпох:

Мчался он бурей темной, крылатой,

Он заблудился в бездне времен...

Остановите, вагоновожатый,

Остановите сейчас вагон.

Но вагон неудержимо несется в пропасть безнадежно смешавшихся времен, и вот уже в окне мелькает:

Вывеска... кровью налитые буквы

Гласят – зеленная, – знаю, тут

Вместо капусты и вместо брюквы

Мертвые головы продают.

¹ Печатается по изд.: Новая газета. – М., 2015. – 18 февр. Михаил Эпштейн – филолог, культуролог, лингвист.

Похоже, что за истекшее столетие мало что изменилось, и стране по-прежнему все равно куда стремиться, вперед или назад, в будущее или прошлое, лишь бы, ускоряясь туда или сюда, не жить в настоящем, в одном времени с человечеством. Ибо она умеет только выживать – на пределе сил, пребывая в том изнеможении и беспамязтстве, куда, если верить платоновским «Чевенгуру» и «Котловану», завела народ предьдущая утопия.

И сегодня – все та же потребность отгородиться от настоящего, заговорить себя магическими заклинаниями, не важно, какими: «коммунизм» или «наш мир». Коммунизм, несмотря на миллионы жертв, так и остался призраком, каким явился впервые в Коммунистическом манифесте («Призрак бродит по Европе», 1848 г.). Потом этот призрак поселился в России и напитался кровью не только ее, но и почти половины человечества. Теперь в Европу запущен новый призрак под названием «Румир», гораздо более чахлый, но все равно жаждущий крови. По сути, «Новороссия» – еще больший призрак, чем коммунизм, ведь и своя-то территория, «Старороссия», остается неухоженной, невозделанной и кроме даровых недр матери-земли мало какими рукотворными богатствами может похвастаться.

Как князь Всеслав в ночи «волком рыскаше», так Россия мечется по географическим и историческим просторам, от Ивана Грозного до «бессовестного общества», от древней Корсуни до светлого будущего всего человечества, – лишь бы убежать от самой себя, от гнетущей пустоты, раскрывающейся в ее сердцевине. Страна только потому и посягает на чужое, что это вывернутая форма избавления от себя. Ее гораздо больше волнует Америка, Европа, Украина, чем собственная жизнь. Только через воинственное соприкосновение с чужим она начинает ощущать себя, а внутри нее – как будто мертвенность, бесчувствие, безжизние. Разве что внутренний враг, «национал-предатель», чужой среди своих, приятно ее «оживит», став целью скорейшего уничтожения...

Если вырваться вперед не получилось, если безнадежно отстали – рванем назад, в азиатщину, в Московскую Русь, Третий Рим, крепостное право... Опередим всех на путях к «Великой Традиции». Словно история – это игровая площадка, картинг, где легко и весело рулить куда попало. Страна лихо разгоняется то в одном, то в другом направлении. Вместо того чтобы выравниваться, влиться в общее движение цивилизации – рвется туда, куда ее развернуло тормозами и инерцией. Лишь бы убежать от самой себя...

Это и есть то ничто, которое экзистенциальные мыслители, от Кьеркегора до Бердяева, Хайдеггера и Сартра, считали глубинной основой, точнее, бессосновностью бытия. Но для них ничто – это отправная точка, способность взглянуть на бытие извне, помыслить и выразить его. Для России ничто – это точка прибытия, та «вукоебина» (емкое сербское слово –

«глухое место, приволье волкам»), где она, устав от усилий модернизации и по-прежнему исторически неприкаянная, хочет укрыться. Мечется по всем просторам Евразии, то в Афганистан устремится, то в Арктику, ища спасения от какой-то сосущей пустоты. Почему она так безжалостно губит свое – и зарится на чужое, в общем-то не нужное ей? Почему ни в Европе, ни в Азии, нигде, куда приходит Россия, не возникает ничего нового, творческого, радостного, никакой пользы и воодушевления, кроме все той же мертвящей, цементирующей власти и разъедающей ее, но одновременно не разлучной с ней коррупции?

Означает ли это, что мы опять вернулись к Чаадаеву? «Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно. Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет... Весь мир перестраивался заново, у нас же ничего не создалось: мы по-прежнему ютились в своих лачугах из бревен и соломы... Я не перестаю удивляться этой пустоте, этой удивительной оторванности нашего социального бытия» (1829).

Неужели этим отрывом от человечества и суждено завершиться тысячелетним приключением российского духа? Сейчас политика перестает быть только политикой, поскольку задевает уже метафизический нерв существования страны, тот, где коренятся начальные и последние смыслы: куда, зачем? И всякий человек, причастный к России, ее культуре и языку, чувствует какой-то внутренний обвал, голос небытия, заклинаящий то голосом В. Высоцкого: «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!.. Хоть немного еще постою на краю», – то голосом А. Белого: «Довольно: не жди, не надейся – Рассейся – мой бедный народ!.. Исчезни в пространстве, исчезни, Россия, Россия моя!»

Гнуться не ломаясь?

Можно ли долго гнуться, не ломаясь? Есть ли мера изнашиваемости у исторического материала, который постоянно растягивается в разные стороны, испытывается на краях, загибается то в архаику, то в прогресс, то в анархию, то в диктатуру, разгибается и вновь складывается по тем же самым швам? Еще один сгиб – и произойдет разрыв: обветшавшая историческая субстанция просто не выдержит таких многократных разнонаправленных деформаций.

Эта гибкость, если не сказать, развинченность внутреннего стержня, была свойственна и крупнейшим представителям российской культуры, которые постоянно бросались из крайности в крайность, изменяя себе, сжигая то, чему поклонялись, и поклоняясь тому, что сжигали.

Петр Чаадаев был одновременно отцом и западничества, и славянофильства: в своей «Апологии сумасшедшего» он переворачивает смысл

первого «Философического письма» и превозносит как залог грядущего величия России ничтожество ее прошедшего и настоящего.

Николай Гоголь вытравляет из себя художественный дар и «кошунственный» смех и сжигает свой заветный труд, второй том «Мертвых душ».

Виссарион Белинский отрекается от своего гегельянского примирения с действительностью и готов «по-маратовски», огнем и мечом истребить одну часть человечества ради счастья другой.

Федор Достоевский устами одного героя тончайше глумится над своими же идеалами, провозглашенными другим, и наделяет одинаковой силой голоса «за» и «против».

Лев Толстой отрекается от своих величайших художественных творений ради крестьянской правды и прощения.

Владимир Соловьев в своей предсмертной «Повести об Антихристе» выставляет в ироническом и демоническом виде те заветные идеи, которым посвятил свою жизнь пророка-мыслителя: всеединство, универсализм, экуменизм, теократию, объединение церквей.

Василий Розанов совмещает в себя юдофила и юдофоба, ревностно выступает и за правых, и за левых, борется с христианством и умирает причастником Христовых тайн.

Александр Блок, рыцарь Прекрасной Дамы и Вечной Женственности, карнавалом представляет ее в образе блудницы в «Балаганчике» и «Незнакомке».

Владимир Маяковский, поэт космически-трагедийный и мистериальный, в послереволюционные годы отдает себя на службу государственной пропаганде и «наступает на горло собственной песне».

Андрей Платонов, утопист, коммунист, технофил, создает глубочайшую антиутопию социалистического общества – царства пустоты и смерти.

Даниил Андреев проповедует как религиозный идеал универсальное государство-церковь – Розу Мира, которое прокладывает путь Антихристу.

Русским писателям и мыслителям был в высшей степени свойствен жест сознательной или бессознательной иронии, опрокидывающей то, что создавалось десятилетиями напряженного труда, – решительность самоотрицания. Возможен путь органического роста, когда писатель, переходя из возраста в возраст, встает как бы на плечи самому себе – и поднимается все выше (перефразируя Ньютона, который говорил о своих предшественниках, – но мы и сами свои предшественники в разных возрастах). А можно себя прежнего – опрокинуть, отчего величины не складываются, а вычитаются. Вот и Россия постоянно вычитает из себя разные стадии своего прошлого, даже когда пытается вернуться к давно прошедшему.

Таков знаковый код русской культуры: он включает в себя постоянную смену плюса на минус и минуса на плюс. Недавние интернационалисты разоблачаются как космополиты, великодержавные шовинисты чувствуются как патриоты. Революция в России – не рыбок вперед, не однократное событие, а шарнир, на котором постоянно все крутится. Такая крутизна, «выкрутасность», все шире и опаснее раскручивает страну во все стороны, и это безразличие масштаба к векторам есть самое печальное и саморазрушительное в ее истории. По мысли Дмитрия Быкова, в России масштаб важнее векторов. Можно согласиться, но это повод для глубокой скорби, а не воодушевления. Самое трагическое – безвекторная масштабность, можно даже сказать, масштаб безвекторности, отчего страна и вертится по-хлыстовски на историческом беспутье. «Неподвижный странник», как ее иногда называют. Она поворачивает куда угодно, лишь бы дойти до края, убедиться в бесплодности очередного поворота – и развернуться в противоположную сторону.

Гротескность социальных структур

Неизвестно, что будет нам исторически ближе в следующий момент: полет на Марс или поход на половцев, новейший «айпад» или орднское «айда».

Повесть Владимира Сорокина «День опричника», как оказалось, не шарж, а хроника ближайшего будущего, точнее, уже настоящего, в котором наспех заимствованная у Запада техника сплетается с наследием тягчайшего деспотизма. Первая фраза: «Моё мобило блудит меня: удар кнута – вскрик». Действие происходит в России 2027 года, отгороженной от остального мира Великой Русской Стеной. В стране восстановлено самодержавие, процветают ксенофобия, лубочно-квасной патриотизм и всевластие карательных органов, а единственными источниками дохода ничего не производящей страны являются продажа природного газа и поборы с транзита китайских товаров в Европу. Подборка новостей как будто взята из нынешних газет. «Дальневосточная Труба так и будет перекрыта до челобитной от японцев, китайцы расширяют поселения в Красноярске и Новосибирске, суд над менялами из Уральского казначейства продолжается, татары строят к Юбилею Государя умный дворец, мозгляки из Лекарской академии завершают работы над геном старения, Муромские гусяры дадут два концерта в Белокаменной, граф Трифон Багратионович Голицын побил свою молодую жену, в январе в Свято-Петрограде на Сенной пороть не будут, рубль к юаню укрепился еще на полкопейки».

Все это кажется гротеском, но в данном случае – это не художественный прием, а причуда самой реальности, где накладываются, не перемешиваясь, отдаленные пласты времени. Повесть, вышедшая в 2006 г.,

намного опередила свой собственный хронологический расчет: понадобилось всего 8 лет, а не 21 год, как в книге, чтобы гротеск стал восприниматься как репортаж.

К этим переходным структурам, возникающим в процессе ускоренной архаизации российского общества, можно отнести удачный термин Григория Померанца: «гротескность социальных структур». Это обнаружилось еще в 1990-е годы, когда страна переживала ускоренную модернизацию: к тоталитарному телу, в котором бьется идеологически пылающее сердце, приставляется демократически мыслящая голова. Тем более гротескна эта реальность сегодня, когда в общество XXI в. встраиваются культы и фетиши допетровской Руси. Когда-нибудь в будущем, по мере «обустройства» России, гротескность, возможно, сгладится и возникнут более строгие, одномерные модели. Но было бы не простительным для исследователя упустить этот момент «вселенской смази», каламбурного смещения знаков и пренебречь гротеском как методом адекватного описания возникающей эклектической культуры: посткоммунистической, полукапиталистической, полуфеодальной, средневековой.

Мост или пропасть?

В своей «Русской идее» (1946) Бердяев выделил пять эпох русской истории: «Есть Россия киевская, Россия времен татарского ига, Россия московская, Россия петровская и Россия советская. И возможно, что будет еще новая Россия. Развитие России было катастрофическим».

За последние десятилетия к перечисленным пяти Россиям успели прибавиться еще две: Россия постсоветская (демократическая, капиталистическая, рыночная, либеральная, взошедшая при Горбачеве и Ельцине) и Россия... здесь разброс возможных терминов еще шире: евразийская, или фундаменталистская, или антизападная, или изоляционистская, или автаркия, или чучхерия (от корейского «чучхе», самобытность), или Новомосковия (отгородившаяся от Запада, подобно Руси допетровской). Если Россия постсоветская на протяжении четверти века пыталась совершить скачок модернизации, то Россия евразийская за несколько месяцев совершила прыжок на несколько веков назад, в свое доевропейское прошлое.

Одновременно это и географический кульбит: Россия повернулась лицом к Востоку. Но к какому? Еще остается в силе вопрос философа-поэта Вл. Соловьёва, обращенный к родине: «Каким ты хочешь быть Востоком: Востоком Ксеркса или Христа?» Несмотря на усиление церковного фундаментализма, действующего от имени Христа, ответ уже, кажется, дан – в пользу Ксеркса. Точнее, Ксеркса в обличье Христа – самая жуткая подделка, какую только можно вообразить.

Россия традиционно представлялась особой цивилизацией, которая соединяет Европу и Азию, но не принадлежит ни той, ни другой. Ее миссия – цивилизовать Азию, служить форпостом Запада на Востоке. Но какую же Азию теперь способна окультурить Россия? Японию? Китай? Южную Корею? Индию? От всей той «дикой Азии», которую, в воззрениях Вл. Соловьёва и его последователей, была призвана цивилизовать Россия, осталась разве что Северная Корея. Да еще ряд малонаселенных среднеазиатских стран (впрочем, и среди них большинство не пожелало примкнуть к «евразийскому» союзу). К нашему времени оказалось, что России некого цивилизовать, кроме самой себя. Уровень ее промышленности, науки и техники, медицины, экономических и политических свобод упал ниже и европейского, и азиатского. И теперь страна воспринимается не как мост между Европой и Азией, а как огромная расщелина или пропасть, над которой Западной Европе и Восточной Азии, все теснее смыкаясь, придется когда-нибудь самим наводить мосты, заполнять впадину своих цивилизаций пустеющий промежуток.

Историческая аритмия

У Владимира Сорокина представлены не просто отдельные анахронизмы. «День опричника» – это, по сути, целый век или даже тысячелетие «опричины»: кромешной жизни невопложденной с миром, анахронический модус бытия страны, которая никак не может решить, в каком времени ей жить. Есть такой странный недуг – «хронопатия», патология в восприятии времени, нарушение связей между его объективным и субъективным ходом. Хронопат вечна опаздывает, не в состоянии уложиться в заданные сроки, потом подгоняет себя, его лихорадит, он развивает бешеные темпы, которые расшатывают его нервы и погружают в долгую прострацию. Применительно к странам и народам это можно назвать исторической аритмией. Российская история, состоящая сплошь из взрывов и застоев, – классический случай такой аритмии.

Эта историческая аритмия учащается с каждой эпохой. Если для перехода от советского к постсоветскому понадобилось шесть лет перестройки, то для скачка из мирового пространства в Новомосковию – всего месяц: март 2014-го, когда Россия бросила вызов Западу.

Эта расшатанность, раздерганность исторической походки может, конечно, сойти за широту души и рассматриваться нераздельно с географическим простором. «Ровнем-гладнем разметнулась на полсвета» (Н. Гоголь, «Мертвые души»). В системе облагораживающих понятий эта «разметность» – своего рода эластичность, топологическое выворачивание исторического пространства, многообразие политических режимов при сохранении неизменной оси вращения. Россия пробует себя в разных ис-

торических формациях: от анархии до тоталитаризма, от застоя до смуты, от революции до консервации, от рабовладения до капитализма, от коммунизма до фашизма. Но ей не столь важна природа и сущность данного социального строя, сколько сам момент пробы, погони за своим ускользающим «Я». Россия познает себя через отрицание всего того, что раньше о себе узнала и чем себя определила. Отсюда не только географическая, но и историческая обширность страны при отсутствии явно выраженного прогресса, поступательного движения. Это скорее вращение вокруг своей оси, перебирание и отбрасывание разных моделей. Никакие социальная форма и религиозная идентичность не пригодны для такого великопустотного существования, которое прокладывает путь из ниоткуда – через все – в никуда. Россия – самая большая страна не только по территории, но и по исторической вместимости. Она не столько двигалась вперед во времени, сколько испытывала все новые и новые варианты своей исторической участи.

Эту способность цивилизации сохранять свои основные свойства, проходя через многочисленные, диаметрально направленные формации и деформации, можно назвать историопластикой. Прогрессивность и пластичность – разные характеристики исторического движения: первое определяет меру развития, второе – размах колебаний.

Но очевидно, что размах этот не беспределен, – и на очередном круглом вираже разогнавшуюся тройку может выбросить на историческую обочину, мимо которой бодро шествуют другие народы и государства.

С. СМИРНОВ

***ТОЛЬКО СПОКОЙСТВИЕ, ИЛИ ПОЧЕМУ ВЛАСТИ
НЕ СТОИТ ВОЛНОВАТЬСЯ¹***

Когда почти пять лет назад бурлила, возмущенная грязными выборами белоленточная Москва, настроен я был печально и пессимистично. Потому как понимал, как и большинство тех, кого считаю своими единомышленниками: шансы на победу парламентскими методами неотличимы от нуля. Перетрусившая власть испугалась не этого: она тоже прекрасно понимала, что изменить оппозиции ничего не удастся, а ее борьба с фальсификатом обречена лишь на микроуспехи – ну парочку-тройку наиболее рьяных адептов существующего режима можно образцово посесть, но никак не на глобальный успех – реструктуризацию Государственной думы.

Власть испугалась отчего-то российской «цветной» революции, а спустя два года, когда протестное движение фактически сошло на нет, – российского «майдана». У страха глаза велики: ничего подобного нынешнему режиму пока не грозит, а пугаются наши власти призрака. Вспоминная, что риск непарламентского переворота материализовался в 1917-м с отрицательными для страны последствиями и в 1991-м, давшим, увы, не реализованный пока шанс на нормальное развитие России.

Однако, страшась и пугаясь, власть не видит коренного отличия современной ситуации от предшествовавших тем двум переворотам. А ключевой, по уроженцу Трира, – конечно, вопрос о собственности. Но вот по моему, уроженца Москвы, мнению, речь идет не о «заводах, затоках и пароходах» и не о доходных домах, а о вполне конкретном имуществе, которыми обросли многие российские домохозяйства за последние четверть века. Индивидуальные предприниматели с их средствами производства, владельцы квартир, автомобилей, дачных домов, вкладов – тех активов, которыми их владельцы могут распоряжаться по своему усмотрению без каких-либо существенных ограничений.

Но при этом в анамнезе – сворачивание нэпа, раскулачивание, перевод первых кооперативных домов конца 1920-х годов в государственную

¹ Печатается по изд.: Новая газета. – М., 2016. – 31 окт. Сергей Смирнов – доктор экономических наук.

собственность, естественно, без возвращения паев, раскулачивание, неоднократные денежные реформы, – стоит ли продолжать? Боязнь повторений экспроприаций, какой бы словесной мишурой они ни были обсыпаны, заставляет собственников поддерживать ту власть, которая не покушается на их имущество. Вот это первично. А геополитика, идеология, свара со всем миром – все это вторично, но дополняет, порой удачно, собственную гордость гражданина: государство мало того, что не покушается на мою собственность, так еще и показывает кузькину мать «нерусскому миру».

В 1991-м первый российский президент и правительство реформ о таком ядре политической стабильности могли лишь мечтать. И к октябрю 1993-го не сложилось. А вот в начале 2000-х стала складываться социальная опора нынешнего режима. Ну вот, например, в 1990 г. в собственности граждан находилось всего 26,4% жилого фонда России (в городах существенно меньше, а именно 15,1%). В 2000 г. она достигла 58,1%. В этот же период доля жилья, находившегося в государственной и муниципальной собственности, снизилась с 68,1 до 32,9%. Но окончательное закрепление отношений собственности в жилищной сфере произошло в следующее десятилетие. В 2012 г. доля жилья в собственности граждан составила уже 83,5%, а в государственной и муниципальной – всего 12,8%. Величина под риском для населения – около 2,8 млрд квадратных метров, или, при средней стоимости квадратного метра 50 тыс. руб., – 140 трлн рублей. Имеет смысл затаиться и не злить власть.

Автомобили опять же. Входили в рыночную эпоху с 59 собственными легковыми автомобилями в расчете на тысячу жителей, в начале путинской эпохи (2000) их число возросло до 132, а вот в 2014 г. их было уже более 283. Имеет смысл затаиться и не злить власть.

Или вот вклады населения в кредитных учреждениях. Да, за первый геополитично-кризисный 2014 г. при падении реальных располагаемых денежных доходов населения на 1% вклады населения в кредитных учреждениях, скорректированные на индекс потребительских цен, увеличились на 1,7%. В 2015 г. в реальном исчислении они сократились на 5,3%, увеличившись при этом в абсолютных размерах до 23,2 трлн рублей. Имеет смысл затаиться и не злить власть.

Во всех этих случаях цена возможных потерь для собственников слишком велика. И потому большинство будет и дальше поддерживать существующую власть, которая гарантирует абсолютному большинству нерушимость прав собственности. В пределах разумного, конечно, но ведь отжатие бизнеса, неформальные практики его ведения затрагивают абсолютное меньшинство россиян. По барабану небизнесменам, а таковых большинство. Равно как и наезды на несогласных с политикой нынешней власти по барабану молчащим, ибо за ними собственность. А ведь неизвестно, что учинят оппозиционеры, придя к власти. Вспоминая почти

классика, есть опасность, что победитель «на обломках самовластья вновь химеру возведет».

В нынешней ситуации есть, однако, и бесспорные плюсы: маргинальные идеи того же Глазьева насчет мягких вариантов запрета валюты имеют мало шансов быть реализованными. Ибо зачем злить средний класс?

Хотел бы оказаться плохим прогнозистом, но подозреваю, что сложившаяся ситуация – всерьез и надолго.

Б. ГРОЗОВСКИЙ

НЕУСТОЙЧИВЫЙ ДОГОВОР¹

Одиннадцать лет назад Александр Аузан сформулировал суть общественного договора начала 2000-х годов. Деловые, интеллектуальные и региональные элиты и население в обмен на рост доходов, стабильность и порядок без сопротивления расстались с политическими и гражданскими правами. Государство забрало свободу слова, право выбирать и возможность влиять на политику в качестве платы за выполнение функций, которыми оно пренебрегало в 1990-е. Главные из них – роль арбитра и автора правил игры в бизнес-спорах, поддержание бюджетной сферы, повышение пенсий до совместимого с жизнью уровня, развитие инфраструктуры, самостоятельное и вызывающее уважение у простого народа поведение на мировой арене.

В процессе утверждения этого социального контракта к государству впервые со времен позднего СССР вернулась возможность наделять правами большие группы людей и отбирать у них эти права (ликвидация выборов губернаторов и накопительных пенсионных прав для среднего возраста). После десятилетия, когда никто ничего не ждал от государства и рассчитывал только на себя, вверху и внизу социальной пирамиды восстановились перераспределительные настроения – поведение, направленное на захват рентных потоков. Наоборот, развитие горизонтальных социальных связей – с опорой на механизм репутаций, доверие внутри групп и между ними, частную благотворительность, волонтерство и т.д. – было на годы задержано. Развитие негосударственных механизмов решения проблем в разных сферах – от поиска пропавших людей и борьбы с пожарами до помощи детям и старикам – замедлилось, и когда общество наконец начало справляться с трудностями самоорганизации, таким проектам пришлось встраиваться уже в новую политическую систему, в которой не было воздуха.

На протяжении всех 2000-х элиты и средний класс демонстрировали поразительное равнодушие к общему благу. В основном потому, что за-

¹ Печатается по изд.: Независимая газета. – М., 2016. – 18 янв. – С. 6–7. Борис Грозовский – журналист, экономический обозреватель.

нимались личными благами. Когда к концу 2000-х рост экономики стал выдыхаться, общественный договор чуть изменился: «стабильность и социальные гарантии в обмен на лояльность».

Умирал этот контракт долго, мучительно и незаметно. На это работали спектакль с конкуренцией «преемников», Иванова и Медведева; имитационная медведевская «модернизация», кризис-2009, накопившаяся к концу десятилетия усталость от Путина. Важные факторы – постепенный рост госэкономики и коррупции, потеря страха «кошмарными бизнес» силовиками, девальвация пенсионной реформы, откровенно издевательское обращение власти с поднимавшей голову оппозицией. Все это вылилось в протестное движение 2011–2012 гг.

В тот момент Путин понял, что средний класс, значительная часть городского населения готовится отобрать у него «ярлык на княжение». После заигрываний с «креативным классом» политический режим наконец осознал, кто его настоящие враги, а кто друзья. Непосредственным ответом на это «предательство» стали: 1) точечные репрессии; 2) взятый курс на сворачивание свободы СМИ; 3) усиление работы с группами поддержки режима. Но все это не было настоящим асимметричным ответом, который вбил бы клин между городским классом и основной частью электората. Таким ответом стали Крым и Донбасс.

Тем самым старый, переставший удовлетворять интеллектуальную элиту контракт был заменен новым. Конструкция его оказалась такой, что «оппозиции» в нем больше места не было – с ней просто перестали разговаривать. К весне 2014 г. государство предложило в обмен на лояльность уже не рост благосостояния, а чувство – ощущение принадлежности к встающей с колен великой державе. Это очень сильная эмоция, и в ответ государство теперь требует от населения не только лояльности, но и готовности к самоограничению.

Проблема с этой эмоцией известна: она нуждается в постоянной подпитке экстраординарными достижениями. К концу 2015 г. радость за молниеносно присвоенный Крым начала потихоньку испаряться. А сирийская операция, хоть и вызывает рост гордости армией и внешнеполитическими успехами, все же производит на отечественных телезрителей меньшее впечатление, чем на иностранных. Возможно, потому, что рейтинг международных антипатий российского электората неустойчив. То в нем на первом месте был Китай – ввиду страха за территории. То США и Европа, с которыми у нас «цивилизационный конфликт» на почве «традиционных ценностей». Но и к агрессивным исламистам, в том числе из своей страны, россияне тоже не имеют причин испытывать добрые чувства. Результат: слишком много врагов, внимание расплывается, удовольствие от бомбежек и обстрелов выходит «смазанным».

Между тем холодильник, в 2014-м вчистую проигравший эпическую битву телевизору, отвоевывал малую часть утраченных позиций. Но и это ощутимо. Ухудшающийся в силу бюджетной экономии доступ к медицинским услугам, инфляция и снижение реальных доходов населения, девальвация рубля, платные парковки и сбор с дальнобойщиков, растущее ощущение отсутствия экономической перспективы и неизбежности повышения налогов – все это разнородные явления, которые играют вдолгую, накапливаются постепенно, но неумолимо. Новый Крым (подвиги на постсоветском пространстве с минимальными потерями) и/или обострение конфронтации с США и Европой (Турция в роли врага номер один – это недостаточно амбициозно) могли бы отправить холодильник в новый нокаут. Но Путин, наоборот, ищет замирения с Западом при возможности сохранить лицо и продолжать держать Украину на крючке через полуразрушенный Донбасс.

Что дальше? Видны две возможные траектории. Первый, скучный сценарий – долгое и медленное угасание нынешнего политического режима. Что-то вроде последнего десятилетия СССР. Это может даже когда-нибудь закончиться ускорением и последующей перестройкой – например, с Алексеем Кудриным в роли идеолога перестройки Александра Яковлева и Алексеем Навальным, совмещающим антикоррупционную роль Тельмана Гдяна с идеологической Андрея Сахарова и политической Бориса Ельцина. Это скучный, относительно спокойный и некреативный сценарий – такой же, как вторая половина 1970-х – первая половина 1980-х. Понемногу нарастает усталость от стареющего политбюро, растет разрыв между официальной риторикой и тем, что обсуждают люди в курилках и на кухнях.

В этом сценарии обществу не предлагается новый социальный контракт. «Величие страны» постепенно тускнеет, ненависть врагов России все более лютая, экономика плавно тонет, не вписываясь в мир, где углеводородное топливо выходит из моды. Чем еще, кроме «вставания с колен», может власть облагодетельствовать общество – непонятно. В отсутствие нового контракта стороны продолжают выполнять изрядно надоевший старый. Больше всего это похоже на тоскливый второй-третий десяток лет совместной жизни супругов – в случае, когда страсти и нежности давно нет. Прожитые годы делают пару почти безальтернативной – разойтись с властью обществу с каждым годом сложнее: 1) есть общие ценности – даже отчаянно ссорясь, супруги успевают полюбить одно и то же, сходным образом выстроить приоритеты, у них общие друзья и враги, надежды и страхи; 2) скрытая неуверенность в своей привлекательности («кому еще я такой нужен»); 3) удобство (новому партнеру придется объяснять, как именно готовить борщ и какие цветы вызывают аллергию) и проч. Стареющие супруги оказываются намертво привязаны друг к дру-

гу привычкой, узким кругозором, неготовностью резко менять жизнь и незнанием, как это делать.

Политические аналоги описанного выше психологического комплекса в полной мере присутствуют в широких кругах электората: 1) «все воруют, все политики одинаковы» («мой пьет/туп/стар/уныл/изменяет, но все они такие»); 2) «от меня ничего не зависит, решают наверху»; 3) «никому нельзя доверять, вокруг одни враги» («у всех свои интересы, а мой хотя бы защищает меня от хулиганов») и т.д. В основе этого комплекса глубочайшее неверие в свои силы и разрушенный социальный капитал, готовности с координацией усилий, страх. В ближайшие годы люди будут готовы отстаивать свои личные права, если государство их ущемляет. Но координация разных социальных групп или политические требования – это, как видно на примере дальнобойщиков, чересчур. Дальнобойщики за Крым, но против того, чтобы платить «Платону»; Путин за «Платон»; поэтому заплатить придется, но поменьше – примерно так будет начинаться и заканчиваться большинство «отраслевых» социальных протестов. Бастовавшие (осенью 2014 г.) врачи дальнобойщикам не товарищи, и наоборот. При этом политические и гражданские права широко принимаемой ценностью не являются – как максимум, защита от государства личных интересов.

Общественный договор, основанный на воспоминании о прежнем договоре, когда-то удовлетворявшем большинство, – слабый и неустойчивый. Он действует ровно до тех пор, пока не появился новый игрок, способный предложить обществу контракт, устраивающий его больше. С другой стороны, обществу будет крайне сложно поверить, что этот новый игрок или сила не обманут и смогут выполнить свои обещания.

Если угроза со стороны оппозиции будет усиливаться, власти придется прибегнуть ко второму сценарию. Продемонстрированный впервые в Грузии в 2008-м, опробованный на Крыме, Донбассе и Сирии, российский политический креатив может ведь на этом не останавливаться. Новая внешнеполитическая задумка, убедительные победы над внешним и внутренним врагом – отличное средство, которое позволит режиму расцветивать проторенную колею старения и угасания яркими всполохами. Яркие победы надо продемонстрировать и к выборам в Госдуму 2016 г., и особенно в 2017 г., к выборам президента. В этом сценарии жизнь нашего политического режима будет короче, но значительно ярче и разнообразнее, чем в первом. О конкретном содержании этого сценарии лучше не думать – чтобы не расстраиваться, да и угадать невозможно: решения принимаются ситуативно. С ресурсами на запоминающиеся зрелища проблем в 2016–2017 гг. не будет, сколько бы ни стоила нефть. На хорошее шоу денег не жалко – они окупаются в президентских рейтингах.

Только сейчас становится понятно, что главный результат конца СССР – колоссальная ценностная воронка, в которую попало российское общество. Выбраться из нее очень сложно, особенно когда государство своими интервенциями в систему образования затаскивает в эту воронку подрастающие поколения. Имунитета против ТВ-пропаганды у них нет, и многие верят в коварные козни Вашингтона, разрушающие наше могущество. К моменту, когда откроется возможность реальной трансформации системы, многие современные рассуждения, к сожалению, окажутся бесполезны. Они будут так же далеки от деятелей «новой перестройки», как записанные в 1920–1930-х годах мысли Семена Франка, Георгия Федотова, Петра Струве или Федора Степуна от мыслей Хрущева и его соратников – первых, кому выпала возможность поквитаться со Сталиным. Изыскания Чайнова, Гершенкрона или Леонтьева не давали никаких аргументов Косыгину. Когда будет можно, все придется начинать сначала – с нуля, направляя лучи просвещения на руины варварства и чудовищного ценностного разрыва между Россией и современными обществами.

М. КРАСИЛЬНИКОВА

БЕДНЫХ У НАС – ДВЕ ТРЕТИ СТРАНЫ¹

Россияне тратят более половины доходов на еду – и готовы дальше затягивать пояса. По данным свежего исследования Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, впервые за восемь лет доля расходов на продовольственные товары в структуре потребительских расходов россиян превысила 50%. Страна беднеет, и это отражает статистика.

– Год назад россияне смотрели в будущее с определенным оптимизмом. Сегодня люди окончательно перестали верить в скорый выход из кризиса?

– Особого оптимизма не было никогда, была некоторая привычка к тому, что доходы постоянно растут. За последние 15 лет экономические кризисы каждый раз сменялись достаточно быстрым восстановительным ростом. Все ругали инфляцию, называли рост цен самой большой проблемой, но тем не менее всегда понимали, что и доходы тоже немного вырастут. В этом режиме мы и привыкли существовать – никто не был готов к ежемесячному снижению доходов, которое происходило на протяжении 2015 г. и продолжается до сих пор. В этом смысле именно прошлый год оказался для россиян этапным моментом: стало окончательно ясно, что на этот раз быстрого восстановления не будет. Россияне поняли, что говорить о выходе из кризиса не придется еще как минимум два года.

Поэтому люди стали менять свое потребительское поведение и привычки. Российский потребитель и раньше никогда не строил долгосрочные планы: например, в 2008 г. треть населения (36%) говорила о том, что «обычно не строит планы на будущее», и еще почти столько же (33%) не загадывали больше чем на год-два. Сейчас этот горизонт сузился еще больше: только каждый пятый строит планы более чем на один год вперед. Люди стали экономить на том, что свободно покупали на протяжении последних 10 лет. И экономить не для того, чтобы делать сбережения, а просто потому, что нет денег. Начался переход на дешевый ассортимент: если

¹ Печатается по изд.: Новая газета. – М., 2016. – 20 апр. Интервью Марины Красильниковой, руководителя отдела изучения потребления и уровня жизни Левада-центра, «Новой газете».

раньше люди интересовались качеством, брендом, то теперь закрепились ориентация на минимальную цену. То, что мы увидели в данных об изучении потребительского поведения за прошлый год, стало общим местом и даже обрело название: «новая реальность». После 15 лет уверенности в непрерывном экономическом росте наступило понимание того, что переждать не получится – надо привыкать к тому, что есть.

– Как сильно средний российский потребитель успел разбогатеть за годы пикового роста доходов?

– Экономический рост в нулевых годах позволил существенно увеличить доходы во всех слоях населения, но при этом произошло достаточно мало структурных изменений в моделях потребления. Большинство россиян (от 2/3 до 3/4) – это по-прежнему общество бедных людей. Не в смысле, что им есть ничего, а в плане структуры потребительских расходов и ожиданий. Ведь что является признаком бедного потребителя? Все доходы тратятся на текущие расходы, т.е. на то, от чего ты не можешь отказаться, вроде продуктов питания. При этом у людей нет возможности сформировать достаточно сбережений, чтобы решать более дорогостоящие семейные задачи: жилье, образование, медицинское обеспечение.

Растущие денежные доходы тратились на текущее потребление: на питание и одежду. Наблюдалось даже «избыточное» потребление по этим статьям, когда люди тратили прирастающие доходы на привычные статьи расходов, но не расширяли спектр потребностей, не разнообразили потребительские расходы... Получил лишние деньги – купил красивую одежду или вкусно покушал, утвердив тем самым свой социальный статус успешного человека. Еще одной моделью демонстративного потребления для наиболее обеспеченных массовых слоев населения стал зарубежный отдых, на самом деле довольно недорогой: Турция и Египет. Все это относится к текущему потреблению, а не к развитию человеческого капитала. Это поведение бедного населения. И сейчас, когда доходы стали массово снижаться, уменьшаются траты на еду, одежду, отдых. Но нельзя сказать, что люди стали голодать или что им нечего носить.

На самом деле люди ушли из бутиков, в которые они со своим уровнем доходов и не должны были попасть. И в этом смысле абсолютное снижение реальных доходов до настоящего момента оказалось не так социально травматично, как можно было ожидать. Происходит отказ от тех видов потребления, которые были несколько «избыточными» и не очень закрепились как норма. Сейчас этот «жирок» уже практически исчерпан, а вот что будет дальше – я бы не бралась загадывать.

– Иными словами, за нулевые годы мы ушли от абсолютной бедности, но так и не перешли к новой модели потребления?

– Да, мы победили абсолютную бедность, но не ушли от бедного сознания. За все это время не выработалась модель поведения, представ-

ление о том, что лучше накопить ресурсы на жилье или дать своим детям образование, чем по привычке тратить все деньги на еду и одежду. Есть бедное сознание и привычка тратить на текущие расходы: на жилье все равно никогда не заработаешь, а социальный статус как-то надо обозначить. А статус демонстрируется через текущее потребление только в бедных обществах. В более обеспеченном обществе он демонстрируется, например, через жилье. При этом ты можешь быть скромно одет, экономить на одежде абсолютно не стыдно.

В Левада-центре есть шкалы субъективной оценки материального статуса – не в рублях, а на основании того, что человек может себе позволить. К началу этого тысячелетия 28% говорили, что едва сводят концы с концами, а сейчас таких – только 3%, и за последние полтора года их число не увеличилось. Без труда покупать товары длительного пользования в начале 2000-х могли около 4%, два года назад – примерно 33%, а за последний год эта цифра сократилась до 25%. То есть падение реальных денежных доходов привело к снижению числа людей, которые чувствуют себя финансово свободными, но абсолютная бедность не нарастает.

– Но по структуре потребления получается, что за чертой бедности находится большая часть страны.

– Да, в смысле бедного потребительского горизонта примерно 2/3 россиян – бедные. Конечно, бедность – это всегда относительная характеристика, даже в бедном обществе бедными признается некое меньшинство. Сейчас, по нашим оценкам, 29% являются бедными по субъективным оценкам. Но сами разговоры про средний класс меня всегда очень настораживали: они плохо объясняют поведение российского потребителя. Даже в нулевые годы оно лучше всего объяснялось именно моделью бедности. Говорили: смотрите, сколько у нас дорогих магазинов, с каким удовольствием люди скупают одежду. Потому и скупают, что вместо того, чтобы копить и потом покупать жилье или тратить деньги на образование, они покупают одежду, которую в других обществах и моделях потребления могут позволить себе только люди гораздо более обеспеченные. Среднестатистическому представителю среднего класса Франции или Дании и в голову не придет тратить деньги на покупку платья от Escada.

– Корни этого «бедного сознания» уходят еще в советское прошлое?

– Да, в Советский Союз. Потребительский рынок существовал там только для питания и одежды. Остальные блага – жилье, здравоохранение, образование – поступали по другим каналам: либо бесплатно, либо через систему «блата». Соответственно, у российского потребителя не было навыков решения этих проблем: семья не несла ответственности за жилье, за здоровье детей – все это было выведено за пределы денежных расходов домохозяйства, поэтому и соответствующей потребительской модели не

возникло. Это не значит, что советское общество было бедным – просто в терминах рыночных отношений потребительское поведение людей было таким.

– Если попытаться резюмировать ваш прогноз о благосостоянии россиян, то он будет выглядеть так: нищета нам пока не грозит, но все больше людей будут попадать в ловушку текущего потребления?

– Взят курс на формирование широких слоев населения, живущих в «достойной бедности». Такие люди не голодают, но способны обеспечить только свои текущие нужды, и в этом смысле полностью зависимы от государства. Идея патернализма на этой почве очень хорошо приживается и будет культивироваться. Я очень надеюсь, что до крайней бедности дело не дойдет. Но самое плохое заключается в том, что не происходит прорыва за пределы этой «достойной бедности» – это очень сильный тормоз на пути изменения общественного сознания. Это лишает людей возможности свободного выбора в сфере потребления и еще больше ограничивает навыки свободного поведения россиян, делает людей зависимыми и безынициативными.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барсукова Светлана Юрьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Большакова Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, заведующий сектором истории России Отдела истории ИНИОН РАН.

Буддаков Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Глебова Ирина Игоревна – доктор политических наук, руководитель Центра россиеведения ИНИОН РАН.

Данилевский Игорь Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Донгаров Александр Герасимович – дипломат, историк.

Каменский Александр Борисович – доктор исторических наук, профессор, руководитель школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Краснов Михаил Александрович – доктор юридических наук, ординарный профессор, заведующий кафедрой конституционного и административного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Лукьянова Елена Анатольевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Макаренко Виктор Павлович – доктор философских наук, доктор политических наук, профессор, директор Центра политической концептологии, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии факультета социологии и политологии ЮФУ.

Пастухов Владимир Борисович – доктор политических наук, доктор юридических наук, профессор колледжа Святого Антония Оксфордского университета.

Пивоваров Юрий Сергеевич – академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН.

Шаблинский Илья Георгиевич – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Шейнис Виктор Леонидович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН.

Труды по россиеведению
Выпуск 6

Художник обложки И.А. Михеев

Компьютерный набор Л.К. Исаева

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова

Корректор В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение
№77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999г.

Подписано к печати 28/XI – 2016 г.

Формат 60×84/16 Бум.офсетная № 1

Печать офсетная Цена свободная

Усл.печ.л. 29,5 Уч.-изд.л. 28,9

Тираж 950 экз. Заказ № 188

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:
E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9